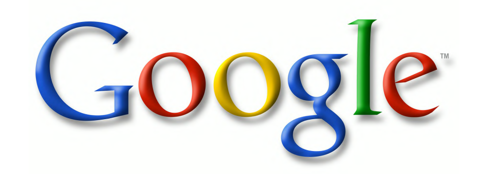
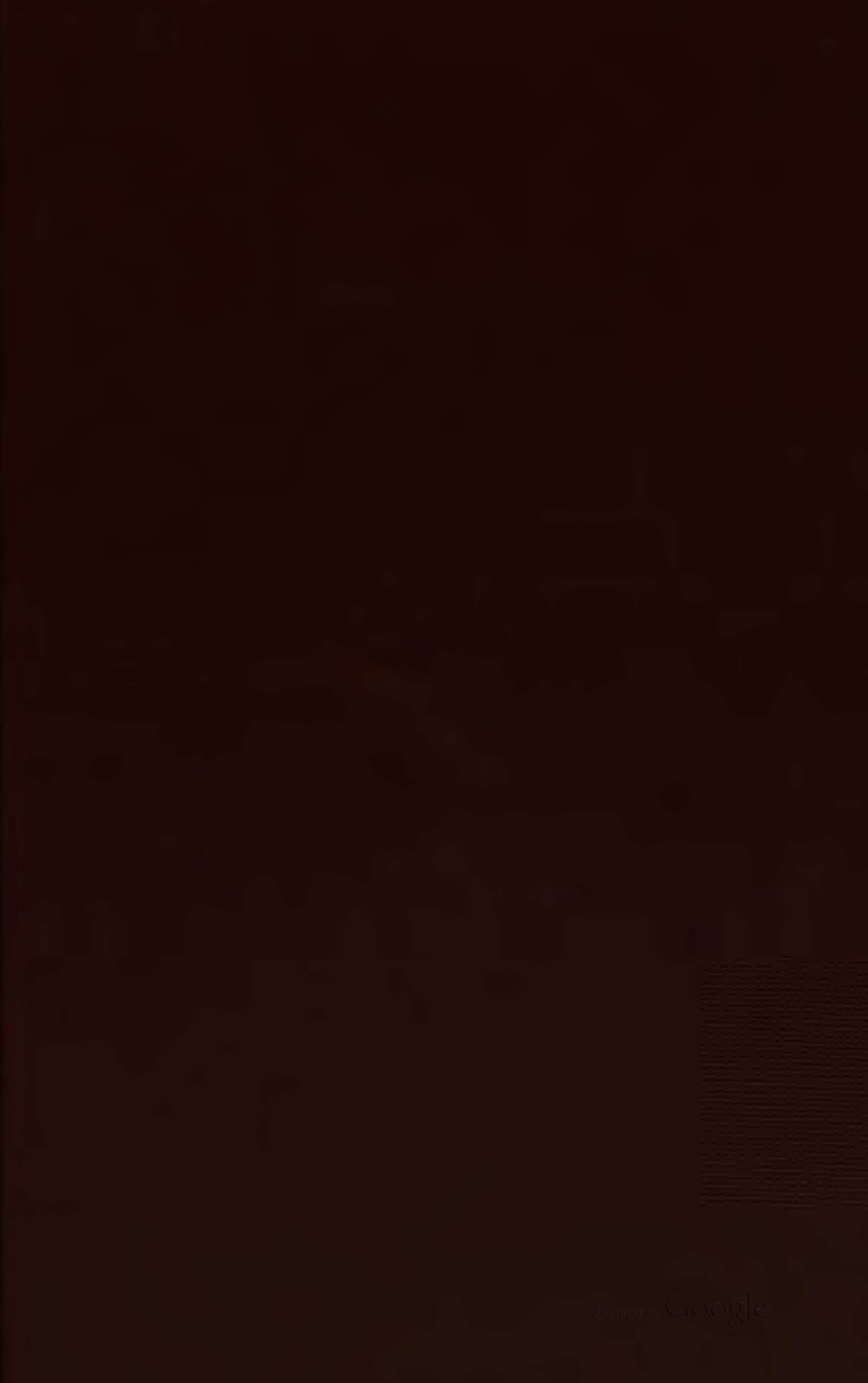

Google

VE RI
TAS

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА

ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II, ІОСИФА II.

1780—1790 гг.

Историческое изслѣдованіе

Александра Трачевскаго.

Trachevskii

Soiuz kniazei

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Складъ изданія въ Книжномъ магазинѣ типографіи М. Стасюлевича,

Вас. Остр. 2 л. 7.

1877

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА

ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II, IОСИФА II.

1780—1790 гг.

Историческое изслѣдованіе

Александра Трачевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ Книжномъ магазинѣ типографіи М. Стасюлевича,
Вас. Остр. 2 л. 7.

1877

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 ЛИН. 7.
(291)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 18 1965

Предсмертное созданіе Фридриха II — „Союзъ Князей“ (Fürstenbund)—одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи объединенія Германіи. Тогда народилась та національная роль Пруссіи, которая завершается на нашихъ глазахъ.

По мѣрѣ выясненія этой роли, нѣмецкая историческая критика не разъ касалась „Союза князей“ [1]; но самое свойство матеріаловъ не дозволяло ей разработать предметъ всесторонне.

„Союзъ князей“ не можетъ быть изслѣдованъ вполнѣ безъ русскихъ архивовъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутреннихъ дѣлахъ Германіи. Въ этомъ случаѣ свидѣтельство нашей дипломатіи тѣмъ болѣе цѣнно, что Екатерина II, дорожа своимъ вліяніемъ въ Германіи, зорко слѣдила за нею и назначила во Франкфуртъ-на-Майнѣ особаго посланника, Николая Румянцова. Его обильныя депеши проливаютъ свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей.

Нѣмецкіе ученые не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи. Что же касается германской политики самой Екатерины II, то, понимая важ-

---

[1]) *Adolf Schmidt*: Preussens deutsche Politik. 1850. — *Klüpfel*: Die deutschen Einheitsbestrebungen in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. 1853.—*Häusser*: Deutsche Geschichte. 1854.—*Ranke*: Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. 1871.— Ад. Шмидтъ оказалъ особенную услугу наукѣ, издавъ довольно полный сводъ основныхъ въ этомъ вопросѣ документовъ, почерпнутыхъ изъ прусскаго архива: Geschichte der preussisch-deutsche Unionsbestrebungen (1851). Вслѣдствіе этого, сочиненіе Ранке представляетъ уже немного новыхъ, да и то мелкихъ, свѣдѣній, почерпнутыхъ отчасти изъ австрійскаго, но больше изъ княжескихъ архивовъ, въ особенности же веймарскаго.

ность нашихъ документовъ, они все-таки принуждены были судить о ней частью по свидѣтельству своихъ дипломатовъ, частью же по преданіямъ и личнымъ соображеніямъ. Если они впадали въ погрѣшности или натяжки, то не лучше было положеніе и нашихъ ученыхъ, касавшихся этого предмета, еще не изслѣдованнаго по отечественному архиву.

Мы рѣшились восполнить отчасти этотъ пробѣлъ въ русской и нѣмецкой исторіи разработкой матеріаловъ для „Союза князей", хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]); но по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ наша задача сама собой расширялась. Союзъ князей до того тѣсно связанъ со всею нѣмецкою политикой Пруссіи, Австріи и Россіи въ 1780—90 гг., что служитъ какъ-бы ея послѣднимъ словомъ: оттого документальное изслѣдованіе этой любопытной политики должно было составить необходимую и существенную часть нашего труда.

Такъ какъ идея нѣмецкой политики Россіи выясняется лишь въ исторической связи нашихъ отношеній къ Германіи, то мы посвятили этимъ послѣднимъ одну изъ первыхъ главъ нашего труда. Такую вводную главу мы считали тѣмъ болѣе умѣстною, что, сколько намъ извѣстно, въ нашей исторической литературѣ не встрѣчается цѣльнаго изложенія этого предмета.

А. Т.

---

[1]) Что касается нѣмецкихъ архивовъ, то мы воспользовались всѣмъ, что́ было издано. Кромѣ сборника Шмидта, сюда относится переписка Іосифа, Екатерины, Фридриха, Маріи-Терезіи, Леопольда, Маріи-Антуанеты, Кауница. Важнымъ пособіемъ послужили намъ также записки участниковъ описываемыхъ событій—Фридриха, Дома, Гёрца, Ассебурга.

ГЛАВА I.

Фридрихъ II и его нѣмецкая политика.

Еще наканунѣ большой французской революціи, германскій вопросъ замѣтно уже выступалъ на первый планъ въ исторіи, и, еслибы не міровой переворотъ во Франціи, онъ сталъ бы уже тогда душой европейской политики, какъ въ наше время. Такое важное его значеніе зависѣло отъ свойствъ священной римсконѣмецкой имперіи. Эта механическая груда мелкихъ государствъ, живой примѣръ феодализма, нарушала политическій строй Европы. Среди жгучихъ потребностей новаго времени, и не только государственныхъ, но также экономическихъ и общественныхъ, въ разгаръ «просвѣщенія» съ его борьбой противъ старыхъ предразсудковъ, становилось невозможнымъ явленіе, задачей котораго была задержка національнаго развитія одного изъ важнѣйшихъ племенъ въ Европѣ.

Это было до того очевидно, что даже у нѣкоторыхъ фюрстовъ (какъ мы увидимъ ниже) проглядывало робкое стремленіе выдти изъ столь неестественнаго положенія. Но они не могли сами разрѣшить такую сложную и, можно сказать, европейскую задачу. Фюрсты отчасти были безсильны для такого переворота, вслѣдствіе своего разногласія и соперничества, отчасти же были лишены высокихъ качествъ, благодаря своему невѣжеству, легкомыслію и рутинёрству. Чувствуя свое ничтожество и опасаясь потерять то, чтó у нихъ было, фюрсты невольно обращались въ упорныхъ консерваторовъ. Они поднимали тревогу на всю Европу, какъ только имъ казалось, что нарушается малѣйшая буква «имперской конституціи», обезпечивавшей ихъ права или, какъ они выражались, «свободу отечества».

Итакъ, коренное преобразованіе Германіи въ духѣ новаго времени не могло быть плодомъ внутренняго развитія священной

римско-нѣмецкой имперіи. Оно должно было проистечь изъ внѣшняго переворота, тѣмъ болѣе, что фюрсты, не исключая и самыхъ крупныхъ, постоянно опирались на какую-нибудь иностранную державу. Правда, безпримѣрно-глубокое чужеземное вліяніе внушало большія опасенія, и Германія много пострадала отъ слишкомъ близкаго и долгаго участія Франціи въ ея дѣлахъ. Быть можетъ, ей даже угрожала бы судьба Польши, еслибы ее не спасли исключительныя и крайне своеобразныя условія, коренившіяся въ ней самой. Раздѣлъ Германіи не могъ совершиться, пока въ ней существовали такія сильныя, *европейскія* державы, какъ Австрія и Пруссія, которыхъ исторія обязывала, во имя ихъ собственныхъ интересовъ, сохранять нѣмецкую націю.

Сначала національная роль, въ теченіи столѣтій, принадлежала Австріи безраздѣльно. И, въ силу обстоятельствъ, эта держава, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, способствовала соблюденію независимости нѣмцевъ. Но она не умѣла упрочить за собой вліяніе въ Германіи и овладѣть ея будущностью. Сама хранительница преданій, образецъ застоя и фанатизма, притомъ держава далеко не вполнѣ нѣмецкая по народности, Австрія не могла вывести Германію на новый путь. Габсбурги сами стояли во главѣ ея феодальнаго наряда, въ качествѣ римско-нѣмецкихъ императоровъ. Какъ ни ничтожна была ихъ власть надъ фюрстами, получившими верховныя права по Вестфальскому миру, они извлекали изъ нея свои династическія выгоды и потому дорожили ею. Опасаясь утратить ее при первой попыткѣ къ кореннымъ преобразованіямъ въ имперіи, которыя къ тому же не подходили къ ихъ крайне-консервативному характеру, они, подобно фюрстамъ, стояли за сохраненіе имперской конституціи. При вялости и недальновидности Габсбурговъ, превращеніе князей въ австрійскихъ подданныхъ представлялось имъ хотя и въ пріятной, но въ отдаленной и случайной перспективѣ.

Съ появленіемъ Пруссіи, какъ европейской державы, германскій вопросъ вышелъ изъ вѣкового застоя и получилъ новую постановку, а при Фридрихѣ II сталъ самою живою и самою важною задачей европейской политики. Пруссія—противоположность Австріи, какъ по своей природѣ, населенію и исторіи, такъ и по своему общественному и политическому строю. Это страна чисто-нѣмецкая и свѣжая. Она не связана съ феодальными и іерархическими преданіями, доступна умственнымъ движеніямъ, и въ ней рано утвердились основы новой исторіи—монархизмъ, военная сила, среднее сословіе. Самое появленіе Пруссіи было протестомъ противъ принциповъ священной римско-

нѣмецкой имперіи, и Гогенцоллерны, съ ихъ протестантизмомъ и воинственностью, съ ихъ энергіей и трудолюбіемъ, были олицетвореніемъ этого протеста. Въ своемъ непреклонномъ и пылкомъ стремленіи къ европейской роли, они должны были пробивать себѣ дорогу среди остатковъ средневѣковой старины въ Германіи. И чѣмъ даровитѣе, чѣмъ отважнѣе былъ Гогенцоллернъ, тѣмъ искреннѣе презиралъ онъ нѣмецкую имперію, ненавидѣлъ ея императора. У Фридриха II, въ пору его юношеской горячности, эти чувства проявлялись въ сарказмѣ, противномъ дипломатическому поведенію вѣнценосцевъ.

Историческая жизнь Пруссіи текла своимъ особеннымъ русломъ, отдѣльно отъ жизни Германіи. Гогенцоллерны не могли, да и не желали приладиться къ имперскому быту, и потому имъ всегда трудно было снискать расположеніе имперскихъ чиновъ. Фюрсты ненавидѣли и боялись ихъ, какъ революціонеровъ, грозящихъ погибелью «свободѣ отечества». Въ случаѣ необходимости, они скорѣе готовы были превратиться въ подданныхъ Габсбурга, озареннаго сіяніемъ древнихъ вѣнцовъ, чѣмъ подчиниться игу дерзкаго выскочки — своего брата, курфюрста бранденбургскаго. Сравнительно съ приверженцами Австріи, или «цезаріанцами», склонная къ Пруссіи партія «конфедератовъ», или «курфюрстіанцевъ», была ничтожна, да и та придерживалась Гогенцоллерновъ лишь изъ страха передъ Габсбургами, а въ душѣ питала такія же замыслы, какъ «особняки» (Sonderbundespartei), мечтавшіе о независимомъ княжескомъ союзѣ для отпора властолюбивымъ стремленіямъ и Вѣны, и Берлина.

Фридриху II было труднѣе, чѣмъ кому-либо, привлечь къ себѣ фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что онъ вначалѣ руководился исключительно прусской политикой. Этотъ «молодой, честолюбивый король, желавшій получить все или ничего» [1]), еще будучи кронпринцемъ, мечталъ овладѣть Германіей, посредствомъ брака съ Маріей-Терезіей. Вступивъ на престолъ, онъ рѣшился сразу подорвать имперскій нарядъ, отнявъ у Габсбурговъ руководящую роль въ Германіи. Еще не смѣя самъ захватить императорскую корону, онъ доставилъ ее ничтожному Виттельсбаху, Карлу VII,

---

[1]) Собственныя слова Фридриха: *Oeuvres de Frédéric le Grand* (изданіе берлинской академіи наукъ, 1846—1856 г., подъ редакціей *Preuss'а*), II, 48; cf. 51, 53, 56. Въ перепискѣ съ друзьями, Фридрихъ выставляетъ слѣдующія свои побужденія къ силезскимъ войнамъ: le feu des passions, le désir de la gloire, la curiosité même, un instinct secret, la satisfaction de voir mon nom dans les gazettes et ensuite dans l'histoire; также желаніе — régler la figure de la Prusse, le contour n'en sera pas tout à fait régulier. *Ibid.* XVII, 91; XVIII, 23.

и въ то же время (1742), чувствуя свое безсиліе поддержать его, къ своему собственному изумленію выказалъ нѣмецкій патріотизмъ [1]). Фридрихъ задумалъ образовать «ассоціацію имперскихъ округовъ» съ нейтральной арміей, которая прикрывала бы Баварію. Но, по его собственнымъ словамъ, «это дѣло не состоялось, вслѣдствіе рабскаго страха фюрстовъ передъ австрійскимъ домомъ: венгерская королева пригрозила — и фюрсты затрепетали, а сеймъ не хотѣлъ ничего рѣшать. Еслибы Франція поддержала этотъ планъ нѣкоторой суммой, розданной своевременно, то онъ удался бы». Фридрихъ не легко отказывался отъ своихъ замысловъ. Въ теченіи мирнаго года, раздѣлявшаго первую силезскую войну отъ второй (1743), онъ рѣшился самъ переговорить съ фюрстами, «не видя другого средства» къ поддержанію своей креатуры. Подъ предлогомъ посѣщенія своихъ франконскихъ родственниковъ, Фридрихъ совершилъ путешествіе по нѣкоторымъ мелкимъ государствамъ Германіи. Но «всѣ искушенія, всѣ доводы и изъясненія оказались тщетными. Энтузіастическіе друзья австрійскаго дома готовы были погибнуть за него, а приверженцы императора (Карла VII) были до того запуганы его великими несчастіями, что опасались, помогая ему, потерять свои владѣнія». Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ сдѣлалъ третью попытку устроить союзъ Пруссіи съ имперскими князьями. Онъ обратился къ фюрстамъ гессенскому, вюртембергскому, кёльнскому, пфальцскому и епископу бамбергскому. Но «нужно было купить ихъ содѣйствіе: нѣтъ денегъ, нѣтъ тебѣ и фюрста! А Франція не хотѣла и слышать о выдачѣ субсидій». Третья неудача не сломила упорства Фридриха. Тотчасъ же послѣ того, два дипломата, одинъ прусскій, другой французскій,—начертали планъ «ассоціаціи имперскихъ округовъ»; но такъ какъ это были «педанты, работавшіе по всѣмъ правиламъ формалистики», то ихъ «тяжелое и неуклюжее твореніе забыто было тотчасъ послѣ прочтенія». А въ 1744 году, наканунѣ второй силезской войны, образовалась-таки «франкфуртская лига для защиты имперской системы, ея свободы и главы»: въ нее входили Пруссія, императоръ, Куръ-Пфальцъ и Гессенъ-Кассель. Впрочемъ, лига распалась въ слѣдующемъ же году, вслѣдствіе смерти Карла VII, разрушившей всѣ нѣмецкіе планы Фридриха, такъ какъ кур-

[1]) Собственныя слова Фридриха: „Je n'ai jamais cru autrefoi que j'étois un si bon patriote comme je suis en effet". *Droysen*: Geschichte der preussischen Politik. 1855—1874. V, 151.

фюрстъ саксонскій, которому онъ предложилъ императорскую корону, отказался отъ нея—и она снова перешла къ Габсбургамъ [1]).

Теперь только Фридрихъ, разочаровавшись въ своей надеждѣ сдѣлать имперію орудіемъ прусскихъ плановъ, рѣшился полагаться лишь на свой мечъ, и въ его кружкѣ уже послышались восторженныя рѣчи о «завоеваніи всей Германіи и соединеніи ея въ одно государство, о полномъ низверженіи имперской конституціи, о вступленіи прусскаго короля на императорскій престолъ» [2]).

Блестящіе военные успѣхи Фридриха, конечно, содѣйствовали популярности въ нѣмецкомъ обществѣ, точно также какъ и его участіе въ «просвѣщеніи», но въ политическихъ кругахъ они возбуждали страхъ и недовѣріе къ гогенцоллернской системѣ. Сверхъ того, непосильныя войны хотя и выдвинули Пруссію на первый планъ въ Германіи, но только на ряду съ Австріей, а не выше ея; между тѣмъ онѣ до того истощили небольшую и бѣдную Пруссію, что самъ Фридрихъ называлъ ее «человѣкомъ, продырявленнымъ ранами» [3]). Вотъ причины, по которымъ въ политикѣ Фридриха произошелъ крутой поворотъ. Придерживаясь правила, что «съ измѣненіемъ нашихъ интересовъ и мы должны измѣняться» [4]), Фридрихъ вдругъ перешелъ въ оборонительное положеніе; цѣлью его стало сохраненіе мира; онъ превратился въ непреклоннаго консерватора. Чтобъ удержаться на высотѣ, завоеванной мечомъ, Фридрихъ посвятилъ вторую половину своего царствованія, начиная съ Губертсбургскаго мира (1763—1786), изысканію средствъ въ дипломатической борьбѣ съ Австріей. Онъ началъ подражать Габсбургамъ и даже обнаружилъ готовность вовлечь иностранныя державы во внутреннія дѣла Германіи. Мало того. Онъ превратился въ защитника имперскаго наряда, заговорилъ о нѣмецкихъ интересахъ, о

---

1) *Oeuvres de Frédéric,* II, 141; III, 24, 39, 54.—*Ranke*: Neun Bücher preussischer Geschichte. 1847. III, 290.

2) Любимецъ и довѣренное лицо Фридриха II, генералъ фонъ-Винтерфельдтъ надѣялся, въ 1757 году, что Пруссія можетъ „ganz Deutschland zu erobern und durch Vereinigung zu Einem Staate dem Auslande gegenüber widerstandsfähig zu machen“. Онъ мечталъ „in weniger als zwei Jahren die deutsche Reichsverfassung völlig umgestürzt und Friedrich auf dem Kaiserthron zu sehen“. *Schmidt*: Preussens deutsche Politik. 3-te Aufl. 1867. I, 22.

3) *Oeuvres de Frédéric,* VI, 4; cf. 5, 75 sq., V, 4 sq., 233. То же выходитъ по свидѣтельству нашего архива. Остерманъ часто спрашивалъ нашего посланника въ Берлинѣ, Долгорукаго, объ экономическомъ состояніи Пруссіи, и тотъ всегда отвѣчалъ, что оно весьма плохо и что въ особенности печально положеніе торговли, стѣсняемой акцизами и т. п.

4) См. предисловіе къ его *Histoire* de mon temps: *Oeuvres,* II t., p. XVI.

«свободѣ отечества», о неприкосновенности имперской конституціи, о святости и величіи Вестфальскаго мира [1]).

Этому превращенію въ нѣмецкой политикѣ прусскаго героя соотвѣтствовала перемѣна въ его характерѣ. Страшны портреты Фридриха въ старости, съ ихъ поблекшими чертами, ярко освѣщенными зловѣщимъ блескомъ хорошо сохранившихся глазъ. Въ избранную нами эпоху, дѣйствительно, оставалась одна тѣнь героя силезскихъ войнъ. Фридрихъ переживалъ седьмой десятокъ. Его посѣщали тяжкіе припадки подагры. Безсердечный, капризный, скупой и подозрительный старикъ, онъ сталъ въ тягость себѣ самому, не терпѣлъ противорѣчій и оскорблялъ вѣрнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ вѣчнымъ недовольствомъ. «Здѣсь,—говоритъ его главный помощникъ,—просто нельзя имѣть собственнаго мнѣнія... Никто не смѣетъ дѣлать *ему* никакихъ предложеній: какъ разъ не угодишь!.. Признательность меньше всего входитъ въ кругъ его добродѣтелей» [2]). Впрочемъ, Фридрихъ ворчалъ и на весь «презрѣнный», по его словамъ, міръ. «Великій Боже!—восклицалъ онъ, перебирая въ своемъ умѣ европейскихъ государей:—отъ кого зависитъ судьба людей!.. Соломонъ незналъ этого свѣта: еще много глупостей останется на долю нашимъ внукамъ... Какъ рѣдко встрѣтишь у людей здравый смыслъ, и сколько глупостей заставляютъ ихъ дѣлать страсти». Фридрихъ походилъ на отставного моряка, который съ ужасомъ всматривается въ волнующееся море, припоминая пережитыя бури. Онъ чуялъ, что «европейская политика въ особенномъ смятеніи», что «близокъ кризисъ, и вскорѣ элементы займутъ мѣста, каждый по своему вѣсу». Онъ даже предвидѣлъ, что гроза разразится съ востока: «императрица начнетъ открытую войну, а аварскій цезарь (Іосифъ) станетъ переговариваться съ турками»... А что же станетъ дѣлать Пруссія, при тѣхъ «чрезвычайныхъ явленіяхъ, которыя возникнутъ,—стóитъ только потерпѣть немного?». «Мое время прошло, и скоро окончится короткій путь, лежащій передо мною», говоритъ Фридрихъ, и въ его воображеніи проносится ужасное воспоминаніе о Семилѣтней войнѣ, принадлежащей къ числу «тѣхъ опасностей, отъ которыхъ спасаешься только чудомъ». Задачей Фридриха окончательно становится «долгъ, помышляя о счастіи своей страны, всячески избѣгать» подобныхъ

---

[1]) Этотъ новый взглядъ Фридриха любопытно выразился въ его совѣтахъ профессорамъ исторіи. См. его статью „О нѣмецкой литературѣ", написанную въ 1780 г., *Oeuvres*, VII, 115.

[2]) Письма Герцберга Гёрцу. *Görtz:* Denkwürdigkeiten. 1827. I, 356 sq.

катастрофъ, не жалѣть ничего для этого, «хотя бы и мало было надежды на успѣхъ»... «Буду,—размышлялъ онъ,—придерживаться правила Августа—festina lenter (спѣши потихоньку), буду сохранять спокойствіе и поджидать приближенія событій... Вотъ, говорятъ, Англія и Франція примирятся: тогда востокъ занималъ бы насъ меньше». И передъ Фридрихомъ, какъ передъ равнодушнымъ зрителемъ, разыгрывалась великая драма исторіи; событія совершались безъ его участія, и иногда до него доходили лишь запоздалыя извѣстія о нихъ. Безъ стараго Фрица воевали и замирились на крайнемъ западѣ, безъ него завершилась и новая эпоха въ развитіи восточнаго вопроса. И совершенно спутанный Екатериной, онъ спрашивалъ своего петербургскаго посланника: «что, я все еще въ союзѣ съ Россіей, или нѣтъ» [1])?

Фридрихъ никого не любилъ, ничему не вѣрилъ — и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ былъ одинокъ въ политикѣ и не смѣлъ расторгнуть связей съ своей «коварной» союзницей, Екатериной, «такъ какъ нигдѣ не находилъ замѣны имъ». Онъ былъ одинокъ и у себя. Приближенные негодовали на его неблагодарность. Въ королевской семьѣ господствовалъ разладъ. Дѣти не окружали постели больного старика. Родной братъ, Генрихъ, и племянникъ, кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нетерпѣливо поджидали важную «эпоху», взвѣшивая ея значеніе въ своихъ наслѣдственныхъ разсчетахъ [2]). Молодой дворъ составлялъ тайную оппозицію старому, то подсмѣивался надъ нимъ, то негодовалъ. Онъ уже силился, за спиной Фридриха, схватить бразды правленія, и иностранные агенты уже оборачивались отъ угасавшаго свѣтила къ восходящему.

Характеристика Фридриха въ старости дорисовывается его отношеніями къ своимъ главнымъ помощникамъ, — кабинетъ-министрамъ [3]) Герцбергу и Финкенштейну.

Въ этихъ двухъ лицахъ, стоявшихъ подлѣ Фридриха почти во все его царствованіе, какъ-бы воплощались два Фрица—молодой и старый. Герцбергъ былъ лѣтъ на тридцать моложе Фридриха. Онъ родился въ Помераніи, въ неизвѣстности, и достигъ

---

[1]) См. любопытныя письма Фридриха къ племяннику, герцогу брауншвейгскому, напечатанныя у *Ranke:* Die deutschen Mächte, II, 240—250.

[2]) Герцбергъ герцогу брауншвейгскому, у *Шмидта:* Gesch. der Unionsbestrebungen, I, 25.—Іосифъ II Кауницу. *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. 1873, p. 97.

[3]) Министерство иностранныхъ дѣлъ называлось въ Пруссіи *Kabinets-Ministerium.* Со времени Фридриха-Вильгельма I оно состояло обыкновенно изъ двухъ или даже трехъ министровъ.

высшаго поста въ Пруссіи лишь своими дарованіями и трудолюбіемъ. Въ этой, съ виду не блестящей и даже угловатой, личности жила пылкая, гордая и честолюбивая душа. Рано задумавъ выдвинуться изъ толпы, Герцбергъ со страстью началъ готовиться къ политическому поприщу и основательно изучилъ государственныя науки. Никому въ Пруссіи не были до такой степени извѣстны отношенія европейскихъ державъ, какъ ему; а въ знаніи нѣмецкой исторіи и дипломатіи онъ могъ поспорить съ пресловутыми ганноверскими законниками. Его перо, которое обыкновенно служило Фридриху для оправданія передъ свѣтомъ, славилось всѣми тонкостями имперской казуистики, и онъ любилъ погружаться въ послѣднія: отъ него осталось много мемуаровъ и дипломатическихъ сборниковъ. Фридрихъ дорожилъ свѣдущими и способными людьми, и умѣлъ находить ихъ. Герцбергъ еще молодымъ попалъ въ его кабинетъ-министерство, и прежде всего привелъ въ образцовый порядокъ тайный архивъ. Впрочемъ, его значеніе начинается лишь съ Семилѣтней войны, когда его ловкое перо много послужило отважному мечу Фридриха: имъ былъ заключенъ и Губертсбургскій миръ, причемъ Фридрихъ возвелъ его въ званіе второго министра иностранныхъ дѣлъ, которое онъ сохранялъ и при слѣдующемъ королѣ. Съ этихъ поръ въ прусскомъ министерствѣ словно поселился духъ юнаго Фрица, не дававшій покоя дряхлѣвшему королю. И чѣмъ болѣе увлекался Фридрихъ миролюбіемъ и впадалъ въ апатію, тѣмъ усерднѣе работалъ, суетился, сочинялъ проекты его неугомонный министръ. Не даромъ Фридрихъ называлъ Герцберга своимъ ученикомъ въ дипломатіи. Этотъ померанецъ оказался истымъ пруссакомъ. Онъ обнаружилъ крайнюю самоувѣренность и высокомѣріе, приписывая себѣ всѣ важныя идеи, не исключая и союза князей [1]). Онъ не хотѣлъ выжидать событій и искалъ случая ринуться на встрѣчу опасностямъ. Его увлекала роль героевъ, о которыхъ онъ начитался въ исторіи, а свѣжіе лавры Пруссіи внушали ему увѣренность въ успѣхѣ громкихъ мѣръ; къ тому же, онъ былъ убѣжденъ, что «отъ времени до времени война составляетъ потребность для Пруссіи, чтобы не отвыкнуть отъ нея и постоянно оживлять патріотическое чувство» [2]). Могущество и

[1]) *Schmidt:* Preussens deutsche Politik, 31.

[2]) *Dohm*: Denkwürdigkeiten. 1814—1819. I, 80.—Тутъ Герцбергъ сходится во взглядѣ съ Іосифомъ II, который былъ убѣжденъ, что Пруссія, вслѣдствіе своихъ физическихъ и общественныхъ условій, должна постоянно находиться въ движеніи. „Правительство и его интересы—говорилъ онъ—дѣлаютъ ее воинственной: для нея миръ—медленная, гложущая и изсушающая ее лихорадка". *Testament politique de l'empereur Joseph II.* 1791. II, 78.

слава Пруссіи сдѣлались его кумиромъ. Герцбергъ постоянно мечталъ о томъ, какъ-бы что-нибудь «прибавить» къ Пруссіи и заставить Европу служить этой цѣли. Его дипломатической идеей была безконечная борьба съ Австріей и Россіей и та опека надъ Турціей, Польшей и Швеціей, которая ничего не оставляетъ сиротамъ [1]). Въ этомъ смыслѣ онъ примкнулъ къ «патріотамъ», былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ, заводилъ интриги среди мелкихъ германскихъ дворовъ. Словомъ, Герцбергъ сталъ душой молодого двора и партіи дѣйствія въ Потсдамѣ [2]). Онъ докучалъ Фридриху своими смѣлыми мнѣніями, которыхъ тотъ не спрашивалъ, спорилъ съ нимъ, старался всячески вовлечь его въ новую войну съ Австріей. Его настойчивость была тѣмъ болѣе тягостна, что онъ не отличался придворными манерами, говорилъ прямо и запальчиво. Нерѣдко Фридрихъ выходилъ изъ себя и грубо останавливалъ министра-«патріота».

Конечно, Герцбергъ еще менѣе стѣснялся съ своимъ товарищемъ, графомъ Финкенштейномъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ свое внутреннее превосходство надъ нимъ, а занималъ второе послѣ него мѣсто въ министерствѣ. Если значеніе Герцберга при дворѣ основывалось на его необходимости, то графъ держался личными связями съ королемъ и своими придворными свойствами. Потомокъ знатнаго и богатаго рода, Финкенштейнъ былъ сверстникъ Фридриха и товарищъ его по воспитанію. Онъ смолоду предназначался къ дипломатической карьерѣ, и до 40-лѣтняго возраста уже перебывалъ посланникомъ при многихъ дворахъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ. Съ 1749 года онъ занималъ должность второго, а съ 1760-го—перваго кабинетъ-министра. Карьера графа, какъ придворнаго аристократа, дѣлалась сама собой, и вся его жизнь протекла спокойно, обычной колеей, благодаря его характеру. Вопреки своей чисто прусской крови, Финкенштейнъ былъ олицетвореннымъ миролюбіемъ, благоразуміемъ, осторожностью, близкою къ апатіи. Это—Фридрихъ въ старости. Примѣняя извѣстное выраженіе о министрахъ Анны Іоанновны, можно сказать, что въ кабинетъ-министерствѣ Фридриха Герцбергъ изображалъ собой душу, а его товарищъ—тѣло. Но это было истинно-аристократическое тѣло. Финкенштейнъ былъ образцомъ вельможи. Привлекательная внѣшность, великосвѣтскія манеры, отсутствіе оригинальности, тонкое пониманіе

---

[1]) *Sybel:* Geschichte der Revolutionszeit. 2-te Aufl. 1859. I, 174.

[2]) Многіе, не исключая и принцевъ крови, приписывали войну за баварское наслѣдство искусству, съ которымъ Герцбергъ будто-бы толкнулъ въ нее Фридриха. *Dohm*, I, 351.

людей въ видахъ лести и угодливости—вотъ свойства, которыя дѣлали пріятнымъ, при всѣхъ дворахъ, и его личное присутствіе, и изящныя произведенія его легкаго дипломатическаго пера. Эти качества графа особенно проявлялись въ сношеніяхъ съ королемъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Финкенштейнъ потворствовалъ всѣмъ слабостямъ Фридриха, не смѣлъ имѣть своего мнѣнія передъ нимъ и былъ лишь послушнымъ исполнителемъ его воли. Одинъ сослуживецъ графа такъ выразился о немъ съ неподражаемой наивностью: «король питалъ большую склонность и довѣріе къ нему, которое министръ постоянно поддерживалъ тѣмъ, что съ ловкостью царедворца подхватывалъ каждую мысль и каждое желаніе монарха. Совѣты его имѣли тѣмъ болѣе вѣса, что онъ давалъ ихъ только когда его спрашивали» [1]).

Чѣмъ ближе къ описываемому времени, тѣмъ больше Финкенштейнъ пользовался милостивымъ расположеніемъ короля, а Герцбергъ становился противенъ ему. Съ послѣднимъ Фридрихъ избѣгалъ личныхъ сношеній. Когда нужно было словесно переговорить съ министерствомъ, онъ звалъ въ Потсдамъ не его, а Финкенштейна; его кабинетныя записки графу любезны, деликатны, а Герцбергу—повелительны, иногда даже грубы и съ замѣчаніями. Герцбергъ ни разу не получилъ отъ короля цѣннаго подарка, и даже его грудь не была украшена орденомъ Чернаго Орла, къ соблазну всего прусскаго общества. Этотъ орденъ собственноручно возложилъ на него Фридрихъ-Вильгельмъ II, передъ трупомъ Фридриха, съ словами: «первымъ дѣломъ моего царствованія должна быть уплата долга покойника». Тогда же Герцбергъ былъ возведенъ въ графское достоинство [2]).

Характеръ Фридриха въ старости поясняетъ указанное выше превращеніе въ его политикѣ. Понятно, что въ его глазахъ тѣсная связь съ имперіей становилась единственнымъ спасеніемъ Пруссіи. Идея, съ которой Фридрихъ началъ свое царствованіе, воскресла съ новою силой въ концѣ его историческаго поприща. И если прежде онъ покинулъ ее съ презрѣніемъ, послѣ первыхъ неудачъ, то теперь она казалась ему необходимостью, ради которой должно было жертвовать многимъ, начиная съ собственнаго самолюбія. И вотъ, весной 1778 года, Фридрихъ приказываетъ своимъ министрамъ «работать надъ образованіемъ союза благонамѣренныхъ князей», съ цѣлью «говорить за-одно и про-

---

¹) *Dohm*, I, 77.
²) Тамъ же, IV, 544.

тиводѣйствовать деспотизму въ имперіи, замышляемому австрійскимъ домомъ»[1]).

Но и теперь это была лишь сладкая мечта, о которой странно было и думать практическому дѣятелю. Кредитъ Пруссіи въ Германіи былъ окончательно подорванъ войнами Фридриха. Фюрсты, не исключая даже любимой его сестры, маркграфини байрётской, уже задумывались о томъ, «какъ бы ослаблять, а не усиливать Пруссію»[2]). Очевидецъ событій и поклонникъ Фридриха, Домъ, откровенно обнаруживаетъ разладъ между прусской и національной политикой, господствовавшій около 1780 года точно такъ же, какъ въ 1740-хъ годахъ. По его словамъ, тогда многіе въ Германіи приписывали Фридриху желаніе поступить съ нѣмецкимъ «отечествомъ» точно такъ же, какъ съ Рѣчью-Посполитой. У всѣхъ,— говоритъ онъ,—еще сохранялось свѣжее воспоминаніе о раздѣлѣ Польши. Чтó же, спрашивали, развѣ германская конституція неприкосновеннѣе и священнѣе польской? А обстоятельства, повидимому, благопріятствовали разрушенію и этой конституціи... Даже изъ приближенныхъ Фридриха многіе раздѣляли мнѣніе, что прежде всего нужно стоять за очевидную пользу и не упускать удобнаго случая, предполагаемаго старымъ соперникомъ, доставить Пруссіи внутреннюю силу и округленіе, котораго ей еще недостаетъ. Полагали, что братья короля, принцъ Генрихъ и Фердинандъ, были того же мнѣнія. Конечно, и отъ самого короля не ускользнула заманчивость этого искушенія; но, безъ сомнѣнія, никто вѣрнѣе его не могъ взвѣсить всѣ опасности для Пруссіи, если поддаться соблазну... Правда, раздѣлъ Польши удался и не вызвалъ никакой серьёзной оппозиціи; но Европа была возмущена имъ и, пожалуй, не стерпѣла бы другого, и еще болѣе вопіющаго. Отпоръ могъ явиться даже въ самой Германіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало ожидать, что вся ненависть за несправедливость обрушится на Пруссію, а всѣ выгоды достанутся Австріи. Правленіе послѣдней было во многихъ отношеніяхъ мягче, не такъ ненавистно сосѣдямъ. Различныя условія давали возможность Австріи облечь подчиненіе имперскихъ земель въ смягчающія (mildernde) формы... Не таково было положеніе Пруссіи. Сравнительно большія государства на сѣверѣ Германіи уже и до этого съ завистью смотрѣли на недавнее возвышеніе и возрастающее величіе Пруссіи. При всякомъ удоб-

[1]) Письмо кабинетъ-министровъ Фридриху отъ 3 апр. 1778 г. *Preuss:* Friedrich der Grosse. 1832—1834. IV, 390.—Cf. *Assburg:* Denkwürdigkeiten. 1842, p. 326.

[2]) *Droysen*, V, 488.

номъ случаѣ, они заботливо препятствовали курфюрсту бранденбургскому выставлять чрезмѣрныя притязанія, опираясь на свой новопріобрѣтенный королевскій титулъ. Саксонцы, ганноверцы, гессенцы и другіе сѣверные нѣмцы никогда не превратились бы въ пруссаковъ такъ быстро и послушно, какъ жители раздробленной южной Германіи въ австрійцевъ [1]).

Эти любопытныя отношенія между Пруссіей и Германіей объясняются еще лучше стремленіемъ Фридриха подѣйствовать на фюрстовъ насиліемъ, показавъ имъ въ перспективѣ штыки Россіи, которая оффиціально была тогда союзницей Пруссіи. Онъ заставилъ нѣкоторыхъ князей объявить отъ себя Екатеринѣ II о планѣ союза имперскихъ князей [2]).

Фридрихъ не получилъ отъ Екатерины ожидаемой помощи въ своихъ германскихъ дѣлахъ, и его любимая идея должна была снова заглохнуть. Но къ нему пришла помощь, откуда ея никто не ожидалъ—изъ Австріи. Въ лицѣ Іосифа II, Габсбургъ оказалъ важнѣйшую услугу своему заклятому врагу, Гогенцоллерну.

---

¹) См, *Dohm*, I, 40, 43—46.

²) Вотъ фюрсты, писавшіе Екатеринѣ: курфюрстъ саксонскій, герцоги цвейбрюкенскій и мекленбургскій. Сверхъ того, прусскій посланникъ заявилъ въ Петербургѣ, что того же желаютъ: герцогство Саксонія, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ-Кассель, Дармштадтъ, Баденъ и Аншпахъ. *Asseburg*, 326 sqq. Донесеніе Сакена, см. *Herrmann:* Geschichte des russischen Staates. 1860. VI, 15 sq.

ГЛАВА II.

Іосифъ II и нѣмецкая имперія.

Іосифъ II былъ выродкомъ въ безжизненной и фанатичной семьѣ Габсбурговъ. Онъ походилъ скорѣе на Гогенцоллерна и, конечно, былъ обязанъ этимъ не столько лотарингской крови своего отца, сколько духу времени. Іосифъ болѣе чѣмъ кто-либо дитя «просвѣщенія», и на немъ всего лучше измѣряется культурная сила этого направленія. Оттого между нимъ и его матерью шла такая же характеристическая борьба, какъ между юнымъ Фридрихомъ и его отцомъ. Эта борьба тѣмъ болѣе замѣчательна, что Марію-Терезію можно было назвать новымъ человѣкомъ сравнительно съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Она была хорошо воспитана, даровита, и суровыя черты габсбургскаго типа сглаживались въ ней нравственной граціей. Марія-Терезія почуяла необходимость внутренняго преобразованія Австріи, и самъ Фридрихъ призналъ за этой «женщиной планы, достойные великаго мужа» [1]). Къ такой-то женщинѣ и государынѣ Іосифъ питалъ враждебныя чувства [2]), и чѣмъ дальше, тѣмъ больше чуждались другъ друга нравственно эти близкія по крови существа. Мать старалась сдерживать пылкіе порывы сына и научить его снискивать всеобщую любовь. «Я сильно опасаюсь,—писала она 25-ти-лѣтнему Іосифу,—что ты, будучи вообще очень дурного мнѣнія о людяхъ, лишишься и нашихъ немногихъ честныхъ людей, сравнивая и смѣшивая ихъ съ другими... Великая дви-

---

[1]) *Oeuvres de Frédéric.* IV, 9.

[2]) Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ безцѣнная въ психологическомъ отношеніи переписка между Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. *Arneth:* Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. 1867—1868. Особенно любопытны: I, 192—362, и II, 5—161.

жущая сила заключается въ довѣріи: безъ него ничего не можетъ быть... Мнѣ больно за тебя, что ты можешь думать такимъ образомъ и находить удовольствіе оскорблять другихъ, унижать ихъ насмѣшкой. Я должна тебѣ сказать, что я поступала въ своей жизни какъ разъ наоборотъ. Я предпочитала ласкою заставлять всѣхъ исполнять мои желанія, и скорѣе убѣждала, чѣмъ принуждала... Какъ я боюсь, что ты попадешь въ руки плутамъ, которые, чтобы достигнуть своей цѣли, сносятъ все, чего не снесетъ благородная и истинно преданная душа!.. Какъ я боюсь, что у тебя никогда не будетъ друзей! И кто привяжется къ *Іосифу*, на котораго ты такъ разсчитываешь? Вѣдь эти язвительныя, ироническія, злыя выходки принадлежатъ не императору, не соправителю, а сердцу Іосифа! Вотъ это-то и огорчаетъ меня, это-то и составитъ несчастіе и твое, и монархіи, и наше общее. Я льстила себя надеждою, что буду жить по смерти въ твоемъ сердцѣ, что твоя многочисленная семья, твои владѣнія ничего не потеряютъ, лишившись меня,—напротивъ, выиграютъ. Но могу ли я надѣяться, когда ты увлекаешься этимъ тономъ, который изгоняетъ всякую нѣжность и дружбу? Не лестное подражаніе! Этотъ герой [1]), который заставилъ такъ много говорить о себѣ, этотъ завоеватель, насчитываетъ ли онъ хоть одного друга? Не приходится ли ему не довѣрять цѣлому свѣту? Чтó за жизнь безъ человѣчества! Въ особенности въ нашей религіи милосердіе есть самая незыблемая основа; это не совѣтъ, а заповѣдь. А развѣ ты соблюдаешь ее, оскорбляя и уязвляя насмѣшками людей и даже тѣхъ, которые оказали великія услуги и страдаютъ лишь такими же недостатками, какъ и мы?.. «Да», «нѣтъ», прямой отказъ—это было бы несравненно лучше всего этого потока ироніи, въ которомъ изливалось твое сердце, услаждаясь и любуясь легкостью слога. Строго берегись находить удовольствіе въ колкостяхъ! У тебя еще не злое сердце, но оно станетъ злымъ. Очень и очень пора оставить всѣ эти красныя словца, эти умныя изреченія, которыя ни къ чему не ведутъ, а лишь оскорбляютъ и поднимаютъ на смѣхъ другихъ, отталкивая такимъ образомъ всѣхъ честныхъ людей. И думать послѣ этого, что все человѣчество не заслуживаетъ ни уваженія, ни любви, потому что собственнымъ поведеніемъ мы оттолкнули отъ себя все хорошее, давъ мѣсто и отворивъ двери лишь плутамъ, подражателямъ да льстецамъ, превозносящимъ наши таланты!.. Ты кокетничаешь остроуміемъ, безъ разбора, повсюду гоняешься за

[1]) Фридрихъ II.

нимъ. Красное словцо, ловкая фраза, въ книгѣ или въ чьихъ-нибудь устахъ, занимаютъ тебя и ты вставляешь ихъ при первомъ удобномъ случаѣ, не разсудивъ хорошенько, умѣстны ли они».

А сынъ отвѣчалъ матери высокомѣрными совѣтами, доказывающими, что онъ не высоко цѣнитъ какъ ея сердце, такъ и ея правительственныя способности. Среди окружавшихъ ее несчастій и противорѣчій, Марія-Терезія находила утѣшеніе въ религіи, завѣщанной ей предками, а Іосифъ гордился своей «философіей, освободившей его отъ всякихъ привязанностей», и едва сдерживалъ улыбку матеріалиста передъ энтузіазмомъ набожной старухи. Вскорѣ разладъ проникъ уже не въ одни религіозныя убѣжденія. Марія-Терезія писала сыну: «столь часто повторяемая свобода во всемъ скорѣе безпокоитъ меня, чѣмъ обнадеживаетъ». Она говоритъ, что теперь уже не можетъ назвать себя счастливою, потому что «никогда не согласится съ слишкомъ распущенными (relâchés) принципами въ религіи и нравственности»... «Ты слишкомъ явно,—продолжаетъ она,—обнаруживаешь антипатію ко всѣмъ старымъ обычаямъ и ко всему духовенству: это—слишкомъ свободные принципы нравственности и поведенія»... «Я должна сказать, къ своему величайшему прискорбію, что касательно религіи уже нечего больше портить, если только ты упорствуешь и думаешь объ этой всеобщей вѣротерпимости, выдавая ее за свой принципъ, отъ котораго ты никогда не отступишь. Я увѣрена, что—да, и не перестану молиться и просить молитвъ людей, болѣе меня достойныхъ, да сохранитъ тебя Богъ отъ этого несчастія, самаго страшнаго, какое только можетъ постигнуть монархію. Думая сохранить земледѣльцевъ (протестантскихъ) или даже привлекая ихъ, ты разоришь твое государство и будешь причиною погибели столькихъ душъ. Къ чему послужила бы тебѣ истинная религія, если ты ее такъ мало уважаешь и любишь, что не заботишься объ ея сохраненіи и распространеніи?» Здѣсь Марія-Терезія приводитъ въ примѣръ судьбу протестантскихъ земель и въ особенности негодуетъ на «эту скверную (vilaine) Швейцарію»... «Гдѣ у нихъ,—спрашиваетъ она,—эти земледѣльцы, эти люди, безъ которыхъ немыслимо счастіе государства? Нѣтъ страны менѣе счастливой и болѣе отсталой въ этомъ отношеніи, какъ эти провинціи. Необходимы честность, непоколебимыя правила; а гдѣ вы ихъ найдете и какъ сохраните»?... «Безъ господствующей религіи! — Вѣротерпимость, индифферентизмъ! — вотъ истинныя средства все подорвать, чтобы не осталось камня на камнѣ: и мы попались бы прежде всѣхъ... Чтó можетъ обуздать этихъ людей? Ни висѣлица, ни колесованіе,—

ничто, кромѣ религіи. Или станемъ жестокими, *долой «друга человѣчества*!» (kein Menschenfreund)—фраза, которую такъ часто употребляютъ, каждый въ своемъ смыслѣ. Я говорю лишь съ точки зрѣнія политики, а не какъ христіанка: нѣтъ ничего необходимѣе и спасительнѣе религіи. Или ты хочешь, чтобы каждый создалъ себѣ религію по своей фантазіи? Безъ установленной обрядности, безъ подчиненія церкви, чтó будетъ съ нами? Не спокойствіе и довольство послѣдуютъ за этимъ, а *кулачное право* и другія несчастныя времена, которыя мы уже видѣли. Подобныя рѣчи съ твоей стороны могутъ причинить величайшее несчастіе и возложить на тебя отвѣтственность не за одну тысячу душъ; но суди, чтó должна выносить я отъ твоихъ ложныхъ принциповъ!.. Не нужно духа преслѣдованія, но еще хуже равнодушіе или вѣротерпимость,—вотъ чего я буду держаться, покуда живу. И я желаю лишь дожить до той минуты, когда мнѣ можно будетъ отойти къ предкамъ утѣшенной мыслью, что мой сынъ будетъ такъ же великъ, такъ же религіозенъ, какъ его предшественники, и откажется отъ ложныхъ умствованій, отъ дурныхъ книгъ, равно какъ и отъ тѣхъ, которые щеголяютъ блескомъ ума насчетъ всего, чтó есть самаго святого и почтеннаго, и хотятъ ввести воображаемую свободу, которой никогда не можетъ быть, которая ведетъ къ своеволію и къ полнѣйшему разрушенію»... «Ты думаешь, что я слишкомъ забочусь о томъ, чтó скажутъ. Въ теченіи первыхъ двадцати лѣтъ своего царствованія я доказала противное. Но ты уже слишкомъ пренебрегаешь этимъ. Ты знать ничего не хочешь, кромѣ своихъ идей и своей воли,—и не встрѣчая противорѣчій, владѣя словомъ и перомъ, да вооружась безконечными софизмами и насмѣшками, ты по бóльшей части успѣваешь. Ободренный этимъ, ты воображаешь, что всѣ остальные ошибаются или не заслуживаютъ вниманія».

А Іосифъ все сильнѣе обнаруживалъ презрѣніе къ матери, которая, въ его глазахъ, была лишена идей и воли, и негодовалъ на всѣ ея порядки. «Одними овладѣваетъ нетерпѣніе, другіе интригуютъ,—жалуется онъ своему брату Леопольду,—эти спѣшатъ, тѣ мѣшаютъ,—вотъ какъ относятся здѣсь къ дѣламъ! Императрицу смущаютъ, бранятся, поистинѣ, непристойными словами; когда дѣло рѣшено и даже обнародовано, его отмѣняютъ или передѣлываютъ». Іосифъ сѣтовалъ на нерѣшительность матери, которая «такъ долго тянетъ дѣло, что выйдетъ послѣ ужина горчица». Онъ то старался убѣждать ее, выводить изъ апатіи, то предпринималъ путешествія и не разъ просилъ объ

отставкѣ отъ соправительства. Иногда имъ овладѣвало отчаяніе: «клянусь вамъ, что я совсѣмъ убитъ,—писалъ онъ брату, весной 1772 года:—работы прибавляется каждый день, а никто ничего не дѣлаетъ... Пустые предлоги, интриги, игрушкою которыхъ я былъ такъ долго, останавливаютъ и задерживаютъ все, и покуда все пошло къ чорту... Мною овладѣла черная меланколія, у меня нѣтъ надежды на будущее, потому что всѣ дѣла приходятъ въ такой упадокъ, что нѣтъ возможности ни идти впередъ, ни даже питать надежду сдѣлать что-нибудь порядочное въ своей жизни. Прощай доброе мое имя и слава! Я противъ воли участвую въ этомъ разрушеніи, и мое патріотическое сердце разрывается на части»... «Еслибы немного философіи не поддерживало меня, было бы отчего сойти съ ума въ моемъ положеніи!» А поправлять дѣла, по его словамъ, «все равно, что мыть негра» или «вынить море».

Іосифъ, дѣйствительно, былъ мученикомъ идеи на тронѣ, и въ этомъ смыслѣ одною изъ самыхъ благородныхъ, честныхъ личностей въ исторіи. Онъ не понималъ полумѣръ, сдѣлокъ, и не писалъ «Антимаккіавелей» въ оправданіе своего маккіавелизма: по искренности убѣжденія онъ гораздо выше Фридриха. Его юность протекла въ исканіи идеаловъ правды и добра: онъ безспорно былъ однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ и наиболѣе думавшихъ людей своего просвѣщеннаго времени. И до конца своей жизни Іосифъ любилъ собирать поученія: онъ бесѣдовалъ съ массой людей всѣхъ званій, въ особенности же изъ низшихъ классовъ, и былъ первымъ послѣ Петра Великаго государемъ въ Европѣ, который много путешествовалъ дома и за-границей, съ цѣлью самообразованія. Іосифъ называлъ «служеніе отечеству и монархіи своей единственной страстью»—и современники признавались, что Іосифъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть «лишь для того, чтобы у другихъ не оставалось силы дѣлать зло». Каждый его правительственный шагъ свидѣтельствуетъ объ аскетической преданности идеѣ: его указы имѣютъ такое же психологическое значеніе, какъ и его переписка съ родными [1]. Такова же была и обыденная жизнь Іосифа. Послѣ ранней смерти жены, онъ обрекъ себя на безбрачіе, и чисты были его отношенія къ кружку женщинъ, посѣщавшихъ его по вечерамъ: бесѣда съ ними была для него изящнымъ отдыхомъ, гдѣ на про-

[1] Весьма важны для характеристики Іосифа, кромѣ его переписки съ матерью, его письма къ Леопольду и Кауницу, въ концѣ 1780 и началѣ 1781 г. *Arneth:* Joseph II und Leopold von Toscana. 1872. I, 1—17.—*Beer:* Jos. II, Leop. II und Kaunitz, 20—37.—Cf. *Briefe von Joseph II.* 1821.

сторѣ проявлялся его даръ краснорѣчія и блескъ его остроумія. Іосифъ работалъ съ энтузіазмомъ, съ шести часовъ утра до ночи, подвергался лишеніямъ, спалъ на соломенномъ тюфякѣ и изумлялъ сибаритскую Вѣну плохою упряжью своихъ заморенныхъ лошадей. Къ Іосифу болѣе, чѣмъ къ сѣверной Семирамидѣ, подходитъ описаніе Фелицы, и справедливо его завѣщаніе: «чисты были мои намѣренія, и Европа оправдаетъ меня, если я имѣлъ несчастіе быть обманутымъ или не достигнуть исполненія моихъ желаній». Вся эта трудовая жизнь до самозабвенія была направлена къ одной цѣли. «Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на престолъ,—говоритъ Іосифъ,—*философія* поставлена законодательницей моей имперіи, и, согласно съ ея логикой, Австрія приняла другой видъ». Дѣйствительно, по дѣятельности Іосифа можно изучить всѣ принципы «просвѣщенія». Стбило видѣть, какъ пестрая толпа чуть свѣтъ осаждала двери его кабинета или разгуливала по аристократическому Пратеру, а мятежные крестьяне въ Трансильваніи были оправданы, какъ жертвы помѣщичьяго деспотизма, чтобы признать справедливымъ титулъ «вѣнчаннаго друга человѣчества», которымъ почтили его современники. Точно также правъ былъ Фридрихъ, воскликнувшій при извѣстіи о смерти своей соперницы: «Маріи-Терезіи нѣтъ больше на свѣтѣ— и начинается новый порядокъ вещей!» Іосифъ былъ весь—горячій, нервный протестъ, коренное отрицаніе. Онъ объявилъ старому порядку вещей смертельную борьбу, безъ мира и прощенія. Исчезъ окаменѣлый бытъ Габсбурговъ, съ его меланхолической обрядностью; пало «значеніе улемовъ», какъ называлъ Іосифъ напыщенныхъ царедворцевъ и коварныхъ іезуитовъ; была распущена и «женская республика», или пышный и чопорный штатъ Маріи-Терезіи. По собственнымъ словамъ Іосифа, онъ такою нетерпѣливой рукой прикоснулся къ «разбитой машинѣ» австрійскаго правленія, что поднялся хаосъ, «способный смутить лучшую голову» [1]). Это замѣчаніе относится особенно ко внутреннимъ дѣламъ, гдѣ иностранное вліяніе, лежащее внѣ воли государей, не стѣсняло приложенія новыхъ идей, а рутина, тупоуміе, казнокрадство, да деспотизмъ церкви и помѣщиковъ свили себѣ главное гнѣздо. Здѣсь-то проявилась вся страстность, вся энергія Іосифа. Чуть не каждый день съ высоты престола сыпались на Австрію преобразованія, одно рѣшительнѣе другого. Не были забыты даже такія житейскія мелочи, какъ празднованіе пасхи, звонъ колоколовъ, погребеніе мертвыхъ и т. д. Нашъ вѣнскій

1) *Arneth:* Jos. II und Leopold I, 8 sq.; cf. 20, 128 sq.—*Beer*, XXII.

посланникъ, Голицынъ, постоянно снабжалъ свои депеши приложеніями, состоявшими изъ указовъ, «яко заслуживающихъ любопытства» [1]).

Но здѣсь же ясно обнаружились недостатки «просвѣщенія». Человѣчество, увлеченное негодованіемъ при видѣ внезапно озареннаго зла, спѣшило приговоромъ, не вглядываясь въ источники бѣдствій и не отдѣляя порока отъ его жертвъ. Оттого идеи «просвѣщенія» съ трудомъ проходили въ жизнь, а ихъ гуманность была суха, какъ проповѣдь доктринера. И Іосифъ отличался не столько выдержкой воли, сколько упрямствомъ мысли. Привязавшись къ предвзятой идеѣ, онъ не любилъ игры жизни, и ея противорѣчія оставляли въ его душѣ только чувство раздраженія и усталости. Каждое твердое слово не въ его духѣ казалось ему упрямствомъ невѣжества и порока. Мѣстныя особенности народовъ Австріи были, въ его глазахъ, предразсудкомъ, а люди — ходячимъ коварствомъ и глупостью. Отойти отъ этого «призрака, исчезающаго въ глубинѣ ничтожества», уединиться на высотѣ философіи и все переломать «по ея логикѣ» — вотъ какъ понималъ Іосифъ задачу монарха честнаго и жаждущаго безсмертія! Не въ глубинѣ общества и народности, гдѣ коренятся силы прогресса, а въ облекающей ихъ формѣ видѣлъ онъ спасеніе: «Все принадлежитъ государству (tout est à l'État): въ этомъ словѣ все, и потому каждый долженъ содѣйствовать его требованіямъ» [2]) — вотъ символъ вѣры Іосифа, и онъ съ торжествомъ восклицалъ, вступая на престолъ: «теперь верховныя права пріобрѣли свою былую силу!» Съ неумолимымъ педантизмомъ проводилъ Іосифъ свою философію. «Лишь бы сдѣлать добро — говорилъ онъ, — а какъ — все равно!» Гнетущій, хотя и новаго закала, деспотизмъ налегъ на Австрію. Чиновники не знали что̀ дѣлать: порывистый и неугомонный императоръ не давалъ имъ покоя, а между тѣмъ не довѣрялъ имъ и, самъ отдѣлывая все до мелочей, пристращался къ формализму, къ бумагѣ и цифрѣ, къ приказамъ и указамъ. Онъ всюду вмѣшивался, спѣшилъ, горячился и уставалъ. Курьеръ за курьеромъ скакали по расшатанной монархіи, одинъ отмѣняя приказанія другого. Смущенные народы Австріи сторонились отъ непостижимой для нихъ преобразовательной суеты

---

[1]) Любопытно, что при депешахъ Голицына, въ концѣ 1781 года, мы не нашли двухъ приложеній—именно манифестовъ Іосифа объ освобожденіи крестьянъ и о денежной продажѣ имъ земель. Вмѣсто нихъ вложена бумажка съ надписью: „сіи приложеніи не возвращены изъ дворца“.

[2]) *Arneth:* Mar.-Ther. und Joseph. I, 10 sq.

и роптали подъ гнетомъ централизаціоннаго деспотизма [1]). Такъ разсыпались прахомъ благородныя усилія Іосифа, и имъ овладѣвали то усталость, то отчаяніе. Отсюда недоконченность многихъ начинаній, отважность замысловъ и робость исполненія. И человѣкъ, который въ частномъ быту служилъ бы украшеніемъ любого общества, долго оставался непонятъ потомками, глумившимися надъ его непрактичностью, и былъ ненавидимъ подданными. Зарево кроваваго мятежа сопровождало его въ могилу, и его послѣдними словами былъ горькій упрекъ жизни за обманутыя надежды.

У Іосифа не было ни любимцевъ, ни помощниковъ: недостатокъ въ людяхъ былъ хронической болѣзнью габсбургской Австріи, да и Іосифъ былъ слишкомъ ревнивъ къ своему государскому дѣлу. Онъ рано началъ тяготиться вліяніемъ матери, и Марія-Терезія въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія принуждена была дѣлиться съ нимъ властью, особенно въ иностранныхъ дѣлахъ, въ которыхъ уже отражались его порывы. Въ описываемую же эпоху, со смертью Маріи-Терезіи, настало полное единодержавіе Іосифа. Касательно внутреннихъ дѣлъ въ этомъ никто не сомнѣвался; но современники думали сначала, что иностранная политика могла находиться только въ рукахъ Кауница.

Это тотъ князь Кауницъ-Ритбергъ, который слылъ грознымъ царемъ дипломатіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и сорокъ лѣтъ повелѣвалъ Австріей — изъ нихъ двадцать-пять почти безконтрольно. Онъ принадлежалъ къ древней моравской знати и, вслѣдствіе многихъ превратностей въ своей юности, обогатился массой различныхъ свѣдѣній и рѣдкимъ опытомъ. Кауницъ получилъ дома хорошее католическое воспитаніе, потому что его предназначали къ духовному званію, и онъ уже былъ зачисленъ въ мюнстерскій капитулъ. Но потомъ онъ попалъ въ университетъ въ Лейпцигѣ и Лейденѣ, гдѣ познакомился съ протестантской культурой, уже затронутой «просвѣщеніемъ». Новое направленіе съ неотразимой силой захватило юнаго аристократа въ свой водоворотъ, во время его путешествія по Франціи, Англіи и Италіи. Кауницъ сталъ настоящимъ французомъ и отчаяннымъ вольнодумцемъ. Вольтеръ былъ его любимымъ писателемъ, а Руссо даже исправлялъ у него въ Парижѣ должность секретаря. Кауницъ не выпускалъ изъ рукъ «Энциклопедіи» Дидро и д'Аламбера, и

[1]) Съ перваго же года единодержавнаго правленія Іосифа мы встрѣчаемъ въ депешахъ Голицына частыя извѣщенія о ропотѣ въ разныхъ мѣстахъ Австріи на различныя нововведенія императора.

до старости съ живымъ интересомъ слѣдилъ за парижской сценой. Его роднымъ языкомъ сталъ французскій: по-нѣмецки онъ говорилъ лишь по нуждѣ, съ простонародьемъ, да и то заикаясь, стѣсняясь. Даже по одеждѣ и манерамъ это былъ настоящій парижанинъ, и никто лучше его не умѣлъ устраивать придворныхъ развлеченій. Впрочемъ, только эта внѣшность да меценатство остались данью «бурнаго времени»: «просвѣщеніе» не могло глубоко преобразовать этого рожденнаго дипломата. Кауницъ рано добился политическаго поприща: двадцати-восьми лѣтъ онъ уже былъ посланникомъ на германскомъ сеймѣ, гдѣ проникъ въ тайны имперской формалистики. Потомъ занималъ важные посольскіе посты. Но слава его началась съ заключеннаго имъ ахенскаго мира. Вскорѣ его назначили государственнымъ канцлеромъ, или главою иностранной политики въ Австріи; а съ 1756 года, когда явился его несокрушимый памятникъ — союзъ между заклятыми врагами, Габсбургами и Бурбонами, онъ сталъ свѣтиломъ европейской дипломатіи. Съ тѣхъ поръ, по выраженію Фридриха, въ Австріи настало «вице-визирство» Кауница. Замѣтивъ, что Европа считаетъ его дипломатическимъ чародѣемъ, Кауницъ призналъ себя геніемъ, сталъ заносчивъ и упрямъ, выказывалъ презрѣніе даже къ иностраннымъ державамъ. Онъ поставилъ своей цѣлью сдѣлать Австрію повелительницей вселенной, а самому царствовать въ ней. Уважая только такіе таланты, которые не затмѣвали его, князь отстранилъ отъ Маріи-Терезіи соперниковъ и поселилъ при дворѣ убѣжденіе, что безъ него нельзя сдѣлать шагу нигдѣ—ни въ дѣлахъ, ни на балахъ. Императрица сама замѣчала, что въ его вѣдомствѣ «все рутина да добрая воля и ни одного добраго совѣта» [1]); но она только сожалѣла о немъ, какъ о жертвѣ поголовной бездарности. Она безгранично и непоколебимо вѣрила въ преданность и геніальность своего министра, и до того привыкла къ его совѣтамъ, что прибѣгала къ нимъ даже въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Въ иностранной же политикѣ Кауницъ былъ полнымъ господиномъ. Онъ отмѣнилъ вѣковой обычай обсуждать ее на конференціяхъ, въ присутствіи государя, и самъ писалъ и отправлялъ важнѣйшія депеши. Собственно говоря, до Кауница въ Австріи не было министерства иностранныхъ дѣлъ: онъ устроилъ его, вмѣстѣ съ государственнымъ архивомъ, подъ видомъ «фамильно-придворно-государственной канцеляріи». Чтобы быть совершенно независимымъ, Кауницъ завелъ въ своей канцеляріи тупоумныхъ, но ученыхъ публицистовъ и основалъ «восточную академію», слу-

[1]) *Arneth:* Mar. Ther. u. Joseph. II, 382.

жившую разсадникомъ дипломатическаго чиновничества. Очевидцы называли нулями даже всѣхъ другихъ министровъ: Кауницъ имѣлъ вліяніе и на внутреннія дѣла, потому что жизненная сила такихъ искусственныхъ державъ, какъ Австрія, заключается во внѣшнихъ обстоятельствахъ.

По сознанію всѣхъ дипломатовъ, Кауницъ дѣйствительно былъ головою выше окружающей среды. Руководимый честолюбіемъ высшаго разбора, онъ возвышался въ своей частной жизни надъ мелкими интересами. Живой и мѣткій умъ, самыя разностороннія свѣдѣнія, необыкновенно убѣдительная рѣчь, теплота и искренность въ обращеніи—все въ немъ производило неотразимое впечатлѣніе на современниковъ. Это былъ безспорно замѣчательный государственный мужъ, но только австрійскій. Кауницъ—первообразъ Меттерниха, дипломатъ стараго закала. Онъ не любилъ внутреннихъ дѣлъ и мало понималъ ихъ. Его сферой была «большая политика», которая представлялась ему особымъ міромъ, несвязаннымъ съ силами и нуждами народа и зависящимъ только отъ таинственныхъ махинацій искусныхъ дипломатовъ. Здѣсь не требовалось творчества, новыхъ идей, на чтò не былъ способенъ Кауницъ. Здѣсь нужно было только обычное дипломатическое «искусство», т.-е. умѣнье провести людей или, выражаясь словами Фридриха, «крайне утонченная (trop raffinée et quintessenciée) вѣнская политика». Въ этой-то сферѣ Кауницъ былъ неподражаемъ. Образецъ лицемѣрія и коварства, онъ мастерски прикрывалъ свои замыслы непроницаемой тайной, и даже его канцелярія была нѣма, какъ могила. Подъ видомъ искренности, или, по выраженію нашего посланника, «благонамѣренности и благоприличія» [1]), онъ умѣлъ перессорить друзей, прельстить своихъ враговъ, заставить людей дѣйствовать вопреки ихъ собственнымъ интересамъ—словомъ, артистически играть въ древнюю «политику удобныхъ случаевъ» (Convenienz-Politik), еще не убитую «просвѣщеніемъ». Нельзя не восхищаться вѣнскою утонченностью князя, когда видишь, какъ онъ, съ «Энциклопедіей» въ рукахъ, аккуратно служитъ у себя на дому католическія обѣдни и вкрадывается въ душу къ набожной императрицѣ, или, подъ видомъ безкорыстія, отказывается отъ польскихъ земель, чтобы получить больше; не то вырабатываетъ мельчайшія подробности этикета въ инструкціи Іосифу, какъ принимать Павла Петровича и разговаривать съ Екатериной, или же проводитъ своего императора,

[1]) *Соловьевъ:* Исторія Россіи, XXIII, 227.

сочувствуя его реформамъ и незамѣтно притупляя ихъ силу въ исполненіи.

Въ описываемое время Кауницу было подъ семьдесять. Онъ жилъ совершеннымъ царькомъ и сталъ, по словамъ Фридриха, олицетворенной «надменностью и спѣсью австрійскаго министра». Онъ началъ оригинальничать: его чудачества славились по всей Европѣ, и къ числу ихъ должно отнести его вѣчныя жалобы на свои недуги, хотя онъ прожилъ 84 года и ни разу не хворалъ. Кауницъ говорилъ категорически и много, упиваясь собственнымъ краснорѣчіемъ: перебить его значило нанести ему жестокую обиду. Онъ съ трудомъ снисходилъ до выслушиванія своихъ сослуживцевъ и заставлялъ иностранныхъ посланниковъ тереться въ своей пріемной. Онъ даже оскорблялъ императрицу своими капризами, а къ императору относился, какъ къ школьнику. Марія-Терезія была между двухъ огней: вступится ли она за сына — исчезаетъ канцлеръ, и нигдѣ не найдешь его; склонится ли она на сторону канцлера — сынъ дуется и осыпаетъ ее упреками по цѣлымъ днямъ. Впрочемъ, по смерти императрицы соперники помирились. Повидимому, императоръ подчинился своему маститому канцлеру. Онъ самъ заходилъ къ Кауницу, который не посѣщалъ дворца, и стушевался среди сановниковъ, толпившихся за кресломъ Нестора дипломатовъ въ его бильярдной. А онъ пилъ свой послѣобѣденный чай и писалъ что-нибудь, не удостоивая гостей даже поклона. Іосифъ во многомъ почти рабски слушался ворчливаго старика, спрашивалъ у него, какъ вести тотъ или другой разговоръ, давалъ ему на просмотръ свои письма, пользуясь его отмѣтками карандашомъ. Но онъ дорожилъ совѣтами Кауница только тамъ, гдѣ требовалось знаніе дипломатической формалистики да дѣйствующихъ лицъ. Іосифъ самъ руководилъ иностранными дѣлами точно такъ же, какъ и внутренними. Хитрый старикъ понялъ свою роль. Онъ старательно облекалъ свои легкія возраженія въ льстивыя формы и не отправлялъ ни одной депеши безъ вѣдома своего государя. Но главною причиной, почему правителямъ Австріи легко было жить въ ладу, было ихъ согласіе въ идеѣ иностранной политики [1]).

Эта идея служитъ добавленіемъ къ характеристикѣ конца

---

[1]) Для характеристики Кауница важнѣе всего его переписка съ Іосифомъ II и Леопольдомъ II, а также переписка Маріи-Терезіи съ сыномъ и сочиненія Фридриха II, (IV, 16; V, 159, 229; VI, 10, 29 sq.). Cf. *Dohm*, I, 72 sqq.—*Perthes*. Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der franz. Herrschaft. 1862—1869. II, 45—50. Статья *Беера* въ Historische Zeitschrift. *Зибеля* (1872, I).—*Ranke*. Die deutsch. Mächte, I, 49 sq., 87.

XVIII-го вѣка, когда перевороты и неожиданности встрѣчались повсюду. Тогда между Габсбургами и Гогенцоллернами произошла рѣдкая въ исторіи перемѣна ролей. Между тѣмъ какъ Фридрихъ сталъ завзятымъ консерваторомъ и миролюбцемъ, Іосифъ оказался пылкимъ революціонеромъ и возмутителемъ европейскаго спокойствія. Слѣдуя механическому взгляду «просвѣщенія» на государственныя цѣли, а также примѣру юнаго Фрица, императоръ руководился въ своей иностранной политикѣ тѣмъ честолюбіемъ, которое Фридрихъ назвалъ «жадностью къ расширенію границъ». Уже двадцатилѣтнимъ юношей онъ внушалъ матери «всегда думать о войнѣ» [1].

Съ этой точки зрѣнія должно объяснять и нѣмецкую политику Іосифа. Юношей прислушивался Іосифъ къ урокамъ одного ученаго мужа въ Вѣнѣ, доказывавшаго, что избирательныя условія не должны стѣснять выгодъ австрійскаго дома. Потомъ онъ былъ окруженъ чиновниками, привыкшими прилагать эту теорію на практикѣ, и во главѣ ихъ стоялъ Кауницъ, этотъ ходячій габсбургскій интересъ со всѣми его мелочами и со всѣмъ механизмомъ интригъ, выработаннымъ вѣками. «Просвѣщеніе» внушило Іосифу сознательную ненависть къ уродливому памятнику старины, именуемому нѣмецкой имперіей. Впрочемъ, сначала неопытный императоръ мечталъ о благодѣтельныхъ преобразованіяхъ. Онъ взялся-было за исправленіе имперскихъ судилищъ и прибѣгнулъ къ законному средству—къ визитаціи (ревизіи), которая никогда еще не была обставлена такъ серьёзно. Іосифъ не щадилъ средствъ и устроилъ большую коммиссію изъ ученѣйшихъ правовѣдовъ Германіи. Но тотчасъ же оказалось, что даже имперскій придворный судъ (Reichshofrath), который помѣщался въ Вѣнѣ и состоялъ изъ императорскихъ чиновниковъ, былъ безнадежно испорченъ. Въ настоящемъ же имперскомъ судѣ (Reichskammergericht) визитацію постигла еще болѣе печальная судьба. Двадцать-четыре ревизора огуломъ обсуждали всѣ мелочи, тотчасъ же запутались, перессорились и послѣ девятилѣтней возни разошлись «со взаимнымъ ожесточеніемъ, не оправдавъ надеждъ Германіи». Мало того, распри въ коммиссіи чуть не сгубили окончательно всего имперскаго устройства. Разогнавшій ее вопросъ, куда причислить голоса вестфальскихъ и франкскихъ графовъ—къ католической или протестантской Германіи, перешелъ въ сеймъ. «И черезъ это явился такой застой въ занятіяхъ сейма,

[1]) *Oeuvres de Fréd.* VI, 45.—*Arneth:* Mar.-Ther. u. Joseph, I, II.

что много лѣтъ не было вовсе засѣданій, и опасались, что это учрежденіе распадется точно такъ же, какъ коммиссія» [1]).

Послѣ подобныхъ опытовъ Іосифъ сталъ непримиримымъ врагомъ имперской конституціи и открыто поносилъ ее, какъ неисправимое зло, заслуживающее искорененія. «Мнѣ противны, отвратительны обязанности императора,—говорилъ онъ французскому посланнику:—тутъ при всемъ безпристрастіи пожинаешь одну только вражду партій. Особенно несносны религіозныя препирательства. Стану я за какой-нибудь капуцинскій монастырь, видя его правоту,—протестанты говорятъ, что я хочу подавить ихъ религію. Признаю справедливыя жалобы протестантовъ—всѣ попы и монахи кричатъ: «глава имперіи богоотступникъ!» [2]).

Съ тѣхъ поръ какъ Іосифъ сталъ пріобрѣтать вліяніе на австрійскія дѣла, открылась новая эпоха въ нѣмецкой политикѣ Габсбурговъ, и это было именно въ то время, когда произошелъ переворотъ и въ нѣмецкой политикѣ Гогенцоллерновъ. Между тѣмъ какъ Фридрихъ превращался въ защитника имперской конституціи и старался лестью и интригами загладить свои юныя прегрѣшенія передъ фюрстами, Іосифъ выступалъ открытымъ врагомъ имперскаго наряда. Съ каждымъ годомъ все яснѣе и яснѣе обнаруживалось его стремленіе разыграть роль юнаго Фрица и основать могущественное единодержавіе въ Германіи. И съ каждымъ годомъ падала популярность Габсбурговъ въ «отечествѣ», къ выгодѣ Гогенцоллерновъ. Фюрсты и безъ того не любили реформатора на императорскомъ тронѣ, нарушавшаго дремоту ихъ очарованнаго царства своею разрушительной философіей. Сверхъ того, безпристрастіе Іосифа нерѣдко оскорбляло не только курфюрстіанцевъ, но даже и цезаріанцевъ. Наконецъ, католики негодовали на него, какъ на открытаго врага папства и обрядности, а протестанты не могли довѣрять ему уже какъ атеисту, которому ничего не стоило пожертвовать ими ради политическихъ интересовъ, всегда связанныхъ въ Вѣнѣ съ католицизмомъ. Мало-по-малу, Іосифъ становился въ глазахъ фюрстовъ «измѣнникомъ отечеству и его свободѣ». И Семилѣтняя война была, въ прошломъ вѣкѣ, послѣднимъ примѣромъ тѣсной связи между имперіей и императоромъ.

Впрочемъ, новая нѣмецкая политика Іосифа не сразу выяснилась. Ей предшествовали такіе опыты молодого императора въ иностранныхъ дѣлахъ, которые намекали на ближайшее

---

[1]) *Dohm*, III, 7—17.

[2]) Тамъ же, III, 15 sq.

будущее. Съ начала семидесятыхъ годовъ Европа замѣтила новую струю въ вѣнской политикѣ, противорѣчившую сдержанности и миролюбію Маріи-Терезіи. Очевидно, нити правленія уже ускользали изъ рукъ дряхлѣющей императрицы. Несмотря на всѣ ея увѣщанія и усилія, иностранная политика Австріи становилась задорной, наступательной, корыстолюбивой. Вотъ замѣчательное письмо Маріи-Терезіи къ сыну, характеризующее ихъ политическіе взгляды и писанное наканунѣ раздѣла Польши:

«Я слишкомъ встревожена нашимъ критическимъ положеніемъ и не могу еще разъ не представить его въ полномъ свѣтѣ, чтобы попытаться найти средство, если не хорошее, то по крайней мѣрѣ наименѣе дурное. Прежде всего намъ необходимо добиться мира съ обѣихъ сторонъ (отъ Россіи и Пруссіи); чѣмъ болѣе откладывать это дѣло, тѣмъ хуже будетъ наше положеніе. Теперь намъ уже нельзя повернуть на прежнюю дорогу, послѣ ложнаго пути, на который мы вступили съ ноября 1770 года... Слишкомъ угрожающій тонъ относительно русскихъ, наше таинственное поведеніе, какъ съ союзниками, такъ и съ противниками—все это произошло оттого, что мы поставили принципомъ всячески воспользоваться войной между Портой и Россіей, чтобы расширить наши границы и пріобрѣсти выгоды, о которыхъ мы не думали передъ войной. Хотѣли поступать по-прусски и въ то же время сохранить видъ честности. Увлекшись этой точкой зрѣнія, обманываются въ средствахъ и льстятъ себя надеждою въ одно время и сохранить видъ благопристойности, и достигнуть успѣха. Можетъ быть, я и ошибаюсь, можетъ быть, обстоятельства благопріятнѣе, чѣмъ мнѣ кажется; но еслибы даже они доставили намъ часть Валахіи и самый Бѣлградъ, я все-таки скажу, что это куплено слишкомъ дорогою цѣной чести и славы монархіи, а также нашей добросовѣстности и религіи. Со времени моего злополучнаго царствованія мы старались по крайней мѣрѣ поступать всегда искренно и справедливо, и быть добросовѣстными, умѣренными и вѣрными нашимъ обязательствамъ. Это стяжало намъ довѣріе, смѣю сказать, даже удивленіе Европы, уваженіе и почтеніе отъ нашихъ враговъ; въ послѣдній годъ все это утрачено. Признаюсь, мнѣ тяжело выносить это, и ничто въ мірѣ не огорчало меня такъ, какъ утрата нашего добраго имени. Къ несчастію, я должна признаться передъ вами, что мы заслуживаемъ этого, и желаю, чтобы именно съ этой стороны приступили къ исправленію, отказавшись отъ дурного и пагубнаго принципа пользоваться смутами. Я желаю, чтобы разсудили, какъ бы поскорѣе выдти изъ этого несчастнаго положенія. И самое луч-

шее—думать не о своекорыстныхъ пріобрѣтеніяхъ, а о возстановленіи нашего кредита, добраго имени и, насколько возможно, политическаго равновѣсія [1])».

Послѣ этого, припомнивъ еще позднѣйшіе факты и вчитавшись въ переписку Іосифа съ родными, повѣришь Фридриху, который приписывалъ своему сопернику массу присоединительныхъ плановъ. Такъ, не говоря уже о Силезіи, Эльзасѣ и Лотарингіи, Іосифъ желалъ захватить Фріуль и Боснію, промѣнять Тоскану на Виртембергъ, воспользоваться Баваріей по прекращеніи въ ней дома Виттельсбаховъ [2]).

Окинувъ взоромъ изъ Вѣны сосѣднія земли, хищнику не трудно было замѣтить, что съ трехъ сторонъ лежали политическіе трупы, предназначенные судьбой къ погребенію: это—Оттоманская Порта, Рѣчь-Посполитая и священная римско-нѣмецкая имперія. Іосифу хотѣлось начать съ первой, чтобы, по его собственнымъ словамъ, «положить себѣ въ карманъ Бѣлградъ и часть Босніи». И это желаніе было такъ горячо, что императоръ готовъ былъ изъ-за него воевать съ Россіей и даже заявлялъ это во время переговоровъ о раздѣлѣ Польши, въ которые вовлекъ его Фридрихъ. Но энергія и настойчивость прусскаго короля выдвинули на первый планъ польскій вопросъ, и Іосифъ долженъ былъ довольствоваться своей долей въ первомъ раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, и здѣсь приходилось останавливать алчность императора, который потребовалъ-было Краковъ и почти цѣлую треть Рѣчи-Посполитой [3]). Екатерина посовѣтовала ему проникнуться такою мыслію: «три двора хотятъ внушить Европѣ благородную и величественную идею раздѣла Польши — именно, что они руководятся тутъ не столько жаждой пріобрѣтенія, сколько широкими и политическими видами [4])». Поставленный между двухъ женщинъ съ мужественными характерами, между Екатериной и Маріей-Терезіей, Іосифъ выходилъ изъ себя. Онъ писалъ своему брату, въ 1775 году: «невозможно вразумить республику (Польшу), въ особенности потому, что русскіе не хотятъ дѣйствовать за-одно съ нами, а прусскій король прячется то за того, то за другого, чтобы обмануть всѣхъ и достигнуть своихъ

---

[1]) *Arneth:* Mar., Ther. u. Joseph. I, 362 sq.

[2]) Фридрихъ указывалъ даже карту захватовъ, предположенныхъ Іосифомъ по всѣмъ границамъ Австріи. *Oeuvres de Fréd.*, VI, 70, 123.

[3]) *Arneth:* Mar. Ther. u. Joseph. I, 322—346, 367; II, 40 sq.—*Dohm*, I, 463—504.—Депеши у Германа, V, 585 sq.

[4]) *Arneth:* Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. 1869, p. 1—4.

цѣлей, сваливъ съ себя всю ихъ гнусность; мы же слишкомъ вялы, слишкомъ добры, слишкомъ горды, а порой слишкомъ трусливы. Въ концѣ-концовъ все это мнѣ не нравится [1])». Впрочемъ, Іосифъ съумѣлъ-таки, не безъ выгоды для себя, затянуть размежеваніе отнятыхъ у Польши земель до 1777 года. Екатеринѣ не удалось отстоять ни соляныхъ копей Бохни и Велички, ни важной столицы Галиціи, и Австрія получила лучшую долю въ раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой.

Мало того. Въ одно время съ расширеніемъ австрійскихъ границъ насчетъ Польши, Іосифъ успѣлъ хотя отчасти осуществить свой турецкій планъ. Еще передъ окончаніемъ первой войны Россіи съ Портой онъ выравнялъ свои границы на лѣвомъ берегу Дуная, «включая сюда и этотъ домишко (petite bicoque)—старую Орсову [2])». А въ 1777 году Іосифъ захватилъ молдавскую область, Буковину, не позаботившись даже извѣстить объ этомъ петербургскій и берлинскій дворы. Екатерина возстала было, потребовавъ содѣйствія Пруссіи; но Фридрихъ, боявшійся войны, какъ огня, далъ замѣтить, что не считаетъ важнымъ столь далекаго отъ его границъ дѣла.

Послѣ Польши и Турціи, Іосифъ обратилъ серьёзное вниманіе на округленіе своихъ границъ въ германскомъ отечествѣ. Онъ началъ съ Баваріи.

Баварскій вопросъ всегда игралъ видную роль въ судьбахъ Германіи. Счастливыя естественныя условія, важное географическое положеніе, плотность и однородность древняго населенія—все придавало Баваріи первостепенное значеніе, когда еще не было ни Австріи, ни Пруссіи. Она гордо боролась съ императорами, въ ряду которыхъ встрѣчались и потомки ея могучихъ племенныхъ герцоговъ. Первоначально казалось даже, что она можетъ стать объединительною силой въ Германіи. И въ избранную нами эпоху, Баварія, несмотря на свое крайнее паденіе, была первою, послѣ Австріи и Пруссіи, державой въ Германіи, обладаніе которой рѣшало судьбу нѣмцевъ въ габсбургскомъ или гогенцоллернскомъ смыслѣ. Въ Баваріи царствовалъ, съ половины XII-го вѣка, домъ Виттельсбаховъ, которому Фридрихъ II Гогенштауфенъ пожаловалъ еще Рейнскій Пфальцъ, или Палатинатъ. Но онъ вскорѣ распался на двѣ линіи—баварскую, которой также принадлежалъ Верхній Пфальцъ (земли между Майномъ и Дунаемъ),—и пфальцскую. Этотъ раздѣлъ былъ утвержденъ

---

[1]) *Arneth:* Mar. Ther. u. Jos. II, 54.
[2]) Тамъ же, II, 8.

(1329 г.) семейнымъ договоромъ въ Павіи, который постановилъ также, что всѣ земли Виттельсбаховъ считаются ихъ общею собственностью и при вымираніи одной линіи соединяются въ рукахъ другой, курфюрстское же достоинство переходитъ то къ той, то къ другой линіи, смотря по тому, гдѣ представитель старше [1]). Павійскій договоръ постоянно считался основнымъ закономъ въ домѣ Виттельсбаховъ, пустившемъ въ XV-мъ вѣкѣ третью вѣтвь—пфальцграфовъ цвейбрюкенскихъ.

Помня свое блестящее прошлое, баварскіе Виттельсбахи не довольствовались ролью курфюрстовъ. Они, подобно Габсбургамъ, ненавидѣли имперскую конституцію и старались интригами на сеймѣ и заграницей то пріобрѣсти императорскую корону, то округлить свои границы до Богеміи и Нидерландовъ. Они вступали въ союзъ то съ католиками, то съ протестантами; сегодня воевали на сторонѣ французовъ съ Габсбургами, завтра роднились съ послѣдними; продавали то Версалю, то Вѣнѣ своихъ солдатъ и свои голоса на сеймѣ. Такимъ образомъ, по своей эгоистической, коварной политикѣ Виттельсбахи были тѣ же Габсбурги, которыхъ они напоминали еще своимъ характеромъ и внутреннимъ управленіемъ. Они сдѣлали изъ Баваріи вторую Австрію—страну столь же фанатическую, лишенную развитія и чуждую національнымъ стремленіямъ. Виттельсбахи сами подорвали свою будущность. Кидаясь изъ стороны въ сторону, но не выходя изъ круга мелкихъ интригъ, они обнищали, утратили нравственное достоинство и даже способность распоряжаться собственной судьбой, которую въ прошломъ вѣкѣ устраивали за нихъ другіе. Описываемое время составляетъ самую позорную страницу въ незавидной исторіи Баваріи. Оно называется «эпохой денежныхъ договоровъ» (Zeit der Subsidienverträge). Тогда, по словамъ австрійскаго посланника, «въ Мюнхенѣ было принципомъ, котораго вовсе не скрывали — отовсюду набирать побольше денегъ». Курфюрстъ Максимиліанъ-Іосифъ сначала получалъ деньги отъ Франціи, чтобы бороться съ Австріей, потомъ отъ Голландіи для войны съ Франціей. Года два спустя онъ продалъ Австріи свое войско, еще стоявшее въ Голландіи, по 24 гульдена за душу. Еще два года спустя, онъ перепродалъ эту армію на шесть лѣтъ опять Голландіи и Англіи для войны съ Франціей, а по прошествіи этого времени заключилъ новый денежный договоръ съ Версалемъ.

---

[1]) Со временъ вестфальскаго мира, когда было создано *восьмое* курфюршество для Верхняго Пфальца или Баваріи, обѣ линіи Виттельсбаховъ стали курфюрстскими.

И въ этой-то Баваріи угасалъ домъ Виттельсбаховъ, такъ какъ у Максимиліана-Іосифа не было потомства. Слѣдовательно, въ описываемое время здѣсь были всѣ условія для прельщенія завоевателей.

Постоянно, въ теченіи вѣковъ, Габсбурги мечтали о рѣшеніи участи Германіи посредствомъ Баваріи, а въ XVIII-мъ вѣкѣ они даже дважды овладѣвали ею (во время войнъ за испанское и за австрійское наслѣдство), и только вмѣшательство Европы да энергія Фридриха II снова вырвали ее у нихъ изъ рукъ. У Іосифа эта мечта разрослась въ руководящій принципъ, которымъ онъ надѣялся стяжать себѣ славу и отмстить Фридриху за Силезію. Онъ справедливо называлъ свой баварскій планъ «единственнымъ средствомъ унизить со временемъ могущество Пруссіи». Баварія, связывавшая Австрію съ ея Нидерландами, казалась ему тѣмъ болѣе необходимою, что именно тогда Пруссія собиралась врѣзаться своими владѣніями въ глубину Германіи, захвативши Анспахъ и Байрётъ. И Іосифъ не сомнѣвался въ возможности органическаго слiянія двухъ земель: характеръ народа и правительства, строй общества, религія, направленіе умовъ—все роднило Австрію съ Баваріей, и нигдѣ въ Германіи прусскій элементъ не былъ такъ ненавистенъ, какъ въ Мюнхенѣ.

Только турецкія да польскія дѣла, связанныя съ опасностями со стороны Россіи и Пруссіи, отвлекали вниманіе Іосифа отъ его завѣтной мечты. Но еще не было окончено размежеваніе польской добычи, какъ онъ уже выдвинулъ роковой для Габсбурговъ баварскій планъ. Іосифъ думалъ легко покончить дѣло при помощи такого ничтожнаго Виттельсбаха, какъ Максимиліанъ-Іосифъ. Сначала онъ испробовалъ обыкновенное австрійское средство—женился на его сестрѣ, но она вскорѣ умерла бездѣтною. Затѣмъ начались тайные переговоры между императоромъ и курфюрстомъ баварскимъ. Но тогда вышли, наконецъ, изъ свойственной Виттельсбахамъ апатіи другіе члены этого дома, именно двое наслѣдниковъ Максимиліана-Іосифа — старшій послѣ него представитель фамиліи, также бездѣтный, Карлъ-Теодоръ, курфюрстъ пфальцскій, и его наслѣдникъ, герцогъ Карлъ цвейбрюкенскій.

Впрочемъ, иниціатива принадлежала тутъ не этимъ ничтожнымъ представителямъ вымиравшаго рода, а мужественной женщинѣ, свояченицѣ Карла-Теодора, баварской герцогинѣ Климентъ. Такъ называлась по мужу вдова одного принца побочной баварской линіи, женщина умная, энергическая, но крайне честолюбивая и большая интригантка. Она постоянно желала играть

политическую роль и ради популярности не жалѣла средствъ. При ничтожныхъ правителяхъ Баварiи вокругъ нея собирались столпы падающаго государства, и къ ней обращались подданные съ просьбами. Герцогиня Климентъ до того ненавидѣла Іосифа, что ея дворецъ, бывшiй оплотомъ старины и фанатизма въ Баварiи, служилъ въ то же время прiютомъ прусскихъ друзей, или «патрiотовъ». Фридрихъ старался пользоваться слабой струной герцогини и разжигалъ ея патрiотическое честолюбiе. «Ахъ, отчего вы не курфюрстъ!—писалъ онъ ей.—Мы не были бы свидѣтелями тѣхъ позорныхъ событiй, за которыя всякiй порядочный нѣмецъ долженъ краснѣть до ушей».

Благодаря усилiямъ герцогини Климентъ, представители разныхъ линiй Виттельсбахскаго дома заключили между собою тайныя условiя о соблюденiи павiйскаго договора. А между тѣмъ Іосифъ готовилъ войска у баварской границы: герцогиня Климентъ и не подозрѣвала, что Карлъ-Теодоръ, прельщенный денежными обѣщанiями императора, обязался уступить ему Баварiю въ то самое время, какъ подписывалъ свои семейные договоры. Въ эту самую минуту, наканунѣ 1778 года, внезапно умеръ, отъ невѣжества врача, Максимилiанъ-Іосифъ, и тотчасъ же Карлъ-Теодоръ облекся въ вѣнскiй орденъ Золотого Руна, а австрiйцы вторглись въ Баварiю, которую императоръ объявилъ «вакантнымъ и секвестрованнымъ леномъ имперiи». Запуганный и Іосифомъ, и австрiйскими слухами о сочувствiи между Вѣной и Версалемъ, Карлъ цвейбрюкенскiй послѣдовалъ примѣру своего пфальцскаго родственника. Но его всемогущiй министръ, Гофенфельсъ, былъ «патрiотъ». Онъ тайно свидѣлся въ Мюнхенѣ, въ загородномъ дворцѣ герцогини Климентъ, съ агентомъ Фридриха II, Гёрцомъ. Этимъ людямъ удалось, съ одной стороны, устроить шумныя народныя демонстрацiи, грозившiя Карлу-Теодору возстанiемъ, если онъ откажется отъ Баварiи, съ другой—запугать и прельстить герцога Карла. Послѣднiй вдругъ заключилъ договоръ съ Пруссiей, по которому Фридрихъ обязался «всѣми своими силами защищать права пфальцскаго дома на Баварiю», и даже выступилъ на сеймѣ съ формальнымъ требованiемъ о защитѣ этихъ правъ всѣми чинами имперiи. Въ то же время Герцбергъ началъ писать искусныя бумаги, повергая на судъ всей Европы беззаконiе Іосифа, а принцъ Генрихъ быстро поставилъ войска на походную ногу.

Передъ смущенной Европой воскресъ герой Россбаха, Лейтена и Цорндорфа, «этотъ, по словамъ Марiи-Терезiи, ужасный и бѣшеный Фрицъ». Фридрихъ видѣлъ, какъ долго Австрiя го-

товилась къ войнѣ изъ-за Баваріи и какъ легко ему было теперь помрачить славу своей юности: онъ самъ называлъ тогда Австрію «такою грозной державой, какою она не была никогда, даже и при Карлѣ V» [1]). Но онъ понялъ, что и безъ войны Пруссія погибла, если Габсбургъ овладѣетъ Баваріей. Мучительно было сознаніе, что пропали даромъ пятнадцатилѣтнія усилія избѣжать кровопролитія; но у Фридриха хватило мужества принять эту неизбѣжную чашу.

Весной 1778 года разразилась вдвойнѣ знаменитая война за баварское наслѣдство. Съ одной стороны, никогда еще ненависть между соперниками не достигала такихъ размѣровъ. Кауницъ открыто говорилъ тогда: «императорскій дворъ не можетъ терпѣть прусской державы; чтобы *намъ* господствовать, нужно *ее* раздавить». А Фридрихъ писалъ своему брату: «каждый пруссакъ долженъ запечатлѣть эти заповѣдныя слова (paroles sacramentales) въ своемъ сердцѣ, чтобы намъ не убаюкивать себя вредною мыслію о нашей безопасности. Несомнѣнно, что австрійскій домъ долго будетъ заставлять государей этой страны быть воплощенными нервами: иначе они погибли» [2])! И никогда еще судьба Германіи не ставилась до такой степени на одну карту, никогда еще нѣмцы не выставляли такихъ большихъ и готовыхъ къ бою армій. Съ другой же стороны, никогда еще не было такой безкровной войны, и ее справедливо называютъ то «картофельною войной», то «вооруженными переговорами». Эти переговоры, естественно, были окончены иностранными державами, и во главѣ ихъ Россіей, которая показалась тогда въ небываломъ блескѣ на горизонтѣ нѣмецкой политики.

Съ этого момента исторія германскаго вопроса уже становится непонятною безъ объясненія нѣмецкой политики Россіи.

---

1) *Oeuvres de Fréd.* VI, 127.
2) Тамъ же, XXVI, 391.

ГЛАВА III.

Россія и Германія до Екатерины II.

Россія, Австрія и Пруссія такъ тѣсно связаны между собой уже своимъ географическимъ положеніемъ, что ихъ называютъ «системой сѣверныхъ державъ»—терминъ, который не утратилъ своего значенія до нашихъ дней. Ихъ политическіе интересы, сгруппированные въ вопросахъ восточномъ, польскомъ и шведскомъ, всегда такъ переплетались между собой, что всякое потрясеніе въ одной изъ этихъ державъ тотчасъ же отражалось въ остальныхъ.

Оживленныя и обширныя сношенія съ Западомъ въ началѣ русской исторіи, прерванныя почти на три вѣка монгольщиной, возобновились тотчасъ же послѣ сверженія татарскаго ига, но уже ограничивались одною Австріей. У Вѣны и у Москвы были общіе враги—Польша съ Литвой и Турція съ Крымомъ [1]). Дружескія отношенія между этими державами, начавшіяся въ 1489 году, сохранялись болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, прерываясь весьма рѣдко, да и то не надолго. Оборонительный союзъ между Иваномъ III и императоромъ Фридрихомъ III былъ подтвержденъ ихъ преемниками (Василіемъ III и Максимиліаномъ I), а между Иваномъ Грознымъ и Максимиліаномъ II существовала полная дружба. Максимиліанъ заговаривалъ даже о раздѣлѣ Польши и обѣщалъ доставить царю «все царство греческое, восточное» [2]). При ихъ преемникахъ связи между Москвой и Австріей закрѣпились еще болѣе. Царь Өедоръ помогалъ импе-

[1]) Свидѣтельства нашего архива мы заимствовали изъ V—XXV томовъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*.

[2]) *Трачевскій*: Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. 1869. Стр. 185.

ратору Рудольфу II непосредственно и прислалъ ему такую соболью казну, что вѣнскіе эксперты отказались назначить ей цѣну. А другъ фанатика Рудольфа, папа, внушалъ Ѳедору, что «Византія наслѣдственное достояніе московскихъ царей». Вслѣдъ затѣмъ, въ эпоху самозванцевъ, въ Вѣнѣ возникала даже мысль соединить Россію съ Австріей, посадивъ на московскій престолъ родственника нѣмецкаго императора.

Съ воцареніемъ Романовыхъ впервые начали колебаться обычныя отношенія между Россіей и Германіей. Габсбурги, съ свойственнымъ имъ династическимъ тщеславіемъ, презрительно взглянули на царя, по выбору занявшаго расшатанный престолъ государства, истощеннаго смутами. Къ тому же, увлекаясь католической реакціей временъ Тридцатилѣтней войны, они вступили въ дружбу и родство съ Польшей, что̀ вызвало сближеніе между Михаиломъ Ѳедоровичемъ и Густавомъ-Адольфомъ. Впрочемъ, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ старыя преданія, случайно нарушенныя послѣднею вспышкой фанатизма въ Европѣ, взяли верхъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Москвѣ. Швеція, для которой настала тогда блестящая эпоха, была въ сущности не другомъ, а врагомъ Россіи, и даже гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Польша. Оттого-то образовался союзъ между Россіей, Польшей и Австріей, сначала противъ Швеціи, а потомъ противъ Порты—и Европа впервые принудила турокъ къ невыгодному миру (1699).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка открывается новая эпоха въ исторіи отношеній между Россіей и Германіей, которыя становятся серьёзнѣе, сложнѣе. Съ одной стороны, геній Петра I возвысилъ Россію на степень европейской державы, и притомъ замѣстницы грозной Швеціи; съ другой—появилась новая нѣмецкая держава, и также съ европейскимъ значеніемъ — прусское королевство. Россіи предстояла небывалая задача—опредѣлить свои отношенія къ раздвоившейся Германіи.

Особенно трудно было установить отношенія къ Пруссіи, какъ къ новой державѣ, лишенной международныхъ преданій; а между тѣмъ они были тогда наиболѣе важны для Россіи, такъ какъ Пруссія лежала на перепутьѣ между Даніей и Польшей, этими союзницами Петра I въ борьбѣ съ Швеціей. Задача нашей дипломатіи была тѣмъ болѣе затруднительна, что прусскій престолъ занималъ тогда Фридрихъ I. Въ характерѣ этого основателя дипломатическихъ преданій Берлина отражалось тревожное положеніе государства юнаго, не по силамъ честолюбиваго и окруженнаго могущественными сосѣдями. Онъ былъ лукавъ, изворотливъ и непостоянен. Онъ вѣчно гонялся за «удобными

«случаями» (Eventualitäten) и носился съ безчисленными планами увеличенія Пруссіи, о которыхъ готовъ былъ договариваться съ кѣмъ угодно; когда, въ 1712 году, Меншиковъ велъ переговоры въ Берлинѣ, на сосѣдней дачѣ былъ спрятанъ шведскій дипломатъ. Душой политики Фридриха, его «великимъ замысломъ» (grosses Dessein) было «расчлененіе» (démembrement) или «раздѣлъ» (partage) Польши, чего онъ хотѣлъ достигнуть однако мирнымъ путемъ, посредствомъ строгаго нейтралитета въ сѣверной войнѣ, поддержаннаго хорошею арміей [1]. Но, хотя, по выраженію современнаго прусскаго исторіографа, Фридрихъ и «свилъ Аріаднину нить въ хаосѣ восточныхъ дѣлъ», однако достигъ только того, что самъ запутался въ этомъ лабиринтѣ. Какъ ни старался онъ склонить Петра къ своему замыслу, угрожая даже, въ противномъ случаѣ, «не гарантировать ему морского канта» [2]), тотъ упорно отказывался. Это окончательно поселило вражду между двумя юными державами. Фридрихъ началъ внушать на Западѣ, что необходимо остановить «обширные и великіе замыслы (die vasten und grossen Desseins) восточнаго варвара», «удерживать его внѣ Европы, мѣшать ему въ обученіи войска»: иначе «русская держава вскорѣ пріобрѣтетъ такую же извѣстность въ Германіи, какою пользовалась передъ тѣмъ Швеція» [3]).

Политика Фридриха I должна была утвердить старыя связи между Россіей и Австріей, тѣмъ болѣе, что Петръ не былъ свободенъ отъ политическихъ преданій: Германія естественно представлялась ему въ видѣ могущественнаго императора, а не ничтожнаго курфюрста бранденбургскаго. Петръ всячески старался добиться прочнаго союза съ Австріей, чтобы получить отъ нея помощь противъ турокъ и шведовъ, а также запугать Пруссію, которая уже начинала внушать серьёзныя опасенія въ Вѣнѣ. Но Австрія рѣшилась нарушить свою традиціонную политику, раздѣляя всеобщій страхъ передъ Петромъ, уже напоминавшимъ Западу «Филиппа Македонскаго»: въ Вѣнѣ уже поговаривали о будущемъ нападеніи царя на Европу «скиѳскимъ подобіемъ», и о необходимости препятствовать развитію Россіи.

Столь недальновидная политика Австріи подготовила временную дружбу между Россіей и Пруссіей, при сынѣ Фридриха I. Цѣльная, искренняя натура, Фридрихъ-Вильгельмъ I благоговѣлъ

---

[1]) *Ranke:* Genesis des preussischen Staates. 1874, p. 447, 481 sq.

[2]) *Seekante*—такъ-назывались въ прусской дипломатіи того времени берега отъ Нарвы до Мемеля.

[3]) *Droysen*, IV Th., I Abth., 177 sqq.; IV Th., IV Abth., 284—290; IV Th., II Abth., 161, 193.—*Соловьевъ*, XV, 350.

передъ Петромъ I, какъ передъ величайшимъ человѣкомъ своего времени, «и гордился» правомъ называть его своимъ «дражайшимъ, единымъ, прямымъ другомъ». Сверхъ того, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ убѣжденъ, что только «цѣпляясь за царя, какъ репейникъ (Klette)», онъ можетъ «получить значеніе» и снискать «великую честь—быть единственнымъ фюрстомъ, который не пресмыкается передъ императоромъ». Оттого-то онъ говорилъ врагамъ Россіи: «я не вижу никакой себѣ опасности отъ царя и преимущественно желаю, чтобы силы его особенно увеличились». Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ даже, что «не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровью будетъ служить царю»—и сдержалъ слово. Пруссія первая признала императорскій титулъ Петра. Когда самъ польскій король, Августъ II, предложилъ въ Берлинѣ раздѣлъ Польши, Фридрихъ-Вильгельмъ, которому очень нравился этотъ планъ, тотчасъ же извѣстилъ о немъ Петра и отказался отъ него, когда получилъ отвѣтъ, что это «противно Богу, совѣсти и вѣрности». Когда настойчивость министровъ, слѣдовавшихъ политикѣ Фридриха I, привела къ союзу Пруссіи съ враждебной намъ Англіей, Фридрихъ-Вильгельмъ измучился и заболѣлъ. «Мной руководилъ злой духъ—писалъ онъ тогда:—теперь мы погибли!... Пусть же Богъ проститъ мнѣ, но я розыграю странную роль!... Я не буду исполнять трактата... Я стану мошенникомъ, шпіономъ, но раскрою плутни (fourberies) англичанъ и императора... Англійскій трактатъ—моя смерть... И если я потеряю царя черезъ него, то мои министры заплатятъ мнѣ за это своими головами». Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ извинительное письмо Петру, горячо заявивъ: «накажи меня Богъ, если я сдѣлаю что-нибудь противъ царя!» И когда умеръ Петръ, Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ своимъ министрамъ, на вопросъ, какой требуется трауръ: «такой, какъ еслибы я самъ умеръ». Узнавъ, что англійскіе купцы публично пили «за здоровье умершаго дьявола», онъ воскликнулъ: «мошенники!» (die Schurken) [1]).

Совсѣмъ не такъ поступала Австрія. По словамъ одного нѣмецкаго дипломата, тогда уже было замѣтно, что «возрастающее могущество московитовъ колетъ глаза имперцамъ» [2]). Напрасно Петръ снова употреблялъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ императора, и осторожно, «искусно» защищалъ въ Вѣнѣ

---

[1]) *Droysen.* VI Th., II Abth., 226, 266—277, 363.

[2]) „Es ist wohl zu spüren, dass die anwachsende übergrosse Macht der Moscowiter den Kaiserlichen ein Dorn im Auge ist". Тамъ же, 313.

Фридриха-Вильгельма I, «чтобы отнюдь не подать подозрѣнія, будто мы намѣрены сильно заступаться за него»; напрасно даже царевичъ Алексѣй женился на сестрѣ нѣмецкой императрицы. Вѣнскіе дипломаты дѣлали всякія непріятности Россіи и отравляли жизнь нашего посланника, Матвѣева. Особенно ухудшились отношенія между двумя державами съ воцаренія Карла VI. Этотъ императоръ, раздѣляя идеи Евгенія Савойскаго и надѣясь убить, вмѣстѣ съ Россіей, и опасную Пруссію, старался составить европейскій союзъ съ участіемъ даже турокъ и фюрстовъ, съ цѣлью «выгнать русскихъ изъ Мекленбурга и Польши и принять мѣры, чтобы они никогда не появлялись въ Германіи и въ Рѣчи-Посполитой». Онъ укрывалъ бѣжавшаго отъ ярости отца царевича и оскорблялъ русскихъ резидентовъ и купцовъ въ Австріи, а его агентъ въ Петербургѣ грубилъ самому царю. Незадолго до окончанія Сѣверной войны едва не вспыхнула русско-австрійская война, и Карлу VI уже казалось, что «московиты» въ его владѣніяхъ и что къ нимъ пристаетъ «волнующаяся чернь», или «сербы греческой вѣры», какъ называли славянъ въ Австріи. А когда Петръ увѣдомилъ Австрію о своемъ императорскомъ достоинствѣ, Карлъ прислалъ ему грамоты съ старымъ титуломъ.

Такимъ образомъ, Петру I пришлось рѣшить и эту великую задачу въ исторіи Россіи — постановку вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ раздвоенной Германіи. И здѣсь идея, руководившая имъ, стала національнымъ преданіемъ, примѣромъ, на который ссылались потомки. Она формулирована Остерманомъ такъ: «царь хочетъ основать *новую систему* въ Германіи, черезъ чтó держать въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ всѣмъ предписывать законы». Петръ хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе въ Германіи и сдѣлать эту страну орудіемъ русскихъ интересовъ въ Европѣ. Тогда уже говорили, указывая на Мекленбургъ и Голштинію, что «онъ поставилъ ногу въ сѣверную Германію», а Фридрихъ-Вильгельмъ утверждалъ, что «прежде равновѣсіе Европы находилось въ рукахъ австрійскаго и бурбонскаго домовъ, а отнынѣ еще въ рукахъ Россіи». И современный прусскій исторіографъ замѣчаетъ: «съ тѣхъ поръ Россія стала такимъ факторомъ въ прусской политикѣ, который послѣдняя должна была брать въ разсчетъ болѣе чѣмъ какой-либо другой» [1]).

Петръ хотѣлъ провести свою систему посредствомъ Австріи, и только ея недальновидность склонила его на сторону Пруссіи.

[1]) *Droysen*, IV Th., II Abth., 152, 320; IV Th., III Abth., 338.

Впрочемъ, уже въ концѣ его царствованія вѣнскій дворъ, образумленный успѣхами турокъ, началъ понимать свою ошибку. Онъ сталъ заговаривать о союзѣ съ Россіей, который и былъ заключенъ при Екатеринѣ I и подкрѣпленъ при племянникѣ австрійской императрицы, Петрѣ II. Тогда самъ Евгеній Савойскій заговорилъ уже совсѣмъ другимъ языкомъ. «Англія,—доказывалъ онъ,—старается оттѣснить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, Австрія же старается ввести ее въ эти дѣла».

Возстановленію дружбы между Россіей и Австріей способствовала также политика Пруссіи.

Поведеніе Фридриха-Вильгельма лучше всего доказываетъ затруднительность положенія такихъ государствъ, какъ Пруссія. Уже при жизни своего «дражайшаго друга» этотъ прямодушный король принужденъ былъ съ горестью, называя себя «ходячей печалью», продолжать политику своего отца. А тотчасъ по смерти Петра она выяснилась даже больше, чѣмъ при Фридрихѣ I. Идеей Фридриха-Вильгельма были «честь и увеличеніе своего дома». Честь состояла въ томъ, чтобы «не изображать собой фигуру князька (principino), какого-нибудь Циппель-Цербстскаго». Увеличеніе Пруссіи означало присоединеніе Юлиха, Берга и Остфрисландіи на западѣ, и если не Курляндіи, то западной Пруссіи на востокѣ. Отсюда вытекало «вѣчное и неизмѣнное правило бранденбургскаго дома» — не допускать превращенія польской республики въ сильную наслѣдственную монархію. Это правило было лишь мелкимъ колесомъ въ механизмѣ политическихъ средствъ Фридриха-Вильгельма I. На первомъ планѣ стояло устройство войска, достойнаго великой державы и готоваго къ бою — и въ Пруссіи возникла стотысячная армія, съ опытными вождями, которыхъ король посылалъ служить всюду, гдѣ только загоралась война; а подлѣ этой арміи явилось до тридцати прекрасныхъ крѣпостей, набитые запасами цейхгаузы и полная казна. Но Фридрихъ-Вильгельмъ отнюдь не желалъ пользоваться «гордымъ преимуществомъ инниціативы» — и даровалъ своей странѣ двадцатипятилѣтній миръ, чтобы она собиралась съ силами. Его оружіемъ былъ не штыкъ, а изворотливая дипломатія Фридриха I. «Дьявольски стой на сторожѣ (verteufelt Schildwache stehe)»; «веди себя таинственно, терпѣливо, не унижаясь и не возвышая тона, а между тѣмъ подталкивай время плечомъ». «Будь замкнутъ и выжидай»; «тише ѣдешь, дальше будешь» («va piano, va sano» и «chipotieren»); «не склоняйся ни на чью сторону»; «не связывай себѣ рукъ» — вотъ собственныя слова Фридриха-Вильгельма. И относительно пріобрѣтеній онъ счи-

талъ нужнымъ довольствоваться малымъ, брать по клочкамъ. Получивъ только часть Берга, онъ говорилъ: «ничего, я первый ставлю ногу въ Бергъ, а мой сынъ получитъ Аггеръ и Лизьеръ (сосѣднія земли), сынъ же моего сына — Дюссельдорфъ, и такъ далѣе, пока Господь не лишитъ нашего дома сыновей».

Слѣдствіемъ этой политики было всеобщее недовѣріе къ Пруссіи и ея уединенное положеніе. При видѣ ея свѣжихъ войскъ, въ истощенной войнами Европѣ слагалось убѣжденіе, что «необходимо обрѣзать крылья» этой «страшной и всѣмъ вредной» державѣ. И уже пруссакъ становился, подобно калмыку и казаку, героемъ разсказовъ, приводившихъ въ содроганіе. «Мы,— говорили берлинскіе министры,—носимся въ неизвѣстности,- лишенные системы, друзей и помощи».

Особенно ясны слѣдствія этой политики въ отношеніи Россіи и Австріи. Фридрихъ-Вильгельмъ старался «дружить» съ ними, но «не связывая себѣ рукъ», показывалъ видъ, что ищетъ союза съ ними и тайно переговаривался съ ихъ врагами. И вотъ, Россія съ Австріей начали поворачивать на традиціонный путь въ нѣмецкой политикѣ. Но тогда испуганный Фридрихъ-Вильгельмъ самъ пошелъ по этому пути и, къ изумленію Европы, при Петрѣ II всѣ соперники были въ союзѣ между собою, такъ что налаживалась великая система «сѣверныхъ» державъ противъ южныхъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда возникла борьба за польскій престолъ, Фридрихъ-Вильгельмъ снова приступилъ къ своимъ дипломатическимъ маневрамъ: онъ принялъ «другія мѣры» (andere Mesuren), надѣясь, такимъ образомъ, «сыграть великую роль», т.-е. получить ни больше, ни меньше какъ Курляндію. «Мой интересъ,—заговорилъ онъ,—имѣть могущественныхъ друзей, а не могущественныхъ сосѣдей... Чрезмѣрное увеличеніе Россіи производитъ впечатлѣніе... Уже противъ царя возбуждается такая же ревность, какъ прежде противъ Людовика XIV. И дѣйствительно, сосѣдство царя въ Курляндіи и Лифляндіи невыносимо для насъ: оно даетъ возможность ему и его потомству всегда препятствовать нашимъ будущимъ замысламъ, и нашъ тылъ всегда будетъ не обезпеченъ». Состоялся союзъ между Берлиномъ и Версалемъ, и французскій флотъ явился въ Балтикѣ.

Понятно, что и въ Петербургѣ, при Аннѣ Іоанновнѣ, пришли къ убѣжденію, что «могущество Пруссіи безпокоитъ другіе дворы, которымъ пріятно было бы видѣть нѣкоторое уменьшеніе его». И напрасно послѣ этого Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ помощи у Россіи противъ императора Карла VI, ненависть къ которому

стала цѣлью его послѣднихъ дней. Отвѣтомъ Анны Іоанновны было появленіе русскаго корпуса въ Германіи, съ цѣлью помочь Карлу VI противъ Франціи, вмѣшавшейся въ вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи. Вслѣдъ затѣмъ Австрія должна была отплатить Россіи за эту услугу—именно поддержать ее въ войнѣ съ Турціей, хотя эта помощь и оказалась нашимъ бѣдствіемъ. Между тѣмъ, Минихъ уже собирался идти въ Константинополь, опираясь на свои побѣды и на призывъ турецкихъ христіанъ. Австрійцы, армія которыхъ онозорилась передъ всей Европой, сначала, по замѣчанію Порты, потребовали отъ турокъ «вдвое болѣе земель, чѣмъ русскіе», а потомъ вдругъ замирились. Анна Іоанновна принуждена была также остановить свои побѣдоносныя войска, ничего не получивъ за большія жертвы. Карлъ VI, который ожидалъ тогда восстанія столицы, подстрекаемой іезуитами противъ его протестантскихъ генераловъ, боялся еще мести русской императрицы и надѣялся только на ея «правосудное сердце». Но этотъ, по его выраженію, «злосчастный случай» не нарушилъ дружбы между Петербургомъ и Вѣной. Анна Іоанновна даже выдала свою племянницу, Анну Леопольдовну, замужъ за племянника австрійской императрицы и обязалась защищать прагматическую санкцію Карла VI [1]).

Въ 1740 году разомъ сошли съ исторической сцены всѣ представители системы сѣверныхъ державъ — Анна Іоанновна, Карлъ VI и Фридрихъ-Вильгельмъ I. Политическій интересъ сосредоточился на новомъ прусскомъ королѣ, и не потому только, что это была выдающаяся личность Фридриха II. Идея прусской политики уже достаточно выяснилась къ тому времени, особенно въ концѣ царствованія Фридриха-Вильгельма I, когда цѣлая «кадриль» [2]) европейскихъ державъ потерпѣла дипломатическое пораженіе отъ Пруссіи. Европа знала, что Фридрихъ II, подобно Ганнибалу, получилъ въ наслѣдство не только готовую армію и казну, но и ту жгучую ненависть къ Габсбургамъ, которая была задачей всей жизни Фридриха-Вильгельма [3]). Послѣдній передъ смертью «со слезами ярости на глазахъ» воскликнулъ, указывая на сына: «вотъ кто отмститъ за меня!»

---

[1]) *Droysen*, IV Th., II Abth., 314; IV Th., III Abth., 211—427.

[2]) *Quadrilleurs*—такъ называлъ Фридрихъ-Вильгельмъ четыре державы—Австрію, Францію, Англію и Голландію, подавшія ему коллективную ноту о Юлихѣ, которую онъ гордо отвергъ.

[3]) Любопытная записка Ильгена доказываетъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ уже въ началѣ своего царствованія ненавидѣлъ Австрію. *Droysen*, IV Th., IV Abth. 310—317.

Теперь уже можно признать точнымъ выводомъ, что Фридрихъ II не внесъ во внѣшнюю политику Пруссіи новой идеи. Онъ противоположенъ ея основателямъ только по своей отвагѣ и «скоропостижности», какъ говорили наши дипломаты того времени. Въ этомъ-то смыслѣ онъ былъ душой оппозиціи своему отцу, которая роптала: «мы всегда опаздываемъ и только дѣлаемъ гримасы!» По его собственнымъ словамъ, онъ «уже давно» негодовалъ на «летаргію», несогласную съ «ужасомъ, наводимымъ прусскимъ оружіемъ», и мечталъ «всякими мѣрами смирить гордость и презрѣніе этого повелительнаго габсбургскаго дома». Въ этомъ же смыслѣ правъ Фридрихъ, извѣстивъ Вольтера, по вступленіи своемъ на престолъ, что «настала пора полнаго измѣненія старой политической системы» [1]).

Фридрихъ выдвинулъ германскій вопросъ на первый планъ въ европейской политикѣ, поставивъ его на практическую почву. Это былъ міровой вопросъ, какъ доказало участіе почти всѣхъ державъ въ борьбѣ Фридриха съ Маріей-Терезіей. Оттого въ европейской политикѣ совершился переворотъ. Рухнули вѣковыя преданія съ пресловутой идеей политическаго равновѣсія. Произошла непостижимая перестановка въ системѣ державъ, которую только въ наше время выяснила наука. Заповѣдная вражда между Бурбонами и Габсбургами смѣнилась дружбой и союзомъ, а Англія, которая наканунѣ сражалась противъ Пруссіи, одна стала за Фридриха, ибо, пользуясь привилегіей островного положенія, она одна не боялась его.

Россія, введенная Петромъ въ европейскую систему, не могла оставаться равнодушной зрительницей всеобщаго политическаго переворота: она рисковала бы своею будущностью, еслибы предоставила судьбѣ ходъ дѣлъ на Западѣ, въ особенности же въ сосѣдней Германіи. Россіи не трудно было сдѣлать выборъ въ нѣмецкомъ междоусобіи. Вѣковыя связи, поддержанныя авторитетомъ Петра Великаго, соединяли ее съ Австріей, и онѣ основывались не на династическихъ разсчетахъ, а на общности политическихъ интересовъ. Сверхъ того, Фридрихъ сразу прослылъ всемірнымъ завоевателемъ. На Западѣ только и было толковъ, что о «близкой погибели, угрожающей не только многимъ князьямъ нѣмецкой имперіи, но и всѣмъ сосѣдямъ, которыхъ прусскій король поглощаетъ одного за другимъ». А наши посланники, въ особенности же берлинскій, твердили, что Фридрихъ обладаетъ

---

1) *Droysen*, IV Th., III Abth., 279—287, 324.—*Oeuvres de Frédéric*, XVIII, 20; XXII, 49.

«конкерантнымъ нравомъ», «умѣетъ затѣвать и запираться, играетъ договорами, по своему принципу ничего не считаетъ святымъ и ненарушимымъ». Они доказывали, что онъ «намѣренъ привести Россію въ прежнія границы» и что если не остановить его, то нарушится «славная система Петра Великаго и произойдутъ несчастія, и конечное потеряніе Лифляндіи и прочія опасности». По ихъ словамъ, Фридрихъ, вступивъ въ союзъ съ Франціей, ничего не боялся [1]) и чувствовалъ себя «такъ безопаснымъ со стороны Россіи, какъ младенецъ во чревѣ матери». Думая, что легко ослѣпить русскихъ министровъ «дождемъ Данаевъ» и разогнать «калмыковъ и казаковъ» ничтожнымъ отрядомъ, онъ не придавалъ значенія Россіи и даже употреблялъ въ сношеніяхъ съ нею грубый, презрительный тонъ. «Мы всего менѣе могли заслужить это, — жаловались въ Петербургѣ, — ибо дружба Россіи была очень полезна бранденбургскому дому: безъ похвалы можно бы сказать, что Россія не мало способствовала нынѣшней силѣ и значенію королевско-прусскаго двора». И всѣ наши дипломаты, даже личные враги между собой, сходились во мнѣніи, что Берлинъ опаснѣе для Россіи, чѣмъ Парижъ, Варшава и Стокгольмъ, «по близости сосѣдства и великой его умножаемой силѣ [2])».

Этотъ взглядъ былъ усвоенъ нашимъ правительствомъ, послѣ десятимѣсячнаго перерыва, когда, при Аннѣ Леопольдовнѣ, всемогущій Минихъ, вопреки желаніямъ правительницы и Остермана, устроилъ оборонительный союзъ съ своимъ кумиромъ, Фридрихомъ. Впрочемъ, при этомъ союзѣ Россія вовсе не отказывалась отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи: она объявила, что ея интересы «повелительно требуютъ, чтобы Силезія осталась за Австріей». А черезъ два мѣсяца, когда палъ Минихъ, Фридрихъ уже негодовалъ на «страшную измѣну Россіи» [3]), заключившей союзъ съ Англіей противъ него. Но скоро его утѣшило паденіе Анны Леопольдовны. Такъ какъ оно произошло при участіи его союзницы, Франціи, то онъ считалъ его такимъ же знакомъ «покровительства судьбы», какъ смерть Анны Іоанновны. Но это была одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыми вообще отличались сужденія о Россіи этого проницательнаго политика. Русскій престолъ заняла дочь Петра Великаго, которая

---

[1]) Это видно также изъ блестящей картины европейской политики, набросанной Фридрихомъ передъ вступленіемъ на престолъ, подъ именемъ *Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe. Oeuvres de Frédéric*, VIII.

[2]) *Соловьевъ*, т. XXI.—*Droysen*, V, 149.

[3]) *Droysen*, V, 227.

«руководилась національнымъ интересомъ», выражаясь словами извѣстнаго нѣмецкаго историка [1]).

Нѣмецкая политика Елисаветы замѣчательна по своей энергіи, постоянству и ясно сознанной цѣли, а также по оживленности и единодушію, которыя Европа не привыкла встрѣчать въ русскихъ министрахъ. Сама Елисавета была личнымъ врагомъ Маріи-Терезіи, этой «голой королевы», которая желала ея погибели, какъ родственница Анны Леопольдовны. Личные интересы канцлера Бестужева также склонялись на сторону Берлина [2]). А между тѣмъ Елисавета двинула войска противъ Фридриха, которыя были остановлены только быстрымъ заключеніемъ ахенскаго мира; канцлеръ же ея объявилъ Маріи-Терезіи, что онъ «австрійскій министръ при русскомъ дворѣ». Затѣмъ, въ Петербургѣ только и думали, что о смертельной борьбѣ съ Пруссіей. Императрица, вопреки дипломатическимъ обычаямъ, открыто высказывала свою ненависть къ Берлину, и этимъ духомъ проникся даже извѣстный пруссофилъ и врагъ Бестужева, Воронцовъ. Наканунѣ Семилѣтней войны, Россія была душой оппозиціи противъ Фридриха,—и Австріи приходилось удерживать ее отъ слишкомъ поспѣшнаго объявленія войны [3]). Въ Петербургѣ было рѣшено двинуть всѣ силы и не слагать оружія, пока не произойдетъ нѣкотораго раздѣла Пруссіи [4]). Елисавета объявила, что готова для этой цѣли идти «до послѣдняго солдата и рубля» и «продать половину своего платья и бриллиянтовъ». И во время Семилѣтней войны она не разъ воодушевляла своей пылкостью и упорствомъ падавшую духомъ Францію и даже Австрію. Елисавета не обращала вниманія на земельныя вознагражденія [5]), и все твердила, что Россія бьется за «вольность и безопасность Германіи», за то, «чтобы отворить себѣ въ европейскія, а особливо имперскія дѣла путь и ближайшую инфлюенцію» [6]).

Смерть Елисаветы спасла Фридриха. Петръ III, про котораго Финкенштейнъ говорилъ, что онъ «былъ рожденъ, кажется,

---

1) *Ranke:* Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges. 1871, p. 127.

2) *Arneth:* Geschichte Maria-Theresias. 1875. V, 42.—*Oeuvres de Fréd.*, IV, 19, 33.

3) *Arneth*, V, примѣч. 66, 70, 88.—*Beer* въ Hist. Zeitschrift *Зибеля* (1872, II).—*Herrmann*, V, 237 sq.—*Oeuvres de Fréd.*, IV, 70.—*Соловьевъ*, XXIII, 281; XXIV, 27—42.

4) Этотъ планъ раздѣла Пруссіи до того устрашилъ Данію, что весной 1760 г. она едва не заключила союза съ Фридрихомъ, съ цѣлью остановить успѣхи Россіи. *Correspondance entre le comte Bernstorff et le duc de Choiseul. 1871.*

5) Вѣнскій архивъ еще лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ, чѣмъ нашъ. Ср. *Соловьевъ*, XXIV, и *Arneth*, V, 67 sqq. и примѣч. 90, 91, 93.

6) *Соловьевъ*, XXIV, 339; XXV, 71.

для счастья Пруссіи» и «служилъ ей, какъ ея министръ» [1]), болѣе всего опасался лишиться званія прусскаго полковника. Онъ заявилъ Фридриху «готовность, по его приказанію, поднять все свое царство и воевать съ самимъ адомъ», и заключилъ съ нимъ союзный договоръ, обезпечивавшій за Пруссіей всѣ новыя владѣнія. Въ угоду своему кумиру, Петръ III едва не вступилъ въ дружбу съ Турціей и желалъ поднять ее противъ Австріи. Сподвижники Елисаветы съ трудомъ удержали его отъ «компрометтированія Россіи», указавъ на «вѣчный трактатъ съ Австріей противъ Порты».

Когда вступила на престолъ Екатерина II, радость Маріи-Терезіи и Кауница была безгранична [2]), и ихъ надежды тотчасъ же оправдались: ихъ петербургскій посланникъ прислалъ манифестъ о воцареніи новой императрицы, въ которомъ Пруссія была названа «злѣйшимъ врагомъ Россіи» [3]). Но уже въ 1764 году Европа была поражена восьмилѣтнимъ союзомъ Россіи съ Пруссіей, который былъ возобновленъ, въ 1772 году, на прежнихъ основаніяхъ. Впрочемъ, никто не сомнѣвался въ одномъ, а именно, что то, чтó у Петра III объяснялось личнымъ расположеніемъ, у Екатерины II имѣло раціональныя основанія.

---

[1]) *Соловьевъ*, XXV, 188. Кауницъ характеризовалъ политику Петра III весьма сильнымъ выраженіемъ.—*Arneth*, VI, 333.

[2]) Марія-Терезія Екатеринѣ, у *Арнета*, VI, примѣч. 552.

[3]) Въ XXV томѣ „Исторіи Россіи“, *Соловьева*, мы не встрѣтили этой фразы при изложеніи манифеста. Но въ ней нельзя сомнѣваться, такъ какъ о ней свидѣтельствуютъ иностранные архивы (*Arneth*, VI, 330;—*Herrmann*, V, 317;—*Beer:* Die erste Theilung Polens, 1873, I, 28). На нее же указывалъ тогда и нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Обрѣзковъ, какъ видно изъ 223 стр. XXV-го тома „Исторіи Россіи“ (ср. еще стр. 183 и 225).

ГЛАВА IV.

Первоначальная нѣмецкая политика Екатерины II.

Историческая роль Екатерины II еще не выяснена наукой во всей ея полнотѣ, и было бы смѣло браться за ея оцѣнку теперь, когда только собираются многочисленные матеріалы для того. Впрочемъ, особенныя затрудненія для историка представляетъ внутренняя дѣятельность Екатерины, съ ея многосторонностью и коренными противорѣчіями. Внѣшнія дѣла, сами по себѣ болѣе понятныя, особенно при современномъ методѣ ихъ изслѣдованія, съ помощью архивовъ,—и въ царствованіе Екатерины легче поддаются изученію. Къ тому же, здѣсь Екатерина всегда была вѣрна себѣ самой и одной основной идеѣ: здѣсь у нея не было колебаній въ точкѣ зрѣнія ни по эпохамъ, ни по различнымъ частямъ сложной задачи.

Екатерина не была геніемъ въ иностранной политикѣ, не внесла въ нее новой, творческой идеи. Она, какъ и всѣ правители, руководилась національнымъ эгоизмомъ и дѣйствовала обычными средствами дипломатіи и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ штыковъ. Къ тому же, какъ дитя «просвѣщенія», она естественно отличалась механическимъ взглядомъ на народности и матеріалистическимъ воззрѣніемъ на силу государствъ. Быть можетъ, исторія признáетъ даже, что превосходство, пріобрѣтенное Екатериной въ Европѣ, досталось слишкомъ дорого Россіи, что оно не вполнѣ соотвѣтствовало силамъ націи и отражалось потомъ, какъ на ея внутреннемъ развитіи, такъ и на ея международной роли. Но каковъ бы ни былъ приговоръ исторіи, внѣшніе успѣхи екатерининскаго царствованія были, безспорно, блестящи и вызывали дань удивленія у всѣхъ современниковъ. Скажемъ больше—на нихъ преимущественно основывалась заграницей слава этого царствованія, потому что иностранцы не знали,

да и не могли понимать, что дѣлалось внутри Россіи: въ ихъ глазахъ, положеніе этого непостижимаго колосса характеризовалось мятежной личностью Пугачова.

Екатерина была первымъ дипломатомъ своего времени, такъ какъ дряхлѣющему Фридриху уже недоставало отважности и энергіи. Можно сказать, что тогда на политическомъ поприщѣ Европы была вполнѣ мужчиной—одна Екатерина. Это былъ прирожденный дипломатъ, и притомъ обладавшій очарованіемъ женщины. Родомъ нѣмка, но снискавшая широкую популярность въ своемъ новомъ отечествѣ, она поражала иностранцевъ тонкостью національнаго чутья и преданностью интересамъ Россіи. Екатерина понимала людей, и трудно было прельстить или запугать такую женщину, которая не могла переварить мысли, чтобы «кто-либо, кромѣ ея самой, могъ сдѣлать ее несчастной». А практическій смыслъ указывалъ ей неуловимую границу возможнаго среди благороднаго увлеченія смѣлыми теоріями, и помогалъ быстро разобраться въ хаосѣ дипломатическихъ интригъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина была отважна и рѣшительна. Она признавала только политику съ иниціативой, точно также, какъ считала наступательную войну половиной побѣды. Согласно съ этимъ, Екатерина была сама себѣ господинъ. Ей всегда принадлежала идея, направленіе, а нерѣдко и мелкіе планы политики. Она не только была независима отъ своихъ министровъ, но даже старалась выказать это, и иногда съ излишнимъ увлеченіемъ. Екатерина иногда ставила втупикъ своихъ министровъ внезапнымъ передвиженіемъ войскъ и флота, или крутымъ поворотомъ въ дипломатіи. Она совершала важныя сдѣлки безъ ихъ вѣдома, и за спиной Панина назначала таинственныя свиданія иностраннымъ посланникамъ. Однажды она сказала Потемкину: «я хочу сама управлять, и пусть знаетъ это Европа!» [1]). Трудна была тогда роль иностранныхъ агентовъ въ Петербургѣ. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо, имъ нужно было провѣдать всю подноготную, чтобы не попасться въ сѣти «безстрашной» [2]) политики Екатерины. А между тѣмъ они ничего не понимали, ибо не у кого было вынудить дипломатическую тайну подкупомъ, лестью или угрозой. Они находились въ вѣчномъ смущеніи, не зная, что принесетъ имъ завтрашній день, тѣмъ болѣе, что у Екатерины съ отвагой и мужествомъ соединялась хитрость. Иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что эта женщина была олицетворенное коварство. «Со всѣми государями Европы веду

[1]) *Görtz*, I, 114.
[2]) Тамъ же, 116.

себя, какъ кокетка» [1]), сказала она сама французскому посланнику. Но этотъ дипломатъ-кокетка, при всей своей живости и щепетильной гордости, отличался самообладаніемъ и твердостью. Гдѣ для дипломатической побѣды требовалась выдержка, тамъ Екатерина способна была ждать цѣлые годы и переносить не только неудачи, но даже личныя оскорбленія. Сегюръ мѣтко замѣтилъ, что она «непостоянна въ страстяхъ, но тверда въ дружбѣ и принципахъ» [2]).

Иностранная политика Екатерины II покоилась на принципѣ, и потому имѣетъ понятный, стройный видъ, несмотря на свое необозримое поле, на свои извороты и кажущіяся противорѣчія. Вѣрная основнымъ преданіямъ Петра Великаго, Екатерина сразу, безъ колебаній, выдвинула озарившую ее славой идею, отъ которой она никогда не отступала. Это—живое участіе въ европейскихъ дѣлахъ въ интересахъ Россіи. Екатерина желала соединить въ своихъ рукахъ нити міровой политики, чтобы существованіе сѣвернаго колосса чувствовалось вездѣ—на сушѣ и на морѣ, въ Парижѣ, Вѣнѣ или Лондонѣ и въ какомъ-нибудь Триполи и Китаѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, она заявила намѣреніе «быть рѣшительницей судебъ Европы» (l'arbitre de l'Europe). Тогда же обнаружился ея дипломатическій методъ: «нужно,—говорила она,—быть въ дружбѣ со всѣми державами, чтобы всегда сохранять возможность стать на сторону слабѣйшаго (du plus oppressé)» [3]). Отсюда ея стремленіе къ «осторожности въ аліанціяхъ», распространявшейся даже на торговые договоры. Имѣя въ виду какой-нибудь союзъ, Екатерина прежде всего задумывалась о томъ, какъ бы этимъ «не отнять у себя способности вступать въ подобныя обязательства съ другими державами». «Сохранять себѣ свободныя руки» и «ни за кѣмъ хвостомъ не тащиться»—вотъ основное правило Екатерины съ первыхъ дней ея царствованія [4]). И эти политическіе принципы съ особенной энергіей и проницательностью прилагались къ вопросамъ польскому, восточному и германскому, которые правильно всегда стояли у Екатерины на первомъ планѣ.

Основаніямъ дипломатической системы Екатерины соотвѣтствовала и ея нѣмецкая политика, точно также ясная и неподверженная колебаніямъ. Екатерина сразу поставила своей задачей развивать «новую систему въ Германіи» Петра Великаго.

---

1) *Соловьевъ*, XXV, 187.
2) *Ségur*: Mémoires, 3-e édit. Paris, 1827, II, 194.
3) *Екатерина графу Кейзерлингу, у Соловьева*: Исторія Россіи, XXV, 361.
4) *Соловьевъ*, XXV, 195, 226, 230, 233, 332.

Съ первыхъ дней царствованія ея «стараніемъ и желаніемъ» было—«установить въ Германіи столь нужное для интересовъ нашей имперіи *равенство силъ*», или высказывать «безпристрастіе», которое могло «пріобрѣсти намъ довѣріе всѣхъ державъ». Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, русскіе дипломаты единодушно твердили то же самое, словно на заданную тему.

Этому нисколько не противорѣчитъ союзъ съ Пруссіей, который не помѣшалъ нѣмцамъ говорить тогда,—что царица «очевидно мѣтитъ на увеличеніе своего значенія и вліянія въ Германіи» [1]). Тутъ Екатерина не нуждается въ оправданіи [2]). Союзъ съ Фридрихомъ былъ плодомъ серьёзныхъ разсчетовъ, истекавшихъ изъ общаго принципа и долгихъ совѣщаній съ министрами. Екатерина сначала думала захватить въ свои руки рѣшеніе Семилѣтней войны путемъ посредничества, предложеннаго ею одинаково какъ Пруссіи, такъ и Австріи. Затѣмъ, въ ея глазахъ, все зависѣло отъ поведенія самого Фридриха: «мы будемъ располагать свои мѣры,—объявила она,—примѣняясь къ мыслямъ прусскаго короля». Екатерина ясно давала понять не только въ Вѣнѣ, но даже въ Берлинѣ, что не желаетъ «сохраненія на будущее и утвержденія перевѣса бранденбургскаго дома въ Германіи» [3]). Она прямо требовала отъ Фридриха превратить войну и покинуть мысль о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, въ противномъ же случаѣ грозила помочь Австріи и заключить союзъ съ Англіей, которая тогда уже охладѣла къ Пруссіи. Въ то же время старикъ Бестужевъ еще сохранялъ свое вліяніе въ Петербургѣ, и Екатерина твердила, что Австрія «естественная» союзница Россіи по «естественнымъ интересамъ» обоихъ императорскихъ дворовъ, и поэтому «мы не можемъ *вовсе* оставить ее. Союзъ съ Пруссіей былъ заключенъ неохотно, лишь какъ неизбѣжная необходимость, вслѣдствіе «нѣкоторыхъ» общихъ интересовъ двухъ державъ. И Екатерина не считала себя «конфискованною онымъ». Напротивъ, она надѣялась посредствомъ его сдѣлать Пруссію орудіемъ Россіи. Союзъ съ Фридрихомъ состоялся лишь тогда, когда Екатерина увидѣла, что не можетъ одна привести Польшу «въ свою зависимость», а безъ этого Россія, по ея понятіямъ, «теряла

---

[1]) Депеша *Эссена* отъ 3 окт. 1767, у *Германна*, V, 425.

[2]) Такимъ оправданіемъ показались намъ соображенія, приведенныя на 184 стр. XXV-го т. „Исторіи Россіи" *Соловьева*.

[3]) *Arneth*: Geschichte Maria-Theresias, VI, примѣч. 546.—*Соловьевъ*, XXV, 195 и слѣд.

треть своихъ силъ и выгодъ». Австрія же могла только помѣшать здѣсь, такъ какъ Марія-Терезія желала избранія въ Польшѣ именно такого короля, при которомъ не могло бы быть и помышленія о раздѣлѣ Польши [1]).

Это объясненіе прусскаго союза 1764 года, опирающееся на свидѣтельство нашего и нѣмецкихъ архивовъ, окончательно подтверждается тѣмъ, что старые договоры съ Австріей были оставлены въ силѣ, и въ Вѣнѣ вѣрно поняли, что «Россія хочетъ дѣйствовать за-одно съ Австріей только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты». Такимъ образомъ, Екатерина обезпечивала себѣ успѣхъ въ основныхъ стремленіяхъ своей политики. Пруссія должна была сдѣлаться ея орудіемъ въ польскомъ вопросѣ, Австрія—въ восточномъ. Сверхъ того, она сохраняла «свободныя руки», чтобы въ германскомъ междоусобіи стать «на сторону слабѣйшаго», какъ это доказывала вся ея нѣмецкая политика. Западные дипломаты тотчасъ же поняли эту большую политическую игру. Въ королевскомъ совѣтѣ Франціи разсуждали тогда: «согласіе, установленное между Россіей и Пруссіей съ цѣлью увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно. Это увеличеніе, приближая ихъ другъ къ другу, заставитъ ихъ болѣе бояться другъ друга; оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду; и эти двѣ державы сами образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверовостокѣ Европы». Въ то же время саксонскій посланникъ доносилъ своему двору, что Екатерина надѣялась въ союзѣ съ Пруссіей вліять на Польшу и Швецію, чтобы сдерживать Турцію, «первенствовать на сѣверѣ (primer dans la balance du Nord)» и «играть первую роль въ Европѣ», притомъ «безъ большихъ жертвъ со стороны Россіи» [2]). Только старѣющій Фридрихъ могъ думать, въ своемъ самообольщеніи, будто Россія, въ силу союза 1764 года, стала орудіемъ возвеличенія Пруссіи, и думать непростительно долго для его ума.

Разсчеты Екатерины, а не Фридриха, оказались вѣрны. Фридрихъ тотчасъ же обязался помогать Екатеринѣ въ сохраненіи выгоднаго ей существующаго порядка вещей въ Польшѣ и Швеціи, и энергически содѣйствовалъ воцаренію въ Варшавѣ орудія Россіи—Станислава Понятовскаго [3]). Затѣмъ, благодаря тому, что Фридрихъ сдерживалъ Швецію, Екатерина могла сосредоточить свои войска на югѣ и сильно подвинуть впередъ рѣшеніе

---

[1]) *Соловьевъ*, XXV, 196—199, 226, 321—332.

[2]) *Соловьевъ*, XXV, 227, 335.—Сакенъ у *Германна*, V, 572.

[3]) *Oeuvres de Frédéric*. VI, 12.

восточнаго вопроса, въ пользу Россіи, блестящей кампаніей 1768—1774 годовъ. Значеніе этой войны, свидѣтельствующее о заблужденіи Фридриха, лучше всего доказывается вытекшимъ изъ нея временнымъ переворотомъ въ германскихъ дѣлахъ. Фридрихъ и Іосифъ до того испугались успѣховъ Россіи, что вздумали подружиться. На двухъ свиданіяхъ (1769—1770)[1] между ними оказалось, что эти заклятые враги, ненавидя другъ друга, сходились въ общей ненависти къ Россіи. По словамъ Іосифа, «во всемъ проглядывалъ страхъ Фридриха къ Россіи», въ которомъ онъ даже сознался «простодушно»: «всей Европѣ,—сказалъ онъ императору,—придется поднять оружіе, чтобы остановить эту державу: иначе она захватитъ все». Австрійцы заходили еще дальше въ ненависти къ Россіи. Кауницъ объявилъ австро-прусскій союзъ «единственнымъ оплотомъ этому выступившему изъ береговъ потоку, который угрожаетъ затопить всю Европу»[2]). Іосифъ собирался воевать съ Россіей и уже заключилъ договоръ съ Портой, обязываясь оружіемъ содѣйствовать возстановленію ея прежнихъ границъ[3]). Война не разразилась, отчасти благодаря сопротивленію миролюбивой Маріи-Терезіи, но больше вслѣдствіе новаго оборота, даннаго политикѣ Фридрихомъ. Опасаясь всякой войны, а тѣмъ болѣе этой, въ которой ему грозило бѣдствіе, кто бы ни побѣдилъ—Россія или Австрія, онъ выдвинулъ давно подготовленный польскій вопросъ»[4]).

Не легко было ускорить развязку этого дѣла, потому что Австрія и Россія гораздо болѣе были озабочены тогда восточнымъ вопросомъ. Екатерина упорно настаивала на независимости Молдо-Валахіи, доказывая, что при этомъ не было бы нужды

---

[1]) Мотивы этихъ свиданій вѣрно указаны самимъ Фридрихомъ, которому принадлежала и мысль о нихъ: *Oeuvres*, VI, 17, 24, 26.—Подробности о свиданіяхъ см. *Beer:* Die Zusammenkünfte Josephs II und Friedrichs II, Wien, 1871.—Любопытные документы у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 237—239.

[2]) *Maria-Theresia und Joseph II*, I, 300 sqq.—*Oeuvres de Frédéric*, VI, 29.

[3]) Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Іосифа къ Леопольду, отъ 18-го дек. 1770 г.: *Maria-Theresia und Joseph*, I, 316 sqq.

[4]) Въ настоящее время этотъ вопросъ вновь выдвинутъ въ наукѣ, благодаря изслѣдованіямъ архивовъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго. Особенно усердно и любопытно ставится онъ нѣмецкими историками. *Adolf Beer:* Die erste Theilung Polens, Wien, 1873, 2 тома и 1 томъ документовъ.—*Beer*: Friedrich II und van Swieten, Leipzig, 1874.—*Max Duncker:* Die Besitzergreifung von Westpreussen (въ Zeitschrift für preuss. Geschichte und Länderkunde, hrsg. v Rössler, Berlin, 1872).—*Sybel:* Die erste Theilung Polen's (въ Deutsche Rundschau, hrsg. v. J. Rodenberg, Berlin, 1874, Heft I).—Взглядъ *Ранке:* Die deutschen Mächte, II, 237—239.—Cf. Historische Zeitschrift *Зибеля*, 1874, Heft 2.

трогать Польшу; Іосифъ же мечталъ именно тогда «положить себѣ въ карманъ» или Валахію, или Сербію съ Босніей. Въ Вѣнѣ, кромѣ того, раздѣлу Польши сопротивлялась Марія-Терезія: тогда-то эта женщина, считавшая «своимъ правиломъ — лучше быть обманутой, чѣмъ обманывать другихъ», написала замѣчательное письмо своему сыну, приведенное нами выше (II глава).

Раздѣлъ Польши, усиливъ Пруссію, усилилъ также и ея соперницъ — Россію и Австрію; сверхъ того, вслѣдъ затѣмъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи навсегда подорвалъ значеніе Порты въ пользу Россіи. Таковы были плоды политики Фридриха, мечтавшаго сдѣлать Россію орудіемъ своихъ успѣховъ!

Стремленіе Екатерины продолжать систему Петра Великаго и быть «арбитромъ Европы» достигалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Особенно возрастало вліяніе Россіи въ Германіи, благодаря вновь вспыхнувшему междоусобію среди нѣмцевъ, которымъ Екатерина умѣла искусно пользоваться. Когда подготовлялась война за баварское наслѣдство, Пруссія и Австрія сами наперерывъ заискивали въ Петербургѣ. Іосифъ уже въ 1774 году заговаривалъ съ Екатериной о совпаденіи ихъ государственныхъ интересовъ и подумывалъ о союзѣ съ ней [1]). Что же касается Фридриха, то онъ съ особенной энергіей усиливался втянуть Россію во внутреннія дѣла Германіи. Онъ постарался, при помощи своего тайнаго агента, женить Павла Петровича на своей родственницѣ, принцессѣ дармштадтской [2]). Затѣмъ, рано выслѣдивши баварскій планъ Іосифа, онъ довелъ о немъ до свѣдѣнія Екатерины.

Саксонскій посланникъ въ Петербургѣ доносилъ по этому поводу: «это весьма на руку здѣшнему двору... Русская императрица пріобрѣтаетъ тутъ высокую славу, какъ защитница и охранительница справедливости и всѣхъ учрежденій нѣмецкой имперіи. Россія можетъ стать нынѣ для Германіи тѣмъ же, чѣмъ были для нея Людовикъ XIV и его преемникъ. Это великая и лестная роль» [3]). Дѣйствительно, положеніе Екатерины было въ высшей степени выгодно, и она поняла его. У нея уже мелькала мысль, что она достаточно воспользовалась въ своихъ видахъ Пруссіей и ей пора взяться за Австрію. Но она рѣшилась выждать разгара нѣмецкаго междоусобія, чтобы дать время Пруссіи и Австріи хорошенько ослабить другъ друга, и тогда выступить

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 5.—*Maria-Theresia und Joseph II*, II, 118.
[2]) *Asseburg*, гл. VI и 280.
[3]) *Сакенъ* отъ 5-го іюля 1775 г., у *Германна*, VI, 6.

рѣшительницей судебъ Германіи. Вотъ почему она согласилась продлить союзъ съ Фридрихомъ, но такъ, чтобы онъ послужилъ только къ надбавкѣ цѣны на предстоящую дружбу съ Іосифомъ. Отсюда вытекло двусмысленное поведеніе Екатерины въ эпоху баварской войны. Между тѣмъ, какъ оба соперника старались наперерывъ угодить ей тѣмъ, что уговаривали Францію заставить турокъ примириться съ требованіями Россіи, она отвѣчала на ихъ заискиванія молчаніемъ, которое изрѣдка прерывалось самыми салонными, ничего незначущими выраженіями. Политика Екатерины въ этомъ случаѣ лучше всего характеризуется крайнимъ раздраженіемъ противъ нея какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ [1]). Особенно негодовалъ Фридрихъ, который все еще имѣлъ неосторожность думать, что Екатерина, какъ союзница, обнажитъ мечъ за его интересы и даже принудитъ фюрстовъ къ затѣянному имъ тогда союзу князей [2]). Онъ имѣлъ полное право приписывать Екатеринѣ ненавистную необходимость, толкнувшую его въ войну за баварское наслѣдство.

Эта война, столь важная для характеристики Екатерины-дипломата, была поводомъ для другой исторической женщины совершить свой послѣдній жизненный подвигъ. Марія-Терезія возстала со всей силой своей мужественной души противъ «этого подлаго ремесла (vilain métier), губящаго человѣчество и счастье». Она снова упрекала сына въ «алчности» (Habsucht) и несправедливости, и припоминала раздѣлъ Польши, тяготившій ея совѣсть, какъ преступленіе. Она соглашалась даже «на униженіе своего имени, на принятіе названія слабой, сумасбродной, малодушной», лишь бы предотвратить кровопролитіе [3]). Марія-Терезія дѣйствительно ускорила мирную развязку, рѣшившись взять «на свою, болѣе ни на что негодную, сѣдую голову» позоръ инціативы въ переговорахъ съ врагомъ. Она даже снизошла до заискиванія у Екатерины, которую презирала, какъ женщину: переговоры съ Фридрихомъ начались письмомъ нашего вѣнскаго посланника, который далъ русскій паспортъ агенту, посланному Маріей-Терезіей въ прусскій лагерь.

---

[1]) Это раздраженіе рѣзко обнаружилось въ запискахъ Фридриха (*Oeuvres*, VI, 142) и въ перепискѣ Іосифа съ Маріей-Терезіей (II, 318), прибѣгнувшей тутъ къ такимъ выраженіямъ объ Екатеринѣ, которыя не соотвѣтствовали ея извѣстному цѣломудрію.

[2]) Письмо прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Сольмса, къ Ассебургу, въ декабрѣ 1778 года, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ ослѣпленіи Фридриха относительно союза князей. *Asseburg*, 342.

[3]) *Maria-Theresia und Joseph II*, II, 187, 196, 285, 299.

Екатерина рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать и выступила съ грозной декларацiей, произведшей переполохъ въ Вѣнѣ: она просила Марiю-Терезiю «вполнѣ удовлетворить требованiямъ нѣмецкихъ князей, особенно по ихъ справедливымъ жалобамъ относительно захвата Баварiи». А вскорѣ послѣ того въ прусскiй лагерь въ Бреславлѣ прiѣхалъ князь Репнинъ—и пришла очередь разочароваться нашему союзнику. Фридрихъ думалъ, что Екатерина прислала генерала, который ведетъ за собою корпусъ и будетъ ждать его приказанiй, а Репнинъ, выражаясь его собственными словами, «велъ себя какъ полномочный министръ, прибывшiй предписывать законы Германiи именемъ своего двора». Теперь только понялъ Фридрихъ, что «знаки дружбы Россiи къ Пруссiи служили лишь ея желанiю вмѣшаться подъ этимъ предлогомъ въ дѣла Германiи, для распространенiя своего влiянiя на всю Европу», и что «побужденiями императрицы были не интересы союзниковъ и обязательства по договорамъ, а тщеславное исканiе славы». [1]).

Прекратившiе войну за баварское наслѣдство, мирные переговоры въ Тешенѣ тянулись долго. При этомъ Екатерина могла хорошо наблюдать жалкiе имперскiе порядки, такъ какъ мелкiе фюрсты—пфальцскiй, цвейбрюкенскiй, саксонскiй, мекленбургскiй—выступали одинъ за другимъ съ заносчивыми феодальными притязанiями, думая получить что-нибудь на свою долю при ссорѣ великихъ нѣмецкихъ державъ. «Эпохой открытiя тешенскаго конгресса», по признанiю самого Фридриха, было извѣстiе о добавочной конвенцiи къ кайнарджiйскому миру, выхлопотанной у Порты Францiей: по этой конвенцiи Россiя прiобрѣтала свободное плаванiе въ турецкихъ водахъ, фактическiй протекторатъ надъ Молдо-Валахiей и независимость Крыма отъ Порты. Послѣ этого быстро состоялся тешенскiй миръ, весной 1779 года. За исключенiемъ ничтожнаго клочка земли, отошедшаго къ Австрiи, Баварiя сохранила свою независимость и, по смерти Карла-Теодора, должна была перейти къ Карлу Цвейбрюкенскому. Россiя, Францiя и нѣмецкая имперiя поручились за ненарушимость тешенскаго договора, который былъ, въ то же время, подтвержденiемъ вестфальскаго мира, а слѣдовательно и гарантiей имперской конституцiи.

То была одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторiи Россiи. Начиналась вторая половина царствованiя Екатерины, имѣющая глубокiй смыслъ, въ особенности до взрыва французской рево-

[1]) *Oeuvres de Frédéric*, VI, 162, 164 sq.

люціи. Она отмѣчена своеобразнымъ характеромъ. Тогда нѣсколько измѣнились и составъ историческихъ лицъ, и историческая дѣятельность на востокѣ Европы. Въ личности самой императрицы выступили нѣкоторыя новыя черты. Екатерина становилась раздражительна до слезливости, порывиста и упряма. Она неохотно выслушивала чужіе совѣты, поддавалась лести, тщеславію и слишкомъ высокому мнѣнію о себѣ. Ей трудно было угодить, и часто мѣнялась ея ближайшая обстановка, колебались самыя твердыя пристрастія ея. Среди безпокойства и смущенія, дворъ утрачивалъ прежній отпечатокъ внѣшняго величія и достоинства. Здѣсь на первый планъ выступало стремленіе къ эффекту, и восточная пышность должна была прикрывать внутреннюю анархію. Этой расшатанности содѣйствовала возраставшая подозрительность Екатерины, въ особенности къ Павлу Петровичу, что̀ вызывало печальныя сцены между старымъ и молодымъ дворомъ. Намъ понятно, что иностранцы, схватывавшіе поверхностныя черты русской жизни, изумлялись успѣхамъ Россіи въ ту эпоху и приписывали ихъ случаю да дряблости Европы и ея смутному состоянію. Они не замѣчали самаго важнаго и поразительнаго явленія—свѣжести и крѣпости здраваго смысла, который съ замѣчательнымъ постоянствомъ контролировалъ слабости Екатерины и всегда вступалъ въ свои права, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ. Иностранцы преувеличивали вліяніе Потемкина, который самъ жаловался на крайнюю самостоятельность своей государыни. Только Іосифъ II понялъ Екатерину послѣ личнаго свиданія съ ней. Онъ говорилъ: «императрица и Потемкинъ въ политикѣ совсѣмъ не то, что̀ думаютъ... У Потемкина мало свѣдѣній, и онъ очень лѣнивъ. Сама императрица любитъ обращаться съ нимъ, какъ съ своимъ ученикомъ въ политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ о немъ: слѣдовательно, это человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы руководить другими, скорѣе самъ нуждается въ руководителѣ. Императрица любитъ говорить: «онъ мой ученикъ; мнѣ онъ обязанъ всѣмъ своимъ пониманіемъ дѣлъ» [1]).

Оттого-то, намъ кажется, нельзя сказать, чтобы вторая половина царствованія Екатерины, до переворота на Западѣ, невыгодно отличалась отъ первой. Прежде въ жизни Екатерининской Россіи замѣчалась болѣе отрицательная струя, теперь же болѣе положительная. Прежде даже указы сенату носили обличительный характеръ, процвѣтали сатирическіе журналы, бушевала пугачов-

[1]) *La cour de Russie* il y a cent ans. 3-e édit. Leipzig, 1860, 345, 352.

щина, и поспѣшныя преобразованія, если не страдали идеализаціей, то отвѣчали минутной нуждѣ, финансовымъ и административнымъ потребностямъ. Теперь же, среди внутренняго спокойствія, бывшаго знакомъ серьёзной переработки націей новыхъ задачъ, совершались самыя трудныя преобразованія, которыя удовлетворяли менѣе виднымъ потребностямъ и потому глубоко врѣзывались въ общество: это—реформы сословныя и воспитательныя въ широкомъ смыслѣ слова [1]). И въ литературѣ возникали положительные замыслы, которые характеризуются личностью такого серьёзнаго общественнаго дѣятеля, какъ Новиковъ, и научнымъ движеніемъ, направленнымъ именно къ ознакомленію съ Россіей, къ самосознанію.

Новый оттѣнокъ внутренняго управленія характеризовался и выступленіемъ новой государственной личности. Дѣла, разбросанныя по разнымъ рукамъ и слабо связанныя вліяніемъ осторожнаго Никиты Ивановича Панина, получили единство и энергію, благодаря блестящему Потемкину, съ его природной талантливостью и отвагой, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ его умственной подчиненностью болѣе образованной государынѣ. Нашли свое средоточіе и иностранныя дѣла. Прежде ими завѣдывалъ ученикъ Бестужева, Никита Ивановичъ Панинъ, истинный вельможа того времени, отличавшійся столько же отмѣнными манерами, развязностью, безукоризненнымъ костюмомъ и парикомъ, сколько мягкостью характера и гостепріимствомъ: его рѣчь всегда была съ виду искренна, и онъ не зналъ слова «нѣтъ». Человѣкъ болѣзненный, блѣдный, Никита Ивановичъ былъ нѣженка и лѣнтяй: дѣла ворохами лежали у него въ кабинетѣ, особенно въ описываемое время, когда, говорятъ, онъ влюбился, на старости лѣтъ, какъ пылкій юноша. Военная служба до того страшила его, что онъ чуть не бѣжалъ изъ отечества, когда Петръ III пожаловалъ его въ генералы. Никита Ивановичъ искалъ комфорта и развлеченій, и жизнь при дворѣ была его сферой, тѣмъ болѣе, что онъ отличался крайнимъ благоразуміемъ и осторожностью: его лицо всегда было спокойно, неподвижно. Панинъ понималъ людей и умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ, выработавъ ловкость и настойчивость въ интригахъ. Его уважали иностранные агенты, какъ личность благородную, гордую и неподкупную, неподходившую къ типу русскаго государственнаго дѣятеля, какъ

[1]) Между прочимъ, любопытно, что въ описываемое время въ инструкціяхъ нашему посланнику во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Румянцову, мы часто встрѣчали порученіе отыскивать ученыхъ людей, рудокоповъ, солеваровъ, образованныхъ офицеровъ и т. п.

министра представительнаго, европейской школы. Но это былъ дипломатъ Кауницевской школы, рутинёръ, умѣвшій искусно вести дѣло по обычной колеѣ. Екатерина, никогда нелюбившая его, за это-то и дорожила имъ такъ долго. Знаменитый проектъ вооруженнаго нейтралитета вытекъ у Панина не изъ широкаго міровоззрѣнія, а изъ желанія подставить ногу англійскимъ министрамъ, и свидѣтельствуетъ только объ его ловкости въ интригахъ. Панинъ руководился больше личными вліяніями, да упрямствомъ и привычкой, чѣмъ принципами. Онъ не понималъ интересовъ Россіи во всей ихъ широтѣ и, разъ напавъ на идею «сѣвернаго концерта или аккорда» противъ Австріи и Франціи, считалъ ее вѣчно пригодною. Онъ никогда не могъ отстать отъ своего пристрастія къ Фридриху, и до того сносился съ его агентами, въ особенности же съ состоявшимъ на нашей службѣ Ассебургомъ, что Кауницъ совѣтовалъ Іосифу осторожнѣе писать въ Петербургъ, ибо Панинъ «иногда сообщаетъ перехваченное прусскому королю» [1]). Вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, Павломъ Петровичемъ, Панинъ представлялъ прусскую партію, и вмѣстѣ съ нимъ же старикъ сталъ подвергаться неудовольствію Екатерины въ описываемое время. Онъ уже сильно шатался, и вскорѣ иностранныя дѣла перешли въ другія руки.

Впрочемъ, это не былъ Потемкинъ, который еще менѣе понималъ внѣшніе интересы Россіи и самъ отсталъ отъ нихъ послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ: во главѣ иностранныхъ дѣлъ былъ поставленъ ничтожный сынъ знаменитаго Петровскаго дипломата, Иванъ Андреевичъ Остерманъ. Говорятъ, его дипломатическая извѣстность, начавшаяся во время пребыванія въ Стокгольмѣ, была тѣсно связана съ его секретаремъ, шведомъ, котораго онъ не могъ взять съ собою въ Петербургъ. Дарованія Ивана Андреевича опредѣляются единодушными отзывами иностранныхъ агентовъ, которые видѣли въ немъ только занимаемое имъ мѣсто. Кауницъ называлъ его «автоматомъ», а Іосифъ — «соломенной чучелой» (homme de paille), ничего не дѣлающей и неимѣющей вѣса». [2]) Именемъ начальника коллегіи иностранныхъ дѣлъ управляла его канцелярія, — способные, свѣдущіе и усердные исполнители, Безбородко, Бакунинъ и Марковъ. Изъ нихъ первый выдавался своимъ трудолюбіемъ, даровитостью и замѣчательной памятью. Хитрый и изворотливый малороссъ, Безбородко самъ составилъ себѣ карьеру, скопилъ большое состояніе и сталъ пра-

---

[1]) *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 27.

[2]) Гёрцъ у *Шмидта:* Gesch. der preuss-deutschen Unionsbestrebungen, 87 sq.

вою рукой Екатерины, въ качествѣ ея секретаря, а при Павлѣ сдѣлался средоточіемъ всего управленія. Онъ былъ неподкупенъ по сознанію даже иностранцевъ, и хотя получилъ не блестящее воспитаніе, но высоко цѣнилъ образованіе: по его настояніямъ, его братъ устроилъ Нѣжинскій лицей. Но и Безбородко былъ не болѣе, какъ способный исполнитель. Екатерина пользовалась его расторопностью и искуснымъ перомъ; но онъ не смѣлъ возражать ей даже въ вопросахъ формы, и старался поддѣлываться подъ всѣ ея желанія.

Такимъ образомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ стала сама Екатерина—и они приняли вполнѣ стройный видъ. Односторонній въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, Панинъ иногда противорѣчилъ императрицѣ и даже разстроивалъ ея ходы своею опытностью въ интригахъ. Теперь же всѣ, не исключая и Потемкина, смотрѣли на внѣшніе интересы Россіи глазами своей государыни и усердствовали только въ точномъ исполненіи ея приказаній. Въ важныхъ политическихъ вопросахъ министерская конференція старалась предупредить желанія Екатерины, которой оставалось только утверждать или развивать ея мнѣнія. И, какъ бы ни оцѣняли вторую половину царствованія Екатерины относительно внутреннихъ дѣлъ, въ иностранной политикѣ она была безспорно блестящею порой. Современные политики, не исключая самого стараго Фрица, стушевывались передъ Екатериной. Ея первенство въ совѣтахъ Европы было очевидно, тѣмъ болѣе, что Запада какъ-бы не существовало: морскія государства были поглощены американскою войной, а великія державы Германіи своимъ внутреннимъ раздоромъ. Правители и дипломаты боялись «безстрашной» политики Екатерины; европейское общество изумлялось талантамъ сѣверной Семирамиды; ученые и поэты льстили ей, какъ земному величію. На Западѣ даже значительно преувеличивали силы Россіи, увлекаясь внѣшнимъ блескомъ, доставленнымъ ей тогда Екатериной. Въ особенности же опасались сѣвернаго колосса нѣмцы. Тогда русскій вопросъ сталъ главною тэмой разговоровъ германской интеллигенціи; образчикомъ ихъ могутъ служить слѣдующія слова, сказанныя братомъ Фридриха, Генрихомъ, графу Сегюру: «Дидро замѣтилъ, что Россія — колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Но у этого огромнаго колосса, на котораго трудно напасть, потому что онъ покрытъ ледяной кирасой, очень длинныя руки. Онъ можетъ протягиваться и наносить удары, куда ему угодно. Его средства и силы могутъ быть опасны Германіи—пойми только онъ ихъ и съумѣй употребить въ дѣло» [1]).

---

[1]) *Ségur*, II, 144—146.

Тогда дѣйствительно расширялся горизонтъ нашей иностранной политики, и въ ней промелькнули новыя идеи, связанныя не съ однимъ національнымъ эгоизмомъ. Зараждалась мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ—этомъ застрахованіи мира, справедливости и человѣколюбія на моряхъ, въ отпоръ кулачному праву. И въ греческомъ проектѣ нельзя отрицать извѣстной доли христіанской мечты. Екатерина касалась смѣлой рукой съ одной стороны Константинополя, съ другой—береговъ Атлантики, вмѣшиваясь съ своимъ посредничествомъ въ отдаленный кругъ интересовъ морскихъ державъ. Вскорѣ русскіе дипломатическіе агенты явились повсюду, даже въ ничтожныхъ центрахъ европейской жизни — у разныхъ фюрстовъ, въ Туринѣ и Гамбургѣ, въ Генуѣ и Венеціи, въ Неаполѣ, Флоренціи и Мальтѣ. Сверхъ того, Екатерина добивалась завести сношенія и съ другими потентатами, начиная съ курфюрста пфальцскаго и кончая королемъ мароккскимъ [1]). Тогда же образовалась самая выгодная по тому времени постановка основныхъ вопросовъ русской политики. Какъ Фридрихъ собственно пріобрѣлъ Силезію по губертсбургскому, а не по ахенскому миру, такъ и успѣхи Екатерины въ Турціи и Польшѣ стали несомнѣнными только послѣ присоединенія Крыма и окончательнаго раздѣла Рѣчи-Посполитой. А наша нѣмецкая политика никогда еще не достигала такихъ блестящихъ результатовъ.

Тешенскій миръ имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи отношеній между Россіей и Германіей. Устроенный собственно Екатериной, онъ служилъ блестящимъ доказательствомъ практичности идеи, руководившей ею въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Тешенскій миръ вполнѣ соотвѣтствовалъ интересамъ Россіи, потому что

---

[1]) Изъ нашихъ архивскихъ бумагъ оказывается, что въ мартѣ 1782 года былъ „введенъ при генуезской республикѣ и при другихъ смежныхъ съ нею итальянскихъ областяхъ повѣренный въ дѣлахъ, Александръ Мордвиновъ“. Въ августѣ того же года Екатерина добилась установленія дипломатическихъ сношеній съ Сардиніей, которая послала въ Петербургъ своего министра; „въ соотвѣтствіе поступку Сардинскаго короля“, въ ноябрѣ явился въ Туринѣ русскій „полномочный министръ и чрезвычайный посланникъ“. 18 сент. 1783 г. Остерманъ приказывалъ Голицыну просить вѣнскаго министра духовныхъ дѣлъ, чтобы онъ внушилъ магистру мальтійскаго ордена исполнить безъ колебаній желаніе Екатерины имѣть на его островѣ своего chargé d'affaires, въ лицѣ нѣкоего chevalier Psaro. Тогда же Екатерина старалась завести сношенія съ королемъ мароккскимъ. Изъ рескрипта Голицыну въ октябрѣ 1784 г., съ которымъ посылались шифры ко всѣмъ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, видно, что тогда наши мелкіе агенты находились (кромѣ Франкфурта-на-Майнѣ) въ Регенсбургѣ, Гамбургѣ, Туринѣ, Генуѣ, Венеціи, Неаполѣ, Флоренціи, Мальтѣ.

возстановлялъ нѣмецкое равновѣсіе. Сверхъ того, служа подтвержденіемъ вестфальскаго мира, онъ доставилъ Россіи право вмѣшиваться во внутреннія дѣла нѣмецкой имперіи. Выражаясь словами одного изъ дипломатовъ того времени, Россія стала тогда «сочленомъ имперіи» (co-état de l'empire) и «главнымъ препятствіемъ всему, что могло бы подорвать германскую конституцію» [1]. Другими словами: она могла приложить къ Германіи ту самую систему, которая такъ успѣшно дѣйствовала въ Польшѣ.

Екатерина оцѣнила значеніе тешенскаго мира для Россіи. До сихъ поръ она интересовалась нѣмецкими дѣлами лишь настолько, насколько они были связаны съ Портой и Польшей; теперь же они пріобрѣли въ ея глазахъ самостоятельный вѣсъ. Въ иностранной политикѣ Россіи германскій вопросъ выдвинулся на первый планъ, на ряду съ восточнымъ и польскимъ. Въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ возникло особое нѣмецкое отдѣленіе, и Панинъ заговорилъ о необходимости «прочно установить послѣдовательный планъ сношеній съ нѣмецкой имперіей» [2]. Въ Петербургѣ вопросъ о нашей «дѣятельной инфлюенціи» въ Германіи сталъ модной тэмою политическихъ разговоровъ. Съ этихъ поръ о ней постоянно и съ гордостью упоминается въ нашихъ архивскихъ бумагахъ, которыя изобилуютъ также фактическими доказательствами вліянія Россіи на внутреннія дѣла нѣмцевъ. Тогда Екатерина рѣшала многіе споры имперскихъ членовъ и даже частныхъ лицъ [3]. Фюрсты, нерѣдко

---

[1] *Assebürg*, p. 295: „La garantie de notre (русскаго) auguste cour, reconnue actuellement par l'accession de l'Empire et de son chef à la paix de Teschen, établit un contrepoids de la première valeur, à tout ce qui pourra mettre sa constitution en danger. Au moyen de cette garantie, la Russie entrera, pour autant qu'elle voudra, dans les affaires de cet empire, soit politiques, soit ecclésiastiques. Elle sera requise pour cet effet, et partageant la considération des anciens garants des loix fondamentales de l'association, il ne dépendra que d'elle, d'étendre son crédit, sa considération, et la gloire, d'être sans aucune vue de propre intérêt, la protectrice de celui d'autrui".

[2] *Assebürg*, 59.

[3] Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постоянно будемъ встрѣчаться съ крупными доказательствами русскаго вліянія въ Германіи въ описываемое время. Теперь же укажемъ на мелкіе факты, во множествѣ попадающіеся въ бумагахъ нашего архива за 1779—1786 годы.—Россія участвовала въ спорѣ *любечанъ* съ ихъ епископомъ и капитуломъ изъ-за уголовныхъ судовъ.—Она вмѣшивалась въ тяжбу принца *Ангальтъ-Цербстскаго* съ вѣнскимъ дворомъ.—Безъ нея не могло обойтись важное дѣло избранія эрцгерцога Максимиліана въ *коадъюторы архіепископа кельнскаго*. Въ Вѣнѣ всячески старались доставить своему принцу это „одно изъ лучшихъ мѣстъ въ имперіи", и Кауницъ просилъ Екатерину „подкрѣпить сіе дѣло своимъ могуществомъ".—Голицынъ и Ассебургъ старались укротить имперскихъ князей, когда они на сеймѣ,

числившіеся на русской службѣ или получавшіе русскія пенсіи, присылали ей уничижительныя письма, а ея агентамъ челобитныя. Кто просилъ похлопотать въ Вѣнѣ, Вецларѣ и Регенсбургѣ, кто добивался русскаго золота или русскаго крестика. Стараясь выслужиться передъ Екатериной, фюрсты клеветали другъ на друга, немилосердно льстили ей, какъ своему провидѣнію, и излагали свою политическую исповѣдь. Уже передъ самымъ тешенскимъ миромъ они закидали нашего агента Ассебурга письмами, въ которыхъ выражалась «ихъ признательность императрицѣ за вмѣшательство въ имперскія дѣла и желаніе,

---

утвердившемъ тешенскій миръ, вздумали „выставить претензіи по поводу баварскаго наслѣдства".—Екатерина участвовала въ нескончаемой тяжбѣ герцога *вюртембергскаго* съ однимъ рыцарскимъ кантономъ, и хлопотала объ его возведеніи въ курфюршеское достоинство.—Особенно много было у насъ хлопотъ съ запутанными дѣлами Мекленбурга и Бадена. Разскажемъ ихъ, такъ какъ они къ тому же прекрасно характеризуютъ имперскіе порядки Германіи. Герцогъ *мекленбургскій* требовалъ у императора права non appellando. Это согласовалось съ тешенскимъ договоромъ— и Голицынъ, „зная, какъ Екатерина дорожитъ" послѣднимъ, поддержалъ герцога въ началѣ 1781 года. Вскорѣ привилегія была дана. Но въ октябрѣ того же года Остерманъ извѣстилъ Голицына, что герцогъ недоволенъ, ибо получилъ не полную привилегію, вопреки XV-ой статьѣ тешенскаго трактата. Вотъ эта статья, внесенная въ трактатъ (какъ замѣчено на полѣ просьбы герцога) вслѣдствіе „претензій герцога на баварское наслѣдство": Sa Majesté l'Impératrice Russe interposera volontiers conjointement avec Sa Majesté Prusse ses bons offices auprès de Sa Majesté l'Empereur, pour le porter à accorder à la maison Ducale de Meklenburg le privilége de non appellando illimité lorsqu'Elle l'aura demandé selon l'usage. Далѣе пояснено, что когда въ надворномъ имперскомъ судѣ собирались дать эту привилегію, тамъ были получены протесты противъ нея отъ земскихъ чиновъ Мекленбургскаго герцогства и отъ города Ростока. Судъ пріостановилъ дѣло. Затѣмъ, вслѣдствіе „домогательствъ" Голицына и прусскаго министра въ Вѣнѣ, привилегія, наконецъ, была изготовлена. Но она была ограничена „въ дѣлахъ, касающихся особеннаго герцогскаго интереса, до жалобъ на мѣщанъ и жителей ростокскихъ, и въ случаѣ нарушенія герцогами наслѣдственныхъ договоровъ и неразсмотрѣнія земскихъ жалобъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, для устраненія споровъ въ Мекленбургѣ между государемъ и подданными, императоръ предписалъ, чтобы мекленбургскіе герцоги, „совокупно съ земскими чинами своими", учредили „верхній аппеляціонный трибуналъ, сходный съ фундаментальными установленіями". Герцогъ Мекленбургскій счелъ эти условія нарушеніемъ XV-ой статьи тешенскаго трактата и просилъ Екатерину „о повторительномъ за него у вѣнскаго двора заступленіи". Эту просьбу поддержалъ прусскій король. Екатерина приказала Голицыну дѣйствовать въ Вѣнѣ въ пользу герцога, извѣщая его, что побуждаетъ къ тому же и Францію, какъ одну изъ порукъ тешенскаго трактата. Но прошелъ годъ, а въ Вѣнѣ дѣло не подвигалось впередъ. Остерманъ приказалъ Голицыну поговорить объ этомъ съ Кауницемъ. Въ началѣ 1783 года высказался Іосифъ. „Ради императрицы" онъ „перенесъ дѣло изъ надворной статской канцеляріи въ имперскую, до которой оно собственно и принадлежитъ", и гдѣ оно было начато. Но дѣло застряло и въ этой канцеляріи. Тогда императоръ повелѣлъ учредить „нарочную коммиссію" для него.—Вотъ другое, не менѣе запутанное

чтобы вліяніе Россіи въ имперіи возрастало и крѣпло» [1]). Вслѣдъ за миромъ видимъ новый рядъ княжескихъ посланій. Онъ открывается письмомъ ландграфа Кассельскаго, о которомъ Румянцовъ такъ выразился передъ кассельскими министрами: «слогъ весьма въ Петровомъ градѣ похваляли. Сей принцъ благодарилъ онымъ письмомъ нашу государыню за дарованный Германіи миръ, прославляя ее, яко спасительницу ея, и прося, чтобы, продолжая таковыя изліянныя благодѣянія въ качествѣ ручательницы германской конституціи, ни на часъ ее отъ милостивѣйшаго воз-

---

дѣло. Еще въ 1765 году между двумя линіями *Баденскаго* дома, старшею, Баденъ-Баденскою, и младшею, Баденъ-Дурлахскою, былъ заключенъ фамильный договоръ, гарантированный Англіей, Пруссіей и Даніей. . По просьбѣ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго и при содѣйствіи Ассебурга, Екатерина, которая приходилась родственницею маркграфу, присоединилась къ этой гарантіи въ 1771 году. Вскорѣ умеръ маркграфъ Баденъ-Баденскій и, по договору, его наслѣдство перешло къ Дурлахскому. „Тутъ и начались ссоры". Покойный оставилъ завѣщаніе, нѣсколько противное договору. Дурлахскій пожаловался Екатеринѣ (въ 1772 г.) и просилъ ее принять участіе въ этомъ вопросѣ, „какъ въ собственномъ фамильномъ дѣлѣ". Императрица тотчасъ же „остановила подвиги надворнаго совѣта въ Вѣнѣ", направленные противъ него. Но въ 1779 году Дурлахскій принесъ новую жалобу Екатеринѣ. Вѣнскій совѣтъ притѣсняетъ-де его земли; онъ установилъ „независимую отъ него, владѣтельнаго князя, консисторію", прислалъ коммиссаровъ, которые, „подъ видомъ церковныхъ дѣлъ, мѣшаются въ разныя дѣла, зависящія единственно отъ его власти, покровительствуетъ графамъ Лейнингенскимъ, которые, „прицѣпляются къ нему съ неосновательными тяжбами". Въ 1780 году новая жалоба Екатеринѣ на подобныя же обиды. Въ октябрѣ 1781 года мы встрѣчаемъ приказъ Остермана Голицыну хлопотать о дѣлѣ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго и, въ случаѣ нужды, пригласить къ содѣйствію министровъ Пруссіи, Англіи и Даніи (Cf. Assebnrg, 228—235).—Въ январѣ 1786 года Голицынъ доносилъ, что, вслѣдствіе ходатайства Екатерины, въ Вѣнѣ быстро сдѣлано все, чего добивался принцъ *Ольденбургскій*.—Въ январѣ 1785 года явился рескриптъ Екатерины такого содержанія: „Принцессѣ *Гессенъ-Рейнфельсъ-Ротенбургской*, вдовѣ бывшаго въ нашей службѣ подполковника принца Эраста Гессенъ-Рейнфельсъ-Ротенбургскаго, на содержаніе съ сыномъ ея, повелѣваемъ продолжать изъ кабинета нашего пенсію по 2000 р. на годъ, умершему супругу ея опредѣленную".—Вотъ примѣръ просьбъ, съ которыми обращались къ Екатеринѣ даже *частныя лица* въ Германіи. Въ сентябрѣ 1781 года Голицыну было приказано позаботиться о дѣлѣ какого-то генералъ-аншефа, барона Эллета. Онъ выигралъ тяжбу въ верхнемъ дюссельдорфскомъ судѣ; но противники, ради проволочки, перенесли дѣло въ имперскій надворный судъ. Баронъ „прибѣгнулъ къ высочайшему монархини нашей покровительству". Екатерина повелѣла Голицыну „побудить имперскій судъ поскорѣе рѣшить дѣло", или заставить вѣнское министерство поскорѣе исполнить приговоръ дюссельдорфскаго суда.

[1]) „Je reçois des lettres de plusieurs des plus considérables des Princes qui marquent à l'Impératrice leur reconnaissance de son intervention aux affaires de l'Empire. On ne demande pas mieux que de voir l'influence de la Russie augmenter et s'affermir de plus en plus dans l'Empire". *Asselurg*, p. 341.

зрѣнія не отлучала» [1]). Ниже мы встрѣтимся съ прекрасными образчиками этого слога и этихъ политическихъ убѣжденій фюрстовъ.

Незавидная роль имперскихъ князей была совершенно естественна. Чтó было дѣлать разнымъ Гессенъ-Касселямъ и Кобургъ-Готамъ, когда даже Австрія съ Пруссіей заискивали въ Петербургѣ и сами содѣйствовали своимъ соперничествомъ русскому вліянію въ своемъ «отечествѣ». Эти отношенія нѣмецкихъ великихъ державъ къ Россіи были также слѣдствіемъ тешенскаго мира, значеніе котораго въ германской исторіи еще важнѣе, чѣмъ въ нашей.

Съ военной точки зрѣнія, война за баварское наслѣдство, по свидѣтельству спеціалистовъ, окончилась побѣдой Іосифа; но въ политическомъ отношеніи она была торжествомъ Фридриха. Пруссія, арміи которой кормились на счетъ чеховъ, матеріально пострадала меньше Австріи и пріобрѣла права на Аншпахъ и Байрётъ, которые присоединились къ ней въ 1792 году, доставляя ей прямое вліяніе въ южной Германіи; къ тому же, эти владѣнія легко могли быть обмѣнены на весьма важный для Пруссіи Лаузицъ, который и отошелъ къ ней въ 1815 году. Но, главное, Гогенцоллерны пріобрѣли тогда политическое вліяніе въ Германіи, которое совсѣмъ было утрачено Габсбургами. Іосифъ сдѣлалъ великій политическій промахъ, развернувъ революціонное знамя въ «отечествѣ», подражая заднимъ числомъ Фридриху. Этимъ онъ далъ возможность послѣднему сыграть серьёзную «патріотическую» роль и убѣдить нѣмцевъ, что поворотъ въ его германской политикѣ былъ искрененъ. Фридрихъ теперь только началъ пріобрѣтать ту національную популярность, которой онъ искалъ подъ конецъ своей жизни, какъ дипломатъ. Онъ становился народнымъ героемъ въ глазахъ всѣхъ нѣмцевъ, не исключая баварскихъ крестьянъ, внимавшихъ кружку герцогини Климентъ. Союзъ князей и нынѣшнее значеніе Пруссіи прямо связаны съ войной за баварское наслѣдство и съ тешенскимъ миромъ.

Эти послѣднія событія имѣютъ еще другое значеніе въ судьбахъ нѣмецкой націи. Они заставляли Австрію и Пруссію наперерывъ стараться о завлеченіи Россіи во внутреннія дѣла Германіи. Помѣрявшись силами, Іосифъ и Фридрихъ поняли, что они равны, и больше прежняго стали опасаться другъ друга. Увидѣвъ невозможность самимъ покончить борьбу и сознавъ необходимость искать опоры внѣ Германіи, они, конечно, должны

[1]) Румянцовъ Екатеринѣ отъ 5/16 февраля 1786.

были обратиться къ державѣ самой могущественной и разъ уже рѣшившей ихъ судьбу. Такимъ образомъ, послѣ тешенскаго мира отношенія къ Россіи стали главнымъ вопросомъ въ политикѣ Австріи и Пруссіи. Передъ нами рядъ происковъ Фридриха и Іосифа въ Петербургѣ, причемъ эти могущественные соперники вели себя не лучше ничтожныхъ фюрстовъ.

Самая неблагодарная роль выпала на долю Фридриха. Этотъ замѣчательный политикъ никогда еще не обнаруживалъ такой близорукости и никогда не терпѣлъ такихъ дипломатическихъ пораженій. Несмотря на разочарованія, принесенныя баварскою войною, онъ все еще считалъ русскихъ министровъ безсмысленными невѣжами и все еще вѣрилъ во всемогущество Панина. Онъ не замѣчалъ самостоятельности Екатерины и воображалъ, что можетъ направлять по-своему ея нѣмецкую политику. До какой степени Фридрихъ поддавался самообольщенію, видно изъ того, что онъ началъ свои происки въ Петербургѣ съ предложенія тройного союза между Пруссіей, Россіей и *Турціей* [1]). Это не только было дипломатической нелѣпостью, но могло даже оскорбить Екатерину, показавъ ей, какъ низко цѣнятъ въ Потсдамѣ ея проницательность. А между тѣмъ этотъ безтактный шагъ долженъ былъ служить началомъ къ исполненію широкаго плана. Фридрихъ рѣшился сдѣлать Екатерину орудіемъ своего возвеличенія какъ въ Германіи, такъ и во всей Европѣ. Онъ надѣялся легко склонить ее къ осуществленію его завѣтной идеи союза фюрстовъ и къ дружбѣ съ Версалемъ, которая разорвала бы недавнія связи между Австріей и Франціей и изолировала бы коварную Англію.

Съ этими важными порученіями прибылъ въ Петербургъ, въ концѣ 1779 года, новый прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ. Это нѣмецкій царедворецъ: имѣя средства настолько, чтобы жить безбѣдно, онъ съ двадцатилѣтняго возраста избралъ придворную карьеру, поступивъ воспитателемъ къ принцу саксенъ-веймарскому. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ и непріятностей, онъ былъ внезапно удаленъ отъ двора. Но Фридрихъ, имѣвшій случай лично узнать Гёрца въ Веймарѣ, принялъ его къ себѣ на службу, и въ 1778 году далъ ему важное порученіе въ Мюнхенѣ, по поводу баварскаго наслѣдства; а съ конца 1779 года Гёрцъ, въ теченіи шести лѣтъ, былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

---

[1]) По свидѣтельству *Гёрца* (I, 135—137), идея этого союза принадлежитъ глубокомыслію турецкаго министра. Но это вопросъ темный, который не берутся рѣшить даже нѣмецкіе историки: *Ranke*, Die deutschen Mächte, I, 132.

Затѣмъ Гёрцъ занималъ другіе дипломатическіе посты до 1807 года, когда онъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Регенсбургѣ, гдѣ и умеръ въ 1821 г. въ глубокой старости. Гёрцъ былъ не столько ловкій человѣкъ, сколько свѣдущій и опытный исполнитель. Онъ отличался многими не-дипломатическими качествами, былъ педантиченъ, сухъ, тяжелъ въ обращеніи, раздражителенъ и крайне подозрителенъ; по словамъ самого Фридриха, онъ вездѣ видѣлъ бѣду, вѣчно билъ тревогу. Передъ своимъ отъѣздомъ, Гёрцъ три недѣли жилъ въ Потсдамѣ, и Фридрихъ каждый день, послѣ обѣда, бесѣдовалъ съ нимъ по 3—4 часа. Новый прусскій посланникъ старался внушить Екатеринѣ страхъ къ Іосифу, который будто бы уже подчинилъ себѣ чуть не всю Германію и интригуетъ противъ Россіи. Еще болѣе Гёрцъ полагался на лесть, потому что Фридрихъ объяснялъ всѣ поступки Екатерины тщеславіемъ и честолюбіемъ. Въ запискѣ, представленной Гёрцомъ петербургскому двору, говорилось о томъ, какъ Германія чувствуетъ себя счастливой, пріобрѣвши, по тешенскому миру, этому «знаку благоволенія русской монархини къ Германіи», такую надежную поруку за свою конституцію, какъ Россія. Далѣе доказывалось, какъ теперь Россія «получила поводъ проявить все свое благодѣтельное вліяніе на нѣмецкую имперію, чтó, кажется, было уже въ планахъ Петра Великаго, но предоставлено совершить Екатеринѣ II;... а при такомъ преобладаніи въ Германіи она можетъ достигнуть еще болѣе значительнаго вліянія на первые европейскіе дворы, находящіеся въ разнообразныхъ, дружественныхъ и родственныхъ, сношеніяхъ съ нѣмецкими князьями».

Фридрихъ до того былъ увѣренъ въ возможности сдѣлать Екатерину орудіемъ своихъ германскихъ замысловъ, что самъ предложилъ ей завести дипломатическіе посты въ нѣмецкой имперіи. При этомъ любопытно усердіе, съ которымъ онъ собиралъ всѣ доводы, чтобы убѣдить русскую императрицу въ необходимости этой мѣры, которая была бы «громкимъ свидѣтельствомъ ея желанія добра Германіи» [1]).

Впрочемъ, тутъ Фридрихъ руководился опытомъ. До сихъ поръ

[1]) Между прочимъ, онъ указывалъ на примѣръ другихъ державъ: „У Франціи есть посланники или резиденты почти при всѣхъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ дворахъ и даже въ значительныхъ городахъ (именно въ Майнцѣ, Кобленцѣ, Боннѣ, Мюнхенѣ, Касселѣ, Люттихѣ, Нюрнбергѣ и Франкфуртѣ); у Великобританіи, Голландіи и Даніи по три или по четыре дипломата въ различныхъ мѣстахъ Германіи; во Франкфуртѣ же или Майнцѣ, какъ въ средоточіяхъ нѣмецкой имперіи, эти державы, а равно и Австрія съ Пруссіей, всегда имѣютъ своихъ посланниковъ". *Görtz:* I, 146.

ему удавалось обставлять Екатерину своими креатурами, чтобы она смотрѣла на германскія дѣла его глазами. Въ Петербургѣ получали свѣдѣнія о нѣмецкой имперіи преимущественно черезъ прусскихъ агентовъ, глава которыхъ, баронъ Ассебургъ, находился на русской службѣ [1]). Фридрихъ былъ увѣренъ, что, при содѣйствіи Панина, проведетъ теперь этого своего агента въ должность русскаго посланника въ Германіи, и Финкенштейнъ уже просилъ Ассебурга «сообщать ему секретно новости и послѣднія инструкціи» [2]).

Русскій посланникъ въ Германіи предназначался Фридрихомъ для осуществленія его главнаго замысла—«оборонительнаго союза между нимъ и главными государствами Германіи, подъ покрови-

[1]) До Екатерины II у насъ не было прямыхъ дипломатическихъ сношеній съ нѣмецкой имперіей. Русскіе посланники были только въ Вѣнѣ, Берлинѣ и въ Дрезденѣ, да и то въ послѣднемъ городѣ не для германскихъ, а для польскихъ дѣлъ. Какъ рано Екатерина обратила вниманіе на германскія дѣла, видно изъ того, что въ 1773 году она завела при имперскомъ сеймѣ, въ Регенсбургѣ, постоянный дипломатическій постъ, и притомъ II-го разряда „полномочнаго министра", тогда какъ Франція и Англія содержали тамъ посты III-го разряда—„министровъ". Выборъ Екатерины палъ на барона *Ахаца Фердинанда фонъ-деръ-Ассебурга*. Прусскій подданный, Ассебургъ провелъ всю свою жизнь на дипломатическомъ поприщѣ. Онъ служилъ сначала у разныхъ фюрстовъ, потомъ въ Даніи. Съ русскимъ правительствомъ онъ познакомился, какъ дѣятельный участникъ въ голштинскихъ дѣлахъ Петра III. Въ Стокгольмѣ Ассебургъ сблизился съ нашимъ посланникомъ, графомъ Панинымъ, по просьбѣ котораго былъ назначенъ датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, и вскорѣ перешелъ на русскую службу. Ему поручено было найти невѣсту для Павла Петровича въ Германіи. Въ 1773 году, Ассебургъ былъ назначенъ нашимъ полномочнымъ министромъ при имперскомъ сеймѣ. Екатерина имѣла въ виду завязать черезъ него сношеніе съ мелкими нѣмецкими дворами и не придавала особеннаго значенія его роли: она предоставила ему являться на сеймѣ, когда онъ хочетъ, и оставаться тамъ, сколько ему угодно. Ассебургъ рѣдко показывался на сеймѣ, да и то въ качествѣ русскаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а не министра: онъ старался избѣгнуть унизительныхъ требованій этикета, по которому ему приходилось встрѣчать майнцскаго депутата у себя внизу лѣстницы. Послѣ тешенскаго мира и союза Екатерины съ Іосифомъ II, Ассебургъ сходитъ съ дипломатической сцены, но до самой своей смерти (1797 г.) числится на русской службѣ, а вдова его получаетъ 2000 р. пенсіи. Между тѣмъ, Ассебургъ несомнѣнно былъ агентомъ Фридриха и подробнѣе доносилъ о каждомъ своемъ шагѣ прусскому министру, Финкенштейну, чѣмъ Панину. По донесеніямъ саксонскаго посланника въ Россіи, Сакена, въ Петербургѣ знали о германскихъ дѣлахъ только по депешамъ Ассебурга и его помощника, Струве. Въ то же время тамъ еще бесѣдовали о Германіи съ Нессельродомъ, который также былъ креатурой Фридриха и старался поступить на русскую службу (*Herrmann:* Geschichte des russischen Staates, VI, 23—24).

[2]) *Финкенштейнъ Ассебургу* отъ 7 окт. 1780 г.: „Je ne doute pas V. E. n'ait déjà été prévenue sur ce plan (союзъ князей)... L'intérêt que le roi y prend, me fait désirer qu'Elle veuille bien m'instruire confidemment des nouvelles et des instructions ultérieures qu'Elle recevra sur cette matière". *Asseburg*, 70.

тельствомъ русскаго двора». Фридрихъ вполнѣ надѣялся на успѣхъ этого дѣла въ Петербургѣ: онъ узналъ тогда, что «таковъ же планъ петербургскаго двора, и что графъ Панинъ работаетъ въ этомъ смыслѣ» [1]).

Эти, слишкомъ явные, разсчеты на недальновидность петербургскаго двора, въ особенности же странное предложеніе союза съ Турціей были послѣднимъ толчкомъ въ перевороту въ нашей нѣмецкой политикѣ того времени. Екатерина дала хорошій урокъ Австріи за ея интриги противъ Россіи въ Польшѣ и Турціи, не допустивъ ея усиленія. Теперь она могла забыть прошлое и взяться за Вѣну, покинувъ старое орудіе своихъ успѣховъ, Берлинъ, что было весьма полезно для нея въ ту минуту, въ виду восточнаго вопроса. Эта мысль уже давно, съ кучукъ-кайнарджійскаго мира, занимала ее.

---

1) *Asseburg*, 69 sq.

ГЛАВА V.

Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Екатерины II, и австрійскій союзъ.

Съ конца 1779 года, при петербургскомъ дворѣ начались неожиданныя сцены, которымъ не сразу повѣрила изумленная Европа. Старая союзница Фридриха стала выказывать чувство раздраженія и почти ненависти къ Потсдаму. Друзья Пруссіи начали подвергаться непріятностямъ, образчикомъ которыхъ служатъ любопытные случаи, записанные англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ [1]). А вскорѣ послѣдовало путешествіе Павла Петровича въ Вѣну съ приказомъ не показываться въ Берлинѣ, и оно походило на изгнаніе: тутъ проливались слезы, Марія Ѳеодоровна упала въ обморокъ, Панинъ заболѣлъ [2]). Никита Ивановичъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, впалъ въ немилость, и уже кругомъ говорили о близкомъ его паденіи. Гёрцъ не зналъ, какъ выпутаться изъ возложеннаго на него порученія, которое грозило погубить всю его дипломатическую репутацію. Екатерина объяснила ему всю странность предложенія турецкаго союза [3]), а относительно германскихъ дѣлъ

---

¹) Послѣ одного разговора съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, Екатерина воскликнула: „вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти!.... Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи“. Вслѣдъ затѣмъ, когда Екатерина велѣла отмѣнить въ Польшѣ всѣ мѣры, выражавшія недовѣріе къ Австріи, Панинъ возражалъ, причемъ замѣтилъ, что и нашъ посланникъ въ Варшавѣ, Штакельбергъ, думаетъ также. Екатерина сказала ему въ отвѣтъ: „онъ то-же сталъ пруссакомъ! Впрочемъ, я убѣждена, что онъ настолько уменъ и опытенъ, чтобы не обольщаться; но, вѣроятно, онъ думаетъ, что въ его интересахъ обманывать меня и льстить тѣмъ, которые подчиняются приказамъ изъ Потсдама“. *Гаррисъ Стормонту*, 15/26 февр. 1780, у *Германна*, VI, 451.

²) La cour de Russie, 362 sq.

³) *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 161 и слѣд.—*Dohm*, I, 400—404.

отвѣчала еще болѣе рѣшительнымъ поступкомъ. Она воспользовалась совѣтами Фридриха, но только противъ Пруссіи. Выборъ посланника въ Германіи ясно свидѣтельствовалъ о поворотѣ въ ея нѣмецкой политикѣ. Онъ палъ не на Ассебурга, который, напротивъ, сошелъ тогда съ дипломатической сцены, а на Николая Петровича Румянцова, сына знаменитаго фельдмаршала.

Николай Румянцовъ принадлежалъ къ поколѣнію молодыхъ екатерининцевъ, долго поддерживавшему преданія блестящей императрицы, на глазахъ которой оно воспиталось. Младшіе екатерининцы раздѣляли съ старшими живое чувство собственнаго достоинства и гордое національное сознаніе. Но они были другого закала. Они получили болѣе счастливое воспитаніе и отличались болѣе широкимъ кругомъ идей; но просвѣщеніе досталось имъ легко, просто, такъ-сказать готовое. Они не выработывали его тяжелымъ опытомъ, какъ ихъ отцы-самоучки, воспитывавшіеся на мѣдный грошъ. Сравнительно съ стариками, у младшихъ екатерининцевъ больше упрямства и порывистости, чѣмъ характера и энергіи, больше страсти разсуждать и говорить, чѣмъ жить и дѣйствовать. Они не боялись пера, какъ ихъ отцы, и хорошо владѣли имъ; велика разница между лаконизмомъ и многословіемъ этихъ двухъ поколѣній. Двадцатипятилѣтній Николай Румянцовъ не безъ блеска начиналъ тогда свою карьеру: вскорѣ о немъ заговорили въ Европѣ.

Румянцовъ получилъ то серьёзное воспитаніе, которое поселяетъ въ человѣкѣ непоколебимое уваженіе къ образованію. Впослѣдствіи, занимая высокіе политическіе посты и поглощенный обязанностями канцлера, онъ на свой счетъ снаряжалъ ученыя экспедиціи, и Москва доселѣ видитъ его памятникъ «на благое просвѣщеніе».

Уже въ описываемое время видно было, что это развитый и даровитый человѣкъ. Его депеши написаны живо, съ участіемъ къ предмету; онѣ изобилуютъ мѣткими наблюденіями и характеристиками. На основаніи ихъ можно отчетливо обрисовать типъ фюрста и имперскіе порядки, а также печальную роль посланника великой державы въ нѣмецкой имперіи. Румянцовъ вѣрно цѣнилъ среду, въ которой ему предназначено было дѣйствовать. «Доселѣ—доносилъ онъ Остерману—не понимаютъ имперіи, потому что судятъ о ней или лица, принадлежащія къ ней и, слѣдовательно, заинтересованныя, или же французы—плохіе наблюдатели, вслѣдствіе ихъ суетливости (mobilité). А Германію нельзя наблюдать безъ изученія то скучнаго и тяжелаго, то безполезнаго. Нѣмецкіе министры засѣли на конституціи своей имперіи. Замѣ-

тивъ здѣсь какую-то канву республиканской формы, они стали раздувать эту идею: и всѣ возмечтали о себѣ слишкомъ много, любовь къ отечеству выродилась въ личный интересъ, а личный интересъ мелоченъ. И что же вышло? Вмѣсто широкой идеи явились узкія мыслишки. То, что должно бы быть трудомъ министра, стало не болѣе, какъ дѣломъ педанта [1]). Французамъ всюду чудится ихъ Версаль. Они, правда, изучили фюрстовъ и ихъ министровъ, и получили перевѣсъ, но не могутъ сохранить его, ибо пасуютъ, какъ скоро заговорятъ о германской конституціи. Ее трудно постигнуть: нужно изучать ее въ книгахъ и въ людяхъ. Это можетъ сдѣлать русскій: онъ посторонній для германскихъ интересовъ, какъ французъ, но обладаетъ нѣмецкимъ прилежаніемъ и обдуманной настойчивостью...

«Если бы имперія была единой, какъ пишутъ, то она держалась бы сама собой. Но она разъединена, и поэтому ея существованіе зависитъ отъ сосѣднихъ державъ. Всѣ великія монархіи заинтересованы въ ея неприкосновенности изъ чувства самосохраненія. Это политическая пустыня, которую онѣ должны стараться сохранять подъ паромъ... Германія — родъ *республики*, погруженной въ анархію.... При спорахъ и въ законахъ, и въ примѣрахъ можно многое найти и за, и противъ... Въ Германіи, особенно на этихъ сценкахъ (т.-е. у мелкихъ князей), гдѣ никогда не обсуждаются дѣла, а между тѣмъ господствуетъ духъ вѣчной хлопотливости, политика неизбѣжно превращается въ сплетни, и розсказни да пересуды замѣняютъ мысль и доводы»... Хорошею характеристикой этой среды служитъ страхъ, испытанный Румянцовымъ при полученіи вѣрительной грамоты къ верхнерейнскому округу на имя «курфюрста майнцскаго». Онъ опасался исторіи, потому что нужно было прибавить имя «епископа вормскаго», такъ какъ директорство верхне-рейнскаго округа было связано съ этимъ званіемъ, а не съ курфюрстскимъ достоинствомъ. «Ваше сіятельство—писалъ онъ Остерману—себѣ представить не можете, до какой крайности къ мелочамъ и къ обрядамъ, издавна принятымъ, чины германской имперіи привязанность имѣютъ».

---

[1]) *Румянцовъ Остерману* 19/30 іюня 1785 года. „Les ministres allemands se sont apésantis sur la constitution de leur Empire, parcequ'en y appercevant un canevas incertain de forme républicaine, ils ont poussé cette idée: chacun se croyait alors valoir d'avantage, l'amour de la patrie a dégénéré en intérêt personel; l'intérêt personel est minutieux. Aussi qu'est il arrivé? au lieu d'une idée vaste, sont venues des idées rétrécies, et ce qui devoit être le travail d'un Ministre, n'a plus eté que l'oeuvre d'un Pédant.

Румянцовъ понялъ свою роль на этихъ «сценкахъ». «Не должно — доносилъ онъ въ Петербургъ — вмѣшиваться въ кучу внутреннихъ связей и раздоровъ Германіи; нужно слѣдить только за императоромъ... Я держалъ себя ни пруссакомъ, ни австрійцемъ. Я старался заслужить уваженіе всѣхъ князей, причемъ помнилъ о достоинствѣ своей роли, возвышался надъ ихъ мелкими спорами и не принималъ участія въ ихъ сплетняхъ: поэтому-то Гогенфельсъ и говорилъ, что я былъ — сама беззаботность въ дѣлахъ... Я выказывалъ не страхъ, а видъ, что мои увѣренія — милость императрицы, которую должно заслужить... Я посѣщаю часто только князей, которыхъ уваженіе и благоговѣніе къ императрицѣ извѣстны». Вообще Румянцовъ часто совѣтовалъ обходиться съ фюрстами построже, чтобы они не воображали, будто у нихъ заискиваютъ, чтобы тѣмъ дороже казался имъ всякій знакъ милости. «Нѣтъ ничего наглѣе слабыхъ, когда дѣлаютъ видъ, что боятся ихъ, и ничего малодушнѣе, когда ихъ цѣнятъ по достоинству». Безпредѣльна была радость Румянцова, когда ему удалось сдѣлать строгій выговоръ герцогу Цвейбрюкенскому, какъ своему подчиненному. «Я окончилъ удачно мою миссію—доносилъ онъ Остерману.—Даже бранящіе Вѣну хвалятъ Россію, которая ловко воспользовалась случаемъ, чтобы торжественно заявить себя въ Германіи въ качествѣ поруки за конституцію—роль, которую прежде, быть можетъ, могли оспаривать у нея, а отнынѣ это уже будетъ трудно, ибо она только-что представила громкое свидѣтельство своего значенія, въ минуту, когда Швеція замолчала, а Франція лишь бормотала сквозь зубы» (elle venoit d'en prendre acte haut à la main, au moment ou la Suède s'etoit tû, ou la France n'avoit articulé qu'entre les dents) [1]). И во всѣхъ подобныхъ совѣтахъ и поступкахъ Румянцовъ былъ лишь отголосокъ мнѣній своей государыни.

---

[1]) *Румянцовъ Остерману* отъ 15/26 февраля, 19/30 іюня, 3/14 октября и 19/30 ноября 1785: „L'Allemagne est une espèce de *République* dans un état d'anarchie... C'est un désert en politique qu'elles (великія державы) doivent être bien aises de conserver en friche... En Allemagne, surtout (sur?) ces petits théâtres, où il ne se débat jamais aucune affaire et où il règne cependant un esprit d'agitation continuel, la politique doit nécessairement se convertir en commérage et les redites et paquets prendre la place de la raison et des arguments, d'ailleurs s'est une chose connue depuis longtems que les Princes en Allemagne se font une sorte de jeu d'accusation auprès des Cours contre les ministres, qu'Elles leurs envoyent et celle des Deux-Ponts ce à cet égard en France une célébrité établie"... Упоминая о безсильныхъ фюрстахъ (Princes destitués de puissance), Румянцовъ говоритъ: rien n'est si téméraire que les faibles, lorsqu'on a l'air de les craindre, rien de si pusillanime, lorsqu'on semble les apprécier au juste."

Поведеніе Румянцова въ Германіи и тонъ его рѣчей и бумагъ свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи между человѣкомъ и мѣстомъ. Поставленный въ мелкую среду, презирая жалкій міровъ фюрстовъ, Румянцовъ самъ втягивался въ его тину, принималъ къ сердцу придворные успѣхи и неудачи въ какомъ-нибудь Цвейбрюкенѣ, старался добраться до семейныхъ тайнъ фюрстовъ, разъѣзжалъ по мелкимъ дворамъ, суетился. Любя разсуждать о политическомъ горизонтѣ и широкой политикѣ, онъ часто видѣлъ только ближайшую связь между окружавшими его событіями и преувеличивалъ ихъ значеніе. Ему казалось, что его «миссія очень обширна, а время полно тревогъ, очагъ которыхъ здѣсь, въ Германіи» [1]). Высокомѣрный тонъ провинціала и духъ сплетни проскользнули въ депешахъ Румянцова, и Остерманъ принужденъ былъ дѣлать ему замѣчанія за заносчивость [2]). Но Румянцовъ грѣшилъ не скудостью свѣдѣній, а излишнимъ усердіемъ. Онъ любилъ много писать и не скупился на образы и идеи. Часто извиняясь передъ Остерманомъ въ длиннотѣ своихъ донесеній, онъ однако собирался еще «приняться за картину, которую уже давно обдумывалъ—начертить портреты принцевъ, ихъ министровъ и людей, имѣющихъ малѣйшее вліяніе въ имперіи». Слѣдовательно, Екатерина не ошиблась въ выборѣ. Она видѣла теперь собственными, а не прусскими глазами всѣ мелочи германскихъ дѣлъ. Еще менѣе она ошиблась въ патріотизмѣ своего агента въ Германіи. Румянцовъ вполнѣ отличался тѣми свойствами ея сотрудниковъ, за которыя ихъ отчасти ненавидѣли, отчасти боялись. Онъ «екатеринствовалъ», какъ говорили тогда, т. е. горячо любилъ Россію, гордился ею, дорожилъ ея славой. Онъ служилъ такъ самоотверженно и неподкупно, какъ вообще умѣли служить екатерининцы, и старые, и молодые, счастливые возможностью сливать преданность къ государынѣ съ національнымъ чувствомъ. Соблюдая честь Россіи, Румянцовъ доходилъ до запальчивости, держалъ себя высокомѣрно и ссорился съ другими посланниками изъ-за всякой мелочи придворнаго этикета, желая взять верхъ надъ ними. Онъ такъ усердно слѣдилъ за интересами своего отечества, что его ненавидѣли всѣ друзья Пруссіи, а Фридрихъ не могъ говорить о немъ равнодушно и называлъ его «дья-

---

1) „...troubles dont le foyer est ici“. *Румянцовъ Остерману* отъ 19/30 іюня 1785 года.

2) *Сегюръ*, называвшій Румянцова „très spirituel“ (II, 112), также замѣтилъ эту черту. По его словамъ, Румянцовъ—„jeune négociateur, avec moins de mesure que d'esprit“ (II, 103).

воломъ, бѣшенымъ» [1]). И напрасно прусскій король надѣялся со временемъ обратить Румянцова въ свое орудіе, а Павелъ Петровичъ обѣщалъ ему, съ этою же цѣлью, министерство иностранныхъ дѣлъ, когда получитъ престолъ [2]). Вотъ къ чему привелъ совѣтъ Фридриха Екатеринѣ учредить дипломатическій постъ въ Германіи.

Румянцовъ былъ аккредитованъ, въ концѣ 1781 года, при трехъ духовныхъ курфюрстахъ и при пяти имперскихъ округахъ, именно юго-западныхъ — верхне-рейнскомъ, нижне-рейнскомъ, швабскомъ, франконскомъ и вестфальскомъ. Сверхъ того, онъ получилъ особенныя вѣрительныя грамоты къ владѣтелямъ Вюртемберга, Цвейбрюкена, Бадена, Аншпаха и обоихъ Гессеновъ. Въ то же время русскій резидентъ въ Гамбургѣ, Гроссъ, былъ назначенъ посланникомъ при нижне-саксонскомъ округѣ и получилъ вѣрительныя грамоты къ герцогамъ брауншвейгскому и мекленбургскому. За остальными округами могли слѣдить наши посланники въ Вѣнѣ и Берлинѣ — Голицынъ и Долгорукій, представлявшіе противоположность Румянцову — спокойные и неповоротливые старички: Кауницъ называлъ Голицына «бѣдняжкой, но добрякомъ», которому нужно все «разжевывать» и «которому требуется много времени даже на пустяки» [3]). Екатерина предлагала даже, но безуспѣшно, учредить посольскій постъ при кур-пфальцскомъ дворѣ, если тотъ пришлетъ своего дипломатическаго агента въ Петербургъ [4]). Румянцову приказано было жить во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, какъ въ средоточіи германской политики, и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщать рекомендованныхъ ему мелкихъ князей. По словамъ рескрипта, Румянцовъ назначался «по поводу ручательства Россіи за заключенный въ Тешенѣ миръ и пріобрѣтенной ею въ германскихъ дѣлахъ дѣятельной инфлюенціи». Онъ долженъ былъ слѣдить за соблюденіемъ германской конституціи, т.-е. одинаково охранять какъ права фюрстовъ, такъ и власть императора. Про

[1]) Кабинетный указъ Фридриха Финкенштейну отъ 17 апр. 1785 г.: „Ce comte est un diable et un homme violent". *Schmidt:* Gesch. der preus.-deut. Unionsbestrebungen, I, 182.

[2]) *Гогенфельсъ Герцбергу* отъ 16 окт. 1784.—*Schmidt*, тамъ же, I, 109.

[3]) *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 44, 56.

[4]) 29-го ноября 1784 года Остерманъ писалъ Голицыну, что въ 1776 и 1777 г. курфюрстъ палатинскій намѣревался прислать своего министра въ Петербургъ, но война за баварское наслѣдство помѣшала этому; теперь же Екатерина требовала, чтобы Голицынъ „учинилъ, гдѣ надлежитъ, пристойное внушеніе" касательно исполненія намѣренія курфюрста, послѣ чего явится и русскій министръ при мангеймскомъ дворѣ.

союзъ князей, въ пользу Пруссіи, въ инструкціи ничего не было сказано [1]).

Тогда настроеніе Австріи соотвѣтствовало видамъ Россіи.

Послѣ политическаго пораженія—слѣдствія войны за баварское наслѣдство, Австрія находилась въ критическомъ положеніи. Она утратила свое вѣковое значеніе въ Германіи и, лишенная надежныхъ союзниковъ, стояла одиноко въ Европѣ, въ виду своихъ могущественныхъ соперниковъ — Пруссіи и Россіи. Іосифу приходилось думать уже не объ исполненіи своихъ честолюбивыхъ плановъ, а прежде всего о возстановленіи поколебленной роли Австріи, какъ великой державы. Эту трудную задачу можно было разрѣшить только посредствомъ крупнаго замысла, посредствомъ такого же важнаго и неожиданнаго переворота во всей европейской политикѣ, какъ знаменитый союзъ Габсбурговъ съ Бурбонами въ 1756 году. Но изъ великихъ державъ, Англія, вчера только помогавшая Фридриху, вела себя слишкомъ двусмысленно, чтобы можно было положиться на ея недавнее охлажденіе къ Пруссіи, а Франція только-что доказала ненадежность своей дружбы, которая держалась на волоскѣ. Къ тому же, вниманіе Англіи и Франціи было вполнѣ поглощено тогда американской войной. Оставалась Россія, свободно располагавшая своими силами, могущественная и побѣдоносная, ставшая притомъ почти нѣмецкой державой послѣ Тешенскаго мира. Іосифъ испыталъ уже, что̀ значитъ идти противъ Екатерины, окончившей баварскую войну грозной декларацiей противъ Австріи; а въ союзѣ съ нею онъ могъ мечтать о серьёзныхъ успѣхахъ. Этимъ союзомъ Іосифъ уже пріобрѣталъ ту громадную выгоду, что совсѣмъ обезоруживалъ Фридриха; но, кромѣ того, онъ получалъ возможность даже возобновить свои честолюбивые замыслы. Въ Вѣнѣ убѣдились, что Фридрихъ или вовсе не допуститъ расхищенія Германіи и Польши, или придется дать и ему долю добычи, т.-е. усилить Пруссію: поэтому, тогда въ австрійской политикѣ выдвинулся на первый планъ третій изъ ея основныхъ вопросовъ — восточный.

Австріи не трудно было склониться къ союзу съ Россіей. Это значило лишь возвратиться къ своимъ вѣковымъ дипломатическимъ преданіямъ, временно нарушеннымъ помимо ея воли. Къ тому же, великій австрійскій дипломатъ уважалъ эти преданія. Князь Кауницъ всегда считалъ дружбу съ Россіей такимъ же догматомъ своего дипломатическаго исповѣданія, какъ свою

[1]) Инструкція находится въ моск. архивѣ.—Cf. *Görtz*, I, 148—150.

славу — французскій союзъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Австрія можетъ достигнуть своей коренной цѣли—погибели Пруссіи—только посредствомъ усиленія насчетъ Турціи. Восточный вопросъ былъ любимымъ предметомъ его коварныхъ думъ. Онъ занималъ его съ первыхъ дней канцлерства, задолго до французскаго союза. «Восточная» академія Кауница преимущественно заботилась объ обученіи, на императорскій счетъ, будущихъ дипломатовъ языкамъ турецкому, персидскому и арабскому. Оттого-то Кауницъ постоянно и болѣе всѣхъ въ Вѣнѣ былъ защитникомъ идеи союза съ Россіей. «Соединеніе съ Россіей — говоритъ новѣйшій изслѣдователь вѣнскаго архива [1])—было его пламеннымъ желаніемъ... Восточные планы, выступившіе при Іосифѣ на первый планъ, уже давно обратили на себя вниманіе Кауница и были подготовлены имъ. Мысль о раздѣлѣ Турціи была подробно развита имъ во время переговоровъ о Польшѣ, и когда польскій вопросъ сошелъ со сцены, онъ не упускалъ изъ виду своего проекта. Это дѣло можно было считать уже рѣшеннымъ; вопросъ шелъ лишь о томъ, *какъ* привести его въ исполненіе. Представлялось три способа—или Австрія одна «пытается воспользоваться турецкой добычей» (um der türkischen Ausbeute zu profitiren), или она соединяется съ Россіей и Пруссіей, или же, наконецъ, устраивается соглашеніе между Австріей, Россіей и Франціей; въ последнемъ случаѣ Пруссія или совсѣмъ устраняется, или же ей удѣляютъ возможно меньше. А послѣ войны за баварское наслѣдство, когда пришлось на время покинуть мысль о привлеченіи Франціи, Кауницъ только и думалъ, что о соглашеніи съ Россіей. Когда было налажено свиданіе между Іосифомъ и Екатериной, министръ начерталъ императору довольно обширныя инструкціи, и тотъ былъ совершенно согласенъ съ нимъ... «Все,—писалъ тогда Іосифъ,—что̀ содержится въ запискахъ князя, клонится къ тому, чтобы внушить русской императрицѣ вѣрное понятіе о моемъ личномъ образѣ мыслей и объ австрійской государственной системѣ, и тѣмъ подвинуть ее на тѣсное и естественное соединеніе съ нами во всѣхъ политическихъ вопросахъ; а этого не можетъ быть безъ охлажденія ея дружбы къ нашему заклятому врагу, прусскому королю. Кауницъ позаботился рѣшительно обо всемъ. Онъ до мельчайшихъ подробностей предписалъ императору, ка̀къ вести себя съ русской монархиней, и вложилъ ему въ уста слова, которыя тотъ долженъ былъ употребить, когда рѣчь зайдетъ о восточномъ проектѣ. Насколько

[1]) *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Vorrede.

намъ извѣстны разговоры Іосифа съ Екатериной, императоръ почти буквально придерживался этихъ инструкцій». Ниже мы увидимъ, какъ Кауницъ неутомимо работалъ надъ укрѣпленіемъ русско-австрійскаго союза, и какъ энергически выдвигалъ онъ восточный вопросъ, съ австрійской точки зрѣнія, въ эпоху присоединенія Крыма. «И гораздо позже, въ 1787 году — говоритъ тотъ же авторъ—Кауницъ настаивалъ на объявленіи войны Портѣ, между тѣмъ какъ Іосифъ хотѣлъ немного подождать, чтобы докончить приготовленія въ обширныхъ размѣрахъ». Такимъ образомъ, «хотя союзъ съ Россіей былъ основною мыслью въ политической системѣ обоихъ, однако Кауницъ придавалъ ему гораздо больше значенія, чѣмъ Іосифъ». Любопытна записка Кауница объ этомъ союзѣ, составленная въ 1789 году, но повторявшая тѣ же самые доводы, которые онъ выставлялъ въ обширномъ политическомъ мемуарѣ 1749 года [1]). Въ ней сказано между прочимъ: «немного времени прошло со вступленія Россіи въ политическій сенатъ европейскихъ державъ, какъ уже была установлена система тѣснаго союза и дружбы между нею и Австріею. Съ тѣхъ поръ, вплоть до воцаренія Петра III, оба двора считали себя *естественными* союзниками, и дѣйствительно, у нихъ были и доселѣ сохраняются всѣ характеристическія свойства *естественныхъ* союзниковъ. Ихъ границы не соприкасаются между собою непосредственно, а потому они могутъ взаимно допускать увеличеніе владѣній и даже содѣйствовать ему. У нихъ общій врагъ—Порта; а позже они пріобрѣли общаго опаснаго сосѣда—Пруссію, которая станетъ еще опаснѣе, если ей удастся распространить свое владычество въ Польшѣ, и мало-по-малу ослабить и уничтожить тамъ прежнее вліяніе обоихъ императорскихъ дворовъ. Какъ австрійскій, такъ равно и русскій государственный интересъ требуетъ, сколько возможно, препятствовать этому стремленію Пруссіи... Если Пруссія отрѣжетъ и устранитъ русскій дворъ отъ Польши, то послѣдній почти совсѣмъ утратитъ свое доселѣшнее *прямое* сообщеніе съ остальнымъ европейскимъ континентомъ и свое вліяніе надъ нимъ». Далѣе, замѣтивъ, что Екатерина извлекаетъ изъ союза гораздо болѣе «реальныхъ выгодъ», чѣмъ ея союзники, Кауницъ прибавляетъ

---

[1]) *Memoire* über die Räthlichkeit, Nützlichkeit und Nothwendigkeit, das zwischen uns und Russland nun zu Ende gehende Allianzsystem nicht nur unverzüglich zu erneuern, sondern auch auf alle mögliche Art fortan bestens zu cultiviren. Den 10 May 1789. Его изложеніе см. *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, XIII—XV.—О мемуарѣ 1749 года см. еще въ изданныхъ *Беером* же Aufzeichnungen des Grafen Will. Bentinck über Maria-Theresia. Einleitung.

однако: «но, по крайней мѣрѣ, *эта система сама по себѣ*, а также личныя чувства русской императрицы и ея министровъ, безспорно могли бы и могутъ впослѣдствіи доставить намъ значительныя выгоды. Впрочемъ, если даже считать *реальныя выгоды* отъ упомянутой системы *случайными* (accidentel), то *реальный вредъ* отъ ея отсутствія неизбѣженъ и постоянно грозитъ неминучей бѣдой... Противъ насъ, навѣрное, образуется тѣсная лига изъ Россіи, Пруссіи, Англіи, Голландіи, всей нѣмецкой конфедераціи, Даніи и Польши, и мы будемъ изолированы».

Іосифъ былъ только менѣе энергиченъ и отваженъ, чѣмъ его канцлеръ, но думалъ онъ точно такъ же, и на этомъ-то преимущественно основывалось ихъ рѣдкое единодушіе. Уже давно, при жизни матери, у него мелькала мысль о выгодности союза съ Россіей [1]). Какъ только умерла Марія-Терезія, онъ написалъ своему посланнику въ Петербургъ, Кобенцлю, человѣку крайне безобразному и льстивому, но изящному въ обращеніи, остроумному и болѣе Кауница рѣшительному въ совѣтахъ по внутреннимъ дѣламъ: «остается въ силѣ правило, что Россія съ нами и мы съ Россіей можемъ достигнуть всего; врознь же никто изъ насъ не сдѣлаетъ ничего существеннаго и полезнаго» [2]). Іосифъ разумѣлъ тутъ ни больше, ни меньше, какъ старый планъ Кауница—раздѣлъ Турціи, тѣмъ болѣе, что послѣ удачнаго опыта въ Польшѣ, идея «расчлененія» государствъ была тогда модною и казалась весьма естественною. Для лучшаго успѣха дѣла императоръ былъ не прочь даже пригласить Пруссію къ борьбѣ съ Портой, но готовилъ ей роль часового (nur die Schildwacht zu machen), за чтó намѣревался дать ей клочокъ (mässiges Stück) Польши, а послѣднюю вознаградить чѣмъ-нибудь изъ турецкой добычи (Depouillement der Pforte). Въ началѣ 1780 года Кауницъ уже составилъ записку объ установленіи «искренней дружбы, взаимнаго довѣрія и согласія» между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами [3]), и Кобенцль получилъ приказаніе не щадить ничего для этой цѣли [4]). Въ то же время въ Вѣнѣ усиливались разрушить прусскія клеветы, будто Австрія «старается

---

[1]) *Іосифъ Екатеринѣ* отъ 16-го іюля 1774 года.—*Joseph II und Katharina*, 5.

[2]) *Іосифъ Кобенцлю* отъ 23-го декабря 1780 г.—*Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 26.

[3]) *Іосифъ Кобенцлю* отъ 28-го декабря 1780 года.—*Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 26.

[4]) „Reflexions sur l'entrevue prochaine" Кауница и „Gutachten" Іосифа по этому поводу находятся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Ихъ содержаніе изложено у Ранке: Die deutschen Mächte, I, 133—137.

помутить въ Польшѣ тамошнія отношенія и опровергнуть установленную тамъ политическую систему», будто она «возбуждаетъ поляковъ противъ намѣреній императрицы» и всячески, «даже денежными издержками», увеличиваетъ свою партію [1]).

Наконецъ, чтобы ускорить ходъ дѣла, Іосифъ рѣшился разбить старый предразсудокъ и первымъ изъ Габсбурговъ пріѣхать въ Россію. Онъ самъ заявилъ объ этомъ Голицыну. Екатерина «покраснѣла отъ радости» [2]), когда Кобенцль оффиціально сообщилъ ей объ этомъ.

Весной 1780 года состоялось свиданіе Іосифа съ Екатериной. Гость былъ принятъ съ изысканною любезностью и познакомился съ истинно-восточною роскошью. Онъ самъ не остался въ долгу: деньгами и подарками сыпали съ обѣихъ сторонъ безъ счету [3]). Тутъ произошло много долгихъ бесѣдъ между новыми вѣнценосными друзьями, содержаніе которыхъ, конечно, различно передается современниками, потому что никто не зналъ ихъ, особенно изъ русскихъ: крутой поворотъ въ нѣмецкой политикѣ былъ сюрпризомъ даже для Панина, Остермана и самого Потемкина. Должно согласиться съ англійскимъ посланникомъ, что главною цѣлью Іосифа было не столько добиться чего-нибудь положительнаго, сколько «устранить тѣ ложныя представленія, которыя были внушены Екатеринѣ изъ Потсдама». Это было

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ писалъ и Штакельбергъ, изъ Варшавы, Голицыну, въ началѣ 1780 года. Онъ особенно предостерегалъ его отъ Ржевускаго и Браницкаго. Не успѣлъ Голицынъ завести рѣчь объ этомъ съ Кауницомъ, какъ тотъ самъ сталъ жаловаться ему на „неспокойное и подозрительное" прусское министерство, которое старается такими слухами „поселить холодность и недовѣріе" между Вѣной и Петербургомъ. „Съ большей чувствительностью" и откровенно, „какъ частный человѣкъ", увѣрялъ онъ Голицына, что вѣнскій дворъ вовсе не думаетъ разрушать правленія въ Польшѣ, устроеннаго „по мыслямъ и намѣреніямъ" Екатерины. Разслѣдовавши дѣло, Голицынъ отвѣчалъ Штакельбергу, что „нѣтъ достаточныхъ причинъ для обвиненія вѣнскаго двора". Ложность слуховъ подтвердилась, по его мнѣнію, между прочимъ и тѣмъ, что Ржевускій „лишенъ всякаго кредита въ Вѣнѣ, какъ человѣкъ слабый духомъ и тѣломъ и занятый только любезничаньемъ съ дамами (à dire des fleurettes aux dames); а Браницкій не за одно съ нимъ, да онъ старается только затмить другихъ и выставить себя необходимымъ (à donner de l'ombrage et à se rendre précieux"). *Голицынъ Екатеринѣ* въ январѣ 1780 года. Ср. донесенія Гарриса лорду Стормонту, въ февралѣ 1780 года, и Сакена въ мартѣ 1780 г.—*Herrmann*, VI, 56, 449.

[2]) Гаррисъ Стормонту отъ 15—26 февраля 1780.—*Herrmann*, VI, 449—451. При этомъ Гаррисъ указываетъ на то, какъ вѣнскій дворъ съумѣлъ привлечь къ себѣ Потемкина своими „предложеніями" (Anerbietungen).

[3]) Интересныя подробности въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ (*Herrmann*, VI, 452—455), въ перепискѣ Іосифа съ Маріей-Терезіей (III, 242—303) и у *Гёрца*: Denkwürdigkeiten, I, 166—172.

лишь изслѣдованіе дипломатической почвы, и, зная стремленія Екатерины, не трудно догадаться, что Іосифъ уѣхалъ вполнѣ довольнымъ. Лучшимъ доказательствомъ его успѣха служитъ переписка, завязавшаяся у него съ императрицей. Это—прекрасный образчикъ самой безцеремонной лести и приторныхъ любезностей, бывшихъ въ ходу въ высшемъ обществѣ конца прошлаго вѣка. Особенное усердіе выказывалъ Іосифъ, который увѣрялъ Екатерину, что онъ «такой же настоящій русскій, какъ ея подданные». Зная, что она читаетъ перехваченныя письма, онъ даже написалъ Кобенцлю записку, приноровленную къ случаю [1]).

Самъ Іосифъ, своими письмами къ брату Леопольду и къ Кауницу, разъясняетъ намъ истинную цѣну этихъ любезностей, называя ихъ «пріемами лести», необходимыми, чтобы «пощекотать самолюбіе женщины, которая думаетъ только о себѣ и заботится о Россіи столько же», сколько онъ самъ. Іосифъ обольщалъ себя не меньше, чѣмъ Фридрихъ: въ началѣ 1781 года онъ самодовольно извѣщалъ брата, что надѣется на успѣхъ своей лести, т.-е. на возможность сдѣлать Екатерину своимъ послушнымъ орудіемъ. Онъ не зналъ, что показался русской государынѣ черезчуръ льстивымъ, легкомысленнымъ и болтливымъ, хотя она расхваливала его передъ иностранными послами [2]).

Успѣхъ Іосифа въ Петербургѣ смутилъ Фридриха. Интригуя, въ это самое время, повсюду противъ Россіи [3]), онъ старался разорвать возникающую дружбу между нею и Австріей и также рѣшился прибѣгнуть къ любезностямъ. Но онъ не обладалъ такимъ изящнымъ эпистолярнымъ слогомъ, какъ Іосифъ. Сверхъ

---

[1]) Гаррисъ Стормонту 7/18-го іюля 1780 г. *Herrmann*, 454 sq.—*Joseph* II и *Katharina*, 8—29. *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 25—26.

[2]) *Joseph II und Leopold II, I, 26.—Joseph II u. Katharina, 35.*—То же у *Беера* (31) нѣсколько иначе.—*Görtz*, I, 166.—*Ranke:* Die Deutschen Mächte, I, 142. *Raumer:* Beiträge zur neueren Geschichte, Leipzig, 1835—1839, V, 476.

[3]) Прусскій агентъ въ Турціи, Гафронъ, надѣлалъ тогда много непріятностей русскому посланнику. Вотъ что̀ разглашалъ онъ, между прочимъ, про свиданіе Екатерины съ Іосифомъ. Фридрихъ будто бы сдѣлалъ запросъ Екатеринѣ насчетъ этого событія. Та отвѣчала, что „готова и притвориться передъ Іосифомъ, лишь бы только лучше вывѣдать его виды и намѣренія“, но что она „далека отъ мысли установить съ нимъ что-нибудь противъ интересовъ прусскаго короля“. Но Фридрихъ не повѣрилъ этому. Онъ „старается провѣдать объ условіяхъ предполагаемаго союза между Россіей и Австріей, *и считаетъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ Порту, какъ ея искреннѣйшій пріятель*“. Долгорукій наконецъ пожаловался Герцбергу на всѣ продѣлки Гафрона. Герцбергъ отдѣлался тѣмъ, что свалилъ всю вину на своего подчиненнаго и обѣщалъ сдѣлать ему выговоръ. *Долгорукій Екатеринѣ* отъ 19—24 іюля 1780 года.

того, онъ послалъ въ Петербургъ своего племянника, Фридриха-Вильгельма, который отличался тяжелымъ характеромъ и грубыми манерами и, какъ говоритъ Ранке, «представлялъ собою умственный горизонтъ Потсдама», а по словамъ Екатерины, «ничего въ своей жизни не видѣлъ и ни о чемъ не слыхалъ, кромѣ обученія солдатъ». Пріемъ прусскаго наслѣднаго принца служитъ лучшимъ образчикомъ смѣлости и энергіи, съ которой Екатерина проявляла свои враждебныя чувства, когда это входило въ ея политическіе разсчеты. Иностранные послы изумлялись терпѣнію и сдержанности Фридриха-Вильгельма, съ которымъ императрица обращалась, какъ съ своимъ провинившимся подчиненнымъ. Она ежедневно изобрѣтала новые поводы, чтобы выказать гостю презрѣніе и почти ненависть, и наконецъ прямо сократила его пребываніе въ Петербургѣ. «Кронпринцъ,—говоритъ англійскій посланникъ,—игралъ глупую роль (silly part): словно рѣшились вести себя такъ, чтобы это былъ послѣдній визитъ оттуда (изъ Потсдама)» [1]). Справедливость этого свидѣтельства подтверждаютъ слова самой Екатерины въ ея письмѣ къ Іосифу [2]).

Но это было только началомъ успѣховъ Іосифа и неудачъ, преслѣдовавшихъ Фридриха подъ старость.

Какъ только императоръ возвратился изъ своего путешествія по Россіи, въ августѣ 1780 года, въ Германіи совершилось важное событіе, которое могло повліять на всю европейскую политику, значительно возвеличивъ Австрію. Это—выборъ коадъютора (помощника) кёльнскаго архіепископа. До сихъ поръ эта должность существовала болѣе по имени, чѣмъ въ дѣйствительности: она замѣщалась лишь по желанію самого владыки и уже давно была вакантной. Но она могла служить весьма важнымъ орудіемъ политическихъ интригъ. Кромѣ непосредственнаго участія въ дѣлахъ кёльнскаго архіепископа, коадъюторъ былъ его естественнымъ преемникомъ: онъ могъ, по смерти владыки, направить выборы въ свою пользу и заранѣе задобрить домгерровъ и капитулъ, а кёльнскій архіепископъ былъ однимъ изъ главныхъ колесъ имперской правительственной машины. Уже не говоря про его богатство и первостепенное значеніе среди владыкъ Германіи, да и всего католическаго міра, довольно припомнить, что онъ былъ курфюрстъ и эрц-канцлеръ имперіи. Сверхъ того, онъ

[1]) *Гаррисъ Стормонту*, 11/22 сентября 1780 г., *Herrmann*, VI. 455 sq.—*Raumer*, V, 456—62.—Cf. *La Cour de Russie*, 346—8.—О путешествіи прусскаго принца въ Петербургъ см. интересныя подробности у *Гёрца* (I, 162—165, 172—178) и *Дома* (I, 424—426; II; XVI—XX).

[2]) *Joseph II und Katharina*, 12.

владѣлъ нижнимъ Рейномъ, былъ со-директоромъ вестфальскаго округа и фюрстомъ и епископомъ мюнстерскимъ. Понятно, какъ нѣмецкіе князья всегда мечтали пристроить одного изъ своихъ сынковъ къ такому теплому мѣстечку. Обыкновенно этого достигали неважные фюрсты, такъ какъ капитулъ опасался утратить свою независимость при выборѣ члена сильной фамиліи. И въ описываемое время кёльнскимъ курфюрстомъ былъ одинъ изъ мелкихъ имперскихъ чиновъ, швабскій графъ, Максимиліанъ-Фридрихъ. Но съ половины XVIII-го вѣка, когда разгорѣлось соперничество между Австріей и Пруссіей, Кёльнъ сталъ поприщемъ интригъ между великими державами Германіи: каждая изъ нихъ старалась помѣстить на кёльнскомъ престолѣ свою креатуру, если не ближайшаго родственника своей династіи. Послѣ войны за баварское наслѣдство, кёльнское архіепископство стало, можно сказать, германскимъ вопросомъ, особенно въ виду новой, осторожной политики Фридриха. Къ тому же, Максимиліанъ-Фридрихъ былъ старъ, таялъ съ каждымъ днемъ—и вопросъ о коадъюторствѣ возникалъ самъ собою. Іосифъ задумалъ провести на выборахъ въ эту должность своего младшаго брата, Максимиліана. Это значило отчасти вознаградить тотъ ущербъ, который былъ нанесенъ австрійскому вліянію въ Германіи тешенскимъ миромъ; тогда Габсбургскій домъ пріобрѣлъ бы преобладающее значеніе въ Европѣ. И безъ того самъ Іосифъ владѣлъ обширнымъ древнимъ наслѣдіемъ этого дома, одинъ изъ его братьевъ былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, другой намѣстникомъ миланскимъ и затемъ послѣдняго моденскаго герцога, а изъ его сестеръ три занимали престолы Франціи, Неаполя и Пармы, четвертая же была замужемъ за саксонскимъ принцемъ. Максимиліанъ былъ уже гофмейстеромъ нѣмецкаго ордена и имѣлъ вліяніе въ Вестфаліи и Пфальцѣ, какъ герцогъ клевскій и юлихскій. Еслибы онъ сталъ курфюрстомъ кёльнскимъ, то вліяніе Австріи распространилось бы дальше, чѣмъ когда-либо, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Пруссія имѣла наиболѣе владѣній и кредита. Понятно, что Фридрихъ горячо взялся за устраненіе кандидатуры Максимиліана. Но, по сознанію самого агента Фридриха, Дома, онъ надѣлалъ здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ, напоминающихъ его дипломатическіе промахи въ Петербургѣ. Онъ выказывалъ поспѣшность и горячность, которая приводила его къ нарушенію каноническаго права и обычаевъ кёльнскаго капитула. Но, въ то же время, онъ прямо давалъ понять, что не намѣренъ идти до конца и считаетъ этотъ вопросъ недостойнымъ кровопролитія. Слѣдовательно, онъ безъ пользы раздражалъ домгерровъ, чему особенно

помогло поведеніе его агента, одного чисто-прусскаго генерала—заносчиваго, сварливаго и крайне грубаго, который велъ себя неприлично и совершалъ рядъ насилій. Вмѣшательство Фридриха помогло Іосифу. Каноники были оскорблены, и больше чѣмъ когда-либо стали опасаться деспотическихъ стремленій Фридриха. Всѣ они, не исключая даже враждебныхъ Австріи, стали за императора, дипломаты котораго дѣйствовали весьма искусно. Въ августѣ 1780 года Максимиліанъ былъ избранъ коадъюторомъ кёльнскаго архіепископа, а въ 1784 году, по смерти Максимиліана-Фридриха, сталъ и курфюрстомъ.

Тогда въ Германіи были убѣждены, что теперь цѣлый рядъ новыхъ коадъюторствъ перейдетъ въ руки или того же Максимиліана, или его племянниковъ, дѣтей Леопольда Тосканскаго. Первыми жертвами властолюбія Іосифа считали Люттихъ, Падерборнъ и Гильдесгеймъ, такъ что Фридрихъ тотчасъ же принялъ мѣры для противодѣйствія тамъ интригамъ вѣнскаго двора [1]).

Мѣсяца три спустя послѣ избранія Максимиліана, Фридриха поразилъ новый и болѣе серьёзный ударъ. Умерла его соперница, Марія-Терезія. Подъ конецъ она, помимо своей воли, оказывала великую услугу своему заклятому врагу, увлекаясь такимъ же миролюбіемъ, какъ и онъ, и всячески сдерживая честолюбивые порывы своего сына. Доселѣ Іосифъ принужденъ былъ во многомъ стѣснять себя отчасти изъ уваженія къ матери, которую боялся оскорбить или опечалить, отчасти же вслѣдствіе высокаго и даже педантичнаго мнѣнія о принципѣ власти. Теперь же, какъ единодержавный повелитель священной римско-нѣмецкой имперіи и Австріи, онъ могъ свободно осуществить свой политическій идеалъ. И не замедлило обнаружиться прямое слѣдствіе его свиданія съ русской императрицей.

Уже въ концѣ 1780 года Іосифъ затрогивалъ въ Петербургѣ мысль о союзѣ, созрѣвшую въ его умѣ въ Могилевѣ. Съ 1-го января 1781 года начались переговоры, открытые письмомъ Іосифа къ Екатеринѣ, составленнымъ Кауницемъ [2]). Затѣмъ, Кобенцль представилъ записку о «просто-оборонительномъ союзѣ со взаимнымъ обезпеченіемъ всѣхъ владѣній Австріи и Россіи въ Европѣ; подобно тому, какъ есть трактаты, обезпечивающіе Польшу и Баварію». Въ Петербургѣ тотчасъ же была составлена министерская конференція изъ Никиты Панина, Ивана Остермана, Але-

1) *Dohm*, I, 295—378.

2) *Joseph II und Katharina*, 81 sq. Cf. *Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 143, примѣч.—*Joseph II und Leopold II*, I, 9.

ксандра Безбородко и Петра Бакунина. Она замѣтила, что австрійское предложеніе клонится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы отвлечь Россію отъ союза съ Пруссіей. Ей казалось, что союзъ съ Вѣной не настолько выгоденъ и необходимъ, чтобы разрывать старыя связи съ Берлиномъ. Къ тому же, по ея мнѣнію, въ то время уже прошла пора, когда «Порта казалась всей Европѣ истиннымъ страшилищемъ», и правъ Кауницъ, который еще въ 1769 году назвалъ прежній «вѣчный» договоръ Австріи съ Россіей насчетъ Турціи «совершенно миновавшимъ и несуществующимъ». Идея конференціи состояла въ томъ, что Россія, при своемъ тогдашнемъ могуществѣ, должна была заботиться о «постоянномъ возращеніи своей инфлюенціи въ Германіи, которой положено въ Тешенѣ славное и прочное основаніе»; а для этого ей необходимо быть рѣшительницей споровъ между Австріей и Пруссіей, т.-е. поддерживать равновѣсіе между этими державами. Поэтому, конференція совѣтовала завести прямыя сношенія съ нѣмецкими фюрстами и хотя не отказываться отъ союза съ Австріей, но не класть въ его основаніе тешенскаго трактата 1746 года [1]), прямо направленнаго противъ Пруссіи. Напротивъ, нужно сохранить союзъ съ Фридрихомъ и обѣщать Австріи не болѣе вспомогательныхъ войскъ, чѣмъ сколько обѣщано Пруссіи по прежнимъ договорамъ [2]).

Екатерина согласилась съ основною мыслью конференціи о соблюденіи равновѣсія въ Германіи, но сдѣлала важныя добавленія. Она обратила особенное вниманіе на сохраненіе существующаго порядка вещей въ Польшѣ, а особенно на турецкія дѣла, потребовавъ отъ Австріи прямой помощи въ случаѣ войны съ Портой [3]).

Очевидно, интересы договаривающихся сторонъ далеко не сходились. Кобенцлю весьма не понравилось желаніе Екатерины сохранить союзъ съ Пруссіей, а статьи о Польшѣ и Турціи онъ даже не рѣшился принять безъ доклада своему правительству. Въ отвѣтѣ на этотъ докладъ вскрываются цѣли вѣнскаго двора. Кауницъ писалъ, что Турція никогда, даже и во время нападеній Фридриха, не подавала Австріи повода къ неудовольствіямъ.

---

[1]) По этому трактату Россія и Австрія обязывались держать наготовѣ, близъ прусскихъ границъ, по 30,000 войска, а въ случаѣ нападенія пруссаковъ на одну изъ нихъ, должны были выставить по 60,000, и тогда Силезія и Глацъ возвращались Австріи, которая выплачивала Россіи два милліона гульденовъ. *Соловьевъ*, XXII, 134 и слѣд.

[2]) Мнѣніе конференціи 12 января 1781 года въ Моск. архивѣ.

[3]) *Безбородко Панину* отъ 20 января 1781 года.

Если ужъ заключать секретный договоръ противъ нея, то слѣдуетъ сдѣлать то же самое и относительно Пруссіи. Впрочемъ, зная, что Россія не согласится на это, вѣнскій кабинетъ требовалъ отъ нея, «по примѣру старыхъ трактатовъ», хотя 30,000 вспомогательнаго войска «противъ кого бы то ни было, а слѣдовательно (implicitement) и противъ прусскаго короля».

При такихъ условіяхъ съ обѣихъ сторонъ, трудно было разсчитывать на успѣхъ переговоровъ. Но, кромѣ того, внезапно возникъ горячій споръ изъ-за дипломатической формальности, называемой *альтернативою*. По древнему обычаю, при заключеніи трактата, «государи алтернировались», т.-е. на одномъ экземплярѣ его, въ заголовкѣ и въ подписи, стояло первымъ имя одного изъ нихъ, на другомъ—имя другого. Іосифъ же «требовалъ себѣ альтернативу», т.-е. хотѣлъ поставить свое имя на первомъ планѣ въ обоихъ экземплярахъ.

Долгій и скучный споръ объ альтернативѣ, ничтожный по своему содержанію, имѣетъ историческое значеніе. Если всякое суевѣріе есть остатокъ древняго вѣрованія и каждый предразсудокъ когда-то игралъ роль истины, то мы не въ правѣ пренебрегать ихъ исторіей. Это замѣчаніе преимущественно относится къ международному этикету, потому что онъ еще не вымеръ до нашихъ дней. Особенно не должно упускать его изъ виду при изученіи исторіи монархій, потому что чѣмъ сильнѣе и сосредоточеннѣе власть, тѣмъ ревнивѣе старается она оградить себя отъ безвластнаго міра даже внѣшнимъ величіемъ. Новая исторія, возникшая изъ побѣды монархическаго начала надъ феодализмомъ, полна примѣровъ серьёзной борьбы изъ-за государственнаго титула. Сверхъ того, въ международномъ этикетѣ проявляется характеръ націй, а также степень ихъ государственнаго значенія. Въ исторіи Россіи особенно ясно значеніе этой дипломатической формалистики, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, въ ней развивалась попреимуществу государственная идея, и именно въ формѣ новаго времени. Съ другой—Россія поздно вступила въ связь съ Западомъ, когда тамъ уже выработались дипломатическія формы, которыми дорожили, какъ старымъ достояніемъ и какъ какою-то привилегіей. Западъ долго не хотѣлъ признавать Россію членомъ своей семьи, а Россія съ поразительной настойчивостью добивалась этого права, и сначала именно подъ видомъ титула и международнаго этикета. Это соотвѣтствовало и точкѣ зрѣнія нашихъ предковъ, которые думали, что стóитъ ихъ государству получить высокій чинъ по регламенту международной формалистики—и оно пріобрѣтетъ вѣсъ въ дѣлахъ Европы.

Эпоха «просвѣщенія», разбившая много основныхъ предразсудковъ, поколебавшая алтари и троны, не коснулась заповѣдной области дипломатическихъ суевѣрій. Послѣднія процвѣтали повсюду. Въ архивскихъ бумагахъ того времени часто переписка о важнѣйшихъ дѣлахъ прерывается жалобами и разбирательствами обидъ, нанесенныхъ дипломатами другъ другу на оффиціальныхъ обѣдахъ, придворныхъ балахъ и т. д. Подобнаго рода споры были особенно комичны при маленькихъ дворахъ, гдѣ они доходили до крайняго ожесточенія, вслѣдствіе пустоты жизни, такъ какъ фюрстъ считалъ соблюденіе этикета своею высшею государственною обязанностью и доходилъ тутъ до педантизма, отъ котораго самъ страдалъ больше всѣхъ. Наиболѣе щекотливыми дипломатами считались французскіе, русскіе и австрійскіе. Можно составить цѣлую книгу изъ анекдотовъ объ этикетныхъ спорахъ между ними. Особенно горячились тогда французы, у которыхъ русскіе осмѣлились оспаривать древнее первенство. Они просто насильно захватывали первыя мѣста. Въ Лондонѣ однажды изъ-за этого французскій посланникъ вызвалъ на дуэль русскаго, а въ Петербургѣ Сегюръ заставилъ министровъ перемѣнить, на ихъ конференціяхъ съ иностранными послами, четырехугольный столъ на круглый. Русскіе дипломаты также отстаивали энергически стремленіе своей государыни къ внѣшнему первенству. Румянцовъ часто жаловался на нелѣпости этикета, а между тѣмъ вотъ что произошло у него, въ началѣ 1785 года, въ Майнцѣ, съ французскимъ посланникомъ, графомъ Сегюромъ, который также не безъ ироніи называетъ, въ своихъ запискахъ, Германію «послѣднимъ храмомъ этикета» [1]). «Здѣсь,—писалъ онъ Остерману,—нѣтъ ранговъ [2]), но иностранные министры сами позаботились о нихъ. Недавно, я замѣтилъ пустое мѣсто подлѣ курфюрста и преспокойно пошелъ занять его, какъ вдругъ Сегюръ проскользнулъ у меня подъ носомъ и сѣлъ на него, притомъ показывая видъ, хотя и вѣжливо, что сдѣлалъ это съ намѣреніемъ [3]). Тутъ не было насилія, но это—полное неприличіе

---

[1]) Ségur, I, 82.

[2]) Тогда до того развилась страсть къ этого рода мѣстничеству и изъ-за нея столько выходило непріятностей, что завели обычай сидѣть на оффиціальныхъ обѣдахъ *pêle-mêle*, т.-е. какъ ни попало, безъ соблюденія этикета. Этотъ обычай надѣлалъ много хлопотъ французскимъ дипломатамъ, которые должны были всячески изловчаться, чтобы и при немъ „удовлетворять обычной гордости своего двора", какъ сами они выражались. *Ségur*, II, 112.

[3]) Сегюръ (II, 114, 213 sqq.) прямо говоритъ, что онъ оттолкнулъ Румянцова. Послѣдній жаловался Екатеринѣ и поднялъ-было на ноги своихъ вліятельныхъ тетушекъ въ Петербургѣ, но напрасно.

(une incivilité complette). Я принялъ такія мѣры. Сѣлъ подлѣ Сегюра, хотя по росписанію это мѣсто предназначалось дамѣ, и все время былъ сухъ съ нимъ. Послѣ обѣда я подошелъ съ любезностями къ графу Окелли [1]), и заявилъ, что хочу просить оберъ-гофмейстера доставить мнѣ случай нынче же поужинать при дворѣ вмѣстѣ съ Сегюромъ. Потомъ я настаивалъ у самого Сегюра, чтобы онъ еще разъ доставилъ мнѣ честь быть вмѣстѣ съ нимъ при дворѣ курфюрста. Но онъ сказалъ, что очень спѣшитъ въ Россію и дорожитъ каждой минутой. И уѣхалъ. На другой день я разсказалъ все это оберъ-гофмейстеру и замѣтилъ, что буду весьма внимательно слѣдить за Окелли (arborer contre lui une attention scrupuleuse), дабы не вышло другой подобной обиды. Я просилъ его взять съ насъ обоихъ слово, что мы не станемъ считаться рангами и впредь будемъ занимать одно изъ мѣстъ насупротивъ курфюрста. Оберъ-гофмейстеръ отвѣчалъ уклончиво. Но я снова заговорилъ твердымъ и строгимъ тономъ, что это—его обязанность. Онъ смутился. Три дня спустя, послѣ обѣда съ участіемъ Сегюра, при дворѣ былъ обѣдъ для мужчинъ. По обычаю, чтобы соблюсти pêle-mêle, курфюрстъ сажаетъ подлѣ себя своего оберъ-гофмаршала и гвардейскаго капитана. Иностранные министры обыкновенно садятся рядомъ съ первымъ. Я такъ и сѣлъ, т.-е. на первомъ пустомъ креслѣ съ правой стороны отъ курфюрста. Окелли сѣлъ противъ меня. За это я сталъ оказывать ему всякое снисхожденіе. Стало быть, поведеніе Сегюра не было предписано ему его дворомъ. Онъ просто обѣщалъ кому-нибудь сдѣлать такъ, думая, что я проглочу пилюлю, не поморщась» [2]). Екатерина строго придерживалась дипломати-

---

[1]) Окелли былъ постояннымъ французскимъ дипломатомъ при майнцскомъ дворѣ; Сегюръ попалъ сюда лишь проѣздомъ въ Россію.

[2]) *Румянцовъ—Остерману*, отъ $^{6}/_{17}$ января 1785 г.—$^{7}/_{18}$ февраля 1783 г. Румянцовъ указывалъ Остерману на статьи во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, насчетъ этикета, которыя онъ принималъ за личныя предостереженія себѣ со стороны Версаля. „Мнѣ кажется—писалъ онъ при этомъ—что если огромная имперія, среди широчайшей славы, требуетъ такого равенства, то французы должны бы горячо схватиться за это и признать, глядя на насъ, что скромность—неизбѣжный спутникъ истиннаго величія (et reconnoitre en nous, que la modestie est toujours alliée à la veritable grandeur)". Тогда западныя газеты дѣйствительно печатали злыя статьи противъ Россіи, по поводу ея высокомѣрія. Такъ, въ *Gazette des Deux-Ponts*, отъ 4 февраля 1783 г. сказано: „La Russie aura toujours tort de se brouiller avec tout le monde, comme elle va le foire par les ordres donnés à tous ses Ambassadeurs de ne céder le pas à aucun autre Ministre dans les Cours étrangères; car celle de Versailles, qui prétend avoir rang immédiatement après celle de Vienne, a recommandé très strictement aux siens de soutenir la dignité du Roi qu'ils repré-

ческихъ преданій, укоренившихся въ Россіи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, она объявила всѣмъ дворамъ, что будетъ неизмѣнно «наблюдать равенство между коронованными главами, ни у кого изъ нихъ не требовать первенства, но и никому его не уступать». Слѣдовательно, при ней Россія ушла дальше прежняго въ «обереганіи государевой чести». Царица уже не признавала первенства за римско-нѣмецкимъ императоромъ и приравнивалась къ нему и къ султану, которые въ дипломатическомъ этикетѣ стояли на первомъ мѣстѣ послѣ папы. Екатерина часто доказывала на дѣлѣ, какъ она дорожила своимъ правиломъ, и съ рѣдкой настойчивостью слѣдила за своей международной честью. Оттого-то на Западѣ называли ее тщеславною, и въ этихъ вопросахъ обращались съ нею крайне осторожно. Особенно щекотлива была она въ сношеніяхъ съ вѣнскимъ дворомъ, который игралъ первую роль въ вопросѣ о рангахъ. Она возвысила Голицына изъ званія «пребывающаго въ Вѣнѣ полномочнаго министра» въ санъ «чрезвычайнаго и полномочнаго посла» и строго подтвердила ему приказаніе держаться «исповѣдуемаго ею правила о равенствѣ коронъ». И Голицынъ немедленно выказалъ свою ревность, поссорившись съ бурбонскими послами. Между послѣдними произошелъ переполохъ. Они не знали, какъ ступить, завели оживленную переписку съ своими министрами и кончили тѣмъ, что не стали являться на аудіенціяхъ. Голицынъ же, въ свою очередь, притворился больнымъ, чтобы сохранить этикетъ «правой руки». Съ большимъ трудомъ удалось Кауницу внести миръ въ эту взволнованную среду объявленіемъ правила pêle-mêle [1]).

---

sentent et de ne se relâcher en quoi que ce soit sur ce point. Il seroit très-possible que l'on revit bientôt la scène connue qui se joua à Londres, lorsque le Comte du Châtelet dans une assemblée d'étiquette s'assit sans façon sur le ventre de l'Ambassadeur Russe qui s'étoit emparé de son siége".

[1]) Въ рескриптѣ, которымъ Екатерина возвысила Голицына въ санъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, читаемъ: „Скажите Кауницу, что какъ исповѣдуемое нами правило о равенствѣ коронъ есть непремѣнное, такъ вы и не оставите по волѣ нашей оному всегда и при всякомъ случаѣ непремѣнно сообразоваться, не аффектуя брать первенство надъ бурбонскими послами (французскимъ и испанскимъ), но взаимно не допуская и ихъ присвоивать оное себѣ съ видимою аффектаціею при всякомъ случаѣ".—Въ апрѣлѣ 1784 г. Голицынъ доносилъ Екатеринѣ объ исторіяхъ съ этикетомъ, по поводу принятаго ею, „въ первыхъ еще годахъ царствованія, начала о наблюденіи равенства между коронованными главами" и сдѣланной тогда же декларація всѣмъ дворамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда Екатерина повысила Голицына въ послы, онъ тотчасъ же увидалъ, что ему „предстоятъ распри съ французскимъ и испанскимъ послами о первенствѣ мѣста при императорѣ въ воскресныя полуденныя собранія. Хотя французскій и испанскій послы не имѣютъ особливаго мѣста, но издавна обыкли становиться на правой сторонѣ у самыхъ дверей залы и при входѣ въ

Понятенъ упорный споръ объ альтернативѣ, едва не погубившій союза, котораго такъ горячо желали и въ Австріи, и въ Россіи [1]). Понятно также, что въ Вѣнѣ больше всего горячился и упрямился не императоръ, а его канцлеръ, этотъ маститый стражъ всякой дипломатической рутины и внѣшности. По настояніямъ Кауница, Іосифъ требовалъ исключительно для себя права альтернативы, какъ признаннаго съ незапамятныхъ временъ. Екатерина видѣла здѣсь не право, а только обычай. Она доказывала, что уступить альтернативу значило какъ-бы подчиниться императору, а Россія никогда не состояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ римско-нѣмецкой имперіи, какъ другія государства Европы [2]).

оную императора быть первыми ко удостоенію разговорами его величества". Именно они становятся такъ: „на первомъ мѣстѣ папскій нунцій, за нимъ испанскій посолъ, а по лѣвую его руку французскій". Это на основаніи фамильнаго бурбонскаго договора, по которому „тотъ изъ нихъ, который прежде находится при какомъ-либо дворѣ, долженъ въ церемоніальныхъ случаяхъ брать у другого правую руку". „Поэтому—продолжаетъ Голицынъ—и мнѣ иногда случится взять правую руку у того или другого изъ двухъ помянутыхъ пословъ. Пока этого случая не было, ибо въ первомъ, послѣ акредитованія моего въ посольскомъ характерѣ, собраніи я не былъ, притворившись больнымъ, чтобы избѣгнуть какихъ-либо непріятностей или затрудненій въ церемоніальныхъ визитахъ, которые должно было мнѣ принимать отъ поздравляющихъ меня пословъ. А во второе собраніе не явились ни французскій, ни испанскій посолъ: они наканунѣ прислали Кауницу единогласныя записки о томъ, что не хотятъ быть на собраніи, ожидая тамъ обиды себѣ отъ моего поведенія.—Я сказалъ ему еще ранѣе, что относительно бурбонскихъ пословъ буду поступать такъ: „не брать предъ ними перваго мѣста, ниже уступать имъ онаго". Въ этихъ запискахъ сказано, что, узнавъ о столь неожиданномъ намѣреніи Россіи соблюдать равенство въ рангѣ съ другими послами, они дали знать своимъ дворамъ, а пока, не имѣя инструкцій на этотъ счетъ, рѣшились не явиться въ собраніе, что̀ вовсе не значитъ однако, чтобъ они уступали то, что̀ хотятъ оспаривать у нихъ.—Іюня 26 (іюля 7) 1784 г. Голицынъ донесъ, что Кауницъ объявилъ всѣмъ посламъ и министрамъ: во всѣхъ будущихъ при дворѣ собраніяхъ ни для кого изъ нихъ не опредѣляется особливаго мѣста; каждый можетъ занимать мѣсто безъ разбора, какое ему угодно. „Вслѣдствіе такого объявленія, стоялъ я во время бывшаго здѣсь при дворѣ, на другой день послѣ онаго объявленія, полуденнаго собранія подлѣ папскаго нунція; изъ прочихъ же пословъ каждый безъ всякой аффектаціи занялъ для себя мѣсто, гдѣ кому изъ нихъ случилося стать: которому посольскому примѣру и второго класса иностранные министры послѣдовали".

[1]) До какой запальчивости доходили обѣ стороны, видно изъ выраженій Кауница (*Beer*, 38—41, 53, 58;—*Joseph II und Katharina*, 70) и изъ черновыхъ депешъ Панина Голицыну.

[2]) Въ рескриптѣ Голицыну по поводу альтернативы сказано: „мы не обыкли подражать примѣру другихъ, но шествуемъ тою дорогою, которая ведетъ насъ истинная слава, достоинство и могущество ввѣренной намъ отъ Бога имперіи, руководствуемыя естественною справедливостію. На сихъ началахъ основывая всѣ наши дѣянія, не согласимся мы, конечно, никогда и ни для чего на шагъ унизительной и низводящей насъ съ степени величія нашего".

Споръ длился шесть недѣль, было исписано много бумаги, и Кауницъ почти каждый день велъ безплодные разговоры съ Голицынымъ. Наконецъ, это «мѣстничество въ титулатурѣ государей» или «гордіевы узлы формъ и фигуръ», какъ выражалась Екатерина, были уничтожены ея изобрѣтательностью. Іосифъ согласился на ея предложеніе составить трактатъ въ видѣ писемъ, которыми они должны были обмѣняться. Онъ даже весьма обрадовался этой формѣ, которая давала ему возможность скрыть дѣло и «правдиво (avec vérité) говорить союзнымъ и другимъ дворамъ, что предположенный трактатъ не состоялся». Екатерина, въ свою очередь, приказала своимъ дипломатамъ увѣрять всѣхъ, что союзъ не состоялся, «вслѣдствіе препятствій относительно церемоніала» [1]).

Трактатомъ, подписаннымъ въ маѣ 1781 года, установлялся оборонительный союзъ между Россіей и Австріей, на восемь лѣтъ. Договаривающіяся стороны обязывались помогать другъ другу войсками, въ случаѣ нападенія «какой-бы то ни было державы» на всякое изъ ихъ владѣній, кромѣ азіатскихъ и итальянскихъ. Хотя договоръ объявленъ знакомъ «такой дружбы и привязанности», которыя были «едвали не единственнымъ примѣромъ между монархами», однако онъ ничѣмъ не отличался бы отъ всѣхъ подобныхъ документовъ, если бы не статья о Польшѣ: союзники обязались «сохранять въ Рѣчи-Посполитой порядокъ (bon ordre) и спокойствіе, а также обезпечить конституцію и границы этого государства, какъ онѣ установлены сеймомъ и трактатами 1773 года». Но вся сила союза 1781 года состояла въ томъ прибавленіи, которое названо Екатериной «секретнѣйшею статьей». Здѣсь союзники возобновляли тайныя постановленія, которыя «всегда включались въ договоры между ихъ предшественниками». Они обязывались взаимно обезпечить всѣ сдѣлки, заключенныя Россіей и Австріей съ Портой, съ 1704 по 1779-й годъ. Въ случаѣ войны одной изъ сторонъ съ Турціей, другая должна была выставить *одинаковое* съ нею количество сухопутныхъ и морскихъ силъ и не смѣла мириться съ султаномъ отдѣльно [2]).

---

[1]) Подробности о спорахъ Екатерины за этикетъ вообще и за альтернативу въ особенности см. въ составленной по бумагамъ московскаго архива нашей статьѣ: Das russisch-österreichische Bündniss von 1781, въ *Historische Zeitschrift* Зибеля (1875, Heft 4). Тамъ же приложены и ненапечатанные доселѣ архивскіе документы, относящіеся къ спору объ альтернативѣ.—*Joseph II und Katharina*, 68, 91.

[2]) Трактатъ 1781 года см. въ *Joseph II und Katharina*, 72—90. „Секретнѣйшая статья“ напечатана впервые *Германомъ* (VI, 459—461). Изложеніе хода пере-

«Секретнѣйшая статья» доставляла Россіи всѣ выгоды отъ договора, и Кауницъ не даромъ называлъ ее столько же коварною (malicieuse), сколько и невозможною (inadmissible) [1]). Въ ту минуту, когда все вниманіе Россіи сосредоточилось на восточномъ вопросѣ, у нея развязывались руки. Не только устранялись постоянныя препятствія здѣсь со стороны Австріи, но эта главная наша соперница въ турецкихъ дѣлахъ обязывалась помогать намъ всѣми своими силами. Прямымъ слѣдствіемъ союза 1781 года было развитіе восточнаго вопроса въ интересахъ Россіи, какъ мы увидимъ ниже. Сверхъ того, онъ усиливалъ наше вліяніе въ Германіи, потому что еще подтверждалъ тешенскій миръ и, главное, не уничтожалъ нашего стараго союза съ Пруссіей. Такъ воплощалась идея германскаго равновѣсія, подъ покровительствомъ Россіи, одушевлявшая Екатерину и ея министровъ, и Николай Румянцовъ поѣхалъ именно ея провозвѣстникомъ въ средоточіе Германіи [2]). Конечно, всѣ эти выгоды возвышали значеніе Россіи въ общеевропейской политикѣ. Екатерина сознала въ своихъ рукахъ силу, выходящую за предѣлы исключительно русскихъ интересовъ, и тотчасъ же дала почувствовать ее на отдаленномъ Западѣ. Вотъ почему она дорожила австрійскимъ союзомъ и гордо говорила, въ концѣ 1780 г.: «я надѣюсь прожить еще столько, чтобъ заключить съ императоромъ такой тѣсный, прочный и покоющійся на широкихъ основаніяхъ союзъ, котораго не въ силахъ былъ бы расторгнуть мой преемникъ. Мнѣ было бы больно, еслибъ моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики» [3]).

Не таковы были послѣдствія союза 1781 года для Австріи. Онъ сдѣлалъ ей много косвеннаго вреда и не принесъ никакой прямой пользы. Онъ только обезпечивалъ ей помощь Россіи, въ случаѣ нападенія Пруссіи. Но тогда дипломатамъ хорошо было извѣстно крайне-мирное настроеніе Фридриха. Сверхъ того, при

говоровъ о союзѣ 1781 года у *Гёрца* (I, 241—258) любопытно въ томъ отношеніи, что доказываетъ, изъ какихъ вѣрныхъ источниковъ вообще черпалъ свои свѣдѣнія этотъ дипломатъ.

[1]) *Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 39.

[2]) Точно такъ же объяснялъ Павелъ Петровичъ союзъ 1781 года. Вотъ его слова, сказанныя тогда Гёрцу: „Die Idee, eine glorreiche Rolle zu spielen und sich in die Mitte zwischen Preussen und Oesterreich zu stellen, um in gewisser Art die Schritte beider Mächte zu leiten, und der romanhafte aber unausführbare Plan eines griechischen Kaiserthums liege dem Vorhaben der Kaiserin, sich auf ein Bündniss mit Oesterreich einzulassen, vorzüglich zu Grunde".

[3]) *Raumer:* Beiträge, V, 476—7.

наступательныхъ дѣйствіяхъ Пруссіи, у Іосифа нашлись бы союзники и на Западѣ, который, со времени Семилѣтней войны, не переставалъ опасаться честолюбивыхъ стремленій Берлина. Раздѣлъ Турціи, руководимый Екатериной, не могъ быть особенно лестенъ Іосифу: онъ не вознаградилъ бы, какъ слѣдуетъ, Австрію за ущербъ отъ быстраго усиленія Россіи. Къ тому же, въ Вѣнѣ были убѣждены, что Фридрихъ непремѣнно захочетъ участвовать въ дѣлежѣ [1]), и въ такомъ случаѣ Іосифу пришлось бы бороться съ нимъ, между тѣмъ какъ русскіе, для которыхъ Порта уже не была «страшилищемъ», распоряжались бы въ Константинополѣ. Событія лучше всего доказали, кто выигралъ въ восточномъ вопросѣ отъ союза 1781 года. Но Іосифъ разсчитывалъ еще на помощь Екатерины въ вопросѣ германскомъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ ошибся и въ этомъ отношеніи.

Значеніе новаго союза отразилось даже въ мелочахъ, именно въ отношеніяхъ между личностями союзниковъ. Во время переговоровъ о немъ Екатерина писала Іосифу сдержанныя, холодныя письма и обращалась къ нему съ равными требованіями и замѣчаніями, то относительно Турціи и Польши, то насчетъ православныхъ въ Австріи [2]). Императоръ же и его многоопытный канцлеръ всячески старались угодить царицѣ и не знали, какъ ступить, спутываемые ея умышленными противорѣчіями. «Вы сильно преувеличиваете вліяніе императора въ Петербургѣ,—говорилъ тогда Кауницъ англійскому посланнику:—мы дѣлаемъ, что можемъ, но не въ силахъ сдѣлать то, чего намъ хочется... Характеръ царицы такъ чудно устроенъ, представляетъ такую странную смѣсь нерѣшительности и упрямства, что трудно постигнуть его». А Іосифъ прибавлялъ: «требуется большое искусство, чтобы приладиться къ характеру и нраву русской императрицы». Онъ немилосердно заискивалъ у Екатерины, льстилъ ей въ крайне любезныхъ письмахъ, оправдывался во взводимыхъ на него клеветахъ, исполнялъ ея мелкія требованія, посылалъ ей сувениры,

---

[1]) „Partager au gâteau". *Beer*, 39.

[2]) Екатерина постоянно заботилась объ интересахъ православнаго населенія въ Австріи. Отъ 28 марта 1786 года былъ посланъ Голицыну рескриптъ, изъ котораго видно, что къ Румянцову-Задунайскому приходили монахи изъ одного галицкаго монастыря съ жалобами на притѣсненія ихъ обители. Екатерина говоритъ, что не вѣритъ имъ, зная вѣротерпимость Іосифа, но думаетъ, что „католицкое въ Галиціи духовенство обыкло предъ симъ во время польскаго правленія утѣснять грекороссійскую церковь"; поэтому, пожалуй, оно наклеветало императору и угнетаетъ ее. Екатерина требовала, чтобы монастырь былъ „обезпеченъ отъ всѣхъ утѣсненій и обидъ, какъ въ собственности его, такъ и въ свободѣ отправленія богослуженія по преданіямъ нашей православной церкви". По справкѣ Голицына оказалось, что этотъ монастырь, наравнѣ съ другими, былъ закрытъ Іосифомъ.

а ея министрамъ «обычные въ Россіи» денежные подарки за договоръ [1]). Наконецъ, Іосифъ взялся за извѣстный талисманъ австрійской дипломатіи—за брачные узы [2]). Уже съ начала 1781 года Іосифъ задумалъ женить своего племянника, Леопольдова сына, Франца, на младшей сестрѣ наслѣдницы русскаго престола, Елисаветѣ Вюртембергской. Этимъ онъ надѣялся привязать къ себѣ Екатерину и въ то же время отвлечь Павла Петровича отъ Пруссіи. Онъ думалъ, что его планъ понравится Маріи Ѳедоровнѣ, любившей свою вюртембергскую семью, обремененную дѣтьми и жившую «крайне мѣщански»; а она, по его мнѣнію, должна была всегда руководить своимъ мужемъ, который былъ «далеко не равенъ ей по уму и талантамъ» [3]). Разсчеты Іосифа на бракъ оправдались. Екатерина согласилась, и, по этому поводу, осенью 1781 года, послала Павла Петровича съ женой въ Вѣну и Флоренцію. Конечно, Іосифъ непреминулъ принять гостей съ небывалымъ блескомъ и «проливалъ слезы радости» [4]).

Тѣмъ же характеромъ отличается поведеніе Іосифа, какъ политика, послѣ союза 1781 года. Онъ тотчасъ же приступилъ къ вооруженному нейтралитету [5]) и просилъ Екатерину ввести его въ обще-европейскую политику, такъ какъ она уже выступила тогда съ своимъ посредничествомъ въ войнѣ морскихъ державъ. Екатерина и здѣсь руководилась тѣми же принципами, которымъ слѣдовала въ дѣлахъ турецкихъ и германскихъ. Англія еще съ 1777 года добивалась наступательнаго и оборонительнаго союза съ нею, чтобы, заодно съ Пруссіей, устроить «сѣверный концертъ», который уничтожилъ бы ея вѣчную соперницу, Францію,

---

1) *Raumer*, V, 491, 502, 559.—*Joseph II und Katharina*, 45—47, 51 sq. 58.—*Beer*, 72, 76.

2) Tu, felix Austria, nube!

3) *Joseph II und Leopold II*, I, 14, 323, 327.

4) Голицынъ доносилъ, что, встрѣтивъ высокихъ путешественниковъ въ Троппавѣ, Іосифъ распространился передъ нимъ о „достойныхъ дѣтяхъ такой монархини, къ которой никто изъ европейскихъ государей не можетъ имѣть подобнаго тому высокопочитанія, какимъ онъ къ ней преисполненъ, какъ въ разсужденіи наивысочайшихъ и несравненныхъ душевныхъ ея качествъ и достоинствъ, такъ и въ разсужденіи великихъ и славныхъ ея дѣлъ, и которой онъ, посвятя совершеннѣйшую свою преданность, ненарушимо сохранитъ оную до конца своей жизни“. Любопытно, какое противоположное впечатлѣніе произвели путешественники на Іосифа и Леопольда. Да и вообще у современныхъ иностранцевъ мы встрѣчаемъ различные портреты русской наслѣдной четы. Весьма интересны въ этомъ отношеніи: *Joseph II und Leopold*, I, 9—10, 61, 116—128, 133, 323—325, 333—339.—*Joseph II und Katharina*, 113—118, 162.—*Beer*, 90—94.—*Oeuvres de Frédéric le Grand*, VI, 122.—*Ségur*, II, 219 sq.—*Asseburg*, 57—58.—*Görtz*, I, 117.—*Raumer*, V, 519—26.

5) См. рескриптъ Голицыну по поводу вооруженнаго нейтралитета, отъ 3-го сентября 1781 года, въ моск. архивѣ. Cf. *Joseph II und Katharina*, 109 sq.

поддерживаемую Австріей. Но такъ какъ этотъ планъ не сулилъ выгодъ Россіи, да еще противорѣчилъ идеѣ германскаго равновѣсія, то Екатерина затягивала переговоры и, наконецъ, по обыкновенію, предложила, съ своей стороны, статью о Портѣ. Сверхъ ожиданія, Англія согласилась на столь тяжелое для нея условіе и даже предлагала то превратить Минорку въ русскую Мальту, то присоединить къ Россіи что-нибудь изъ испанскихъ владѣній въ южной Америкѣ. Потемкинъ, съ свойственнымъ ему фантазёрствомъ, уже началъ-было мечтать о заселеніи Мальты греками и о заведеніи могучаго русскаго флота у «этого памятника славы императрицы, воздвигнутаго среди моря». Но Екатерина иначе смотрѣла на дѣло. Она не хотѣла связывать себя союзомъ, который не приносилъ пользы Россіи и еще вовлекалъ ее въ войну отдаленныхъ морскихъ державъ. Оттого въ Петербургѣ проводили англійскаго посланника безплодными разговорами, образчикомъ которыхъ служитъ блестящая бесѣда съ нимъ самой императрицы, въ декабрѣ 1780 года, переполненная угрозами и любезностями, высокомѣріемъ и искренностью, гнѣвомъ и шуткой [1]). Смыслъ этихъ рѣчей клонился къ тому, чтобы Англія даровала привилегіи нашимъ купцамъ и вообще «жила въ удовольствіе Россіи», какъ выразился англійскій посланникъ. Притомъ, ей должна была принадлежать инціатива въ союзѣ: «мнѣ,—сказала Екатерина,—какъ женщинѣ, неприлично дѣлать первый шагъ». А между тѣмъ, тогда уже налаживался австрійскій союзъ 1781 года—и Екатерина, вмѣсто «сѣвернаго концерта», объявила «вооруженный нейтралитетъ», гибельный для морского могущества Англіи, которая называла его «плутней, фантомомъ, самой дикой и распутной системой». Такимъ образомъ, Екатерина, уклонившись отъ англійскихъ соблазновъ, сохранила свободу дѣйствій, которою и не замедлила воспользоваться: въ концѣ 1780 года, она предложила Англіи свое посредничество въ американской войнѣ. Іосифъ, узнавъ объ этомъ, просилъ Екатерину допустить его, «какъ новичка въ такихъ дѣлахъ», къ участію въ посредничествѣ, тѣмъ болѣе, что этого желалъ и самъ лондонскій кабинетъ. Онъ объяснялъ ей, что замолвитъ словечко за «бѣдняжекъ-американцевъ, судьба которыхъ интересуетъ ее» [2]). Екатерина охотно согласилась [3]) и даже предоставила союзнику дальнѣйшій ходъ

---

[1]) *Raumer*, V, 470—3.

[2]) *Joseph II und Leopold II*, I, 9.—*Joseph II und Katharina*, 33—35, 59 sq.—*Beer*, 29.—*Herrmann* VI, 89.—*Raumer:* Beiträge, V, 467—489, 540.

[3]) *Панинъ Голицыну*, отъ 7-го марта 1781 года: „Le coeur généreux de l'Impératrice, compatissant aux maux, dont l'humanité est affligée, se sent allégé à la vue des efforts, que l'Empereur joint aux siens pour le succès de ce grand ouvrage“. —*Рескриптъ Голицыну*, отъ 24 сент. 1781 г.

дѣла, необѣщавшаго успѣха: должно замѣтить, что она даже видѣла выгоду въ продленіи войны, при которой развивалась торговля нейтральныхъ судовъ. Въ Вѣнѣ оказались дѣйствительно «новичками». Тамъ сильно увлеклись желаніемъ «сыграть великую роль» и надеждой сдѣлать Вѣну европейскимъ ареопагомъ, такъ какъ Екатерина согласилась на созваніе мирнаго конгресса въ столицѣ Австріи. Кауницъ горячо взялся за посредничество, и, съ свойственной ему изобрѣтательностью, начертывалъ планъ за планомъ, разсылалъ депешу за депешей. Екатерина равнодушно одобряла все, что̀ онъ ни присылалъ, и только твердила о защитѣ Голландіи, запоздавшей съ своимъ приступленіемъ къ вооруженному нейтралитету и потому ставшей жертвою, на которой Англія вымещала свою злобу на Россію: по словамъ англійскаго посланника, пристрастіе къ голландцамъ было «злобой дня» въ Петербургѣ, а по заявленію Панина, тогда «нельзя было ничѣмъ выбить изъ головы императрицы мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ». Понятно, что при такихъ условіяхъ посредничество Россіи не могло быть пріятно Англіи. Въ Лондонѣ начали уклоняться отъ него, и даже вступили въ прямыя сношенія съ Версалемъ и Мадридомъ. Кауницъ горячился и негодовалъ на равнодушіе Екатерины, пускался на всякія ухищренія и впадалъ въ непослѣдовательность. Сегодня онъ требовалъ, чтобы Екатерина возвысила голосъ, потому что только она съ успѣхомъ можетъ говорить тономъ угрозы [1]; завтра же готовъ былъ совсѣмъ бросить дѣло, еслибы изъ Петербурга не совѣтовали ему быть стойкимъ [2]...

Таковы были непосредственныя слѣдствія союза 1781 года въ мелочахъ; перейдемъ теперь къ вытекавшимъ изъ него крупнымъ явленіямъ — именно, къ новой порѣ развитія восточнаго и германскаго вопросовъ.

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 6/17 іюня 1782 г. Онъ доноситъ, что Кауницъ совѣтовалъ пригрозить воюющимъ державамъ, въ особенности Англіи, и сказалъ: „сей способъ въ разсужденіи Англіи съ наилучшимъ успѣхомъ отъ ея императорскаго величества единой произведенъ быть можетъ черезъ внушеніе нѣсколько серьёзное, которое, конечно, сильнѣйшую со стороны ея величества, нежели съ другой, импрессію сдѣлать можетъ".—*Raumer*, V, 476, 489.

[2]) Ходъ переговоровъ о посредничествѣ хорошо рисуется въ слѣдующихъ бумагахъ: *Голицынъ Екатеринѣ* отъ 26-го февраля (9-го марта), 1/12 марта, 11/22 мая, и въ ноябрѣ 1781 года; шифрованное письмо повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, *Хотинскаго къ Голицыну*, отъ 22-го марта 1782 года; *рескрипты Голицыну*, отъ 24-го сентября 1781 и 7-го марта 1782 года; *Голицынъ Екатеринѣ*, 6/17 іюня 1782 года.—Cf. *Joseph II und Katharina*, 132, sq. 139, 151.—*Beer*, 81 sq.

ГЛАВА VI.

Восточный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Уже во время переговоровъ о союзѣ 1781 года, Екатерина, какъ-бы испытывая дружбу Іосифа, потребовала отъ него серьёзно внушить туркамъ, чтобы они строго исполняли условія Кайнарджійскаго мира [1]). Іосифъ тотчасъ же приказалъ своему интернунцію въ Константинополѣ не только во всемъ помогать русскому агенту, но даже выбранить турокъ, притомъ не на деликатномъ французскомъ, а на «болѣе энергическомъ» нѣмецкомъ языкѣ [2]).

Затѣмъ восточный вопросъ замолкъ болѣе, чѣмъ на годъ. Екатерина старалась увѣрить всѣхъ, что поглощена заботами объ «общемъ благѣ», какъ называла она вооруженный нейтралитетъ, и такъ маскировала свои замыслы, что рѣшеніе участи Крыма было новостью даже для ея министровъ, которую вице-канцлеръ узналъ только изъ депеши нашего посланника въ Турціи [3]). Но всѣ чувствовали, что это—затишье передъ бурей. Восточный вопросъ, такъ сказать, носился въ воздухѣ и тревожилъ весь дипломатическій міръ Европы, отъ Невы до Гибралтара [4]): онъ состав-

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 1/12 ноября 1781 года: онъ извѣщаетъ, что Кауницъ написалъ своему интернунцію въ Константинополѣ требованіе (выписанное изъ ноты Голицына) „d'ôter à celle-ci (Porte) jusqu'à la moindre esperance, qu'elle conserve peut être, comme si la Cour ¿de Russie pouvait user vis-à-vis d'elle de condescendance, en egard aux interpretations arbitraires et illusoires qu'elle persiste à vouloir donner à la teneur du dernier Traité de paix".

[2]) *Joseph II und Katharina*, 45 sq.—Въ рескриптахъ Голицыну не разъ встрѣчается благодарность Екатерины Іосифу за подобныя внушенія.

[3]) *Joseph II und Katharina*, 125.—*Görtz*, I, 208 sq.

[4]) *Raumer*, V, 539.—Нашъ мадридскій посланникъ, Зиновьевъ, доносилъ Остерману, въ іюлѣ 1783 года, что въ Испаніи только и рѣчи, что про близкую войну Россіи съ Турціей, ибо это „было важно для морскихъ державъ". „Легко угадать,—

ляетъ основной интересъ въ европейской политикѣ 1782 и 1783 годовъ. Стóитъ вчитаться въ интимную переписку между главными дѣйствующими лицами, переполненную тревожными сплетнями и взаимными предостереженіями, чтобы убѣдиться въ этомъ [1]).

Вскорѣ всеобщія предчувствія оправдались. Въ іюнѣ 1782 г. въ Вѣнѣ была получена изъ Петербурга депеша, извѣщавшая о волненіяхъ въ Крыму. Переписка между союзниками приняла исключительно дѣловой, односторонній характеръ. Екатерина сразу предложила Іосифу условиться, согласно съ договоромъ 1781 г., насчетъ главныхъ мѣръ, которыя скоро потребуются. Іосифъ выразилъ полную готовность служить «своей императрицѣ, своему другу, своей союзницѣ, своей героинѣ» [2]). Екатерина воспользовалась этимъ и немедленно отправила Голицыну рескриптъ, извѣщавшій объ изгнаніи изъ Крыма преданнаго ей Шагинъ-Гирея «ухищреніями и игрою Порты» и о необходимости «поставить тамошній край совсѣмъ въ другое состояніе» [3]). Въ то же время Іосифъ получилъ отъ нея замѣчательное письмо въ строго-оффиціальномъ тонѣ, которое было извѣстнымъ планомъ *греческаго проекта*, возбудившаго настолько же страхъ и ненависть въ средѣ дипломатовъ, насколько сочувствіе въ европейской

замѣчаетъ Зиновьевъ, — что это Франція внушаетъ тревогу Испаніи, чтобы сильнѣе вовлечь ее въ свои интересы и держать въ своей полной зависимости: она доказываетъ ей, что связь Россіи съ Австріей повлечетъ за собой весьма важныя послѣдствія для Италіи". Въ январѣ 1784 года chargé d'affaires Зиновьева, Никитинъ, доносилъ, что французскій кабинетъ жаловался мадридскому на неаполитанскаго морского министра, склоннаго къ интересамъ Россіи и Австріи; испанскій король просилъ неаполитанскаго смѣнить этого министра, но тотъ не согласился. Тѣмъ дѣло и кончилось. Тогда Испанія только тревожилась, но не посылала флота въ Архипелагъ, какъ желала Франція. Этимъ Екатерина была обязана политикѣ Флоридабланки, сочувствовавшаго Россіи и ненавидѣвшаго Пруссію. Политическая система Флоридабланки разъяснена нами по московскому архиву, въ сочиненіи: *Испанія девятнадцатаго вѣка*, стр. 36—43.

[1]) Особенно любопытны: *Joseph II und Katharina*, 123 sq.—*Joseph II und Leopold II*, I, 113. — *Leopold II und Marie-Christine*, ihr Briefwechsel, hrsg. v. *Ad. Wolf*, Wien, 1867, 7 sq.

[2]) *Joseph II und Katharina*, 134—136. По свидѣтельству *Гёрца* (I, 203) и англійскаго посланника въ Петербургѣ (*Raumer*, V, 553), Іосифъ назвалъ даже себя „ея генераломъ", а свое войско „ея арміей", но этого нѣтъ въ письмѣ, напечатанномъ у Арнета. Точно также мы нигдѣ не нашли указаній на важную депешу Кауница къ Кобенцлю, по словамъ *Гёрца* (I, 203—5), присланную тогда же и совершенно противорѣчившую письму Іосифа къ Екатеринѣ. Впрочемъ, еслибы эта депеша и существовала, то она не имѣла значенія и, вѣроятно, пролежала въ портфѣлѣ Кобенцля безъ употребленія.

[3]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 5-го сентября 1782 года.—*Joseph II und Katharina*, 144 sq.

интеллигенціи, съ Вольтеромъ во главѣ [1]). Императора сухо приглашали «вполнѣ и въ цѣлости исполнить секретнѣйшую статью», чтобы содѣйствовать «не только благополучію обѣихъ монархій, но и пользѣ всего христіанства», которая состоитъ въ «возстановленіи древней греческой имперіи на развалинахъ варварскаго господства», подъ управленіемъ Константина Павловича. Россія должна была взять себѣ за это «въ сію минуту только» Очаковскій округъ (между Бугомъ и Днѣстромъ), да одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австріи она предлагала уступить сосѣднія турецкія земли и, «еслибы понадобилось», выхлопотать какой-нибудь пунктъ на Средиземномъ морѣ. А для устраненія пограничныхъ споровъ въ будущемъ можно было образовать изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи новое государство, «Дакію», съ государемъ «того христіанскаго исповѣданія, которое господствуетъ тамъ». Въ доказательство, что эти, «повидимому, слишкомъ обширные и отдаленные» планы возможны, Екатерина нарисовала мастерскую картину современной политики Европы, доказывающую, какъ твердо и обдуманно держалась она своихъ основныхъ идей. Здѣсь впервые была прямо заявлена мысль, что пора Австріи перенести заботы съ французскаго союза на англійскій. Екатерина долго лелѣяла эту идею [2]), потому что для нея не было ничего выгоднѣе, какъ соединеніе, въ одно время, съ Австріей и съ Англіей. Это значило заставить и лондонскій кабинетъ служить цѣлямъ Россіи, такъ какъ онъ парализовалъ бы Францію, которая была готова на все для защиты турокъ. Коварства же со стороны Великобританіи нечего было опасаться, потому что, истощенная войной, она сама искала опоры, а вооруженный нейтралитетъ, по мѣткому выраженію Екатерины, «ставилъ ея торговые интересы въ нѣкотораго рода зависимость отъ Россіи». Сверхъ того, планъ Екатерины разбивалъ дипломатическія ковы Фридриха, который негодовалъ на дружбу

[1]) Этотъ документъ впервые напечатанъ у *Германа* (VI, 461—464), но съ пропусками. Его полный текстъ помѣщенъ у *Арнета* (Joseph II und Katharina, 143—157). Ср. *Соловьева*: Исторія паденія Польши, 163—165. Для греческаго проекта любопытны подробности у *Гёрца* (I, 185—189) и *Дома* (II, 3—30).

[2]) Екатерина еще до союза 1781 года склонялась къ мысли о союзѣ съ Англіей, которая сама искала его и просила посредничества Россіи въ американской войнѣ. Но тогда союзъ не состоялся, потому что Англія требовала вооруженнаго посредничества, а Екатерина вовсе не желала участвовать въ войнѣ, выгодной только для другихъ. Намъ кажется, что это соображеніе заставило Екатерину поддаться на ту ловушку, извѣстную подъ именемъ вооруженнаго нейтралитета, которую устроилъ ей Панинъ, желавшій повредить Англіи. Несмотря на то, у Екатерины съ тѣхъ поръ постоянно сохранялось желаніе сблизиться съ Англіей. *Görtz*, I, 292—298, 318—320.

между Австріей и Франціей и постоянно мечталъ о союзѣ Пруссіи съ Россіей и Англіей [1]). Еслибы этотъ планъ удался, то Англія была бы отвлечена отъ Пруссіи, и Фридрихъ остался бы одинокимъ и ничтожнымъ въ европейской политикѣ. Впрочемъ, Екатерина и безъ того не придавала особеннаго значенія старому Фрицу. Она понимала его вѣрнѣе, чѣмъ Іосифъ. Она называла его «опустившимся» (fallen of) нравственно [2]) и успокоивала своего союзника тѣмъ, что Фрицъ, «въ его лѣтахъ», не рѣшится на старые подвиги. Къ тому же, Екатерина надѣялась выдвинуть противъ Пруссіи нѣмецкихъ князей. По ея мнѣнію, для этого стбило только Іосифу строго соблюдать Тешенскій миръ, т.-е. отказаться отъ своихъ германскихъ замысловъ и всецѣло посвятить себя борьбѣ съ Портой—другими словами, интересамъ Россіи.

Іосифъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на Фридриха, откуда и вытекало его разногласіе съ Екатериной во взглядѣ на европейскую политику. Онъ чувствовалъ какъ-бы врожденный страхъ къ прусскому герою и воображалъ, что стбитъ ему перешагнуть черезъ Дунай, какъ тотчасъ же потсдамскіе гости явятся въ Богеміи. Кауницъ, творецъ австро-французскаго союза, ненавидѣвшій Англію отъ всей души [3]), схватился за эту слабую струну своего монарха—и Іосифъ заявилъ Екатеринѣ, что должно не

---

[1]) Именно въ описываемое время Фридрихъ убѣждалъ Екатерину поддерживать Англію, предложившую Версалю весьма умѣренныя условія мира, потому что „въ случаѣ непринятія этихъ условій могущій послѣдовать совершенный сея державы упадокъ, въ разсужденіи соблюденія нужнаго въ Европѣ равновѣсія, заслуживаетъ крайнее вниманіе и уваженіе". (Шифрованная депеша Остермана Долгорукому, 10 іюня 1782 г.). Екатерина отвѣчала, что съ радостью берется продолжать свои миролюбивыя усилія, но... заодно съ Іосифомъ. Послѣдняя прибавка такъ смутила Долгорукаго, что онъ извѣстилъ Остермана 28 іюня (9 іюля): „буду содержать сіе въ крайнѣйшемъ секретѣ и не прежде съ здѣшнимъ министерствомъ изъясняться о семъ стану, какъ въ случаѣ если оное о сей матеріи само собою мнѣ отзовется". *Görtz*, I, 299—307.

[2]) Донесеніе англійскаго посланника въ Петербургѣ, въ концѣ 1780 года. *Raumer*, V, 477.

[3]) Причины вражды Кауница къ Англіи хорошо выставлены имъ самимъ въ письмѣ къ Іосифу, отъ 28 сент. 1785 г. *Beer*, 224.—Кауницъ былъ до того упоренъ въ этомъ своемъ политическомъ догматѣ, что во время присоединенія Крыма, когда вѣнскій кабинетъ всячески старался подслужиться петербургскому, намекъ Екатерины на англійскій союзъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ въ Вѣнѣ. Голицынъ писалъ Екатеринѣ (5/16 ноября 1783) по поводу этого намека, что Кауницъ „не обращаетъ вниманія на англійскій союзъ, который можетъ быть полезенъ одному Петербургу". Кауницъ лишь передъ смертью склонился къ желанію Іосифа вступить въ союзъ съ Англіей, какъ свидѣтельствуетъ его записка 1789 года. *Beer*, XVIII, sq.

только покинуть мысль о Лондонѣ, но еще болѣе привлечь Францію, посуливъ ей хоть Египетъ. Впрочемъ, страсть къ расширенію границъ, горячность и надежда на могущество Екатерины сначала преодолѣвали страхъ Іосифа. Ему казалось, что онъ уже владѣетъ частью Турціи и венеціанскихъ земель, мысль о которыхъ родилась у него «отъ различныхъ словъ» Екатерины. Оттого въ Петербургѣ получили полное согласіе вѣнскаго кабинета на греческій проектъ, лишь съ легкимъ измѣненіемъ границъ Дакіи и греческой имперіи въ пользу Австріи. Іосифъ даже поспѣшилъ набросать для Екатерины планъ военныхъ дѣйствій, въ которомъ она не нуждалась. Вслѣдъ затѣмъ, въ Австріи посыпались приказы по арміи, а вѣнскіе финансисты засуетились съ займами [1]), и австрійскій агентъ въ Константинополѣ получилъ приказаніе поддерживать русскій ультиматумъ.

Практическому и недовѣрчивому Леопольду дѣло представлялось въ иномъ видѣ. Конечно, и онъ не прочь былъ попользоваться насчетъ Порты, но осторожно, помогая тайкомъ разложенію этой державы, а главное—съ согласія Пруссіи и Франціи. Онъ не могъ допустить мысли объ участіи нашего отечества въ дѣлежѣ магометанскаго наслѣдія. Леопольдъ ненавидѣлъ Россію больше всѣхъ другихъ государствъ, какъ тирана Европы. Ему казалось, что коварная царица уже «повелѣваетъ» Австріей и даже Англіей, и эти страны погибаютъ, обращаются въ такія же второстепенныя державы, какъ Данія и Швеція. Леопольдъ понялъ значеніе греческаго проекта съ истинно-австрійской точки зрѣнія и поэтому назвалъ его «легкомысленнымъ», а Екатерину, «опьянѣлой женщиной, ослѣпленной своими мечтами, тщеславной, самолюбивой, исполненной коварства, увертливости и утонченнаго лукавства» [2]).

Такъ начался 1783 годъ, ознаменованный присоединеніемъ Крыма. Исторія восточнаго вопроса въ этомъ году ясно распадается на двѣ части—до примиренія Англіи съ Франціей, и послѣ него.

Екатерина сама сочла бы греческій проектъ химерой, еслибы не разсчитывала справедливо на войну между морскими державами, такъ какъ Фридриха нечего было опасаться, а Іосифъ былъ

---

[1]) Отвѣтъ Іосифа на проектъ Екатерины, часть котораго впервые была напечатана у *Германна* (VI, 464 sq.), помѣщенъ у *Арнета* (Joseph II und Katharina, 169—175).—Ср. *Соловьева:* Исторія паденія Польши, 165—166.—*Joseph II und Katharina*, 159, 164, 169.—*Joseph II und Leopold II*, I, 140.

[2]) *Joseph II und Leopold II*, I, 142—145, 152, 158.

у нея въ рукахъ. Оттого-то она спѣшила и заранѣе приготовила дальнѣйшія мѣры на случай принятія Портой ея ультиматума. Вотъ почему, какъ только султанъ дѣйствительно согласился на всѣ требованія Екатерины, она сама тотчасъ же отказалась отъ нихъ [1]) и издала указъ о присоединеніи Крыма, а затѣмъ и Грузіи. Но почти въ тотъ же день, когда состоялось это знаменитое распоряженіе, Екатерина написала Іосифу, что, вслѣдствіе измѣнившагося «общаго положенія европейскихъ дѣлъ», она сокращаетъ свой завѣтный планъ [2]).

Хотя греческій проектъ не осуществился, тѣмъ не менѣе Екатерина сильно подвинула его впередъ и, ловко воспользовавшись положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, извлекла самую значительную выгоду изъ союза 1781 года. Ея дипломатическая побѣда была тѣмъ болѣе блестяща, что въ то время, какъ Россія усиливалась, ея естественные враги, Австрія и Пруссія, не сдѣлали шагу впередъ.

Іосифъ во все это время игралъ жалкую роль. Здѣсь, какъ и всегда въ иностранной политикѣ, онъ выказалъ горячность и поспѣшность въ замыслахъ, вялость и нерѣшительность въ исполненіи. Сначала, какъ мы видѣли, онъ обнаружилъ необыкновенную воинственность и энергію, старался разыграть роль Екатерины, хотя не всегда даже понималъ ея письма [3]). И только опытному Кауницу, запугавшему его подобнымъ же корыстолюбіемъ царицы, удалось отвлечь его отъ намѣренія немедленно пріобрѣсти часть Турціи [4]). Но вслѣдъ затѣмъ, Іосифъ палъ духомъ, началъ страшиться всего—не только Екатерины и ужаснаго Фрица, но даже разомъ и Англіи, и Франціи. Вдругъ его главнымъ желаніемъ стало всячески избѣгнуть войны. Оттого-то Іосифъ обратился въ покорное орудіе Екатерины, не дѣлалъ безъ нея шагу въ иностранной политикѣ, льстилъ ей больше прежняго и даже приказывалъ своему брату, Леопольду, жечь его

---

[1]) Любопытно, какъ Екатерина маскировала мотивы этого страннаго поступка. *Joseph II und Katharina*, 192, 196.—*Görtz*, I, 215 sq.

[2]) *Joseph II und Katharina*, 197.—По словамъ англійскаго посланника въ Вѣнѣ, тогда носился слухъ, будто императорскіе дворы надѣялись одно время исполнить свой турецкій планъ даже послѣ Версальскаго мира, „схватившись за старую мысль—предложить Франціи Египетъ". *Raumer*, V, 572.

[3]) Іосифъ самъ сознался, что не понялъ письма Екатерины, бывшаго прелюдіей къ присоединенію Крыма. *Beer*, 133.

[4]) *Beer*, 127—129, XIX—XX. При этомъ Кауницъ, доказывая, что Екатерина пожелаетъ подражать Іосифу въ расширеніи своихъ границъ, выразился такъ: „Diese Fürsorge scheint in Aussehung einer Frau nicht ganz leer zu sein, deren Ruhm und Convenienzbegierde fast grenzenlos ist".—*Raumer* V, 576.

письма, въ которыхъ порой прорывалось жестокое слово объ этомъ тиранѣ, а не союзникѣ [1]). И его постоянныя, но весьма деликатныя напоминанія о выгодахъ Австріи походили скорѣе на просительныя письма, чѣмъ на требованія равноправнаго союзника. Екатерина же не обращала вниманія на вѣнскій кабинетъ и даже во всемъ противорѣчила ему. Она наотрѣзъ отказывала Іосифу относительно венеціанскихъ владѣній и намекала, что «не слѣдуетъ слишкомъ стѣснять» будущую греческую имперію [2]). Лишь изрѣдка, именно когда потребовалось прямое содѣйствіе Австріи въ присоединеніи Крыма, Екатерина вскользь замѣтила о «собираніи былого наслѣдія Габсбурговъ» и о своей готовности помочь возвеличенію Австріи, согласно съ договоромъ 1781 года [3]).

Когда Крымъ былъ взятъ, Іосифъ, вмѣсто того, чтобы или протестовать, или серьёзно потребовать себѣ вознагражденія, сталъ еще болѣе остороженъ. Онъ даже обмѣнялся ролями съ Кауницемъ. Старый канцлеръ требовалъ немедленно ударить на турокъ, предупреждая неизбѣжную войну ихъ съ Россіей, и взять все, что̀ утрачено по бѣлградскому миру [4]). Но императоръ сталъ за выжиданіе еще какой-то удобной минуты, и съ трудомъ удержалъ Кауница отъ его «глупости» [5]). Кончилось тѣмъ, что вѣнскій кабинетъ поздравлялъ Екатерину съ пріобрѣтеніемъ Крыма, а Кауницъ принужденъ былъ льстить ей, какъ никогда, для чего

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 189—191, 206, XXI.—*Joseph II und Leopold II*, I, 153.

[2]) *Joseph II und Katharina*, 182—188, XXIII.

[3]) *Joseph II und Katharina*, 198—201, 205 sq.—*Raumer* V, 552, 554. — Въ іюнѣ 1783 Голицынъ получилъ рескриптъ, по поводу „содѣйствія Іосифа въ присвоеніи Крыма". Онъ долженъ былъ заявить императору отъ имени Екатерины: „Мы не отречемся исполнить принятыя нами обязательства въ разсужденіи сего государя въ полной мѣрѣ при настояніи случая; тутъ весьма разумѣемъ мы и Францію и короля прусскаго, если бы кто изъ нихъ атаковалъ Австрійскія земли; при всякой войнѣ будемъ мы усердно стараться о доставленіи императору соразмѣрныхъ нашихъ выгодъ сколько по словамъ и разуму существующихъ между нами договоровъ, столько же и ихъ признанія за его намъ нынѣ обѣщанное и дѣйствительно уже начатое пособіе; на случай открытія у насъ съ Портой войны и на всякій другой подобной охотно представляемъ мы готовность нашу войти съ его величествомъ императоромъ въ ближайшее и точное опредѣленіе, какъ пропорціональныхъ на обѣ стороны пріобрѣтеній, такъ и запасныхъ операціонныхъ плановъ".

[4]) Кауницъ даже приготовилъ депеши въ этомъ смыслѣ и объяснительную записку. *Beer*, XI sq.

[5]) См. весьма важныя письма Іосифа къ Леопольду, отъ 10 августа 1783 г. (*Joseph II und Leopold*, I, 165), и къ Кауницу, отъ 19 мая (*Beer*, 131 sq.), а также отвѣтъ Леопольда Іосифу (*Joseph II und Leopold*, I, 167 sq.),

онъ воспользовался проѣздомъ С. М. Воронцова черезъ Вѣну въ Венецію [1]).

Прошло два съ половиною года послѣ заключенія союза 1781 года, а Австрія не достигла ничего, кромѣ непріятностей. Постоянная тревога и издержки на военныя приготовленія, охлажденіе Франціи, страхъ, что старый Фрицъ не сегодня-завтра явится въ Богеміи, чтобы наказать Вѣну за дружбу съ Петербургомъ, наконецъ, возникавшее по временамъ сознаніе, что Австрія играетъ роль орудія Россіи — вотъ что̀ пріобрѣлъ Іосифъ отъ этого союза. Правда, у него оставалась еще надежда на вознагражденіе, но она была отравлена необходимостью заискивать у петербургскаго тирана, опасаться отказа,—словомъ, чувствовать, что и здѣсь все зависитъ отъ коварной союзницы [2]). Вскорѣ и эта надежда исчезла, и именно въ ту минуту, когда, казалось, она была ближе всего къ осуществленію. Когда приходило къ концу крымское дѣло, Екатерина, съ радости, стала писать Іосифу съ небывалой любезностью: казалось, у нея только и было заботы, что о томъ, какъ бы лучше расквитаться со своимъ вѣрнымъ союзникомъ. Даже такой подозрительный и равнодушный человѣкъ, какъ Леопольдъ, вообразилъ, будто теперь можно было «довести царицу до того, чтобы она сама предложила то, чего желаютъ отъ нея» [3]). Іосифъ снова выдвинулъ свой планъ вознагражденія на счетъ Турціи [4]). Но Екатерина показывала видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, ея агентъ въ Константинополѣ вовсе не по-дружески поступалъ съ австрійскимъ дипломатомъ, и когда Кауницъ пожаловался на это Остерману, послѣдній отвѣчалъ, что его государыня рада бы помочь австрійцамъ, да не знаетъ, чего они добиваются. Іосифъ принужденъ былъ самъ высказаться. Онъ уже понималъ, что его дѣло проиграно и что недаромъ онъ съ самаго начала называлъ его «самою мимолетною идеей», предчувствуя поведеніе Екатерины [5]). Въ общихъ чертахъ, и какъ-бы мимоходомъ, заговорилъ императоръ объ исправленіи своихъ

1) Голицынъ переслалъ въ Петербургъ, $^9/_{20}$ сентября 1783 года, любопытный „Перечень разговора графа Воронцова съ княземъ Кауницомъ“.—*Joseph II und Katharina*, 202, 219.

2) Весьма любопытны въ этомъ отношеніи подобныя выраженія Іосифа: „J'ai grand soin de rappeler souvent à son (Екатерины) souvenir“ etc. *Joseph II und Leopold*, I, 204.

3) *Joseph II und Katharina*, 213—221. *Joseph II und Leopold*, I, 204.

4) Іосифъ хотѣлъ пріобрѣсти оба берега Савы, округъ Унны и австрійскую Валахію, а турки должны были срыть крѣпости Бѣлградъ и Орсову. *Beer*, 135—137.

5) „Je ne vous donne ceci, que comme une idée très-passagère“, писалъ Іосифъ Кауницу 5-го іюля 1783 года. *Beer*, 137.

владѣній на югѣ, чтобы «съ обѣихъ сторонъ привести границы въ безопасное отъ разбойниковъ состояніе», причемъ самъ сознавался Кауницу, что вовсе не надѣется на успѣхъ. Конечно, Порта отказала, посуливъ ему лишь нѣсколько пустырей. И тщетно жаловался Іосифъ Екатеринѣ, что турки затягиваютъ вопросъ о границахъ. Русскій агентъ въ Константинополѣ, вѣроятно, опять не понималъ, чтò нужно австрійцамъ, хотя онъ же быстро и энергично выхлопоталъ Іосифу у Порты выгодный коммерческій трактатъ, потому что ему приказано было для этого «употребить до конца всевозможные способы». Австрійцы потребовали этого трактата, чтобы сказать, что получили хоть какое-нибудь «вознагражденіе». И онъ былъ не болѣе, какъ копіей съ подобнаго же договора, уже вынужденнаго Екатериной у Порты, передъ присоединеніемъ Крыма, такъ сказать, мимоходомъ [1]). Іосифу оставалось только возлагать смутныя надежды на будущее. «Императоръ—возвѣстилъ тогда Кауницъ англійскому посланнику—неохотно откладываетъ свои великіе планы насчетъ пріобрѣтеній въ Турціи до смерти прусскаго короля, или же до тѣхъ поръ, пока положеніе Европы не представитъ болѣе благопріятнаго случая [2]).

Немногимъ лучше была роль Фридриха въ эпоху присоединенія Крыма. Тогда-то прусскій герой представлялъ тотъ печальный видъ, который мы обрисовали выше (глава I). Тогда-то, сбитый съ толку Екатериной, онъ спрашивалъ Гёрца въ смущеніи: «чтò, я въ союзѣ съ Россіей, или нѣтъ?» [3]). Никогда еще его политическое положеніе не было такъ безотрадно. «Прусскій король—мѣтко писалъ тогда Румянцовъ Екатеринѣ—весьма недоволенъ своимъ положеніемъ. Сближеніе двухъ императорскихъ дворовъ почитаетъ онъ для себя опаснымъ, и готовъ бы былъ съ Россіею союзъ прервать, но нигдѣ таковой потерѣ замѣны не находитъ. Въ Англіи склонности не видитъ, а съ Франціею тѣснаго сближенія опасается, почитая сію державу совсѣмъ разстроенною въ казенной ея части, разсуждая притомъ, что не

---

¹) *Рескриптъ Булгакову*, 26 февраля 1784. — *Голицынъ Екатеринѣ*, 31 іюля (11 августа) 1784.—*Beer*, 166.—*Joseph II und Katharina*, 232. — Торговый трактатъ 1783 года между Россіей и Турціей одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ. Булгаковъ сказалъ о немъ Штакельбергу: „онъ похожъ скорѣе на торговый кодексъ, издаваемый государемъ въ собственныхъ владѣніяхъ, чѣмъ на договоръ между двумя независимыми державами“. *Görtz*, I, 223.

²) *Raumer*, V, 571.

³) Любопытенъ и отвѣтъ Гёрца: „да, все еще продолжаютъ увѣрять въ этомъ“. *Görtz*, I, 257.

можно ему на твердый союзъ надѣяться съ государствомъ, въ которомъ австрійскаго дома королева большую инфлюенцію имѣетъ, гдѣ министерство часто перемѣняется, и что таковый союзъ вреденъ; наконецъ, и потому, что, по истеченіи недолгаго отдохновенія, Англія, конечно, Франціи войну объявитъ для возвращенія потерянной славы и мощи. Остаются сѣверныя державы, но сдѣланныя о томъ слегка попытки были безъ успѣха, и король увѣдомленъ, что будто бы при свиданіи вашего императорскаго величества съ королемъ шведскимъ говорено было о фамильномъ въ сѣверѣ трактатѣ, опасается, сказываютъ мнѣ, чтобъ таковое намѣреніе, исполнясь, не прибавило вѣсу въ пользу двухъ императорскихъ дворовъ». Фридрихъ рѣшился «остаться при собственной своей силѣ, умножая свои войска весной на 30 тысячъ». Онъ рѣшился «ждать, удовольствуясь заявленіемъ Испаніи и надѣясь на Сардинію, Венецію и часть самыхъ мощныхъ въ Германіи владѣтелей, что они пристанутъ къ войнѣ при нарушеніи равновѣсія» [1]).

И никогда еще старый Фрицъ не былъ такъ малодушенъ и непроницателенъ. Хотя именно тогда смутно чуялось ему приближеніе грозы съ востока, однако, совершенно спутанный Екатериной, онъ не понималъ новой поры въ развитіи восточнаго вопроса. Уже восемь мѣсяцевъ существовалъ союзъ 1781 года, а Фридрихъ воображалъ, что Екатерина занята планомъ примиренія Австріи съ Пруссіей и восклицалъ: «Чего, кромѣ химеръ и невозможныхъ предложеній, ожидать отъ головы фантастической женщины!» Не то ему казалось, что онъ борется съ Іосифомъ изъ-за сочувствія Россіи, и онъ восклицалъ самодовольно: «посмотримъ, кто изъ насъ побѣдитъ!» Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы возобновить союзъ съ Россіей и доказывалъ Екатеринѣ, что никогда Австрія не будетъ такою «зависимой отъ нея» союзницей, какъ Пруссія. Онъ старался быть любезнымъ съ царицей, насколько позволяли ему это его мрачный характеръ и потсдамскіе нравы. Онъ за все благодарилъ и хвалилъ свою старую союзницу—и за вооруженный нейтралитетъ, и за посредничество въ англо-голландской войнѣ, такъ что Долгорукому показалось даже, будто онъ «мало доброхотствуетъ» Лондону [2]).

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, $^{12}/_{23}$ декабря 1783 года.

[2]) Долгорукій доносилъ Екатеринѣ, $^{3}/_{14}$ апрѣля 1781 г., что Финкенштейнъ, весьма одобряя ея посредничество въ Лондонѣ въ пользу Голландіи, замѣтилъ: „любоначаліе англійскаго двора довольно доказано“. Долгорукій прибавляетъ: „сіе графа Финкенштейна примѣчаніе происходитъ отъ того, что здѣшній дворъ съ англинскимъ не въ большомъ согласіи и оному мало доброхотствуетъ“.—*Raumer*, V, 500.

Мало того, Фридрихъ выразилъ радость по поводу приступленія Іосифа къ вооруженному нейтралитету, причемъ въ сотый разъ распространился о своей «ненарушимой дружбѣ» къ императрицѣ, которую онъ доказывалъ также подарками русскимъ министрамъ. Вскорѣ Фридрихъ и самъ приступилъ къ вооруженному нейтралитету, именно съ тою цѣлью, чтобы скрѣпить свои слабыя связи съ Россіей [1]). А между тѣмъ союзъ 1781 г. былъ такъ искусно проведенъ у него за спиной, что онъ узналъ о немъ позже нѣкоторыхъ другихъ державъ и лишь два года спустя. И Остерманъ, распространяясь объ «искренности и прямотѣ своей государыни относительно своихъ союзниковъ», даже не вступилъ въ объясненіе этой скрытности [2]). Герцбергъ три раза прочелъ депешу о союзѣ 1781 года, и вскипѣлъ. Онъ наговорилъ много рѣзкаго насчетъ завоевательныхъ стремленій императора и даже воскликнулъ въ запальчивости, что подобный союзъ можетъ вызвать Семилѣтнюю войну. Но тутъ онъ вспомнилъ своего короля—и попросилъ Долгорукаго не доносить въ Петербургъ объ этой выходкѣ [3]). Фридрихъ ограничился тѣмъ, что нѣсколько

---

[1]) Въ ноябрѣ 1781 года Долгорукій доносилъ Екатеринѣ, что, при извѣстіи о приступленіи Іосифа къ вооруженному нейтралитету, Фридрихъ выразился, что „дружба ея величества всегда будетъ ему ласкательна и драгоцѣнна, и что онъ всячески старается не оставить оную свято наблюдать, и что его привязанность и дружба не только искренни, но и ненарушимы вѣчно будутъ".—*Görtz*, I, 265.

[2]) 14-го іюня 1783 года Остерманъ послалъ Долгорукому депешу, извѣщавшую берлинскій дворъ о союзѣ 1781 года. Онъ объяснялъ, что свиданіе Екатерины съ Іосифомъ, а потомъ существенная помощь, оказанная послѣднимъ въ крымскомъ дѣлѣ, возбудили у этихъ монарховъ желаніе „de renouveller l'ancien traité d'alliance qui unissait autrefois les deux Empires, et ce desir leurs Majestés Impériales l'ont réalisé au moyen d'une correspondance immédiate entre Elles". Остерманъ просилъ поскорѣе увѣдомить его, какъ будетъ принято это извѣщеніе, и доказывать, что новый союзъ отнюдь не послужитъ къ ущербу старому союзу съ Пруссіей и Даніей.—Любопытны приведенные у *Раумера* (V, 541—6) факты, доказывающіе, какъ долго обманывались насчетъ союза 1781 года прусскій и англійскій посланники въ Петербургѣ.

[3]) *Шифрованная депеша Долгорукаго Остерману*, отъ 27 іюня (8 іюля) 1783 г. Долгорукій говоритъ, что Герцбергъ, самъ трижды прочитавъ извѣщеніе о союзѣ 1781 года, сказалъ, „какъ другъ", „que l'article, par lequel les deux Puissances contractantes se garantissaient les possessions respectives, pourrait être de grande consequence, l'ambition de l'Empereur étant connuë et que le Roi son maître, qui mettait tant de confiance dans l'amitié de l'Impératrice, pourrait être deçû dans ses espérances de contenir la maison d'Autriche dans ses justes bornes". Затѣмъ Долгорукій прибавляетъ: „Ce ministre d'État est fort vif, ce qui l'empêche de voir toujours les choses du vrai côté, alors il est moins réservé qu'il ne faut, il alla même jusqu'à dire, qu'une pareille alliance pourrait avoir des suites, comme celle qui a entrainé la dernière guerre de sept ans". Долгорукій подхватилъ эти слова и сказалъ, что тутъ нѣтъ сравненія, что его король долженъ взглянуть на дѣло иначе и отдать болѣе справедливости Екатеринѣ, 21 годъ царствованія коей былъ „un sûr garant de sa fidélité à ses engagemens".

разъ спрашивалъ оффиціально, не есть ли это возобновленіе враждебнаго Пруссіи договора 1746 года? Онъ успокоился, когда Екатерина разсѣяла его сомнѣнія и напомнила, что она уже достаточно доказала ему свою дружбу во время баварской войны и тешенскаго мира [1]).

По заключеніи союза 1781 года, поведеніе Екатерины относительно Фридриха было также болѣе, чѣмъ недружественно. Отвѣчая на всѣ его любезности оффиціальными заявленіями пріязни, она разбивала всѣ его усилія возобновить союзъ холоднымъ молчаніемъ. При случаѣ же, она старалась или вредить ему, или давать чувствовать свое значеніе. Одно изъ печальныхъ послѣдствій раздѣла Польши, данцигскій вопросъ служилъ ей тутъ постояннымъ орудіемъ. Знаменитый по своей торговлѣ и богатству, Данцигъ владѣлъ устьями Вислы. Фридриху съ самаго начала очень хотѣлось пріобрѣсти этотъ портъ; но Екатерина отстояла и обезпечила его независимость въ 1772 году. Однако, Фридрихъ рѣшился во что бы то ни стало исполнить свой замыселъ. Онъ началъ поступать съ Данцигомъ жестоко и съ вопіющей несправедливостью, не щадя даже ни частной собственности его жителей, ни интересовъ самой прусской торговли [2]). Весной 1783 года онъ дошелъ до того, что объявилъ себя же обиженнымъ и, не обращая вниманія ни на поручительство Россіи, ни на международные обычаи, занялъ оспариваемую область своими войсками. Тогда данцигскій вопросъ обратилъ на себя всеобщее

---

[1]) Изъ *Перечней конференціальныхъ записокъ*, веденныхъ въ Петербургѣ, отъ 12 и 19 іюля, видно, что Фридрихъ нѣсколько разъ спрашивалъ нашъ дворъ, не означаетъ ли союзъ 1781 года возобновленія трактата 1746 года, „въ которомъ былъ артикулъ прямо противу его прусскаго величества“. Остерманъ сначала пообѣщалъ спросить свою государыню, и заранѣе отвѣчалъ отъ себя, что вообще „новый союзъ, лишь охраняющій границы, есть самый безвинный, заключенный на томъ же самомъ основаніи, на каковомъ состоятъ ея императорскаго величества обязательства съ его прусскимъ величествомъ“. Потомъ онъ передалъ Гёрцу отвѣтъ самой Екатерины: „О прежнихъ трактатахъ съ Австріей не можетъ быть и рѣчи... Конечно, не со стороны государыни императрицы послѣдуетъ какое-либо въ дружбѣ съ его прусскимъ величествомъ ослабленіе. Всѣ ея величества дѣянія довольно доказываютъ, сколь свято наблюдала и наблюдаетъ она обязательства и долговѣрной, и искренней союзницы: чему яснымъ примѣромъ, кромѣ другихъ опытовъ, служили война за баварское наслѣдство и миръ тешенскій“. Гёрцъ отвѣчалъ, что Фридрихъ не сомнѣвается въ дружбѣ Екатерины; „но какъ извѣстно ему недоброхотство двора вѣнскаго, то и опасался онъ, чтобъ сей дворъ между возобновленными обязательствами не почиталъ возобновленнымъ и трактатъ 1746 года“.

[2]) Собственные агенты и почитатели Фридриха, Гёрцъ (I, 236 — 239) и Домъ (II, 84 sqq.), черезъ руки которыхъ проходили всѣ бумаги по этому дѣлу, строго порицаютъ поступки своего короля съ Данцигомъ.

вниманіе, сталъ европейскимъ. Повсюду заговорили о немъ, потому что съ нимъ была связана торговля главныхъ державъ; къ тому же, онъ оживилъ воспоминанія о Фрицѣ-завоевателѣ. Екатерина съ самаго начала постоянно дѣлала внушенія Фридриху, указывая на массу жалобъ, которыми заваливали ее данцигцы. Теперь же она съ радостью вступилась серьёзно въ дѣло, которое принимало европейскій характеръ: она являлась тутъ защитницей тѣхъ самыхъ гуманныхъ началъ, которыя уже снискали ей громкую и чистую славу основательницы вооруженнаго нейтралитета. Сверхъ того, императрица понимала своихъ нѣмецкихъ друзей настолько, чтобы предвидѣть, что Фридрихъ не подниметъ войны изъ-за такого мелкаго вопроса, а Іосифъ вмѣшается въ дѣло не только какъ ея союзникъ, но и какъ ея соперникъ по честолюбію. Къ тому же, именно тогда умеръ Никита Ивановичъ Панинъ, старавшійся сглаживать недоразумѣнія между Петербургомъ и Потсдамомъ и смягчать рѣзкія выходки по поводу Данцига, которыя позволяла себѣ Екатерина, требуя передать ихъ Гёрцу. Въ концѣ 1783 года Россія оффиціально вступилась за Данцигъ и строго потребовала снятія съ него блокады [1]. Фридрихъ съ мѣсяцъ оправдывался, обвинялъ данцигцевъ и даже приписывалъ ихъ упорство заступничеству Россіи [2], но, наконецъ, долженъ былъ смириться, тѣмъ болѣе, что Польша и Франція присоединились къ протесту петербургскаго двора. Посылая ему благодарность за снятіе блокады, Екатерина совѣтовала кстати отпустить тѣ данцигскія суда, которыя онъ задержалъ, «вѣроятно, по забывчивости» [3]. Іосифъ точно также оправдалъ надежды Екатерины, какъ и Фридрихъ. По своему обыкно-

---

[1]) *Долгорукій Екатеринѣ* 18/29 ноября 1783 года. Долгорукій заявилъ Финкенштейну, что Екатерина видѣла бы доказательство дружбы Фридриха къ себѣ, „если бы онъ благоволилъ остановить на время употребляемыя имъ мѣры строгости противъ Данцига, кои по себѣ начинаютъ уже тревожить другіе купечествующіе народы“.

[2]) Долгорукій доносилъ Остерману, отъ 25 ноября (6 декабря) 1783 года, что берлинское министерство, между прочимъ, отвѣчало ему на ноту о Данцигѣ: „l'obstination de la ville de Dantzig déjà assez enflé par l'espoir de cette médiation n'en deviendroit que plus forte, quand elle se verroit delivrée de toute repressaille“. Въ депешѣ отъ 28 октября (8 ноября) Долгорукій разсказываетъ о польской и французской нотахъ. Финкенштейнъ сказалъ, между прочимъ, польскому посланнику: „Les choses étoient si avancées que Sa Majesté ne pouvoit plus reculer sans jeter aux yeux de l'Europe entière un ridicule sur sa conduite“.

[3]) 26 января 1784 года *Остерманъ Долгорукому*. Извѣстіе о снятіи блокады съ Данцига безмѣрно обрадовало Екатерину: „d'autant plus que S. M. n'a pu envisager cet évenement que comme une suite de l'amitié constante du Roi pour Elle“.

венію, онъ, съ одной стороны, воспламенился желаніемъ участвовать въ европейской и гуманной роли, съ другой—опоздалъ. Когда данцигскій вопросъ былъ уже покончень, онъ предложилъ Екатеринѣ примѣнить къ Вислѣ «справедливыя начала свободной торговли», т.-е. заставить Фридриха признать здѣсь за русскими и австрійскими купцами такія же права, какими пользовались пруссаки. Но Екатерина, вообще не желавшая запутываться въ мелкихъ вопросахъ, которые отвлекли бы ее отъ главной задачи, отвѣчала отказомъ. Она искусно доказала Іосифу, что въ этомъ случаѣ начала полной свободы торговли были бы выгодны Пруссіи и вредны Россіи и Австріи [1]).

До такой степени контролируемый и павшій нравственно, Фридрихъ могъ ли серьёзно помѣшать главной задачѣ Россіи того времени? Онъ не только самъ не участвовалъ въ развитіи восточнаго вопроса, но и парализовалъ дѣйствія Франціи—единственной державы, которая горячо приняла бы къ сердцу плачевное положеніе Турціи. Вѣковыя преданія, политическіе и торговые интересы, даже личные мотивы—все побуждало версальскій кабинетъ дорожить благоденствіемъ Порты и особенно ревниво слѣдить за каждымъ движеніемъ екатерининской Россіи. Еслибы не американская война, съ ея тяжелыми послѣдствіями, Франція, конечно, не допустила бы описанной нами постановки восточнаго вопроса: она отважилась бы на все. Въ инструкціи министра Людовика XVI, Вержена, французскому посланнику въ Петербургѣ, Сегюру, прямо было заявлено, что пока жива Екатерина, не быть пріязни между Россіей и Франціей [2]). Верженъ доказывалъ, что Крымъ—лишь первая станція русскихъ на пути къ Босфору, и поэтому должно отстоять его, а въ крайнемъ случаѣ хотя не допускать русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ. Онъ старался устроить, съ этой цѣлью, союзъ съ Пруссіей и вовлечь въ него даже Австрію, чтобы эти три державы обезпечили Порту отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны сѣвернаго колосса. Верженъ доходилъ до того, что готовъ былъ уступить за это Іосифу одну или двѣ турецкія провинціи, только съ условіемъ, чтобы Франція и Пруссія получили соотвѣтственное вознагражденіе:—первая въ австрійскихъ Нидерландахъ, вторая въ Польшѣ. Если же вѣнскій и петербургскій дворы рѣшились непремѣнно уничтожить Порту, то,—внушалъ Верженъ Фрид-

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 223, 227 sq. — Іосифъ назвалъ Екатерину тогда „полною непримѣнимыхъ коммерческихъ идей“. *Beer*, 179.

[2]) *Ségur*, II, 261—265.

риху,—Версалю и Берлину не оставалось ничего больше, какъ соединить свое оружіе и выступить со всѣми своими силами [1]).

Въ эту минуту все зависѣло отъ Фридриха—и онъ отвергъ предложеніе Вержена, согласившись только помогать подземнымъ интригамъ Франціи въ Константинополѣ, да и то съ соблюденіемъ глубочайшей тайны. Но Верженъ не могъ успокоиться и послѣ такого отвѣта берлинскаго кабинета. Когда присоединеніе Крыма было уже очевидно, онъ объявилъ, что «французскій народъ пожертвуетъ всѣми своими силами», чтобы не допустить поступка, который французскій посланникъ въ Константинополѣ назвалъ «неслыханнымъ примѣромъ двуличности, дерзости и безстыдства» [2]). Онъ послалъ грозныя депеши въ Петербургъ и Вѣну съ предложеніемъ своего посредничества въ Портѣ. Екатерина гордо отклонила посредничество «въ дѣлѣ, которое никого не касается, кромѣ нея и ея имперіи», и замѣтила, что лучшій совѣтъ, какой можно было тогда дать туркамъ, это—«чтобы они сохраняли спокойствіе». Въ то же время она извѣстила Фридриха, что «если версальскій дворъ послѣ того, какъ Россія не воспрепятствовала ему лишить Англію колоній, вздумаетъ возражать противъ того, что̀ дѣлаетъ она теперь, то ему будетъ худо». Вѣнскій дворъ оскорбился предложеніемъ Вержена, и крайнее раздраженіе выразилось въ письмѣ Іосифа къ его сестрѣ, Маріи-Антуанеттѣ, а также въ депешѣ Кауница къ французскому министру. Императоръ угрожалъ Версалю готовыми къ бою войсками Австріи и Россіи, а его канцлеръ требовалъ отъ Франціи и ея друзей «оставаться спокойными, если они хотятъ, чтобы Порта избѣжала еще бо̀льшаго несчастія, угрожающаго ей» [3]). Въ то же время въ Версалѣ узнали, что

---

[1]) Этотъ планъ изложенъ въ любопытной запискѣ, поданной Верженомъ своему государю и напечатанной въ VII томѣ *Флассана* (Histoire de la diplomatie française); cf. *Dohm*, II, 31—36.—*Raumer*, V, 574—8.

[2]) *Raumer*, V, 574, 8.

[3]) *Dohm*, II, 37—45. *Görtz*, I, 219—222. *Beer*, 134, 142. *Joseph II und Leopold*, I, 172. *Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II*, ihr Briefwechsel, hrsg. v. *Arneth*, 1866, 33. *Голицынъ Остерману*, 3/14 окт. 1783 г.: Кауницъ сказалъ, что на дерзкое предложеніе Версаля послалъ отвѣтъ, „составленный такимъ образомъ, что графъ Верженъ не похочетъ впредь адресоваться къ здѣшнему двору съ подобными представленіями“. Далѣе онъ сказалъ „съ досадою и немалымъ огорченіемъ, что сіе французскаго двора представленіе содержитъ въ себѣ неприличныя выраженія, и что, подражая слогу онаго, и со здѣшней стороны взаимнымъ образомъ сочиненъ отвѣтъ безъ всякаго снисхожденія;—что версальское министерство при началѣ всякаго дѣла оказываетъ происходящія отъ излишняго самолюбія ухватки и неограниченное умствованіе, и что оно тѣмъ самымъ заслуживаетъ, дабы въ нужномъ случаѣ приведено было въ предѣлы умѣренности безъ малѣйшей ему уступки;—

Англія радостно предложила Екатеринѣ послать внушеніе Портѣ, чтобы она не противилась присоединенію Крыма, и Фоксъ заявилъ положительное желаніе вступить въ союзъ съ Россіей [1]).

Но не Англія, а Фридрихъ былъ главной причиной неудачи Франціи. Когда Екатерина извѣстила его о своемъ рѣшеніи присоединить Крымъ, будто бы «полезномъ и для союзниковъ Россіи, къ которымъ она всегда причисляла его», онъ выразилъ свою радость: его удивляла только Порта, «которая была, казалось, такъ уступчива относительно Россіи» [2]). И прусскіе дипломаты старались увѣрить самихъ себя въ полезности для нихъ присоединенія Крыма [3]), тогда какъ самъ Фридрихъ сознавался, что смолчалъ тогда только изъ страха и желая спасти Турцію еще отъ худшей участи, уже приготовленной ей Екатериной [4]). Затѣмъ, прусскій король отвѣчалъ Верженну на союзныя предложенія: «я готовъ дѣлать съ Франціей все, что только пріятно моей главной и первой союзницѣ, русской императрицѣ» [5]).

Такъ крымскій вопросъ былъ рѣшёнъ, и въ концѣ 1783 г. французскій же курьеръ проѣхалъ черезъ Вѣну въ Константинополь, «съ добрыми услужностями нашему двору», по словамъ Голицына. За нимъ послѣдовалъ англійскій курьеръ. Со всѣхъ сторонъ стекались внушенія Портѣ оставаться спокойною, въ виду присоединенія Крыма къ Россіи.

что здѣшній отвѣтъ произвелъ въ графѣ Верженѣ такое дѣйствіе, какого онъ (Кауницъ) желалъ, ибо тотъ, читая эту пьесу, чувствительно тронутъ былъ, такъ что отъ того являлась въ лицѣ его перемѣна, а по прочтеніи ея только промолвилъ, что она болѣе никакого со стороны двора не требуетъ супротивнаго изъясненія, и потомъ чрезвычайно учтивымъ образомъ говорилъ съ графомъ Мерси (австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ) о другихъ матеріяхъ".

[1]) *Остерманъ Голицыну*, 11 октября 1783 года, прибавка цифрами: „открываю единственно для вашихъ свѣдѣній, что г. Фоксъ продолжительно изъявляетъ желаніе двора его принять здѣшнюю систему и узнать расположеніе къ Англіи двора вѣнскаго, о которомъ оказываетъ сомнѣніе свое по причинѣ связи его съ Франціею".

[2]) *Остерманъ Долгорукому*, 8-го мая 1783 г.: вслѣдствіе присоединенія Крыма „Россіи гораздо больше свободы быть союзникамъ своимъ больше полезною въ ихъ дѣлахъ, а меньше тягостною въ собственныхъ своихъ". Гёрцъ, заявляя радость Фридриха, замѣтилъ, что его не удивляютъ издержки Екатерины по этому дѣлу, „ибо отъ прусскаго короля на баварское дѣло, отъ котораго собственно не имѣетъ никакой пользы, издержано до 17-ти милліоновъ ефимковъ".

[3]) См. любопытныя соображенія Фридриха въ депешѣ Герцберга Гёрцу, отъ 28-го декабря 1782 года. *Görtz*, I, 211—213.

[4]) Въ запискѣ Фридриха II французскому посланнику, отъ 30-го нояб. 1782 г. (*Raumer*, V, 557), сказано: „Moderation (Екатерины) dans le cas present ne peut consister qu'à persuader l'Impératrice de se contenter de la Crimée et de surseoir le reste de ce projet pour d'autres tems".

[5]) *Joseph II und Leopold II*, I, 173.

ГЛАВА VII.

Голландія и «обмѣнъ земель».

Къ началу 1784 года Европа, повидимому, могла вздохнуть свободно. Упорная война между морскими державами окончилась, и хорошимъ результатомъ для всеобщаго прогресса, обѣщавшимъ прочный миръ: великобританскія колоніи въ Америкѣ пріобрѣли независимость. Даже печальный отголосокъ кроваваго соперничества за господство на морѣ—война Англіи съ Голландіей прекратилась, такъ какъ враги уже договорились въ главномъ. На водахъ развѣвался нейтральный флагъ, какъ символъ ихъ умиротворенія и господства новыхъ, гуманныхъ началъ въ международномъ правѣ. На континентѣ также, казалось, водворялся миръ. Самая опасная по своему могуществу и энергіи держава, Россія, наслаждалась безкровною побѣдою и была занята заботами, неизбѣжными при поглощеніи цѣлаго края, притомъ такого важнаго, какъ Крымъ.

Но если народы Европы могли предаваться успокоительнымъ мечтамъ, то въ ея дипломатіи не прекращалась тревога. Политическіе умы понимали, что миръ насталъ только на крайнемъ Западѣ, истощенномъ долговременной и равносильной борьбой. Но Россія и Германія все еще возбуждали серьёзныя опасенія. Ясно было, что честолюбіе Екатерины и Іосифа еще не было вполнѣ удовлетворено, а всякій обширный планъ, созданный въ Вѣнѣ или Петербургѣ, носилъ въ себѣ зародыши европейскаго потрясенія, потому что непремѣнно касался разлагающихся государствъ—Турціи и нѣмецкой имперіи. И именно русскій и австрійскій дворы были соединены тѣснымъ союзомъ и сохраняли свои силы свѣжими и готовыми къ бою. Особенно опасенъ былъ Іосифъ. Екатерина, получивъ Крымъ, должна была успокоиться на время и, въ виду замиренія морскихъ державъ, пріостано-

виться на пути къ Константинополю; но Іосифъ еще ничего не пріобрѣлъ. Приходила очередь Австріи поднять европейскую тревогу, и всѣ были увѣрены, что теперь только наставали германскія послѣдствія союза 1781 года.

Самъ Іосифъ не переставалъ, со времени союза 1781 года, поддерживать эту тяжелую увѣренность. Надѣясь на помощь Екатерины, онъ постоянно мечталъ «о вознагражденіи» за оказанныя ей услуги и, съ свойственной ему горячностью, создавалъ планъ за планомъ, хватался за все, чтобы, или расширить предѣлы Австріи, или пріобрѣсти европейскую славу. Мы уже видѣли, какъ Іосифъ стремился захватить часть Турціи и вмѣшаться въ данцигскій вопросъ, когда послѣдній становился европейскимъ. Въ то же время онъ мечталъ о разныхъ земляхъ Италіи — сегодня о Римѣ, завтра о Венеціи; наконецъ, иногда ему казалось, что онъ рѣшаетъ своимъ посредничествомъ войну между морскими державами и пріобрѣтаетъ «какой-нибудь американскій островъ» [1]). Правда, всѣ эти честолюбивыя стремленія тотчасъ же кончались неудачей, и бо́льшая часть изъ нихъ были тайной для современниковъ, сохраненной для потомства въ интимной перепискѣ Іосифа. Но въ то же время возникали серьёзные факты, ясно свидѣтельствовавшіе объ опасныхъ замыслахъ неугомоннаго императора. Мы имѣемъ въ виду отношенія Іосифа къ Голландіи и Германіи. Должно остановиться на голландскомъ вопросѣ, такъ какъ онъ надѣлалъ тогда много шуму, отличался европейскимъ характеромъ и, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, переплетался съ нѣмецкими дѣлами.

Голландскій вопросъ возникъ вмѣстѣ съ появленіемъ голландской республики, выдѣлившейся изъ принадлежавшихъ Испаніи Нидерландовъ и признанной по вестфальскому миру. Остальная часть Нидерландовъ (нынѣшняя Бельгія), подчиненная Габсбургамъ подъ именемъ *Испанскихъ Нидерландовъ*, очутилась тогда въ странномъ положеніи. Голландцы выговорили себѣ право распоряжаться устьями Шельды, которыя были нервомъ всей нидерландской торговли. Этимъ они достигли своей цѣли — убили торговое соперничество своихъ предпріимчивыхъ сосѣдей. Голландія начала быстро развиваться и стала первою морскою державой, а также одною изъ самыхъ богатыхъ и образованныхъ странъ въ мірѣ, а ея Амстердамъ превратился во всемірный торговый и денежный рынокъ. Нидерланды же пали, потому что голландцы не пускали чужихъ кораблей въ устье Шельды — и нидерланд-

[1]) *Beer*, 118.

скіе товары должны были идти лишь черезъ Остенде, куда ихъ доставляли сухимъ, то-есть дорогимъ и неудобнымъ путемъ. Нѣкогда цвѣтущій центръ благосостоянія въ этомъ углу Европы, Антверпенъ запустѣлъ: онъ былъ убитъ Амстердамомъ. Мало того: какъ разъ противъ него, по границѣ, голландцы держали свои гарнизоны въ нидерландскихъ крѣпостяхъ. Это странное явленіе объясняется политическими событіями, послѣдовавшими за вестфальскимъ миромъ. Тогда началось возвышеніе Франціи, которое такъ дорого стоило Европѣ при Людовикѣ XIV, что необходимо было подумать о прочной преградѣ ему. Такою преградой или «барьеромъ» считались испанскіе Нидерланды, которые такъ и назывались въ трактатахъ. По утрехтскому миру (въ 1713 году) они были отданы нѣмецкимъ Габсбургамъ, подъ именемъ *Австрійскихъ Нидерландовъ*, именно, какъ оплотъ противъ могущества Бурбоновъ, такъ что самый договоръ объ этомъ былъ названъ «барьеръ-трактатомъ». Габсбурги обязывались вѣчно владѣть этою страной и ничего изъ нея не уступать никакому принцу не изъ ихъ рода. Сверхъ того, такъ какъ Нидерланды служили защитой Голландіи противъ французовъ, то послѣдняя пріобрѣла право содержать гарнизоны въ нѣсколькихъ нидерландскихъ крѣпостяхъ и ежегодно получать на нихъ извѣстную сумму съ Австріи. Это условіе, неважное для Габсбурговъ въ политическомъ отношеніи, было оскорбительно для ихъ гордости. Кауницъ уже во время Ахенскаго мира поговаривалъ, что «барьеръ-трактата не существуетъ». Даже осторожная Марія-Терезія пыталась уничтожить этотъ ненавистный договоръ и перестала платить деньги голландцамъ. Такъ какъ, въ то же время, нидерландцы постоянно жаловались на стѣсненіе ихъ торговли владыками Шельды, то отношенія между Австріей и Голландіей становились весьма натянутыми.

Обезпеченный союзами съ Россіей и Франціей, Іосифъ, зная безсиліе голландской республики и истощеніе Англіи, рѣшился сразу снять это пятно съ габсбургской чести. Въ концѣ 1781 года онъ приказалъ срыть крѣпости, занятыя голландцами. На заявленіе уполномоченнаго республики Кауницъ отвѣчалъ поучительнымъ тономъ, причемъ выразилъ увѣренность въ «несокрушимости» австро-французскаго союза, который будто бы ограждалъ Голландію отъ притязаній Бурбоновъ. Въ заключеніе онъ воскликнулъ повелительно, напоминая Людовика XIV: «барьеровъ не существуетъ болѣе»! Голландцы, за которыхъ никто не заступался, должны были замолчать. Но этотъ высокомѣрный тонъ, въ соединеніи съ безцеремонностью Іосифа, послужилъ под-

твержденіемъ опасныхъ замысловъ императора и еще болѣе встревожилъ Европу. Фридрихъ даже попробовалъ-было пожаловаться Екатеринѣ на самоволіе своего соперника, но встрѣтилъ молчаніе—и успокоился [1]).

Уже уничтоженіе барьеръ-трактата, не доставляя никакихъ выгодъ Австріи, подрывало ея нравственный кредитъ въ Европѣ и возстановляло противъ нея Англію, эту главную участницу въ составленіи трактата. Но Іосифу, кромѣ того, какъ-будто хотѣлось сдѣлать голландскій вопросъ европейскимъ. Ему не давали покоя «великіе принципы свободы торговли, которые испанцы проповѣдуютъ изъ-за Гибралтара, французы изъ-за Дюнкирхена, а русскіе—вообще» [2]). Наконецъ, онъ желалъ дѣйствительно сдѣлать добро нидерландцамъ и прекратить причину ихъ вѣчныхъ жалобъ, то-есть освободить устья Шельды отъ голландской зависимости, или, какъ тогда выражались, «открыть Шельду». Этотъ планъ казался Іосифу легко исполнимымъ. Голландія вела тогда войну съ Англіей. Къ тому же, здѣсь большинство націи, такъ-называемая «патріотическая» или республиканская партія всегда стояла за союзъ съ Франціей, начиная съ знаменитаго Іоанна де-Витта, и только враждебные ей монархисты, или «оранжисты» придерживались Англіи и Пруссіи, такъ какъ глава ихъ, штатгальтеръ Вильгельмъ V, былъ родственникомъ Георга II и Фридриха II. Наконецъ, по мнѣнію Іосифа, Екатерина должна была всѣми силами поддержать его, такъ какъ тутъ былъ не только «случай союза», но и примѣненіе ея любимаго принципа свободы морей. Но Кауницъ, соглашавшійся съ Іосифомъ въ вопросѣ о барьерѣ, теперь рѣшительно противорѣчилъ ему. Онъ доказывалъ, что, не говоря уже о раздраженіи Пруссіи и Англіи, сама Франція будетъ недовольна планомъ, который, возвышая Антверпенъ, грозитъ разрушеніемъ Амстердаму, этому средоточію «патріотовъ», преданныхъ Версалю. Сверхъ того, онъ опасался, что этотъ планъ «подогрѣетъ тревогу», которую постоянно били въ Европѣ «по поводу опасныхъ замысловъ Іосифа, начиная со вступленія его на престолъ». Но Іосифъ отвѣчалъ: «chi non risica non rosica», и пошелъ къ своей цѣли — только косвенными путями. Онъ завелъ споръ съ Голландіей о какихъ-то земляхъ—и въ концѣ 1783 года австрійцы изгнали голланд-

---

[1]) *Dohm*, II, 161—190, 485—488. *Görts*, I, 329—331. У *Ранке* (Die deutschen Mächte, I, 187—195). То же самое, съ ничтожными добавленіями въ порученію голландскаго уполномоченнаго, взятыми изъ вѣнскаго архива. *Joseph II und Katharina*, 233.—*Raumer*, II, 230.

[2]) *Beer*, 118 sq.

свіе гарнизоны изъ нѣскольких спорныхъ фортовъ, въ томъ числѣ изъ Мастрихта [1]).

Іосифъ и не предчувствовалъ, какая поднимется буря изъ-за этого, повидимому, пустого дѣла, какъ оно подорветъ его нравственный кредитъ среди поколѣнія, мечтавшаго о «свободѣ» и «республикѣ» [2]), а также, какъ оно переплетется съ его интересами въ Германіи и повредитъ имъ!

А германскія дѣла теперь были у Іосифа на первомъ планѣ. Оттого-то, увѣряя Екатерину, будто его желаніе—«прогнать турокъ подальше, а вовсе не пріобрѣсти Силезію или когда-либо нарушить миръ въ Германіи» [3]), онъ однако дѣйствовалъ вяло въ вопросѣ о вознагражденіи насчетъ Турціи, и здѣсь неудача не раздражила его. Іосифъ былъ поглощенъ тогда своими видами на Германію и уже началъ приближаться къ ихъ осуществленію — какъ всегда, косвенными и узкими путями, лучшимъ образчикомъ которыхъ могутъ служить «хлѣбныя граматы» (Panisbriefe). Это—весьма древнее право императора посылать на кормленіе во всякій монастырь свѣтское лицо, обыкновенно отставного офицера или какого-нибудь придворнаго. Вообще имъ рѣдко пользовались, да и то лишь въ монастыряхъ, учрежденныхъ императорами на собственный счетъ или же богато одаренныхъ ими. Оно давно вышло изъ употребленія, всѣ забыли его, какъ вдругъ Іосифъ сталъ разсылать своихъ пансіонеровъ или «свѣтскихъ монаховъ» по всѣмъ рѣшительно монастырямъ, не исключая и упраздненныхъ, лежавшихъ въ протестантскихъ земляхъ. Кончилось тѣмъ, что ему повиновались лишь немногіе, и, конечно, самые бѣдные, безсильные монастыри. Іосифъ не пріобрѣлъ ничего, кромѣ всеобщаго раздраженія и недовѣрія, тѣмъ болѣе, что, рядомъ съ такими ничтожными проявленіями самоволія императора, происходили и болѣе серьёзныя явленія. Такъ, Пассауское дѣло произвело большое волненіе въ Германіи. Въ 1783 году Іосифъ внезапно отнялъ значительную часть земель у епископства Пассау, лежавшихъ въ Австріи, и назначилъ собственнаго епископа, австрійца, который, помимо капитула, призналъ императора пра-

---

[1]) *Beer*, 118—128.—*Joseph II und Katharina*, 238.—Мнѣніе Кауница по вѣнскому архиву, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, I, 189.

[2]) *Домъ* (II, 198—207) живо рисуетъ, какъ общественное мнѣніе, сочувствовавшее, въ вопросѣ объ открытіи Шельды, гуманному принципу, было возмущено деспотическими формами, въ которыя облекъ его Іосифъ: его негодованіе нашло себѣ краснорѣчиваго истолкователя въ лицѣ знаменитаго *Мирабо*: Doutes sur la liberté de l'Escaut, reclamée par l'Empereur. Londres, 1785.

[3]) *Raumer*, V, 553.

вымъ и за большую сумму выкупилъ у него отнятое. Подобныя же дѣйствія или попытки къ нимъ позволялъ себѣ Іосифъ относительно многихъ другихъ церковныхъ владѣній, и даже такихъ важныхъ, какъ архіепископство Зальцбургъ. Иногда онъ касался и свѣтскихъ земель, внезапно объявляя ихъ австрійскими; а его ландфогты совершали по всей южной Германіи безконечныя злоупотребленія [1]).

Всѣ подобныя притязанія неугомоннаго императора вынудили обиженныхъ жаловаться имперскому сейму и суду, и призывать на защиту конституціи князей, въ особенности же могущественнаго Фридриха II. Ничто не могло такъ правильно и глубоко подрывать австрійское вліяніе въ Германіи, какъ эти жалкія и безплодныя мелочи, какъ эта мѣщанская политика, лишенная даже величія громкаго преступленія. Если припомнить еще выборы майнцскаго коадъютора и голландское дѣло, то можно сказать, что Іосифъ хорошо подготовилъ паденіе самаго главнаго своего плана, который, по его словамъ, могъ «обезсмертить» и его, и Екатерину [2]). Это знаменитый *обмѣнъ земель*, или старый баварскій вопросъ въ подновленной формѣ.

Понявши невозможность овладѣть Баваріей простымъ захватомъ, по-фридриховски, Іосифъ задумалъ прибѣгнуть къ сдѣлкѣ, которая была бы формально законна и потому никого не встревожила бы. Онъ рѣшился промѣнять Австрійскіе Нидерланды на Баварію. Нидерланды были интересны для Габсбурговъ только по своему богатству. Но мы видѣли, какъ падало ихъ матеріальное благосостояніе отъ соперничества голландцевъ; сверхъ того, доходы съ нихъ поглощались большими издержками управленія. Нидерланды были больнымъ мѣстомъ въ государственномъ хозяйствѣ Габсбурговъ. Здѣсь населеніе отличалось политическимъ развитіемъ и духомъ независимости. Оно было проникнуто блестящими политическими воспоминаніями и пользовалось стариннымы хартіями привилегій, которыя освящали своеобразный бытъ и были запечатлѣны кровью, пролитою народомъ въ борьбѣ съ деспотизмомъ Филиппа II. Оттого Нидерланды и подъ владычествомъ Габсбурговъ сохраняли видъ почти независимаго государства, и ихъ генералъ-губернаторами всегда были австрійскіе принцы, жившіе съ пышностью, которой завидовали многіе мелкіе потентаты Европы. Гордые нидерландцы, ненавидѣвшіе испан-

---

[1]) *Dohm*, III, 19—32.—Cf. *Häusser*, Deutsche Geschichte, I, 200—203.—*Schmidt*, Preussens deutsche Politik, 29. sq.

[2]) *Joseph II und Katharina*, 224.

ское господство со временъ Карла V, не успокоились, когда подпали владычеству Австріи. Если ужъ имъ суждено было навсегда утратить свою независимость, то они желали превратиться не въ испанцевъ или нѣмцевъ, а во французовъ, съ которыми ихъ связывало единство происхожденія, языка, религіи и культуры. Они хорошо знали политическія преданія Габсбурговъ и продолжали опасаться за свою будущность не менѣе, чѣмъ при господствѣ испанцевъ. Къ тому же, ихъ оскорбляло сознаніе, что они существуютъ не во имя собственныхъ цѣлей, а какъ оплотъ противъ Версаля. Если прибавить ко всему этому ихъ вѣчныя волненія изъ-за свободы Шельды, то должно сознаться, что Европа поступила въ 1832-мъ году разумнѣе, чѣмъ въ 1713: основаніемъ независимой Бельгіи она ближе подошла къ своей цѣли, чѣмъ присоединеніемъ ея къ Австріи. Габсбурги пріобрѣли въ Нидерландахъ не оплотъ противъ хищничества Бурбоновъ, а новую и неизлечимую язву въ своемъ политическомъ организмѣ. Зарево революціи на берегахъ Шельды сопровождало въ могилу такого императора, какъ Іосифъ.

Іосифъ какъ будто предчувствовалъ эту бѣду, и спѣшилъ отдѣлаться отъ бремени управленія Нидерландами, которые, вдобавокъ, постоянно портили его отношенія какъ къ Англіи, Голландіи и Пруссіи, такъ даже и къ Франціи. По господствовавшему тогда механическому взгляду на народности, ничего не стоило навязать странѣ одно чужеземное правительство вмѣсто другого. Понятно, что Іосифъ увлекся соблазномъ, пожертвовавъ Нидерландами, осуществить завѣтную мысль Габсбурговъ о Баваріи, великое значеніе которой для Австріи указано нами выше. Онъ не боялся, что обладаніе этою страной послужитъ новымъ бременемъ для Габсбурговъ. Между Австріей и Баваріей было такъ много общаго, что даже послѣ войны 1778 года было еще не поздно подогрѣть разными средствами симпатіи къ Габсбургамъ, тлѣвшія въ Баваріи. При такихъ выгодахъ слиянія двухъ странъ можно было не щадить жертвъ, и Іосифъ вспомнилъ о финансовой сторонѣ дѣла, когда оно уже было рѣшено; но, по разсчетамъ Кауница, оказалось даже, что Баварія и при тогдашнемъ дурномъ управленіи давала почти на милліонъ больше доходовъ, чѣмъ Нидерланды. Конечно, Іосифу вспоминалась баварская война; но онъ рѣшился поправить ошибку пріобрѣсть Баварію не насиліемъ, а по *добровольному* соглашенію съ хилымъ курфюрстомъ баварскимъ, Карломъ-Теодоромъ, и съ его наслѣдникомъ, Карломъ, герцогомъ Цвейбрюкенскимъ. Эта идея, которая тогда такъ же всецѣло овладѣла Іосифомъ, какъ мысль о союзѣ

князей Фридрихомъ, возникла еще во время войны за баварское наслѣдство. И Іосифъ былъ внѣ себя отъ радости, придумавъ такой выгодный способъ выпутаться изъ этой мучительной войны. Но Марія-Терезія, которая соглашалась тогда на всякій позоръ, чтобы только выручить сына, не хотѣла и слышать о томъ, чтобы промѣнять Нидерланды, «эту добрую, преданную страну», на «этихъ олуховъ (rustres)», баварцевъ [1]). Въ описываемое же время Маріи-Терезіи уже не было на свѣтѣ. А главное—Іосифъ былъ убѣжденъ, что Фридрихъ не посмѣетъ затѣять новую баварскую войну, особенно когда увидитъ въ перспективѣ Екатерину, желающую серьёзно расквитаться съ своимъ союзникомъ.

Поведеніе Іосифа и Кауница доказываетъ, что планъ обмѣна земель былъ задушевною мечтой Габсбурговъ. Императоръ окончательно задался имъ тотчасъ по смерти своей матери, или, по его собственнымъ словамъ, «съ момента политическихъ и особенно личныхъ связей» съ Екатериной: оттого-то онъ былъ такъ равнодушенъ ко всѣмъ другимъ вознагражденіямъ за союзъ 1781 года. Кауницъ, несмотря на всю свою осторожность и хладнокровіе и предвидя всѣ опасности, не противорѣчилъ своему государю, какъ въ шельдскомъ вопросѣ. Напротивъ, по его мнѣнію, «должно было попробовать то, невозможность чего нельзя доказать». Онъ даже совѣтовалъ спѣшить, такъ какъ «минута была самая благопріятная» и не слѣдовало «давать остыть доброжелательству русской императрицы». Въ маѣ 1784 года, австрійскій посланникъ въ Мюнхенѣ, графъ Лербахъ, представилъ курфюрсту Карлу-Теодору планъ обмѣна Баваріи на Нидерланды, за исключеніемъ Люксембурга и Намюра. При этомъ Іосифъ обязывался доставить курфюрсту титулъ бургундскаго короля и дать ему полмилліона гульденовъ. Обмѣнъ долженъ былъ получить гарантію Россіи и Франціи [2]).

Въ то же время Іосифъ открылъ свою «дарующую безсмертіе идею» Екатеринѣ, замѣтивъ, что исполненіе ея было бы полезно даже для Россіи, такъ какъ дало бы ему возможность «когда-нибудь посвятить ей себя, со всѣми своими силами». Кауницъ,

---

[1]) *Maria-Theresia und Joseph II*, II, 186, 228, 233, 236, 271, 287, 302, 305.

[2]) *Beer*, 168—174. *Joseph und Katharina*, 224.—*Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 164—166.—*Görts*, I, 270 sq.—Въ это время у Іосифа разгорѣлась жажда земель. 14-го мая онъ извѣщалъ Кауница, что „усовершенствовалъ" свой планъ прибавкой Зальцбурга, для архіепископа котораго онъ надѣялся устроить особое государство изъ Люксембурга, Лимбурга и Люттиха. Іосифъ даже думалъ начать все дѣло съ Зальцбурга, впрочемъ тутъ же называлъ свое усовершенствованіе „ein flüchtiger Gedanke". *Beer*, 174—176.

съ своей стороны, прислалъ Кобенцлю депешу, которая требовала, чтобы Россія, сохраняя глубокую тайну, склоняла герцога цвейбрюкенскаго къ плану обмѣна земель и помогла «всѣми своими силами», въ случаѣ нападенія Пруссіи или Франціи на Австрію [1]). Мало того, Кобенцль предложилъ возстановить «во всей силѣ» договоръ 1746 года и условиться относительно мѣръ къ достиженію его главной цѣли—униженія Пруссіи. Екатерина тотчасъ же написала Іосифу, что одобряетъ его планъ и рада случаю, наконецъ, расквитаться съ нимъ [2]). Отвѣтомъ же на предложеніе Кобенцля была важная депеша Остермана Голицыну, раскрывающая взглядъ Екатерины на всю политическую систему той эпохи. Вотъ въ какомъ видѣ представлялась тогда Европа, съ русской точки зрѣнія:

«Революція въ Швеціи, слабость датскаго правительства, упадокъ Порты, раздѣлъ Польши, освобожденіе американскихъ колоній, морское господство двухъ главныхъ отраслей Бурбонскаго дома, подкрѣпленное разрывомъ Голландіи съ своей старой союзницей, Великобританіей,—все это, такъ сказать, совсѣмъ измѣнило видъ Европы и установило новыя отношенія между государствами». Чтобы достигнуть своей цѣли, Россія и Австрія должны «руководиться предосторожностью, строго предписываемою значительными перемѣнами на континентѣ», должны «сообразоваться въ своихъ окончательныхъ обязательствахъ съ новымъ порядкомъ вещей». А цѣль ихъ ясна: «нужно всячески обуздывать безпокойный и ревнивый нравъ прусскаго короля; нужно пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы отнять у его соперничества вѣсъ и значеніе». Эта задача поставлена самимъ Фридрихомъ. Онъ мѣшалъ Россіи въ крымскомъ дѣлѣ, и «вся его политика сосредоточена нынѣ на одномъ—ставить всевозможныя препятствія каждому плану, задуманному союзниками въ интересѣ ихъ имперій». Можно безошибочно предположить, что «въ эту самую минуту Фридрихъ уже работаетъ надъ пробужденіемъ въ

---

1) *Joseph und Katharina*, 225.—Въ рескриптѣ Голицыну отъ 22 мая, къ которому приложена депеша Кауница, сказано: „Изъ оной усмотрите во всемъ пространствѣ намѣреніе его величества императора промѣномъ добровольнымъ нидерландскихъ своихъ земель на Баварію съ верхнимъ Палатинатомъ и на архіепископство Сольцбургское съ пробствомъ Бергтольдсгаденскимъ связать свои владѣнія къ одному мѣсту, освободить себя отъ зависимости Франціи, доставить вообще всѣмъ землямъ австрійской монархіи лучшую безопасность отъ впаденія сосѣдей ея, и чрезъ то въ общихъ нашихъ дѣлахъ имѣть руки болѣе развязанныя“.

2) *Joseph und Katharina*, 229 sq.—Радость Кауница и его воспоминанія о поведеніи Екатерины во время баварской войны (*Beer*, 177 sq.) доказываютъ, что въ Вѣнѣ не были увѣрены въ столь счастливомъ оборотѣ дѣла въ Петербургѣ.

Версалѣ старой ревности къ австрійскому дому»; а Франція «не замедлитъ ввести въ свои интересы королей шведскаго и сардинскаго, а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей». Но стóитъ только союзникамъ основательно договориться на счетъ плана дѣйствій— и успѣхъ обезпеченъ. Несомнѣнно, что «двѣ такія монархіи, какъ Россія и Австрія, силы которыхъ ежедневно возрастаютъ, всегда возьмутъ верхъ надъ такой искусственной (factice) державой, какъ Пруссія. Всѣ средства послѣдней слишкомъ напряжены; къ тому же, она, главнымъ образомъ, держится лишь изобрѣтательнымъ геніемъ государя, который, въ эту минуту, клонится къ паденію [1]).

Этотъ документъ позволяетъ намъ выдти изъ области предположеній о политической системѣ Россіи того времени, которыми доселѣ приходилось довольствоваться. Екатерина видѣла въ устарѣлой Австріи безвредное орудіе возвеличенія молодой Россіи и опасалась не ея, а своей соперницы, Пруссіи, судьба которой, въ силу ея молодости, сталкивалась съ будущностью нашего отечества. Екатерина надѣялась, съ помощью Австріи, которая естественно должна была играть подчиненную роль въ союзѣ, довершить свой греческій проектъ и распоряжаться судьбами Германіи. Усвоивъ мѣткій взглядъ на положеніе политическихъ силъ и черпая въ немъ самоувѣренность, она очевидно уже задавалась планомъ—такъ приладиться къ «новому порядку вещей», чтобы повелѣвать имъ, пользуясь ослабленіемъ другихъ державъ. Было бы весьма любопытно видѣть практическое развитіе этого плана; но Іосифъ не далъ созрѣть ему, увлекши Екатерину въ свои узкія и неудачные замыслы. Онъ заставилъ ее начать дѣло съ самаго худшаго конца—съ этого злополучнаго обмѣна земель, который сразу пробуждалъ старую ревность нѣмецкихъ князей къ императорству и свѣжую симпатію націи къ Фридриху. Онъ останавливалъ политическое творчество Екатерины, затягивая ее въ лабиринтъ ничтожныхъ и безплодныхъ дѣлъ Германіи.

Екатерина съ самаго начала видѣла всю невыгодность роли, которую навязывалъ ей Іосифъ. Она понимала, что обмѣнъ земель можетъ вовлечь ее въ замѣшательства, на которыя уже прямо намекало предложеніе Кобенцля. Она даже не скрывала отъ себя, что эти замѣшательства не могутъ быть мѣстными и превратятся въ европейскую войну, потому что Пруссія и Франція поднимутъ Порту и Швецію противъ Россіи, а Италію и Германію противъ Австріи. Оттого-то, высказывая эти соображенія

---

1) Черновая этой депеши (Projet de Lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann à l'ambassadeur Prince de Galitzin à Vienne. 5/16 mai 1784) сильно перемарана; поправки карандашомъ переведены потомъ на чернила.

въ рескриптѣ Голицыну, Екатерина снова настаивала на необходимости «заблаговременно предусмотрѣть волненія», неизбѣжно связанныя съ баварскимъ планомъ, и «согласиться о способахъ противъ оныхъ». Она старалась сразу дать понять Іосифу, что вовсе не намѣрена расквитаться съ нимъ во что бы то ни стало, и готова содѣйствовать ему лишь «поколику собственное наше положеніе то дозволяетъ», или «колико собственная границъ нашихъ безопасность дозволять будетъ». Поэтому-то она прямо заявила Іосифу, что будетъ особенно довольна, если онъ добьется своего «безъ дальнихъ хлопотъ, наипаче же безъ войны» [1]).

Изъ одной бумаги того времени видно, что въ глазахъ Екатерины вся затѣя Іосифа имѣла значеніе лишь настолько, насколько посредствомъ ея онъ «выходилъ изъ французской зависимости и получалъ полную свободу быть намъ полезнымъ» [2]).

Такимъ образомъ, Екатерина надѣялась сдѣлать баварскій планъ орудіемъ своихъ видовъ въ восточномъ вопросѣ. Но съ нимъ соединялся другой существенный интересъ нашей политики того времени—та знаменитая «инфлюенція» въ Германіи, которая была пріобрѣтена Россіей по тешенскому миру. Очевидно, она должна была пострадать, тѣмъ болѣе, что Екатеринѣ приходилось стать въ противорѣчіе съ самой собою, что̀ всего болѣе подрываетъ нравственный кредитъ. Всего лѣтъ за шесть передъ тѣмъ, Россія выступила въ Германіи стражемъ закона, блюстительницей имперской конституціи; она защищала свободу нѣмецкихъ князей противъ деспотизма Габсбурговъ и отстаивала права пфальцскаго дома, который нужно было лишить теперь его баварскаго наслѣдства. Тогда, да и постоянно послѣ того [3]), она хлопотала объ интересахъ того самаго Карла цвейбрюкенскаго, котораго приходилось теперь совсѣмъ изгнать изъ Германіи, вопреки законамъ имперіи. Правда, Іосифъ успокоивалъ совѣсть Екатерины тѣмъ, что обмѣнъ земель будетъ выгоденъ Карлу, увеличивъ доходы, «въ чемъ онъ такъ нуждается при своемъ безденежьѣ»; притомъ, онъ особенно выставлялъ на видъ закон-

---

[1]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 22 мая 1784 года.

[2]) Бумага безъ заголовка и подписи, относящаяся къ началу 1785 года. Это—мнѣніе Остермана, поданное Екатеринѣ, которое ретроспективно прямо уясняетъ мотивы нашего двора при началѣ дѣла объ обмѣнѣ земель. Въ немъ сказано между прочимъ: „пособіе здѣшняго двора въ семъ дѣлѣ основано было на взаимствѣ за таковое же отъ императора по случаю присоединенія Крыма и прочихъ земель татарскихъ къ Россіи. Сверхъ того, служило къ тому резономъ и то уваженіе, что императоръ промѣномъ своихъ владѣній Нидерландскихъ выходилъ изъ зависимости французской и тѣмъ получалъ полную свободу быть намъ полезнымъ и пристать безопасно ко всякой системѣ, которая выгодна была для обоихъ императорскихъ дворовъ“.

[3]) *Asseburg*, 299.

ность этой сдѣлки. И Остерманъ сталъ доказывать, что новый планъ императора «не сходственъ съ его предпріятіемъ 1777 года», такъ-какъ онъ основывается на «добровольномъ» согласіи «всѣхъ» членовъ палатинскаго (пфальцскаго) дома. У нашего канцлера уже оказался новый взглядъ на имперское право. Онъ нашелъ «многіе примѣры добровольнымъ сдѣлкамъ между императоромъ и князьями», такъ что еслибы, при согласіи цвейбрюкенскаго дома, Берлинъ и Версаль вздумали противорѣчить, то, «по всей справедливости, это было бы сущимъ нападеніемъ и, слѣдовательно, случаемъ союза» [1]). Но все это значило только, что Россія вовлекается въ имперскую казуистику, маскируется тяжеловѣснымъ формализмомъ нѣмецкихъ юристовъ того времени. Съ какой стороны ни посмотрѣть на дѣло, право было противъ Іосифа. Барьеръ-трактатъ не дозволялъ Габсбургамъ уступать Нидерланды кому бы то ни было; по тешенскому миру Іосифъ отказался отъ всякихъ притязаній на Баварію; наконецъ, семейный договоръ Виттельсбаховъ не только не исчезъ, но не разъ былъ подтверждаемъ, особенно при Максимиліанѣ-Іосифѣ. Несмотря на имперскую казуистику, въ которую пустился Остерманъ, Екатерина чувствовала всю неловкость положенія, принимаемаго ею въ Германіи, благодаря Іосифу. Она долго не сообщала баварскаго плана Николаю Румянцову, и сначала предписала ему только убѣждать Карла цвейбрюкенскаго «перемѣнить свое отвращеніе, горячность и желчь къ вѣнскому двору на доброхотство, на уваженіе и довѣренность къ главѣ имперіи». Голицыну предписывалось раскрыть тайну Румянцову, только когда получится согласіе курфюрста Карла-Теодора и архіепископа зальцбургскаго; да и тогда первое предложеніе обмѣна земель герцогу цвейбрюкенскому долженъ былъ сдѣлать не нашъ, а вѣнскій дворъ [2]).

Такъ, съ начала 1784 года германскій вопросъ вступилъ въ новую пору своего развитія, подъ видомъ плана обмѣна земель. Слѣдуя за нимъ, мы должны перенестись въ лабиринтъ мелочной политики фюрстовъ, среди изворотовъ которой пробирались важныя идеи Екатерины, Іосифа и Фридриха. Нашимъ главнымъ путеводителемъ будетъ Николай Румянцовъ, не спускавшій глазъ съ политическихъ «сценокъ» Германіи, съ ихъ «сплетнями, розсказнями да пересудами», вмѣсто государственныхъ идей.

---

[1]) *Joseph und Katharina*, 225 sq.—Вышеупомянутая бумага въ нашемъ архивѣ, относящаяся къ началу 1785 года.

[2]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 22 мая 1784 года.—*Рескриптъ Румянцову*, отъ 23 мая 1784 года.

ГЛАВА VIII.

Цвейбрюкенъ и «открытіе Шельды».

Въ описываемое время, въ средѣ фюрстовъ замѣтно было волненіе, словно готовились къ выбору императора или къ какому-нибудь другому важному событію. Причинъ къ нему было достаточно. Только-что разоблаченная тайна союза 1781 года сама по себѣ внушала серьёзныя опасенія, которыя, вдобавокъ, уже отчасти оправдались, благодаря присоединенію Крыма и злоупотребленіямъ Іосифа въ Германіи. Въ концѣ 1783 года, въ Германіи были убѣждены, что готова вспыхнуть новая турецкая война, которая приведетъ къ усиленію Габсбурговъ [1]). Въ то же самое время голландскій вопросъ становился европейскимъ. Онъ замѣтно сближалъ Версаль съ Берлиномъ, которые дружно открыли дипломатическую войну противъ Вѣны. Фюрсты, среди которыхъ противники разсѣявали самые разнообразные слухи, предавались всякимъ тревожнымъ предположеніямъ. Имъ казалось, что Фридрихъ сегодня справляется, хватитъ и у Франціи денегъ для двухлѣтней войны, завтра внушаетъ Версалю при новыхъ выборахъ не допускать Габсбурга на императорскій престолъ. Іосифъ, въ свою очередь, уже стягивалъ войска къ Нидерландамъ и призывалъ имперскіе чины къ оружію. Такимъ образомъ, голландское дѣло даже непосредственно затрогивало нѣмецкихъ князей; кромѣ того, оно изобличало, въ ихъ глазахъ, деспотическія стремленія императора. А такъ какъ Карлъ-Теодоръ былъ бездѣтенъ и хилъ, наслѣдникъ же его, Карлъ цвейбрюкенскій, совсѣмъ запутывался въ долгахъ, то грозный призракъ баварскаго вопроса носился передъ глазами фюрстовъ. И это настроеніе

---

[1]) Записка баденскаго министра, Эдельсгейма, въ концѣ 1783 года, у *Шмидта*, Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen, I, 21.

было тѣмъ естественнѣе, что дипломатическіе агенты Австріи и Россіи съ одной стороны, Пруссіи и Франціи съ другой—сновали взадъ и впередъ по Германіи, въ особенности же по Баваріи и Пфальцу.

Чѣмъ больше приближаемся мы къ началу вопроса объ обмѣнѣ земель, тѣмъ замѣтнѣе становится волненіе въ Германіи. Борьба между княжескими дипломатами и придворными разгорается до того, что они живутъ, какъ въ осадномъ положеніи, страшатся другъ друга, видятъ повсюду подземныя мины, не довѣряютъ никому и ничему—даже «цифири» (шифрамъ), если она послана по почтѣ. Оттого число курьеровъ увеличивается. Они постоянно то пріѣзжаютъ въ резиденціи фюрстовъ, то выѣзжаютъ оттуда. А такъ какъ это производитъ волненіе и само орудіе тайны становится ея предателемъ, то все мѣняютъ курьеровъ, и изъ нихъ составляется цѣлый маскарадъ: то ѣдетъ камердинеръ, то странствующій живописецъ, и каждый стремится не прямо къ цѣли, а окольными путями, и останавливается гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ трактирчикѣ. Румянцовъ придумалъ даже отправлять свои депеши черезъ Голицына, чтобы не возбуждать подозрѣній въ Потсдамѣ частыми пересылками съ Петербургомъ. Дипломатическая борьба уже приводила къ открытымъ столкновеніямъ и непріятностямъ. Такъ, прусскіе и французскіе агенты до того часто посѣщали Майнцъ, что австрійскій посланникъ, Меттернихъ, не вытерпѣлъ: онъ замѣтилъ курфюрсту, что «лишь изъ личнаго почтенія» къ нему не доносилъ до сихъ поръ объ этомъ фактѣ, «о которомъ говоритъ весь городъ». Испуганный владыка началъ «отпираться» отъ сношеній съ Версалемъ и даже заставилъ французскаго посланника публично признать справедливость его оправданія; но вслѣдъ затѣмъ онъ опять сталъ «умышленно оборачиваться спиной» къ Меттерниху и даже «отзываться весьма непристойно о самомъ императорѣ», чему не замедлили подражать придворные. Но главнымъ поприщемъ борьбы были, конечно, Цвейбрюкенъ и Мюнхенъ. Фридрихъ обѣщалъ герцогу Карлу, какъ только достанется ему Баварія, «уступить» одного генерала изъ своего потсдамскаго разсадника «для приведенія баварскихъ войскъ въ нѣкоторое устройство», а въ сущности, по замѣчанію Румянцова, «чтобы управлять не только войсками, но и особой будущаго курфюрста». А французы все снабжали деньгами министра Карла, Гофенфельса, который открыто совершалъ на нихъ путешествія то въ Версаль, то въ Берлинъ. Въ Цвейбрюкенѣ же утвердилъ свое мѣстопребываніе Румянцовъ. Онъ почти не выѣзжалъ оттуда, слѣдилъ за каждымъ шагомъ герцога и вмѣши-

вался въ его домашнія дѣла. Такъ, когда братъ Карла задумалъ жениться на принцессѣ саксенъ-мейнингенской, Румянцовъ поспѣшилъ спросить Екатерину, не должно ли «хотя слегка настоять», чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой португальской. Въ Баваріи царствовало истинное смятеніе. Однажды, навѣдавшись туда, Румянцовъ увѣдомлялъ Екатерину: «Мюнхенъ представляетъ весьма печальную картину. Всѣ въ немъ объяты боязнью, хотя по причинѣ различной. Баварцы ожидаютъ смерти государя, котораго не любятъ, но на предыдущее время съ ужасомъ смотрятъ. Придворные боятся потерять мѣсто и счастье, и ждутъ, чтобы наслѣдникъ не отмстилъ на нихъ то трудное положеніе, въ которомъ онъ понынѣ недоброхотствомъ курфюрста находится. Добрые же патріоты, ожидая лучшаго при немъ, думаютъ, что новая перемѣна въ наслѣдствѣ новую родитъ войну и прежде всего разоренія отъ сосѣднихъ». И среди этого всеобщаго смятенія начиналъ свою работу Лербахъ; а престарѣлый курфюрстъ затѣялъ дѣло, которое считалось событіемъ въ мірѣ фюрстовъ: онъ «роздалъ новыя командеріи своимъ мальтійскимъ кавалерамъ», обходя права своихъ родственниковъ. Это значило, что Карлъ-Теодоръ хотѣлъ завести въ Баваріи отдѣленіе Мальтійскаго ордена насчетъ монастырскихъ и особенно іезуитскихъ доходовъ, съ цѣлью пристроить къ теплому мѣсту пріора одного изъ своихъ незаконныхъ дѣтей. Ему и удалось достигнуть этого. Карлъ цвейбрюкенскій горячо возсталъ противъ такого своеволія, касавшагося его будущихъ доходовъ, и пожаловался въ Петербургѣ и въ Версалѣ. Отъ этихъ дворовъ пришли сильныя ноты въ Мюнхенъ, но онѣ не могли сломить упрямство старика [1]).

Подъ вліяніемъ страха, волненія и иностранныхъ интригъ, фюрсты не знали чтó дѣлать, и повсюду искали себѣ опоры: кто заискивалъ въ Берлинѣ, Версалѣ и даже въ Римѣ, кто въ Петербургѣ, иные же разомъ въ нѣсколькихъ лагеряхъ. Только о Вѣнѣ почти никто не думалъ: она внушала страхъ, а нерѣдко отвращеніе и презрѣніе. Но за нее дѣйствовала Россія. Вѣрная своей политикѣ, Екатерина продолжала всячески распространять свое вліяніе среди фюрстовъ. Она приказала Румянцову «не упускать ничего, чтó можетъ утвердить или умножить ихъ связь съ Россійской имперіей», впрочемъ не показывая вида, что ими интересуются. Кромѣ того, она частно, черезъ людей «неоффи-

---

[1]) Всѣ подробности взяты изъ депешъ Румянцова Екатеринѣ въ январѣ—апрѣлѣ 1788 года и изъ нѣкоторыхъ депешъ Голицына.—Cf. *Ranke*: Die deutschen Mächte, I, 175 sq.

ціальнаго характера», внушала фюрстамъ, что «готова сильно поддержать всякаго, кто обратится къ ней за помощью», и заставляла Павла Петровича повторять то же самое. Слова Екатерины подтверждались на дѣлѣ. Ея милости не переставали изливаться на фюрстовъ: сегодня она хлопотала за права Карла цвейбрюкенскаго въ мальтійскихъ командорствахъ, завтра на герцогинѣ баденской появлялся орденъ Св. Екатерины. Фюрсты тогда еще вполнѣ довѣряли желанію Россіи охранять имперскую конституцію [1]) и наперерывъ старались выказать преданность своей покровительницѣ. Румянцовъ не успѣвалъ передавать Екатеринѣ «почтенія», «исповѣданія преданности» и «повержения къ ея ногамъ» какъ важныхъ, такъ и самыхъ ничтожныхъ фюрстовъ, а ихъ увѣрять—кого «персонально и словесно», кого письменно—въ «благоволеніи» и «благорасположеніи» своей императрицы [2]).

---

[1]) Это хорошо доказывается, между прочимъ, запиской баденскаго министра; *Schmidt*, Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen, I, 21.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, въ январѣ 1783 года.—*Joseph und Katharina*, 225.

[2]) Когда Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна пріѣхали въ Штутгартъ, въ январѣ 1783 года, фюрсты собрались туда гурьбой и „исповѣдывали особливую преданность къ ихъ императорскимъ высочествамъ". Среди нихъ „отличались своею знатностью герцогъ цвейбрюкенскій съ братомъ, сиковья ландграфа гессенъ-кассельскаго, да принцъ мекленбургскій"; а герцогъ виртембергскій, маркграфъ баденскій и наслѣдный принцъ дармштадтскій наперерывъ старались угодить высокимъ гостямъ. Когда Румянцовъ былъ въ Мюнхенѣ, къ нему забѣгалъ саксонскій министръ, чтобы „réiterer les assurances du respectueux attachement" своего государя къ Екатеринѣ; нашъ посланникъ отвѣчалъ ему обнадеживаніемъ на счетъ „dispositions favorables" императрицы къ его принцу. Возвратившись въ Цвейбрюкенъ, Румянцовъ нашелъ благодарственное письмо Карла, въ которомъ говорилось: „Mettés moi aux pieds de votre Auguste Souveraine en L'assurant de mon profond respect et de ma sincère reconnaissance pour tout ce qu'Elle a bien voulu faire pour moi". Заявленія преданности и разныхъ просьбъ фюрстовъ продолжались и въ теченіи 1784 года, пока Румянцовъ не выступилъ въ Цвейбрюкенѣ съ предложеніемъ обмѣна земель. Такъ онъ писалъ Екатеринѣ въ октябрѣ 1784 года: „герцогъ виртембергскій просилъ повергнуть его къ стопамъ Ея Величества и донесть, что онъ, видя изъ опыта именитое покровительство, даруемое ея императорскимъ величествомъ собственной его особѣ и цѣлому его дому, почитаетъ благоденствіе онаго не токмо теперь уже совершеннымъ, но и впредь непоколебимымъ, и не опасается могущихъ воспослѣдовать въ Европѣ перемѣнъ, находясь подъ защитою великія Екатерины". Въ концѣ 1784 года Румянцовъ прибылъ въ Боннъ для представленія кредитивной грамоти курфюрсту. Онъ доносилъ Екатеринѣ: „Курфюрстъ благодаритъ за сдѣланную ему честь назначеніемъ при немъ министра, потомъ продержалъ меня съ собой цѣлый часъ наединѣ, оказывалъ въ разговорѣ большое къ освященной особѣ вашего императорскаго величества почтеніе, примѣчавъ благоразумнымъ образомъ, что судьба всѣхъ европейскихъ державъ нынѣ въ рукахъ вашего императорскаго величества и что они то только могутъ, до чего вы ихъ допустить соизволите".—Въ декабрѣ Румянцовъ доносилъ Остерману: „Графъ Ербахъ Ербахскій, котораго конечно въ число большихъ

Но въ средѣ фюрстовъ встрѣчались и политики высшаго полета, которые занимались не однимъ угожденіемъ могущественнымъ дворамъ. Нѣкоторые изъ нихъ старались воскресить старую мысль о независимости имперскихъ чиновъ и образовать изъ себя самостоятельную силу. Для изобрѣтенія соотвѣтственнаго плана не требовалось особеннаго творчества. «Лиги», «уніи», «федераціи», «коалиціи», — словомъ, разнаго рода союзы давно возникали въ Германіи во множествѣ, и мы видѣли, что не далѣе, какъ въ эпоху баварской войны, Фридрихъ серьёзно разрабатывалъ идею союза князей. Оттого не удивительно, что въ описываемое время, еще до начала дѣла объ обмѣнѣ земель, обнаружились слѣды «лигъ» въ Германіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, которые мы разсмотримъ ниже.

Такова была среда, съ ея настроеніемъ, въ которой, на этотъ разъ, должна была рѣшиться судьба германскаго вопроса, принявшаго форму обмѣна земель. Такъ какъ все зависѣло отъ «добровольнаго» согласія всѣхъ представителей дома Виттельсбаховъ, то предварительно остановимся на характеристикѣ послѣдняго.

Тогдашніе потентаты Баваріи, Пфальца и Цвейбрюкена были лучшими образчиками того типа, который господствовалъ среди фюрстовъ и былъ обрисованъ нами въ общихъ чертахъ въ другомъ мѣстѣ [1]).

Виттельсбахи подчинялись закону вырожденія, поражавшему фамиліи фюрстовъ. Ихъ младшая, баварская, линія вымерла, какъ мы знаемъ, въ 1777 году; старшая же, пфальцская, уже два раза прерывалась, да и представлявшіе ее Зульцбахи были непрочны: первый изъ нихъ, Карлъ-Теодоръ, получившій Баварію, былъ и послѣднимъ. Наканунѣ XIX-го вѣка въ Баваріи, Рейнскомъ Пфальцѣ и Цвейбрюкенѣ уцѣлѣла одна только, самая младшая линія Виттельсбахенскаго дома — герцоги цвейбрюкенскіе, да и среди нихъ свирѣпствовалъ роковой физіологическій законъ.

Въ 1780-хъ годахъ старшимъ въ родѣ Виттельсбаховъ былъ Карлъ-Теодоръ. Ему было подъ шестьдесятъ. Первые годы юности онъ провелъ близъ Брюсселя. Но воспитала его княжеская среда, въ пустынномъ Маннгеймѣ, на который Виттельсбахи промѣняли очаровательный, но протестантскій Гейдельбергъ. Здѣсь Карлъ-Теодоръ, восемнадцати лѣтъ, сталъ курфюрстомъ и сначала выка-

владѣтелей поставить не можно, но, по добрымъ его качествамъ, къ числу добрыхъ и хорошихъ людей причислить должно, просить меня о доставленіи ему александровой кавалеріи".

1) „Вѣстникъ Европы", 1875 г. іюнь, глава XI и XII.

зывалъ вольнодумство, ввелъ полезныя учрежденія въ странѣ, въ особенности же покровительствовалъ искусствамъ и литературѣ; а его внѣшняя политика была такъ утонченна, что французскіе министры говорили: «изъ нѣмецкихъ дворовъ, намъ больше всего хлопоть съ маннгеймскимъ». Но во всемъ этомъ проглядывало лишь запоздалое подражаніе Людовику XIV. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырабатывался изъ Карла-Теодора типъ фюрста-эгоиста, съ непреклонной волей и коварнымъ умомъ. Такимъ явился онъ въ Баварію. У него не было ничего общаго съ этой страной, и онъ не скрывалъ своей ненависти къ ней. Баварцы, съ ихъ провинціальнымъ патріотизмомъ, развившимся въ патріархальное правленіе Максимиліана-Іосифа, отвѣчали ему тѣмъ же: въ самомъ государственномъ совѣтѣ встрѣчались то улыбки, то пожиманія плечами. И не разъ курфюрсту приходилось бѣжать изъ своей столицы [1]). Но Карлъ-Теодоръ рѣшился искоренить непокорный духъ баварцевъ. У него закономъ было «Sic volo, sic jubeo!» (хочу и приказываю!). Онъ безъ суда хваталъ гражданъ и держалъ ихъ въ тюрьмѣ по произволу, а на чиновниковъ смотрѣлъ, какъ богдыханъ на мандариновъ: «вотъ, я дамъ по 25-ти палокъ этимъ негодяямъ!» восклицалъ маннгеймскій Людовикъ XIV. Пышное богослуженіе выдвинулось на ряду съ плацъ-парадами, и въ Баваріи появился даже особый нунцій. Іезуиты окружили престолъ и стали истреблять всякія книги, даже пропущенныя придирчивой свѣтской цензурой. Но они сами были рабами курфюрста: Карлъ-Теодоръ цѣнилъ ихъ только какъ орудіе и освященіе своего деспотизма. Онъ и ханжеству предавался лишь въ видахъ пышнаго культа княжеской власти. Для этого культа Карлъ-Теодоръ не жалѣлъ ничего. Еще въ Пфальцѣ онъ содержалъ три арміи въ 5500 солдатъ, 1 генералъ-фельдмаршала, 1 генералъ-фельдцейхмейстера, 9 генералъ-лейтенантовъ и 10 генералъ-майоровъ,—такъ что на каждаго генерала приходилось по 200 или 300 рядовыхъ; а въ Баваріи его армія дошла до 18,000, раздѣленныхъ на 30 полковъ,—такъ что офицерство составляло почти четверть всего войска. И даже

---

[1]) Любопытно столкновеніе Карла-Теодора съ маннгеймскимъ магистратомъ. Клевретъ курфюрста подстроилъ благодарственный адресъ своему господину, отъ имени Мюнхена, за украшеніе города. Магистратъ, помимо котораго велось дѣло, протестовалъ. Тогда на него посыпались непріятности: курфюрстъ грозилъ перенесеніемъ своей резиденціи въ другой городъ, возмущалъ шайки бездѣльниковъ противъ магистрата и т. под. Наконецъ, упрямая дума была временно разогнана и замѣнена чиновничьимъ правленіемъ. Нѣкоторыхъ членовъ магистрата отрѣшили отъ должности и принудили къ торжественному извиненію передъ портретомъ курфюрста.

флотъ, состоявшій изъ трехъ шлюповъ на Рейнѣ, подчинялся «великому адмиралу»! Еще въ Пфальцѣ Карлъ-Теодоръ тратилъ на оперу 200,000 гульденовъ, на конюшню — 100,000, на охоту — 80,000, на дворцы — 60,000 и столько же на искуственные сады,—всего полмилліона, не считая тутъ собственно содержанія двора; а весь доходъ казны равнялся тремъ милліонамъ гульденовъ. А когда онъ получилъ Баварію, въ его придворномъ календарѣ (за 1783 годъ) числилось: 431 каммергеръ, 91 камердинеръ и лакей, 3 карлика, 2 поэта, 52 капитана, 21 трубачъ, 130 музыкантовъ, 20 живописцевъ, 21 лейбъ-медикъ, 27 стольниковъ, 181 прислужникъ при обѣдѣ, 178 конюшихъ и т. д. Здѣсь придворный бюджетъ доходилъ почти до 2 милліоновъ, военный болѣе милліона. Въ Мюнхенѣ процвѣтали также неизбѣжныя принадлежности фюрста—охота и «хозяйство метрессъ», въ особенности послѣднее. Жена Карла-Теодора томилась въ скучномъ Маннгеймѣ, а онъ усердно мѣнялъ свои привязанности въ Мюнхенѣ. Судьба, обидѣвши его законными дѣтьми, наградила кучей побочныхъ. Когда ему было уже за шестьдесять, онъ все еще доказывалъ свое здоровье [1]) и мечталъ, по смерти жены, обвѣнчаться съ хорошенькой племянницей Іосифа II [2]). Увлеченія Карла-Теодора тѣмъ дороже обходились баварцамъ, что его страстью было обезпечить своихъ дѣтей. Тутъ для него не было ничего святого. Онъ взималъ невообразимыя подати, продавалъ должности, прижималъ даже богатыхъ іезуитовъ, наконецъ заводилъ лотереи, увѣряя подданныхъ, что это — «самый вѣрный путь къ счастью». Карлъ-Теодоръ ненавидѣлъ своего племянника, Карла цвейбрюкенскаго, какъ похитителя наслѣдства у его дѣтей, и упорно отказывалъ ему въ законной долѣ доходовъ. Забота о плодахъ любви приводила также Карла-Теодора къ зависимости отъ Австріи. Іосифъ справедливо надѣялся склонить его на все, суля горы золота его дѣтямъ. Курфюрстъ открыто выражалъ свою ненависть къ Фридриху II, которому онъ былъ обязанъ баварскимъ престоломъ, и приверженность къ Іосифу: онъ даже одѣлъ свои войска въ бѣлые австрійскіе мун-

---

[1]) *Гофенфельсъ прусскимъ министрамъ*, отъ 15 марта 1784 года: „Suivant les nouvelles de Munich l'Electeur se porte à merveille. Ce qui n'en laisse point douter, c'est le succès dont ont été couronnés ses efforts amoureux chez une comédienne, nommée Mademoiselle Schmauss. *Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 67.

[2]) Іосифъ писалъ Леопольду о Карлѣ-Теодорѣ: „sa santé est assez bonne, et il est amateur du sexe"... Это былъ бы „un mariage dont il naîtrait encore des garçons". *Joseph und Leopold*, II, 41 sq.

диры [1]). Карлъ-Теодоръ добился своего. Почтенные капиталы были помѣщены у него въ австрійскихъ государственныхъ займахъ, на прокормленіе дѣтей. А Баварія, не доставлявшая и десяти милліоновъ дохода, несла бремя 140 милліоновъ государственнаго долга. И часто Румянцовъ представлялъ такія донесенія въ Петербургъ: «казна баваро-палатинскаго курфюрста совсѣмъ разстроилась. Онъ собралъ совѣтъ, который указалъ, что ежегодно тратится на милліонъ болѣе противъ доходовъ. Сія истина курфюрсту не понравилась и, оказавъ неудовольствіе, сей принцъ собранный совѣтъ разрушилъ». «Баваро-пфальцскій курфюрстъ опять свою столицу покинулъ, въ которой смутно довольно; кредитъ весь потерялъ и недавно казенная палата 300 гульденовъ платежа вскорѣ учинить не могла» [2]).

Представителемъ цвейбрюкенской линіи Виттельсбаховъ былъ «Божіей милостью Мы, Карлъ II, герцогъ Цвейбрюкенскій, пфальцграфъ Рейнскій, Баварскій, Юлихскій, Клевскій и Бергскій, фюрстъ Мёрскій, графъ Вельденцскій, Шпонгеймскій, Маркскій, Равенсбергскій и Раппольтштейнскій, господинъ (Herr) Равенштейнскій и Гогенекскій, и прочая, и прочая». Онъ болѣе своего дяди подходилъ къ основному типу фюрста. Это былъ чистый плодъ воспитанія при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ, подъ руководствомъ усатыхъ дядекъ, въ сообществѣ красавицъ, собакъ, лошадей да бутылокъ. По обычаю, Карлъ завершилъ эту школу путешествіемъ въ Парижъ: тамъ юные фюрсты изучали послѣднія тайны разгула, благодаря incognito, которое спасало ихъ также отъ версальскаго этикета, смѣшивавшаго ихъ съ не-вѣнценосной знатью [3]). Конечно, и герцогомъ цвейбрюкенскимъ овладѣвали прихоти мелкаго деспотизма. Онъ ссорился съ родственниками и тягался съ посторонними; министры терпѣли отъ его придирчивости къ формѣ; подданные знали его «нѣкоторую склонность къ суровости, жестокосердіе и надменность». Но это было только упрямство, да «желчный характеръ, мѣшавшій герцогу маскировать свои душевныя движенія». Къ Карлу больше всего подходили слова Екатерины: «нерѣшительность—наслѣдственная болѣзнь въ пфальцскомъ домѣ; здѣсь попадаются господа, которые

---

[1]) *Фридрихъ II Финкенштейну*, отъ 28 апр. 1785 года, у *Шмидта*, Unionsbestrebungen, I, 189.

[2]) Всѣ слова Румянцова въ этихъ характеристикахъ заимствованы нами изъ его донесеній Екатеринѣ въ 1784 — 1786 гг. Многія изъ этихъ депешъ находятся въ австрійскихъ дѣлахъ, какъ приложенія къ донесеніямъ Голицына, черезъ котораго Румянцовъ пересылалъ Екатеринѣ свои наблюденія.

[3]) *Ségur*, I, 82 sq.

не дерзнуть написать учтивое письмецо, не посовѣтовавшись съ половиной Европы» [1]). Карлъ былъ образцомъ дряблости, свойственной фюрстамъ того времени. Въ 1780 году ему было всего тридцать-четыре года, правленію же его только пять лѣтъ, а онъ уже казался усталымъ и отжившимъ. Румянцовъ часто упоминаетъ объ его «скромномъ разумѣ», въ особенности же объ его примѣрной «лѣности и отвращеніи къ труду, ко всякому протяжному дѣлу». Сами цвейбрюкенскіе министры внушали ему: «съ государемъ такого характера, какъ нашъ, нужно лишь вскользь касаться дѣлъ и тотчасъ же кончать, не углубляясь въ подробности» [2]). Лѣнь заставляла Карла даже пренебрегать главною обязанностью фюрста—плацъ-парадами, и онъ спасалъ свою княжескую честь только громкими фразами о своей прирожденной любви къ военщинѣ, о своемъ желаніи, при первой возможности, «предаться прусскому военному учрежденію». При полной «неспособности герцога къ управленію дѣлъ, каждый изъ его министровъ имѣлъ безпредѣльную власть въ своемъ департаментѣ». И Карлъ, который кричалъ: «ужъ въ одномъ должны отдать мнѣ справедливость—что никто не можетъ и не отважится обладать мной!»—вѣчно подчинялся кому-нибудь изъ приближенныхъ или изъ иностранцевъ. Жизнь его была рядомъ противорѣчій. Этотъ католическій фюрстъ былъ окруженъ протестантскими совѣтниками, и поговаривали, что онъ обратится въ лютеранизмъ. Впрочемъ, у него религія замѣнялась суевѣрнымъ страхомъ: когда заболѣлъ его сынъ, котораго онъ любилъ, было приказано всѣмъ «тремъ религіямъ его государства молиться о здравіи дитяти». Карлъ былъ боязливъ, «скрытенъ и подозрителенъ». Онъ «боялся и избѣгалъ всего, чтó могло взволновать его однообразную и уединенную жизнь, въ особенности же чувствовалъ отвращеніе къ посѣщеніямъ иностранцевъ». Карлу, какъ и всякому фюрсту [3]), было хорошо только у себя дома. Онъ сидѣлъ въ своемъ скучномъ Карлсбергѣ, и лишь министръ финансовъ да французскій аббатъ имѣли невозбранный доступъ къ нему. Здѣсь герцогъ трудился надъ охотничьей справой и конюшней, которыми хотѣлъ изумить Европу; у него были благороднѣйшіе экземпляры конской породы, и даже производились

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 236 sq.

[2]) „Avec un Prince du caracteur de leur Maitre il fallait effleurer les choses et conclure tout de suite sans s'appesantir sur les objets de detail....Avec lui tout delai est nuisible". *Румянцовъ Голицыну*, отъ $^{12}/_{23}$ августа 1784 года.

[3]) „Les princes d'Allemagne ne se plaisent que dans leur patrie". *Testament politique de l'empereur Joseph Second*, II, 172.

опыты разведенія ея. Карлъ-Теодоръ говорилъ про своего племянника: «дай только ему деньги—онъ сейчасъ истратитъ ихъ на лошадей да на собакъ». Остальное время Карлъ употреблялъ на государственныя заботы. Онъ педантично исполнялъ всѣ обрядности придворнаго чина и придумывалъ мѣры къ своему возвеличенію: такъ онъ хлопоталъ объ украшеніи герцогини орденомъ св. Екатерины, «который бы придалъ новый блескъ его значенію и повсюду улучшилъ бы его кредитъ» [1]). Никто такъ не умѣлъ пользоваться этою слабостью герцога, какъ французы. Они сдѣлали его своимъ генералъ-лейтенантомъ—и онъ тотчасъ же началъ щеголять въ новомъ мундирѣ [2]). Людовикъ XVI согласился даже крестить его сына, прислалъ родильницѣ подарокъ въ 60,000 франковъ, а новорожденнаго зачислилъ во французскіе полковники, съ жалованьемъ со дня рожденія и съ наградой въ 100,000 экю при вступленіи въ бракъ. «Столько милостей—говоритъ Румянцовъ—быть можетъ достаточно, чтобы привязать пфальцскій домъ къ Людовику XVI; но тутъ прибавили еще лестное для него отличіе: именно, въ день крещенія ребенка страсбургскій гарнизонъ былъ подъ ружьемъ, и новорожденный удостоился чести, которую отдаютъ дитяти Франціи [3])». Послѣ трудовъ Карлъ проявлялъ другія способности, которыми гордился [4]). «Съ малымъ числомъ своихъ пріятелей—говоритъ Румянцовъ—герцогъ всякій вечеръ препровождаетъ на дачѣ у госпожи д'Езебекъ, заступающей мѣсто оберъ-гофмейстерины у герцогини»,—увядавшей, но еще интересной красоты. Онъ не обращалъ вниманія на народъ, который роптаъ, «видя, какъ герцогиня печально прозябала въ одиночествѣ, въ городишкѣ, въ долинѣ, и слышала шумъ пировъ и концертовъ на вершинѣ

---

1) *Румянцовъ Голицыну*, въ декабрѣ 1784 года: „sur des instances de M. de Hofenfels il y a deux ans, que j'avois sollicité cet ordre, qui de son propre aveu, ajoutant un nouveau lustre à la considération dont jouissait le Duc, devoit, disoit-il, nommement améliorer le credit du Duc partout".

2) Мемуаръ Карла-Августа веймарскаго, у *Ранке*, Die deutschen Mächte, II, 268.

3) *Румянцовъ Остерману*, отъ 11/22 сентября 1786 года: „Tant de bienfaits suffisoit peut être pour attacher à Louis XVI la maison Palatine, mais il y a ajouté une distinction flatteuse pour elle: c'est qu'au jour du baptême de cet enfant la garnison de Strasbourg a été sous les armes et il a reçu les honneurs que l'on rend à un enfant de France".

4) Въ Мемуарѣ Карла-Августа для прусскаго кронпринца (*Ranke*, II, 267) сказано: „La mort de son fils unique lui a fait faire des reflections à sa façon serieuses, on lui parla de marier le Prince Max son frère, mais il n'en désira rien entendre, il s'exprima (qu'Elle pardonne la liberté du terme) qu'il savait faire lui même autant de garçon, qu'il vouloit".

горы, гдѣ блистала, въ герцогскомъ дворцѣ, любовница» [1]). Только по смерти сына, Карлъ, со страху, началъ-было сближаться съ женой; но вскорѣ все пошло по старому, и «госпожа д'Езебекъ, пріобрѣвши прежній свой надъ герцогомъ кредитъ, свергла министра Крейцера за то, что онъ, забывъ всѣ ея благодѣянія, питатель былъ новой герцоговой любовной склонности». Политическая интрига не упускала случая пользоваться и этой слабостью герцога. Румянцовъ старался подделываться къ свѣтиламъ, восходившимъ на придворномъ горизонтѣ въ Карлсбергѣ, а его враги подставляли ему ногу. Однажды онъ доносилъ Остерману: «партія берлинскаго двора всемѣрно старалась поссорить герцога съ госпожею д'Езебекъ, почитая ее тайною мнѣ вспомогательницею; но по сихъ поръ таковое стараніе господина Гофенфельса и сотрудниковъ его осталось втунѣ; нынѣ же успѣваетъ и удалось имъ, какъ кажется, родить въ герцогѣ склонность къ другой женщинѣ» [2]).

Такая жизнь, въ соединеніи со скупостью дядюшки, приводила Карла къ банкротству. Румянцовъ постоянно доносилъ, что «герцогъ въ сущей нищетѣ, въ совершенномъ недостаткѣ денегъ находится... Вскорѣ минетъ два года, что никому изъ служителей не плачено жалованья». И это, несмотря на безконечные долги и на поддержку иностранныхъ дворовъ! Франція издерживала крупныя суммы на содержаніе этого потентата, давала ему и постоянныя «субсидіи», и экстраординарные подарки, устран-

---

[1]) *Ségur*, II, 102 sq.

[2]) Изъ другой депеши Румянцова видно, что онъ былъ хорошъ съ герцогиней и надѣялся возстановить свое утраченное вліяніе на Карла, когда тотъ сталъ-было сближаться съ женой. См. копію съ постъ-скриптума Румянцова къ Prince de G... (Голицыну). Въ ней любопытно слѣдующее мѣсто изъ таинственнаго письма, полученнаго Румянцовымъ de très bonne part: „Je ne suis pas en peine que le... (герцогъ цвейбрюкенскій) ne soit bientôt sur le même pied avec le... (Румянцовъ) que Cy devant et si la Politique ne s'en melôt il le (se?) seroit deja, je le parie, reconcilié, mais dans le moment ci, il n'y a rien à faire que de rester tranquille et attendre la fin de tout ceci". Посылая эту копію къ Безбородко, Румянцовъ прибавилъ: „хочу вамъ въ видѣ тайны повѣрить, что сіе писано было герцогинею, которой доброе ко мнѣ расположеніе мнѣ извѣстно; она по смерти сына своего часъ отъ часу болѣе у мужа выигрываетъ. А въ отвѣтъ на одно письмо, гдѣ въ скрытныхъ терминахъ молвилъ я о огорченіи моемъ видить, что нѣкоторые изъ друзей моихъ добрые мои совѣты пренебрегаютъ и слѣдуютъ худшимъ и что трудно мнѣ то переносить, окончила она тако свое письмо, отъ 14/25 генваря: la fin de votre lettre et vos tristes reflexions ne se ressentent pas de la veille d'un bal, j'éspère que Ce n'est que le vilain *tems de brouillard* qui vous donne des idées si tristes. Croyez moi, un beau soleil viendra bientôt les eclaircir et vous serez le premier à jouir de cet Astre bienfaisant je Coupe Court à ma lettre" etc.

вала ему займы [1]), а онъ все просилъ у нея денегъ. Скупой Фридрихъ только торговался съ Карломъ [2]), а больше манилъ его обѣщаніемъ ссудить его на время хорошимъ генераломъ. Кронпринцъ и здѣсь дѣйствовалъ энергичнѣе: узнавши, что дядя отказалъ Карлу въ новой просьбѣ о «денежномъ вспоможеніи», онъ «занялъ у герцога курляндскаго милліонъ и раздѣлилъ оный пополамъ съ герцогомъ цвейбрюкенскимъ». Карлъ былъ игрушкой Берлина, и въ особенности Версаля. Фридрихъ заставилъ его, въ 1778 году, написать Екатеринѣ о союзѣ князей, а въ 1785-мъ оскорбить ее грубымъ отвѣтомъ. Онъ же говорилъ, что герцогъ «до того находится подъ опекой Франціи», что не смѣетъ даже перемѣнить своего министра въ Лондонѣ, которымъ тамъ очень недовольны, какъ французомъ, присланнымъ, можно сказать, изъ Версаля [3]). Опекуны иногда дѣлали наставленія Карлу. Такъ, въ 1786 году, «король французскій и прусскій писали къ нему, увѣщевая его воздержаться отъ обыкновенной роскоши и гроэя, въ противномъ случаѣ, отказаться отъ всякаго ему покровительства». Карлъ сталъ-было «дѣлать нѣкоторое уменьшеніе въ издержкахъ», но черезъ мѣсяцъ Румянцовъ уже писалъ, какъ сами же опекуны испортили герцога. «Французскій дворъ,—говоритъ онъ,—слишкомъ ловкій, чтобы оставить этого фюрста въ такомъ положеніи: въ ту самую минуту, когда упрекнулъ его въ

---

[1]) Кромѣ подарковъ и субсидій отъ Франціи, Карлъ „имѣлъ много доходовъ во владѣніяхъ короля". Наконецъ, встрѣчаются такія извѣстія въ депешахъ Румянцова: „герцогъ сдѣлалъ заемъ во Франціи въ 4 милліона франковъ—и частные люди дали денегъ, ибо французскій король обязался платить проценты изъ субсидій, выдаваемыхъ имъ герцогу. Сверхъ того, для обезпеченія своихъ кредиторовъ герцогъ заложилъ свои владѣнія въ Эльзасѣ". Въ другой разъ Румянцовъ доносилъ: „епископъ шпейерскій опасается новаго сближенія между герцогомъ цвейбрюкенскимъ и Версалемъ, утверждая, что сей принцъ уступилъ Франціи бергцобернскій и анвейлерскій баліажи, и въ сей уступкѣ видитъ онъ неминуемую свою бѣду и вредные французскаго двора противъ германской имперіи замыслы". Въ октябрѣ 1786 года, внезапный отъѣздъ въ Парижъ родственника Карла, князя Вильгельма Биркенфельдскаго, возбудилъ финансовыя соображенія. Румянцовъ былъ убѣжденъ, что затѣвается такая сдѣлка: „Франція еще даетъ 6 милліоновъ герцогу, чтобы получить давно желанную часть палатинскаго владѣнія и, вѣроятно, для вѣрности сей уступки требуетъ согласія биркенфельдскаго принца, который за точную сумму дать его не отрекается, находясь самъ въ неимуществѣ и будучи рожденіемъ новаго принца цвейбрюкенскаго далеко отъ наслѣдія курфюрста отторгнуть".

[2]) Изъ депешъ Румянцова Екатерина увидѣла, что „король прусскій предлагалъ герцогу взять на себя всѣ его долги (до 4 милліоновъ), съ условіями, непріятными герцогу, который, однако, долженъ будетъ принять ихъ, дошедъ до крайней бѣдности".

[3]) *Фридрихъ II Финкенштейну*, отъ 24 марта 1785 года.—*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 163.

издержкахъ, выдалъ ему, при посредствѣ своихъ откупщиковъ (par ses fermiers généraux), 100,000 экю. Но это былъ лишь палліативъ. Смерть прусскаго короля помогла герцогу цвейбрюкенскому: полный довѣрія къ дружбѣ и великодушію новаго короля, онъ тотчасъ же отказался отъ своего плана сокращенія издержекъ, купилъ 30 новыхъ лошадей и приказалъ выписать изъ Италіи труппу оперы-буфъ».

Австрія и Россія не имѣли вліянія на Карла, потому что не считали нужнымъ сорить деньгами и знаками отличія въ Цвейбрюкенѣ. Іосифъ обѣщалъ ему только орденъ Золотого Руна и многія выгоды [1]). Екатерина же ограничивалась легкими внушеніями Карлу-Теодору на счетъ доходовъ герцога [2]): Румянцовъ не могъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, выпросить у нея орденъ для герцогини.

Послѣ всѣхъ указанныхъ поводовъ къ интригамъ, повѣришь Румянцову, что Цвейбрюкенъ представлялъ «гораздо болѣе трудную почву для обработки, чѣмъ думаютъ» [3]). Роль нашего посланника была тѣмъ болѣе мудрена, что Цвейбрюкеномъ управляли собственно двое министровъ, подкупленныхъ иностранными дворами и готовыхъ интриговать съ цѣлымъ міромъ, начиная съ самихъ себя. Одинъ изъ нихъ, Крейцеръ, былъ ничтожествомъ даже въ этой средѣ, и оправдалъ свою фамилію. Завѣдуя казной герцога, онъ вѣчно возился съ крейцерами, которые быстрѣе уходили у него изъ рукъ, чѣмъ прибывали. Такъ какъ вся финансовая мудрость въ Цвейбрюкенѣ состояла въ изысканіи денегъ натурой, къ чему бы это ни привело, то Крейцеръ уподоблялся главнокомандующему надъ арміей факторовъ, именуемыхъ «при-

---

[1]) *Dohm*, I, 87.

[2]) Въ 1782—1783 годахъ Екатерина дважды требовала у курфюрста пфальцскаго, чтобы тотъ уступилъ герцогу цвейбрюкенскому въ спорѣ объ апанажѣ. Карлъ-Теодоръ не уступалъ. Голицынъ, въ мартѣ 1783 года, выразилъ его министру въ Вѣнѣ „крайнее удивленіе о той непреклонности, въ которой курфюрстъ пфальцскій столь упорно остается въ разсужденіи герцога цвейбрюкенскаго, не взирая на столь знаменитое и всякаго уваженія достойное заступленіе, какое отъ ея императорскаго величества и отъ его величества короля французскаго учинено въ пользу сего пфальцскаго наслѣдника“.

[3]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 12/23 августа 1784 года. „Le terrain ici est beaucoup plus difficile à manier que vous ne pouvés le penser. D'une part les appréhensions du Duc, ses prejugées contre la Cour de Vienne, les cajolleries de celle de Berlin et de Versailles, d'une autre le caractère personnel de ce Prince, sa fermeté, sa reserve, sa paresse et son degout pour le travail, ses soupçons, la repugnance qu'il a de voir chez lui des étrangers; tout en un mot sert à augmenter pour moi les difficultés et rien ne les écarte“.

дворными жидами» (Hofjuden), которые постоянно терлись подлѣ герцога. «Какъ правящій казною, Крейцеръ ежедневно видѣлся съ принцемъ наединѣ»; столь же часто посѣщалъ онъ госпожу д'Езебекъ; наконецъ, онъ, вмѣстѣ съ своей арміей, «занимался однимъ только ремесломъ—доставать мимолетныя средства для такого рода предметовъ личнаго вкуса, которые обыкновенно скрываютъ отъ взоровъ публики» [1]). Все это дѣлало Крейцера важною особой, и его товарищъ по ремеслу ничего не могъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока онъ не прогнѣвилъ еще болѣе важной особы, госпожи д'Езебекъ. Крейцера можно было погубить, разоблачивши его финансовыя тайны: безденежье герцога «увеличивалось, какъ клубокъ», отчасти благодаря «постоянному грабительству». А какое участіе принималъ тутъ Крейцеръ, видно изъ того, что его поприще кончилось арестомъ, по поводу 400,000 гульденовъ, утаенныхъ имъ при продажѣ вотчинъ герцога въ Богеміи [2]).

Товарищъ Крейцера, Гофенфельсъ, былъ человѣкъ другого закала. Это — образчикъ даровитаго министра-«патріота» при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ. Гофенфельсъ выдвинулся снизу: онъ былъ сынъ протестантскаго проповѣдника и достигъ дворянства только по настояніямъ госпожи д'Езебекъ. По словамъ Румянцова, онъ отличался «заносчивымъ и алчнымъ къ интригамъ нравомъ» и орудовалъ всею цвейбрюкенскою политикой, «питая своего государя безпрерывною враждою къ вѣнскому двору и добрымъ къ себѣ самому расположеніемъ. Въ министрѣ семъ первенствующая страсть есть озлобленіе на императора, и оной страсти вдается онъ, пренебрегая трудъ, опасность, здравіе и—фортуну; но дабы дать вашему императорскому величеству понятіе о безпокойномъ семъ человѣкѣ и о хитрости его, то уподобляю его тому Гёрцу, который, будучи министромъ герцога голштинскаго, начертилъ проектъ, долженствовавшій перемѣнить судьбу многихъ европейскихъ державъ и оный безъ малаго бы не исполнилъ посредствомъ Карла XIV». Понятны эти желчные отзывы Румянцова: Гофенфельсъ былъ самымъ опаснымъ и непримиримымъ его врагомъ въ политикѣ, притомъ одержавшимъ побѣду; сверхъ того, онъ былъ горячимъ пруссофиломъ, тогда какъ Крейцера считали склоннымъ къ Вѣнѣ. Но изъ самыхъ

---

[1]) *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 17-го октября 1784 года. *Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 108.

[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, въ декабрѣ 1786 года. — Гофенфельсъ у *Шмидта*, Unionsbestrebungen, I, 109.

словъ Румянцова выходитъ, что Гофенфельсъ недюжинная натура. Онъ отличался необыкновенной ловкостью, энергіей, усердіемъ, и дѣйствительно «пренебрегалъ фортуной» ради своихъ убѣжденій: Іосифъ безуспѣшно предлагалъ ему полмилліона въ 1778 году. Гофенфельсъ, подобно его врагу, Румянцеву, былъ не на своемъ мѣстѣ. Въ цвейбрюкенскомъ захолустьѣ онъ часто бывалъ жалокъ, вдавался въ интриги и педантизмъ—словомъ, мельчалъ. Здѣсь были каррикатурны его великіе «патріотическіе» планы, его суетливость по поводу возрожденія Германіи, его гордость своей «старо-нѣмецкой кровью». Его безчисленные проекты оставались въ тѣни, а ихъ авторъ казался просто надменнымъ и назойливымъ орудіемъ Пруссіи, или, вѣрнѣе, Герцберга и молодого берлинскаго двора. Гофенфельсъ былъ, въ глазахъ нѣмцевъ, лишь отраженіемъ Герцберга, котораго онъ напоминалъ характеромъ и, быть можетъ, могъ бы вполнѣ замѣнить.

Братъ герцога, Максимиліанъ, которому суждено было водворить цвейбрюкенскую линію Виттельсбаховъ въ Баваріи (съ 1799 года) и стать первымъ королемъ баварскимъ (въ 1805 году), представляетъ типъ фюрста-добряка. Это — невинная натура, которая ребячествовала во всю свою жизнь. Максимиліанъ былъ лишенъ способностей, хотя въ Берлинѣ старались думать иначе, считая принца наклоннымъ къ «патріотизму», такъ какъ онъ любилъ навѣдываться въ Парижъ. Но Максимиліанъ ѣздилъ туда только веселиться да испрашивать себѣ «денежныя вспоможенія». У него «клубокъ» безденежья былъ еще больше, чѣмъ у брата: порой ему приходилось жить на счетъ любовницы. «Франція,— говоритъ Румянцовъ,—предвидя, что Максимиліанъ будетъ наслѣдовать Карлу, уже явилась къ нему съ предложеніемъ уплатить его долги, дать ему право на мѣсто эльзасскаго губернатора (survivance du Gouvernement de l'Alsace) и значительную пенсію, если только онъ женится на mademoiselle de Condé. Тотъ не согласился, боясь притязаній на нѣкоторыя владѣнія палатинскаго дома со стороны этой госпожи, какъ потомка дома де-ла-Туръ-д'Овернь. Если на престолъ вступитъ Максимиліанъ, то виды Франціи на этотъ бракъ возникнутъ изъ забвенія; ибо у него характеръ слабый, непослѣдовательный, болтливый: на него имѣетъ вліяніе только эльзасецъ Мюлленгеймъ, которому французскій дворъ тихонько платитъ пенсію. Видя его характеръ, я убѣжденъ, что принцесса Конде будетъ имѣть надъ нимъ полную власть, тѣмъ болѣе, что она желаетъ этого; слѣдовательно, онъ будетъ подчиненъ Франціи». Кромѣ добыванія денегъ, въ то время Максимиліанъ былъ озабоченъ пріисканіемъ себѣ невѣсты. Онъ рѣ-

шился жениться во что бы то ни стало, и именно на такой особѣ, которая не оставляла бы сомнѣнія на счетъ потомства. Максимиліанъ сначала думалъ объ одной mademoiselle Bourbon, но ея «необычайная полнота грозила безплодіемъ»; затѣмъ онъ мечталъ о фрейлинѣ кассельской, наконецъ о вдовѣ одного фюрста, уже доказавшей свое плодородіе. Рядомъ съ этимъ, Максимиліанъ налаживалъ трудное дѣло разъѣзда съ своей главной любовницей, «нѣкоей madame du Pin, вдовой очень богатаго американца, которая посвятила ему свое состояніе и репутацію, живя въ его домѣ и проѣдая свое добро». Однажды Максимиліанъ такъ вооружился мужествомъ, что, отправляясь въ Парижъ, объявилъ: «не возвращусь, не женившись», а госпожѣ дю-Пэнъ сказалъ, что она не должна болѣе разсчитывать на него, и, возвратившись, онъ не увидитъ ее болѣе. Но дю-Пэнъ подтвердила всеобщія подозрѣнія о своемъ тайномъ бракѣ съ Максимиліаномъ, также очутившись въ Парижѣ. Отсюда она хотѣла послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ въ обратный путь, но Людовикъ XVI приказалъ ей не оставлять Парижа. Такъ протекла юность безпечнаго Максимиліана. Впослѣдствіи изъ него образовался извѣстный «добрый король Максъ» [1]).

Нелегка была задача Румянцова въ такой средѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, все зависѣло отъ каприза упрямаго и недалекаго фюрста, воспитаннаго въ ненависти и страхѣ къ императору и опутаннаго вліяніемъ Потсдама и Версаля. Правда, политика герцога Карла опредѣлялась матеріальными выгодами, и его колебанія объясняются, главнымъ образомъ, неясными пониманіемъ того, гдѣ больше даютъ. Но, какъ мы видѣли, враги Австріи и Россіи уже успѣли повліять на него и съ этой стороны. Судя по намекамъ Гофенфельса, Румянцовъ думалъ, что они даже «гарантировали ему его наслѣдство (Баварію)», и именно въ описываемое время Фридрихъ предлагалъ ему устроить заемъ въ Берлинѣ и взять на себя его долги. Конечно, Румянцовъ долженъ былъ прибѣгнуть къ тому же средству, и первое повелѣніе ему отъ Екатерины было—доказывать, что Іосифъ «выхлопочетъ ему пособіе (апанажъ) отъ курфюрста пфальцскаго» и доставитъ «выгоды, касающіяся будущаго по кончинѣ курфюрста» [2]). Но,

[1]) Онъ характеризованъ нами въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1875 г., іюнь, стр. 650.

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 12/23 августа 1784 года.—*Рескриптъ Румянцову* отъ 23-го мая 1784 года, въ которомъ предписывалось также вообще, „помнить наши предписанія 1781 года всѣмъ нашимъ министрамъ о подкрѣпленіи римскихъ императорскихъ министровъ“.

чтобы убѣдить въ этомъ Карла, Румянцовъ долженъ былъ,— какъ и предписывалось ему,—прежде всего совершенно измѣнить его взглядъ на Берлинъ и Вѣну, а это значило вступить въ ожесточенную борьбу съ Гофенфельсомъ. Цвейбрюкенскій Ришелье ненавидѣлъ нашего посланника не только какъ политическій соперникъ, но и какъ личный врагъ. Но онъ не понималъ его. Гофенфельсъ былъ убѣжденъ, что Румянцовъ дѣйствуетъ безъ вѣдома своего двора, единственно изъ честолюбія и угожденія Іосифу, да своему дядѣ, Голицыну. Онъ не предполагалъ «въ этомъ интриганишкѣ» ни патріотизма, ни приверженности къ своей императрицѣ. Гофенфельсу казалось, что Румянцова увлекутъ милости Павла Петровича—и онъ предастся на сторону Пруссіи, какъ только произойдетъ ожидаемая «перемѣна» въ Петербургѣ [1]).

Румянцовъ воспользовался продолжительнымъ отсутствіемъ Гофенфельса, чтобы совершить свои «трехнедѣльныя старанія», которыя онъ описалъ Екатеринѣ на 30-ти страницахъ in-fol.

Румянцовъ началъ съ Крейцера, который, какъ «правящій казною, ежедневно видится съ принцемъ наединѣ». Онъ сталъ доказывать ему весь вредъ займа, предложеннаго Фридрихомъ черезъ Гофенфельса, и прибавилъ: «возьмите-жъ вы мѣры, кои бы герцога отъ таковаго (прусскаго) опекунства оградили и вамъ мѣсто ваше сохранили». Крейцеръ, ничего даже незнавшій про эту сдѣлку, испугался и просилъ нашего посланника, пользуясь довѣріемъ герцога, отклонить его отъ бѣды. Румянцовъ долго «отрекался отъ сего», но, наконецъ, согласился, только если герцогъ самъ потребуетъ его совѣта. Вечеромъ того же дня онъ поѣхалъ на дачу къ госпожѣ д'Езебекъ, гдѣ Карлъ обласкалъ его болѣе обыкновеннаго и, объявивъ хозяйкѣ, что не хочетъ ужинать, повелъ его въ садъ. Здѣсь цѣлыхъ два часа шелъ между ними весьма оживленный разговоръ. «Я въ тебѣ всегда друга почиталъ,—сказалъ герцогъ,—но изъ даннаго мнѣ Крейцеромъ отчета утверждаюсь еще болѣе въ сей мысли. Пожалуй,

---

[1]) *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 16-го октября 1784 года. (*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 109 sq.): „J'ai lu quatre lettres du Grand Duc (Павла Петровича), dans lesquelles il assure à ce petit intrigant (Румянцову) la place de Ministre des affaires étrangères. Ce ne sera pas d'un coup, mais peu à peu, que je parviendrai à le démasquer aux yeux du Duc (Карла цвейбрюкенскаго), dont il avait entièrement captivé la bienveillance, mais qui commence à ouvrir les yeux; et d'après les nouvelles, qu'un courrier passant en France m'a apporté des évènement à Pétersbourg, vu le changement qui pourra peut être s'effectuer, le comte de Romanzow changera aussi vraisemblablement la batterie".

отложи всякую осторожность и скажи мнѣ то, что ты ему сказалъ о нѣкоторомъ на меня берлинскаго двора замыслѣ». Румянцовъ долго отговаривался и извинялся тѣмъ, что ему велѣно остерегаться всего непріятнаго для Потсдама, но, наконецъ, уступилъ многократнымъ просьбамъ и сталъ говорить, но только отъ себя лично.

Румянцовъ. Платя привязанностью доброе ваше ко мнѣ расположеніе, я заочно занимаюсь вами, и ни одинъ изъ слуховъ столько не огорчилъ меня, какъ о намѣреніи берлинскаго двора снять на себя долги ваши, съ кондиціями, въ числѣ коихъ и та, чтобы вы отъ него приняли министра, который бы управлялъ казеннымъ вашимъ департаментомъ и, слѣдовательно, всѣми вашими поступками. Пошедъ подъ такое опекунство, вы подвергаете себя тому же безславію, которое наноситъ такъ-называемая Commission Impériale, которою васъ оной же безпрерывно стращаетъ.

Карлъ (съ жаромъ). Такая поносная пропозиція успѣху не возымѣетъ, и понынѣ она не была сдѣлана.

Румянцовъ. Можетъ, Горстъ (берлинскій агентъ) на пути изъ Парижа сдѣлаетъ.

Карлъ (съ яростью). Даю тебѣ слово, что ему не удастся меня ввести въ обманъ; я благодаренъ за такое посѣщеніе, пускай интригуетъ онъ индѣ, а я къ интригамъ склонности не имѣю.

Румянцовъ. Да, но мнѣ кажется, вы не довольно осторожно удаляетесь отъ интригъ и часто бываете соучастникомъ тѣхъ, кои сплетаются индѣ противъ императора.

Карлъ (упомянувъ о лигѣ и о пріѣздѣ ея главнаго орудія, князя Дессаускаго). Я желаю, любя истину и тишину, чтобы германскіе чины, при настоящемъ случаѣ, остереглись своей бѣды, видя, каковый конецъ подобныя тому интриги въ Голландіи причинили. Франція тамъ возжгла междоусобную брань, отвлекла республику отъ выгоднаго особеннаго съ Англіей примиренія и, наконецъ, безъ вѣдома ея миръ заключила, нынѣ же, яко гласятъ газеты, отрекается съ нею заключить союзный трактатъ, доколѣ хлопоты сея республики съ императоромъ не окончатся. Не ясно ли тутъ видится, съ одной стороны, слабость сей монархіи, а съ другой—что она лучшихъ своихъ друзей, въ случаѣ нужды, выдать готова; скажите-жъ мнѣ теперь, здраво ли имперскимъ чинамъ, полагая надежду на нее, начинать противъ начальника своего оплотъ?

Тутъ герцогъ разбранилъ и Францію, и императора.

Румянцовъ. Императоръ желалъ помочь вамъ у баварскаго,

вмѣстѣ съ нашей императрицей, но жаловался, что вы не храните съ нимъ даже правилъ благопристойности. И именно противъ всякой благопристойности и долга обращаться для полученія обѣщанной вамъ въ Тешенѣ прибавки дохода къ двумъ посредническимъ державамъ и даже къ королю прусскому, а не къ императору. Я счелъ хорошимъ посовѣтовать вамъ не удаляться отъ нѣкоего умѣреннаго и пристойнаго съ императоромъ сближенія, и спросилъ объ этомъ наше министерство, но оно строго воспретило мнѣ сдѣлать вамъ малѣйшее о томъ предложеніе и вообще не раздражать берлинскаго двора. Оттого-то я и молчу, и если теперь рѣшился высказаться, то какъ вашъ другъ, а не какъ россійскій министръ... Правда ли, что толкуютъ о тайномъ промѣнѣ части будущаго вашего наслѣдства съ королемъ прусскимъ на маркграфство анспахское и байрётское?

Карлъ. Неправда.

Румянцовъ. Я вижу, къ порадованію своему, что слухи, носящіеся объ васъ, большею частію весьма мало на справедливости основаны, поэтому хочу вамъ то сказать, яко небылицу же, что говорятъ будто бы, какъ скоро сдѣлаетесь курфюрстомъ, нѣкто, изъ принадлежащихъ вамъ, по личному въ берлинскому двору прилѣпленію, намѣренъ въ васъ родить склонность къ военному дѣлу и васъ поощрять просить прусскаго короля, дабы онъ уступилъ вамъ одного изъ своихъ генераловъ.

Карлъ (съ великою скоростью). Да, я имѣю склонность къ военному дѣлу съ младенчества и немедленно, по приведеніи дѣлъ моихъ въ лучшее состояніе, вдамся оному совершенно. А военное учрежденіе прусское есть наилучшее, и я его въ свои войска ввести не премину. Генерала же врядъ ли прусскій король уступитъ кому-либо.

Румянцовъ. Для чего нѣтъ? Мы видимъ примѣръ тому въ Касселѣ, и сія уступка сбылась, можетъ быть, не безъ пользы и безъ намѣренія.

Карлъ (съ нѣкоторою запальчивостью). Воздай мнѣ справедливость въ томъ, что обладать мною никто не можетъ.

Румянцовъ (съ большою холодностью). Берлинскій дворъ однакожъ можетъ быть такого истиннаго объ васъ понятія не имѣть, какъ я имѣю, и для того, кажется мнѣ, простительно ему употребить то же средство для прилѣпленія васъ къ себѣ, которое ему удалось въ Касселѣ, гдѣ генералъ Шлибенъ ландграфомъ управляетъ.

Карлъ (съ особливою яростью). Пускай дворъ сей отважится

подумать управлять мною также, то увидишь ты, как ему не удастся.

На другой день Румянцовъ замѣтилъ, что герцогъ «умножилъ къ нему ласку и уваженіе», и Крейцеръ мимоходомъ далъ ему знать, что имъ весьма довольны. Дня два спустя, герцогъ возобновилъ свою бесѣду.

Карлъ. Познавъ изъ послѣдняго съ тобой разговора дружество и активное твое о судьбѣ моей попеченіе, признаюсь тебѣ я нынѣ, что дѣла мои вошли въ нѣкоторую разстройку: скажи, какъ поправить ихъ?

Румянцовъ. Банкиры не даютъ; поэтому нужно или получить пособіе отъ какой-либо державы за уступки или обѣщанія, которыя богато вознаградятъ ее за временную потерю, или примириться и угодить курфюрсту.

Герцогъ долго отказывался отъ послѣдняго средства, но потомъ согласился. Онъ больше всего опасался, что примиреніе съ курфюрстомъ «со временемъ можетъ принудить его къ тѣсному сближенію съ вѣнскимъ дворомъ, отъ котораго онъ съ озлобленіемъ отрекался». Румянцовъ замѣтилъ, что, напротивъ, это-то и хорошо, ибо значитъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей. Тутъ Карлъ «сталъ уже употреблять вмѣсто ярости доводы».

Румянцовъ. Вы не имѣете права жаловаться на императора: война по кончинѣ баварскаго курфюрста была при покойной цесаревѣ, когда онъ не имѣлъ вліянія на дѣла... Къ тому же, политика большихъ царствъ перемѣняетъ связи ихъ по времени, не по обыкновенному правилу непостоянства дѣлъ человѣческихъ, но потому, что государи управляются пользою подданныхъ, а не личными страстями, кои, какъ вы сами тому примѣръ предъявляете, ведутъ всегда по одной какой-либо невыгодной стезѣ. Теперь политика вѣнскаго двора другая; онъ въ союзѣ съ императрицей, и вы могли бы много получить отъ него, еслибъ сами слѣпою страстью не связывали, такъ-сказать, благотворительную къ вамъ Россіи руку. Вы жалуетесь на императора, а я дивлюсь его кротости: все то зло, о коемъ вы твердите, исполниться противъ васъ еще должно, а вы уже въ настоящемъ времени, забывъ безсиліе свое и достодолжное уваженіе чина имперіи къ начальнику, обходитесь по дѣламъ съ нимъ съ таковымъ небреженіемъ, которое бы осудительно и между равными было. Не начинается въ имперіи интриги противъ главы ея, которой бы ваше министерство не было источникомъ. Безспорно, вы со временемъ будете мощны, но теперь при слабости вашей едино недѣйствіе политическое вамъ пристойно и полезно быть можетъ.

Когда же состояніе ваше перемѣнится, то, сравнявсь съ царями, должны тогда держаться ихъ правила независимости. Первый знакъ сей политической вольности, означающей достоинство таковаго двора, состоитъ въ охраненіи себя отъ всякаго слѣпого къ кому-либо прилѣпленія и въ равномъ со всѣми первой степени державами сношеніи... Основательное знаніе добрыхъ вашихъ душевныхъ качествъ претитъ мнѣ ошибаться въ такомъ случаѣ. Я различаю собственный поступокъ вашъ отъ поступка министра вашего. Вы гнушаетесь интригъ и, слѣдовательно, не можете быть участникомъ всѣхъ нынѣ въ Германіи сооружающихся. Признайтесь, пристойно ли, что баронъ Гофенфельсъ неоднократно ѣздилъ во многимъ чинамъ имперіи поджигать ихъ по дѣлу пассаускаго епископства, и именно склонилъ епископа спирскаго (шпейерскаго) просить духовныхъ курфюрстовъ о соединеніи себя для защищенія духовенства и вольности германской отъ предстоящей будто бы грозы.

Карлъ. Гофенфельсъ исполнилъ тѣмъ личный германца долгъ.

Румянцовъ. Но обрѣтается ли въ исполненіи онаго какая-либо для васъ польза?

Карлъ. Та, что меня причисляютъ къ лучшимъ германскимъ патріотамъ.

Румянцовъ. Любленіе отечества тогда только похвально, когда управляется разсудкомъ. Вы сами помѣщаете многихъ принцевъ въ число патріотовъ, не взирая на то, что держутся они правила умѣренности; посему особенная слава ваша въ томъ будетъ состоять, что скажутъ, что ни единый въ Германіи педантъ не занимается столь мелочно, какъ вы храненіемъ конституціи: повѣрьте мнѣ, что похвала сія не соразмѣрна ни рожденію, ни образу мыслей вашихъ. Воздержите вредную для васъ Гофенфельса заносчивость и склонность къ политической распрѣ; оставьте теперь защищеніе конституціи тѣмъ имперскимъ чинамъ, которые мощь къ тому имѣютъ, а сами въ тишинѣ и спокойствіи, къ коему вы природою склонны, время свое препровождайте.

Карлъ. Не спорю болѣе съ тобою, ты правъ; но укажи, какъ поправить дѣла съ сохраненіемъ моей репутаціи и достоинства? Увидишь, что курфюрстъ, какъ только примирюсь съ нимъ, откроетъ мнѣ какое-либо тайное и вредное для меня условіе съ императоромъ.

Румянцовъ. Не знаю, есть ли у нихъ такое условіе; но если есть, то дружбой и нужно вывѣдать.

Тутъ Карлъ склонился, наконецъ, на убѣжденія Румянцова, и они сообща придумали слѣдующій планъ. Воспользовавшись

происходившими тогда переговорами съ Карломъ-Теодоромъ, по поводу наслѣдства одного умершаго родственника, герцогъ письменно изъявитъ свою признательность дядѣ за благопріятный ходъ этого дѣла и испроситъ позволенія возблагодарить его еще лично, въ Мюнхенѣ. А Румянцовъ убѣдитъ Іосифа, черезъ Голицына, содѣйствовать примиренію герцога съ курфюрстомъ, а когда императоръ согласится, Карлъ сдѣлаетъ послѣдній шагъ къ сближенію съ нимъ. Сверхъ того, герцогъ выразилъ Румянцову свое недовольство Гофенфельсомъ и предложилъ ему вести дѣла съ Крейцеромъ, которому «приказалъ слушаться своего друга».— Самъ Гофенфельсъ сознается, что Румянцевъ успѣлъ тогда вполнѣ овладѣть расположеніемъ герцога. Онъ былъ озадаченъ холоднымъ пріемомъ, который оказалъ Карлъ его горячимъ повѣствованіямъ объ успѣхахъ «лиги», ради которой онъ и отлучался такъ надолго. Вотъ разговоръ, происшедшій между ними, по этому поводу, и переданный Румянцову самимъ герцогомъ.

Карлъ. Не знаю, для чего мнѣ торопиться; если то согласіе (лига) сбудется и отечеству окажется полезнымъ, то успѣю я пристать къ другимъ, а теперь я то дѣлать не намѣренъ. Тебя все сіе занимаетъ слишкомъ много, и жаръ сей есть знакъ единаго только педантства твоего и мнѣ прибыли отнюдь никакой не приноситъ.

Гофенфельсъ. Выгода состоитъ въ сохраненіи той славы, которую вы себѣ пріобрѣли предъ лицомъ всей Европы, воспротивившись въ послѣднюю войну вреднымъ австрійскаго дома замысламъ.

Карлъ. Поступокъ, который тебѣ кажется только славнымъ, заключаетъ, можетъ быть, нѣчто также осудительнаго; вопреки, мнѣ мнится, что при томъ случаѣ много дѣйствовали посторонніе, подобно какъ дѣйствовала мартышка кошечью лапою, выгребая ею для себя изъ огня каштаны.

Румянцовъ жаловался Голицыну, сколько трудовъ стоило ему достигнуть первыхъ успѣховъ, «при извѣстномъ характерѣ герцога, когда еще его предразсудки, едва потрясенные, все укрѣпляются внушеніями двухъ самыхъ могущественныхъ кабинетовъ». Но его утѣшала мысль, что дѣло поставлено хорошо, тѣмъ болѣе, что тогда же старались увлечь Максимиліана предложеніемъ ему руки одной австрійской принцессы, вмѣстѣ съ какой-то должностью и съ званіемъ генералиссимуса въ Баваріи [1]). Те-

[1]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ $^{16}/_{27}$ іюля 1784 года.—*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 110.

перь дѣйствительно зависѣло отъ того, какъ поведутъ дѣло въ Вѣнѣ.

Здѣсь тотчасъ же были подорваны всѣ «старанія» Румянцова. Кауницъ прислалъ ему оффиціальныя бумаги для представленія Карлу, которыя дѣлали невозможною его роль друга герцога и частнаго человѣка; а между тѣмъ необходимо было продлить эту роль подольше, чтобы искоренить извѣстные «предразсудки». Но еще хуже было содержаніе вѣнскихъ бумагъ. Правда, въ нихъ было обѣщаніе помочь Карлу матеріально, и тотчасъ же, и въ будущемъ, но тонъ ихъ былъ высокомѣренъ. Кауницъ говорилъ, какъ «сильный слабому», и грозилъ, въ случаѣ неповиновенія, серьёзно вредить пфальцскому дому по старому и даже отнять у него Баварію [1]). Сверхъ того, не надѣясь склонить Карла-Теодора къ примиренію съ племянникомъ, въ Вѣнѣ требовали отъ герцога цвейбрюкенскаго безусловнаго изъявленія дружбы императору и даже прислали ему проектъ перваго письма. При этомъ, предчувствуя дурные результаты въ Цвейбрюкенѣ, на каждомъ шагу прикрывались авторитетомъ Россіи. Кауницъ писалъ свои депеши прямо отъ имени Голицына, и въ нихъ постоянно повторялось, что таковы же желанія Екатерины. И когда Румянцовъ, смущенный этими бумагами, не зналъ, какъ приступить къ нимъ, и со дня на день откладывалъ ихъ предъявленіе [2]), Кауницъ злился, дѣлалъ выговоры Голицыну и приказывалъ Румянцову исполнить порученіе немед-

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 29 іюля (9 августа) 1784 года.—Къ его депешѣ, отъ 9/20 сентября приложены: проектъ письма Карла къ Іосифу и записка Кауница „Reflexions impartiales relatives à Monsieur le Duc de Deux-Ponts“. Въ первомъ выражена мысль, что герцогъ давно хотѣлъ написать, да не зналъ, какъ примутъ его письмо въ Вѣнѣ; теперь же онъ не колеблется: „Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies venant de me donner une nouvelle marque de bonté, en me tirant d'incertitude à cet égard“. Въ Reflexions интересны слѣдующія два мѣста: „Dans le cas contraire (т.-е. при неповиновеніи Карла) avant que personne ne puisse l'empêcher, par sa position topographique, Elle (вѣнскій дворъ) peut et doit même pour sa propre sûreté se mettre en possesion des États de la Bavière... La Cour de Vienne ne peut jamais être dans le cas d'avoir besoin de l'employer à son détriment, comme il (Карлъ) l'a été jusqu'ici et qui peut en échange lui être ou fort utile, ou très formidable“.

[2]) Румянцовъ доносилъ Голицыну, отъ 12/23 августа 1784 года: „прошлый разъ я мало писалъ, ибо, не довѣряя шифрамъ, опасался, какъ-бы не провѣдали приближенные берлинскаго двора. А герцогъ—потому только и слушаетъ меня, что убѣжденъ, что я говорю по дружбѣ, а не по порученію моего двора. Поймите же, что я не могу показать ему присланное вами письмо. Герцогъ все подозрѣваетъ, что тутъ замѣшаны Вѣна и Петербургъ; поэтому я долженъ былъ отсовѣтовать ему начать переписку съ императоромъ“.

ленно, «не взирая ни на какія обстоятельства и отложа всѣ другія разсужденія» [1]).

Наконецъ, Румянцовъ предъявилъ Карлу вѣнскія бумаги, разсыпавшись въ увѣреніяхъ, что Екатерина «позаботится о его благополучіи, нынѣшнемъ и будущемъ». Въ то же время князь Вальдекъ, пріѣхавшій въ Карлсбергъ какъ-бы по собственному дѣлу, сказалъ герцогу, что императоръ предлагаетъ уплатить всѣ его долги, если онъ станетъ на его сторону. Карлъ очутился между двухъ огней—и растерялся. Съ одной стороны, онъ объявилъ, что смотритъ на русскую императрицу, «какъ на свою благодѣтельницу, великодушное покровительство коей всегда осчастливливало всякаго, кто прибѣгалъ къ ней». Онъ осмѣлился даже прибавить, въ угоду Екатеринѣ, что «не желаетъ быть ни рабомъ, ни жертвой обмана» берлинскаго и версальскаго дворовъ. Съ другой же стороны, Карлъ всего болѣе боялся скомпрометтировать себя передъ этими дворами и не желалъ «повернуться спиной» къ своимъ старымъ покровителямъ, на основаніи лишь неясныхъ надеждъ на новыхъ. Въ то же время недовѣріе и отвращеніе къ Вѣнѣ совсѣмъ отуманили его голову, и онъ вообразилъ, будто Іосифъ ставитъ ему ловушку, хочетъ вынудить у него письмо, чтобы показать его въ Берлинѣ и Версалѣ. Вотъ почему герцогъ цвейбрюкенскій соглашался написать императору только съ условіемъ, чтобы тотъ опять похлопоталъ въ Мюнхенѣ объ «улучшеніи его участи, обѣщанномъ Екатериной»; при этомъ онъ выразилъ желаніе немедленно извѣстить Пруссію и Францію о своемъ письмѣ! Не трудно было доказать Карлу всю наивность такой политики, которая послужила бы ему же во вредъ. Въ то же время Голицынъ, узнавши, что Карлъ-Теодоръ наотрѣзъ отказалъ въ просьбѣ племяннику, совѣтовалъ Карлу бросить мысль объ этомъ и заботиться только о томъ, чтобы не раздражить могущественныхъ дворовъ. Герцогъ принужденъ былъ согласиться на все, чтобы только «совершенно отдать себя на волю императрицы, которая непрестанно осыпала его всѣми знаками милости и особаго покровительства» [2]). Но герцогу цвейбрюкенскому не

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 29 іюля (9 августа) 1784 года.—$^{9}/_{20}$ сентября Голицынъ прислалъ Екатеринѣ копію съ своей депеши Румянцову, въ видѣ приложенія.

[2]) Въ письмѣ герцога цвейбрюкенскаго Голицыну, отъ 29-го августа (приложеніе къ депешѣ Голицына Екатеринѣ, отъ $^{9}/_{20}$ сентября 1784 года): „Convaincu depuis longtemps de sentiment généreux et magnanimes de Sa Majesté Impériale à mon egard et de toutes les marques de bonté et de la protection particulière, dont elle ne cesse de me combler, je me rends avec cette resignation absolue, qu'Elle me connait pour

суждено было написать письмо къ императору. Румянцовъ отлучился на короткое время въ Мангеймъ. Гофенфельсъ не преминулъ воспользоваться этимъ. «Не смѣя утруждать Фридриха, уже такъ много сдѣлавшаго для палатинскаго дома», онъ обратился за помощью въ Версаль—и оттуда прискакалъ новый агентъ, а за нимъ и одинъ гость изъ Потсдама. Въ то же самое время пронесся слухъ объ обмѣнѣ земель. Когда Румянцовъ возвратился, Карлъ началъ избѣгать его и скрытничать, затѣмъ объявилъ, что не станетъ писать императору, желая спасти свою «репутацію». Но вскорѣ онъ самъ разъяснилъ, что эта репутація состояла въ страхѣ передъ его «союзницей», Франціей, которая все знаетъ: послѣдняя извѣстила его о намѣреніи Екатерины и Іосифа захватить его въ свои руки и притомъ въ тотъ самый день, когда Румянцовъ впервые заговорилъ съ нимъ о сближеніи съ Вѣной. Впрочемъ, герцогъ, и самъ, и чрезъ своихъ министровъ, увѣрялъ Румянцова въ своей дружбѣ и говорилъ, что готовъ продолжать черезъ него переговоры съ императоромъ: еслибъ только не провѣдала все всезнающая Франція! [1]).

Между тѣмъ созрѣло гораздо болѣе тяжелое порученіе для Румянцова. Обмѣнъ земель наладился въ Мюнхенѣ послѣ полугодовыхъ затрудненій, выводившихъ изъ терпѣнія Іосифа, который не разъ жаловался на Карла-Теодора—«человѣка, неумѣющаго желать». Курфюрстъ изъявилъ согласіе въ принципѣ; оставалось только условиться въ подробностяхъ. Карла цвейбрюкенскаго думали удовлетворить лишь въ будущемъ, и то не на счетъ Іосифа: Карлъ-Теодоръ долженъ былъ дать ему намѣстни-

---

toutes ses volontés à la proposition qu'Elle daigne me faire".—Въ письмѣ Румянцова Голицыну, отъ $^{18}/_{29}$ августа (тамъ же): Карлъ сказалъ Румянцову, что считаетъ себя обязаннымъ „considérer (l'Impératrice) comme sa bienfaitrice, dont la généreuse protection d'ailleurs avait toujours fait le bonheur de ceux qui y avait eu recours".—*Румянцовъ Голицыну* пишетъ отъ $^{20}/_{31}$ августа, что Карлъ такъ выразился о Берлинѣ и Версалѣ: „Je ne veux être ni leur esclave, ni leur dupe, mais je ne veux pas leur tourner le dos sur des apparences vagues d'une relation plus avantageuse avec la Cour Impériale".—*Голицынъ Румянцову*, отъ $^{7}/_{18}$ сентября; въ Вѣнѣ даютъ честное слово, что никому не сообщать о письмѣ Карла Іосифу, кромѣ Петербурга и Мюнхена; если герцогъ самъ извѣститъ о немъ Берлинъ и Версаль, то это повредитъ ему, ибо тѣ встревожатся, станутъ допрашивать его, а ему нечего сказать: „Elle (Son Altesse, т.-е. Карлъ) sera environnée des lors de surveillans. Elle ne pourra pas faire un pas, ni parler, ni se taire même, sans que tout soit interpreté, Elle vivra dans une gêne continuelle". Cf. Записка герцога веймарскаго для прусскаго принца у *Ранке*, Die deutschen Mächte, II, 265.

[1]) *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 16-го октября 1784 года. (*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 110).—*Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 28 октября (8-го ноября) 1784 года; депеша Румянцова Голицыну, отъ $^{17}/_{28}$ сентября, какъ приложеніе.

чество въ Нижнемъ Пфальцѣ или въ Нидерландахъ, которое доставило бы ему «знатный» доходъ—съ полмилліона гульденовъ [1]). Вотъ почему Кауницъ такъ негодовалъ на «разсужденія» Румянцова и торопилъ его. Онъ уже собирался въ концѣ октября извѣстить объ обмѣнѣ и Цвейбрюкенъ, и Версаль, какъ вдругъ неожиданная гроза вырвала искусную работу изъ рукъ стараго дипломата. Голландскій вопросъ внезапно разгорѣлся и принялъ европейскіе размѣры.

Выведенные изъ терпѣнія насиліями Іосифа, республиканцы сказали «гордое: нѣтъ»! Императоръ отвѣчалъ имъ самовластнымъ: «посмотримъ!» и послалъ безоружное судно въ устье Шельды. Голландцы пустили ядра въ это судно, начали блистательно готовиться къ оборонѣ и даже, припоминая время Людовика XIV, затопили Фландрію, открывъ шлюзы на границѣ. Іосифъ вскипѣлъ гнѣвомъ и рѣшился немедленно начать войну, вопреки увѣщаніямъ и даже грубымъ противорѣчіямъ Кауница [2]). Онъ отозвалъ своего посланника изъ Голландіи, отправилъ въ Гагу ультиматумъ объ «открытіи Шельды» и объ удовлетвореніи за обиду, приказалъ стягивать войска къ Бельгіи и потребовалъ отъ Россіи серьёзнаго посредничества. Екатерина тотчасъ же повелѣла своему министру въ Гагѣ «возвысить тонъ», сдѣлать «сильнѣйшія представленія» въ пользу удовлетворенія императора и погрозить республикѣ «неминуемой бѣдой» (danger imminent), если она доведетъ дѣло до войны съ Австріей [3]). Живое участіе Екатерины въ голландскомъ вопросѣ объясняется тѣмъ, что она сразу уловила здѣсь слѣды версальскихъ интригъ, о чемъ и извѣстила Іосифа. Точно такъ же смотрѣлъ на дѣло практическій Леопольдъ, который потерялъ свою обычную сдержанность и въ письмахъ къ брату осыпалъ бранью «этотъ Парижъ, имѣющій притязаніе держать всѣхъ въ опекѣ и повелѣвать всему міру». Онъ прибавлялъ: «не столько опасны намъ наши враги, сколько эти любезные союзники». Вскорѣ и Іосифъ убѣдился въ этомъ, такъ какъ голландское дѣло просто превращалось во французское, и

[1]) *Joseph und Katharina*, 232.—*Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 30 іюля (10 августа) 1784 года.

[2]) *Joseph und Katharina*, 235 sq. *Joseph und Leopold*, I, 230 sq.—Любопытный образчикъ противорѣчія Кауница Іосифу, *Beer*, 200.

[3]) *Проектъ письма Остермана Голицыну*, отъ 15-го ноября 1784 года; здѣсь, при выраженіи „hausser le ton“, написано на боку карандашомъ „renforcer“.—*Выписки изъ конференціальныхъ записокъ* 1784 года, подъ 27-мъ ноября.—*Joseph und Katharina*, 238.—Депеши Сакена у *Германна*, VI, 92.—*Görtz*, I, 331—333. *Dohm*, II, 190 sq.

притомъ національное. Французы роптали на политику своего двора уже въ теченіи цѣлаго поколѣнія, начиная съ австрійскаго союза, который казался имъ чуть не измѣной отечеству, связанной съ женитьбой короля на Маріи-Антуанеттѣ. Въ описываемое же время это поколѣніе уже воспиталось въ тѣхъ понятіяхъ, которыя, четыре года спустя, произвели страшную революцію. Оно не могло слышать равнодушно, какъ самовластно заговорилъ ненавистный Габсбургъ съ «свободной республикой». Молодежь начала кричать, что не должно допускать, чтобы дворъ, въ угоду австріячкѣ, пожертвовалъ этой республикой точно такъ же, какъ недавно Рѣчью-Посполитой [1]). При этомъ вообще жалкое положеніе Маріи-Антуанетты становилось крайне щекотливымъ [2]), и напрасно Іосифъ надѣялся на содѣйствіе своей сестры. Въ политическихъ дѣлахъ съ ней обходились съ недовѣріемъ и даже съ пренебреженіемъ; отъ нея таились, ее не удостоивали разговоровъ. Ей никогда не удавалось поколебать «предразсудки» своего супруга, то-есть закоренѣлую ненависть къ Австріи, воспитанную въ немъ съ дѣтства. Намъ не нужно описывать поведенія Верженa, автора проекта прусско-французскаго союза: онъ былъ душой голландской партіи въ Парижѣ. Послѣ всего этого, неудивительно, что въ концѣ 1784 года въ Вѣнѣ была получена изъ Версаля грозная декларація, которая, можно сказать, объявляла войну Іосифу, если онъ не оставитъ въ покоѣ голландцевъ [3]).

Въ то же время гроза приближалась съ другой стороны. Напрасно осторожный Фридрихъ показывалъ видъ, что не желаетъ говорить съ голландскимъ посланникомъ точно такъ же, какъ съ австрійскимъ, уклонялся отъ отвѣта республикѣ на запросъ, чѣмъ поможетъ ей Пруссія, въ случаѣ войны, и даже отказалъ ей въ просьбѣ дать своего генерала. Никто не сомнѣвался въ его политическомъ направленіи. Тогда преданные ему журналы, въ

---

[1]) *Joseph und Katharina*, 237.—*Joseph II und Leopold*, I, 231—233, 247—250, 258, 265—268, 276—278.—*Ségur*, II, 138.—*Dohm*, II, 198—207.

[2]) Это ясно отразилось въ перепискѣ Маріи-Антуанетты съ братьями и съ австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, графомъ Мерси: *Marie Antoinette, Joseph II, und Leopold II*, ihr Briefwechsel, herausgegeben von *Arneth*, Leipzig, 1866. passim, особенно 38—40, 61—64, 72—74.

[3]) *Въ выпискахъ изъ конференціальныхъ записокъ* 1784 года, подъ 4-мъ декабря, находится копія съ этой деклараціи, гдѣ сказано между прочимъ: „Le Roi (Людовикъ XVI) lui même ne pourra se dispenser d'assembler des troupes sur ses frontières; d'ailleurs dans aucune hypothèse Sa Majesté ne pourrait être indifférante au sort des Provinces-Unies, et les voir attaquées à force ouverte dans leurs droits et dans leurs possessions".—Cf. *Dohm*, II, 224 sq.

родѣ «Kölnische Zeitung», печатали такія извѣстія изъ Россіи, за которыя они должны были просить извиненія, по требованію нашего посланника: сегодня они трубили о близкой смерти Екатерины, завтра—о заговорѣ противъ нея, и т. под. Въ то же время голландцы закупали военные снаряды въ Пруссіи, принимали къ себѣ на службу офицеровъ Фридриха и съ ихъ помощью вербовали солдатъ у фюрстовъ, обрадовавшихся случаю повредить своему императору и выгодно продать своихъ подданныхъ. Въ потсдамскихъ канцеляріяхъ рылись въ старыхъ трактатахъ и дѣлали выписки изъ нихъ. Министры Фридриха снабжали голландскихъ дипломатовъ рекомендательными письмами къ фюрстамъ, враждебнымъ Австріи, въ особенности же къ гессенъ-кассельскому двору, гдѣ сосредоточивалась голландская партія, съ самой ландграфиней во главѣ. Наконецъ, Фридрихъ, прямо вопреки имперской конституціи, дозволялъ голландцамъ вербовку въ вестфальскомъ округѣ, гдѣ онъ былъ со-директоромъ, и не пропускалъ здѣсь войскъ Іосифа, на томъ основаніи, что это не «императорскія» войска, ибо они «употребляются не въ интересахъ имперіи». Но важнѣе всего былъ дерзкій тонъ версальскаго двора, который объясняли пребываніемъ тамъ, именно въ эти минуты, прусскаго принца Генриха, «занимавшагося — по словамъ Маріи-Антуанетты—интригами и возбужденіемъ умовъ» [1].

Наконецъ, политика Фридриха разоблачалась его переговорами съ Петербургомъ. Здѣсь, уже въ началѣ 1783 года положеніе Гёрца становилось нестерпимо. «На него смотрѣли,—говоритъ англійскій посланникъ,—какъ на опаснаго шпіона; за нимъ слѣдили такъ заботливо, съ нимъ обращались такъ презрительно, какъ будто это былъ посланникъ враждебной державы, съ которой собираются разорвать сношенія» [2]. Въ описываемое время, русскіе министры встрѣчались съ Гёрцомъ лишь по необходимости, и ихъ разговоры были вѣжливыми перебранками, потому что предметомъ ихъ былъ щекотливый голландскій вопросъ. Гёрцъ все приставалъ съ предстательствами за «совершенно правыхъ» гол-

---

1) *Долгорукій Остерману*, отъ 12/23 ноября, 3/14 декабря и 21 декабря (1 января) 1784 года. Въ послѣдней депешѣ Долгорукій, зорко слѣдившій за барономъ de-Reede, (голландскимъ министромъ въ Берлинѣ) и особенно за Сальмомъ (голландскимъ полковникомъ), присланнымъ въ Берлинъ съ военными цѣлями, говоритъ, что вербовки послѣдняго идутъ неудачно, ибо голландцы не присылаютъ ему денегъ для задатковъ, „надѣясь на отвращеніе войны". Онъ прибавляетъ: „Ce qui pourra engager les Hollandois à en venir à un accomodement, c'est que tout le secours qu'ils esperoient des Princes d'Allemagne leur manquent (sic)".

2) *Raumer*, Beiträge, V, 574.

ландцевъ и съ требованіемъ, чтобы «великая союзница» его государя высказалась и помогла Пруссіи предотвратить несправедливую войну. Екатерина, по обыкновенію, вовсе не желала поддерживать Іосифа во что бы то ни стало и вовлекаться въ европейское замѣшательство изъ-за чужихъ выгодъ; къ тому же, она въ сущности не считала Іосифа правымъ [1]). Но она рѣшилась помочь ему своимъ нравственнымъ вліяніемъ, и тѣмъ болѣе серьёзно, что въ ея глазахъ голландскій вопросъ былъ предлогомъ снова дать почувствовать свое значеніе Пруссіи и Франціи. Къ тому же, она была убѣждена, что, при твердомъ отпорѣ съ ея стороны, европейская война немыслима изъ-за столь мелкаго дѣла, которое легко уладить.

Главнымъ доводомъ Гёрца была святость договоровъ, въ особенности же такихъ, какъ вестфальскій, «составляющій благоденствіе и спокойствіе цѣлой Германіи». По мнѣнію Пруссіи, равнодушно смотрѣть на нарушеніе этого трактата значило участвовать въ «ниспроверженіи настоящаго политическаго положенія Германіи». Къ тому же, «если всякій государь будетъ судить по своему произволенію о правахъ и земляхъ, принадлежащихъ другой державѣ, то не останется ничего надежнаго на свѣтѣ». Остерманъ твердилъ, что во всемъ виновата сама Голландія, которая «совсѣмъ предалась французскому двору»: ей слѣдовало ограничиться переговорами, а не прибѣгать къ насилію, къ оскорбленію чести императора. Что же касается фюрстовъ и имперской конституціи, то голландское дѣло не имѣетъ ничего общаго съ ними. Гёрцъ спросилъ: «Ну, а если императоръ, на основаніи такихъ же принциповъ, какъ теперь, заблагоразсудитъ точно также поступить съ какимъ-нибудь фюрстомъ, существованіе котораго не имѣетъ особеннаго значенія, такъ что великія державы не сочтутъ нужнымъ начинать войну изъ-за него — позволю себѣ спросить, — что̀ станется тогда съ нѣмецкой конституціей?» — «Пока еще нѣтъ ничего подобнаго — отвѣчалъ Остерманъ — а если случится, то придетъ время, придетъ и рѣшеніе».

Такая уклончивость не избавляла русскаго министра отъ настойчивости прусскаго дипломата. Гёрцъ нѣсколько разъ на одной недѣлѣ требовалъ у Остермана категорическаго отвѣта. Остерманъ твердилъ одно и то же. Однажды Гёрцъ дерзко замѣтилъ, что «врядъ ли найдется держава, которая, въ силу своихъ свя-

[1]) *У Герца* (I, 337) сохранился любопытный, въ этомъ отношеніи, разговоръ съ Остерманомъ. Послѣ его долгихъ доказательствъ невинности голландцевъ, Остерманъ сказалъ: „да, но если сказали *А!*“—*Герцъ*: „Именно этого *А* и не слѣдовало говорить“.—„Да, вѣдь, оно ужъ сказано!“

зей съ Австріей, могла бы обязаться защищать столь несправедливое дѣло, осужденное всею Европой». Но на это Остерманъ только замѣтилъ: «Не думаю, чтобы его прусское величество состоялъ въ какой связи съ ихъ высокомочіями, генеральными штатами». А между тѣмъ, Екатерина послала въ Гагу курьера съ увѣщаніемъ, чтобы голландцы постарались полюбовно устранить недоразумѣнія съ «ея другомъ и союзникомъ». Гёрцъ окончательно встревожился, и уже потребовалъ отвѣта строго, во имя хорошихъ отношеній между его государемъ и императрицей. Тогда Екатерина объявила оффиціально, что надѣется на мирный исходъ дѣла, если голландцы, крайне поспѣшно прибѣгнувшіе къ дѣйствіямъ, оскорбившимъ императора, обратятъ вниманіе на ея «сильнѣйшія представленія» и «особенно если тутъ не вмѣшаются другія державы»: послѣднюю мысль Остерманъ не разъ выражалъ въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ. Вслѣдъ затѣмъ, Гёрцъ представилъ версальскую декларацію. Остерманъ пожалѣлъ, что Франція рѣшилась прибѣгнуть къ такимъ сильнымъ выраженіямъ, а Гёрцъ заявилъ, что его государь намѣренъ послать въ Вѣну подобное же, но, вѣроятно, не столь рѣзкое внушеніе [1]).

Такъ, сверхъ всякаго ожиданія, голландское дѣло принимало весьма серьёзный оборотъ, и Іосифъ долженъ былъ сознаться, что очутился «въ самомъ щекотливомъ и непріятномъ» положеніи. Онъ уже испугался войны съ Франціей и Пруссіей, въ которую Россія, очевидно, не намѣревалась вмѣшиваться, «проглотилъ капризъ (humeur) версальскаго двора» и сталъ изобрѣтать средства выпутаться съ честью изъ накликанной имъ самимъ бѣды. Поглощенный своей любимой идеей, онъ придумалъ вдругъ связать ее съ голландскимъ вопросомъ. Ему показалось, что нѣтъ ничего легче, какъ уступками республикѣ заставить Францію согласиться на обмѣнъ земель и даже содѣйствовать ему. Онъ вообразилъ даже, что въ Версалѣ не менѣе его обрадуются случаю развязаться съ замѣшательствомъ, въ которомъ слишкомъ далеко зашли, и даже сами предложатъ обмѣнъ земель, при первомъ намекѣ на него. Напрасно Кауницъ старался отвлечь его отъ этого непрактичнаго средства. Іосифъ уже увѣрялъ Екатерину, будто единственно въ видахъ своего «великаго предмета» поднялъ все дѣло о Шельдѣ, не замѣчая, что этимъ вымышленнымъ признаніемъ онъ изобличалъ свое неискреннее отношеніе

[1]) *Выписки изъ конференціальныхъ записокъ* 1784 года, подъ 6, 20, 27 ноября и 4-го декабря.—*Görtz* I, 334—344.

къ «великимъ принципамъ» свободной торговли [1]). Іосифъ тѣмъ болѣе увлекался придуманнымъ исходомъ голландскаго дѣла, что надѣялся пріобрѣсти еще матеріальныя выгоды изъ своихъ уступокъ. Отказываясь отъ занятыхъ фортовъ и довольствуясь только извиненіемъ голландцевъ за оскорбленіе его флага, онъ хотѣлъ потребовать за Мастрихтъ тѣ три милліона, которые предполагалось уплатить пфальцскому дому при обмѣнѣ земель. А чтобы еще болѣе облегчить исполненіе своего любимаго плана, онъ рѣшился покинуть мысль о пріобрѣтеніи Зальцбурга.

Изобрѣтенная Іосифомъ сдѣлка сначала имѣла успѣхъ. Людовикъ XVI не нашелъ въ обмѣнѣ земель ничего противнаго интересамъ Франціи, а Верженъ сталъ разговорчивѣе съ Маріей-Антуанеттой. Въ немедленно собранномъ государственномъ совѣтѣ въ Версалѣ рѣшили отвѣчать Іосифу согласіемъ, указавъ только на вѣроятное сопротивленіе со стороны Фридриха и фюрстовъ, которое императоръ уже потрудится самъ устранить [2]).

Голландскій вопросъ переходилъ въ баварскій. Успокоенный со стороны Франціи, Іосифъ снова двинулъ впередъ свой «великій предметъ».

---

[1]) *Joseph II und Kätharina*, 241.—Любопытно, что *Ранке* (Die deutschen Mächte, I, 203) повѣрилъ этому, внезапно родившемуся, признанію Іосифа.—*Joseph II und Leopold*, I, 239—243, 254.—*Beer*, Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 180—184, 190.

[2]) *Josehp II und Leopold*, I, 228.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II* 53—60.—*Dohm*, III, 34—36.

ГЛАВА IX.

Цвейбрюкенъ и «обмѣнъ земель».

Въ началѣ декабря 1784 года, Румянцовъ получилъ приказъ возобновить свои «старанія» въ Цвейбрюкенѣ. Его новая задача была труднѣе прежней, а время было гораздо менѣе благопріятно. Герцогъ Карлъ потерялъ довѣріе къ нему и почти не видѣлся съ нимъ; даже цвейбрюкенскіе министры лѣниво отвѣчали на частыя письма нашего посланника. Никогда еще вліяніе Франціи не было такъ сильно при карлсбергскомъ дворѣ. Ходилъ слухъ, что версальское министерство уже склонило Карла продать ему за 4 милліона Бергъ-Цабернъ и Анвейлеръ—мелкія земли между Эльзасомъ и Ландау. Крайне встревоженный, Румянцовъ добился, наконецъ, хотя и съ трудомъ, свиданія съ цвейбрюкенскими министрами въ глухой деревушкѣ. Онъ горячо доказывалъ, что «земли, о которыхъ шла молва, должны были открыть путь Франціи къ порабощенію всего Палатината». «Если,— воскликнулъ онъ въ запальчивости,—герцогъ поступилъ во французскую службу, какъ генералъ-лейтенантъ, то онъ долженъ былъ увѣдомить меня объ этомъ, чтобы я не былъ жертвой моего усердія къ нему» [1]). Министры оправдывались тѣмъ, что ихъ государь лишь «обмѣнялъ» выгодно одну землицу (sousbaillage Cléebourg), входившую клиномъ въ Эльзасъ. Не отрицая, что Карлъ долженъ получить нѣкоторую сумму изъ Версаля, они утверждали, что это не казенныя деньги, а просто частный заемъ. Но, вотъ, среди разговора, одинъ министръ выходитъ—и другой шепчетъ Румянцову многозначительно: «смотрите, не теряйте ни

---

[1]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 ноября (5 декабря) 1784 года: „Si le duc entra à son (Франціи) service, comme lieutenant Géneral, il étoit obligé de m'en avertir afin que je ne fusse pas la dupe ni la victime de mon zèle pour lui".

минуты!» Потомъ этотъ вышелъ, а его возвратившійся товарищъ, особенно упорно отвергавшій связи Карла съ Версалемъ, сказалъ: «правда, герцогъ добивается чина генералъ-лейтенанта во Франціи, да у него ужъ и есть тамъ полкъ». Вскорѣ самъ Карлъ увѣдомилъ Румянцова письменно, что «не желаетъ измѣнять своему слову и своимъ связямъ»; а министры упрекнули его въ утайкѣ плана обмѣна земель, о которомъ онъ еще ничего не зналъ. Послѣ этого ужъ ничего не дѣйствовало: не достигла своей цѣли даже угроза, что «Екатеринѣ, мудрость которой уважаетъ вся Европа, будетъ обидно видѣть, какъ герцогъ затрудняется слѣдовать ея совѣтамъ и не довѣряется ей слѣпо» [1]). Румянцовъ понялъ, что пришла пора пустить въ ходъ послѣднее средство, остававшееся у него въ запасѣ. На упрекъ въ неискренности онъ отвѣчалъ, что утаилъ только одно: «императрица готова, для скрѣпленія дружбы, прислать герцогинѣ орденъ святой Екатерины, на который у насъ очень скупы (dont on est chez nous si avare)». «Но,—прибавилъ онъ,—не скрою, что этотъ знакъ милости можно получить, только заявивъ свое уваженіе и привязанность» [2]).

И пора было Румянцову взяться за послѣднее средство; вслѣдъ затѣмъ на него было возложено самое трудное порученіе. Голицынъ прислалъ ему составленныя Кауницомъ депеши, вскрывавшія тайну «старой идеи» (ancienne idée).

Послѣ долгихъ переговоровъ между Карломъ-Теодоромъ и Лербахомъ, душой которыхъ были деньги—и именно опасеніе курфюрста, какъ бы его не обсчитали [3]), обмѣнъ земель былъ улаженъ въ Мюнхенѣ на слѣдующихъ основаніяхъ. Такъ какъ Нидерланды доставляютъ $7^1/_2$ милліоновъ гульденовъ дохода, а Баварія только 4, то Іосифъ оставляетъ за собой еще Нейбургъ и Зульцбахъ, Люксембургъ и Намюръ, а Виттельсбахи берутъ на себя какъ баварскіе, такъ и тѣ австрійскіе долги, «которые могутъ быть сдѣланы для уравненія доходовъ». Сверхъ того, такъ какъ у богатыхъ нидерландцевъ всегда есть свободныя деньги, то Іосифъ сохраняетъ право дѣлать займы у нихъ. На-

[1]) Тамъ же. Слова Румянцова министрамъ Карла: „Il me semble bien difficile, qu'une Princesse dont toute l'Europe respecte la sagesse, ne fut pas choquée de voir que le Duc sembloit hésiter à suivre ses conseils... et à se confier en aveugle".

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 7/18 декабря 1784 года. Онъ сказалъ министрамъ Карла: „Mais je ne vous cache pas non plus qu'il faut des preuves de respect et d'attachement pour obtenir cette preuve de bienveillance".

[3]) Эти любопытные переговоры описаны, по документамъ, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, I, 179—185.

конецъ, ему предоставляется «брать въ Нидерландахъ и переводить въ Баварію или другія части австрійской монархіи шесть полковъ валлоновъ съ артиллеріей». Выгоды Виттельсбаховъ состояли въ слѣдующемъ. Они получатъ больше, чѣмъ уступаютъ, такъ какъ въ Нидерландамъ присоединяются Рейнскій Пфальцъ, Цвейбрюкенъ, Юлихъ и Бергъ. Сплошность владѣній придастъ имъ силы и облегчитъ управленіе страной. Независимое положеніе, избавляющее ихъ отъ участія въ спорахъ Австріи съ Пруссіей, курфюршеское достоинство, которое остается за ними, и титулъ бургундскихъ королей поставятъ ихъ на ряду съ важнѣйшими государями Европы, тѣмъ болѣе, что у нихъ прибавится войска: военный бюджетъ въ Баваріи 1 милліонъ, а въ Нидерландахъ 3. Но всего соблазнительнѣе были денежныя выгоды. Въ концѣ-концовъ, ежегодные доходы Виттельсбаховъ увеличиваются на милліонъ, да они могутъ еще дѣлать сокращенія въ слишкомъ широкомъ военномъ бюджетѣ; а въ военное время богатые нидерландцы обыкновенно жертвуютъ, но крайней мѣрѣ, по два милліона въ годъ лишнихъ. Сверхъ того, тотчасъ же распредѣлялось между Виттельсбахами три милліона отступного, за согласіе на сдѣлку.

Карлу цвейбрюкенскому предлагались, сверхъ того, особые соблазны. Онъ могъ «надбавить еще нѣсколько сотъ гульденовъ, потребовавъ ихъ, какъ условіе своего согласія sine qua non». А въ будущемъ ему предоставлялось всегда разсчитывать на содѣйствіе императора въ займахъ,—только, конечно, «разумныхъ» (raisonnables). Не были даже забыты министры Карла: имъ обѣщали награды и деньги. Въ заключеніе, вѣнскій дворъ увѣрялъ Карла, что «обмѣнъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ системѣ германской имперіи», и увѣдомлялъ, что сдѣлка уже принята въ Мюнхенѣ и возвѣщена въ Версалѣ [1]).

Румянцовъ, жившій тогда уже не въ Карлсбергѣ, немедленно поскакалъ туда съ этими бумагами, но на дорогѣ получилъ письмо отъ герцога, который извѣщалъ его, что все знаетъ, наотрѣзъ отказывается и, желая сохранить свою старую пріязнь къ нему, проситъ, въ случаѣ пріѣзда въ Карлсбергъ, «не заводить рѣчи объ обмѣнахъ, раздѣлахъ и тому подобныхъ вещахъ». Румянцовъ продолжалъ путь, какъ будто не понялъ ничего. Навстрѣчу ему выѣхалъ цвейбрюкенскій министръ, который выра-

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ $^{16}/_{27}$ декабря 1784 года: при этой депешѣ приложенъ планъ обмѣна, посланный Румянцову, и депеша къ нему Голицына по этому поводу.—Cf. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 180—182.

зилъ надежду, что онъ перемѣнитъ дорогу; но Румянцовъ добрался-таки до Карлсберга, и герцогъ принужденъ былъ пригласить его къ обѣду. Крейцеръ совѣтовалъ нашему посланнику и не заикаться объ обмѣнѣ. «Слѣдовательно,—отвѣчалъ Румянцовъ,—это дѣло не вредно герцогу, если враги не желаютъ, чтобы я довелъ объ немъ до его свѣдѣнія». За обѣдомъ онъ, «по собственнымъ настояніямъ герцога», доложилъ о вѣнскомъ предложеніи. Здѣсь-то и произошелъ тотъ знаменитый разговоръ, который надѣлалъ столько шума въ Европѣ и напомнилъ ей Репнина на тешенскомъ конгрессѣ.

Зная характеръ Румянцова, его взглядъ на фюрстовъ и его прежнее обращеніе съ Карломъ, можно представить себѣ запальчивость, которая должна была овладѣть имъ теперь, при дѣлѣ дѣйствительно серьёзномъ. Онъ рѣшился не церемониться и покончить все сразу, чтобы не дать Карлу опомниться и посовѣтоваться съ врагами Австріи. Какъ ни просилъ его герцогъ, онъ не далъ ему въ руки проекта обмѣна земель, самъ читалъ роковую бумагу и тутъ же пояснялъ ее. Румянцовъ старался увлечь Карла блескомъ денегъ и королевской короны, а также успокоить относительно Франціи, которая не нашла въ обмѣнѣ «ничего противнаго ея интересамъ».

Герцогъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ мнѣ мѣняться? Я доволенъ своей судьбой. И неужели рисковать мнѣ тѣмъ, чтó имѣю, изъ-за выгоды, которой вовсе не ищу!»

Румянцовъ намекнулъ на помощь двухъ могущественныхъ имперій, въ случаѣ войны.

«Но я не желаю войны», возразилъ Карлъ, и затѣмъ слушалъ спокойно чтеніе бумаги Кауница. Но при имени Нейбурга и Зульцбаха онъ воскликнулъ съ увлеченіемъ: «никогда, никогда! Это—не баварское наслѣдство, а отчина моихъ предковъ. Здѣсь протекла моя юность, и вы (обратился онъ къ своимъ министрамъ) знаете, какъ я люблю эту страну».

Затѣмъ, отчасти самъ герцогъ, отчасти его министры представили много различныхъ возраженій. «Вся Европа знаетъ,—говорили они,—что Баварія можетъ давать гораздо больше, чѣмъ теперь, когда ея доходы плохи, вслѣдствіе самаго нерадиваго въ цѣлой Германіи управленія (l'administration la plus negligée). Нидерланды же были и будутъ театромъ всѣхъ войнъ. Сверхъ того, при обмѣнѣ, сосѣднія державы не преминутъ выставить свои притязанія: прусскій король тотчасъ же (incontinent) займетъ Юлихъ и Бергъ, а Франція просто не потерпитъ такой сдѣлки. Наконецъ, фламандцы—народъ мятежный (remuant); они не за-

хотятъ подчиниться новому владычеству. Къ тому же, у нихъ такія обширныя привилегіи, что монарху тутъ почти нечего сказать, и ему будутъ противодѣйствовать на каждомъ шагу».

Чѣмъ дальше читалъ Румянцовъ, тѣмъ молчаливѣе и задумчивѣе становился герцогъ. Наконецъ, онъ потребовалъ восьми дней сроку для рѣшительнаго отвѣта [1]). Какъ ни упирался Румянцовъ, онъ принужденъ былъ согласиться, но прибавилъ, что герцогъ долженъ воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, который не повторится болѣе, и что «въ случаѣ отказа обойдутся и безъ его содѣйствія» [2]).

Румянцовъ, а также и Іосифъ, справедливо предполагали, что отсрочка означала желаніе Карла посовѣтоваться съ Версалемъ. Въ это время французскій посланникъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ повсюду за герцогомъ, а господинъ д'Еэсбекъ находился въ Парижѣ; кромѣ того, тогда проѣзжалъ черезъ Цвейбрюкенъ въ Петербургъ новый французскій посланникъ графъ Сегюръ, который сильно ободрялъ Карла, осаждавшаго его вопросами насчетъ намѣреній версальскаго двора въ дѣлѣ обмѣна земель. Конечно, Гофенфельсъ основательно совѣтовался съ этими друзьями и работалъ изъ всѣхъ силъ. Онъ представилъ своему государю горячій докладъ о томъ, какъ Габсбурги съ самаго начала «подкрадывались» къ Баваріи, чтобы «провести линію отъ Эгера до Дуная, затѣмъ — между Франконіей и Верхнимъ Пфальцемъ и дальше, по Иллеру, до Боденскаго озера, и тѣмъ прекрасно округлить свои владѣнія, ибо Зальцбургъ, Пассау, Фрейзингенъ, Регенсбургъ, Эйхштедтъ и Аугсбургъ сами собой сольются съ этой огромной массой земель» [3]).

---

[1]) До сихъ поръ весь разговоръ Румянцова съ Карломъ разсказанъ нами по его собственнымъ депешамъ Голицыну, отъ 19/30 декабря 1784 года.

[2]) Послѣдней фразы, пріобрѣвшей европейскую извѣстность, конечно, мы не нашли въ депешѣ Румянцова Голицыну, и когда Остерманъ, по оффиціальной жалобѣ Гофенфельса, допрашивалъ Румянцова, тотъ отвѣчалъ: „Я никогда не говорилъ словъ, приписываемыхъ мнѣ Гофенфельсомъ, который ничего не знаетъ, что я дѣлалъ у него подъ носомъ" (*Projet d'une Lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann au Comte de Roumanzoff*, отъ 30-го января 1785 года, и *Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля того же года). Но мы должны принять эту фразу, потому что она находится въ оффиціальной жалобѣ Гофенфельса Остерману (въ сейчасъ упомянутомъ письмѣ Остермана Румянцову она выписана изъ этой жалобы такъ: En cas de refus on procéderoit néanmoins à cet arrangement sans son concours et sans sa participation) и единодушно признается всѣми современными свидѣтелями, не исключая нашего собственнаго посланника Штакельберга. См. *Dohm*. III. 40 sq.—*Schmidt*: Unionsbestrebungen, 1132.—*Ségur*, II, 103 sq. 172.

[3]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 19/30 декабря 1784 года.—*Joseph II und Leopold*, I 256.—*Dohm*, III, 44.—*Ségur*. II, 103 — 105. — Министерскій докладъ Гофенфельса своему герцогу у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 135 sq.

По истеченіи срока, 3-го января 1785 года, Карлъ прислалъ Румянцову любопытный отвѣтъ, который долго былъ предметомъ толковъ по всей Европѣ. Онъ объявилъ, что этотъ, уже не новый, планъ «совершенно противенъ интересамъ его дома, опасенъ по своимъ принципамъ и пагубенъ по своимъ послѣдствіямъ, ибо подрываетъ основы германской конституціи». Это не что иное, какъ «угнетеніе слабаго», или «выгоды и право сильнаго» (la convenance et la loi du plus fort). Герцогъ высказывалъ увѣренность, что «императоръ найдетъ болѣе справедливый и благородный способъ обезсмертить себя». Точно также думаетъ онъ и о русской императрицѣ. Хотя ея приказы Румянцову грозятъ ему живымъ участіемъ Россіи въ исполненіи плана, уничтоженнаго ею самой, въ 1779 году, въ союзѣ съ Франціей и Пруссіей, однако его страхъ подавляется «горячимъ и благороднымъ стремленіемъ русской монархини постоянно защищать общее дѣло (la cause commune) и въ особенности интересы Палатинскаго дома». Герцогъ увѣренъ, что «высокая мудрость императрицы постигнетъ неисчислимыя слѣдствія того безпорядка и той смуты, которые возникнутъ изъ этого дѣла въ цѣлой Европѣ. И конечно великій геній и высокая мудрость этой августѣйшей поруки доставятъ ей случай и средства согласовать законныя выгоды ея союзника съ торжественными обязательствами, принятыми ею передъ лицомъ Европы, вмѣстѣ съ гарантіей тешенскаго мира и фамильныхъ договоровъ Баваро-палатинскаго дома». На это-то Румянцовъ долженъ употребить всѣ свои усилія, а не на хлопоты объ обмѣнѣ, «на который пфальцскій домъ никогда не согласится». Это для него «единственное и вѣрное средство прославить свою миссію въ Германіи и пріобрѣсти довѣріе имперскихъ князей» [1]). Румянцовъ заявилъ цвейбрюкенскимъ министрамъ, что письмо ихъ государя проникнуто «тономъ тревоги, досады и колкости, не свойственнымъ дѣловымъ бумагамъ». Самому же Карлу онъ отвѣчалъ кратко и сдержанно: онъ замѣтилъ только, что «дѣло герцога—принимать свои мѣры, а его—сожалѣть, если мѣры окажутся худшими» [2]).

---

[1]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 26 декабря 1784 года (6 января 1785 года). — *У Шмидта* (Unionsbestrebungen, I, 182—184) то же самое съ небольшими стилистическими поправками.

[2]) Это письмо (отъ 5 января н. ст.) приложено къ вышеупомянутой депешѣ Румянцова Голицыну. (Оно напечатано у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 184 sq.). Здѣсь же встрѣчаемъ письмо Румянцова къ цвейбрюкенскому министру, въ которомъ сказано: „Je ne puis me dispenser de Vous observer, qu'il regne dans la lettre du Duc un ton d'alarme, d'aigreur et de picoterie, qui n'est pas celui des affaires“.

Итакъ, герцогъ цвейбрюкенскій заговорилъ съ двумя могущественными имперіями языкомъ великой державы. Онъ напоминалъ русской государынѣ о мудрости, благородствѣ и торжественныхъ обязательствахъ, и начертывалъ инструкцію ея посланнику. Онъ передъ лицомъ Европы наносилъ жестокую обиду [1]) той самой Екатеринѣ, къ «ногамъ» которой «повергался» два года, испрашивая орденъ своей покинутой женѣ. Мало того. Какъ-бы желая, чтобы обида не миновала своей цѣли, Карлъ заставилъ Гофенфельса отправить Остерману жалобу на Румянцова и дерзкій комментарій къ своему письму, который назвали въ Петербургѣ «исполненнымъ декламацій». Очевидно, Румянцовъ былъ правъ, замѣтивши, что ни слогъ, ни содержаніе письма герцога не принадлежать ему [2]). Поведеніе Версаля и Берлина не замедлило подтвердить это подозрѣніе.

Взглядъ версальскаго кабинета на обмѣнъ земель внезапно совсѣмъ измѣнился. Людовикъ XVI прислалъ Іосифу письмо, за которое даже хладнокровный Леопольдъ назвалъ его «человѣкомъ безъ характера и безъ головы». Совершенно оправдывая послѣдній поступокъ Карла «рѣзкостью» поведенія Румянцова, Людовикъ заявлялъ, что обмѣнъ земель «нарушаетъ систему равновѣсія — этотъ существенный пунктъ вестфальскихъ договоровъ, эту главную поддержку германской конституціи». Сверхъ того, французскій король, увѣренный, что подобная сдѣлка не можетъ состояться безъ участія Фридриха, спрашивалъ Іосифа, какъ желаетъ онъ извѣстить берлинскій дворъ — самъ, или же черезъ посредство Версаля? Голландское дѣло онъ отдѣлялъ отъ баварскаго, намекая, что здѣсь готовъ сдѣлать уступку императору. Іосифъ отвѣчалъ смѣло и не безъ горечи, доказывая, что обмѣнъ земель былъ бы лишь возстановленіемъ европейскаго равновѣсія, нарушеннаго возвышеніемъ бранденбургскаго дома насчетъ габсбургскаго. Онъ далъ замѣтить Людовику, что именно Франція виновата въ сопротивленіи Фридриха и особенно герцога цвейбрюкен-

---

[1]) Екатерина назвала письмо Карла „шалостями головы святѣйшаго герцога, которая, какъ видно, не создана для пониманія извѣстнаго рода вещей“. (*Joseph II und Katharina*, 247). Іосифъ приписывалъ его „помѣшанному и ослѣпленному“ человѣку и называетъ „наглымъ, смѣшнымъ и написаннымъ прусскими чернилами, ибо французскія были бы медоточивѣе“ (*ibid.*, 243; *Joseph II und Leopold*, I, 261). Леопольдъ называетъ его „наглымъ, глупымъ и неловкимъ“. *Joseph II und Leopold I*, 264); Кауницъ „наглымъ и обиднѣйшимъ (*Joseph II und Katarina*, 242 sq; то же самое сказалъ Кауницъ Голицыну, какъ видно изъ депеши послѣдняго Екатеринѣ отъ 31-го декабря 1784—11 января 1785 года).

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 26 декабря 1784 года (6 января 1785 года). — *Остерманъ Румянцову*, отъ 30-го января 1785 года.

скаго. На это послѣдовало суровое заявленіе: Франція должна сдержать свои обязательства по вестфальскому и тешенскому миру. Сверхъ того, Людовикъ уже заговорилъ другимъ тономъ и о Голландіи: онъ посовѣтовалъ Іосифу ограничиться однимъ «удовлетвореніемъ своего достоинства», то-есть извиненіями республики. А въ Гагѣ онъ не твердилъ объ умѣренности. Несмотря на то, что Іосифъ согласился на перемиріе до 1-го мая, въ ожиданіи извинительной депутаціи оттуда, послѣдняя не являлась, а тонъ голландскихъ газетъ становился все задорнѣе и оскорбительнѣе для австрійцевъ. Съ другой стороны, чѣмъ невозможнѣе становился обмѣнъ земель и чѣмъ энергичнѣе вступался Людовикъ за республику, тѣмъ упорнѣе настаивалъ Іосифъ на своемъ послѣднемъ требованіи—на уступкѣ Мастрихта. И даже уклончивый Леопольдъ сталъ называть эту крѣпость «положительно необходимымъ ключомъ къ Нидерландамъ и оплотомъ противъ Франціи». Наконецъ, Іосифъ уже оффиціально потребовалъ отъ Екатерины новаго, болѣе строгаго, внушенія въ Гагѣ, а въ дружескомъ письмѣ просилъ ее «дать почувствовать голландцамъ, что если его принудятъ къ войнѣ и кто-нибудь вздумаетъ защищать ихъ, то Россія непремѣнно поддержитъ Австрію» [1]).

Голландское дѣло, подогрѣтое баварскимъ, принимало зловѣщій характеръ, подготовляя разрывъ между Австріей и Франціей. Въ то же самое время затаенная вражда между Берлиномъ и Петербургомъ превращалась въ открытую. Когда Румянцовъ ждалъ послѣдняго отвѣта отъ Карла, въ Потсдамъ прискакалъ курьеръ изъ Карлсберга, который объявилъ, что герцогъ проситъ заступничества Пруссіи, рѣшившись «скорѣе погребсти себя подъ развалинами Баваріи», чѣмъ согласиться на обмѣнъ земель. Встревоженный Долгорукій тотчасъ же потребовалъ объясненій у Финкенштейна, который отвѣчалъ, что привезены депеши, вовсе не касающіяся обмѣна земель, но замѣтилъ при этомъ: «вообще любятъ преувеличивать и сочинять новости; можетъ ли быть рѣчь о такомъ дѣлѣ, которое столь противно трактатамъ, что подняло бы всю Европу (s'attireroit toute l'Europe à dos)?» А на другой день Долгорукій узналъ, что этотъ самый Финкенштейнъ отправилъ цвейбрюкенскаго курьера назадъ «съ внушеніемъ, чтобы герцогъ сохранялъ твердость и обратился къ Франціи, какъ къ

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, въ январѣ 1785 года.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II*, 65—76, 80 sq., 84.—*Joseph II und Leopold*, I, 262, 267, 276 sq. *Joseph II und Katharina*, 245.

порукѣ за тешенскій трактатъ» [1]). Въ то же самое время въ Потсдамъ пріѣхалъ самъ Гофенфельсъ, а Герцбергъ, опасаясь вялости и крайняго миролюбія Фридриха, отправилъ, безъ его вѣдома, на собственный счетъ, секретаря посольства въ Мюнхенъ, чтобы подкрѣпить вліяніе герцогини Климентъ, какъ передъ баварской войной. Этотъ безпокойный представитель партіи дѣйствія въ Потсдамѣ до того горячо схватился за дѣло, что его противники приписывали ему, вмѣстѣ съ Гофенфельсомъ, желаніе принудить стараго короля къ войнѣ съ Австріей. Фридрихъ старался сохранить умѣренность. Не подавая Карлу никакихъ надеждъ на прямую помощь, онъ, однако, тотчасъ же увѣрилъ его, что «сдѣлаетъ все, чтобы раскрыть глаза Франціи и Россіи».

Вслѣдъ затѣмъ, политика Пруссіи разоблачилась оффиціально. Гёрцъ передалъ Остерману дерзкую записку Гофенфельса и заявленіе Фридриха о вредѣ обмѣна не только для Германіи и Пруссіи, но даже и для Россіи. «Король—сказалъ онъ—надѣется, что императрица, хорошенько вникнувъ въ дѣло, не одобритъ его. Онъ всѣми силами будетъ сопротивляться обмѣну и, именемъ старой дружбы и союза, умоляетъ ее не допускать плана, который разрушитъ ея собственную славу — тешенскій миръ». Остерманъ принялъ Гёрца весьма холодно и все повторялъ: «не понимаю, почему герцогъ цвейбрюкенскій такъ встревожился изъ-за одного предложенія, которое онъ могъ принять или отвергнуть! Онъ слишкомъ серьёзно взглянулъ на дѣло и не кстати обезпокоился. Сказалъ бы: не хочу мѣняться!—и дѣло съ концомъ. Плохой совѣтъ дали герцогу поднимать столько шуму и тѣмъ причинять безпокойство и хлопоты себѣ и другимъ». Безбородко выразился еще откровеннѣе: «мы смотрѣли на планъ обмѣна просто какъ на дѣло, подходящее для всѣхъ соучастниковъ; иначе—совсѣмъ другой вопросъ». Онъ весьма удивился, что Румянцовъ позволилъ себѣ выраженія, въ которыхъ его обвиняютъ, и прибавилъ: «не одобрили плана,—такъ нужно считать его вовсе не предложеннымъ». Гёрца не удовлетворили эти простыя словесныя объясненія. Онъ все боялся, что союзники прибѣгнутъ къ насилію, такъ какъ Екатеринѣ выгодно было, чтобы Іосифъ, поссорившись съ Франціей, тѣмъ свободнѣе могъ содѣйствовать греческому проекту, противъ котораго неизбѣжно воз-

[1]) *Долгорукій Остерману*, отъ 7/18 и 11/22 января 1785 года.—*Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 211.

станетъ версальскій дворъ. Гёрцъ потребовалъ оффиціальнаго отвѣта; но его уже до того не терпѣли въ Петербургѣ, что, избѣгая разговоровъ съ нимъ, послали свое заявленіе прямо Фридриху черезъ Долгорукаго.

Отъ этого заявленія зависѣлъ миръ или война въ цѣлой Европѣ. Остановимся, чтобы уловить настроеніе умовъ въ ту минуту.

1785-й годъ начинался всеобщею тревогой. Конечно, больше всего суеты и шума было въ Цвейбрюкенѣ, который сталъ, выражаясь словами Румянцова, истиннымъ «очагомъ волненій». Здѣсь постоянно сталкивались агенты четырехъ великихъ державъ, между которыми дѣло доходило иногда до ссоръ, въ присутствіи всего двора. Рядомъ съ герцогомъ Карломъ, курфюрстъ Карлъ-Теодоръ сталъ героемъ начинавшейся европейской драмы. Въ Баваріи было даже безпокойнѣе, чѣмъ въ Цвейбрюкенѣ. Народъ, привыкшій къ провинціальной независимости и къ религіи предковъ, народъ, ненавидѣвшій Іосифа, какъ «еретика», а послѣ войны 1779 года и какъ деспота, не могъ освоиться съ мыслью, что его гордая воспоминаніями страна должна превратиться въ австрійскій округъ. Онъ волновался, подстрекаемый іезуитами, прусскими выходцами да кружкомъ герцогини Климентъ и вдовствующей курфюрстины, снова выступившихъ впередъ, какъ въ 1778 году. Посыпались «всеподданнѣйшіе» протесты и просьбы городскихъ и сельскихъ обществъ. Земскіе чины принуждены были сдѣлать формальный запросъ курфюрсту, заявляя, что не ручаются, можно ли удержать народъ отъ бунта. Карлъ-Теодоръ рѣшился скрыть истину: онъ отрицалъ самый планъ обмѣна и объяснялъ сношенія съ Вѣной переговорами объ исправленіи границъ по тешенскому миру. Но это лживое и холодно-оффиціальное заявленіе только оскорбляло преданность народа и укрѣпляло вѣру въ тревожные слухи. Кромѣ того, планъ обмѣна внесъ разстройство во всѣ жизненныя отношенія страны и въ ея управленіе [1]).

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 25-го марта (5-го апрѣля) 1785 года: „Чины баварскіе по нынѣ еще суть въ опасеніи промѣна; кредитъ ихъ отъ сего слуха пострадалъ и денегъ нигдѣ найти не могутъ; министерство курфюршества не въ лучшемъ состояніи, взаимно одинъ другаго остерегается и баварскіе подозрѣваютъ пфальцскихъ будто бы сіи послѣдніе не токмо извѣстны, но и согласны споспѣшествовать событію намѣреваемаго промѣна". Подозрѣніе это усиливалось отъ слуха о скоромъ путешествіи курфюрстовъ въ чужіе края.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, въ февралѣ 1785 года.—*Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 140—142.—*Dohm*, III, 33.

Конечно, шумъ въ Цвейбрюкенѣ и въ Баваріи не самъ по себѣ смущалъ Европу, а по связанному съ нимъ вмѣшательству великихъ державъ въ германскій вопросъ. Казалось, спорные пункты уже вполнѣ выяснились, враждебныя стороны опредѣлились и точили оружіе. Два могущественныхъ союза стояли другъ противъ друга—съ одной стороны Австрія и Россія, съ другой—Пруссія, Франція и даже Англія, дававшая понять тогда, что «не задумается пристать къ союзу съ Пруссіей, о которомъ Фридрихъ такъ часто писалъ» [1]). Настроеніе Австріи не требовало объясненій; Россія же именно тогда заявила свои враждебныя чувства къ Берлину и Версалю. Съ Гёрцомъ обращались въ Петербургѣ все хуже и хуже. Вотъ его собственныя слова: «Въ концѣ 1784 и началѣ 1785 года охлажденіе Екатерины къ прусскому королю весьма рѣзко выражалось при различныхъ случаяхъ. Русскіе министры обращались съ графомъ Гёрцомъ холодно, почти избѣгали разговоровъ съ нимъ и даже, можно сказать, не хотѣли приближаться къ нему. Съ нимъ обходились какъ съ посланникомъ державы, съ которой уже предвидѣли прекращеніе дружескихъ сношеній. Отказывали Пруссіи въ разрѣшеніи покупать ремонтныхъ лошадей въ русскихъ провинціяхъ, что̀ прежде всегда дозволялось... Друзья говорили Гёрцу, что они принуждены держаться въ сторонѣ отъ него, чтобы не повредить себѣ... Въ такихъ обстоятельствахъ Гёрцъ находилъ успокоеніе только въ томъ, что великій князь оставался вѣренъ своимъ принципамъ и своему взгляду на русско-прусскій союзъ. Но онъ долженъ былъ крайне осторожно поддерживать тайныя сношенія съ этимъ принцемъ, чтобы никто ничего не зналъ о нихъ. Великій князь находился также непосредственно въ дружеской перепискѣ съ королемъ, что̀ гораздо больше успокоивало Фридриха насчетъ его отношеній къ Россіи, въ особенности въ будущемъ, чѣмъ увѣренія императрицы и ея министровъ» [2]).

По мѣрѣ того, какъ возростала холодность между Екатериной и Фридрихомъ, отношенія Петербурга къ Версалю становились все болѣе и болѣе натянутыми. По обыкновенію, это обнаруживалось въ Портѣ, гдѣ происки Франціи были гораздо опаснѣе для насъ, чѣмъ интриги въ Цвейбрюкенѣ. Екатерина получала отсюда самыя непріятныя извѣстія, подкрѣпляемыя депешами

---

[1]) Депеша прусскаго посланника въ Лондонѣ, Люси, отъ 4-го февраля 1785 года. *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 140.

[2]) *Görtz*, I, 265—267.

Іосифа. Изъ нихъ оказывалось, что Франція посылаетъ султану своихъ офицеровъ и вообще старательно приготовляетъ турокъ къ близкой войнѣ съ русскими. Такимъ образомъ, разрывъ между Петербургомъ и Версалемъ былъ для всѣхъ еще очевиднѣе, чѣмъ вражда между Россіей и Пруссіей. Онъ подготовлялся двумя путями: Екатерину вызывали на борьбу не только интересы Іосифа—баварскій и голландскій вопросы, но также чисто русскія выгоды—восточный вопросъ. Оттого-то всѣ были убѣждены, что недобрыя порученія везетъ новый французскій посланникъ, графъ Сегюръ, ѣхавшій тогда въ Петербургъ. И сама Екатерина писала въ ту минуту Іосифу: «онъ, кажется, везетъ больше контрабанды въ политикѣ, чѣмъ въ товарахъ». Дѣйствительно, Сегюру приказано было «тайно выказывать *реальное* довѣріе Гёрцу».

Наконецъ, уже замѣчались тѣ проявленія національной вражды въ личностяхъ и мелкихъ фактахъ, которыя обыкновенно предшествуютъ войнѣ и, быстро разлетаясь въ формѣ анекдотовъ, сильнѣе всего дѣйствуютъ на общественное мнѣніе. Они были тѣмъ замѣтнѣе, что происходили въ средѣ дипломатовъ, привыкшихъ и обязанныхъ таить враждебныя чувства подъ личиной отмѣнной любезности. Въ теченіи всего 1784 года, и особенно къ концу его, русскіе и австрійскіе дипломаты повсюду ссорились и даже доходили до сценъ съ своими французскими и прусскими товарищами. Въ Портѣ именно въ это время прусскій агентъ, Гафронъ, до того назойливо перечилъ на каждомъ шагу Булгакову, что Остерманъ принужденъ былъ, наконецъ, пожаловаться Фридриху оффиціально. Въ Майнцѣ, какъ мы видѣли, Румянцовъ чуть не подрался съ Сегюромъ изъ-за стула за обѣдомъ у курфюрста. Намъ извѣстно также, каково было тогда Гёрцу въ Петербургѣ; а между тѣмъ русскіе министры жаловались, что имъ житья нѣтъ отъ его заносчивости и назойливости, съ которой онъ разглашалъ въ Европѣ то, «чего они и сами хорошенько не знали». Остерманъ называлъ его «неблагоразумнымъ», созданнымъ для того, чтобы «вѣчно мѣшать карты»,—человѣкомъ, у котораго «языкъ чешется для неумѣстныхъ откровенностей» [1]). Онъ до того возненавидѣлъ Гёрца, что, желая избѣгать свиданій съ нимъ, сталъ, наконецъ, сноситься съ Берлиномъ исключительно

[1]) *Остерманъ Долгорукому*, отъ 18 декабря 1784. „Görtz est loin des devoirs indispensables de prudence, dont il n'est pas permis à un ministre public de s'écarter". По мнѣнію Остермана, причина этого кроется „dans la vie privée de ce ministre, et dans son caractère toujours porté à brouiller les cartes, et se livrer à la demangeoison de faire des confidences deplacées".

черезъ Долгорукаго, и прусскій дипломатъ принужденъ былъ просить своего государя объ отозваніи его отъ двора, «который не имѣетъ къ нему довѣрія» [1]). Въ свою очередь, берлинскій дворъ старался сноситься съ нашимъ прямо черезъ Гёрца, избѣгая посредничества Долгорукаго.

Но любопытнѣе всего, что одновременно возникли даже оффиціальныя жалобы на двухъ нашихъ дипломатовъ. Одна, уже извѣстная намъ, касалась Румянцова, позволившаго себѣ такое важное увлеченіе, что оно, въ свою очередь, обрисовываетъ настроеніе умовъ того времени. Другая связана съ самой характеристической сценой, разыгравшейся въ лондонскомъ дворцѣ и надѣлавшей не меньше шума въ Европѣ, чѣмъ знаменитый разговоръ Румянцова съ герцогомъ цвейбрюкенскимъ. Дѣло происходило между нашимъ и прусскимъ посланниками въ Великобританіи—Симолинымъ и Люси. Завязался у нихъ разговоръ о голландскомъ вопросѣ. Люси замѣтилъ, что требованія Іосифа не согласны съ трактатами. Симолинъ возразилъ ему, разгорячившись: «да, вѣдь, нынѣ трактаты не имѣютъ силы! И мнѣ странно слышать, что прусскій министръ говоритъ о договорахъ и справедливости, когда его государь доказалъ свое неуваженіе къ нимъ войнами 1744, 1756 и 1778 годовъ, а въ послѣднее время препирательствомъ съ Данцигомъ». Люси сталъ доказывать несправедливость этого мнѣнія; но Симолинъ повторилъ свои слова. Тогда Люси замѣтилъ: «я никогда не позволялъ себѣ контролировать дѣйствія вашей императрицы и всегда отзывался о ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ и восторгомъ... Я убѣжденъ, что это ваше личное чувство. Я не разъ замѣчалъ въ васъ желаніе чернить дѣйствія его величества... Но меня утѣшаетъ то, что, между тѣмъ какъ всѣ отдаютъ справедливость королю, только презрѣннѣйшій изъ людей (le plus meprisable des hommes) осмѣливается осуждать его... Поэтому, вполнѣ уважая, по долгу, званіе министра императрицы, я презираю отъ всего моего сердца господина Симолина». Неизвѣстно, что́ послѣдовало бы за этой рѣчью, еслибы приходъ нѣсколькихъ посланниковъ не развелъ собесѣдниковъ.

Обѣ жалобы остались безъ послѣдствій. Касательно Румянцова Остерманъ отвѣчалъ, что не вѣритъ, наведетъ справки, и удовольствовался увѣреніемъ нашего посланника, что онъ никогда не говорилъ герцогу приписанной ему фразы. А отвѣтъ по дѣлу

---

[1]) *Görtz*, I, 276.

Симолина былъ новою обидой. «Симолинъ—сказалъ Остерманъ Гёрцу—извѣстный дипломатъ, и врядъ ли могъ онъ употребить приписываемыя ему выраженія. Скорѣе можно думать, что тутъ произошло какое-нибудь недоразумѣніе со стороны Люси, который, *бывъ прежде гусарскимъ офицеромъ*, можетъ быть, принялъ въ превратномъ смыслѣ отзывы нашего посланника, или же, сердясь на него за что-нибудь, хотѣлъ лично очернить его въ своемъ доносѣ» [1]).

---

[1]) *Остерманъ Румянцову*, отъ 30-го января 1785 года.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля 1785 года.—Въ московскомъ архивѣ находится представленный Гёрцомъ Остерману *Extrait d'un rapport du Comte de Lusi en date du 12 Novembre 1784*. Здѣсь же приложенъ отвѣтъ Остермана и его переговоры съ Гёрцомъ по этому дѣлу.

ГЛАВА X.

Развязка баварскаго и голландскаго дѣла.

Въ началѣ 1785 года въ воздухѣ до того пахло порохомъ, что люди, стоявшіе въ самомъ водоворотѣ политики, были убѣждены въ неизбѣжности взрыва. Голицынъ вѣрилъ, что уже назначенъ французскій генералъ для командованія голландскими войсками. Леопольдъ доказывалъ, что затягиваніе голландскаго дѣла явный признакъ снаряженія Франціи къ походу. Марія-Антуанетта извѣщала братьевъ, что въ Парижѣ уже составляютъ приказъ двинуть корпусъ къ бельгійской границѣ. Сегюра по всему пути до Петербурга сопровождали признаки тревожнаго настроенія умовъ Не говоря про Цвейбрюкенъ и Майнцъ, даже въ Лейпцигѣ только и было толковъ, что про честолюбіе двухъ имперій, которое должно быть раздавлено арміями Пруссіи, Франціи и Голландіи. Тамъ-и-сямъ въ Германіи вербовались войска — не то для Голландіи, не то для Фридриха. Въ Берлинѣ Сегюра засыпали вопросами о военныхъ приготовленіяхъ Версаля. Въ Петербургѣ прусскіе агенты встрѣтили его извѣстіемъ, что Потемкинъ собираетъ новую армію и уже приказалъ офицерамъ быть при своихъ полкахъ. И между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ стягивались войска къ границамъ Голландіи и зарево войны уже освѣщало берега Шельды, на другомъ концѣ Европы, въ Италіи, русскіе агенты разсѣявали вредные Версалю слухи между турками и островными греками и хвастались, что Екатерина «унизила Францію», приказала уступить устья Шельды Іосифу, собираетъ войска и вооружаетъ большой флотъ. Среди этого повсемѣстнаго шума, старый Фрицъ ворчалъ и негодовалъ на всю Европу. «Вообще — говорилъ онъ — политика европейскихъ государей — хаосъ, который еще

не думаетъ разсѣяваться, хотя голландское дѣло, кажется, и окончится тѣмъ, что республиканцы отдѣлаются, давши императору на водку: нужны *новыя основы* для упроченія политическаго равновѣсія и мира» [1]).

Нельзя отрицать, что въ описываемое время европейская война была возможна. Іосифъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ баварскомъ планѣ, и считалъ его задачей своей жизни, для которой можно было рисковать многимъ. Фридрихъ, при всей его старческой вялости, также продолжалъ считать своей задачей на закатѣ дней отстоять Баварію. Къ тому же, теперь его подвигалъ впередъ горячій союзникъ, котораго не было въ 1778 году—Версаль. А при такихъ условіяхъ, Россія и Англія неизбѣжно вовлекались въ войну.

Изъ всѣхъ великихъ державъ, незаинтересованная въ баварскомъ дѣлѣ непосредственно, Франція болѣе всѣхъ обнаруживала раздражительность и безпокойство. Она какъ будто искала войны, вопреки своему ослабленію послѣ борьбы съ Англіей, вопреки своему внутреннему разстройству, отсутствію военныхъ и государственныхъ талантовъ, волненію общественнаго мнѣнія. Неестественное настроеніе Франціи напоминаетъ намъ, что описываемое время всего на четыре года отстояло отъ великой революціи, зародыши которой мы уже должны брать въ разсчетъ. Европа находилась въ самомъ тяжеломъ положеніи. Повсюду чувствовалось желаніе и рѣшимость, будь что будетъ, покончить съ основными вопросами, которые давно уже созрѣвали и истомили общество. Въ умственной сферѣ борьба новыхъ началъ съ старыми еще не была окончена, да и кто же довольствовался бы побѣдой въ принципѣ, когда жизнь плелась еще по старой колеѣ? Въ политикѣ господствовало то же самое настроеніе. Тѣсно связанная съ общимъ направленіемъ умовъ, и она переживала борьбу новыхъ началъ съ старыми. Трехвѣковыя основы равновѣсія были разрушены, священные трактаты разорваны и «вѣчные» союзы замѣнены самыми неожиданными. Россія, Пруссія и Австрія выходили на новый путь и собирались рѣшать гамлетовскіе вопросы, кончающіеся переворотами въ исторіи. Тяжелая, неудачная война и утрата колоній измѣняли политику Англіи въ основахъ. А на Франціи, какъ всегда, больше всего отражалось общее настроеніе эпохи: въ ея болѣзненномъ

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, въ январѣ 1785 года.—*Joseph II und Leopold*, I 210, 267 sq., 270 sq., 277.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold*, 73.—*Ségur*, II, 114—140.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen I, 148.

безпокойствѣ сказывалось инстинктивное стремленіе избавиться отъ внутреннихъ страданій посредствомъ внѣшней дѣятельности. Война, ожидавшаяся въ 1785 году, была бы однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи, и, быть можетъ, не столько по своимъ ужасамъ, сколько по политическимъ и культурнымъ послѣдствіямъ.

Мы думаемъ, что она не только была возможна, но неизбѣжно разразилась бы, еслибы Россія не остановила ея, рѣшивъ участь Европы точно такъ же, какъ въ 1778 году. И въ этомъ случаѣ блистательно проявились какъ трезвость политическаго взгляда Екатерины, такъ и ея вѣрность національнымъ интересамъ. Екатерину упрекаютъ, по поводу греческаго проекта, въ фантастичности. Но значеніе фантастическихъ плановъ, которые встрѣчаются у всякаго выдающагося дѣятеля въ исторіи, не въ нихъ самихъ, а въ ихъ исполненіи.

Въ описываемую минуту Екатеринѣ предстоялъ большой соблазнъ *увлечься* своимъ фантастическимъ планомъ. Турція уже не была «страшилищемъ». У давно готоваго къ войнѣ Іосифа армія была свѣжая, тогда какъ французы были истомлены американскою войной. Грозный Фрицъ уже врядъ ли могъ командовать арміей или составлять блестящіе планы кампаній. Екатерина пользовалась значительнымъ вліяніемъ среди фюрстовъ. Наконецъ, Англія, возставшая сначала противъ баварскаго плана потому только, что считала Людовика XVI другомъ Іосифа, теперь, конечно, поспѣшила бы возстановить свое поколебленное значеніе борьбой съ Франціей при столь выгодныхъ условіяхъ. Но за то малѣйшая неудача подрывала всю будущность Россіи, да и достиженіе фантастическаго плана не представлялось особенно завиднымъ, потому что потребовало бы серьёзныхъ пожертвованій. Здѣсь сомнительный успѣхъ былъ связанъ съ неизбѣжными политическими невыгодами. Пріобрѣтая Константинополь въ то время, Россія создавала себѣ опаснаго врага въ будущемъ, потому что должна была подѣлиться добычей съ Австріей, то-есть усилить послѣднюю до того, что ей уже не было бы преградъ въ Германіи. Слѣдовательно, вести европейскую войну значило, при самомъ лучшемъ исходѣ, губить ту нѣмецкую политику, которою такъ гордилась Екатерина и которая доставляла ей такой вѣсъ въ Германіи.

Екатерина рѣшилась выдерживать свою нѣмецкую политику, по прежнему извлекая изъ нея что можно для замышляемой войны съ Турціей. При такомъ взглядѣ, задача Россіи въ описываемое время была ясна. Слѣдовало, для скрѣпленія союза 1781 года, искренно, горячо поддерживать Іосифа во всемъ —

но только нравственно, словами. Дипломатія Екатерины должна была всегда быть готовой къ услугамъ императора, но ея арміи и финансы должны были служить только ближайшимъ, чисто русскимъ интересамъ. Мы видѣли, какъ усердно и неизмѣнно русскіе агенты повсюду поддерживали австрійскихъ и были какъ бы подчиненными Кауница, который диктовалъ Голицыну его депеши Румянцову. Но, въ то же самое время, замѣчается другая струя въ дипломатіи Екатерины, которая охлаждала порывы Іосифа и вскорѣ воскресила старую ненависть Леопольда къ Россіи. Мы уже знаемъ, какъ Іосифъ былъ отстраненъ отъ устьевъ Вислы (гл. VI); немного больше содѣйствія оказала ему Екатерина и на устьяхъ Шельды. Въ началѣ 1785 года она уже совѣтовала ему «не заходить далеко» въ голландскомъ дѣлѣ и «быть готовымъ къ примиренію». Тогда же посланное ею въ Гаагу второе заявленіе показалось Іосифу «весьма слабымъ», а Леопольдъ уже снова впалъ въ свое обычное разочарованіе насчетъ Петербурга [1]).

Но всего яснѣе раскрылся смыслъ нѣмецкой политики Екатерины въ вопросѣ объ обмѣнѣ земель. Здѣсь были сильно замѣшаны интересы Россіи: вопросъ шелъ объ ея знаменитой «инфлюенціи» въ Германіи. Къ тому же, она вступила въ дѣло не косвенно, а прямо, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, а Румянцовъ своей запальчивостью, своимъ превышеніемъ инструкцій довелъ до того, что вопросъ уже касался чести императрицы. Изъ словъ Сегюра, бесѣдовавшаго, проѣздомъ, съ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ, видно, какъ всѣ были убѣждены, что Екатерина, славившаяся въ Европѣ своимъ «самолюбіемъ и тщеславіемъ», не можетъ перенести отъ одного изъ своихъ ничтожныхъ вассаловъ такой обиды, какъ отвѣтъ герцога цвейбрюкенскаго. Но Штакельбергъ увѣрилъ Сегюра, что Екатерина сама считаетъ обмѣнъ земель «химерой» и хотѣла оказать своему союзнику «болѣе кажущуюся, чѣмъ дѣйствительную услугу».

Штакельбергъ былъ правъ. Съ самаго начала, когда можно было только предполагать европейское значеніе обмѣна земель, Екатерина намекала Іосифу, что желала бы покончить этотъ вопросъ безъ войны (гл. VII). Теперь же, когда это предположеніе оправдалось, и даже слишкомъ, въ Петербургѣ образовался такой взглядъ: Іосифъ представилъ свой планъ какъ выгодную для Виттельсбаховъ сдѣлку, которая должна основываться на ихъ

[1]) Сакенъ отъ 28 декабря 1784 (7 января 1785). *Herrmann*, VI, 92. *Joseph II und Katharina*, 247.—*Joseph II und Leopold*, I, 258, 271, 275, 277.

добровольномъ согласіи. Россія «не имѣла ни нужды, ни обязанности, ни даже способовъ узнать прямо, какъ далеко простираются здѣсь выгоды Виттельсбаховъ». Такъ какъ герцогъ Карлъ заявляетъ, что «была бы безконечная трудность въ точномъ исчисленіи доходовъ и прочаго для обѣихъ сторонъ», а главное, такъ какъ онъ не идетъ на добровольное соглашеніе, то «дѣло должно почитать уничтоженнымъ, или, по крайней мѣрѣ, надолго отложеннымъ» [1]).

Этимъ взглядомъ руководились русскіе министры при словесныхъ отвѣтахъ на запросы Гёрца, который совершенно напрасно не вѣрилъ имъ (гл. IX). Онъ же легъ и въ основаніе оффиціальнаго заявленія Фридриху, посланнаго черезъ Долгорукова. Екатерина объясняла, что считала обмѣнъ выгоднымъ для всѣхъ, и потому стала за него «въ интересахъ самой же Германіи и герцога цвейбрюкенскаго». Она думала, что поступаетъ «точно такъ же, какъ во время тешенскаго мира, когда оказала дружественное содѣйствіе интересамъ Пруссіи въ дѣлѣ присоединенія двухъ маркграфствъ къ Бранденбургу. Но такъ какъ герцогъ иначе смотритъ на это дѣло, то само собою разумѣется, что объ немъ больше не можетъ быть и рѣчи, да и Австрія не будетъ болѣе настаивать». Фридрихъ отвѣчалъ на колкій намекъ объ Аншпахѣ и Байрётѣ, что «эти земли — старая отчина Бранденбургскаго дома, а Баварія не только не связана съ Габсбургами, но и не можетъ достаться имъ, въ силу павійскаго и тешенскаго договоровъ» [2]).

Конечно, и въ Цвейбрюкенѣ слѣдовало объясниться въ томъ же смыслѣ, какъ въ Берлинѣ; но здѣсь должно было употребить совсѣмъ другой языкъ, чтобы наказать герцога за его «непристойное» письмо, полное «невѣжливыхъ израженій насчетъ обоихъ императорскихъ дворовъ». Румянцову была послана депеша въ безпощадно-строгой формѣ, въ которой отказъ герцога приписывался его собственной «непослѣдовательности и дурному характеру» (inconsequence et mauvaise volonté), а также «лов-

---

[1]) Любопытная бумага въ московскомъ архивѣ, безъ заголовка и подписи, въ которой излагается мнѣніе о томъ, какъ поступить послѣ отказа Карла; это мнѣніе принадлежитъ Остерману (оно и писано, кажется, его рукой), потому что кончается проектомъ его письма къ Румянцову отъ 30-го января 1785 года, которое дѣйствительно было „апробовано“ Екатериной и послано 1-го февраля. *Ségur*, II, 172.

[2]) *Остерманъ Долгорукому*, отъ 30 января 1785 года.—*Долгорукій Остерману* отъ 15/26 февраля 1785 года.—*Görtz*, I, 271, 277 —*Dohm*, III, 43 sq. Подробныя возраженія противъ обмѣна земель, выработанныя, кажется, Герцбергомъ и Гофенфельсомъ, у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 137—140.

кимъ внушеніямъ тѣхъ, которые злоупотребляли его довѣріемъ». Сверхъ того, Румянцову предписывалось не самому поѣхать съ депешой въ Карлсбергъ, а вызвать, для передачи ея, министровъ герцога въ Франкфуртъ. Наконецъ, онъ долженъ былъ прочесть имъ (не оставляя копіи) письмо къ нему самой императрицы, о которомъ Остерманъ выразился такъ въ вышеупомянутой депешѣ: «нельзя не удивляться великодушію, съ которымъ наша государыня входитъ въ обсужденіе вины (torts) герцога, вмѣсто того, чтобы отвѣчать равнодушіемъ и презрѣніемъ (indifference et mépris) на его ложные доводы» (fausses assertions). Это письмо, по сознанію самой Екатерины, было «горячо и весьма патетично». На записку Гофенфельса Остерманъ даже не счелъ нужнымъ отвѣчать [1]). Передача приказаній Екатерины оказалась дѣломъ труднымъ. Румянцовъ требовалъ къ себѣ цвейбрюкенскихъ министровъ, герцогъ же требовалъ переслать бумаги съ курьеромъ, да еще чтобы императрица сама написала ему, причемъ онъ гордо прибавлялъ, что «не сдѣлаетъ больше ни шагу безъ совѣта и согласія своихъ союзниковъ — Франціи и Пруссіи». Прошло два мѣсяца. Румянцовъ горячился и все жаловался, что не присылаютъ къ нему министровъ. Остерманъ приказалъ ему успокоиться и оставить дѣло, «доложивъ только герцогу, что такъ какъ онъ все хорошо знаетъ черезъ дворы французскій и прусскій, то безполезно сообщать ему отвѣтъ ея величества» [2]).

Теперь Іосифу оставалось только признать, что «обмѣнъ сталъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время». Въ началѣ 1785 года, Кобенцль оффиціально засвидѣтельствовалъ признательность своего двора Екатеринѣ «за добрыя намѣренія, какъ за исполненіе» [3]).

Тогда же у Іосифа явился новый взглядъ на голландскій вопросъ. Онъ уже доказывалъ своему брату, что Мастрихтъ не такъ интересенъ, какъ казалось ему сначала: «обмѣнъ неудался, а въ немъ было все дѣло». Іосифомъ снова овладѣвалъ страхъ, и онъ думалъ только о томъ, «какъ бы выпутаться изъ этого

---

[1]) *Остерманъ Румянцову*, отъ 30 января 1785 года. Въ проектѣ этой депеши сказано, что „Ея императорское величество указала переписать письмо къ Румянцову съ Ея руки самой"; но этого письма мы не нашли. *Joseph II und Katharina* 247.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля 1785 года. Здѣсь приложено письмо герцога Карла къ Румянцову изъ Карлсберга, отъ 13-го марта.—*Остерманъ, Румянцову*, отъ 28 апрѣля 1785 года.

[3]) *Joseph und Katharina*, 244.—См. ту бумагу начала 1785 года, которую я считаю мнѣніемъ Остермана.

дѣла съ возможно меньшимъ ущербомъ для себя». Императоръ обрадовался, когда, лѣтомъ 1785 года, прибыли въ Вѣну, для извиненій, голландскіе депутаты, которыхъ на первыхъ порахъ поймали съ контрабандными дамскими матеріями. Іосифъ удовольствовался вознагражденіемъ за военныя издержки, да отмѣной барьеръ-трактата. Шельда осталась замкнутою золотыми ключами амстердамцевъ [1]).

Успокоились и въ Потсдамѣ. Въ началѣ 1785 года, Фридрихъ замѣтно старался угодить Екатеринѣ, пользуясь мелкими случаями. Онъ сдѣлалъ послѣднюю уступку Данцигу, которой до тѣхъ поръ никакъ не могли добиться отъ него: это—договоръ, обезпечивающій будущность города и гарантированный Россіей. Въ то же время неугомонный Гаффронъ былъ отозванъ изъ Константинополя и даже заточенъ въ крѣпость, хотя вся его вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ усердно исполнялъ враждебные намъ приказы своего государя и не могъ скрыть ихъ отъ прозорливости Булгакова [2]).

Но самое полное и не совсѣмъ ожиданное удовлетвореніе получилъ Фридрихъ и вся Германія въ маѣ 1785 года. То былъ важный циркуляръ Остермана къ русскимъ министрамъ при германскомъ сеймѣ и при дворахъ фюрстовъ, написанный чрезвычайно ясно, безъ обычныхъ изворотовъ дипломатической фразеологіи, и потому отзывавшійся чистосердечіемъ. Изъ него оказывалось, что Екатерину тревожатъ и изумляютъ слухи о поддержаніи Россіей какихъ-то коварныхъ замысловъ Австріи противъ Германіи. Ей прискорбно видѣть, что ея безпристрастный и искренній образъ дѣйствій не оцѣненъ князьями, довѣріемъ которыхъ она сильно дорожитъ. На ея взглядъ «нужно слишкомъ много зложелательства, чтобы найти въ баварскомъ дѣлѣ хоть тѣнь плана, направленнаго къ измѣненію нѣмецкой конституціи, не говоря уже о полномъ переворотѣ въ ней». Напротивъ. «Ея собственная слава требуетъ искоренять въ самомъ источникѣ всякое мнѣніе, способное нарушить вѣру въ ея непоколебимое желаніе исполнять свои обязательства по договорамъ. Императрица, не задумываясь, признается здѣсь формально, что считаетъ тешенскій трактатъ столь же священнымъ, какъ вестфальскій, и видитъ въ немъ одинъ изъ основныхъ законовъ германской имперіи. Она до того далека отъ мысли дѣйствовать противъ обя-

1) *Joseph II und Leopold*, I, 282, sq., 291.—*Joseph II und Katharina*, 254—257.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold*, 89—92.

2) *Рескриптъ Долгорукому* о Данцигѣ, отъ 30-го мая 1785 года.—*Долгорукій Остерману*, отъ 18/29 января 1785 года.

зательствъ по своей гарантіи, что даже не предвидитъ возможности столкновенія между этою гарантіей и ея союзомъ съ императоромъ». Еслибы этого общаго признанія (profession) оказалось недостаточно для успокоенія иныхъ царствъ, то русскіе министры должны были «еще болѣе подробно» бесѣдовать съ ними въ этомъ смыслѣ, чтобы убѣдить ихъ, что враги «злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ, усиливаясь раздражить ихъ противъ императорскихъ дворовъ» [1]).

Второй походъ противъ Баваріи, поднятый Іосифомъ черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, окончился новою неудачей и имѣлъ такія же вредныя послѣдствія для Габсбурговъ, какъ въ 1778 году. Іосифъ опять ронялъ ихъ нравственное вліяніе въ Германіи и возвышалъ національное значеніе Гогенцоллерновъ, то-есть достигалъ прямо противоположной цѣли. Теперь у нѣмцевъ окончательно укоренялось убѣжденіе, что Габсбурги, даже въ своихъ лучшихъ представителяхъ, созданы для измѣны «отечеству», для разрушенія германской конституціи, ибо цѣль ихъ жизни—политическое хищничество. Габсбурги стали, въ глазахъ большинства, тѣмъ непримиримымъ врагомъ націи, противъ котораго должно всегда стоять на стражѣ, не довѣряя его лицемѣрнымъ клятвамъ. Всѣ были убѣждены, что баварскій планъ не покинутъ, а лишь отложенъ, и вѣрили самымъ несбыточнымъ слухамъ, въ родѣ обмѣна Модены на Вюртембергъ, если только они касались жадности императора къ землямъ [2]). Напротивъ, для Пруссіи исходъ баварскаго дѣла былъ весьма удаченъ и даже болѣе благопріятенъ, чѣмъ въ первый разъ. Теперь Фридрихъ, безъ всякихъ пожертвованій, даже безъ передвиженія армій, пожалъ всѣ плоды побѣды, о которыхъ мечталъ его соперникъ. Онъ возвысилъ и утвердилъ національное значеніе Гогенцоллерновъ, основанное въ эпоху войны за баварское наслѣдство. Онъ окончательно былъ признанъ стражемъ германской конституціи, что̀ было важнѣе всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній для будущности Гогенцоллерновъ, какъ тотчасъ же и оказалось.

Для Россіи баварскій планъ имѣлъ въ 1785 году совсѣмъ другія послѣдствія, чѣмъ въ 1778. Онъ подорвалъ ея важное вліяніе въ Германіи, пріобрѣтенное по тешенскому миру. Всѣ успѣхи въ средѣ фюрстовъ, достигнутые въ пять лѣтъ умомъ и настойчивостью Екатерины, были погублены. До сихъ поръ ко-

---

1) Копія съ этого циркуляра отъ 23 мая (3 іюня) 1785 года находится въ московскомъ архивѣ. Она напечатана у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 240—242.

2) *Dohm*, III, 46.

варные слухи, распространяемые Фридрихомъ о Россіи, были лишь политической сплетней, опровергаемой каждымъ поступкомъ Екатерины: теперь они стали правдой въ глазахъ нѣмцевъ и послужили однимъ изъ основаній національной вражды между сосѣдственными народами. Мало того; Екатерина, раздѣляя участь Іосифа, много потеряла даже въ общественномъ мнѣніи Европы. Люди новаго направленія, и въ особенности молодое поколѣніе, были поражены противорѣчіемъ между словами и дѣломъ у этой представительницы «просвѣщенія» и преобразованій на полуазіатскомъ востокѣ Европы. Имъ невдомекъ было, что германская имперія—жалкій остатокъ средневѣковщины. Они видѣли только, что мудрая «сѣверная звѣзда» померкла, изливая свой свѣтъ на Австрію, этотъ признанный тормазъ всякаго прогресса въ Европѣ. Имъ казалось, что Россія, возставшая противъ «свободы республики» голландской и противъ «конституціи» Германіи, двинулась назадъ, къ мрачной предъ-екатерининской эпохѣ. Все, чтó сознательно готовилось къ близкому міровому перевороту или же предчувствовало его, должно было видѣть въ послѣднихъ событіяхъ многозначительный намекъ на будущее.

Проигравши, благодаря Іосифу, важную дипломатическую кампанію, настойчивая Екатерина спѣшила поправить ошибку. Но было слишкомъ трудно возстановить ту «инфлюенцію» въ Германіи, которая досталась ей съ большими усиліями при самыхъ лучшихъ условіяхъ: нѣмцы уже не вѣрили ни словамъ русскихъ министровъ, ни оффиціальнымъ заявленіямъ петербургскаго двора. Требовались значительныя жертвы, начиная съ личнаго самолюбія, и Екатерина принесла ихъ. Она вытерпѣла рядъ оскорбленій отъ ничтожнаго германскаго князька и не задумалась издать циркуляръ, который былъ признаніемъ, передъ лицомъ Европы, въ собственномъ пораженіи и какъ-бы извиненіемъ передъ фюрстами. Правда, это не спасло германской политики Россіи отъ новаго, и весьма серьёзнаго, удара, разразившагося въ томъ же году, но Екатерина сдѣлала все возможное, чтобы отклонить его. Она предвидѣла катастрофу, замѣчая, что волненіе въ средѣ фюрстовъ не прекращается, и отсюда-то вытекло ея майское «признаніе». Она не была виновата въ томъ, что союзникъ, вовлекшій ее въ неудачную дипломатическую кампанію, все еще не постигалъ значенія той минуты въ исторіи германскаго вопроса. Мысль Іосифа какъ-бы окаменѣла на пріобрѣтеніи земель, и онъ не видѣлъ другого исхода для Габсбурговъ въ этотъ критическій моментъ. Онъ, дѣйствительно, лишь отложилъ на время баварскій планъ, а между тѣмъ думалъ заняться разра-

боткой восточнаго вопроса, все въ тѣхъ же хищническихъ видахъ. Въ маѣ 1785 года, происки Фридриха въ Портѣ уже становились ему невыносимы, и онъ намекнулъ Екатеринѣ, что «готовъ ко всему» со стороны Дуная. Екатерина отвѣчала ему: «нужно отложить всякое окончательное рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не уладится голландское дѣло и *пока не уляжется, не задремлетъ волненіе умовъ въ Германіи»* [1]).

Насколько былъ вѣренъ взглядъ Екатерины—доказывается двумя любопытными фактами. Именно въ это время Фридрихъ говорилъ Финкенштейну о необходимости «новыхъ основъ» для политическаго равновѣсія и мира, а Герцбергъ писалъ одному фюрсту въ Парижъ, что хотя баварское и голландское дѣла окончены благополучно, за то «подготовляется другая великая буря, о которой еще не время говорить» [2]).

Эта буря—союзъ князей.

---

[1]) *Joseph und Katharina*, 251, 253.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 7/18 марта 1785 года. Здѣсь сказано, что Герцбергъ написалъ маркграфу анспахскому: „il se prepare un autre grand orage dont il n'est pas encore tems de parler“.

ГЛАВА XI.

Броженіе у фюрстовъ. Патріоты.

Теперь мы должны сойти съ обширной сцены міровыхъ интересовъ и погрузиться въ мелкую среду фюрстовъ, чтобы прослѣдить одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ въ развитіи германской національной идеи.

До нашихъ дней національное чувство проявлялось у нѣмцевъ слабѣе, чѣмъ у другихъ народовъ Европы, притомъ лишь въ идеальной сферѣ и въ отрицательной формѣ. Ихъ попытки провести его въ жизнь долго оставались безплодными или даже достигали противоположной цѣли. Такъ, ихъ пресловутая «имперская конституція», доставляя лишь внѣшнее единство, въ сущности закрѣпляла феодальную раздробленность: она создала уродливую федерацію фюрстовъ, основанную на равенствѣ и верховныхъ правахъ всѣхъ членовъ. Правда, противъ нея тотчасъ же поднялась оппозиція въ національномъ смыслѣ, но по преимуществу теоретическая, которая, притомъ, съ вестфальскаго мира окончательно перешла въ область литературы—этой новой силы, враждебной феодализму и возникшей вмѣстѣ съ общественной жизнью.

Конечно, «просвѣщеніе» должно было слиться съ оппозиціей, родственной ей по принципамъ. И такая умственная сила не могла пройти безслѣдно въ этомъ отношеніи: собственно съ той поры началось серьёзное развитіе національной идеи у нѣмцевъ. Тогда возникали злые памфлеты противъ имперскаго наряда; выработывались такіе публицисты, какъ Мозеры, посвятившіе себя обличенію государственнаго зла въ Германіи; появились поэты, дорогіе сердцу всякаго нѣмца, безъ различія племенъ и религій, и настроивавшіе свои лиры на патріотическій

ладъ. Правда, характеръ этой оппозиціи былъ прежній. Нѣмецкое «просвѣщеніе» было слабо въ политическомъ и общественномъ отношеніи и пріютилось въ области изящнаго. Оно не выработало государственнаго идеала и даже не смогло ясно поставить германскій вопросъ. Сами вожди общественнаго мнѣнія увлекались болѣе космополитизмомъ, чѣмъ національнымъ чувствомъ. Тѣмъ не менѣе, тогда начиналось возбужденіе общественной мысли—эта идеальная подготовка массъ, которая всегда предшествуетъ политическому перевороту. Къ тому же, «просвѣщеніе» поднимало, хотя ненамѣренно и косвенно, національное значеніе Пруссіи: оно разжигало ненависть къ Австріи, этому гнѣзду іезуитства и застоя въ Европѣ, и сглаживало впечатлѣніе потсдамской военщины благоговѣніемъ къ вѣнценосному «просвѣтителю», Фридриху II-му.

«Просвѣщеніе затронуло и заповѣдную среду фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связывался переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Австріи и Пруссіи, который потрясалъ ничтожные престолы имперіи». Выражаясь словами Гофенфельса, у имперскихъ чиновъ господствовало тогда *всеобщее броженіе* (une fermentation générale) [1]).

Здѣсь также появились свои преобразователи и просвѣтители на тронахъ. Въ Веймарѣ, Дессау, Готѣ и Баденѣ, въ Майнцѣ, Кёльнѣ и Вюрцбургѣ, въ Эрфуртѣ, Бамбергѣ и Мюнстерѣ, въ Гессенѣ и Брауншвейгѣ просыпалось очарованное царство, подмываемое струей модныхъ идей. Даже такіе мрачные типы, какъ Карлъ-Теодоръ пфальцскій или свирѣпый Карлъ-Евгеній вюртембергскій, могли сказать потомъ, что и они были въ Аркадіи. И не только зашевелились духовныя княжества, эти притоны тунеядства, лѣни и іезуитскаго деспотизма, но владыки оказались во главѣ движенія. Ихъ ханжествующіе, чопорные дворы превратились въ самые оживленные салоны, гдѣ господствовала веселость, общительность и самыя вольнодумныя рѣчи. У просвѣщенныхъ фюрстовъ водворялась широкая вѣротерпимость, изгонялись іезуиты, появлялись не только опасныя книжки, но даже ихъ авторы. Здѣсь укрывали вольнодумцевъ, гонимыхъ въ нетронутыхъ гнѣздахъ стараго мрака; давали имъ университетскія каѳедры и призывали ихъ въ воспитатели принцевъ. Здѣсь защищали Лессинговъ, Шубартовъ, иллюминатовъ и масоновъ; восторженно принимали Мирабо и переписывались съ Вольтеромъ; заводили

---

[1]) Докладъ Гофенфельса прусскому министерству, отъ 2-го мая 1784 года. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 89.

школы и факультеты, если не цѣлые университеты; учреждали академіи и литературныя общества, въ которыя привлекали звѣздъ нѣмецкаго «просвѣщенія». Тамъ-и-сямъ задавались широкими государственными задачами, и иногда страстно хватались за коренную перестройку ветхаго зданія внутренняго управленія, восклицая, вслѣдъ за Фридрихомъ II: «я первый слуга и первый гражданинъ моего государства!» Даже тамъ, гдѣ мудро покачивали головой при видѣ умственнаго волненія, усердно работали надъ развитіемъ матеріальной культуры—строили мосты и дороги, хлопотали о земледѣліи и фабрикахъ, и, покровительствуя труду, сокращали число праздниковъ [1]).

Конечно, и здѣсь политическіе результаты «просвѣщенія» были ничтожны. Вольнодумцы какъ-бы случайно промелькнули на тронахъ по нѣмецкимъ захолустьямъ. У нихъ не нашлось подражателей, да и сами они нерѣдко раскаявались послѣ перваго юношескаго порыва. Ихъ мимолетныя и часто необдуманныя преобразованія только потрясали гнилое зданіе, поднимали пыль и смрадъ. Къ тому же, эти миніатюрные просвѣтители руководились ребяческимъ подражаніемъ Фридриху II точно такъ же, какъ прежде Людовику XIV. Они увлекались новыми идеями лишь настолько, насколько онѣ льстили ихъ властолюбію. Но если въ Пруссіи вредныя стороны этихъ идей уравновѣшивались широкимъ просторомъ жизни въ сильной монархіи и величіемъ европейской роли, суливпшимъ счастье потомкамъ, то можно себѣ представить, что̀ выходило изъ новыхъ теорій у фюрстовъ! Степень политическаго развитія этой среды видна изъ ея отношеній къ «отечеству». У фюрстовъ-преобразователей сохранялся старый идеалъ имперскаго строя. Они стремились не уничтожить, а утвердить феодальный нарядъ: ихъ главною заботой было подновить основы вестфальскаго мира и пробудить жизнь въ дремлющемъ имперскомъ сеймѣ. Въ сущности, «броженіе» у фюрстовъ было лишь порывомъ къ абсолютизму, навѣяннымъ примѣромъ болѣе могущественныхъ просвѣтителей на тронѣ, да чувствомъ самосохраненія.

Но за то «просвѣщеніе» имѣло и здѣсь культурныя послѣдствія. Въ мелкихъ княжествахъ мерцалъ свѣтъ, озарившій глубокій мракъ, въ который была погружена Германія со времени Тридцатилѣтней войны: они были колыбелью умственнаго возрожденія націи. Здѣсь находили пріютъ и средоточіе раскинутыя свѣжія силы. Здѣсь встрѣчаемъ веймарскій союзъ литературныхъ

[1]) Примѣры см., между прочимъ, у *Шлоссера*: Geschichte des 18-ten Jahrhunderts, II, III и IV, pass.

корифеевъ того времени, а также такія крупныя личности, какъ Дальбергъ и Фюрстенбергъ. Здѣсь же зародилась политическая печать, руководимая такими журналистами, какъ Шлёцеръ и Мозеръ. Эта-то сторона вообще пагубнаго «мелкодержавія» (Kleinstaaterei) утѣшала всегда нѣмецкихъ историковъ. И Ранке справедливо замѣчаетъ, въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій: «Духовное развитіе Германіи въ XVIII вѣкѣ немыслимо безъ разнообразія, соперничества мелкихъ государствъ въ ихъ узкомъ кругу и безъ ихъ культурной способности» [1]).

Культурныя послѣдствія «просвѣщенія» въ средѣ фюрстовъ косвенно имѣли вліяніе на политику, а слѣдовательно и на развитіе національной идеи. Какой-нибудь Веймаръ, преобразившись въ нѣмецкія Аѳины, долженъ былъ почувствовать связь съ «отечествомъ» и гордиться своей видной культурной ролью. Тогда, точно такъ же какъ тотчасъ послѣ вестфальскаго мира, фюрстъ начиналъ много думать о себѣ, становился щекотливымъ, воображалъ, что можетъ самъ обезпечить свою независимость, а пожалуй, даже руководить «отечествомъ». «Всякій — говоритъ Ранке — хотѣлъ быть чѣмъ-нибудь. Самому ничтожному изъ фюрстовъ, какому-нибудь Липпе-Бюкебургу, приходила въ голову мысль пріобрѣсти значеніе, воздвигнувъ крѣпость у Штейнгудерскаго моря и устроивъ, въ связи съ нею, военно-учебныя заведенія. Въ большинствѣ свѣтскихъ княжествъ пытались подражать прусской военной системѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ фюрста. При всемъ ничтожествѣ средствъ каждаго въ отдѣльности, надѣялись, сплотившись вмѣстѣ, получить нѣкоторый вѣсъ въ системѣ европейскихъ государствъ и по крайней мѣрѣ собрать настолько силъ, чтобы выдержать первый напоръ: фюрсты именно думали собственнымъ могуществомъ противостать насиліямъ императора.... Участіе, черезъ своихъ пословъ, въ имперскомъ сеймѣ доставляло имъ чувство безопасности, и они даже гордились имъ. Въ бездѣйствіи, въ которое впалъ имперскій сеймъ, они видѣли позращеніе своего существованія, а въ необычайныхъ притязаніяхъ императорскаго авторитета, ничего не признававшаго, кромѣ принципа власти, чуяли бѣду для себя. Тамъ-и-самъ присоединялись еще особенныя побужденія: такъ, экономный императоръ отмѣнилъ пенсіи, которыя давала его мать княжескимъ министрамъ. Порвалась и эта нить зависимости [2])».

Уже это сознаніе собственнаго достоинства и силы, возмож-

---

[1]) *Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 100.

[2]) Тамъ же.

ной при единодушіи, заставляло фюрстовъ болѣе строго относиться къ превышеніямъ императорской власти, что было весьма важно для развитія національной идеи. Но «просвѣщеніе» приводило къ тому же политическому результату еще болѣе прямымъ и надежнымъ путемъ.

Одна изъ основъ «просвѣщенія» — духъ терпимости во имя реальныхъ интересовъ проникъ и въ эту заповѣдную область религіозной борьбы. Духовные фюрсты, какъ наиболѣе просвѣщенные, первые подчинились ему и протянули руку примиренія своимъ заклятымъ врагамъ, протестантскимъ князьямъ. Уже тотчасъ послѣ войны за австрійское наслѣдство, Кёльнъ, Баварія и Пфальцъ, притѣсняемые императоромъ, подумывали о союзѣ князей подъ покровительствомъ Пруссіи. То была идея мимолетная и непрактичная, ибо Англія, которой принадлежалъ Ганноверъ, находилась тогда въ дружбѣ съ Австріей; но она важна для исторіи нѣмецкаго единства. Подобные факты, немыслимые наканунѣ, расчищали Гогенцоллернамъ путь къ сердцу «отечества». Они могли послужить также основаніемъ новой Германіи, одинаково независимой какъ отъ Вѣны, такъ и отъ Берлина. Но какую бы форму ни приняло объединеніе нѣмцевъ, разсматриваемый фактъ намекалъ, что оно уже не будетъ дѣломъ рукъ Габсбурговъ: значеніе послѣднихъ въ имперіи основывалось на разъединеніи между фюрстами, на враждѣ между двумя Германіями — протестантскою и католическою. Только при принципѣ вѣротерпимости былъ возможенъ союзъ князей, во всякомъ случаѣ гибельный для Габсбурговъ. А между тѣмъ этимъ принципомъ жилъ Іосифъ, и во имя его онъ впервые разрушилъ связь алтаря съ трономъ, господствовавшую въ имперіи! Горячо дѣйствуя противъ папства и противъ католическаго духовенства въ Германіи, Іосифъ самъ подготовлялъ погибель Габсбурговъ и торжество Гогенцоллерновъ. «Совершенное отреченіе императора отъ принципа взаимодѣйствія духовной и свѣтской власти, лежавшаго въ основаніи всего— говоритъ Ранке—было, само по себѣ, великимъ событіемъ въ имперіи, отличавшейся іерархическимъ оттѣнкомъ и покоившейся, въ послѣдніе вѣка, на соединеніи императорской власти съ духовными князьями. Прямо обижая князей духовныхъ, онъ поселялъ тревожное волненіе и среди свѣтскихъ, которымъ грозила близкая опасность, если только династическій интересъ заберетъ силу черезъ пріобрѣтеніе высшихъ церковныхъ мѣстъ. Слѣдствіе отсюда было весьма неожиданное. Произошло сближеніе между духовными, католическими и свѣтскими, протестантскими, чинами. Для первыхъ уже ничего не значило ихъ старое правило — ис-

кать спасенія въ связи съ императорствомъ. Послѣдніе же увидѣли въ разъединеніи императора съ іерархіей начало освобожденія отъ могущества, удручавшаго ихъ вслѣдствіе союза этихъ двухъ силъ. Такимъ образомъ, тѣ и другіе отказались отъ своей противоположности въ принципахъ и вступили въ болѣе пріязненныя отношенія между собой» [1]).

Наглядно «броженіе» характеризуется новымъ типомъ фюрста-патріота. Тогда въ Потсдамѣ называли «патріотомъ» всякаго приверженца Пруссіи, и потому здѣсь одну изъ первыхъ ролей игралъ Карлъ цвейбрюкенскій! Но мы разумѣемъ не прусскій, а нѣмецкій патріотизмъ. Въ описываемое время среди князей появились серьёзныя и благородныя личности, которыя искренно скорбѣли душой, постигая вредъ имперскаго наряда: онѣ думали не о себѣ только, но и объ «отечествѣ». Онѣ не продавали себя иностранцамъ, и если нѣкоторыя изъ нихъ придерживались Пруссіи, то не изъ корыстныхъ видовъ, а довѣряя національному патріотизму Фридриха. Эти фюрсты мечтали освѣжить имперскій нарядъ и превратить Германію изъ всеобщаго посмѣшища въ великую, почтенную державу. И влеклись они, хотя полуинстинктивно, къ національному сознанію, прислушиваясь къ облагороженной литературной рѣчи нѣмцевъ: какой-нибудь Карлъ-Теодоръ пфальцскій пытался завести національную драму и даже оперу, подчиняясь вліянію Виланда. Конечно, эти люди, лишенные матеріальныхъ средствъ, не вполнѣ виноваты въ безуспѣшности своихъ усилій. Правда, и у нихъ не могло быть зрѣлыхъ политическихъ теорій; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, билось честное нѣмецкое сердце, готовое на большія жертвы для національной идеи. Стóитъ вчитаться въ интимную переписку фюрстовъ-патріотовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Особенно интересны письма пылкаго, задорнаго герцога Эрнста II саксенъ-готскаго, находившагося тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ [2]). Этотъ добрый отъ природы принцъ получилъ вкусъ къ высшимъ интересамъ, проведя свое дѣтство въ избранномъ кругу литераторовъ и остроумныхъ, образованныхъ дамъ, собранномъ герцогиней Луизой-Доротеей: тогда Гота играла ту просвѣтительную роль въ Германіи, которою прославился потомъ Веймаръ, и привлекала къ себѣ свѣжія силы. Луиза-Доротея дѣлала литературные заказы Вольтеру и призвала въ наставники къ своему сыну извѣстнаго нѣмецкаго юриста и историка, Пюттера. Эрнстъ II

---

[1]) Тамъ же, 98.

[2]) Онъ родился въ 1745 году, царствовалъ въ 1772—1804.

старался продолжать дѣло своей матери, уважалъ науку и славился какъ отецъ своихъ подданныхъ. Ради послѣднихъ онъ стѣснялъ свои княжескіе порывы, такъ что нигдѣ подати не были легче, чѣмъ въ Готѣ. Столь же серьёзно и горячо желалъ Эрнстъ возрожденія «отечества». Судя по его энтузіазму, онъ былъ бы душой патріотовъ, еслибы не ничтожность его матеріальныхъ средствъ. Вотъ характеристичное мѣсто изъ его письма къ своему пріятелю, Карлу-Августу веймарскому: «мы дошли до крайне непріятнаго положенія и должны, наконецъ, взяться за сильныя мѣры или же подставить шею угрожающему намъ игу. У кого есть хоть малѣйшее сознаніе чести и живой силы, тотъ, конечно, выберетъ первый путь, если только слабость и безсиліе не толкнутъ его на второй. Я избираю первый, если только меня хоть немного поддержатъ. Еще течетъ въ моихъ жилахъ нѣмецкая кровь, и охотно пролью я ее за отечество! И лучше я стану искать смерти и найду могилу подъ развалинами имперской конституціи, чѣмъ сложа руки и малодушно подчинюсь позорному игу! Но, дорогой мой, чтó сдѣлаю я одинъ? Чтó въ моемъ маломъ сознаніи мужества! Мнѣ такъ хотѣлось бы поддержки и совѣта отъ нашего милаго князя дессаускаго, такъ хотѣлось бы, чтобы и другіе имперскіе князья подумали объ этомъ, заодно съ нами, и дружно взялись за дѣло! Вѣдь есть еще люди, есть покоющіяся силы, которыя жадно стремятся къ развитію! И повѣрьте, я двинусь не изъ послѣднихъ, если только дадутъ мнѣ возможность дѣйствовать съ нѣкоторой надеждой.... Несомнѣнно, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, и мы должны подумать объ этомъ теперь или никогда.... Мы должны двинуться, пока еще не связаны у насъ руки, ибо уже усердно куются для насъ цѣпи.... Я не могу оставаться дома, сидѣть за печкой! Будь чтó будетъ, но лучше же быть скованнымъ послѣ пораженія, чѣмъ подчиниться съ позоромъ!... Я не думаю, чтобы уже погибла всякая надежда на сохраненіе нашей свободы и имперской конституціи. Право и справедливость на нашей сторонѣ, и, клянусь Богомъ, мудрый Промыслъ (какъ я Его понимаю) не допуститъ нарушенія всѣхъ гражданскихъ и государственныхъ правъ! Мнѣ кажется, Америка—лучшее доказательство этого принципа. Англія заслужила это—и ея гордость была сломлена: въ концѣ-концовъ, угнетенная невинность вышла побѣдительницей. Для человѣческихъ правъ нѣтъ давности» [1]).

---

[1]) Это письмо, отъ 24 февраля 1785 года, помѣщено у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 278—280.

«Нашъ милый князь дессаускій» — это столь же горячій патріотъ, владѣтель Ангальтъ-Дессау, Францъ. Ему суждено было около шестидесяти лѣтъ управлять страной, въ самыя тяжелыя времена [1]), на счастье своимъ подданнымъ, которые поправились подъ его патріархальною и экономною державой. Фюрстъ дессаускій имѣлъ большое вліяніе на патріотовъ. Насколько герцогъ готскій производилъ впечатлѣніе своей пылкостью и восторженностью, настолько же онъ — своимъ спокойствіемъ и основательностью: всѣ знали, что онъ не скажетъ слова на вѣтеръ и съумѣетъ сдержать обѣщаніе. Политическій врагъ Франца, Румянцовъ, всегда выражался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ писалъ въ Петербургъ: «къ какому бы классу общества ни принадлежалъ дессаускій, его вездѣ считали бы человѣкомъ достойнымъ, просвѣщеннымъ, мудрымъ и скромнымъ» [2]).

Но вождемъ патріотовъ должно считать Карла-Августа, герцога саксенъ-веймарскаго. Въ этой фамиліи также свирѣпствовалъ роковой законъ вырожденія. Отецъ Карла-Августа вступилъ на престолъ въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, что другіе должны были управлять за него. Онъ умеръ, не процарствовавъ и трехъ лѣтъ, оставивъ грудного ребенка. Его вдовѣ, герцогинѣ Амаліи (Аннѣ), самой недоставало года до совершеннолѣтія, и за нее управляли тогда ея отецъ, герцогъ Карлъ брауншвейгскій, и тайный совѣтъ. Ея ребенку пришлось вступить въ управленіе страной, едва только исполнилось ему 18 лѣтъ (въ 1775 году), и тогда же мать поспѣшила женить его, хотя юноша просилъ отсрочки. Впрочемъ, рано прерванное воспитаніе успѣло принести хорошіе плоды, благодаря матери. Герцогиня Амалія старалась доказать, что она дочь просвѣщеннаго герцога Карла и племянница, по матери, Фридриха II. Это одна изъ передовыхъ женщинъ своего времени: она-то превратила Веймаръ въ нѣмецкія Аѳины. Устроивши, съ помощью дѣльныхъ совѣтниковъ, простое и экономное управленіе и снискавши этимъ неизмѣнную преданность подданныхъ [3]), Амалія не щадила средствъ на учебныя заведенія и на развитіе просвѣтительной роли, начатой Готою. Это было ея призваніемъ: впослѣдствіи, когда она вела частную жизнь, ея дворецъ оставался приманкой для ученыхъ,

[1]) Онъ родился въ 1740 году, управлялъ въ 1758—1817.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ (8) 19 августа 1783 г. — *Онъ же Екатеринѣ*, отъ 23 января (3 февраля) 1786 г.

[3]) Эта преданность проявлялась въ любопытныхъ формахъ. Такъ, по окончаніи образованія Карла-Августа, земство подарило его воспитателю, Гёрцу, 20,000 талеровъ — сумма весьма почтенная для того времени.

литераторовъ и знаменитыхъ путешественниковъ. Разсчетливая и аккуратная нѣмка въ другихъ отношеніяхъ, Амалія давала хорошее жалованье, пенсіи и почетныя мѣста при дворѣ учителямъ своихъ дѣтей, тогда какъ обыкновенно въ придворномъ штатѣ фюрстовъ педагоги получали содержаніе меньше лакеевъ и стояли ниже парикмахеровъ. Воспитателемъ Карла-Августа былъ знакомый намъ Гёрцъ, прошедшій передъ тѣмъ школу просвѣщеннаго готскаго двора. Онъ призвалъ въ наставники принца поэта Виланда. Амалія лишь мимоходомъ видѣлась съ своимъ сыномъ; но Гёрцъ доставлялъ ей каждый день, иногда даже чуть не каждый часъ, журналы объ успѣхахъ и поведеніи воспитанника, и она письменно отвѣчала ему на всѣ мелочи; а его полугодовые отчеты разсматривались даже тайнымъ совѣтомъ. Къ счастью, мальчикъ былъ даровитъ, и на него дѣйствовалъ не столько этотъ педагогическій формализмъ, сколько оживленная атмосфера, образовавшаяся тогда при дворѣ. Фридрихъ II обратилъ на него вниманіе, увидавши его въ первый разъ шести-лѣтнимъ ребенкомъ, и полюбилъ его какъ сына. А когда Карлу-Августу минуло 14 лѣтъ, онъ сказалъ о немъ: «я еще не встрѣчалъ юноши этого возраста, который подавалъ бы столько надеждъ». По сознанію самого строгаго Фридриха, Карлъ-Августъ оправдалъ эти надежды. Онъ продолжалъ роль своей матери и сдѣлался представителемъ культурныхъ стремленій нѣмецкаго мелкодержавія, а также самымъ популярнымъ изъ фюрстовъ. Лучшею похвалой ему служатъ слѣдующія слова правдиваго Дальберга: «онъ разсудителенъ и искрененъ, обладаетъ хорошимъ и приличнымъ его возрасту чистосердечіемъ: это—царственная душа, какихъ я еще не видывалъ» [1]). Чистосердечіе проявлялось у него во всемъ. Трогательна его привязанность къ своему воспитателю, который сопровождалъ его вступленіе на престолъ такою строгою рѣчью: «государи, по бóльшей части, накликаютъ на себя несчастье, считая бременемъ высокій постъ, занимаемый ими; поэтому они стараются развлекаться безнравственными забавами и забываютъ свой долгъ на охотѣ или въ театрѣ... Пріучитесь, принцъ, смотрѣть на свое высокое призваніе съ другой точки зрѣнія». Карлъ-Августъ сдѣлалъ Гёрца оберъ-гофмейстеромъ, навѣщалъ его въ старости и задаривалъ его слугу, чтобы тотъ лучше ходилъ за своимъ бариномъ. Какъ искренни были государственныя стремленія герцога, видно изъ того, что даже ли-

[1]) *Дальбергъ Гёрцу*, отъ 18-го сентября 1775 года.—*Görtz:* Denkwürdigkeiten, I, 23.

beралъ Дальбергъ опасался слишкомъ радикальныхъ преобразованій въ Веймарѣ. И никто изъ фюрстовъ не былъ такъ твердъ въ своей привязанности къ «отечеству», какъ онъ. Румянцову онъ представлялся даже какимъ-то донъ-Кихотомъ, который «сожалѣетъ о временахъ рыцарства и желаетъ пойти по стопамъ своего великаго предка герцога Бернгарда», героя Тридцатилѣтней войны [1]). Видя единственное спасеніе Германіи въ ея коренномъ преобразованіи посредствомъ самостоятельнаго союза князей, Карлъ-Августъ сталъ душой партіи, которую называли въ Германіи одержимою «уніономаніей». Вообразивъ, что Фридрихъ преслѣдуетъ нѣмецкія, а не прусскія цѣли, онъ употреблялъ весь свой нравственный авторитетъ на распространеніе устроеннаго имъ союза князей. Онъ до того хлопоталъ, переписывался съ товарищами, разъѣзжалъ по ихъ дворамъ, что его прозвали «курьеромъ союза фюрстовъ». И горько было разочарованіе Карла-Августа, когда онъ понялъ, что Гогенцоллерны желаютъ не полнаго преобразованія, а сохраненія гнилого имперскаго наряда. «Теперь я посовѣтую каждому оставаться спокойнымъ—писалъ онъ Герцбергу и саксонскому министру въ 1788 году:—Германія не въ силахъ подняться изъ подчиненнаго положенія, въ которое повергла ее косность. Большинство ея чиновъ не имѣетъ достаточно нервовъ, чтобы взяться за великія дѣла, и вовсе не думаетъ воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы подняться, какъ нація, и употребить свое объединеніе на спасительныя мѣры. Нѣтъ, оно продолжаетъ убаюкивать себя и воображать, что это-то и есть высшій идеалъ хорошей конституціи, къ которой посему не должно и прикасаться... Система уніи—казалось мнѣ—станетъ прочной и незыблемой основой, соотвѣтствующей характеру нѣмецкой націи, которой она послужитъ достойнымъ памятникомъ. Всѣ планы имѣли одну цѣль—слить въ одно цѣлое различныя дѣйствующія силы. Такъ-то мы льстили себя надеждой, что можно пробудить въ нашемъ отечествѣ національный духъ, послѣдніе слѣды котораго ежедневно исчезаютъ! Мы думали, что лѣнивая дремота, овладѣвшая Германіей съ вестфальскаго мира, наконецъ разсѣется и нѣмецкая унія украсится-таки этимъ вѣнкомъ, какъ истинное, дѣятельное учрежденіе (Corps) для соблюденія нѣмецкихъ вольностей, нравовъ и

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 8/19 августа 1783 г.: „Le Prince de Weimar, au sortir de sa tutèle s'est adonné à des accès d'une folie nouvelle; il regrette les tems de troubles et de Chevaliers; il voudroit dit-il marcher sur les traces de son grand oncle (sic) le Duc Bernhard, si célèbre pendant la guerre de 30 ans par les maux qu'il a fait à la maison d'Autriche“.

законовъ» [1]). Понятно, что герцогъ Карлъ-Августъ, имѣвшій и матеріальное значеніе по своимъ родственнымъ связямъ, былъ главой патріотовъ, а Веймаръ ихъ пріютомъ и средоточіемъ. Архивъ этого городка доселѣ представляетъ неисчерпаемый запасъ бумагъ, рисующихъ княжеское «броженіе».

Карлъ-Августъ былъ тогда совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, а его друзья, Эрнстъ готскій и Францъ дессаускій, въ цвѣтущемъ зрѣломъ возрастѣ. Все это были люди свѣжіе, горячіе, энергическіе. Въ силу этихъ-то нравственныхъ качествъ, имъ приличествовала роль вождей патріотической партіи въ Германіи, вопреки ихъ матеріальному ничтожеству: по оцѣнкѣ Румянцова, они принадлежали къ III-ему, послѣднему разряду князей, или къ «толпѣ тѣхъ, которые пользуются почестями верховной власти, не имѣя и тѣни характеризующаго ее могущества». Къ этому патріотическому тріумвирату примыкалъ годившійся въ отцы герцогу веймарскому маркграфъ баденскій, Карлъ-Фридрихъ, которому было тогда за пятьдесятъ [2]). По своимъ преклоннымъ лѣтамъ, Карлъ-Фридрихъ не могъ соперничать съ тріумвирами въ нравственномъ вліяніи, но онъ былъ важнѣе ихъ по своему политическому значенію: онъ принадлежалъ къ фюрстамъ II-го разряда и, по словамъ Румянцова, сталъ «очень силенъ» съ 1771 года, когда въ его рукахъ соединились всѣ баденскія земли. Роковой физіологическій законъ дѣйствовалъ и здѣсь. Съ баденскимъ владѣтельнымъ домомъ произошло, въ прошломъ вѣкѣ, то же, что съ Виттельсбахами. Баденъ былъ раздѣленъ почти на равныя части между двумя его линіями—старшею, баденъ-баденскою, и младшею, баденъ-дурлахскою. Первая вымерла въ 1771 году, въ лицѣ католическаго маркграфа Августа-Георга. Но и Дурлахи казались ненадежными. Отецъ Карла-Фридриха умеръ юношей, такъ что послѣдній долженъ былъ наслѣдовать своему дѣду. Ему было тогда всего десять лѣтъ, такъ что страной долго управляло регентство. А когда самъ Карлъ-Фридрихъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, Румянцовъ такъ описывалъ безотрадное положеніе баденскаго дома: «здѣсь все заботятся о потомствѣ... Этотъ домъ состоитъ изъ стараго маркграфа, многихъ принцевъ еще болѣе старыхъ, и изъ трехъ его сыновей. Послѣд-

[1]) Этими письмами пользовался *Гейссеръ*: Deutsche Geschichte, I, 280 sq.

[2]) Карлъ-Фридрихъ родился въ 1728 году и вступилъ на престолъ въ 1746-мъ. Въ 1803 году онъ получилъ курфюршеское достоинство, а въ 1806-мъ титулъ великаго герцога. Послѣднимъ Карлъ-Фридрихъ былъ обязанъ Наполеону I, благодаря которому онъ пріобрѣлъ также абсолютную власть (земство было устранено) и около милліона подданныхъ, вмѣсто прежнихъ 200,000.

ніе молоды; но единственный женатый изъ нихъ не имѣетъ мальчиковъ. А когда вздумали, чтобы поправить эту бѣду (pour réparer ce defaut), женить его старшаго брата, оказалось, что этотъ принцъ былъ пораженъ апоплексіей въ Мастрихтѣ. Многіе говорятъ, что это не апоплексія, но всѣ согласны, что нечего разсчитывать на него. Тутъ же говорятъ, что третій сынъ маркграфа не въ силахъ успокоить тревожное настроеніе подданныхъ, опасающихся очутиться со временемъ подъ иностраннымъ господствомъ» [1]). Но за то судьба не лишила Карла-Фридриха побочныхъ дѣтей. «У него—говоритъ Румянцовъ—есть незаконный сынъ, носящій фамилію Freistätter, который служилъ въ нашей арміи. Онъ не любитъ насъ и пруссакъ душой (il est Prussien dans l'âme). Это человѣкъ пылкій, упрямый и сокрушающійся о томъ, что, будучи сыномъ маркграфа, онъ лишенъ однако верховныхъ почестей. Онъ хочетъ составить себѣ имя и жаждетъ войны, какъ единственнаго обстоятельства, которое можетъ быть благопріятно ему. Кредитъ этого молодого человѣка возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Министры поддерживаютъ его по необходимости, а маркграфъ съ трудомъ сопротивляется его требованію сдѣлать новый наборъ въ сію минуту» [2]).

Но, по словамъ Румянцова, это была единственная «слабость» Карла-Фридриха: во всемъ остальномъ маркграфъ не подходилъ къ обыкновенному типу фюрста XVIII-го столѣтія. Самъ Румянцовъ, заклятый его врагъ по политикѣ, не разъ просилъ свой дворъ не удивляться и вѣрить его похваламъ этому принцу, котораго онъ называетъ «достойнымъ, весьма разсудительнымъ, просвѣщеннымъ, свѣдущимъ». Онъ упрекалъ маркграфа только въ холодномъ характерѣ и «неловкомъ обращеніи» (contenance embarassée), чего однако не замѣчали враги Австріи. Современники въ одинъ голосъ называютъ Карла-Фридриха однимъ изъ лучшихъ государей своего времени. Подданные довѣрчиво относились къ нему, зная его спокойное, ровное и доброжелательное правленіе, направленное къ мирнымъ цѣлямъ. Они видѣли, что не забыты дворомъ ради его собственныхъ интересовъ: тогда говорили, что «баденскіе поставляютъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы не дѣлать долговъ, не давать пышныхъ баловъ, не содержать танцовщицъ». Баденъ былъ тогда однимъ изъ рѣдкихъ свѣт-

[1]) „Le troisième fils du Margrave n'est point propre à guerir les allarmes qu'ont ses sujets de se voir un jour sous une domination étrangère". *Румянцовъ Остерману*, въ іюнѣ 1785 года. Дурлахи уцѣлѣли уже благодаря второму, морганатическому браку Карла-Фридриха съ имперской графиней Гохбергъ.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года.

лихъ мѣстъ въ нѣмецкомъ мравѣ, гдѣ не увлекались преслѣдованіемъ печати и не внимали предательскому голосу политическихъ теорій «просвѣтителей». Склоняясь по политическимъ интересамъ къ Пруссіи, Карлъ-Фридрихъ не подражалъ ей ни въ военныхъ, ни въ абсолютистическихъ стремленіяхъ. Эта почтенная личность имѣла нравственное вліяніе на фюрстовъ, союзъ которыхъ былъ немыслимъ безъ нея. И есть доля правды въ риторическомъ сравненіи историка Іоганна Мюллера князей баденскаго и дессаускаго съ Аристидомъ и Катономъ, къ голосу которыхъ прислушивается республика. Понятно, что такой князь, какъ Карлъ-Фридрихъ, серьёзно задумывался о жалкомъ положеніи «отечества». Его побуждали къ этому также опасные сосѣди—съ одной стороны лакомая до нѣмецкихъ земель Франція, съ другой—преданный императору Вюртембергъ. Въ маркграфѣ рано созрѣла ненависть къ Габсбургамъ и ко всѣмъ ихъ друзьямъ, и онъ готовъ былъ, въ крайнемъ случаѣ, броситься, хоть и скрѣпя сердце, въ объятія Гогенцоллерновъ. Въ описываемое время, онъ, раздраженный слухами, будто Іосифъ хотѣлъ изгнать его въ Люксембургъ, не только становится курфюрстіанцемъ, но даже открыто потворствовалъ у себя вербовкѣ войскъ для Голландіи и поворачивался спиной къ Румянцову, даже отказывалъ ему въ пріемѣ. «Это, кажется, вѣчно одинъ изъ самыхъ твердыхъ столбовъ противной намъ партіи»,—говоритъ нашъ посланникъ [1]).

Министерство Карла-Фридриха соотвѣтствовало характеру и направленію своего государя. Во главѣ его стоялъ Эдельсгеймъ, котораго нельзя было не замѣтить въ дюжинной средѣ княжескихъ министровъ. Это—баденскій Гофенфельсъ, и онъ мало уступалъ послѣднему въ патріотической пылкости и энергіи: оттого эти двое княжескихъ политиковъ вѣчно были на ножахъ между собой. Сталкиваясь на одномъ полѣ, они старались перебить другъ у друга пальму первенства въ великомъ дѣлѣ преобразованія «отечества». Къ тому же, были разные оттѣнки въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ: Эдельсеймъ принадлежалъ къ партіи особняковъ, и если онъ считалъ Австрію Сциллой, то Пруссія ему представлялась Харибдой. Эдельсгеймъ уже во время войны за баварское наслѣдство носился съ планомъ осуществленія федеративной идеи и заговаривалъ на эту тэму отчасти съ Цвейбрюкеномъ и Брауншвейгомъ, отчасти съ гессенскими и тюрингенскими фюрстами.

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{10}$ іюня и $^{3}/_{14}$ октября 1785 г.

Политическія воззрѣнія Эдельсгейма были совершенно въ духѣ той эпохи. Въ «броженіи» фюрстовъ было правильное развитіе, соотвѣтствовавшее разъясненнымъ выше отношеніямъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ къ имперіи. Сначала неясное, такъ сказать, теоретическое, оно стало искать выхода на практическую почву съ воцаренія Фридриха II, когда возникла тревога и кровопролитіе въ Германіи, не прерывавшіяся почти цѣлое поколѣніе. И пока Гогенцоллернъ съ Габсбургомъ не помѣнялись ролями въ своей нѣмецкой политикѣ, княжеское «броженіе» было собственно движеніемъ особняковъ. По мѣрѣ распространенія насилій Іосифа въ «отечествѣ», оно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, примыкало къ воззрѣніямъ курфюрстіанцевъ или пруссофиловъ, которые вполнѣ подчинили его себѣ со времени вскрытія плана обмѣна земель.

Самый ранній положительный проектъ преобразованія имперіи, послужившій образцомъ для Эдельсгейма, носилъ вполнѣ характеръ воззрѣній особняковъ. И это тѣмъ болѣе характеристично, что онъ принадлежалъ пруссаку по рожденію и отчасти по службѣ, кассельскому министру Шлиффену. Эта любопытная личность вышла изъ рядовъ древней померанской знати и, по всей вѣроятности, изъ фамиліи славянской: Шлиффенъ иногда самъ себя называлъ Сливинымъ. Тотчасъ послѣ ахенскаго мира, когда Шлиффену было всего 17 лѣтъ, онъ поступилъ въ потсдамскую гвардію. Но онъ не понравился Фридриху и вскорѣ перешелъ на службу къ ландграфу Фридриху II кассельскому, которому посвятилъ лучшую пору своей жизни. Лишь подъ старость, не поладивъ съ преемникомъ своего патрона, онъ снова вступилъ въ прусскую службу, — но года черезъ два вышелъ въ отставку и предался литературнымъ занятіямъ. И Шлиффенъ былъ обвѣянъ свѣжимъ воздухомъ «просвѣщенія». Получивъ, какъ прусскій «юнкеръ», плохое воспитаніе, онъ самъ работалъ неутомимо надъ своимъ образованіемъ даже во время тяжелыхъ походовъ въ Семилѣтнюю войну: безъ учителей усвоилъ онъ латинскій и французскій языки, а также мудреное государственное право Германіи. Шлиффенъ съ жадностью читалъ произведенія возродившейся нѣмецкой литературы и самъ писалъ историческіе этюды въ новомъ, живомъ духѣ, которые высоко ставитъ Домъ, пользовавшійся ими. Заправляя всѣми дѣлами въ Касселѣ, Шлиффенъ силился доставить этому государству славу Готы и Веймара. Онъ покровительствовалъ какъ своимъ, такъ и заѣзжимъ литературнымъ знаменитостямъ, и въ одно время Кассель дѣйствительно былъ средоточіемъ такихъ людей, какъ Іоганнъ Мюллеръ, Георгъ Форстеръ, Штейнъ, Домъ: они сгруппировались вокругъ «кароли-

нума»—родъ академіи наукъ, устроенной министромъ-генераломъ. И это тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь послѣднему, что самъ ландграфъ, Фридрихъ II, былъ далекъ отъ всякаго просвѣщенія.

Самъ участникъ Семилѣтней войны, Шлиффенъ желалъ отвратить, въ будущемъ, подобные ужасы отъ своего «отечества». Съ этою цѣлью, онъ предложилъ въ 1763 году планъ независимаго союза фюрстовъ противъ всякихъ нарушеній мира и имперской конституціи — какъ австрійскихъ, такъ равно и прусскихъ. Союзники должны были всегда имѣть на-готовѣ войска и деньги. Но планъ Шлиффена разрушился на первыхъ же порахъ. Среди дружескихъ разговоровъ о немъ, ландграфъ Фридрихъ II, Карлъ-Теодоръ пфальцскій и Карлъ цвейбрюкенскій перессорились между собой изъ-за какихъ-то пустяковъ: тѣмъ дѣло и кончилось. «Эта неудача,—говоритъ Домъ,—отбила охоту къ новымъ попыткамъ. Да и фюрсты, по бóльшей части, погрузились въ безпечность среди воскресшаго послѣ Семилѣтней войны спокойствія, ибо почти никто изъ нихъ не видѣлъ дальше нынѣшняго дня. Мысль о совершенно свободномъ и независимомъ союзѣ фюрстовъ, по плану Шлиффена, рѣдко возникала и еще рѣже высказывалась. Никто никому не довѣрялъ, и всякій боялся, какъ бы не пронеслась опасная молва, будто онъ питаетъ подобные замыслы» [1]).

Но идея Шлиффена жила тайкомъ, какъ въ самомъ Касселѣ, такъ и еще кое-гдѣ. «Броженіе» у фюрстовъ поддерживалось развитіемъ «просвѣщенія». Нужно было только дать внѣшній толчокъ, чтобы оно обнаружилось. Объ этомъ позаботился Іосифъ. Мы уже знаемъ (см. главу VIII), какое волненіе закипѣло между фюрстами, въ 1783 году, подъ вліяніемъ насилій Іосифа въ имперіи и грозы русско-австрійскаго союза. Никогда еще, со времени вестфальскаго мира, не было такого оживленія въ этой средѣ. Вопросъ о «сохраненіи собственной безопасности», «свободы отечества», «германской конституціи» сталъ обычной тэмой разговоровъ при княжескихъ дворахъ: онъ проскользалъ даже въ бальныя залы и на охотничьи пирушки. Патріотическій тріумвиратъ суетился, какъ никогда, велъ оживленную переписку, разъѣзжалъ по княжескимъ дворамъ. Министры-патріоты сочиняли проекты «коалицій», «конкордатовъ», «уній», «лигъ», «конфедерацій», «ассоціацій». Порой они съѣзжались тайкомъ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Заперевъ на-крѣпко двери, эти «оракулы»,—какъ называли ихъ тогда,—«погружались въ бездну размышленій и изученій своихъ патріотическихъ мыслей», за

[1]) *Dohm*, III, 54—61.

кружкой пива и за трубкой табаку. Конечно, здѣсь на первомъ планѣ былъ Гофенфельсъ, за которымъ слѣдовали Эдельстейнъ и Шлиффенъ. Къ нимъ присоединялся еще Гарденбергъ, впослѣдствіи прусскій государственный канцлеръ и преемникъ извѣстнаго Штейна. Онъ былъ ганноверскій аристократъ: отсюда, съ одной стороны, его свѣтское воспитаніе, съ другой—знаніе имперской казуистики, особенно процвѣтавшей подъ «ганноверскими париками», какъ называлъ Фридрихъ II тамошнихъ законниковъ. Человѣкъ богатый, вкрадчивый, легкомысленный и съ большими родственными связями, Гарденбергъ игралъ видную роль на своей родинѣ; но ему хотѣлось не меньше Гофенфельса выдвинуться и въ «отечествѣ». Сначала онъ сильно увлекался идеей княжеской независимости, дѣлалъ всякія непріятности императору и не жалѣлъ чернилъ для разныхъ «дедукцій» и «комментаріевъ» въ пользу права фюрстовъ заключать союзы и вооружаться самостоятельно противъ кого угодно. Это дало ему имя не только въ Германіи, но даже въ Лондонѣ, и въ 1782 году, когда ему было всего 32 года, герцогъ брауншвейгскій привлекъ его къ себѣ на службу министерскимъ портфёлемъ. Гарденбергъ сталъ управлять Брауншвейгомъ, сохраняя свои связи и вліяніе въ Ганноверѣ. Впрочемъ, онъ былъ не практическій государственный мужъ, а только искусный и свѣдущій канцеляристъ. Къ тому же, перейдя въ приверженный къ Пруссіи Брауншвейгъ, онъ долженъ былъ измѣнить свои воззрѣнія на спасеніе «отечества».

Въ глубинѣ души всѣ эти министры, въ особенности же фюрсты-патріоты, были особняками. Если, въ силу обстоятельствъ, они болѣе всего страшились Габсбурга, то точно также никто изъ нихъ не чувствовалъ охоты быть поглощеннымъ Гогенцоллерномъ. Оттого переговоры между ними, главнымъ образомъ, вертѣлись на вопросѣ о мѣрахъ къ самосохраненію. Среди множества разныхъ плановъ, ясно обрисовывалось только стремленіе сдружиться между собой, посредствомъ полюбовнаго рѣшенія взаимныхъ споровъ, а главное—пустить въ ходъ остановившуюся машину имперскаго наряда, въ особенности же имперскій сеймъ [1]).

Лучшимъ подтвержденіемъ этого взгляда на задушевную идею фюрстовъ-патріотовъ, въ началѣ 1780-хъ годовъ, служитъ одинъ позднѣйшій фактъ. Тотчасъ по смерти Фридриха II, ихъ вождь, Карлъ-Августъ веймарскій, дѣйствовавшій въ избранную нами эпоху какъ курфюрстіанецъ, горячо хлопоталъ и въ Берлинѣ, и у фюрстовъ о проектѣ, подъ которымъ подписался бы всякій особ-

[1]) *Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 98—101, 289 sq.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 89 sq.

някъ. Вотъ основанія этого проекта: «Союзные фюрсты должны предложить имперскому сейму, чтобы вся имперія подготовила, посредствомъ депутацій, проектъ улучшенія правосудія и законовъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, и представила бы его на обсужденіе сейма. Для облегченія трудовъ депутацій, должно потребовать у опытныхъ правовѣдовъ въ Майнцѣ и въ другихъ мѣстахъ мнѣній и проектовъ, касательно уголовно-гражданскаго законодательства, визитацій имперскихъ судовъ и вообще улучшенія правосудія. Вопіющіе недостатки судоустройства должны быть уничтожены немедленно; также должна быть возстановлена визитація имперскихъ судовъ и улучшенъ процессъ рекурсовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фюрсты должны, по призыву курфюрста майнцскаго, собраться въ его резиденціи и договориться о предстоящихъ избирательныхъ условіяхъ». А курфюрстъ майнцскій такъ обозначалъ эти условія: «улучшеніе юстиціи, возстановленіе визитацій, изслѣдованіе такъ-называемаго австрійскаго привилегіума 1156 года и его произвольнаго толкованія, устраненіе всякой новой попытки провести обмѣнъ земель, законное устраненіе стремленій Австріи доставить важнѣйшія епископства принцамъ своего дома, расширеніе союза путемъ привлеченія къ нему духовныхъ князей и пересмотръ самого союзнаго акта». Извѣстный Дальбергъ вполнѣ принималъ планъ герцога веймарскаго и говорилъ: «Такъ прекрасный союзъ князей станетъ, мало-по-малу, союзомъ *всей* имперіи, *не исключая даже императора*, и будетъ онъ не одной тайной хартіей, а твердыней общаго блага въ отношеніи правосудія, торговли и окружного, и пошлиннаго устройства» [1]).

Но задушевная идея фюрстовъ требовала много времени для своего осуществленія и слишкомъ благопріятныхъ обстоятельствъ. А пора была горячая. Со стороны Іосифа можно было каждый день ожидать рѣшительнаго шага противъ свободы имперскихъ чиновъ. Нужно было спѣшить, и притомъ тотчасъ же имѣть готовую къ бою армію не на бумагѣ, а въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, всѣ враги Австріи, то-есть патріоты, разбились на двѣ обычныя партіи—на особняковъ и курфюрстіанцевъ. Новаго въ этой постановкѣ партій было только то любопытное явленіе, что обѣ онѣ старались сблизиться, слиться: курфюрстіанцы по большей части довѣряли нѣмецкимъ національнымъ стремленіямъ Фридриха II и старались убѣдить въ этомъ особняковъ.

---

[1]) Переписка Карла-Августа веймарскаго у *Гейссера*: Deutsche Geschichte, I, 277 sq.

ГЛАВА XII.

Духовная лига. Нѣмецкіе владыки.

Раньше всѣхъ поднялись особняки, и во главѣ ихъ духовные князья. Послѣдніе были развитѣе и энергичнѣе свѣтскихъ: ихъ болѣе коснулось «просвѣщеніе», какъ вслѣдствіе свойственной человѣку реакціи, такъ и отъ близкаго сосѣдства съ Франціей и Голландіей. Сверхъ того, тогда, до вскрытія плана обмѣна земель, владыки, казалось, находились въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ свѣтскіе фюрсты. Послѣ выбора эрцгерцога Максимиліана въ майнцскіе коадъюторы и послѣ Пассауской исторіи, всѣ думали, что Іосифъ рѣшился немедленно покончить съ церковной независимостью имперіи. И дѣйствительно, уже было замѣтно стремленіе императора пріобрѣсти епископскія коадъюторства для своего брата и для своихъ племянниковъ. Курфюрстъ баваро-пфальцскій, считавшійся его орудіемъ, старался подражать ему или, выражаясь словами Румянцова, «обкромсать (rogner) владѣнія духовныхъ князей, лежащія въ его государствѣ, и устроить новыя епископства, подчиненныя его верховной власти». Интриги Фридриха II, въ свою очередь, были направлены, главнымъ образомъ, сюда же. Онъ старался отстранить австрійскихъ кандидатовъ въ коадъюторы и провести своихъ собственныхъ: съ этою цѣлью прибылъ тогда въ Вюрцбургъ прусскій офицеръ, какъ только тамъ заболѣлъ епископъ [1]. Наконецъ, у владыкъ дѣло не обошлось безъ подстрекательствъ со стороны Версаля и отчасти даже Рима [2]: здѣсь они надѣялись найти ту иностранную

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 5/16 марта 1784 года.—Cf. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, 1, 64—66.

[2]) *Румянцовъ* доносилъ *Остерману* (5/16 сентября 1784 года), что когда онъ, выслѣдивши зарожденіе свѣтской лиги, сказалъ объ этомъ Меттерниху, тотъ, въ свою очередь, сообщилъ ему объ открытіи слѣдовъ духовной лиги. По словамъ Меттер-

поддержку, безъ которой были немыслимы никакія затѣи чиновъ нѣмецкой имперіи. Въ духовныхъ владѣніяхъ заговорили о *лигѣ* «на подобіе шмалькальденскаго союза»; и какъ ни таинственно велось дѣло, о немъ тотчасъ же развѣдали Румянцовъ съ австрійскимъ посланникомъ въ Германіи, Меттернихомъ, а также и Фридрихъ.

Для пониманія политики церковныхъ владѣній нѣмецкой имперіи, необходимо замѣтить, что здѣсь главную роль играли не сами фюрсты. Существеннымъ отличіемъ духовныхъ князей отъ свѣтскихъ была ограниченность ихъ власти. Между тѣмъ какъ послѣдніе рѣдко гдѣ были стѣсняемы земствомъ (Landstände), да и то весьма слабо, прелаты или владыки были какъ-бы конституціонными монархами: они зависѣли отъ *капитуловъ*. Капитулы примыкали къ низшему дворянству или рыцарству. Они состояли изъ «канониковъ» или «соборныхъ господъ» (Domherren), принадлежавшихъ къ привилегированнымъ рыцарскимъ семействамъ, которыя поэтому и назывались «соборными (stiftsfähige Familien). Владыки также зависѣли отъ своихъ канониковъ, какъ императоръ отъ фюрстовъ. Капитулы избирали ихъ, предписывая имъ стѣснительныя условія, и, собственно говоря, управляли за нихъ церковными владѣніями.

Во главѣ духовныхъ княжествъ стояло майнцское курфюршество.

Майнцъ безспорно занималъ первое мѣсто въ Германіи. Онъ былъ ея церковной столицей, озаренной лучами святости Бонифація, послѣ котораго смѣнилось уже 76 архіепископовъ, нерѣдко игравшихъ судьбой всѣхъ нѣмцевъ. Майнцскому владыкѣ принадлежало, кромѣ благословеннаго рейнскаго и майнцскаго края, много земель во Франконіи, Тюрингіи и Гессенѣ. Какъ архіепископъ, онъ былъ первымъ лицомъ въ Германіи и помазывалъ императора на царство. Какъ владѣтельная особа, онъ пользовался привилегіями курфюршескаго званія, руководилъ императорскими выборами и предсѣдательствовалъ въ коллегіи курфюрстовъ на имперскомъ сеймѣ. Какъ имперскій эрцканцлеръ, онъ замѣщалъ должности въ имперской канцеляріи, назначалъ имперскаго вице-канцлера въ имперскій надворный совѣтъ и за-

---

ниха, папа прислалъ курфюрсту майнцскому письмо, въ которомъ польстилъ ему и изъяснялъ: „Combien les vuës de reforme que l'Empereur exerce aujord'hui dans ses Etats Hereditaires peuvent être avec le tems d'une dangereuse conséquence pour les Dignités Princières Ecclesiastiques en Allemagne et qu'il seroit par consequent de la Sagesse de l'Electeur de faire dès àpresent une association entre ces Princes pour s'opposer conjointement à cet égard aux vuës du Chef de l'Empire"

правлялъ всѣмъ имперскимъ сеймомъ. Въ имперскомъ судѣ назначенные имъ засѣдатели пользовались преимуществами предъ своими товарищами, а канцелярія этого суда подчинялась одному ему. Сверхъ того, онъ же былъ епископомъ вормскимъ и директоромъ Верхнерейнскаго округа. Такое блестящее положеніе въ имперіи, оставлявшее въ тѣни самого императора, а также гордыя историческія воспоминанія побуждали майнцскихъ владыкъ вѣчно стремиться къ великой роли въ «отечествѣ» и даже въ цѣлой Европѣ. «Просвѣщеніе» развивало въ нихъ высокомѣрный тонъ, ибо они тотчасъ же примкнули къ нему, чтобы заимствовать новый блескъ изъ источника, отъ котораго отвернулся бы съ ужасомъ основатель святительскаго престола въ Майнцѣ. Уже въ эпоху войнъ Фридриха II съ Маріей-Терезіей здѣсь работалъ въ министерствѣ одинъ личный другъ и почитатель Вольтера, а съ конца Семилѣтней войны въ Майнцѣ управлялъ 11 лѣтъ почтенный курфюрстъ Эммерихъ-Іосифъ, человѣкъ скромный, серьёзный и нравственный. Не увлекаясь идеями «просвѣщенія», онъ однако заимствовалъ у него все практическое, по внушенію своего здраваго смысла и врожденной гуманности. Онъ облегчалъ успѣхи матеріальной культуры и постепенно ограничивалъ вліяніе защитниковъ старины—каноников и іезуитовъ, такъ что ходилъ слухъ, будто послѣдніе отравили его. Главу старой партіи, каноника барона фонъ-Эрталя, занимавшаго разные административные посты въ Майнцѣ, Эммерихъ-Іосифъ выпроводилъ въ Вѣну, возложивъ на него обязанности майнцскаго посланника. Этотъ-то баронъ и былъ избранъ преемникомъ ему, при радостныхъ кликахъ враговъ просвѣщенія [1]).

Послѣдній майнцскій курфюрстъ, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ-Эрталь (1774—1802), началъ съ реакціонныхъ мѣръ. То-и-дѣло служилъ онъ обѣдни, совершалъ церковные ходы, присутствовалъ на богословскихъ преніяхъ. Лучшіе люди предшествовавшаго правленія были удалены; вѣнскій графъ былъ поставленъ во главѣ министерства, и курфюрстъ не дѣлалъ шагу, не посовѣтовавшись съ австрійскимъ посланникомъ, Меттернихомъ. Но все это было не что иное, какъ политическая маска. Баронъ фонъ-Эрталь не даромъ пожилъ въ Вѣнѣ, которая, и безъ «просвѣщенія», давно освободилась отъ предписаній не только религіи, но и нравственности. Въ этой веселой столицѣ было замѣчено его пріятное лицо, его придворный лоскъ и внѣшній блескъ

---

[1]) *Perthes:* Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft. 2 Aufl. Gotha, 1862, I, 16 sqq.

поверхностнаго образованія, а также его умѣнье говорить и жить въ свое удовольствіе. Послѣднее баронъ принесъ съ собой на святительскій престолъ, хотя ему было тогда уже 56 лѣтъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ поста, молитвы и поклоненія старинѣ, дворецъ новаго владыки превратился въ Ватиканъ временъ Возрожденія. Вступая въ него, посѣтитель чувствовалъ себя охваченнымъ атмосферой самодовольнаго сибарита. «Курфюрстъ принялъ меня—разсказываетъ герцогъ веймарскій—весьма вѣжливо, пустился показывать мнѣ новую мебель своихъ покоевъ, дѣйствительно великолѣпнѣйшую и размѣщенную со вкусомъ; затѣмъ обратилъ мое вниманіе на прелестный видъ изъ окна на Рейнъ, воды котораго омываютъ стѣны зâмка. Онъ съ удовольствіемъ останавливалъ меня передъ большими зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ между окнами, въ которыхъ отражалось прекрасное зрѣлище восхитительной страны. Словомъ, онъ только и дѣлалъ, что занималъ меня хорошими видами» [1]). Вся эта роскошь была заграничная—парижская да лондонская, и иностранныя знаменитости расписывали потолки и стѣны чудныхъ залъ. Повсюду виднѣлись большіе парки и фантастическіе сады съ фонтанами и прудами; великолѣпные экипажи съ отборными конями и кучей гайдуковъ въ дорогихъ ливреяхъ. Не проходило дня, чтобы дворъ не представлялъ видъ шумной ярмарки или карнавала. Высшее общество и придворные съѣзжались сюда изъ отдаленныхъ нѣмецкихъ городовъ, чтобы принять участіе въ изысканныхъ балахъ, концертахъ и маскарадахъ, въ охотѣ и катаньѣ на саняхъ. Нигдѣ въ Германіи не собиралось такого веселаго, непринужденно-болтливаго и разнообразнаго общества, какъ въ сказанномъ зâмкѣ пышнаго владыки. Нигдѣ нельзя было такъ вкусно поѣсть и попить до отвалу, какъ на ежедневныхъ вечерахъ у майнцскаго владыки, гдѣ фавориты и фаворитки, художники, поэты и бонмотисты, замѣнившіе прежнихъ шутовъ, развлекали общество, кто чѣмъ могъ. Хозяинъ подавалъ примѣръ. По свидѣтельству Румянцова, послѣ стола съ нимъ приключалось нездоровье (eblouissement et vomissement). А на княжескихъ съѣздахъ, вслѣдъ за владыкой, являлась роскошная дама, которую фюрсты «отмѣнно отличали», какъ владѣтельную особу: это фрау фонъ-Куденгофенъ, урожденная графиня Гацфельдъ, «которая, какъ извѣстно, управляетъ майнцскимъ курфюрстомъ» [2]), хотя она была его племянница. Но майнцскій владыка не однимъ античнымъ

---

[1]) *Мемуаръ Карла-Августа. Ranke:* Die deutshen Mächte, II, 272 sq.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 14/25 ноября 1785 года.

реализмомъ напоминалъ папъ эпохи Возрожденія, клявшихся Венерой и Юпитеромъ. Онъ старался съ такимъ блескомъ разыгрывать роль вольтерьянца, чтобы всѣмъ было замѣтно. Подобно застольнымъ пирушкамъ Фридриха II, его вечера славились не только разстройствомъ желудковъ, но также самою свободой и пикантной болтовней. Здѣсь, подъ руководствомъ умной и характерной племянницы владыки, велись такіе разговоры, напримѣръ, по поводу религіи отаитянъ, отъ которыхъ у іезуитовъ стали бы волосы дыбомъ. Умственная зараза проникла и въ высшій слой общества. Каноники, профессоры, духовные и свѣтскіе совѣтники принадлежали, по бо́льшей части, къ ордену иллюминатовъ. На домахъ у многихъ каноникoвъ, вмѣсто Дѣвы Маріи, красовались эмблемы философіи и искусствъ; въ комнатахъ же Распятіе и апостолы Петръ и Павелъ были замѣнены бюстами Вольтера, а на столахъ лежали статьи иллюминатовъ и сочиненія Гельвеція. У дворянъ за обѣдомъ обыкновенно сыпались насмѣшки надъ всѣмъ завѣщаннымъ стариной, какъ надъ варварствомъ и предразсудкомъ [1]). Майнцъ обратился въ притонъ людей, гонимыхъ стариной философовъ, республиканцевъ и иллюминатовъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и чужеземныхъ. Между тѣмъ какъ іезуиты изгонялись, извѣстный ревнитель «просвѣщенія» и иллюминатъ Дальбергъ былъ выбранъ въ коадъюторы архіепископа; знаменитый впослѣдствіи поклонникъ французской революціи, Георгъ Форстеръ, былъ сдѣланъ университетскимъ библіотекаремъ, а восхвалитель Теллей и Винкельридовъ, Іоганнъ Мюллеръ, сталъ секретаремъ и другомъ курфюрста. Университетъ принялъ новый видъ. Онъ опирался на только-что учрежденную нормальную школу. Каѳедры были замѣщены протестантскими профессорами и иллюминатами. На доходы съ трехъ богатѣйшихъ монастырей, упраздненныхъ съ этою цѣлью, были устроены роскошные кабинеты—естественный, механическій и нумизматическій. Зданіе монастыря при старомъ соборѣ обращено въ лабораторію.

Умственная закваска была положена въ общество, и немудрено, что въ разгаръ французской революціи въ Майнцѣ образовалось гнѣздо нѣмецкихъ «клубистовъ», друзей «равенства и свободы», съ Форстеромъ во главѣ, которые сначала задумали было основать Рейнскую республику, а потомъ присоединились къ Франціи. Но Фридриху-Карлу-Іосифу не было дѣла до этого. Человѣкъ легкомысленный, суетный, во всѣхъ отношеніяхъ поверхностный и безхарактерный, онъ поблажалъ «просвѣщенію»

[1]) *Perthes*, I, 24.

только изъ своекорыстныхъ видовъ. Оно отчасти льстило его чувственнымъ наклонностямъ, въ особенности же его тщеславію. Владыка былъ честолюбивъ, завидовалъ чужой славѣ, безпокойно гонялся за великой ролью. Румянцовъ справедливо порицалъ его за «гордость и чванство» (suffisance). «Просвѣщеніе» интересовало курфюрста только потому, что его корифеи льстили ему и своими похвалами придавали ему нравственный вѣсъ въ Германіи. Онъ обратилъ преобразованіе университета въ роскошный праздникъ, на который были приглашены депутаты отъ всѣхъ университетовъ «отечества». А вскорѣ это, повидимому, его любимое дѣтище, съ которымъ онъ носился передъ глазами Европы, стало противно ему: онъ не хотѣлъ слышать о немъ, и причиной тому были деньги. У старухи Гацфельдъ была цѣлая куча дѣтей и родственниковъ, кромѣ расточительной фрау фонъ-Куденгофенъ. Эта жадная и праздная семья требовала несмѣтныхъ суммъ. Вскорѣ уже ни гроша изъ проданныхъ іезуитскихъ имуществъ не поступало въ казну, и тщетно университетскіе переплетчики осаждали казначейство, а Форстеръ умолялъ дать въ библіотеку хоть нѣсколько книжныхъ шкаповъ.

Окруженный царской пышностью, лестью лизоблюдовъ и «просвѣтителей» и заискиваніями Версаля, Потсдама, Вѣны и Петербурга, чувствуя свое первостепенное значеніе въ Германіи по чину, превосходя самыхъ могущественныхъ свѣтскихъ фюрстовъ правомъ совершать пышное богослуженіе, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ вообразилъ себя великимъ человѣкомъ. Онъ объявилъ, что все духовенство «должно брать съ него примѣръ», то-есть слѣдовать его политикѣ. Онъ мечталъ составить изъ него могущественный союзъ, чтобы сбросить съ себя зависимость отъ Рима. «Курфюрстъ—писалъ папскій нунцій—ведетъ совершенно свѣтскую жизнь и тогда только вспоминаетъ, что онъ епископъ, когда представляется случай потревожить папу или оказать сопротивленіе святому престолу». И ему удалось-таки подбить нѣмецкихъ епископовъ къ составленію договора для противодѣйствія папству. Но майнцскій владыка мечталъ и о свѣтской независимости. Онъ и здѣсь старался пустить пыль въ глаза Европѣ. Правда, у него было всего 2800 пѣхотинцевъ, 50 гусаръ, да 120 артиллеристовъ, а крѣпости были заняты подъ англійскіе парки и находились въ распоряженіи придворнаго садовника; но за то онъ устроилъ кригсратъ, съ двумя президентами и шестью совѣтниками, и завелъ двѣнадцать генераловъ. И майнцскій владыка не разъ отравлялъ жизнь агентамъ иностранныхъ державъ. Въ сущности, это былъ, конечно, особнякъ; но онъ измѣнялъ свои по-

литическіе ходы, смотря по обстоятельствамъ. Сначала, въ періодъ ханжества, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ былъ отъявленнымъ цезаріанцемъ. Но потомъ обстоятельства измѣнились. Іосифъ оказался опаснѣе всѣхъ для честолюбивыхъ замысловъ владыки; къ тому же онъ, вмѣстѣ съ Кауницомъ, зло подсмѣивался надъ нимъ, а Фридрихъ привлекъ на свою сторону фрау фонъ-Куденгофенъ. И вотъ, майнцскій курфюрстъ сталъ лукаво показывать склонность къ переговорамъ съ Потсдамомъ и открыто обнаруживать свою ненависть къ Вѣнѣ. Онъ надѣлалъ въ своемъ округѣ много непріятностей Іосифу, при проходѣ его войскъ въ Нидерланды, и старался подстрекнуть къ тому же другіе округи [1]. Много вытерпѣлъ отъ него и Румянцовъ, который поэтому вѣчно бранилъ его за «неумолимую ненависть» (implacable dans ses haines) и однажды увлекся до того, что сравнилъ его съ Филиппомъ II!

«Нельзя—говоритъ Румянцовъ—найти такого несходства между братьями, какъ между епископомъ вюрцбургскимъ и курфюрстомъ майнцскимъ». Францъ-Лудвигъ фонъ-Эрталь доставилъ франконскимъ епископствамъ, Вюрцбургу и Бамбергу, 16 лѣтъ счастья (1779—1795). Онъ сказалъ, при восшествіи на престолъ: «Мое правило—государь для народа, а не народъ для государя», и остался вѣренъ этому девизу. Онъ рѣшительно запретилъ слова «всемилостивѣйше» и «вѣрноподданически» (gnädigst, unterthänigst), и объявилъ себя другомъ несчастныхъ. Францъ-Лудвигъ былъ извѣстенъ широкою благотворительностью и призрѣніемъ бѣдныхъ. У него судъ былъ не по одному имени, чиновники не вели себя пашами и финансы не страдали хроническимъ разстройствомъ; а народное образованіе становилось на свои ноги, потому что здѣсь уважали новое умственное направленіе. Эта терпимость тѣмъ болѣе замѣчательна, что Францъ-Лудвигъ былъ единственный изъ духовныхъ фюрстовъ, оправдывавшій свой санъ. Румянцовъ, глядя на него, припоминалъ иногда «строгость Амвросія». Онъ свидѣтельствуетъ объ его «неоспоримой набожности», онъ даже находилъ, что «она часто осудительна и невмѣстна съ свѣтскимъ его княжескимъ чиномъ» [2]. По его словамъ, «епископъ вюрцбургскій исполненъ просвѣщенія и честности, человѣкъ строгихъ нравовъ, презирающій свѣтъ и все относящій къ религіи» [3]. Онъ живетъ «анахоретомъ». Такая личность была важна уже по своему

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года.

[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12/23 августа 1785 года.

[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года: „plein de lumières, de probité, austère dans ses moeurs, deprécateur du monde, rapportant tout à la religion".

нравственному значенію: такъ какъ Францъ-Лудвигъ былъ самъ себѣ господинъ и руководился не личными капризами, то Фридрихъ II и Іосифъ II долго не знали, на чью сторону склонится онъ, и оба заискивали у него. Сверхъ того, вюрцбургскій владыка имѣлъ политическій вѣсъ: кромѣ своего епископскаго достоинства и родственныхъ связей съ Майнцемъ, онъ былъ еще директоромъ франконскаго округа.

Среди духовныхъ князей имѣли политическое значеніе еще два курфюрста—трирскій и кёльнскій.

Изъ крупныхъ церковныхъ владѣній Германіи на курфюршествѣ трирскомъ болѣе всего лежалъ отпечатокъ старины. Здѣсь до конца прошлаго вѣка можно было наблюдать феодальные порядки. Самыя границы представляли уродливый видъ, свойственный среднимъ вѣкамъ. Онѣ неправильно растягивались по обоимъ берегамъ трехъ рѣкъ—Рейна, Мозеля и Саары, часто прерываясь черезполосными владѣніями. Немного принадлежало тутъ собственно курфюрсту. Почти треть земли находилась въ рукахъ у «непосредственныхъ рыцарей» (reichsunmittelbare Ritter), тоесть у низшаго дворянства, зависѣвшаго лишь непосредственно отъ императора и обладавшаго почти верховными правами. Рыцари не отбывали никакихъ повинностей, а между тѣмъ не только пользовались всѣми выгодами мѣстныхъ жителей, но и управляли страной: по бóльшей части, они принадлежали къ «соборнымъ фамиліямъ», а нигдѣ капитулъ не имѣлъ такой власти, какъ здѣсь. Значительная часть остальной земли принадлежала множеству мужскихъ и женскихъ монастырей всевозможныхъ орденовъ (въ томъ числѣ Нѣмецкаго и Мальтійскаго), обладавшихъ также почти полною независимостью. Города подчинились курфюрсту недавно и лишь послѣ упорной борьбы. За ними сохранилось еще много правъ, особенно за самимъ Триромъ, вслѣдствіе чего курфюрсты уже съ половины XVII-го вѣка перенесли свою резиденцію въ новый дворецъ, у подножія крѣпости Эренбрейтштейна. Наконецъ, здѣсь уцѣлѣло и средневѣковое земство. Опутанный со всѣхъ сторонъ чужими привилегіями, курфюрстъ трирскій былъ тѣмъ болѣе безсиленъ, что обыкновенно онъ избирался хитрымъ капитуломъ изъ низшаго дворянства; а войско его состояло, въ описываемое время, изъ 1100 человѣкъ крѣпостного гарнизона, 260 егерей и 60 тѣлохранителей. Тутъ не приходилось увлекаться ни воинственными, ни властолюбивыми замыслами. Съ вестфальскаго мира въ Трирѣ царствовали скромные, патріархальные владыки, и курфюршество спало мертвымъ сномъ, убаюкиваемое пѣснями далекой старины. Въ 1768 году, съ выборомъ

курфюрста изъ сильной династіи, и сюда проникъ тревожный духъ «просвѣщенія».

Послѣдній курфюрстъ трирскій, сынъ Фридриха-Августа III, саксонскаго курфюрста и польскаго короля, Климентъ Венцель, рано покинулъ родительскій кровъ и тѣмъ избавился отъ вліянія развратной среды, гдѣ царилъ графъ Брюль. Ему не было и тридцати лѣтъ, когда его выбрали въ трирскіе владыки, а между тѣмъ онъ уже успѣлъ послужить въ австрійской арміи, во время Семилѣтней войны, и пожить въ Версалѣ, Мюнхенѣ, въ особенности же въ Регенсбургѣ и Аугсбургѣ, гдѣ его избрали въ епископы. Правда, Климентъ-Венцель вынесъ изъ своей родины наклонность къ чопорному придворному этикету и гордыя династическія преданія, чтó иногда приводило его къ необдуманнымъ расходамъ, въ родѣ перенесенія столицы въ Кобленцъ [1]). Но за то оттуда же онъ заимствовалъ уваженіе къ просвѣщенію: это былъ первый въ Трирѣ образованный курфюрстъ. Климентъ-Венцель былъ человѣкъ безхарактерный: Румянцовъ называетъ его «скромнымъ и неимѣющимъ собственныхъ намѣреній». Но врожденная мягкость и хорошія стремленія замѣняли у него способности. Народъ любилъ этого добряка, который часто толкался въ толпѣ: восторгу массъ не было конца, когда однажды, на праздникѣ стрѣлковъ, владыка сшибъ птицу съ шеста и прицѣпилъ къ шляпѣ предложенный ему букетъ цвѣтовъ. Трирскій владыка, даже по отзывамъ своего врага, папскаго нунція, велъ безупречную жизнь и былъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ: онъ не жалѣлъ денегъ только на свою капеллу, потому что страстно любилъ музыку. Климентъ-Венцель даже придерживался всѣхъ правилъ католицизма, но безъ ханжества. Вовсе не думая потворствовать идеямъ «просвѣщенія», онъ однако управлялъ въ ихъ духѣ. Въ Трирѣ были изгнаны іезуиты и появился, къ ужасу туземцевъ, эдиктъ вѣротерпимости, за которымъ послѣдовалъ призывъ протестантскихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, а также сокращеніе числа праздниковъ. Стали улучшать дороги, взрывать камни, затруднявшіе плаваніе по Рейну, устроивать заводы, старались даже уничтожить заповѣдные цехи. Конечно, нигдѣ педантизмъ новыхъ теорій не былъ болѣе умѣстенъ, какъ въ этомъ

---

[1]) Румянцовъ доносилъ Остерману (въ ноябрѣ 1786 года), что владыка восемь лѣтъ строилъ въ Кобленцѣ великолѣпный дворецъ, стоившій болѣе двухъ милліоновъ гульденовъ, „изъ коихъ чины (земство) внесли 600,000, и тѣмъ умножили казенный свой долгъ, доставъ сіи деньги заимообразно". Перенесеніе столицы изъ окрестностей Эренбрейтштейна совершилось, зимой 1786 года, на бѣду обнищалымъ „чинамъ", „со всевозможною пышностью" и при всемъ дипломатическомъ корпусѣ.

наивномъ захолустьѣ Германіи. Климентъ-Венцель завелъ особенный отрядъ егерей, чтобы до мелочей опутать жизнь дремлющихъ подданныхъ своею полицейской опекой. У него, по законамъ электричества, дозволялось въ непогоду только три раза ударять къ обѣднѣ, и то въ самый маленькій колоколъ, а на основаніи химіи, приказывалось кухаркамъ особенно осторожно обращаться съ масломъ, и если оно загорится, отнюдь не тушить его водой, а посыпать золою. Катанье же на льду, на конькахъ ли, или просто на ногахъ, было безусловно запрещено «всѣмъ и каждому», во избѣжаніе разбитыхъ носовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ провинившіеся, безъ различія пола и возраста, получали опредѣленное число розогъ. Заботились и о просвѣщеніи. Для образованія духовныхъ была устроена семинарія, а для свѣтскихъ учителей—нормальная школа. Было введено обязательное обученіе и новая, прусская, система народныхъ школъ. Постоянно думая о бѣдныхъ, курфюрстъ устроилъ школы въ самыхъ жалкихъ деревушкахъ и облегчилъ участь самыхъ несчастныхъ учителей. Особенно въ этихъ захолустьяхъ приказывалъ онъ священникамъ ходить каждое воскресенье изъ дома въ домъ съ поученіями. Былъ затронутъ также бытъ духовныхъ и монаховъ. Имъ запрещено было заниматься суконной и мелочной торговлей. Они должны были всегда ходить въ предписанной одеждѣ, и не смѣли посѣщать кабаковъ или участвовать въ пирушкахъ; а монахинямъ запретили ихъ любимое развлеченіе—вечеринки съ танцами. Но такъ какъ трирскій владыка поступалъ практически и не увлекался новыми идеями, то его страна не могла пріобрѣсти умственной самостоятельности. Сюда не стекались лучшія силы «просвѣщенія»—и молодежь, по-старому, отправлялась за высшимъ образованіемъ въ Майнцъ и Гёттингенъ. Двѣ старыя типографійки, въ Трирѣ и Кобленцѣ, влачили жалкое существованіе и пробавлялись новыми изданіями древнихъ молитвенниковъ и учебниковъ. Новое направленіе безсознательно сказывалось у Климента-Венцеля еще въ стремленіи къ независимости отъ папской куріи, а также и отъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Викарнымъ у него былъ Гонтгеймъ, который прославился важнымъ сочиненіемъ противъ папства. Въ Кобленцѣ происходили совѣщанія между депутатами всѣхъ духовныхъ курфюршествъ, которыя привели, въ 1785 году, къ эмскому конгрессу нѣмецкихъ архіепископовъ, поставившему вопросъ о свободной національной церкви въ католической Германіи. Вслѣдъ затѣмъ трирскій владыка запретилъ своему духовенству прини-

мать, безъ его разрѣшенія, папскія буллы и рескрипты [1]). Но все это измѣнилось въ 1789 году. Климентъ-Венцель одинъ изъ первыхъ правителей въ Германіи открыто и не колеблясь выступилъ противъ французской революціи. Тотчасъ же изъ канцеляріи владыки посыпались указы, уничтожавшіе все, чтό было сдѣлано имъ до тѣхъ поръ. Даже отмѣнено было ограниченіе числа крестныхъ ходовъ, и владыка, исповѣдуя свою преданность папѣ, объявилъ эмскій конгрессъ совѣтомъ нечестивыхъ. Кобленцъ сталъ гнѣздомъ французскихъ эмигрантовъ изъ рядовъ чистокровнаго легитимизма. Графъ д'Артуа и графъ Прованскій учредили здѣсь «регентство до освобожденія короля». Массами стекались къ нимъ столбы французской старины и мрака—министры, кардиналы и члены парижскаго парламента, маршалы и епископы, кавалеры и аббаты, придворные и офицеры.

До второй половины прошлаго вѣка, кёльнское курфюршество было одною изъ несчастнѣйшихъ странъ Германіи. На бѣду подданнымъ, тамъ царствовали подъ-рядъ два долговѣчныхъ Вительсбаха, въ теченіи трехъ-четвертей столѣтія (1688—1761). Эти владыки старались перещеголять своихъ баварскихъ родственниковъ въ подражаніи Людовику XIV. Необыкновенная роскошь, ханжество да господство метрессъ и любимцевъ довели курфюршество до крайней нищеты и мрака. Тутъ не помогали ни французскіе милліоны, ни масса ростовщиковъ, ни государственная лоттерея. Въ 1761 году, страну, обремененную неоплатными долгами, принялъ ничтожный имперскій графъ, Максимиліанъ-Фридрихъ-фонъ-Кенигсеккъ-Ротенфельсъ. Главною заботой новаго владыки стали деньги, и въ кёльнскомъ курфюршествѣ безумная расточительность смѣнилась скаредностью. «Курфюрста не любятъ,—доносилъ Румянцовъ Остерману,—онъ началъ уничтоженіемъ пенсій и уменьшеніемъ жалованья у людей, бѣдность коихъ была ему извѣстна» [2]). Въ первые годы своего правленія, Максимиліанъ-Фридрихъ обнаружилъ стремленіе къ нравственной и скромной жизни. Были отмѣнены прежнія дорогія забавы, а кредиторовъ предшественника прогнали, ничего не заплативши имъ. Тогда же курфюрстъ высказалъ свое сочувствіе «просвѣщенію». Онъ сократилъ число праздниковъ и основалъ боннскій университетъ. Его другомъ сталъ министръ-преобразователь, баронъ-каноникъ, Францъ фонъ-Фюрстенбергъ, которому было поручено управленіе Мюнстеромъ. И у этого курфюрста было стремленіе

---

[1]) *Perthes*, I, 181 sqq.
[2]) *Румянцовъ Остерману*, въ августѣ 1784 года.

къ независимости, въ особенности отъ римской куріи. Онъ во все свое царствованіе боролся съ папскимъ нунціемъ: владыка требовалъ, чтобы нунцій снималъ свою черную шапочку въ его присутствіи, и безъ того упорно отказывалъ ему въ аудіенціи; нунцій же требовалъ, чтобы владыка подавалъ ему правую руку и сажалъ за столомъ между дамами [1]). Двадцать лѣтъ тянулся этотъ споръ и слился, наконецъ, съ общею борьбой нѣмецкаго архіепископата противъ притязаній папства. Но немного удалось сдѣлать новому владыкѣ, потому что его лучшія стремленія были не искренни. Вскорѣ все пошло по прежнему, и боннскій дворъ пріобрѣлъ даже въ Версалѣ славу самаго распущеннаго и наименѣе соотвѣтствующаго духовному сану курфюрста. Въ описываемое время тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ Максимиліана-Фридриха чего-нибудь путнаго, что ему было уже за семьдесятъ. Хилаго старика окружали назойливыя интриги разныхъ дворовъ, и въ Кёльнѣ уже, можно сказать, заправляли австрійцы, поставившіе коадъюторомъ своего эрцгерцога Максимиліана. А въ 1784 году Максимиліана-Фридриха не стало.

Былъ еще одинъ владыка, ничтожный по своему политическому значенію, но игравшій видную роль въ «броженіи» фюрстовъ, благодаря своимъ личнымъ свойствамъ. Это—Августъ, епископъ шпейерскій. Несмотря на близость Шпейера къ либеральнымъ духовнымъ курфюршествамъ и къ самому источнику «просвѣщенія», его владыка уцѣлѣлъ отъ соблазна новыхъ идей: онъ не былъ въ «Аркадіи» даже и на короткое время, какъ многіе изъ его товарищей. Ограниченный, упрямый и честолюбивый, Августъ, чувствуя свое безсиліе выдвинуться въ рядахъ поборниковъ «просвѣщенія», вздумалъ прославиться противоположнымъ путемъ. Онъ достигъ цѣли. Вся Германія признала въ немъ типъ помрачителя, потому что онъ проповѣдывалъ съ наглой откровенностью теорію, которую фюрсты даже до «просвѣщенія» больше исполняли на дѣлѣ, чѣмъ высказывали. Какъ-бы насмѣхаясь надъ возвышенными принципами Іосифа II и Фридриха II, Августъ объявилъ, что «воля государя есть общее благо». Онъ «всемилостивѣйше» напечаталъ, для преподаванія въ школахъ, катехизисъ «объ обязанностяхъ подданныхъ», въ которомъ сказано: «государь—владыка подданныхъ; онъ имѣетъ власть надъ нашей жизнью и имуществомъ». Правда, шпейерское епископство было населено почти исключительно крѣпостными владыки; но въ концѣ прошлаго вѣка послѣднему неприлично было понимать крѣпостное

[1]) *Perthes*, I, 165 sqq.

право въ духѣ среднихъ вѣковъ, особенно же смѣшивать это право съ государственнымъ. Оттого-то извѣстный публицистъ, Шлёцеръ опозорилъ Августа на все «отечество», пропечатавъ его въ рядѣ злыхъ статей. Онъ называлъ его «привилегированнымъ охотникомъ на негровъ въ шпейерскомъ епископствѣ», «олухомъ и мошенникомъ» (Dummkopf, Schurke), а его ученіе—«адскою системой», «избыткомъ тупоумія», «оскорбленіемъ рода человѣческаго», «христокняжескимъ султанизмомъ», приличнымъ лишь для школъ Молдавіи и Валахіи [1]). Непреклонный и задорный, владыка шпейерскій думалъ еще другимъ путемъ удовлетворить свое честолюбіе. Онъ хотѣлъ вознаградить свое матеріальное ничтожество политическою рьяностью. Августъ суетился и горячился, усиливаясь стать во главѣ союза духовныхъ князей. Румянцовъ и Гофенфельсъ единогласно называютъ его «самымъ пылкимъ» изъ владыкъ и даже «душой» лиги.

Но это былъ единственный нѣмецкій прелатъ, принимавшій лично живое участіе въ «броженіи». Вообще же, такъ какъ собственно не владыки, а каноники управляли духовными княжествами, то и «броженіе» происходило здѣсь, главнымъ образомъ, въ кругу капитуловъ. Раньше и энергичнѣе всѣхъ начали дѣйствовать капитулы вюрцбургскій, шпейерскій и трирскій [2]). Когда, по поводу болѣзни Франца-Лудвига, въ Вюрцбургѣ показались прусскіе эполеты, тамошніе каноники обидѣлись и условились устранять всякое вліяніе, какъ со стороны вѣнскаго, такъ и со стороны берлинскаго двора [3]). То же самое повторилось въ Майнцѣ, и по тому же самому поводу. Вслѣдъ затѣмъ, Гофенфельсъ извѣщалъ Герцберга, что въ этомъ городѣ уже завелось нѣчто въ родѣ тайной коалиціи изъ канониковъ *многихъ* епископствъ. Здѣсь были съѣзды политиковъ въ рясахъ, которые думали начать съ представленія на сеймѣ строгаго протеста противъ церковныхъ насилій императора. Затѣмъ они хотѣли открыто, законно устроить съѣздъ духовныхъ князей для обсужденія цер-

---

1) *Biedermann*: Deutschland im achtzehnten Jahrhundert, I, 77 sq., 143 sq.

2) По донесенію Румянцова Екатеринѣ, отъ 5/16 марта 1784 года, переговоры о духовной лигѣ началъ шпейерскій капитулъ, написавшій майнцскому капитулу, который тотчасъ же отправилъ депутацію къ курфюрсту и встрѣтилъ въ немъ сочувствіе, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время трирскій курфюрстъ написалъ, съ своей стороны, майнцскому. Въ августѣ 1784 года Румянцовъ извѣщалъ Остермана о прибытіи въ Кёльнъ двухъ довѣренныхъ лицъ отъ курфюрста майнцскаго, для переговоровъ о лигѣ.

3) *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 23-го февраля 1784 года (*Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 66).

ковныхъ дѣлъ и сносились, по этому поводу, съ папой, который объявилъ формально, что церковныя мѣры императора должны зависѣть отъ утвержденія нѣмецкаго епископата. Мало того. Преимущественно каноникамъ, а не владыкамъ, принадлежала мысль сблизиться съ свѣтскими фюрстами, волненіе которыхъ не ускользнуло отъ ихъ вниманія: чувствуя себя безсильными, они готовы были подать руку протестантамъ, надѣясь найти у нихъ то же самое стремленіе къ независимости, какъ отъ Вѣны, такъ равно и отъ Берлина [1]).

---

1) *Ранке* (Die deutschen Mächte, , 114), по майнцскому архиву.—*Мемуаръ герцога веймарскаго* (тамъ же, II, 265 sqq.).

ГЛАВА XIII.

Свѣтская лига.—Прусскій молодой дворъ.

Свѣтскіе особняки спѣшили воспользоваться движеніемъ у своихъ духовныхъ единомышленниковъ. Особенно хлопоталъ баденскій дворъ. Эдельсгеймъ такъ серьёзно былъ увлеченъ своею идеей, что даже начерталъ, въ концѣ 1783 года, «проектъ уніи или конкордата имперскихъ чиновъ». Это живой протестъ противъ печальнаго положенія имперіи, окруженной внутренними и внѣшними врагами и «напоминающей судьбу Польши». Эдельсгеймъ былъ увѣренъ, что «въ душѣ каждаго нѣмецкаго патріота должно возгораться пламенное желаніе, чтобы чины нѣмецкой имперіи взялись, наконецъ, за пріисканіе мѣръ къ избавленію отечества отъ конечной погибели и къ сохраненію имперской конституціи». «Это—долгъ, предписываемый всѣми имперскими законами каждому чину. Всякій имперскій чинъ, стремящійся законно исполнить его, менѣе рискуетъ, чѣмъ ожидая своей участи спокойно, въ дремотѣ и безсиліи». «Нужно вó-время принять мѣры, чтобы не оставить безъ помощи и не погубить нѣмецкой свободы и независимости—этого главнаго сословнаго перла». Эдельсгеймъ требовалъ сначала устроить союзъ только между мелкими чинами, то-есть фюрстами, во главѣ которыхъ должны стать герцогство Саксонія, Брауншвейгъ и Гессенъ, а потомъ уже между курфюрстами: изъ послѣднихъ можно разсчитывать на курфюршество Саксонію, Цвейбрюкенъ (тутъ разумѣлось перемѣщеніе герцога Карла въ Баварію), Ганноверъ и Майнцъ. Затѣмъ обѣ уніи, княжеская и курфюршеская, должны были слиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Между всѣми должно царствовать полное довѣріе и взаимодѣйствіе; въ особенности же никто не долженъ подавать голоса на сеймѣ, не посовѣтовавшись дружески

съ товарищами. Имперскій сеймъ возможно быстро приводится въ дѣйствіе соединенными силами, и не допускается его перерывовъ. Всѣ споры рѣшаются полюбовно третейскимъ судомъ. Члены союза помогаютъ другъ другу въ долгахъ: да не слѣдуетъ ли учредить кредитную кассу? Не допускать притязаній имперскаго надворнаго совѣта ни въ имперскихъ округахъ, ни во внутреннихъ дѣлахъ чиновъ. Не отдавать войскъ въ наемъ чужестранцамъ. Когда унія приметъ серьёзные размѣры, начертать планъ образованія арміи, которая можетъ состоять изъ 100,000. Изъ ежегодныхъ взносовъ составить кассу, готовую на всякій случай. Моментомъ заключенія уніи былъ избранъ «предстоящій взрывъ турецкой войны, на который устремлено вниманіе всей Европы». Въ проектѣ Эдельсгейма не сказано ни слова о курфюрстѣ бранденбургскомъ. О Пруссіи упоминается только разъ, и то лишь какъ объ иностранной державѣ, которая, на ряду съ Франціей, должна была гарантировать унію. И здѣсь же было прибавлено: «не невозможно пріобрѣсти и императорско-русскую гарантію. Императрица отправила въ имперію, въ прошломъ году, особенныхъ посланниковъ, а въ нынѣшнемъ—барона Крова (хотя и не облеченнаго политическимъ знаніемъ), чтобы увѣрить всѣ чины въ своей готовности крѣпко защищать привилегіи каждаго, кто обратится къ ней за помощью. Великій князь часто заявлялъ въ имперіи то же самое». Въ концѣ проекта особенно обнаружился страхъ, который проглядываетъ вообще въ каждой его строкѣ. «Но фюрсты-патріоты,—сказано здѣсь,—обладающіе нѣмецкимъ мужествомъ для созданія этого благого дѣла, должны поступать съ великой осторожностью и благоразуміемъ. Это необходимо отчасти для того, чтобы не подвергнуть себя и свои земли большимъ непріятностямъ безъ дѣйствительной пользы отечеству, отчасти же для того, чтобы раскрывать тайну тѣмъ только чинамъ, которые не перетолкуютъ въ дурную сторону и не разрушатъ всякими махинаціями ихъ благихъ намѣреній. Кажется, они лучше всего достигнутъ своей цѣли, если каждый изъ нихъ возьметъ на себя объяснить унію извѣстной части Германіи или извѣстнымъ дворамъ имперіи, стараясь въ то же время привлечь ихъ къ ней» [1]).

Одушевленный этими планами, Эдельсгеймъ явился въ Майнцъ. Здѣсь каноники приняли его очень хорошо, заявивъ, что они думаютъ точно такъ же. Его обнадежили насчетъ полной вѣротер-

---

[1]) *Проектъ Эдельсгейма*, напечатанъ у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 17—21.—Cf. *Dohm*, III, 54—61.

пимости относительно протестантовъ. Говорили, что даже владыка поднимется противъ императора, если увидитъ за собой свѣтскихъ князей. Затѣмъ, Эдельсгеймъ видѣлся съ епископомъ шпейерскимъ, который горячо объявилъ, что могутъ разсчитывать на него. Въ то же время каноники намекали ему, что, возставая одинаково, какъ противъ Вѣны, такъ и противъ Берлина, необходимо заручиться поддержкой Франціи. Тотчасъ же одинъ изъ баденскихъ гофратовъ, сочувствовавшихъ патріотамъ, Шлоссеръ, былъ направленъ къ «юридическому консультору Людовика XVI по нѣмецкимъ дѣламъ», Пфеффелю, который былъ хорошо извѣстенъ въ Германіи, какъ своими посѣщеніями мелкихъ дворовъ и сейма, такъ и своими учеными трудами по нѣмецкой исторіи. Пфеффель нашелъ, что ему почему-то неудобно докладывать о такомъ дѣлѣ въ Версалѣ, и направилъ Шлоссера къ страсбургскому претору, Жерару, который занимался когда-то иностранными дѣлами и пользовался довѣріемъ Вержена. Шлоссеръ отыскалъ претора и сообщилъ ему, подъ строжайшимъ секретомъ, что фюрсты желаютъ устранить «бездѣйствіе имперскаго сейма и злоупотребленія (Empiedement) имперскихъ судовъ», а также завести переписку между собой, чтобы уничтожить взаимные споры и безпорядки въ своемъ хозяйствѣ. Но Жераръ посовѣтовалъ, чтобы кто-нибудь изъ фюрстовъ обратился въ Версаль непосредственно. Всѣ испугались этого и рѣшили «пріостановиться и подождать, чтобы Франція сама сдѣлала шагъ къ сближенію» [1]). Франціи, дѣйствительно, очень хотѣлось захватить въ свои руки княжеское «броженіе», чтобы, по обыкновенію, заправлять фюрстами въ своихъ интригахъ—какъ противъ Австріи, такъ и противъ Пруссіи. И такъ какъ изъ всѣхъ фюрстовъ Карлъ цвейбрюкенскій былъ наиболѣе подчиненъ ей, то изъ Версаля сдѣлали ему запросъ: почему онъ не становится во главѣ движенія и не спросится Франціи? Но въ Карлсбергѣ уже начинало дѣйствовать другое вліяніе, связанное съ движеніемъ курфюрстіанцевъ и съ потсдамскими интригами.

Выше было объяснено, что многіе патріоты, подавляя свои задушевныя мысли, видѣли необходимость въ поддержкѣ со стороны Пруссіи. Къ тому же, они разсчитывали, что эта держава вступитъ въ союзъ, какъ Бранденбургъ, то-есть на равныхъ съ ними правахъ: это доказывается горячимъ участіемъ здѣсь такихъ лицъ, какъ Карлъ-Августъ веймарскій и Францъ дессаускій. Свѣтскіе

---

[1]) Собственный докладъ Шлоссера о его переговорахъ съ Жераромъ напечатанъ у *Ranke:* Die deutschen Mächte, II, 257—261.

патріоты тѣмъ болѣе увлекались такимъ взглядомъ, что въ Берлинѣ искусно поддерживали его: это было первымъ политическимъ подвигомъ молодого двора. Патріотамъ трудно было сойтись съ старымъ Фрицомъ, къ которому не шла маска націнальныхъ интересовъ, плохо прикрывавшая смыслъ его раннихъ стремленій. Къ тому же опасались его вялости и трусливости, причемъ было бы безразсудно ничтожнымъ фюрстамъ объявлять войну могущественному императору. И Фридрихъ, дѣйствительно, мало интересовался союзомъ, который князья хотѣли устроить самостоятельно по собственной, а не по его иниціативѣ. Тогда онъ отвѣчалъ на предложеніе своихъ министровъ послать агента къ фюрстамъ: «да, это было бы прекрасно, еслибы только у меня были деньги на это!»

Тутъ выступилъ молодой дворъ, который жаждалъ дѣятельности. Тогда-то кронпринцъ умѣлъ внушить патріотамъ ту идею о своемъ нѣмецкомъ настроеніи, которая привела потомъ герцога веймарскаго къ горькому разочарованію. Это тѣмъ болѣе естественно, что даже Румянцовъ поддался обману: «изъ многихъ обстоятельствъ,—писалъ онъ около того времени: — я заключаю, что принцъ прусскій по восшествіи на престолъ болѣе дяди своего будетъ заниматься германскими дѣлами и здѣсь пріобрѣтетъ себѣ друзей» [1]). Фридрихъ-Вильгельмъ завелъ оживленную переписку съ патріотами, въ особенности же съ герцогами веймарскимъ, брауншвейгскимъ и отчасти съ цвейбрюкенскимъ. Онъ льстилъ имъ, разсыпался передъ ними въ громкихъ патріотическихъ фразахъ, не скупился на обѣщанія, а для Карла цвейбрюкенскаго—даже на деньги. Патріоты отвѣчали ему кто пылкими, кто подобострастными посланіями, хлопотали изъ всѣхъ силъ внушить товарищамъ свое высокое мнѣніе о немъ, разъѣзжали по дворамъ фюрстовъ и присылали ему подробные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, испрашивая дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ, за спиной дряхлаго Фрица завязывалась широкая игра на его счетъ. Конечно, душой ея былъ неугомонный Герцбергъ, который на этомъ-то основаніи и хвастался потомъ, что ему, а не Фридриху, принадлежала самая идея союза князей. Онъ нашелъ себѣ прекрасное орудіе въ своемъ карлсбергскомъ двойникѣ. Гофенфельсъ обнаружилъ тогда необыкновенную энергію. Онъ колесилъ по Германіи для «сондированія» фюрстовъ, съ инструкціями Герцберга и, не довольствуясь оживленной перепиской съ своимъ патрономъ, часто наѣзжалъ въ Берлинъ, откуда

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ маѣ 1786 года.

привезъ, между прочимъ, предложеніе помогать Карлу во всемъ, начиная, конечно, съ его долговъ, а также согласіе на бракъ его брата съ одною прусской принцессой и благопріятныя приказанія прусскому министру на имперскомъ сеймѣ [1]). Наконецъ, завидуя Эдельсгейму, Гофенфельсъ, вслѣдъ за нимъ, сочинилъ длинный проектъ соединенія «всѣхъ чиновъ патріотическаго образа мыслей».

Вотъ сущность этой бумаги, написанной нескладно, съ частыми перерывами, повтореніями и умышленными недомолвками, но все-таки достаточно понятной, чтобы служить истинною profession de foi партіи курфюрстіанцевъ того времени. Передаемъ ее возможно ближе къ подлиннику, потому что это — хорошій образчикъ дѣловыхъ бумагъ нѣмецкихъ политиковъ конца прошлаго вѣка.

Всего яснѣе въ проектѣ Гофенфельса его основная тэма — ненависть къ Габсбургамъ. «Планъ австрійскаго двора—сказано здѣсь—сдѣлаться монархомъ Германіи, весьма старъ. Еслибы указывать всѣ подобныя попытки, то пришлось бы переписать всю исторію, начиная съ императора Фридриха III. Этотъ проектъ существуетъ доселѣ, и, конечно, никогда еще не было императора, который могъ бы такъ энергично привести его въ исполненіе, какъ нынѣшній». Гофенфельсъ часто возвращается къ указанію насилій Іосифа въ имперіи, и приходитъ къ заключенію, что нужно устроить «соединеніе имперскихъ чиновъ *въ противоположность императору, или, вѣрнѣе, австрійскому дому*». «Когда императоръ становится страшенъ чинамъ имперіи, то должно, съ величайшей осторожностью и благоразуміемъ, принять мѣры къ самосохраненію и исполнить ихъ съ величайшимъ единодушіемъ, мужествомъ и силой, безъ частныхъ намѣреній, единственно по патріотическимъ побужденіямъ, направленнымъ ко благу и сохраненію конституціи». Тутъ «прежде всего представляется мысль о томъ, чтобы *всѣмъ чинамъ*, безъ исключенія, стоять заодно и дѣйствовать по однимъ и тѣмъ же правиламъ». «Если это возможно, то законнымъ путемъ, предписываемымъ самою конституціей, достигнешь больше и вѣрнѣе, чѣмъ насиліемъ. Если же чины разъединены, если одни, вопреки свободному національному характеру, цѣпляются за императора и

---

[1]) Румянцовъ Остерману, 8/19 августа 1783 года: цѣль лиги „s'opposer à l'intention qu'il (гр. дессаускій) pretend à l'Empereur de les (фюрстовъ) ecraser tous". Румянцовъ видѣлъ въ свѣтской лигѣ не что иное, какъ „махинаціи берлинскаго и версальскаго дворовъ".—*Schmidt:* Unionsbestrebungen. , 24, 30—32, 90.

жертвують ему своими правами, другіе сидятъ спокойно и ждутъ, чтобы ихъ освободили товарищи, безъ которыхъ они готовы подставить свою шею игу тирана, и лишь немногіе, ощущая въ себѣ старо-нѣмецкую кровь, рѣшаются встать передъ пропастью, — то слѣдуетъ покинуть конституціонный путь и встрѣтить силу равномѣрною силой». Съ этою цѣлью слѣдовало бы устроить конгрессъ «просвѣщенныхъ фюрстовъ-патріотовъ, съ участіемъ свѣдущихъ, честныхъ министровъ». Но «такъ какъ всякое дѣло должно имѣть свое начало», то Гофенфельсъ предлагалъ пока слѣдующія соображенія, — впрочемъ, «вовсе не какъ нѣчто совершенное, а лишь какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ размышленій». Прежде всего должно помнить, что «частная унія» нѣсколькихъ чиновъ тутъ не поможетъ: обладая большою арміей, казной, искусными генералами и единствомъ дѣйствій, притомъ «соображая свои планы съ отношеніями къ своимъ могущественнымъ союзникамъ», императоръ приведетъ въ замѣшательство и обезсилитъ одного члена за другимъ. Это удастся ему «тѣмъ легче, что (не будемъ скрывать правды въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ вѣчная свобода и величіе, или же вѣчное рабство) большинство этихъ членовъ страдаетъ такимъ политическимъ и экономическимъ безсиліемъ, что просто должно будетъ уступить». Гофенфельсъ доказываетъ историческими примѣрами, что такъ всегда бывало съ частными уніями въ Германіи, и «если онѣ, желая хоть съ честью выдти изъ борьбы, призывали на помощь иностранныя державы, то это всегда служило къ ослабленію Германіи и къ обогащенію союзниковъ». Особенно не должно обращаться къ Франціи, которая «опаснѣе даже императора», ибо ея неизмѣнная задача—расширить свои границы до Рейна. «Рядомъ съ версальскимъ дворомъ, петербургскій заслуживаетъ особеннаго вниманія, съ тѣхъ поръ какъ Россія переняла роль Швеціи въ гарантіи вестфальскаго мира».

Итакъ, князья должны полагаться только на самихъ себя и дѣйствовать не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. Но какъ? конечно, цѣлью ихъ долженъ быть союзъ, названный у Гофенфельса «оборонительной уніей». Но цвейбрюкенскій министръ упомянулъ объ этомъ лишь вскользь и тотчасъ же сталъ подробно доказывать неумѣстность такой уніи. «Какъ извѣстно, проекты, измѣняющіе весь политическій видъ Германіи, а слѣдовательно всей Европы и затѣмъ всѣхъ частей свѣта, не приводятся въ исполненіе посредствомъ coup de main: ихъ должно долго подготовлять, постепенно устраняя препятствія; а проводить ихъ вполнѣ слѣдуетъ лишь въ благопріятную минуту». Гофенфельсъ такъ увлекся этой

мыслью, что даже выставилъ рядъ доказательствъ, которыя должны были подрывать его основную тэму. Онъ успокоивалъ фюрстовъ тѣмъ, что «пока въ ихъ жилахъ течетъ нѣмецкая кровь, невозможно, чтобы ихъ земли были раздѣлены, какъ Польша». Онъ увѣрялъ, что хотя политика Іосифа и клонится къ уничтоженію нѣмецкой конституціи и къ полному порабощенію Германіи, однако «его фамильные планы еще не настолько созрѣли, чтобы нынѣ ожидать ихъ нескромнаго обнаруженія (indiscreten Ausbruch) въ Германіи». Учрежденіе оборонительной уніи теперь «сопровождалось бы тѣмъ болѣе неизбѣжными и ужасными послѣдствіями, что императоръ не сдѣлалъ еще ни одного шагу, которому нельзя было бы противодѣйствовать конституціоннымъ путемъ, на открытомъ имперскомъ сеймѣ, съ его сословной свободой мысли и голосованія». Сверхъ того, политика Россіи, Франціи и Англіи не допуститъ исполненія плановъ Іосифа. «Если Россія потворствуетъ расширенію австрійской державы на Востокѣ, чтобы укрѣплять собственную безопасность со стороны турецкой имперіи, то въ ея политику вовсе не входитъ допускать подобное же расширеніе насчетъ Германіи. Конечно, союзъ между Австріей и Россіей не клонится къ этому: стóитъ только взять въ разсчетъ цѣль назначенія графа Румянцова и заявленіе послѣдняго при различныхъ нѣмецкихъ дворахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Еслибы императоръ, сверхъ того, чтó онъ можетъ получить изъ нынѣшнихъ турецкихъ провинцій, пріобрѣлъ еще около 12 милліоновъ нѣмцевъ, то кто бы могъ противиться ему? И въ чьей дружбѣ нуждался бы онъ? Россія не можетъ допустить этого. Нѣмецкій сосѣдъ сталъ бы впослѣдствіи опаснѣе для нея, чѣмъ былъ досели турецкій». По той же причинѣ и Франція не допуститъ превращенія Германіи въ монархію. Да, наконецъ, изъ кого бы составилась оборонительная унія? «Многіе не подадутъ руки, не считая опасность слишкомъ близкою. Многіе будутъ одушевлены самыми лучшими желаніями; но хозяйство у нихъ разстроено. Другіе не сдѣлаютъ шагу безъ дворовъ, оказывающихъ имъ покровительство или дружбу, или находящихся съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ, и пожелаютъ быть откровенными съ этими дворами — напримѣръ, съ самимъ императоромъ, съ Франціей, Россіей, Англіей и Пруссій, а, пожалуй, даже и съ папой. Одни предпочтутъ свои частные интересы общему дѣлу; другіе останутся совсѣмъ равнодушными; третьи захотятъ сами руководить или хоть принимать участіе въ руководствѣ. Послѣдніе уже тѣмъ помѣшаютъ дѣлу, въ самомъ его зародышѣ, что когда настанетъ нужда въ вождѣ, тѣмъ труднѣе будетъ удовле-

творить ей. Одни сочтутъ своей заслугой извѣстить обо всемъ императора и иностранные дворы; въ глазахъ другихъ тотъ, кто сдѣлаетъ первое предложеніе, станетъ человѣкомъ подозрительнымъ и даже враждебнымъ; у третьихъ окажутся личности противъ того или другого изъ членовъ союза, которыя помѣшаютъ довѣрію. Не будетъ дремать и религіозная ревность—эта плодовитая мать недовѣрія, скрытности и человѣческихъ страстей».

Отклоняя унію, Гофенфельсъ предлагалъ лишь постепенную подготовку къ ней. «Пока нельзя придумать ничего болѣе интереснаго, какъ дружеская переписка между чинами насчетъ сохраненія ихъ свободъ и конституціи. Она согласна съ самою имперской конституціей и никого не удивила бы; самъ императоръ долженъ бы былъ одобрить ее, если только онъ слѣдуетъ избирательнымъ условіямъ. И вести эту переписку должно такъ, чтобы можно было представить ее, когда угодно, императору, имперіи и всѣмъ державамъ. Но если случатся тайныя бумаги, то онѣ должны оставаться тайными, какъ тысяча другихъ государственныхъ и кабинетныхъ актовъ». Сверхъ того, Гофенфельсъ рекомендовалъ всѣ невинныя законныя средства. «Прежде всего необходимо патріотической подачей голосовъ на имперскомъ сеймѣ направлять курфюрстовъ и фюрстовъ на конституціонную точку зрѣнія. Это слѣдуетъ дѣлать скромно, но твердо — такъ чтобы мало-по-малу пріучить фюрстовъ не быть (какъ со многими случалось доселѣ) слѣпымъ отголоскомъ императорскаго министра, который иногда даже предписывалъ имъ, какъ подавать голоса», Точно также необходимо правильно, «не внимая внушеніямъ императора», рѣшать дѣла, приходящія въ сеймъ на аппеляцію. Наконецъ, здѣсь протестанты и католики должны дѣйствовать дружно, помня, что «дѣло идетъ не о религіи, а о сохраненіи государственной системы». Насколько Гофенфельсъ опасался императора, настолько же щекотливо было прямо указывать на Пруссію. Онъ только вскользь упоминалъ о ней, и то въ числѣ иностранныхъ державъ. «Патріотическія убѣжденія — сказано въ проектѣ—заявленныя королевско-прусскимъ дворомъ, особенно со времени тешенскаго мира, и именно его стремленіе защитить нѣмецкихъ фюрстовъ и ихъ свободу, представляютъ чинамъ отрадную перспективу будущности». Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ эта же мысль высказана энергичнѣе. Успокоивая фюрстовъ насчетъ того, что имъ далеко до участи Польши, Гофенфельсъ замѣтилъ: «это можетъ случиться только или съ согласія прусскаго дома, или же при его полной погибели. Но первое очевидно противорѣчитъ его извѣстнымъ и правдивымъ государственнымъ

убѣжденіямъ; второе же не такъ легко, какъ кажется тому, кто не знаетъ внутренняго величія, силы и могущества Пруссіи, доказанныхъ всего лучше исторіей Семилѣтней войны» [1]).

Проектъ Гофенфельса черезчуръ скроменъ. Но это была лишь маскировка настоящаго плана, и намъ извѣстна причина, породившая ее. Тогда же герцогъ цвейбрюкенскій писалъ прусскому кронпринцу, что опасается вялости Фридриха II, который разстроилъ бы все дѣло, еслибы узналъ его въ настоящемъ свѣтѣ, а также страшится шпіоновъ Австріи и даже Версаля, который уже спрашивалъ тревожно Гофенфельса, что̀ такое затѣвается между фюрстами [2]).

Скромность попытки вовсе нескромнаго Гофенфельса еще болѣе объясняется поведеніемъ его патроновъ. Его проектъ въ сущности былъ лишь изложеніемъ программы прусскаго молодого двора. Кронпринцъ и Герцбергъ считали дѣломъ рѣшённымъ только одно — именно, что «прусскій, и никакой другой дворъ долженъ быть главой и рычагомъ союза князей» [3]); но самое исполненіе идеи они представляли лишь «въ отдаленной перспективѣ». Они болѣе, чѣмъ кто-либо изъ патріотовъ, скрытничали и требовали тайны отъ другихъ. Здѣсь страшились не только императора и его могущественныхъ союзниковъ, но еще самого Фридриха, которому сообщали лишь самыя невинныя свѣдѣнія о «броженіи» у фюрстовъ, да и то когда безъ этого нельзя было обойтись. Молодой дворъ считалъ стараго Фрица ни на что негоднымъ и даже способнымъ только испортить всякое великое дѣло. Такимъ и старался онъ представить короля въ глазахъ патріотовъ. При этомъ онъ дѣйствовалъ до того усердно, что впадалъ въ противорѣчія: у него сегодня старый Фрицъ долженъ былъ погубить великую идею своею вялостью и равнодушіемъ, завтра же — безразсудною поспѣшностью, желаніемъ «подвинуть дѣло слишкомъ энергично, ранѣе срока». А этимъ срокомъ считалось здѣсь одно изъ трехъ событій — турецкая война, смерть Карла-Теодора баварскаго и кончина самого Фридриха II. Дѣло въ томъ, что кронпринцъ искалъ популярности въ «отечествѣ»:

---

[1]) *Проектъ Гофенфельса*, отъ 10 февраля 1784 года, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 34—39.

[2]) *Гофенфельсъ прусскому министерству*, отъ 2-го мая 1784 года, *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 89—97.

[3]) Слова Герцберга: „Ce ne sera que la Cour de Prusse, qui devra et qui pourra y donner la branle", и въ другомъ мѣстѣ: „Der hiesige Hof sich an die Spitz setzen wird, da er wohl ohne Zweifel der einzige ist, der es ausführen kann und will". *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 25, 28.

ему хотѣлось вырвать изъ рукъ умирающаго дяди громкое дѣло и озарить его славой свое вступленіе на престолъ. Оттого до «срока» онъ показывалъ видъ, что приноситъ жертву Германіи, сдерживая, ради ея блага, свои горячіе патріотическіе порывы. «Если только—возвѣщалъ Фридрихъ-Вильгельмъ фюрстамъ-патріотамъ — если только нѣмецкіе князья не будутъ разсчитывать на иностранную помощь, а станутъ сами заботиться о своемъ сохраненіи, какъ прилично нѣмцамъ, то обѣщаю, *по вступленіи моемъ на престолъ*, защищать нѣмецкую имперію отъ всякихъ нападеній на ея свободу и конституцію, и не только не предпринимать ничего противнаго послѣднимъ, но вообще явить себя фюрстомъ-патріотомъ нѣмецкой имперіи». До тѣхъ же поръ, кромѣ подобныхъ патріотическихъ заявленій, молодой дворъ рѣшался «только подготовлять умы и матеріалы», стараясь, главнымъ образомъ, дѣйствовать въ предѣлахъ законности. Это означало старую нѣмецкую пѣсню—возстановленіе дѣятельности дремлющаго имперскаго сейма и отчасти исправленіе ржаваго механизма имперскихъ судилищъ. Можно было замѣтить только двѣ новыя, впрочемъ, весьма невинныя, прибавки къ этой изношенной пѣснѣ. Понимая главную слабую струну фюрстовъ, служившую лучшимъ путемъ къ популярности въ отечествѣ, молодой дворъ задумывался объ учрежденіи ссудной кассы для вызволенія запутавшихся въ долгахъ патріотовъ. Но самъ, не обладая финансами, онъ только «рекомендовалъ» это средство. Наконецъ, касательно самой великой идеи кронпринцъ высказывалъ только желаніе, чтобы немногіе, разумѣется «самые патріотичные», фюрсты условились между собой «словесно» и лишь о «самомъ невинномъ», и «прежде всего — въ глубочайшей тайнѣ»; затѣмъ они могли уже «осторожно подготовлять своихъ сосѣдей» [1]).

Подготовлять своихъ сосѣдей должны были Францъ дессаускій и Карлъ-Августъ веймарскій, которыхъ прусскій кронпринцъ называлъ «истинными нѣмецкими патріотами», за то, что они обѣщали «пожертвовать жизнью и имуществомъ для исполненія его мыслей» и до мелочей держались его приказаній, отчитываясь

---

¹) *Герцбергъ герцогу брауншвейгскому*, отъ 14 января 1784 года, съ приложеніемъ его „мнѣнія о тѣснѣйшемъ соединеніи имперскихъ князей“, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 24—29. — *Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому* отъ 2 марта 1785 года, у *Ranke*: Die deutschen Mächte, II, 282.—*Dohm*, III, 61—63.—*Ranke*, I, 106—108, 220. — Румянцовъ думалъ, что пруссаки „выставляли имя наслѣднаго принца“, потому что не были увѣрены въ успѣхѣ лиги. *Румянцовъ Остерману* отъ ⁶/₁₉ августа 1783 года.

ему въ каждомъ своемъ шагѣ и въ каждомъ словѣ [1]). Они раздѣлили роли между собой: Францъ разъѣзжалъ преимущественно по дворамъ свѣтскихъ, Карлъ-Августъ — духовныхъ фюрстовъ. Хотя, по свидѣтельству Румянцова, первый имѣлъ болѣе успѣха, такъ какъ его задача была легче, однако главная роль выпала на долю герцога веймарскаго, и она прекрасно рисуется изъ его обширнаго мемуара, составленнаго для прусскаго кронпринца.

Осенью 1784 года, Карлъ-Августъ пустился въ путь и тотчасъ же наткнулся на сильное препятствіе, притомъ тамъ, гдѣ можно было ожидать совсѣмъ другого пріема. Основываясь на дѣятельности Гофенфельса, кронпринцъ причислялъ Карла цвейбрюкенскаго къ «патріотамъ» и приказалъ герцогу веймарскому прежде всего побесѣдовать съ нимъ. Но вскорѣ онъ получилъ письмо отъ герцога, который умолялъ «уволить его отъ этого порученія и принять обратно письмо къ цвейбрюкенскому и собственноручную инструкцію». Карлъ-Августъ желалъ «избѣжать личныхъ и не очень лестныхъ непріятностей», такъ какъ его ожидаетъ въ Карлсбергѣ «весьма мало пріятный пріемъ», а «неудовольствіе цвейбрюкенскихъ могло бы скромпрометтировать» его «передъ дворами императорскимъ и французскимъ». Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстили герцога, въ Карлсбергѣ не желали его посѣщенія, опасаясь «скомпрометтировать себя передъ императорскимъ дворомъ» [2]). Но главная причина состояла, конечно, въ деньгахъ. Въ эту минуту въ Цвейбрюкенѣ происходило истинное торжище. Пріѣхалъ агентъ Іосифа, князь Вальдекскій, съ предложеніемъ купить земли Виттельсбаховъ въ Богеміи, причемъ онъ заявилъ, что императоръ «предлагаетъ Карлу стать его другомъ и уплатить всѣ его долги, если онъ пообѣщаетъ присоединиться къ нему и отказаться отъ всякихъ другихъ связей». Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ Пфеффель, вѣроятно призванный Гофенфельсомъ изъ Версаля: онъ предложилъ шесть милліоновъ франковъ, чтó, конечно, было принято, а предложеніе императора совершенно отвергли. Въ это-то время явился агентъ кронпринца, съ своими 100,000 дукатовъ, доставшихся Фридриху-Вильгельму, по его собственнымъ словамъ, «случайно» (par une espèce d'hazard!) «Французскія деньги помѣшали принять это великодушное пред-

[1]) У *Ранке* (Die deutschen Mächte II, 254 sq.) напечатана любопытная бумага, въ которой герцогъ веймарскій испрашиваетъ приказаній у принца прусскаго, куда ему поѣхать, чтó кому говорить и т. д.; здѣсь же приложены не менѣе интересные отвѣты принца.

[2]) *Карлъ-Августъ прусскому принцу*, отъ 24 октября 1784 года, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 261—263.

ложеніе вашего императорскаго высочества», доносилъ герцогъ веймарскій въ Потсдамъ, упоминая притомъ о французскомъ генеральскомъ мундирѣ, въ которомъ щеголялъ тогда карлсбергскій потентатъ. Впрочемъ, говорили, что Карлъ цвейбрюкенскій «лично весьма привязанъ» къ кронпринцу. Дѣйствительно, онъ «громко и горячо» расточалъ ему похвалы, какъ у себя, такъ и въ Мангеймѣ; а его агенту объявилъ «положительно и ясно, что его чувства неизмѣнны и что никакая интрига не въ силахъ отвратить его отъ патріотической системы, которой онъ держался доселѣ». Вскорѣ герцогъ прислалъ даже Фридриху-Вильгельму подобострастное благодарственное письмо и просилъ его не вѣрить внушеніямъ, посредствомъ которыхъ враги стараются «покрыть темными облаками его репутацію». Карлъ восклицалъ даже при этомъ съ паѳосомъ: «соединимъ наши сердца, чувства, интересы и силы, которыя *со временемъ* доставитъ намъ Провидѣніе, чтобы вступить въ борьбу съ возрастающей алчностью и всепожирающимъ честолюбіемъ нашихъ враговъ!» [1]). Впрочемъ, вообще карлсбергскій дворъ никогда еще не представлялъ такого хаоса и тревоги. Спекулянты толпились съ предложеніемъ денегъ на самыхъ безбожныхъ условіяхъ. Придворные и министры ссорились между собой. Кто предлагалъ свои услуги, «чтобы вліять на герцога», Вѣнѣ, кто Потсдаму. Говорили даже, что и «вальдекскій успѣлъ въ своемъ торгѣ». Въ то же время Максимиліанъ хлопоталъ о своей женитьбѣ и совѣщался то съ французскимъ, то съ прусскимъ агентами, а «министры имѣли тайное свиданіе съ герцогиней, которая вышла, обливаясь слезами: говорятъ, что, не довѣряя ея тѣлосложенію, ей предлагали разводъ».

Вмѣсто Цвейбрюкена, Карлъ-Августъ предпринялъ путешествіе въ Швейцарію, а на возвратномъ пути остановился, будто проѣздомъ, въ Мангеймѣ, гдѣ встрѣтили его маркграфъ баденскій съ Эдельсгеймомъ. Онъ засталъ ихъ «въ самой глубокой печали»: они просили его передать кронпринцу ихъ оправдательный мемуаръ. Печаль состояла въ томъ, что баденскіе только-что перессорились съ цвейбрюкенскими. Зная, что денежныя затрудненія достигли тогда въ Карлсбергѣ крайней степени, состоятельный маркграфъ предложилъ своему нищему сотоварищу обмѣняться нѣкоторыми пограничными округами съ денежной придачей. Сдѣлка была невыгодна Карлу—и онъ вскипѣлъ гнѣвомъ и благороднымъ негодованіемъ. Но главною причиной вражды

[1]) Это письмо отъ 9 января 1784 года напечатано у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 30—32.

двухъ дворовъ было соперничество ихъ министровъ. Тогда Гофенфельсъ такъ зло чернилъ Эдельсгейма, что прусскій агентъ въ Карлсбергѣ совѣтовалъ и кронпринцу, и даже герцогу веймарскому «хранить молчаніе съ баденскимъ дворомъ». Онъ разглашалъ, будто Эдельсгеймъ не соблюдаетъ великой тайны и доноситъ о ней не только въ Версаль, но даже въ Вѣну, такъ что о ней тотчасъ же узнали Румянцовъ и фюрстъ вальдекскій. Баденскій министръ не оставался въ долгу,—онъ обвинялъ Гофенфельса въ двуличности и отъявленной лживости. Карлу-Августу пришлось горячо защищать передъ своимъ патрономъ своего друга, маркграфа баденскаго. Онъ доказывалъ, что во всемъ виновато цвейбрюкенское министерство, и совѣтовалъ «быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми, которые важнѣе всѣхъ для уніи». «Это—писалъ онъ—надежнѣйшее средство привлечь къ себѣ сердца и вѣрно исполнить свои патріотическіе замыслы: полнѣйшее взаимное довѣріе—вотъ единственное средство, которое можетъ сдѣлать насъ грозными» [1]).

Но «самыми интересными статьями» доклада Карла-Августа, по его собственному признанію, были его переговоры съ духовною лигой. Герцогъ веймарскій двинулся изъ Мангейма во Франкфуртъ-на-Майнѣ уже не одинъ, а въ сопровожденія Эдельсгейма, у котораго оказались тамъ какія-то дѣла, «касавшіяся интересовъ баденскаго дома». Туда же должны были пріѣхать «господа майнцскіе». Они и прибыли, даже раньше нашихъ путешественниковъ, но наткнулись на Лербаха—и въ мигъ убрались оттуда, назначивъ свиданіе Эдельсгейму въ Гёхстѣ. Баденскій министръ поѣхалъ туда ночью и возвратился въ вечернихъ сумеркахъ.

Вотъ чтó вынесъ онъ изъ своихъ новыхъ переговоровъ съ майнцскими. «Не только духовные курфюрсты, но также епископъ вюрцбургскій и бамбергскій и нѣкоторые другіе фюрсты-епископы соединились для представленія императору сильныхъ письменныхъ протестовъ противъ его поступковъ съ ними. Майнцскій особенно живо подвигалъ дѣло, ибо онъ зналъ, что императоръ весьма недоволенъ ими, чтó и выразилось въ его крайне-суровомъ рескриптѣ. Онъ требовалъ устроить конференцію католическихъ чиновъ, но до сихъ поръ не дождался этого и отплатилъ императору тѣмъ, что содержалъ его войска, проходившія черезъ его землю, самымъ сквернымъ образомъ. Духовные князья рѣ-

[1]) Вышеупомянутое письмо Карла-Августа Фридриху-Вильгельму и отвѣтъ на него, отъ 31-го октября 1784 года: *Ranke*, II, 261—264.

шились, если ихъ протестъ не подѣйствуетъ, соединиться, чтобы силой отстранять все, что могло бы обрушиться на нихъ вслѣдствіе войны (Іосифа съ Голландіей). Они желаютъ знать намѣренія и чувства свѣтскихъ князей насчетъ ихъ проекта, и особенно тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ къ уніи; о послѣдней они слышали и воображаютъ, что она уже устроилась. Напримѣръ, майнцскій желалъ бы побесѣдовать съ маркграфомъ баденскимъ, княземъ этой мнимой уніи, «которому онъ довѣряетъ больше всѣхъ». Наконецъ, заходила рѣчь и о выборѣ римскаго императора. «Майнцскіе говорятъ, что курфюрсты (духовные) употребятъ всѣ силы для противодѣйствія замысламъ императора. Въ заключеніе, они прибавили, что желали бы избрать его королевское высочество (прусскаго кронпринца) будущимъ главою Германіи, если только онъ рѣшится принять католическую религію». Эдельсгеймъ сказалъ своему спутнику, что его маркграфъ вовсе не знаетъ майнцскаго владыки, да къ тому же «желаетъ, насколько возможно, избѣгать случаевъ, въ которыхъ свѣтскіе князья могутъ компрометтировать себя слишкомъ большою ревностью къ духовнымъ». Словомъ, онъ убѣдилъ Карла-Августа съѣздить самому въ Майнцъ, пользуясь личными связями съ епископомъ вюрцбургскимъ и съ самимъ владыкой, а также множествомъ знакомствъ въ городѣ.

Но съ чѣмъ же ѣхалъ Карлъ-Августъ въ Майнцъ? Съ увѣреніями, которыя должны были скорѣе охладить, чѣмъ поддержать патріотическую ревность владыкъ. Онъ рѣшился объяснить курфюрсту, что никакой свѣтской уніи не существуетъ и что даже «теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо направить охладѣвшіе умы къ общей цѣли». Протестантскіе князья не менѣе католическихъ убѣждены въ необходимости католической церкви и ея поддержки въ имперіи. Слухи о томъ, что прусскій дворъ налаживаетъ унію, въ чемъ убѣждены владыки, не вѣрны: у фюрстовъ «независимые виды». Но тутъ же Карлъ-Августъ собирался намекнуть на необходимость согласія Пруссіи и Франціи, и въ то же время заявить, что кронпринцъ не перемѣнитъ религіи: но «католики не рискуютъ ничѣмъ, выбравъ въ императоры протестанта съ такими возвышенными чувствами», какъ онъ. Но болѣе всего герцогъ веймарскій рѣшался настаивать на томъ, чтобы иниціатива принадлежала духовнымъ фюрстамъ, чтобы они предложили свѣтскимъ «солидный проектъ» уніи.

Майнцскій владыка былъ любезенъ съ своимъ гостемъ, но все старался говорить съ нимъ о своей мебели, а не о политикѣ. Наконецъ, онъ намекнулъ, что, кажется, фюрстъ дессау-

скій, бывшій тогда у его брата въ Вюрцбургѣ, разъѣзжаетъ не безъ вѣдома прусскаго двора. Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ велъ себя такъ, что Карлъ-Августъ уѣхалъ, «не достигнувъ своей цѣли», и, какъ ни старался, не заставилъ его промолвиться ни словечкомъ насчетъ императорскихъ выборовъ. Разставаясь съ гостемъ, владыка сказалъ, что самъ онъ посондируетъ Версаль, а ему предлагалъ сдѣлать то же въ Берлинѣ. Онъ прощался «до весны», ибо «зима рѣшитъ много великихъ дѣлъ» [1]). Слѣдовательно, здѣсь дѣло откладывалось, какъ говорятъ нѣмцы, in's April.

Тѣмъ и кончилось «броженіе» у фюрстовъ. Оно не могло привести къ серьёзнымъ результатамъ, вслѣдствіе безсилія и раздоровъ князей. Первое лучше всего доказывается общимъ страхомъ, который былъ и мотивомъ, и отличительный чертой всего движенія. Всѣ дѣйствовали, какъ заговорщики или школьники.—Боялись собственной затѣи, говорили на-ушко, запирали двери, назначали свиданія въ захолустьяхъ и прикрывали свои разъѣзды невинными предлогами: герцогъ веймарскій пріѣхалъ въ Майнцъ, приглашенный однимъ пріятелемъ на маскарадъ! Всѣ таились другъ передъ другомъ, не довѣряли самымъ близкимъ лицамъ: Карлъ-Августъ спѣшилъ выѣхать изъ Дармштадта, опасаясь проболтаться тамъ, среди своихъ родственниковъ, и его бумаги по этому дѣлу переписывались рукой самаго надежнаго человѣка—Гёте. Затѣяли дѣло изъ страха передъ сильными нѣмецкими державами, въ особенности же передъ Австріей, а между тѣмъ всѣ, не исключая такого патріота, какъ герцогъ веймарскій, больше всего опасались «скомпрометтировать себя» передъ императорскимъ дворомъ, и кончили тѣмъ, что нѣкоторые обратились къ Версалю, и какъ таинственно! Переговоры съ Франціей шли черезъ пятыя руки: каждый отгонялъ отъ себя прямое участіе и посылалъ другихъ. Большинство же созналось, что ничего нельзя сдѣлать безъ могущества Берлина—и великодушный Карлъ-Августъ превратился въ мелкаго подобострастнаго агента прусскаго кронпринца.

Нравственному ничтожеству «броженія» соотвѣтствовало матеріальное. Стóитъ только перечесть его участниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Приведемъ здѣсь краткую, но мѣткую политическую расцѣнку фюрстовъ, сдѣланную Румянцовымъ для Екатерины, которую необходимо имѣть въ виду и при дальнѣйшемъ изложеніи. «Разсматривая части имперіи, видимъ, что главная—курфюршество баваро-палатинское: я не считаю частями имперіи

---

[1]) *Мемуаръ герцога веймарскаго*, у *Ранке*, II, 265 sqq.

Ганновера, Бранденбурга и Богеміи, ибо это—болѣе или менѣе колоссы, которые лишь одной ногой стоятъ въ имперіи. Палатинатъ даетъ 4 милліона дохода. Юлихъ и Бергъ даетъ Палатинату полмилліона флориновъ и два полка. Баварія даетъ 4 милліона, но, говорятъ, можетъ давать 13. Войска въ Палатинатѣ и Баваріи можетъ быть до 30,000. Велико и значеніе курфюрста въ имперіи. Онъ одинъ изъ двухъ викаріевъ имперіи, директоръ Баварскаго округа, со-директоръ округовъ Верхне-Рейнскаго и Вестфальскаго. У него шесть голосовъ на имперскомъ сеймѣ и въ княжеской коллегіи.—На второмъ планѣ стоитъ курфюрстъ саксонскій. Нынѣ онъ даже важнѣе баварскаго по порядку въ своихъ финансахъ, по числу и дисциплинѣ своихъ войскъ.—За курфюрстами слѣдуютъ князья. По значенію, ихъ можно раздѣлить на три класса. I—Кассель и Вюртембергъ, которые, въ случаѣ нужды, могутъ выставить 10—12 тысячъ человѣкъ. Первый болѣе самодержавенъ въ своемъ государствѣ, болѣе могуществененъ и нынѣ скопилъ огромную сумму изъ субсидій, уплаченныхъ ему Англіей. II—Баденъ, Анспахъ, Брауншвейгъ и другіе князья, которые могутъ выставить 2 или 3 тысячи: ихъ немного. III—толпа тѣхъ, которые пользуются почестями верховной власти, не имѣя и тѣни характеризующаго ее могущества [1]). Дополнимъ эту оцѣнку. Имѣли нѣкоторый вѣсъ: саксонскія и ангальтскія герцогства да княжества Рейссы, потому что ихъ династіи поддерживали другъ друга, на основаніи фамильныхъ договоровъ, и были въ родствѣ съ Гогенцоллернами. Герцоги брауншвейгскій и мекленбургъ-стрелицкій играли видную роль, какъ родственники англо-ганноверскаго дома. Нассау, Голштейнъ и Ольденбургъ находились въ связяхъ съ Россіей и Голландіей. Шварцбургъ и Липпе славились блескомъ своихъ древнихъ династій.

Оказывается, что душой «броженія» были нѣсколько князей самаго низшаго разряда, за которыми слѣдовалъ, на второмъ планѣ, одинъ фюрстъ II-го разряда. Здѣсь не было не только ни одного свѣтскаго курфюрста, но даже ни одного фюрста I-го разряда.

По отсутствію единодушія, фюрсты сильно напоминали польскую интеллигенцію во время паденія Рѣчи-Посполитой. Несмотря на впервые заявленное стремленіе къ вѣротерпимости, не произошло сліянія между зародышами духовной и свѣтской лиги. Владыки требовали католическаго императора и искали

---

1) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

опоры въ единовѣрной Франціи [1]) и отчасти въ Римѣ, а нѣкоторые даже подумывали о Россіи [2]). Свѣтскіе князья старались провести ихъ, взваливъ на нихъ опасность почина въ столь щекотливомъ дѣлѣ, не заручаясь однако насчетъ уступокъ католицизму. Передъ посѣщеніемъ Майнца, герцогъ веймарскій совѣщался съ Эдельсгеймомъ прежде всего о томъ, «насколько *не* довѣрять духовнымъ князьямъ». Въ средѣ самихъ свѣтскихъ фюрстовъ господствовали раздоры. Они подозрѣвали другъ друга въ злыхъ умыслахъ и клеветали одинъ на другого. Почти у каждаго былъ свой планъ. Кто хотѣлъ полной независимости, кто склонялся къ Версалю или же придерживался Пруссіи, причемъ одни считали молодой дворъ самостоятельнымъ, другіе — орудіемъ Фридриха II; нѣкоторые даже подумывали о Россіи съ Даніей. Въ Касселѣ показывала признаки жизни идея Шлиффена, хотя уже нѣсколько видоизмѣненная: этотъ министръ видѣлъ теперь зерно нѣмецкой уніи въ соединеніи Ганновера, Касселя и Брауншвейга [3]). Но герцогъ брауншвейгскій отказывался отъ всякихъ проектовъ княжескаго союза и только доносилъ о нихъ въ Потсдамъ, спрашивая у своего друга, Герцберга, какъ поступить «въ столь деликатномъ» дѣлѣ. Онъ презиралъ фюрстовъ за ихъ ничтожество и раздоры. «Недовѣріе, этотъ удѣлъ слабыхъ — писалъ онъ Фридриху II — вотъ первое начало разноголосицы, царствующей въ дѣлахъ имперіи. Каждый фюрстъ ищетъ опоры, которую указываетъ ему его мѣстное положеніе; никто не смѣетъ даже поднять головы, чтобы хоть составить планъ соединенія. Слѣпое потворство версальскаго двора вѣнскому сильно увеличиваетъ эту смуту, безъ Франціи же ни одинъ сосѣдній съ нею фюрстъ не смѣетъ ничего предпринять. А если кто лично расположенъ преодолѣть всѣ препятствія, тому мѣшаютъ собственные министры, которые, спѣша оправдаться, первые извѣстятъ объ этомъ Францію, а оттуда не замедлятъ увѣдомить вѣнскій дворъ» [4]).

---

[1]) Франція, съ своей стороны, не замедлила воспользоваться случаемъ. Въ августѣ 1784 года Румянцовъ доносилъ Остерману: „Франція начинаетъ самопроизвольно уплачивать подъ рукою нѣкоторнмъ германскимъ принцамъ по счетамъ за послѣднюю войну, которнхъ доселѣ не признавала. Кельнскій на-дняхъ, не ожидая, получилъ нарочитую сумму“.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 5/16 марта 1784 года. „On me dit qu'ils (духовные князья) se proposent d'avoir recours à l'Imperatrice et au Roi de France, comme aux Garants de la Constitution Germanique“.

[3]) *Домъ Фридриху II*, отъ 12 іюня 1785 года, у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 234 sq.

[4]) *Герцогъ брауншвейгскій Фридриху II*, отъ 15 октября 1784 года, у *Шмидта:* Unionbestrebungen I, 101 sq.

Особенно силенъ былъ раздоръ между Цвейбрюкеномъ и Баденомъ, съ которыхъ нужно было начинать, и главною причиной его былъ тотъ самый Гофенфельсъ, въ проектѣ котораго такъ ярко обрисована и такъ горячо оплакана рознь между фюрстами. Когда появился баденскій проектъ, онъ возненавидѣлъ своего соперника по ремеслу и послалъ въ Потсдамъ рѣзкій доносъ на него и на весь баденскій дворъ. А о самомъ проектѣ Эдельсгейма Гофенфельсъ выразился такъ: «я почелъ недостойнымъ представить въ Потсдамъ, великому монарху, служащему хранителемъ германской свободы и образцомъ Европѣ, столь мало переваренный проектъ или, скорѣе, вспышку патріотизма» [1]).

Понятно, что печальная судьба постигла возникшіе тогда проекты уніи, принадлежавшіе двумъ министрамъ-соперникамъ. Планъ Эдельсгейма нашелъ горячее сочувствіе только у Карла-Августа веймарскаго и Франца дессаускаго, чт́о служитъ новымъ доказательствомъ непрусскаго патріотизма этихъ князей: послѣдніе старались даже распространить проектъ Эдельсгейма возможно дальше. Но баденскій министръ больше нигдѣ не встрѣтилъ поддержки. Герцогъ брауншвейгскій посовѣтовалъ ему прежде всего побесѣдовать съ потсдамскими, а самъ переслалъ его трудъ Герцбергу, описывая его съ насмѣшкой и презрѣніемъ, какъ «патріотическую мечту». Герцбергъ совершенно согласился съ мнѣніемъ герцога, и проектъ Эдельсгейма былъ положенъ подъ сукно. Но напрасно Гофенфельсъ старался погубить сочиненіе своего товарища: его собственный проектъ постигла не лучшая участь. Его показали въ Баденѣ, произошло два-три свиданія между принцами и министрами этой страны и Цвейбрюкена, только увеличившія разногласія: тѣмъ дѣло и кончилось у фюрстовъ. А Герцбергъ положилъ и этотъ проектъ подъ сукно, опять основываясь на своей теоріи «трехъ сроковъ», которые, впрочемъ, сократились тогда до двухъ. Самъ Герцбергъ писалъ въ это время кронпринцу: «мотивы этой отсрочки и этой осторожности становятся еще болѣе сильными, такъ какъ перспектива войны на Востокѣ не только отдаляется, но и совсѣмъ исчезаетъ» [2]).

И чт́о же предлагали всѣ княжескіе проекты и замыслы, представлявшіе собой вавилонское столпотвореніе? Весьма старыя pia desideria, блѣдные планы самыхъ общихъ, туманныхъ преобразованій имперіи — словомъ, обычный нѣмецкій сентиментализмъ

---

[1]) *Гофенфельсъ прусскимъ министрамъ*, отъ 2 мая 1784 года, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 89—91.

[2]) Это письмо (отъ 1 февраля 1784 года) см. у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 33.

въ политикѣ. Новаго было только одно—какая-то тощая, «невинная» переписка между «самыми надежными» фюрстами, то-есть между двумя-тремя лицами, и безъ того знавшими назначеніе курьеровъ. Все движеніе должно было ограничиваться всеобщимъ «сондированіемъ» да «подготовкой матеріаловъ для размышленій», притомъ въ «глубочайшей тайнѣ», съ «величайшимъ благоразуміемъ». И оказывалось, что императоръ, вызвавшій эту бурю въ стаканѣ воды, въ сущности еще мало навредилъ: собирались ждать болѣе законнаго повода къ возстанію — то-есть того времени, когда Іосифъ приготовилъ бы Германіи судьбу Польши!

«Броженіе» 1783 и 1784 годовъ лучше всего доказывало въ сотый разъ, что переворотъ въ Германіи не могъ произойти самостоятельно, безъ участія великихъ нѣмецкихъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ эти державы двинули впередъ идею германскаго объединенія—Австрія отрицательно, своимъ обмѣномъ земель, а Пруссія положительно. Самъ старый Фрицъ взялся за союзъ князей—и онъ состоялся.

ГЛАВА XIV.

Фридрихъ II и подготовка „Союза князей".

Фридриху II, а не Герцбергу съ кронпринцемъ, принадлежала идея союза князей. Она уже сложилась въ его головѣ, когда онъ вступилъ на престолъ; она сопровождала его и въ могилу. Фридрихъ хватался за нее при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ мирное время, и среди громовъ войны (см. гл. I и IV). Онъ готовъ былъ провести ее въ жизнь всякими средствами, не исключая «покровительства русскаго двора», и только отказъ Екатерины и ея союзъ съ Іосифомъ заставили его полагаться въ этомъ дѣлѣ только на самого себя. Съ тѣхъ-то поръ Фридрихъ сталъ внушать нѣмцамъ, что Россія—самый опасный врагъ ихъ, за которымъ нужно зорко слѣдить, и что Іосифъ измѣнилъ «отечеству» уже вслѣдствіе своего союза съ нею. Съ тѣхъ же поръ онъ началъ привыкать къ роли нѣмецкаго патріота, которая такъ изумляла его самого въ началѣ царствованія. И въ этомъ смыслѣ правъ нѣмецкій историкъ, доказывающій, что сознаніе связи съ Германіей, «бывшее сначала смутнымъ предчувствіемъ, росло въ Пруссіи вмѣстѣ съ Фридрихомъ Великимъ» [1].

Конечно, вслѣдствіе перемѣны въ политикѣ Фридриха послѣ губертсбургскаго мира не измѣнилось значеніе національной роли Пруссіи. Тотъ же нѣмецкій историкъ замѣчаетъ: «какъ нѣмецкая политика Австріи австрійская, такъ нѣмецкая политика Пруссіи всегда была прежде всего прусская—тутъ не должно обманывать себя, и она въ томъ только случаѣ могла превратиться въ истинно-нѣмецкую, когда бы Германія и Пруссія растворились

[1] *Ad. Schmidt*: Preussens deutsche Politik, 25.

другъ въ другѣ... Фридрихъ II, защищая имперскую конституцію, дѣйствовалъ вовсе не изъ фантастическаго стремленія сохранить имперскую систему, а лишь изъ желанія спасти ее отъ постепеннаго поглощенія Австріей» [1]). Должно припомнить, что уже въ 1757 году храбрые генералы въ Потсдамѣ поговаривали объ украшеніи Фридриха императорскою короной. И тогда же воскресло старое предсказаніе Ленина [2]), которое усердно стали растолковывать мудрецы, въ особенности же его 95-й стихъ:

Et pastor gregem recipit, Germania regem
(И пастырь находитъ свое стадо, а Германія своего короля).

Чѣмъ дряхлѣе становился Фридрихъ, тѣмъ болѣе выдвигалась у него на первый планъ идея «союза князей». А никогда онъ не былъ такою развалиной, какъ въ тѣ минуты, до которыхъ мы дошли. Тяжело читать его письма того времени къ любимому брату, Генриху: «люди — говоритъ онъ, — пресмѣшное созданіе, бездѣлка, рейнсбергскій муравей... Мы—жалкій атомъ, прозябающій въ самомъ презрѣнномъ состояніи... Не старайся, братъ, возвысить, облагородить, въ моихъ глазахъ, родъ человѣческій... Стóитъ ли онъ чего-нибудь, когда въ немъ порой мудрѣйшихъ увлекаютъ тѣ, которымъ они должны бы предписывать законы?.. Наши дѣла—дѣтскія игры... Ни религія, ни философія — ничто не исправитъ человѣчества, движимаго однѣми страстями... Не стóитъ ничего желать, ни о чемъ сожалѣть. Уходя изъ жизни, немного теряешь». Самъ все еще не довѣряя религіознымъ истинамъ, какъ въ юности, Фридрихъ однако начиналъ сожалѣть объ ихъ ослабленіи и предвѣщать великія опасности обществу отъ новаго направленія умовъ. Вездѣ представлялись ему одни трупы,

---

[1]) Тамъ же, 23—25.

[2]) Это предсказаніе мнимаго древняго ленинскаго монаха, состоящее изъ сотни плохихъ латинскихъ стиховъ, составлено наканунѣ XVIII вѣка, и по всей вѣроятности въ Берлинѣ. Его судьба представляетъ любопытное культурное явленіе, характеризующее общество прошлаго вѣка. Пророчество сначала ходило по рукамъ въ рукописи, какъ святыня, и увлекало всѣхъ, отъ крестьянина до дипломата и ученаго. Въ печати оно появилось въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, и съ тѣхъ поръ выдержало множество изданій съ кучей курьёзныхъ комментаріевъ. Кому только мудрые толкователи не предназначали императорскую корону! И къ какимъ только уловкамъ не прибѣгали они, чтобы вывернуться тамъ, гдѣ пророчество уже было опровергнуто событіями самымъ безпощаднымъ образомъ! На-дняхъ появилось новѣйшее изданіе ленинскаго пророчества (*Hilgenfeld:* Die Lehninische Weissagung über die Mark Brandenburg nebst der Weissagung von Benedictbeuren über Bayern). Ленинское предсказаніе вызвало нѣсколько серьёзныхъ изслѣдованій (Wilken, Giesebrecht).—Ср. *Schmidt*: Preussens deutsche Politik, 11—16.

и прежде всего его собственный. «Мои страданія — говоритъ онъ — предшественники смерти... Мое дряблое тѣло, почти лишенное памяти — ветхая, разбитая машина... Я кое-какъ таскаю мои старыя кости: силъ уже нѣтъ, остается одна добрая воля, да и той не надолго хватитъ... Ко мнѣ идутъ слова Марка-Аврелія: ты — душа, влачащая трупъ». Часто Фридрихъ упоминаетъ о своемъ близкомъ «путешествіи ad patres, въ Елисейскія поля», куда уже отправленъ его «главный багажъ». «Другъ мой, укладывайся!» говоритъ онъ самъ себѣ и прибавляетъ, что нисколько не сожалѣетъ объ этомъ, ибо «смерть желательнѣе страдальческой жизни».

Чѣмъ сильнѣе овладѣвало Фридрихомъ это предсмертное настроеніе, тѣмъ болѣе онъ становился, по его собственному сознанію, «боязливымъ и осторожнымъ». Европейская политика представлялась ему ужаснымъ «хаосомъ» и «кризисомъ», въ которомъ Пруссія кружилась, какъ пылинка въ вихрѣ. «Интересы Пруссіи и даже Германіи, по его словамъ, — мелочи, къ которымъ равнодушна вселенная. Планеты все также будутъ двигаться вокругъ солнца, увлекая насъ за собой — будемъ ли мы свободными, или рабами... Не намъ, пруссакамъ, разсѣять этотъ странный политическій хаосъ: это — дѣло двухъ императорскихъ дворовъ. Мы висимъ въ воздухѣ, безъ союзовъ, безъ друзей, уединенные, какъ Англія». Никогда еще Іосифъ и Екатерина не были такъ страшны и ненавистны Фридриху. Въ концѣ 1782 года, когда онъ еще не зналъ о русско-австрійскомъ союзѣ, ему казалось, что Іосифъ одинъ «внезапно бросится на Пруссію и начнетъ столь же разрушительную войну, какъ въ 1756 г.». Онъ жаловался брату, что этотъ «буйный, проклятый» Іосифъ, съ своими «гнусными проектами», не дастъ ему умереть спокойно. Екатерину Фридрихъ иначе не называлъ тогда, какъ «великою, вседержавною повелительницей (grande pantocratrice), которая не даетъ дороги Провидѣнію и съ высоты своего престола будетъ предписывать деспотическіе законы потентатамъ нашей планеты». Онъ «чувствовалъ свое униженіе передъ ней», но оправдывался тѣмъ, что «былинка не должна жаловаться, если дубовая вѣтвь свалится на нее и раздавитъ ее». Онъ только выражалъ желаніе, чтобы русскіе, «эти варвары, эти медвѣди (oursomanes) занимались какою-нибудь Кубанью, а не Пруссіей». Но при всѣхъ такихъ мрачныхъ разсужденіяхъ, Фридрихъ восклицалъ: «я слишкомъ люблю мое отечество, чтобы безчувственно смотрѣть на угрожающую ему участь!.. Я не хочу заслужить упрека; не хочу, чтобы сказали, по смерти моей, что я пренебрегъ хоть чѣмъ-

нибудь!.. Стражъ долженъ быть бдителенъ!.. Я работаю на благо государства, какъ честный человѣкъ» [1]).

Фридрихъ разумѣлъ подъ «работой» самый важный изъ политическихъ союзовъ, объ отсутствіи которыхъ онъ такъ сожалѣлъ — союзъ князей. Тогда онъ, можно сказать, только и жилъ этою идеей. Онъ рѣшился «непремѣнно осуществить ее до своей смерти». Фридрихъ опредѣлилъ посвятить ей свои послѣдніе дни, какъ «честный гражданинъ», какъ «вѣрный слуга отечеству». Онъ не хотѣлъ промѣнять ее ни на что — ни даже на земельныя пріобрѣтенія. Эта идея была въ глазахъ Фридриха «послѣднимъ средствомъ противъ честолюбія, прожорливости и деспотизма императора», которое «если не сдѣлаетъ всего, то хоть отсрочитъ» бѣдствіе. Онъ даже надѣялся извлечь изъ нея прямую пользу для Пруссіи, собравъ во имя ея «нѣсколько денегъ для субсидій, которыя становились необходимой издержкой, въ виду окружающихъ обстоятельствъ». Наконецъ, онъ думалъ, что лига устранитъ страхъ, связанный съ изолированнымъ положеніемъ въ Европѣ, который мучилъ его и «не давалъ ему заняться необходимыми внутренними операціями» [2]).

Такъ какъ Фридрихъ еще въ 1783 году часто заговаривалъ съ своими министрами о союзѣ князей, и даже открыто, на обѣдахъ, а между тѣмъ все еще чего-то опасался, чего-то поджидалъ, то его не поняли даже приближенные. Наслѣдный принцъ и Герцбергъ думали, что это лишь болтовня старика, который «боится то шума, то издержекъ», и что «при малѣйшемъ препятствіи все превратится въ комедію». Но весной 1784 года передъ ними какъ-бы снова воскресъ молодой Фрицъ. Теперь, точно также какъ передъ баварской войной, Фридриху трудно было рѣшиться на важный шагъ; но разъ рѣшившись, онъ уже пошелъ бодро, съ прежней ловкостью и непоколебимой энергіей. Онъ негодовалъ на мѣшкотность своего министерства и, можно сказать, ежедневно настаивалъ на немедленномъ исполненіи плана, потому что «пришла пора — и безъ этого Пруссія погибла; а въ двѣ недѣли не соберешь столько головъ подъ одну шапку» [3]).

Послѣднимъ толчкомъ къ рѣшенію Фридриха были тревожныя вѣсти изъ Регенсбурга о новыхъ проискахъ Австріи на сеймѣ и о какихъ-то «захватахъ» въ Германіи, замышляемыхъ Іоси-

---

[1]) Переписка Фридриха съ братомъ, въ его *Oeuvres*, XXVI, 478—532. Cf. XXVII (1 part), 351 sq.

[2]) Изъ инструкцій Фридриха своимъ министрамъ и дипломатамъ, напечатанныхъ у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 51, 171, 204, 219, 246.

[3]) *Schmidt*: Unionsbestrebungen I, 24 sq. 50—56, 75, 81, 171, 228.

фомъ, который тогда поднималъ дѣло объ обмѣнѣ земель. Въ мартѣ 1784 года Фридрихъ далъ своему министерству замѣчательный кабинетный указъ, который служитъ исходною точкой союза князей. Въ немъ сказано: «мы совершенно лишены союзниковъ, поэтому намъ крайне необходимо работать изъ всѣхъ силъ, чтобы устроить въ имперіи родъ *ассоціаціи*, на подобіе Шмалькальденской лиги. У насъ нѣтъ другого средства, *ибо мы* положительно *не можемъ разсчитывать на Россію.* Напротивъ, можно даже предвидѣть, что, если не умретъ императрица, императоръ вовлечетъ ее въ свои виды. Сѣверныя державы, то-есть Данія и Швеція, трепещущія передъ Россіей, не пошевелятся, да онѣ и не въ состояніи ничего сдѣлать, вслѣдствіе своего безсилія. Англія истощена послѣднею войной, да если бы и оправилась, не станетъ дѣйствовать противъ Россіи. Франція только-что сняла маску, гнусно и низко потворствуя Австріи... Соображая все это и еще принимая въ разсчетъ мои лѣта, я не вижу другого средства, какъ составить лигу въ имперіи для поддержки правъ и преимуществъ князей. Такъ можно надѣяться вовлечь въ ассоціацію *какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ фюрстовъ.* Но чтобы имѣть успѣхъ, нужно быть готовымъ платить субсидіи этимъ господамъ, какъ только придется пустить ихъ въ ходъ... Тутъ должно браться за дѣло не лѣниво.... Если мы будемъ сидѣть, сложа руки, никто не возьмется за него. Поэтому, куйте желѣзо возможно скорѣе... Не должно медлить съ началомъ дѣла» [1]).

Замыселъ Фридриха тотчасъ же встрѣтилъ сопротивленіе въ его собственныхъ министрахъ. Старикъ Финкенштейнъ медлилъ просто по свойственной ему вялости и нерѣшительности; Герцбергъ же, служившій молодому двору, сознательно старался затянуть дѣло. Онъ даже пытался отсовѣтовать его, ссылаясь на неблагопріятный моментъ, и находилъ, что лучше бы, вмѣсто этихъ опасныхъ затѣй, не скупиться и содержать въ Германіи министра, а не простого резидента. Но воля Фридриха была непреклонна, и тотчасъ же были отправлены извѣстительныя депеши въ Цвейбрюкенъ, Дрезденъ и Ганноверъ: согласіе этихъ князей означало бы соединеніе всѣхъ свѣтскихъ курфюрстовъ, такъ какъ, въ виду близкой смерти Карла-Теодора, курфюрстомъ пфальцскимъ считался въ Берлинѣ уже не онъ, а его племянникъ. Впрочемъ, это было опять лишь сондированіе почвы да

---

[1]) Фридрихъ Финкенштейну, отъ 6-го марта 1784 года. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 50 sq.

«подготовка матеріаловъ». Говорилось только о «дружеской переписк-Ѣ, о соглашеніи и неусыпномъ присматриваніи» за происками императора. И до того боялись огласки дѣла, что Фридрихъ, рѣшившись извѣстить также маркграфа анспахъ-байрѣтскаго, какъ своего родственника, послалъ депешу къ нему черезъ Дрезденъ, чтобы миновать австрійскія владѣнія. Но хуже всего было то, что Герцбергъ приложилъ къ депешамъ свои частныя письма, въ которыхъ совѣтовалъ фюрстамъ «отдѣлаться какими-нибудь общими отвѣтами», потому что въ Потсдамѣ вовсе не думаютъ «теперь же браться за дѣло». Прусскій министръ увѣрялъ, что Фридрихъ «мучитъ» своихъ сотрудниковъ лишь «вздоромъ» (chipotage) и «совершенно парадоксальными» затѣями, которыя притомъ хочетъ проводить черезъ «ничтожныхъ агентовъ, служащихъ даромъ, не видавшихъ въ глаза никакого двора и понимающихъ только рекрутскія да колонистскія дѣла». Герцбергъ утѣшалъ своихъ корреспондентовъ только тѣмъ, что у короля довольно сильные припадки подагры [1]).

При такихъ условіяхъ начало дѣла не предвѣщало успѣха. Отвѣты на извѣстительныя депеши были неутѣшительны. Изъ Цвейбрюкена пришло только письмо Гофенфельса къ Герцбергу, въ которомъ, конечно, вполнѣ одобрялся взглядъ послѣдняго. Въ Саксоніи господствовалъ такой же разладъ въ правительственныхъ кругахъ, какъ въ Берлинѣ. Курфюрсту Фридриху-Августу III (1768—1827) было гораздо легче справляться съ своею внутренней, чѣмъ съ внѣшней политикой. Подъ его почти 20-ти-лѣтнимъ правленіемъ страна отдохнула отъ той сказочной роскоши двора, при двухъ польскихъ Августахъ, слѣдствія которой были вреднѣе ужасовъ Семилѣтней войны. Правда, въ началѣ царствованія Фридриха-Августа при дворѣ все еще числилось 150 камергеровъ и 97 камеръ-юнкеровъ, а въ 25-тысячной арміи— 4 генералъ-фельдмаршала, 13 генералъ-лейтенантовъ, 13 генералъ-маіоровъ и т. д., и дворъ поглощалъ $^1/_6$, а армія $^1/_3$ бюджета. Но эти расходы постоянно сокращались, а управленіе становилось все проще и разумнѣе. Финансы поправились и Европа изумлялась процвѣтанію кредита въ Саксоніи; города богатѣли и обнаруживали духъ независимости; даже печать, стѣсняемая менѣе, чѣмъ у другихъ фюрстовъ, выказывала признаки жизни, и появились школы новой, лучшей системы, учительскія семинаріи, новыя каѳедры въ университетахъ. Этому способствовало сохраненіе земства. Іосифъ II находилъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ та-

---

[1]) *Görtz*, I, 281.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 57—75.

кого хорошаго земскаго управленія, и называлъ Саксонію «самымъ счастливымъ соединеніемъ монархіи съ демократіей» [1]). Много значила и благодарная природа страны. Въ Саксоніи промышленность, безъ правительственной опеки, была солиднѣе, чѣмъ въ Пруссіи, гдѣ Фридрихъ II старался помогать ей всѣми мѣрами. Но внѣшняя политика Саксоніи всегда представляла гордіевъ узелъ. Страна была какъ въ тискахъ, между великими державами Германіи. Къ тому же связь съ Польшей, послѣ двухъ Августовъ, стала какъ-бы династическимъ преданіемъ въ Дрезденѣ и вовлекла Саксонію въ русскую политику.

Фридрихъ-Августъ, конечно, страшился усиленія такого союзника какъ Гогенцоллернъ, но онъ помнилъ, чего стоила его предшественнику склонность къ Габсбургамъ, въ эпоху Семилѣтней войны, и даже считалъ себя лично обязаннымъ Фридриху II [2]). Сверхъ того, властолюбивыя стремленія Іосифа заставляли его, въ описываемое время, не только отвернуться отъ Вѣны, но даже тайкомъ искать опоры противъ нея. Курфюрсту, а также большинству его министровъ, понравилась идея союза князей: подобно фюрстамъ-патріотамъ, онъ могъ обольщаться мыслью, что Пруссія будетъ играть здѣсь лишь роль Бранденбурга, то-есть курфюршества, и притомъ менѣе важнаго, чѣмъ Саксонія. Но, съ другой стороны, Фридрихъ-Августъ весьма опасался, что такой серьёзный шагъ противъ императора вовлечетъ его въ войну, которая прежде всего охватила бы его владѣнія, и ужъ во всякомъ случаѣ это разстроило бы дружбу Дрездена съ Петербургомъ, откуда курфюрстъ все еще мечталъ получить польскую корону. А главное—Фридрихъ-Августъ боялся нарушить «нейтральную систему», которая составляла гордость и древнее преданіе страны, согласно съ ея географическимъ положеніемъ. Внѣшней политикѣ Саксоніи соотвѣтствовалъ характеръ ея государя. Фридрихъ-Августъ былъ человѣкъ болѣе прилежный, чѣмъ даровитый. Онъ самъ изучалъ дѣла до мелочей, распредѣляя свои занятія по часамъ съ поразительной пунктуальностью. Это былъ завзятый законникъ до формализма: онъ и себѣ не дозволялъ ничего лишняго, не желалъ увеличить свои земли или власть, и его называли справедливымъ. Фридрихъ-Августъ былъ во всемъ умѣренъ и аккуратенъ, а экономность его граничила съ скупостью: и его

---

[1]) *Testament politique de Joseph II*, II, 172.

[2]) Мать ненавидѣла Фридриха-Августа и желала доставить корону своему второму сыну. Съ этою цѣлью она рѣшилась, жертвуя своею честью, заявить на имперскомъ сеймѣ, что Фридрихъ-Августъ ея незаконный сынъ. Фридрихъ II помогъ послѣднему, во-время извѣстивъ его объ опасности.

казна все увеличивалась, безъ ущерба подданнымъ, а армія была доведена до 30 тысячъ. Онъ былъ скорѣе консерваторъ, чѣмъ «просвѣщенный»: но, изучивъ добросовѣстно дѣла, онъ находилъ, что не должно быть клерикализма, бюрократіи, кабинетной юстиціи, продажи судебныхъ мѣстъ, пытокъ и т. д. Саксонцы не любили этого сухого, скрытнаго и черезчуръ осторожнаго формалиста, но уважали его за скромность: они сами были тяжелы на подъемъ и не терпѣли быстрыхъ мѣръ. Подозрительность и боязливость Фридриха-Августа лучше всего проявлялись во внѣшней политикѣ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Карла цвейбрюкенскаго, женатаго, въ свою очередь, на его сестрѣ, переговаривался съ Карлсбергомъ и принималъ у себя прусскихъ агентовъ, но въ то же время старался женить своихъ сыновей на австрійскихъ принцессахъ [1]).

Колебанія курфюрста были разсѣяны тайнымъ совѣтникомъ Штуттергеймомъ, который игралъ роль Одиссея въ дрезденской дипломатіи. Это былъ хитрый, опытный старикъ, извѣдавшій какъ военное, такъ и дипломатическое поприще. Онъ лѣтъ десять былъ посланникомъ въ Берлинѣ и уже лѣтъ семь занималъ должность кабинетъ-министра и министра иностранныхъ дѣлъ въ Дрезденѣ. Штуттергеймъ надоѣдалъ всѣмъ своей крайней осторожностью и подозрительностью. Имъ тяготились товарищи; его не терпѣли въ Потсдамѣ; Іосифъ называлъ его «плутомъ и продажною душой» [2]). Къ Штуттергейму болѣе всего подходила роль поборника знаменитой «нейтральной системы», и онъ убѣдилъ курфюрста, что союзъ князей прямо противорѣчитъ этой системѣ. Вотъ почему въ Потсдамѣ получили такой отвѣтъ изъ Дрездена: вообще, союзъ — несвоевременное и мудреное дѣло, а соединеніе съ духовными князьями просто «химера» [3]).

Но важнѣе всего было знать, что̀ отвѣтятъ изъ Ганновера. По справедливому замѣчанію Румянцова, Ганноверъ игралъ первостепенную роль въ Германіи, благодаря «репутаціи своего министерства, какъ гнѣзда публицистовъ, и высокому мнѣнію нѣмцевъ объ Англіи». Онъ могъ придать лигѣ дѣйствительную силу и «привлечь къ ней многихъ, которыхъ никогда не пріобрѣлъ

---

[1]) *Joseph II und Leopold*, II, 7, 11, 30, 32.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 169.—*Böttiger*: Geschichte des Kurstaates und Königreiches Sachsen. Hamburg. 1831, II B. S. 393—497. (Въ изданіи *Гефена* и *Укерта*).

[2]) *Maria-Theresia und Joseph*, III, 161.

[3]) Донесеніе прусскаго посланника въ Дрезденѣ. *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 75 sqq.

бы берлинскій дворъ» [1]). Курфюрстъ ганноверскій или брауншвейгъ-люнебургскій, онъ же и король англійскій, Георгъ III, состоялъ въ родствѣ съ важными фюрстами: герцогъ брауншвейгскій принадлежалъ къ одной съ нимъ фамиліи, а герцогъ мекленбургъ-стрелицкій былъ братомъ его жены. Сверхъ того, Георгъ пользовался издавна большимъ вліяніемъ въ Касселѣ, а его второй сынъ, Фридрихъ Іоркскій, былъ епископомъ оснабрюкскимъ, и за него управляли ганноверскіе тайные совѣтники. Наконецъ, курфюрстъ саксонскій подчинялся ему, какъ своему кредитору [2]). Ганноверъ и самъ по себѣ, помимо этихъ связей, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ государствъ въ Германіи. Его нравственное вліяніе среди нѣмцевъ было безспорно. Отсюда выходили пресловутые имперскіе законники, и сюда обращались за совѣтами фюрсты, запутавшіеся въ своихъ юридическихъ спорахъ. Здѣсь было истинное средоточіе нѣмецкой науки, начиная со временъ Лейбница, и гёттингенскій университетъ славился, какъ высшая школа всей Германіи. Здѣсь дѣйствовали такія свѣтскія умственныя силы, какъ Лессингъ, Гердеръ, Гейне, Пюттеръ, Михаелисъ, Ю. Мёверъ, Ахенваль, Шпиттлеръ. Въ описываемое время нигдѣ не было такого уваженія къ печати, какъ въ Ганноверѣ, гдѣ поэтому возникла политическая журналистика—изданія Шлёцера, К. Ф. Мозера, Бюшинга, Лихтенберга и Георга Форстера, бичевавшія нелѣпое правленіе фюрстовъ. Отъ ганноверскихъ публицистовъ такъ досталось епископу шпейерскому, что онъ просилъ защиты у всѣхъ имперскихъ чиновъ и совѣтовалъ имъ не пускать своихъ подданныхъ въ тлетворный гёттингенскій университетъ [3]). Точно также рѣдко гдѣ въ Германіи земство сохранило столько значенія, какъ въ Ганноверѣ, что̀ способствовало водворенію порядочнаго управленія. Ганноверъ не былъ лишенъ и матеріальнаго значенія. Его армія достигала 20,000. Его старыя полотняныя и нитяныя фабрики пользовались заслуженною славой. Только 70-лѣтняя связь съ Англіей, придававшая Ганноверу внѣшній блескъ, нарушала его мирное процвѣтаніе. Она вовлекала его въ чуждые интересы, запутывала его политику и ставила

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года. Здѣсь Румянцовъ, доказывая, что затѣя Фридриха не важна, прибавляетъ: „Mais tout ceci dans la supposition que Hanovre restera neutre. La réputation de son Ministère en Allemagne, qu'on a toujours regardé comme le foyer des Publicistes, l'opinion, que l'on a de l'Angleterre, pourroit fort bien réunir à nos adversaires plusieurs de ceux que la Cour de Berlin seule n'eût jamais gagné.

[2]) *Böttiger*, II, 403.

[3]) *Biedermann*, I, 142 sqq.

курфюрстовъ въ ложное положеніе. Послѣдніе постоянно играли роль Януса, и нерѣдко курфюрстъ прямо вредилъ королю, или наоборотъ. Правда, Ганноверъ не могъ пожаловаться, чтобы курфюрсты забывали его, переселившись въ Лондонъ: они, напротивъ, до того любили его, что находились черезъ это въ вѣчной войнѣ съ британскимъ парламентомъ. Къ счастью для Англіи, первые два Георга такъ были увлечены мыслью о своемъ Ганноверѣ, что предоставили ей управляться, какъ она хочетъ. Но Георгъ III хотѣлъ самъ руководить королевствомъ; а между тѣмъ это былъ типъ нѣмецкаго фюрста, перенесенный на берега Темзы.

Георгъ III былъ недалекъ и, лѣтъ десять спустя по вступленіи на престолъ, началъ по временамъ впадать въ помѣшательство. Онъ велѣлъ живописцу изобразить себя великаномъ изъ «Путешествія Гулливера», разсматривающимъ въ бинокль карлика Наполеона I! На управленіе конституціонной страной онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія Карла-Теодора пфальцскаго. Къ несчастью, онъ былъ упрямъ и серьёзно задумалъ возстановить дѣло Стюартовъ — разрушеніе англійской конституціи, тогда какъ самъ подчинялся своей матери, принцессѣ саксенъ-готской, и ея любовнику. Оттого на первомъ планѣ у Георга III было самое педантическое соблюденіе придворнаго этикета, какъ при дворахъ нѣмецкихъ князей. Оттого же онъ, хотя и родился въ Англіи, готовъ былъ промѣнять ее на Ганноверъ, гдѣ процвѣталъ весь придворный чинъ съ массой придворныхъ, лошадей и церемоній, важно совершавшихся передъ портретомъ вѣчно отсутствующаго курфюрста. «Англійскій король — говоритъ Румянцовъ—личное и особливое къ германскимъ дѣламъ прилѣпленіе оказываетъ, желая частыя и подробныя получать извѣстія о всякихъ до здѣшняго края касающихся мелочахъ. Ганноверскій кабинетъ, лаская сей страсти, почти еженедѣльно отправляетъ къ нему курьеровъ». Понятно, что «въ Англіи народъ и министерство осуждали короля за творимые имъ поступки въ качествѣ ганноверскаго курфюрста» [1]). Это воплощеніе курфюрстскаго духа болѣе 20 лѣтъ упрямо боролось съ англійской конституціей, благодаря развращенности парламента. Но въ 1783 году оно было сломлено знаменитой коалиціей между торіями и вигами [2]). Оттого въ описываемое время нельзя было предвидѣть поступковъ Георга III: сегодня изъ-за него показывался курфюрстъ ганноверскій, завтра—король англій-

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ ³/₁₄ апрѣля 1786 года.

[2]) Статья *Абеля* „Das Parteiwesen in England und die Coalition zwischen Fox und North“ въ Historische Zeitschrift *Зибеля*, за 1867 годъ, 2-tes Heft.

скій. Въ качествѣ перваго, Георгъ уважалъ Фридриха II и такъ опасался властолюбія Іосифа, что, по заявленію его министра ганноверскихъ дѣлъ въ Лондонѣ, Альвенслебена, готовъ былъ противиться «всякому замыслу, клонящемуся къ нарушенію имперскихъ законовъ»; а епископъ оснабрюкскій былъ, по словамъ Румянцова, «первѣйшимъ виновникомъ связи между Ганноверомъ и Берлиномъ и самъ страстно къ сей (прусской) партіи прилѣпленъ». Но какъ король англійскій, Георгъ III долженъ былъ подчиняться враждебному чувству парламента къ Пруссіи. Вотъ почему въ Потсдамѣ два мѣсяца не получали никакихъ извѣстій изъ Ганновера насчетъ депешъ Герцберга о союзѣ князей.

Наконецъ, послѣдовалъ отвѣтъ, который былъ немного утѣшительнѣе саксонскаго: Фридрихъ назвалъ его «неопредѣленнымъ и темнымъ». Король англійскій, «въ качествѣ курфюрста брауншвейгъ-люнебургскаго», признавалъ положеніе Германіи «крайне опаснымъ» и поэтому «считалъ необходимымъ принять общія мѣры», а именно вступить въ «точное дружественное соглашеніе». Но болѣе ничего не было въ его отвѣтѣ. А вслѣдъ затѣмъ, ганноверскіе министры стали писать въ Потсдамъ, что положеніе Германіи вовсе не такъ тревожно, какъ имъ казалось сначала, что Іосифъ пока не посмѣетъ двинуть такія опасныя дѣла, какъ избраніе римскаго императора или предоставленіе курфюршескаго достоинства Вюртембергу. Они все допытывались, именно какіе фюрсты обѣщали свое согласіе Фридриху. Мало того. Они поднимали религіозный вопросъ, совѣтуя сначала устроить союзъ только между тремя *евангелическими* курфюрстами. Ганноверскіе дипломаты сходились въ этомъ случаѣ съ саксонскими; а Фридрихъ положилъ въ основаніе своего плана вѣротерпимость и политическіе принципы. Онъ дорожилъ этой идеей и именно въ ту минуту писалъ своему министерству: «съ нашей стороны было бы всего благоразумнѣе прилагать усилія тамъ, гдѣ можно надѣяться на успѣхъ—въ Гильдесгеймѣ, Падерборнѣ, Бамбергѣ, Вюрцбургѣ, Майнцѣ, Трирѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ епископствахъ Германіи. А есть такіе, гдѣ мы ничего не можемъ сдѣлать: такъ, намъ не должно и вмѣшиваться въ выборы зальцбургскаго».

Отвѣты Саксоніи и Ганновера подтверждали справедливость взгляда молодого двора. Герцбергъ торжествовалъ. Онъ даже рѣшился воспользоваться этою минутой, чтобы раскрыть королю тяготившую его тайну переговоровъ съ фюрстами, которую уже трудно было сохранять далѣе. Конечно, онъ представилъ ее, какъ самое невинное усиліе «положить нѣкоторое основаніе» дѣлу, о которомъ не разъ говорилъ ему самъ король. При этомъ Герц-

бергъ совершенно скрылъ участіе кронпринца и представилъ только планъ Эдельсгейма. Правда, тогда еще у него не было въ рукахъ проекта Гофенфельса, который шелъ длиннымъ окольнымъ путемъ; но и получивши его, онъ болѣе мѣсяца не упоминалъ о немъ ни слова. Затѣмъ, представляя Фридриху трудъ своего цвейбрюкенскаго агента, Герцбергъ опять распространился насчетъ несвоевременности «формальной конфедераціи». Онъ снова совѣтовалъ подождать, пока «опасность со стороны императора станетъ болѣе рѣшительною», причемъ его знаменитые «сроки» уже сократились до одного—до смерти Карла-Теодора баварскаго. До тѣхъ же поръ Герцбергъ не видѣлъ другого средства, кромѣ своей «подготовки всѣхъ матеріаловъ» посредствомъ «тайной переписки между самыми благонамѣренными фюрстами». Онъ настаивалъ также «послать искуснаго министра въ имперію», въ особенности же во Франконію, и даже указывалъ на одного чиновника, выгнаннаго великимъ Гёте изъ Веймара [1]).

Скупой Фридрихъ отвѣчалъ своимъ министрамъ только на послѣднее предложеніе и, конечно, отказалъ, такъ какъ веймарскій чиновникъ требовалъ слишкомъ большого жалованья. Въ главномъ же онъ замолчалъ мѣсяца на три. Но въ октябрѣ министры внезапно получили отъ него собственноручный планъ «лиги нѣмецкихъ князей». Здѣсь снова требовалось участіе всѣхъ фюрстовъ, «безъ различія религій»; цѣль опредѣлялась оборонительная—отпоръ «тираническому деспотизму» императора. Лига должна была защищать права и земли князей, а также сохранять имперскій сеймъ и судъ «во всей ихъ силѣ». Фридрихъ доказывалъ примѣрами, что тотъ, кто не вступитъ въ союзъ, удостоится «привилегіи грота Полифема, то-есть будетъ сожранъ послѣднимъ». Онъ приказывалъ Герцбергу разработать этотъ планъ въ подробностяхъ [2]), но упрямый министръ не думалъ спѣшить и не утерпѣлъ—опять намекнулъ на необходимость выбрать «настоящую пору, чтобы не сдѣлать чего-нибудь либо слишкомъ рано, либо слишкомъ поздно».

Въ это время пришло весьма тревожное письмо отъ Гофенфельса, извѣщавшаго о «дьявольскихъ замыслахъ» Іосифа и Румянцова (гл. VIII). Цвейбрюкенскій министръ даже просился на службу къ «великому королю», еслибы ему пришлось «пасть въ борьбѣ за правое дѣло». Фридрихъ разгорячился и воскликнулъ,

---

[1]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 81—103, 169.

[2]) Планъ Фридриха, вошедшій въ сборникъ Герцберга, и въ *Oeuvres de Frédéric* вѣрнѣе всего напечатанъ у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 105 sq.

упрекая своихъ министровъ въ «лѣни»: «побольше нервовъ да рвенія! Огня, огня, господа!»

Герцбергу уже нельзя было болѣе затягивать дѣло. Онъ представилъ свою работу, но это была его старая пѣсня. Опять явился проектъ, «которымъ не могъ бы оскорбиться самъ императоръ», такъ какъ онъ касался «самыхъ общихъ и всѣмъ близкихъ предметовъ». И снова министръ увѣщевалъ короля подождать, устрашая его движеніемъ войскъ императора въ Голландію. Тутъ Фридрихъ позвалъ къ себѣ Герцберга для личныхъ совѣщаній, воскликнувъ: «если мы не станемъ ничего дѣлать и будемъ сидѣть сложа руки, то вѣрно, какъ $2\times2=4$, что никто не подумаетъ о подобномъ союзѣ, и ослабнетъ узда, сдерживающая императора!» Послѣ личныхъ переговоровъ, министерство представило новый «планъ конституціонной конфедераціи князей и чиновъ нѣмецкой имперіи». Но это было только новымъ проявленіемъ упрямства Герцберга. Послѣдній больше всего распространялся о необходимости подправить «чудовищную и полную недостатковъ», но все-таки «весьма годную для благоденствія Германіи и даже всей Европы» нѣмецкую конституцію, то-есть «возстановить дѣятельность имперскаго сейма и суда». Сверхъ того, онъ особенно совѣтовалъ доказать на сеймѣ, что католическіе чины не въ правѣ одни, безъ протестантскихъ, преобразовывать и секуляризовать свои монастыри. Это означало, что протестантскіе князья протягиваютъ дружескую руку католическимъ. Сюда же клонилось требованіе, «чтобы возстановили древній обычай—не выбирать въ каноники и прелаты младшихъ принцевъ важныхъ фамилій». О самой конфедераціи въ проектѣ говорилось немного и неясно: собственно были только подобраны оправдывающіе ее законы и примѣры, да рекомендовалась «тайная переписка».

Дѣло, казалось, опять стушевывалось. По замѣчанію самого Герцберга, снова около трехъ мѣсяцевъ «не думали объ имперской ассоціаціи», и вмѣсто нея старый Фрицъ устроивалъ карнавалъ [1]). Но Іосифъ помогъ послѣднему въ его борьбѣ съ своимъ министерствомъ. Всврылся планъ обмѣна земель. Фридрихъ былъ пораженъ и сначала даже не повѣрилъ; но письмо герцога цвейбрюкенскаго, проникнутое торжественнымъ тономъ, раскрыло ему глаза. «Священныя чернила,—возвѣщалъ герцогъ Карлъ,—сберегались до послѣдней крайности. Теперь я пользуюсь ими, чтобы увѣдомить ваше величество о гибели, угрожающей моему дому. Вы—хранитель нѣмецкой системы и вольности, вы одни способны

[1]) *Schmidt*, I, 107—127.—*Dohm*, III, 49 sq.

остановить широкіе замыслы государя, у котораго, вмѣстѣ съ силами, возрастаетъ всепожирающее честолюбіе и алчность. Великодушіе и высокая мудрость внушаютъ вамъ, государь, стремленіе къ этому, а могущество даетъ вамъ средство. Умоляю васъ употребить эти средства, въ соединеніи съ французскимъ дворомъ, на защиту дома, который вы уже спасли великодушно, сохранивши его. Этимъ вы увѣнчаете славу, уже пріобрѣтенную вами передъ лицомъ Европы и потомства. Если врагамъ удалось внушить дурное мнѣніе о моемъ поведеніи, то умоляю ваше величество повѣрить, что скорѣе я погребу себя подъ развалинами Баваріи, чѣмъ соглашусь на раздѣлъ моего дома». Въ то же время Гофенфельсъ прислалъ документы, касающіеся обмѣна земель и знаменитаго разговора Румянцова съ герцогомъ Карломъ; а вслѣдъ затѣмъ онъ и самъ пріѣхалъ въ Берлинъ [1]).

Теперь у Фридриха закипѣла работа. Онъ успокоилъ герцога цвейбрюкенскаго тѣмъ, что взялся сдѣлать «все зависящее отъ него во Франціи и въ Россіи». Затѣмъ поскакали курьеры въ Петербургъ, Версаль и Лондонъ; а Герцбергъ съ Гофенфельсомъ засѣли за изготовленіе доказательствъ незаконности обмѣна земель. Самъ же Фридрихъ въ одинъ день написалъ три кабинетныхъ указа своему министерству, живо рисующихъ его тяжелое нравственное состояніе.—«Господи, говоритъ онъ,—съ какою гнусною дрянью (infâme drogue) приходится намъ возиться! И какъ намъ однимъ поддержать германскую конституцію и возстать противъ необузданнаго грабительства этого проклятаго вѣнскаго тирана (ce maudit tiran Viennois), когда насъ окружаютъ трусливыя и продажныя канальи! Признаюсь, все это бѣситъ меня (me met hors des gonds), ибо при такой всеобщей смутѣ не за что даже схватиться, чтобы сообразить... Непонятное, мерзкое положеніе! Оно останавливаетъ мои внутреннія дѣла. Къ тому же, если воевать, то нужно сейчасъ же готовиться, а мы потеряемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіяхъ... А можетъ быть, цезарь Іосифъ отложитъ на время этотъ планъ обмѣна, въ ожиданіи болѣе удобной минуты... Вы видите, я стараюсь разгадать; но нужно подождать какихъ-нибудь данныхъ, чтобы составить себѣ болѣе основательное сужденіе». Фридрихъ вѣрилъ, что Карлъ-Теодоръ баварскій согласится, ибо это—«тросточка, которая гнется при самомъ легкомъ пожиманіи бѣсноватаго (l'endiablé) Іосифа». Но онъ не понималъ Франціи, отъ которой, въ его глазахъ, все зависѣло. Ему казалось, что цезарь можетъ

[1]) *Schmidt*, I, 129—136.—*Dohm*, III, 43.

«приманить и обольстить» ее (allécher, corrompre) посредствомъ Люксембурга. «Флегматичный тонъ французскаго посланника,— писалъ онъ своимъ министрамъ,—когда онъ говорилъ съ вами объ этихъ замыслахъ бѣсноватаго Іосифа, доказываетъ, что у Франціи не хватитъ энергіи въ эту рѣшительную минуту, и она струситъ (segner du néz), не устоитъ (soutenir La Gageure)». Во всякомъ случаѣ, «единственнымъ, хотя и крайне труднымъ средствомъ» выпутаться изъ бѣды представлялся Фридриху союзъ князей. Король «чувствовалъ, что это дѣло трудное» и что «не слѣдовало дѣлать его поспѣшно и некстати». Но онъ былъ убѣжденъ, что «если не подготовить его заранѣе, то трудно будетъ вдругъ соединить столько головъ, и все пропадетъ, когда начнешь дѣйствовать съ этимъ народомъ». Прежде всего Фридриху хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе произвела вѣсть объ обмѣнѣ земель въ Ганноверѣ [1]).

Теперь Герцбергъ принужденъ былъ заговорить уже другимъ тономъ. Онъ горячо доказывалъ ганноверскимъ, что необходимо «соединиться всѣмъ князьямъ патріотамъ» и дѣйствовать противъ замысла Іосифа «не только на имперскомъ сеймѣ, но и другими, болѣе сильными средствами» [2]). Сверхъ того, Герцбергъ, зная уклончивость министровъ Георга III, обратился за помощью къ герцогу брауншвейгскому, Карлу-Вильгельму-*Фердинанду*, который играетъ не послѣднюю роль въ исторіи союза князей.

Древнее гнѣздо Гвельфовъ, Брауншвейгъ, былъ близокъ къ Ганноверу не только по своимъ династическимъ, историческимъ и географическимъ условіямъ, но и по своему характеру. Онъ также принадлежалъ къ числу менѣе отсталыхъ княжествъ. Здѣсь еще сохранялось вліяніе земства; здѣсь почти не знали, чтó такое цензура, съ ея запретными плодами. Рано и живо откликнулись въ Брауншвейгѣ на призывъ «просвѣщенія». Но, конечно, фюрсты и здѣсь умѣли пожить: герцогъ Фердинандъ принялъ въ 1780 году маленькое государство съ огромнымъ долгомъ. Но онъ устранилъ и этотъ недостатокъ. Фердинандъ брауншвейгскій одинъ изъ лучшихъ фюрстовъ своего времени. Человѣкъ развитый и многосторонній, онъ презиралъ своихъ отсталыхъ соотечественниковъ съ ихъ доморощенными порядками. Его окружали иностранцы, въ особенности французы, и одинъ изъ нихъ однажды

---

[1]) Кабинетные указы Фридриха, отъ 10 и 11 февраля 1785 года, см. у *Ранке* Die deutschen Mächte, II, 250—253.—*Schmidt*, I, 136—140.

[2]) Прусское министерство брауншвейгъ-люнебургскому, отъ 12 февраля 1785 года. *Schmidt*, I, 142 sq.

сказалъ гостепріимному хозяину: «странно, здѣсь вы—единственный иностранецъ!» Хотя герцогу было тогда уже подъ пятьдесятъ, онъ увлекался теоріями «просвѣщенія», защищалъ Лессинга и обласкалъ Мирабó. Онъ не считалъ французскую революцію дѣломъ «адвокатишковъ» и ненавидѣлъ эмигрантовъ, наводнившихъ тогда Германію. Фердинандъ завелъ дешевое мѣщански-патріархальное правленіе и самъ работалъ съ утра до ночи, то надъ дѣлами, то надъ изученіемъ государственныхъ наукъ. Скромный и прекрасный семьянинъ, герцогъ отказывалъ себѣ во всемъ: у него почти не было солдатъ. Экономность его доходила до скряжничества—и въ десять лѣтъ государственный долгъ сократился на половину, а чрезвычайные налоги были отмѣнены. Но у Фердинанда все дѣлалось медленно и черезчуръ аккуратно. Онъ отличался убійственнымъ терпѣніемъ и тѣмъ крайнимъ благоразуміемъ, которое приводитъ къ вялости. Желая обнять предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ добросовѣстно придумывалъ всякія возраженія и, запутываясь въ противорѣчіяхъ, восклицалъ: «нѣтъ, это мнѣ не подъ силу!» Особенно мучило его сознаніе, что часто ложное мнѣніе брало верхъ у него на глазахъ, потому что высказывалось смѣло и ясно, а онъ молчалъ. Оттого, желая добра, онъ часто поступалъ противоположно, подчиняясь чуждому вліянію: ненавидя эмигрантовъ и австрійцевъ, онъ, въ 1792 году, сражался въ союзѣ съ ними; стремясь къ независимости, онъ былъ слугой Пруссіи. Къ тому же, не рѣшаясь противорѣчить прямо, Фердинандъ силился тайкомъ проводить свою мысль и былъ уклончивъ со всѣми. Оттого его считали двуличнымъ и даже продажнымъ: но онъ получалъ только англо-ганноверскія субсидіи. Трудно догадаться, что это тотъ самый Фердинандъ брауншвейгскій, который считался тогда первымъ полководцемъ въ Европѣ, и которому французская республика хотѣла ввѣрить свои знамена. Но этимъ герцогъ былъ обязанъ «великому» королю, у котораго онъ служилъ съ юности. Слава Фридриха II какъ-бы воплотилась въ его ученикѣ: она и погибла вмѣстѣ съ нимъ на поляхъ Іены и Ауерштедта. Счастье довершило дѣло. Въ Семилѣтнюю войну Фердинанду пришлось драться съ такимъ ничтожнымъ врагомъ, какъ маршалы маркизы Помпадуръ; затѣмъ прогремѣла слава его похода въ Голландію, гдѣ онъ боролся съ мастеровыми. Но пришло настоящее испытаніе—и Фердинандъ такъ неудачно воевалъ противъ французской революціи, что разнеслась молва, будто его подкупилъ Дюмурье. А Ауерштедтъ былъ могилой его славы: израненый представитель Фридриховой системы умеръ въ бѣгствѣ съ этого ужаснаго поля.

Политика герцога Фердинанда опредѣлялась сколько его характеромъ, столько же и положеніемъ Брауншвейга, поставленнаго между двухъ могущественныхъ державъ — Англіи (Ганновера) и Пруссіи. Англія была интересна въ денежномъ отношеніи; но за то Пруссія была страшна, да и здѣсь было больше связей у Фердинанда. Онъ доводился племянникомъ Фридриху II и рано поступилъ къ нему на службу. Вотъ почему онъ называлъ замыслы фюрстовъ-патріотовъ «мечтой» и не сводилъ глазъ съ Потсдама. Герцогъ не любилъ Фридриха, который обращался съ нимъ холодно и повелительно, какъ съ подданнымъ, но сильно побаивался его и льстилъ ему, какъ «величайшему изъ королей и герою нашего вѣка». Впрочемъ, онъ не прочь былъ обратиться и къ восходящему свѣтилу. Герцогъ уже давно былъ самымъ аккуратнымъ и ревностнымъ корреспондентомъ Герцберга. Онъ выказывалъ дружбу къ этому министру, осторожно видѣлся съ нимъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, и порой льстилъ ему немилосердно. Основною идеей Фердинанда въ нѣмецкихъ дѣлахъ было возможное противодѣйствіе Австріи, но непремѣнно «подъ покровительствомъ Пруссіи» и при содѣйствіи Ганновера. Это былъ естественный и самый усердный посредникъ между Фридрихомъ II и Георгомъ III, а также между Потсдамомъ и Касселемъ [1]).

Герцогъ брауншвейгскій обрадовался, когда Герцбергъ обратился къ нему за помощью уже отъ имени самого короля, а не кронпринца: для него исчезли опасенія попасть въ просакъ, дѣйствуя хотя и въ прусскомъ духѣ, но безъ вѣдома страшнаго Фрица. Никогда еще онъ не выказывалъ такой ревности къ Потсдаму и такого подобострастія къ Герцбергу. Фердинандъ брауншвейгскій отвѣчалъ послѣднему, что онъ горячо желаетъ содѣйствія Ганновера, который долженъ «доставить Фридриху ландграфа кассельскаго и крошечнаго (très petit) герцога брауншвейгскаго», то-есть самого корреспондента. Поэтому, опасаясь, чтобы такой великій государственный мужъ, какъ Герцбергъ, не разсердился на ничтожныхъ и упрямыхъ ганноверскихъ министровъ, онъ прибавлялъ: «эти господа неопытны въ большой политикѣ и боятся всякаго дѣла, выходящаго изъ ряда; они будутъ поступать нерѣшительно и трусливо. Умоляю васъ, не теряйте терпѣнія съ

---

1) Два взгляда нѣмецкихъ историковъ на Фердинанда брауншвейгскаго см. *Sybel:* Geschichte der Revolutionszeit, 2-te Aufl., I, 482—484. — *Häusser:* Deutsche Geschichte, I, 423.—*Schmidt*, I, 70 sq., 102. — Для сужденія о характерѣ и политикѣ герцога интересны замѣчанія *Дома* (III, 118—122), хорошо знавшаго его лично.

ними! Это—дѣти, которыхъ вы должны обучать и вести за собой тихонько, безъ застращиванія».

На этотъ разъ предостереженія Фердинанда были преждевременны. Сначала важнѣе всего было уяснить положеніе англійскаго короля, а не ганноверскаго курфюрста. Къ счастью, въ этомъ случаѣ у Георга III не произошло раздвоенія между этими двумя званіями. Британское министерство, искавшее тогда союзовъ для своей обезсиленной страны, разсчитывало, что участіе Георга въ лигѣ послужитъ къ возстановленію дружбы между Англіей и Пруссіей, тѣмъ болѣе, что Франція все еще сохраняла свои связи съ Австріей. Вотъ почему въ Берлинѣ быстро получили отвѣтъ изъ Лондона. Георгъ III признавалъ обмѣнъ земель «крайне важнымъ обстоятельствомъ» и охотно соглашался на «всѣ мѣры, ведущія къ цѣли». Онъ даже предоставлялъ ходъ дѣла Фридриху, заявивъ только одно желаніе — чтобы прежде всего герцогъ цвейбрюкенскій обратился къ имперскимъ чинамъ съ оффиціальною просьбой объ обезпеченіи его владѣній. Схватившись за эту просьбу, Пруссія, Ганноверъ и Саксонія могли бы соединиться и составить ядро союза, къ которому призвали бы потомъ и другихъ князей, «безъ различія религій». Сверхъ того, Георгъ совѣтовалъ тотчасъ же назначить мѣсто, гдѣ съѣхаться министрамъ трехъ курфюрстовъ для переговоровъ о союзѣ.

Фридрихъ соглашался, что нужно «пустить въ ходъ» герцога цвейбрюкенскаго: онъ находилъ, что «гораздо лучше играть тайкомъ», чѣмъ «выступать открыто». Но Герцбергъ доказывалъ, что это слишкомъ рано раскрыло бы планъ союза князей и было бы весьма опасно, въ виду рѣшительнаго вліянія Версаля въ Карлсбергѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ и составилъ депешу изъ Лондона. Король сурово приказалъ своему министерству «идти прямо къ цѣли, не создавая себѣ призраковъ». Но Герцбергъ все-таки объявилъ въ Лондонѣ, что теперь, когда Іосифъ отказался отъ своего плана, заявленіе герцога цвейбрюкенскаго было бы «преждевременнымъ»: оно можетъ быть сдѣлано «только въ томъ случаѣ, если императоръ возвратится къ обмѣну земель, что́ онъ не преминетъ сдѣлать рано или поздно» [1]).

Препятствуя своему королю въ мелочахъ, Герцбергъ долженъ былъ, однако, подчиниться ему въ главномъ. Именно, въ эту минуту Фридрихъ твердо указалъ ему на необходимость «новыхъ основъ» въ «хаосѣ европейской политики» и повелѣлъ немедленно представить «*окончательный* проектъ уніи». Въ тотъ же день,

---

[1]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 143—148, 163—167, 170.

17 марта, явился этотъ проектъ подъ скромнымъ именемъ «соединенія имперскихъ князей, согласнаго съ имперскою конституціею». Союзники должны были обязаться подписью и «своимъ княжескимъ старо-нѣмецкимъ честнымъ словомъ», вступить въ полное соглашеніе и дружескую переписку для блага Германіи, и прежде всего для исправленія имперскихъ учрежденій. «Въ случаѣ, еслибъ кто бы то ни было вздумалъ тревожить и насиловать любого члена имперіи—все равно, той или другой религіи и состоящаго въ семъ союзѣ или нѣтъ», союзники обязывались «противодѣйствовать этому всѣми законными средствами и всѣми своими наличными силами, а также сохранять какъ владѣнія всякаго члена имперіи, такъ и имперскую конституцію». Конечно, и этотъ проектъ далеко не былъ удовлетворителенъ. Самъ Герцбергъ справедливо назвалъ его, въ докладѣ королю, опять лишь «подготовкой» умовъ, притомъ составленной «въ самыхъ общихъ выраженіяхъ». Онъ хотѣлъ даже сдѣлать его доступнымъ для самого Іосифа, и только по требованію Финкенштейна выкинулъ наивную фразу: «можно надѣяться, что императоръ не только не осудитъ этой лиги, но будетъ покровительствовать ей, какъ отецъ имперіи». Герцбергъ не могъ также удержаться, чтобы не высказать своихъ опасеній, особенно насчетъ Саксоніи и Франціи. Фридрихъ отвѣчалъ: «мнѣ кажется, не должно быть рабомъ ни французовъ, ни австрійцевъ, ни русскихъ. Для насъ должно быть рѣшительно все равно — одобряетъ Франція союзъ князей или нѣтъ. А Саксонія дѣлаетъ только гримасу нейтральности. На этихъ господъ всегда произведетъ сильное впечатлѣніе такой доводъ: если вы не остановите австрійцевъ, то, вѣдь, удостоитесь Полифемовой милости быть сожранными послѣ всѣхъ». Король приказалъ министрамъ разослать проектъ «всюду, куда имъ угодно»! Черезъ два дня онъ освѣдомился о немъ и, узнавъ, что онъ еще не посланъ, упрекнулъ ихъ въ мѣшкотности.

Герцбергъ принужденъ былъ повиноваться и отправилъ свое произведеніе въ Ганноверъ, Лондонъ и Дрезденъ. Въ то же время Фридрихъ старался, черезъ своего посланника, разжечь ненависть Георга III къ Іосифу, въ особенности же убѣдить его, что «германскія дѣла не имѣютъ никакой связи съ англійскими и не могутъ ни въ чемъ стѣснять Великобританію». Считая всенѣмецкій съѣздъ опаснымъ, онъ совѣтовалъ сговориться «подъ рукой», гдѣ-нибудь на ярмаркѣ и черезъ ничтожныхъ агентовъ [1]).

---

[1]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 149—155.—*Görtz*, I, 283.

Мало того. Тогда же явилось самое сильное доказательство, что въ Потсдамѣ серьёзно рѣшились привести дѣло къ концу. При всей своей скаредности, Фридрихъ согласился, наконецъ, разослать своихъ агентовъ по Германіи. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ баронъ Секендорфъ, на котораго возлагали большія надежды. Это былъ дѣйствительно человѣкъ способный, живой и симпатичный. Кромѣ того, у него были родные и знакомые во Франконіи, а братъ его управлялъ министерствомъ въ Анштахѣ и Байрётѣ. Секендорфа послали во франконскій округъ и къ саксонскимъ мелкимъ князьямъ: онъ долженъ былъ посѣтить дворы веймарскій, готскій, вюрцбургскій и анштахскій. Въ Кассель отправили расторопнаго и усерднаго генералъ-майора Гёрца, брата петербургскаго посланника. Вскорѣ за этими агентами послѣдовало нѣсколько новыхъ. Конечно, на всѣ эти дипломатическія миссіи выходило много денегъ; но за то такая щедрость Фридриха была какъ нельзя болѣе умѣстна. Тогда была лучшая пора для прусскихъ интригъ. Послѣднія могли развиваться на просторѣ, такъ какъ австрійскіе и русскіе дипломаты должны были притихнуть, скомпрометтированные планомъ обмѣна земель. Румянцовъ прямо жаловался тогда Остерману, что не можетъ бороться съ прусскими агентами, такъ какъ Екатерина запретила ему суетиться и разъѣзжать по нѣмецкимъ дворамъ. Онъ долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, отъ своихъ тайныхъ друзей при мелкихъ дворахъ, въ особенности же отъ датскихъ посланниковъ [1]).

Не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ самъ взялся за подготовку союза князей—и она уже была окончена. Нельзя не удивляться силѣ воли и глубинѣ убѣжденія стараго короля, которому одному она была обязана своимъ существованіемъ. Фридрихъ дѣйствовалъ, какъ азартный игрокъ, потому что союзъ князей былъ, въ самомъ дѣлѣ, его «послѣднимъ средствомъ». Онъ, можно сказать, оканчивалъ свою жизнь такимъ же отважнымъ подвигомъ, какимъ начиналъ ее. Союзъ князей, это—Семилѣтняя война въ дипломатіи. Фридрихъ выступалъ въ опасный походъ противъ Австріи, безъ союзниковъ въ Европѣ и даже въ самой Германіи. Оставляя въ сторонѣ личные разсчеты партіи молодого двора, должно сознаться, что была значительная доля правды въ словахъ Герцберга, когда онъ представлялъ всѣ опасности, связанныя съ идеей Фридриха.

---

[1]) *Scmidt*, I, 156 sq.—*Ranke*, II, 277, 279, 282.—*Görtz*, I, 284.—*Dohm*, III, 86. *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785.

Политическое положеніе Европы было неблагопріятно для княжескаго союза. Россія и Австрія, стремившіяся къ расширенію своихъ границъ, были хорошо приготовлены къ войнѣ. Екатерина, еще разъ покинувшая своего союзника въ критическую минуту и болѣе, чѣмъ когда-либо нуждавшаяся въ его помощи, должна была расквитаться съ нимъ хоть теперь. Къ тому же, противодѣйствіе союзу князей соотвѣтствовало ея національной задачѣ: выражаясь словами Гофенфельса, это значило постараться, чтобы и этотъ «нѣмецкій сосѣдъ не сталъ для Россіи опаснѣе турецкаго». Англія была до того истощена, что ея помощь не представляла особеннаго интереса, и самъ Фридрихъ смотрѣлъ на союзъ съ нею лишь какъ на «меньшее зло (pis-aller)». Но, кромѣ того, напрасно прусскій король задумывался объ этомъ союзѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ему измѣнила Россія. Англія обыкновенно вовлекалась въ войну только при значительныхъ и очевидныхъ выгодахъ, а идея Фридриха не представляла ей ничего, кромѣ тревогъ. Здѣсь нація только и думала о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ нѣмецкихъ интересовъ своего короля, которые втягивали ее въ вѣчную подземную войну съ Франціей и даже съ Россіей; а тогда англичане серьёзно желали заключить союзъ съ Екатериной. Копенгагенскій дворъ находился въ тѣсныхъ связяхъ съ петербургскимъ: его посланники при дворахъ фюрстовъ постоянно поддерживали дѣловыя и дружескія сношенія съ Румянцовымъ, точно также какъ Румянцовъ съ Меттернихомъ. Версаль не только внушалъ опасенія, но уже обнаруживалъ раздражительность противъ берлинскаго двора, который своимъ замысломъ разрушалъ его старинное и могущественное вліяніе въ Германіи. Въ Потсдамъ доносили изъ Регенсбурга, что Верженъ уже началъ прямо противодѣйствовать прусской лигѣ. Французскій министръ разжигалъ стремленіе фюрстовъ къ независимости какъ отъ Австріи, такъ и отъ Пруссіи. Онъ совѣтовалъ имъ устроить изъ сильнѣйшихъ княжествъ — Саксоніи, Ганновера и Баваріи—«среднюю партію (partie tierce) въ имперіи». Верженъ даже прямо ручался, что «Франція, какъ порука за Вестфальскій миръ, была бы въ восторгѣ поддержать эту партію», которая «выставила бы болѣе 100,000 войска для уравновѣшенія силы державъ, преобладающихъ въ имперіи». Даже поведеніе Франціи въ голландскомъ дѣлѣ объясняли ея желаніемъ завлечь пруссаковъ въ войну и потомъ взвалить на нихъ всю ея тяжесть. Тогдашніе отзывы Фридриха о Версалѣ отличались почти болѣзненной раздражительностью. Онъ считалъ его «способнымъ на всякую низость» для избѣжанія войны, потерявшимъ чувство

чести и даже игрушкой графа Мерси, этого австрійскаго «вице-короля». Во всей Европѣ у Фридриха оказывался одинъ только другъ, да и тотъ король испанскій, который, вознегодовавъ на императора за обѣщаніе бургундскаго «королевства» Карлу цвейбрюкенскому, восклицалъ: «Іосифъ можетъ дѣлать королей, сколько ему угодно, но Карлъ III не признаетъ ихъ!» [1])

Въ самой Германіи обстоятельства были неблагопріятны идеѣ Фридриха.

---

[1]) *Schmidt*, I, 169, 189, 191, 205, 353, 367.

ГЛАВА XV.

«Перворазрядные фюрсты». Кассель и Вюртемберг.

Довольно припомнить исторію «броженія» у фюрстовъ, чтобы видѣть, какъ мало было друзей у Пруссіи въ Германіи и какую ничтожную силу представляли они. Къ тому же, въ началѣ 1785 года броженіе уже прекращалось, вслѣдствіе отреченія Іосифа отъ своего задушевнаго плана. Фюрсты рады были возвратиться къ своей обычной спячкѣ, тѣмъ болѣе, что императоръ уже не казался имъ страшилищемъ, послѣ того, какъ могущественная Екатерина не защищала его отъ пораженія со стороны ничтожнаго герцога цвейбрюкенскаго. Но самъ Фридрихъ и его министры лучше всего знакомятъ насъ съ шаткостью надеждъ, которыя они могли тогда возлагать на «отечество». Стараясь увлечь Георга III, они представили ему только слѣдующую малоутѣшительную картину. Можно «вполнѣ разсчитывать» только на истинно-патріотическій тріумвиратъ — Веймаръ, Готу и Дессау; можно «ожидать такихъ же чувствъ» отъ Цвейбрюкена, Брауншвейга, Мекленбурга, Бадена, Аншпаха, Дармштадта и отъ Ангальтскаго дома, за исключеніемъ только Цербста, подчиняющагося Россіи; можно «надѣяться» склонить къ лигѣ Майнцъ и Кассель; Саксонія указываетъ на свой нейтралитетъ, но, «быть можетъ», склонится потомъ къ патріотамъ. Осмотрительный Фердинандъ брауншвейгскій вычиталъ изъ этого счета Цвейбрюкенъ, Баденъ и духовныхъ князей, да и на остальныхъ (въ томъ числѣ на себя самого) надѣялся только въ томъ случаѣ, когда предварительно состоится союзъ между Бранденбургомъ, Ганноверомъ и Саксоніей. Такимъ образомъ, его разсчеты сводились всего къ 27,000 войска. Но и онъ ошибался, потому что здѣсь приходилось болѣе 10,000 на Кассель, который былъ вовсе не-

надеженъ [1]). Словомъ, выходило такъ: курфюрсты все еще возбуждали сомнѣнія, а главный изъ нихъ, баварскій, стоялъ на сторонѣ Австріи; изъ фюрстовъ были надежны только потентаты III разряда, да нѣсколько II. Перворазрядные же, Кассель и Вюртембергъ, едвали не болѣе всѣхъ доставляли хлопотъ Потсдаму.

Гессенъ-Кассель считался важнымъ государствомъ въ нѣмецкомъ мелкодержавіи, какъ по обширности своихъ владѣній и по вліянію въ Верхне-рейнскомъ округѣ, такъ и по своимъ связямъ съ великими державами. По мнѣнію Румянцова, «даже одно его замедленіе приступить къ лигѣ могло весьма много ослабить послѣднюю и повредить ея репутаціи». Оттого-то дворъ въ Ганау, гдѣ проживали тогда ландграфы кассельскіе, былъ поприщемъ оживленныхъ интригъ Австріи и Пруссіи. Ландграфы много думали о себѣ. Они давно мечтали о курфюршескомъ достоинствѣ, которое и получили въ 1803 году, хотя черезъ три года снова утратили, вмѣстѣ со всѣми своими владѣніями. Но эти треволненія наполеоновской эпохи пришлось испытать уже сыну ландграфа Фридриха II, царствовавшаго въ описываемое время.

Фридрихъ самъ не воевалъ, но подданные его постоянно проливали кровь. Этотъ фюрстъ превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей въ торговлѣ людьми: во время американской войны онъ въ пять лѣтъ продалъ англичанамъ около 20,000 солдатъ, изъ которыхъ болѣе трети погибло, а выручилъ за нихъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; при этомъ онъ пріобрѣталъ еще ту выгоду, что сбывалъ своихъ каторжниковъ. Въ этомъ случаѣ ландграфъ не стѣснялся никакою политикой: онъ готовъ былъ получать деньги съ кого угодно, оттого всякій разсчитывалъ подкупить его. Даже скупой Фрицъ подумывалъ объ этомъ. А въ депешахъ Румянцова встрѣчаемъ такое краснорѣчивое извѣстіе: «получилъ 4,781 р. 49 к. — треть жалованья и пенсіи (appointemens et pension), назначенныя ландграфу и его наслѣднику». Сверхъ того, Фридрихъ кассельскій усердно подражалъ Фридриху прусскому въ преданности меркантилизму: онъ взялъ себѣ монополію такихъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, кофе. Но во всемъ остальномъ ландграфъ разыгрывалъ роль патріарха, и Румянцовъ называетъ его «добрымъ». Онъ даже былъ не прочь попользоваться «просвѣщеніемъ» для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. У него строились больницы и дома призрѣнія бѣдныхъ, разводились школы даже для рабочихъ. Кассель соперничалъ съ

---

[1]) *Schmidt*, I, 102, 156 sq., 166.

Готой и Веймаромъ въ меценатствѣ. Впрочемъ, страна была обязана этимъ случайнымъ возрожденіемъ министру ландграфа, Шлиффену. Безграничное вліяніе послѣдняго указываетъ также на политику Касселя. Въ глубинѣ души, ландграфъ былъ особнякъ. Говорятъ, онъ не только мечталъ о чинѣ курфюрста, но даже о разныхъ коронахъ—то о польской, то о римско-нѣмецкой. Если присоединить къ этому, съ одной стороны, продажность ландграфа, съ другой — его страхъ за свои владѣнія, лежащія между Ганноверомъ и Бранденбургомъ, то не мудрено, что онъ надѣлалъ много хлопотъ Потсдаму. Казалось, прусское вліяніе было обставлено въ Ганау какъ нельзя лучше. Фридрихъ кассельскій былъ женатъ на племянницѣ Фридриха прусскаго, который вдобавокъ выручилъ какъ-то его отца въ спорѣ съ Майнцомъ, пригрозивъ послѣднему своими штыками. Онъ числился на прусской службѣ, и его собственными войсками завѣдывалъ потсдамскій генералъ Шлибенъ. Но все это ничего не значило при ганаускомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что прусскій король былъ скупъ. Здѣсь жила еще идея всемогущаго министра, хотя и нѣсколько видоизмѣненная. Шлиффенъ думалъ тогда о союзѣ между Касселемъ, Ганноверомъ и Брауншвейгомъ, переписывался объ этомъ съ герцогомъ Фердинандомъ и посылалъ Витторфа въ Ганноверъ для переговоровъ [1]). А ландграфъ былъ хорошъ не съ одними прусскими, но также съ австрійскими и русскими агентами, не зная, откуда легче получить курфюршеское достоинство и побольше денегъ. Къ тому же, онъ дорожилъ должностью имперскаго полковника Верхне-рейнскаго округа, зависѣвшею отъ императора: а «съ этою должностью — по словамъ Румянцова — была сопряжена нарочитая въ округѣ инфлюенція». И именно въ описываемое время Іосифъ сильно запугалъ его: ландграфъ просто хотѣлъ сбарышничать, продавъ свои войска голландцамъ, а императоръ принялъ это за политическій намекъ и предложилъ ему на выборъ—или «курфюршескую шляпу, или зимнія квартиры австрійцевъ въ Касселѣ». Въ то же время Румянцовъ представлялъ ландграфу въ перспективѣ орденъ св. Екатерины на ландграфинѣ. Наконецъ, было еще одно опасное для Пруссіи обстоятельство. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка жалкій бытъ фюрстовъ характеризовался, между прочимъ, переходами протестантскихъ князей въ католичество, по крайне эгоистическимъ побужденіямъ. Казалось, въ эпоху «просвѣщенія» этого уже не могло случиться; но Фрид-

[1]) *Dohm*, III, 94, sq.

рихъ кассельскій перешелъ въ католичество, въ 1749 году, когда былъ еще наслѣднымъ принцемъ. Пять лѣтъ скрывалъ онъ этотъ поступокъ, который потомъ встревожилъ всю Германію. Отецъ возненавидѣлъ Фридриха и призвалъ на помощь Пруссію и Ганноверъ, собралъ земство, которое осудило отступника на ограниченіе власти и отняло у него сыновей, отославъ ихъ въ гёттингенскій университетъ.

Впрочемъ, какъ ни трудно было Фридриху прусскому слѣдить за каждымъ шагомъ ганаускаго потентата, онъ все-таки разсчитывалъ на него, основываясь на финансовыхъ соображеніяхъ. Дѣйствительно, алчность Фридриха кассельскаго удовлетворялась, главнымъ образомъ, Англіей: слѣдовательно, стоило привлечь Ганноверъ—и Кассель потянулся бы за нимъ. Но хуже всего было то, что Фридрихъ кассельскій, прожившій уже 65 лѣтъ, былъ хилъ, а его сынъ, графъ ганаускій, вступившій на престолъ въ 1785 году, подъ именемъ Вильгельма IX, обѣщалъ окончательно смутить потсдамскую дипломатію. Графъ ганаускій думалъ о себѣ гораздо больше, чѣмъ его отецъ и даже всѣ прежніе кассельскіе потентаты. Онъ «питалъ мечты въ главѣ своей», и не робкія. Онъ «почиталъ волю свою правиломъ не обманчивымъ и при всякомъ случаѣ первому ея устремленію уступалъ, противорѣчій же не любилъ». Какъ великій человѣкъ, онъ презиралъ роскошь и пустыя забавы и предавался воинственности—все мечталъ увеличить свою армію свыше 13,000. Графъ ганаускій выказывалъ презрѣніе ко всему, начиная, конечно, съ своего двора. Онъ такъ суетился и шумѣлъ у себя дома, что былъ тираномъ старика-отца, тѣмъ болѣе, что разыгрывалъ роль пламеннаго лютеранина, будущаго Густава-Адольфа. А для придворныхъ онъ былъ истиннымъ страшилищемъ. Несчастные жаловались наѣзжавшимъ дипломатамъ на его «извѣстную суровость» и уже старались угодить ему, а не старому ландграфу. Графъ хотѣлъ показать свое величіе и цѣлой Европѣ. «Не имѣя никакого понятія о политическихъ дѣлахъ, ни о важности и мощи державъ первой степени, ниже о взаимномъ ихъ сношеніи», онъ смотрѣлъ свысока и на Екатерину, и на Іосифа, и на Фридриха. Онъ говорилъ, что не понимаетъ, какое право имѣетъ императрица на участіе въ дѣлахъ Германіи. Графъ хотѣлъ ограничить власть императора и строго заявлялъ, что обмѣнъ земель дѣло «неумѣстное». Сверхъ того, онъ именно тогда былъ лично обиженъ Іосифомъ. Графъ вздумалъ не платить законной пенсіи одному своему чиновнику, Галлу; тотъ пожаловался императору, который прислалъ кассельскому принцу «стро-

гое повелѣніе платить и жестокія угрозы, каковыя онъ право не имѣетъ чинить». Графъ рѣшился «принять мѣры возбранить императору мѣшаться въ домашнія дѣла германскихъ принцевъ и насылать строгія къ нимъ повелѣнія, яко бы къ подданнымъ». Но Екатерина и Іосифъ все-таки были императрица и императоръ. Чтó же значилъ, въ глазахъ графа ганаускаго, курфюрстъ бранденбургскій? Вильгельмъ IX не видѣлъ Фридриха II, какъ его отецъ, во всей славѣ: его еще не было на свѣтѣ, когда у Маріи-Терезіи была отнята Силезія. Онъ зналъ только дряхлаго Фрица, а справляться съ исторіей было не по плечу ему: онъ хотѣлъ самъ создавать ее. Графъ старался съ шумомъ выказать свое презрѣніе къ этому выскочкѣ. Онъ не хотѣлъ занять мѣсто отца въ прусской службѣ и, по смерти старика, торжественно послалъ въ Берлинъ адъютанта съ его орденскими знаками. Оттого-то Вильгельмъ IX болѣе своего отца былъ любезенъ съ агентами Россіи и Австріи. При жизни старика, онъ принималъ у себя Румянцова и высказывалъ ему желаніе сблизиться съ Іосифомъ на извѣстныхъ условіяхъ. А Румянцовъ не преминулъ, конечно, намекнуть на орденъ св. Екатерины для графини ганауской, которая, вдобавокъ, была сестрой дружественнаго съ императрицей датскаго короля. Все это знали въ Потсдамѣ и желали здравствовать Фридриху II кассельскому, хотя онъ вовсе не принадлежалъ къ «благонамѣреннымъ» [1]).

Другой «перворазрядный» фюрстъ, герцогъ вюртембергскій, доставлялъ Потсдаму меньше хлопотъ, но только потому, что его направленіе было ясно: это былъ открытый и упорный врагъ Пруссіи и пріятель императорскихъ дворовъ. Здѣсь царствовалъ тогда Карлъ-Евгеній, прославившійся во всей Европѣ, какъ лучшій образчикъ фюрста-тирана.

Выдающаяся личность Карла объясняется свойствами страны и ея обитателей. Швабія представляетъ пеструю панораму цвѣтущихъ долинъ и пустынныхъ вершинъ, угрюмыхъ лѣсовъ по ущельямъ и свѣтлыхъ луговъ и потоковъ. Таковы же и швабы— древнее крѣпкое племя горцевъ: они отличаются развитіемъ личности, съ ея разнообразіемъ дарованій, съ ея оригинальностью и упрямствомъ. Здѣсь было средоточіе нѣмецкаго мелкодержавія. Пестрѣла масса духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ, простыхъ и «окняженныхъ» графствъ, аббатствъ, имперскихъ городовъ и даже

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 27-го іюля (7-го августа) 1784 года; 2/13 декабря 1785; 20/31 января, 5/16 февраля и 3/14 апрѣля 1786 года.—*Румянцовъ Остерману* отъ 16/28 іюня 1785 года.—*Румянцовъ Голицыну*, отъ 9/20 сентября 1785 года.—*Мемуаръ герцога веймарскаго*: *Ranke*, II, 268 sq.—*Schmidt*, I, 282 sq.

селъ и цѣлый муравейникъ «непосредственныхъ рыцарскихъ» владѣній. На голыхъ утесахъ лѣпились неприступные замки, воспитавшіе неукротимое рыцарское племя. Въ тихихъ долинахъ, по ущельямъ, таились одинокія обители, клонившія къ раздумью и созерцанію, что привело къ изобилію сектъ. У водной системы Рейна, Неккара и Дуная высились толстыя стѣны именитыхъ городовъ, гордыхъ своими вѣковыми ратушами. Непокорный швабъ на всякомъ поприщѣ боролся за свою неприкосновенность и легко разрывалъ всякія узы. Въ былое время отсюда тянулись за Альпы отряды буйныхъ рыцарей и свирѣпыхъ ландскнехтовъ, и здѣсь впервые раздалась любовная пѣсня миннезенгеровъ. Швабія воспитала Шиллера, Кеплера, Мозеровъ, Шеллинга, Гегеля и критическую школу въ богословіи—этихъ безстрашныхъ Штраусовъ и Бауровъ. И гдѣ только не встрѣтишь швабскаго колониста или часовщика — отъ Одессы и обѣихъ Индій до Калифорніи и Техаса! Долго сохранялись въ Швабіи слѣды сословной свободы. Здѣсь, въ концѣ прошлаго вѣка, города были самыми независимыми въ Германіи, а земство уступало развѣ только мекленбургскому. Могущественна была и церковь въ Швабіи, къ голосу которой покорно прислушивался весь протестантизмъ южной Германіи. Строгая, неподвижная и фанатичная, она казалась скорѣе католическимъ, чѣмъ лютеранскимъ учрежденіемъ, особенно если взять въ разсчетъ ея независимое положеніе передъ правительствомъ. Принятая не по волѣ сверху, а совѣстью и усиліями народа, она не поглощалась государствомъ, а стояла подлѣ него, какъ равномѣрная сила. Духовенство составляло крѣпкое замкнутое сословіе, съ своимъ собственнымъ управленіемъ. Оно владѣло капиталами, массой лѣсовъ, усадьбъ, селъ со всякими угодьями и съ 70,000 крестьянъ—всего болѣе чѣмъ на 30 милліоновъ. Оно завѣдывало всей системой образованія, за исключеніемъ одного тюбингенскаго университета. Оно орудовало на земскомъ сеймѣ, гдѣ засѣдало 14 владыкъ и вовсе не было рыцарей. Наконецъ, въ рукахъ духовенства была полицейская власть: пасторъ, рядомъ съ покаяніемъ, налагалъ штрафы и сажалъ въ тюрьму. Крестьянинъ также подобострастно кланялся ему, снимая шапку, какъ и своему исправнику. А герцоги также ненавидѣли духовенство, какъ и земство, въ особенности въ 1733—1797 годахъ, когда они обратились въ католицизмъ, и имъ дозволялось, только какъ-бы украдкой, совершать домашнее богослуженіе.

Но и представители монархизма въ Швабіи были недюжинныя личности. Они отличались желѣзной волей, неукротимостью и необузданной отвагой. Они любили борьбу, сначала какъ ры-

цари, потомъ изъ грубыхъ своекорыстныхъ видовъ. Отуманенные то призраками славы, то властолюбіемъ и алчностью, они не знали, что называется преступленіемъ и злодѣяніемъ. Изъ Швабіи вышли Гогенштауфены, Габсбурги, Гогенцоллерны, отчасти Гвельфы. Таковы же были и графы вюртембергскіе, которые выдвинулись съ XIV вѣка и стали герцогами съ конца XV столѣтія. Они вѣчно дрались то съ императоромъ, то съ городскими и рыцарскими союзами — словомъ, со всѣмъ окружавшимъ ихъ свѣтомъ, и прозвища ихъ переносятъ насъ въ сказочный міръ— синихъ бородъ и злыдней. Имъ давно уже хотѣлось выбиться изъ сословныхъ оковъ феодализма. Съ Вестфальскаго мира они начали жестокую войну съ земствомъ, по принципу: «не суй своего носа въ наши дѣла», какъ выразился одинъ изъ нихъ. Герцоги вюртембергскіе одни изъ первыхъ фюрстовъ схватились за подражаніе Людовику XIV и, заведя хозяйство метрессъ, построили близъ Штутгарта роскошную резиденцію, Людвигсбургъ. Здѣсь-то, въ новомъ гнѣздѣ абсолютизма, воспитался герцогъ Карлъ (1737—1793).

Карлъ былъ недюжинная натура, но среда заглушила его дарованія. Его отецъ былъ отчаянный охотникъ, кутила и развратникъ, отъ котораго жена бѣжала съ дѣтьми въ Брюссель. Мать была ханжа до фанатизма и чудачка: она прославилась званіемъ мальтійскаго рыцаря и участіемъ въ одномъ университетскомъ диспутѣ. Воспитаніе Карла было ввѣрено двумъ французамъ, пропитаннымъ версальскимъ духомъ. Въ правленіе отсталаго земства юноша видѣлъ жестокія бичеванія, колесованія, обезглавленія и замѣчалъ, какъ ландраты вмѣшивались въ домашнюю жизнь подданныхъ до ихъ семейныхъ разговоровъ и молитвъ. Вступивъ на престолъ 16 лѣтъ, Карлъ началъ съ того, что выслалъ мать изъ столицы подъ конвоемъ и на намекъ объ интересахъ отечества воскликнулъ: «Отечество?.. *Я* — отечество!» Вскорѣ онъ прославился по всей Европѣ своимъ тиранствомъ. Его политическій пріятель, Румянцовъ, писалъ въ Петербургъ: «всѣ поступки герцога быстры и отмѣчены печатью характера упрямаго и горячаго» [1]). Отъ Карла не было житья даже его собственнымъ и знатнымъ креатурамъ: онъ собственноручно билъ ихъ палкой. Участь остальныхъ подданныхъ характеризуется примѣромъ двухъ литературныхъ знаменитостей, не считая Шиллера, который успѣлъ бѣжать во-время. Близъ границъ Вюртемберга,

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ мартѣ 1786 года. „Toutes les démarches du Duc sont promptes et marquées au coin d'un caractère entier et ardent",

поэтъ Шубартъ издавалъ журналъ, въ которомъ, рядомъ съ лестью Карлу, разоблачались и нѣкоторые изъ его пороковъ. Его заманили обманомъ въ Штутгартъ и бросили въ сырую темную башню. Лишь на девятомъ году заточенія пустили жену и дѣтей взглянуть на несчастнаго, а на десятомъ — внезапно освободили. Другою громкою жертвою былъ почтенный публицистъ и совѣтникъ земскаго сейма, старикъ Іоганнъ Якобъ Мозеръ. Однажды Карлъ вздумалъ сразу покончить съ земствомъ за его «непочтительную назойливость, крайнее тупоуміе и преступную порочность». Онъ разогналъ сеймъ, грозя сдѣлать его членовъ несчастными «до четвертаго поколѣнія». Затѣмъ были наказаны земскія власти, кто огромнымъ штрафомъ, кто арестомъ, а Мозера подвергли одиночному заключенію въ мрачной тюрьмѣ, на шесть лѣтъ. У этого же злополучнаго публициста отобрали на дому рукопись о государственномъ правѣ, какъ только пронюхали объ ея существованіи: это образчикъ особеннаго рода цензуры, и уже третьей, потому что у Карла была обыкновенная и высшая цензура — «Censur und Hochcensur»! Такъ же смотрѣлъ герцогъ на жизнь, честь и достояніе своихъ подданныхъ. Вюртемберждцы хорошо знали всѣ страсти своего властителя. Герцогъ любилъ солдатчину и вербовщики вторгались въ церкви, хватали мужей и единственныхъ сыновей, не щадили даже иностраннаго путешественника, если онъ попадался подъ руку; а артиллерія, драгуны и офицеры выводили себѣ лошадей изъ любого станка. Герцогъ чувствовалъ пристрастіе къ прекрасному полу—и ни одна семья, какъ самая знатная, такъ и крестьянская, не была обезпечена отъ его высочайшаго вниманія. Даже коронованнымъ особамъ приходилось выносить скандалы. По обычаю фюрстовъ, у Карла завелась и постоянная любовница, какая-то баронесса, бросившая мужа и возведенная въ санъ графини Гогенгеймъ. Она играла роль соправительницы и супруги герцога до того, что ѣздила за нимъ повсюду. Леопольдъ тосканскій не зналъ, что̀ дѣлать, когда его посѣтила эта чета, оскорблявшая нравственность его дамъ [1]). Румянцовъ разсказываетъ, какъ однажды Карлъ, бывшій въ ссорѣ даже съ родными, вздумалъ-было примириться съ своимъ братомъ, Лудвигомъ, «ханжество котораго достигало крайнихъ предѣловъ». Онъ внезапно заѣхалъ къ нему на имянины, и Гогенгеймъ съ нимъ. Лудвигъ прогналъ его, ибо было «противно его принципамъ принимать въ своемъ домѣ графиню» [2]). Герцогомъ

---

1) *Joseph II und Leopold*, I, 109—111.

2) *Румянцовъ Остерману* въ январѣ 1786 года.

часто овладѣвалъ охотничій азартъ—и вюртембержцы превращались въ егерей, ходили на облавы, стерегли дичь, которая разрушала ихъ поля, гдѣ рубили просѣки, гдѣ разводили лѣса. Наконецъ, у герцога было принципомъ, что—стóитъ подражать пышности и тщеславію Версаля—и станешь могущественнымъ потентатомъ въ Европѣ. Придворный штатъ состоялъ у него изъ 2,000 лицъ, а путешествовалъ онъ со свитой въ 700 человѣкъ, на 600 лошадяхъ. У него служило 20 принцевъ и имперскихъ графовъ, до 200 дворянъ, а въ пяти-тысячной арміи числилось два генералъ-лейтенанта и 8 генералъ-маіоровъ. Въ Штутгартѣ были первые виртуозы и актеры, знаменитый балетъ, лучшая послѣ парижской опера, и постановка иныхъ пьесъ обходилась въ 100,000 флориновъ. Здѣсь кружился рой всевозможныхъ гостей, отъ коронованныхъ особъ до знаменитыхъ шарлатановъ и авантюристовъ, въ родѣ Казановы. Карлъ считалъ дѣломъ чести и княжескаго долга затмить всѣхъ фюрстовъ въ блескѣ празднествъ. Передъ очарованными гостями совершались чудеса: то исчезали, то внезапно возникали цѣлые лѣса, парки, пруды и фонтаны, выростали изъ земли фантастическіе зáмки, развалины и ландшафты, вырывались озера на горахъ, чтобы на потѣху загнать туда стадо оленей. Гуляющихъ гостей повсюду встрѣчали затѣйливые сюрпризы—каскады, древніе рыцари, расфранченные пейзане и плѣнительныя пастýшки. Въ полночь вдругъ загорались пестрые огни по лѣсамъ, и изъ гротовъ выходили феи, фавны, сатиры. Не то шли цѣлой вереницей, смѣняя другъ друга, балы и маскарады, балеты и оперы (итальянскія и французскія), драмы и водевили, концерты и банки съ ихъ дикимъ азáртомъ, карусели и фейерверки, а по ночамъ шумные ужины, кончавшіеся сладострастнымъ шопотомъ по угламъ, въ полумракѣ нишъ, закутанныхъ сѣткой цвѣтовъ. Однажды, въ годовщину своего рожденія, Карлъ цѣлыхъ двѣ недѣли возился съ 300 гостей высшаго ранга. Повара выбились изъ силъ, придумывая кушанья подороже и поизысканнѣе; а крестьяне измучились, день и ночь гоняя дичь, которой собрано было болѣе 5000 штукъ. Въ заключеніе каждый гость былъ пріятно пораженъ, найдя на своемъ кувертѣ богатѣйшій подарокъ, а подданные перепились до отвала изъ винныхъ фонтановъ, бившихъ передъ дворцомъ на всеобщую потребу. Не мудрено, что подобныя празднества стоили до полмилліона гульденовъ. Труднѣе высчитать, во чтó обходились быстро смѣнявшіяся любовницы гéрцога и его роскошныя сооруженія—опера, солитюдъ, дворцы въ четырехъ мѣстахъ. Не дешево стоило и меценатство Карла, которое было тогда обязательною принад-

лежностью княжескаго чина, точно также какъ и noble passion. Наконецъ, фюрстъ прошлаго вѣка немыслимъ безъ какого-нибудь спеціальнаго каприза или чудачества: страстью Карла было собирать библіи, чего бы онѣ ни стоили, и у него уже накопилось ихъ, по счету Румянцова, болѣе 5000.

Все это должна была содержать страна въ полтораста квадратныхъ миль и съ полмилліономъ населенія! Но за то Карлъ изумлялъ всѣхъ своей финансовой беззастѣнчивостью и изобрѣтательностью. Онъ не даромъ, въ концѣ своего воспитанія, пробылъ три года въ Берлинѣ: Фридрихова система монополій, акцизовъ и косвенныхъ налоговъ привилась къ нему, какъ нельзя лучше. Онъ обратилъ табакъ и соль въ свою монополію, причемъ очень дорого продавалъ плохой товаръ и насильно заставлялъ покупать его больше, чѣмъ нужно. Онъ принуждалъ коневодовъ продавать себѣ лошадей за ничтожную цѣну, а самъ перепродавалъ ихъ дорого. Онъ бралъ хлѣбъ изъ общественныхъ магазиновъ и продавалъ его въ свою пользу. Онъ, съ помощью военныхъ экзекуцій, вторично собиралъ уже уплаченныя подати или бралъ за будущіе годы. Онъ опустошалъ земскія, церковныя и госпитальныя кассы. Стараясь довести составъ войска до 10 тысячъ слишкомъ, Карлъ собиралъ особенно тяжкую подать на содержаніе всѣхъ солдатъ, хотя часть ихъ тотчасъ же продавалась за границу. Земство, чиновниковъ и священниковъ часто принуждали давать герцогу деньги взаймы безъ отдачи, а на крестьянъ налагались все новыя барщины, при каждой его затѣѣ, при каждомъ его капризѣ. Не были забыты и лоттереи, къ устройству которыхъ принуждали даже церковныя учрежденія. Объ особенной финансовой виртуозности Карла свидѣтельствовала его типографія, занимавшаяся печатаніемъ стиховъ несчастнаго Шубарта, такъ какъ они имѣли хорошій сбытъ. Наконецъ, открыто продавались должности и солдаты. Послѣднихъ Карлъ сбывалъ преимущественно во Францію: во время Семилѣтней войны онъ въ пять лѣтъ получилъ за нихъ полтора милліона франковъ. Въ описываемое время Карлъ далъ отрядъ и Іосифу, причемъ такъ торговался черезъ посредство Петербурга, что надоѣлъ Екатеринѣ. И все-таки долги герцога возрасли до того, что едва не превосходили стоимость всего герцогства! Наконецъ, Карлъ долженъ былъ пожать плоды своего правленія. Всѣ ждали или возстанія, или поголовнаго выселенія жителей изъ Вюртемберга. Въ отчаяніи, земство начало непримиримую борьбу съ своимъ государемъ, которая длилась 14 лѣтъ. Тогда Карлъ рѣшился истребить его. Онъ «только и говорилъ, что про месть подданнымъ», и даже

на вмѣшательство Фридриха II отвѣчалъ «гордо и высокомѣрно, какъ первый государь въ мірѣ» [1]), что это не его дѣло. Но земство обратилось за помощью къ Пруссіи, Ганноверу и Даніи — евангелическимъ державамъ, давно поручившимся за его права, а также пожаловалось имперскому суду. Такъ возгорѣлось дѣло, которое обратило на себя всеобщее вниманіе, вызвало множество памфлетовъ и разоблачило, въ глазахъ публики, преступленія мелкаго европейскаго султана.

Надѣясь на неповоротливость и продажность имперскаго правосудія, а также на покровительство императора, Карлъ поступалъ еще свирѣпѣе, презирая голосъ общественнаго мнѣнія и даже просьбы собственныхъ братьевъ, совѣтовавшихъ ему смириться. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ онъ на прибывшаго тогда въ Штутгартъ датскаго уполномоченнаго: «Вюртембергъ управляется государемъ, необузданнымъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, бездушнымъ, спѣсивымъ, незнающимъ состраданія и преданнымъ всѣмъ своимъ страстямъ. Мало того. На несчастную страну наводитъ ужасъ графъ Монмартенъ. Это—надменный, предпріимчивый министръ и интриганъ, который не церемонится въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ гибельныхъ цѣлей и плохо знаетъ договоры между герцогомъ и его подданными. Врагъ всего, что̀ дерзаетъ поднимать голову передъ нимъ, онъ не умѣетъ прощать и открыто грозитъ своимъ гнѣвомъ даже дѣтямъ тѣхъ, кто будтобы оскорбилъ его. Льстецъ, пресмыкающійся передъ своимъ господиномъ и его необузданными желаніями, онъ обогащается насчетъ крови народа, слушаетъ совѣты людей одного съ нимъ разбора, предается распутству,—словомъ, существуетъ лишь для того, чтобы служить бичомъ всего, что̀ только есть вюртембергскаго». Пять лѣтъ тянулась тяжба этихъ палачей съ ихъ жертвами. Въ Штутгартъ наѣхали уполномоченные Пруссіи, Ганновера и Даніи и имперская слѣдственная коммиссія. Въ то же время другая коммиссія работала въ вѣнскомъ надворномъ судѣ, который, наконецъ, вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, приказалъ Карлу освободить Мозера и уступить земству. Въ 1770 году герцогомъ былъ подписанъ договоръ, возстановлявшій права земства. Но насколько онъ былъ надеженъ, видно изъ того, что Карлъ всячески затягивалъ его и взялъ за подписаніе круглую сумму съ народа, а земство умоляло уполномоченныхъ евангели-

---

[1]) Слова Ассебурга, который былъ посланъ Даніей для разбирательства этого дѣла въ 1760 годахъ и подробно описалъ его. У него указаны жалобы земства, хорошо рисующія безвыходное положеніе подданныхъ Карла. *Asseburg*, 203—228.

ческихъ державъ не покидать Штутгарта. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ одинъ изъ послѣднихъ поочередно жилъ въ Вюртембергѣ. Въ то же время Ассебургъ, по настоятельнымъ просьбамъ земства, отправилъ къ графу Панину замѣчательное «предложеніе», которое онъ самъ назвалъ «совершенно неожиданнымъ и незнакомымъ» для Петербурга. Въ этой бумагѣ тепло описаны «угнетенія герцогства, возбудившія вниманіе и соболѣзнованіе даже за предѣлами Германіи». Ассебургъ взывалъ къ «доброму и сострадательному сердцу» русскаго министра, умоляя его помочь несчастнымъ, ибо «договоръ не измѣнитъ сердца этого фюрста». «Вюртемберҗцы,—говоритъ онъ,—питаютъ смиренное желаніе, чтобы великая и могущественная повелительница россійской имперіи стала доброю защитницей ихъ правъ и вольностей. Они хотятъ, чтобы императрица сама, или именемъ своего сына, какъ герцога голштинскаго, приняла поручительство за всѣ земскіе договоры Вюртемберга, по примѣру королей датскаго, прусскаго и ганноверскаго». «Я знаю—прибавлялъ Ассебургъ,—что этотъ призывъ почти безпримѣренъ и что имперская конституція противится иностранной гарантіи», но подобные примѣры были. Далѣе, указавъ на хорошія отношенія между Россіей, Пруссіей, Даніей и Англіей, Ассебургъ напоминалъ Панину: «ваше сіятельство сами писали мнѣ въ прошломъ году, что это счастливое согласіе между четырьмя коронами и есть та пора, когда Россія можетъ принять ближайшее участіе въ нѣмецкой конституціи, съ вѣдома союзныхъ дворовъ. Пусть же въ Вюртембергѣ будетъ положено начало этому! Пусть эта вѣчно тревожная страна будетъ первою, которая похвалится милостью и всегда благодѣтельными попеченіями величайшей императрицы! Повѣрьте, ваше сіятельство, что нѣтъ ничего достойнѣе вашихъ усилій, какъ дѣло, въ которомъ кроется спокойствіе и безопасность многихъ тысячъ людей! Благословеніе и благоволеніе будутъ спутниками такого поступка» [1]).

Этотъ вопль вюртемберҗцевъ о помощи остался безъ отзыва; а онъ былъ справедливъ. Правда, запуганный Карлъ сталъ говорить о раскаяніи и усвоивать языкъ «просвѣщенія». Въ 50-й день своего рожденія онъ возвѣстилъ подданнымъ впервые, будто онъ «человѣкъ» и потому иногда ошибался, но что отнынѣ «настаетъ второй періодъ его жизни» и онъ становится «вѣрнѣйшимъ отцомъ отечества». Онъ сталъ даже подражать Фридриху II—рано вставать для занятій. Онъ усерднѣе прежняго меценатство-

[1]) *Ассебургъ Панину*, отъ 1-го мая 1770 года. *Asseburg*, 236—239.

валъ и даже завелъ «Карлову академію» съ тремя факультетами [1]). Но это не было искреннее раскаяніе. Нѣкоторыя улучшенія произошли только тамъ, гдѣ дѣйствовалъ страхъ передъ имперскимъ судомъ и соглядатаями евангелическихъ державъ, или гдѣ старость и пресыщеніе брали свое, сущность же оставалась прежняя. Исторія съ Шубартомъ случилась послѣ новой эры во дворцѣ. Раннія занятія по утрамъ вскорѣ оказались комедіей. Новобранцевъ ловили по церквамъ и продавали за-границу по прежнему, а академія была новою забавой деспота. Шубартъ мѣтко назвалъ ее «плантаціей рабовъ»: здѣсь воспитывались рабскія души, подъ вліяніемъ военной дисциплины, которая господствовала во всемъ, начиная съ косичекъ и кончая духомъ преподаванія. Наконецъ, земство все еще должно было воевать съ своимъ государемъ и обороняться.

Политика герцога Карла была весьма не сложна по идеямъ. Онъ любилъ доказывать, въ своихъ письмахъ Румянцову, что «живетъ только изъ сознанія своего перваго долга—соблюсти благополучіе своего дома и своего народа», причемъ послѣднее слово должно отнести къ обычной стилистикѣ фюрстовъ. Съ этою цѣлью онъ «принималъ свои мѣры предосторожности», что̀ означало на его языкѣ изысканіе средствъ къ удовлетворенію своей алчности и своего честолюбія, въ какомъ бы лагерѣ ни находились они. Въ своихъ политическихъ разсчетахъ Карлъ и его родственники подѣлили между собой великія державы, у которыхъ выгодно было заискивать. Карьерой его брата Фридриха было служеніе Пруссіи. Этотъ Фридрихъ, въ потомство котораго перешла вюртембергская корона, по смерти бездѣтнаго Карла, всю свою жизнь бѣдствовалъ. Онъ владѣлъ маленькимъ графствомъ Монбельяръ, въ Эльзасѣ, заброшеннымъ среди французскихъ земель; а отъ пышной трапезы брата, конечно, мало крохъ перепадало на его долю. По словамъ Іосифа, монбельярская чета, обремененная кучей дѣтей, жила «самымъ мѣщанскимъ образомъ». Она извертывалась всячески, причемъ жена Фридриха отличалась попрошайствомъ [2]). Такъ, она согласилась за пенсію

---

[1]) *Румянцовъ* даже донесъ *Остерману*, 17/28 января 1785 года: „герцогъ купилъ у курфюрста майнцскаго за 400 тысячъ флориновъ сеньерію Беннингенъ, лежавшую среди его земель. Всѣ хвалятъ его, всѣ очарованы и изумлены, видя, что этотъ фюрстъ привелъ въ порядокъ свои финансы, тѣмъ болѣе, что все его царствованіе не отличалось этимъ духомъ порядка“.

[2]) Когда она однажды хотѣла пріѣхать въ Вѣну, Іосифъ приказалъ Кауницу какъ-нибудь отклонить посѣщеніе, потому что гостья непремѣнно станетъ выпрашивать денегъ.—*Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 117.

отъ вюртембергскаго земства воспитывать свою дочь Елизавету въ лютеранской религіи [1]). Фридрихъ больше всего жилъ насчетъ Пруссіи. Онъ женился на племянницѣ Фридриха II и служилъ у послѣдняго то генераломъ, то байрётскимъ губернаторомъ. Своего старшаго сына Фридриха онъ также отдалъ въ прусскую службу. Впрочемъ, ему было несчастье на дѣтей. Фридрихъ, который былъ потомъ первымъ вюртембергскимъ королемъ и прославился неукротимостью едвали не болѣе своего дяди Карла, перессорился съ начальствомъ и сталъ русскимъ генераломъ, а потомъ финляндскимъ намѣстникомъ и херсонскимъ губернаторомъ. Но его выгнали и изъ русской службы, потому что жена умоляла Екатерину защитить ее отъ его тиранствъ,—и онъ скитался по всей Европѣ, пока не попалъ на вюртембергскій престолъ. Другой сынъ Фридриха навлекъ на себя ненависть отца самовольной помолвкой съ княжной Чарторыйской. Изъ дочерей одна скончалась 19-ти лѣтъ, вскорѣ послѣ свадьбы, другая, Елизавета, умерла также молодою и была образцомъ безобразія, бездарности и крайне мѣщанскихъ манеръ. Только одна представляла счастливое исключеніе и по своей натурѣ, и по своей судьбѣ—Марія Ѳеодоровна, супруга Павла Петровича. Но въ описываемое время, вслѣдствіе сближенія между Россіей и Австріей, монбельярская чета сочла выгоднымъ измѣнить свою карьеру. Одну изъ своихъ дочерей она выдала замужъ за герцога голштейнъ-ольденбургскаго, другую (Елизавету), за племянника Іосифа II, Франца, будущаго нѣмецкаго императора; а одинъ изъ ея сыновей поступилъ въ австрійскую службу [2]).

Самъ же герцогъ Карлъ былъ неизмѣннымъ приверженцемъ Австріи, слѣдуя по стопамъ своего отца, который служилъ императору и занималъ постъ бѣлградскаго губернатора. Онъ забылъ, что Габсбурги всегда жаднымъ взоромъ посматривали на евангелическій Вюртембергъ и уже два раза въ (XVI и XVII вѣкахъ) захватывали его, а про Іосифа всѣ говорили, что онъ намѣренъ, послѣ Баваріи, промѣнять Модену или Миланъ на Вюртембергъ. Карлъ считалъ себя настолько могущественнымъ, что не опасался подобныхъ дерзостей со стороны императора. Къ тому же, въ Вѣнѣ помнили рвеніе, съ которымъ онъ выступилъ противъ Пруссіи въ Семилѣтнюю войну, и Габсбургамъ было выгодно

---

[1]) Самъ Фридрихъ былъ католикъ, а его жена реформатка.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, въ октябрѣ 1784 года.—*Герцогъ Карлъ Румянцову*, отъ 19 января н. с. 1785 и отвѣтъ ему Румянцова.—*Joseph II und Leopold*, I, 285, 327, 339—343.—*Ségur*, II, 418 sq.

поддерживать католическаго государя въ протестантской странѣ. Въ началѣ спора Карла съ земствомъ Марія-Терезія колебалась и даже дѣлала внушенія послѣднему. Въ то же время Фридрихъ II горячо сталъ за вюртембержцевъ и доставилъ имъ побѣду надъ своимъ герцогомъ. Къ тому же, онъ открыто то порицалъ, то осмѣивалъ поведеніе своего неудачнаго ученика. Карлъ, подобно своему сопернику, графу ганаускому, ненавидѣлъ Фрица, какъ дерзкаго выскочку. Сверхъ того, онъ надѣялся получить много выгодъ отъ союза съ императоромъ—и прежде всего денегъ: а въ Вѣнѣ не были такъ скупы, какъ въ Берлинѣ, и Австрія была тогда въ дружбѣ съ Версалемъ, щедро снабжавшимъ герцога франками. Второю заботой Карла было пріобрѣтеніе курфюршескаго достоинства, которое зависѣло отъ императора, а не отъ курфюрста бранденбургскаго. Въ описываемое время герцогъ особенно дорожилъ связями съ Іосифомъ, потому что это сближало его съ Екатериной, а онъ уже давно считалъ помощь императрицы самымъ важнымъ обстоятельствомъ въ своей карьерѣ: такимъ образомъ, въ одно и то же время и герцогъ, и его подданные обратили свои взоры на сѣверъ. Карлъ, прежде всего, ожидалъ горъ золота изъ Россіи, затѣмъ курфюршескій чинъ, давно обѣщанный ему Екатериной [1]), наконецъ русскія «кавалеріи» и защиту Монбельяра отъ когтей Франціи. Были у него и еще нѣкоторыя просьбы къ Екатеринѣ. Такъ, при ея поддержкѣ, герцогъ дерзалъ даже помышлять о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ. Онъ просилъ Екатерину, чтобы, въ случаѣ войны въ Германіи, «ея покровительствомъ были причислены къ его владѣніямъ нѣкоторые изъ малыхъ имперскихъ вольныхъ городовъ, лежащихъ среди нихъ». Ему хотѣлось также промѣнять, при ея содѣйствіи, Монбельяръ на нѣкоторыя земли Іосифа въ Швабіи, такъ какъ «императору легче будетъ сохранить сіе графство отъ угнетеній и, можетъ быть, завоеваній со стороны Франціи» [2]). Еще Карлъ просилъ Екатерину выхлопотать ему у Іосифа признаніе графини Гогенгеймъ его женой и возведеніе ея въ санъ герцогини. Наконецъ, герцогъ умолялъ вывести его изъ одного затрудненія, въ которое онъ попалъ тогда изъ корысти. Онъ продалъ Іосифу 800 человѣкъ своихъ подданныхъ для голландской войны, не думая, конечно, что Франція серьёзно вмѣшается

---

[1]) Герцогъ напоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Румянцову, не смѣя безпокоить самоё Екатерину, „дабы сохранить правило слѣпаго повиновенія“ къ ней. *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 марта 1785 года.

[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 и 25 марта (6 апрѣля) 1785 года.

въ это дѣло. Вѣрные вюртемберщцы были, наконецъ, выведены изъ терпѣнія такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ ихъ головами. Они взволновались и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обратились къ датскому посланнику съ просьбой, чтобы державы-поруки уничтожили постыдную военную конвенцію ихъ государя съ императоромъ. Копенгагенскій дворъ, «по дружбѣ (intimité) къ петербургскому» совѣтовалъ имъ успокоиться. Но не успѣли успокоиться вюртембергскіе «чины», какъ грозное положеніе Франціи окончательно встревожило герцога. Онъ просилъ Іосифа не употреблять его легіона противъ французовъ и даже выхлопотать у Людовика XVI декларацію въ томъ смыслѣ, что вѣнская конвенція не повліяетъ на дружескія сношенія между Штутгартомъ и Версалемъ. Въ то же время Карлъ взывалъ о помощи къ Екатеринѣ, доказывая ей, что онъ «можетъ держаться только системы нейтралитета во все время, пока будутъ несогласія». Но онъ напрасно билъ тревогу. Голландскій вопросъ началъ затихать, и Іосифъ самъ уничтожилъ конвенцію, замѣтивъ при этомъ не безъ ироніи, что «принялъ ее только изъ угожденія» герцогу и что послѣдній «можетъ даже употребить ея расторженіе въ свою пользу въ Версалѣ». Этотъ, повидимому, желанный исходъ дѣла былъ причиной новаго безпокойства въ Штутгартѣ, такъ какъ, по миновании бѣды, Карломъ снова овладѣвало корыстолюбіе: ему захотѣлось даромъ получить деньги. Онъ сталъ доказывать, что свято почитаетъ конвенцію— и его легіонъ, набранный изъ лучшихъ солдатъ и офицеровъ, готовъ къ походу. «Я — писалъ онъ Іосифу — былъ крайне польщенъ уже тѣмъ, что осмѣлился заключить конвенцію съ вашимъ величествомъ, то-есть доказать всему міру, что я глубоко привязанъ къ вашей священной особѣ, и ничто въ мірѣ не можетъ измѣнить моихъ чувствъ». Правда, герцогъ не могъ удержаться отъ заявленія, что ему заплатили только за мѣсяцъ, а не за полгода; но такъ какъ этимъ его издержки уже покрыты, то, «никогда не руководясь разсчетами», онъ «готовъ былъ безропотно принять на себя все это бремя» [1]). Карлъ тотчасъ же увѣдо-

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{17}/_{28}$ января 1785 года. При депешахъ Румянцова приложены слѣдующіе документы: *копія письма герцога вюртембергскаго къ императору*, отъ 17 января 1785 года; *копія отвѣта императора*, отъ 21 января; *копія письма герцога императору*, отъ 30 января. Въ послѣдней сказано, между прочимъ: „J'ai été trop flatté d'oser conclure une convention avec V. M. I. et de prouver par là au monde entier combien je suis respectueusement attaché à sa Personne Sacrée pour que rien au monde ne puisse me faire changer de sentiments... L'interêt ne m'a jamais guidé: je prends tous ces fardeaux sur moi sans murmurer,

милъ Петербургъ о своемъ великодушіи, которое будто бы означало его желаніе «заслужить милостивое одобреніе ея величества» [1]).

Вообще, въ описываемое время, герцогъ вюртембергскій находился въ перепискѣ съ Румянцовымъ и Остерманомъ, отчасти даже съ самой Екатериной и Павломъ Петровичемъ. Обыкновенно эти письма были лирическими изліяніями на одну и ту же тэму. «Отъ вашего императорскаго величества—писалъ Карлъ Екатеринѣ—зависитъ и всегда останется въ вашихъ рукахъ счастье мое и моего дома. Стóитъ вамъ сказать слово императору и французскому королю—и я буду спокоенъ, доволенъ, счастливъ... Вѣдь ваше счастье состоитъ единственно въ содѣланіи другихъ счастливыми... Пользуясь милостями и покровительствомъ вашего величества, я—самый спокойный и довольный изъ смертныхъ, ибо ваша поддержка—все для меня, а безъ васъ я не желалъ бы быть ничѣмъ» [2]). Весной 1785 года, когда въ Берлинѣ былъ составленъ проектъ лиги, Румянцовъ доносилъ Екатеринѣ: «герцогъ вюртембергскій, вручивъ себя, домъ свой и подданныхъ вашему покровительству, пребываетъ безопасенъ среди грозящихъ тучъ, не желая себѣ иного блага, кромѣ того, которое всеавгустѣйшимъ вашимъ посредствомъ получить можетъ». Екатерина отмалчивалась и на письма, и на просьбы герцога Карла. Только Румянцовъ утѣшалъ его увѣреніями, что императрица хлопочетъ въ Вѣнѣ о доставленіи ему курфюршескаго достоинства [3]). Сверхъ того, онъ посылалъ герцогу подобнаго

---

moyennant les argents qui j'ai reçu de Sa (императора) part et qui à peine ont suffi à tout. Cependant, Sire, je reitère encore mes voeux de pouvoir être utile au service de S. M. I.".—*Копія письма императора герцогу*, отъ 3 февраля: здѣсь послѣдовало окончаніе дѣла о конвенціи въ томъ смыслѣ, что Іосифъ предоставлялъ рѣшить денежный вопросъ вюртембергскому министру-резиденту вмѣстѣ съ вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ.

[1]) При депешахъ Румянцова находится *подлинное письмо герцога Карла Екатеринѣ*, отъ 8 февраля 1785 года. Въ немъ сказано, между прочимъ: „J'ai la consolation de n'avoir rien à me reprocher, d'avoir rempli touts les points de mon engagement, et d'avoir mesme fait plus par envie de meriter les bontés de Sa Majesté L'Empereur et la gratieuse approbation de Votre Majesté Imperiale, qui sera toujours le but de touttes Mes actions".

[2]) При депешахъ Румянцова находятся: *копія письма герцога вюртембергскаго Румянцову*, отъ 19 января 1785 года; подлинное *письмо герцога Екатеринѣ*, отъ 19 января 1785 года; *письмо герцога Румянцову*, отъ 8 февраля 1785 года. Въ послѣднемъ сказано: „Avec les bontés et la protection de Sa M-té I-le (Екатерины) je suis le plus tranquile et content des mortels, car Son appuy m'est tout et sans Elle je ne voudrais rien être".

[3]) Дѣйствительно, Голицынъ доносилъ Остерману, отъ 31 іюля (11 августа) 1784

рода аттестаціи въ поведеніи: «мнѣ остается только удивляться свѣтлому взгляду и мудрости, которыми запечатлѣны ваши поступки въ отношеніи моего двора... Нѣтъ ничего достойнѣе вашей мудрости, какъ считать императрицу ангеломъ-хранителемъ вашего дома. Это довѣріе съ вашей стороны не преминетъ произвести самое хорошее впечатлѣніе» [1]).

Когда, вслѣдъ затѣмъ, вскрылся планъ Фридриха составить союзъ князей, рвеніе герцога вюртембергскаго достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ не хотѣлъ ограничиваться пассивнымъ сопротивленіемъ и сообщилъ Румянцову «по дружбѣ», что затѣваетъ устроить «сговоръ между фюрстами, дабы пустымъ не пугаться и не вооружаться, а быть въ готовности идти противъ нарушителя имперскихъ законовъ»; при этомъ сговоръ «не долженъ былъ имѣть видъ лиги и отнюдь не должно было допускать постороннюю державу въ участницы или предводительницы». Когда Румянцовъ пришелъ въ недоумѣніе отъ этого мудренаго плана, герцогъ объяснилъ, что сговоръ направленъ противъ Версаля и Берлина. Карлъ сталъ разъѣзжать по дворамъ фюрстовъ, былъ въ Майнцѣ и Франкфуртѣ; но больше всего разсчитывалъ онъ на Баварію и Вюрцбургъ. Его повсюду постигла неудача. Всѣ ограничивались уклончивыми фразами; одинъ епископъ вюрцбургскій охотно соглашался и совѣтовалъ обратиться къ курфюрсту кёльнскому. Но послѣдняго Карлъ не считалъ надежнымъ. Онъ хотѣлъ лучше обратиться въ Дармштадтъ, но покинулъ и это намѣреніе, развѣдавши, что ландграфъ находится въ сношеніяхъ съ Франціей черезъ свою жену. Всего недѣли черезъ двѣ послѣ начала дѣйствій, герцогъ Карлъ объявилъ Румянцову, что его планъ погибаетъ, ибо даже епископъ вюрцбургскій, «уступая своей склонности къ медлительности, тянетъ дѣло въ протяжку»; самъ же онъ, «будучи одинъ, не смѣетъ открываться прочимъ принцамъ, дабы они не выдали его Франціи».

года, что, исполняя его приказаніе, онъ убѣждалъ Кауница въ необходимости возвышенія герцога въ курфюршеское достоинство и требовалъ составить общій планъ для этого. Кауницъ согласился и успокоилъ Голицына въ томъ отношеніи, что ландграфъ кассельскій никакъ не можетъ разсчитывать на курфюршеское званіе „ужъ потому, что опоздалъ обратиться въ Вѣну“. Но на этомъ дѣло и остановилось.

[1]) *Румянцовъ герцогу вюртембергскому*, отъ 10 февраля 1785 года: „Il ne me reste, comme je fois, qu'à admirer l'esprit de lumière et de sagesse qui caracterisent Vos demarches à l'egard de ma Cour“.—*Тоже*, отъ 19 января: „Rien n'est plus juste, Monseigneur, que la sollicitude de Père que Vous manifestés pour Vos sujets; rien n'est plus digne de Votre sagesse, que de regarder l'Imperatrice comme l'Ange tutelaire de Vôtre Sérénissime Maison, et cette confiance... ne peut manquer d'avoir un très bon effet“.

Такъ погибла мимолетная идея контръ-лиги въ русско-австрійскихъ интересахъ. Румянцовъ сказалъ тогда герцогу вюртембергскому: «по моему слабому мнѣнію, невозможно есть дать чинамъ германской имперіи духъ единомыслія. Каждому изъ нихъ, для избѣжанія быть жертвою замысловъ другого, кажется, лучше пещись особенно о собственномъ сохраненіи и благѣ своемъ». Что же касается самого Карла, то нашъ посланникъ утѣшалъ его презрительнымъ отзывомъ объ его главномъ врагѣ, ландграфѣ кассельскомъ. Онъ доказывалъ, что послѣднему далеко до него, герцога,—чина столь могущественнаго и даровитаго: ландграфъ «слабѣе уже потому, что не прилѣпленъ къ двумъ императорскимъ дворамъ». Герцогъ увѣрялъ, что и впредь намѣренъ придерживаться своихъ великихъ покровителей. Въ доказательство своей искренности, онъ сообщилъ, что прусскій посланникъ, въ разговорѣ съ его министрами, не разъ говорилъ, какъ Фридрихъ II уважаетъ его и надѣется, что онъ посѣтитъ Берлинъ въ предстоящее свое путешествіе [1].

---

[1] *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 и 25 марта (5 апрѣля) 1785 года.—*Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 мая (4 іюня) 1785 года.

ГЛАВА XVI.

Фюрсты, Іосифъ и Екатерина наканунѣ союза князей.

При описанныхъ условіяхъ, начало дѣла, затѣяннаго Фридрихомъ, не предвѣщало успѣха. «Окончательный» проектъ Герцберга встрѣтилъ сочувствіе только у самыхъ мелкихъ фюрстовъ, да и здѣсь, на первыхъ порахъ, не обошлось безъ недоразумѣній. Когда Секендорфъ прежде всего заѣхалъ къ Карлу-Августу веймарскому, чтобы узнать отъ него о настроеніи фюрстовъ, хозяинъ былъ крайне смущенъ такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ агента *короля*. До сихъ поръ герцогъ имѣлъ дѣло только съ *кронпринцемъ* и не зналъ теперь, въ какомъ отношеніи находятся между собой замыслы молодого и стараго двора въ Пруссіи. Онъ счелъ болѣе безопаснымъ скрыть свои переговоры съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и тотчасъ же написалъ объ этомъ своему пріятелю, Францу дессаускому. Изъ этого письма видно, что патріотическій тріумвиратъ связывалъ свою будущность съ кронпринцемъ: безъ него онъ не желалъ идти далѣе блѣднаго заявленія сочувствія всему, что можетъ поддержать имперскую конституцію. Но вслѣдъ затѣмъ патріоты были выведены изъ затрудненія. Ихъ извѣстили изъ Берлина, что Фридрихъ-Вильгельмъ раздѣляетъ планъ своего дяди и вполнѣ одобряетъ посольство Секендорфа, съ которымъ онъ хорошо знакомъ лично. Теперь радости тріумвировъ не было конца. Нѣкоторые изъ нихъ даже обнаружили готовность принести все, не исключая своей жизни, на алтарь «отечества». При этомъ сила патріотизма фюрстовъ была, можно сказать, обратно пропорціональна ихъ значенію. Такъ, пламеннѣе всѣхъ выражался Эрнстъ готскій. Онъ писалъ Карлу-Августу веймарскому: «Мы, нѣмецкіе князья, должны поставить на походную ногу армію, чтобы защитить наши земли

и наши личности отъ ига Іосифа. Никто, кромѣ вашего дяди, герцога брауншвейгскаго, не долженъ предводительствовать этою арміей, и я почту за честь служить подъ его начальствомъ». А дессаускій писалъ веймарскому: «Успѣхъ и благословеніе вашему мужественному предпріятію и его точному исполненію! Меня также не упрекнуть въ нерадѣніи или равнодушіи. Но не забывайте, что у меня, бѣдняги (Armer), всего четверть голоса на имперскомъ сеймѣ, и мнѣ, пожалуй, не удастся побудить господъ моихъ родственниковъ къ разумнымъ мѣрамъ» [1]).

Патріотическій тріумвиратъ не ограничивался изліяніями чувствъ. Онъ началъ разъѣзжать по дворамъ мелкихъ фюрстовъ. Особенно часто «пребывалъ онъ въ окрестностяхъ Франкфурта, чтобы подъ разными предлогами являться въ Майнцъ». Такъ доносилъ въ Петербургъ Румянцовъ, на глазахъ у котораго совершались эти разъѣзды. И теперь-то онъ впервые узналъ, что Фридрихъ рѣшился устроить «формальную негоціацію», не довольствуясь возбужденіемъ повсюду «скрытнаго и глухого неудовольствія противъ Вѣны и Петербурга, посредствомъ лейденскихъ газетъ и берлинскихъ эмиссаровъ, стучавшихся у всѣхъ дверей въ Германіи» [2]).

Но этимъ и ограничивались, на первыхъ порахъ, всѣ успѣхи «окончательнаго» проекта. Посольство Секендорфа, на которое возлагалось такъ много надеждъ и въ Берлинѣ, и у тріумвирата, не произвело особеннаго впечатлѣнія. Этотъ энергическій дипломатъ дѣйствовалъ безукоризненно. Онъ пустилъ въ ходъ и авторитетъ Фридриха, и имя наслѣднаго принца, котораго описывалъ «патріотическимъ, великимъ», уважающимъ права католической церкви. Онъ живыми красками нарисовалъ картину погибели Германіи и требовалъ у фюрстовъ войскъ, которыя Пруссія будетъ содержать на собственный счетъ. Онъ даже развертывалъ передъ ними планъ кампаніи—одну армію двинуть въ Богемію, другую въ Баварію, третью во Франконію и къ Рейну, а пока собиралъ свѣдѣнія о запасахъ хлѣба и фуража во Франконіи.

---

[1]) *Герцогъ готскій герцогу веймарскому*, отъ 24 февраля, и *Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому*, отъ 2 марта 1785 года. *Ranke*: Die deutschen Mächte, II, 278—282.—*Ranke*, I, 216—218.

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 мая (4 іюня) 1785 года.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года. Здѣсь сказано: „Le Roi de Prusse ne se contenta pas d'eventer par la voye du Gazetier de Leyde la proposition que j'avois faite aux Deux Ponts, il sonna le tocsin, Ses emissaires frapperent en Allemagne à toutes les portes, et comme tout cela ne produisoit encore qu'une inquietude sourde et cachée, il eut recours à la voye d'une Negociation formelle“.

Но рвеніе и пылкое краснорѣчіе Секендорфа только запугивало миролюбивыхъ фюрстовъ, косившихся на потсдамскія казармы и трепетавшихъ передъ могуществомъ императора. Самое важное лицо во Франконіи, на которое Секендорфу приказано было направить всѣ свои усилія, директоръ этого имперскаго округа, епископъ вюрцбургскій, прямо отказался отъ прусской лиги: онъ переговаривался тогда съ герцогомъ вюртембергскимъ. А за нимъ послѣдовалъ и его товарищъ, содиректоръ округа, маркграфъ аншпахъ-байрѣтскій: несмотря на свою принадлежность къ бранденбургскому дому, онъ «даже обнаружилъ еще болѣе молчанія», чѣмъ вюрцбургскій владыка [1]).

Столь же мало успѣха имѣлъ Гёрцъ въ Касселѣ, хотя послѣдній до того интересовалъ Фридриха, что онъ далъ своему агенту собственноручную инструкцію, какъ вести переговоры съ ландграфомъ, и любезное письмо къ своему соименнику. Гёрцъ долженъ былъ прежде всего развѣдать, не вступилъ ли ландграфъ въ какія-нибудь обязательства съ Австріей и продолжаетъ ли онъ получать субсидіи изъ Лондона, а затѣмъ осыпать его обѣщаніями, хотя и «не положительными». Но король побоялся снабдить своего агента оффиціальными бумагами, чѣмъ и воспользовались въ Касселѣ, чтобы затянуть дѣло. Пока Гёрцъ ожидалъ изъ Берлина потребованной у него бумаги, ганауское министерство успѣло снестись съ Ганноверомъ, откуда отвѣчали, что еще ничего не рѣшили насчетъ лиги. Послѣ этого было объявлено Гёрцу, что ландграфъ желаетъ посовѣтоваться съ тѣми, «съ которыми онъ уже прежде находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ». Тутъ Гёрцъ рѣшился солгать, будто между его королемъ и Георгомъ III уже послѣдовало соглашеніе, что́ еще болѣе подорвало его кредитъ. Затѣмъ онъ пообѣщалъ ландграфу курфюршеское достоинство, намекнувъ, что теперь оно зависитъ не отъ императора, а отъ прусскаго короля, которому принадлежитъ большинство въ курфюршеской коллегіи. Наконецъ, онъ хотѣлъ «прельстить» его деньгами и спросилъ, за какія субсидіи далъ бы онъ Фридриху корпусъ войскъ, въ случаѣ войны. Ему отвѣчали прямо, что не предвидятъ войны и вообще намѣрены слѣдовать по стопамъ Ганновера. На этомъ оборвались переговоры; но Гёрцъ остался въ Касселѣ. Чтобы уяснить положеніе дѣлъ, встревоженный ландграфъ послалъ въ Ганноверъ самого Витторфа, своего министра иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь говорили уклончиво,

---

[1]) *Румянцовъ Голицыну и Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года. *Schmidt*, I, 179 sq.—*Ranke*, I, 220 sq.

потому что еще не получали извѣстій изъ Лондона и Берлина, куда послали нарочныхъ курьеровъ. Съ одной стороны, бранили Австрію и одобряли планъ лиги; съ другой — совѣтовали «остерегаться видовъ прусскаго короля и, готовясь къ собственной защитѣ, не дѣлать ничего такого, что̀ бы могло справедливо огорчить императора».

Между тѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, къ ганаускому двору прибылъ Румянцовъ. Получая отсюда противорѣчивыя извѣстія отъ своего пріятеля, датскаго министра, онъ не выдержалъ и ослушался приказа Екатерины. Румянцовъ подробно ознакомился съ положеніемъ дѣлъ черезъ одного изъ кассельскихъ придворныхъ, а впослѣдствіи самъ Витторфъ показывалъ ему документы. Вообще, съ нимъ обходились весьма предупредительно, такъ что онъ подумалъ, будто ландграфъ «поставилъ себѣ правиломъ снискать благоволеніе обоихъ императорскихъ дворовъ» и будто онъ ссылался на Ганноверъ именно потому, что «почиталъ англійскаго короля ихъ другомъ». Это убѣжденіе утвердилось у Румянцова послѣ свиданія съ Вильгельмомъ кассельскимъ. Нашъ посланникъ доносилъ Екатеринѣ: «Я высказалъ наслѣдному принцу увѣренность въ томъ, что его родитель, а особливо онъ самъ понимаютъ свои интересы и будутъ сохранять себя въ мѣрахъ угодныхъ двумъ императорскимъ дворамъ; и что ваше величество, показавъ уже опытомъ при всякомъ случаѣ каковое попеченіе о благѣ германской имперіи имѣете, конечно особливаго воззрѣнія не лишите знатныхъ ея членовъ и, слѣдовательно, гессенъ-кассельскій домъ; что сей домъ и именно онъ, наслѣдный принцъ, мощное во всякомъ случаѣ покровительство вашего императорскаго величества восчувствуютъ, когда токмо своею преданностію къ Россійскому двору напередъ достойнымъ онаго явятся. Принцъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, никто изъ постороннихъ монарховъ Германіи столько полезенъ быть не можетъ, какъ ваше императорское величество; что онъ персонально при всякомъ случаѣ особливому вашего императорскаго величества покровительству вручаетъ и щастливымъ себя почтетъ соразмѣрить поступки свои высокимъ видамъ вашего величества; что неоднократно желалъ онъ почтительно письмомъ отзываться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, но воздержимъ былъ опасеніемъ; нынѣ же, вслѣдствіе моей рѣчи, дерзнетъ при удобномъ случаѣ то учинить».

Такимъ образомъ, документы, до мелочей освѣщающіе возникновеніе лиги, оправдываютъ оптимистическій взглядъ Румянцова, который доносилъ тогда Екатеринѣ: «лига, которую родить хотѣлъ король прусскій, при первыхъ о томъ стараніяхъ не сбы-

лася» [1]). Онъ твердилъ тогда, что «лига безсильна и послужитъ лишь къ торжеству императорскихъ дворовъ, если только за нихъ будутъ Баварія, Вюртембергъ и Кассель» [2]). Румянцовъ окончательно успокоился и ободрился, когда получилъ майскій циркуляръ (гл. X), который долженъ былъ поднять, въ глазахъ фюрстовъ, павшій кредитъ Россіи. Конечно, онъ больше всего обрадовался тому, что циркуляръ развязывалъ ему руки и даже предписывалъ «частно» бесѣдовать съ чинами имперіи. Румянцовъ снова пустился въ объѣздъ по дворамъ фюрстовъ.

Въ оправданіе Румянцова должно сказать еще и то, что тогда въ Петербургѣ точно также считали замыселъ Фридриха неудавшимся. Остерманъ успокоивалъ Кауница, доказывая, что Фридриху не «прибрать князей совершенно въ свои руки и въ свои услуги»: въ этомъ ручается уклончивость Дрездена и Касселя, а также зависимость Ганновера отъ Англіи, которая не вступитъ ни въ какой союзъ, пока прусскій король будетъ въ тѣсныхъ связяхъ съ французскимъ. Къ тому же, тутъ Россія всегда поддержитъ Австрію. И Екатерина тотчасъ же доказала это на дѣлѣ. Несмотря на политическую безтактность, которую именно тогда позволилъ себѣ Іосифъ относительно Россіи [3]), ея

---

1) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24-го мая (4-го іюня) 1785 года. Тогда же ($^{30}/_{31}$ мая) *Румянцовъ* доносилъ *Екатеринѣ*: „Поднятый нашими врагами вопль по случаю промѣна Баваріи имѣлъ должное слѣдствіе, то-есть если имъ удалось родить въ германскихъ чинахъ временное сомнѣніе противу видовъ императора, то не менѣе они тѣхъ же самыхъ противу себя остерегли и я смѣло донесть могу, что въ пространствѣ миссіи моей донынѣ бо́льшая часть германской имперіи чиновъ не подается на творимыя имъ подъ рукою внушенія, а та малая часть, которая на то попускается, чинитъ сіе осторожно, и оказывая опасеніе, дабы сей ея поступокъ въ истинномъ своемъ видѣ мнѣ не явился. Сіе въ такой землѣ, гдѣ противу самаго начальника сей имперіи явно озлобляться можно и гдѣ не хранятъ отнюдь мѣръ благопристойности, кажется мнѣ почитаться можетъ знакомъ большого почтенія къ вашей особѣ“.

2) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года: „J'ai eu l'honneur de le dire à Vôtre Excellence et je le repête volontiers: dès que les deux Cours Imperiales auront pour Elles la Bavière, Cassel et Wurtemberg, Elles n'auront Contre Elles en Allemagne qu'une ligue impuissante et dont les efforts et la faiblesse ne servira qu'a rehausser l'eclat et l'opinion que l'on a de la puissance des deux Cours: tout comerage tombera sur ses auteurs et nous sortirons triomphans et avec dignité de l'embaras, que la Cour de Berlin cherche à nous susciter maintenant en Allemagne“.

3) Тогда шли переговоры о торговомъ трактатѣ между Россіей и Австріей, причемъ Іосифъ строго выставлялъ нѣкоторыя стѣснительныя для насъ требованія. Екатерина сдѣлала нѣсколько уступокъ, выразивши только удивленіе, что Іосифъ упорствуетъ въ такихъ пустякахъ, когда оба двора столь серьёзно помогаютъ другъ другу въ важныхъ политическихъ вопросахъ. Въ рескриптѣ Голицыну по этому поводу (отъ 28-го апрѣля 1785 года) сказано: „Не было и нѣтъ у насъ намѣренія торговаться съ императоромъ, союзникомъ нашимъ, въ торговыхъ постановленіяхъ, когда

дипломатія повсюду искренно дѣйствовала въ его пользу. Такъ какъ Іосифъ просилъ тогда Екатерину «наилучше подкрѣпить подвиги его министровъ въ Германіи къ опроверженію берлинскихъ происковъ», то Остерманъ поспѣшилъ послать русскимъ посланникамъ инструкціи, «по возможности согласныя съ волей и наставленіями императора». Сверхъ того, Екатерина объявила въ Берлинѣ и Дрезденѣ, что не видитъ причинъ, которыя вызывали бы новый союзъ для огражденія свободы и конституціи Германіи; напротивъ, она опасается, что подобный союзъ послужилъ бы только къ возбужденію недовѣрія и разногласія. Наконецъ, ея майскій циркуляръ, по словамъ самого Остермана, «имѣлъ цѣлью воспрепятствовать заключенію нѣмецкаго союза», хотя въ немъ и не говорилось ни слова объ этомъ предметѣ [1]).

Не дремали и въ Вѣнѣ. Съ этой стороны планъ Фридриха тотчасъ же встрѣтилъ отпоръ. Уже въ апрѣлѣ Кауницъ приказалъ своимъ посланникамъ въ Германіи опровергать слухи, распускаемые Берлиномъ о Вѣнѣ, какъ публичную клевету; а въ маѣ явился циркуляръ Іосифа, надѣлавшій еще болѣе шуму въ Европѣ, чѣмъ майскій циркуляръ Екатерины. Онъ былъ дѣйствительно замѣчателенъ и удивилъ всѣхъ. Императоръ, желая «самымъ дѣломъ доказать, какъ твердо рѣшился онъ всецѣло сохранять имперскую конституцію», которой угрожаетъ Пруссія, рѣшился составить собственный союзъ князей. Фюрсты приглашались присоединиться къ этому «лучшему и поразительному свидѣтельству заботливости императора о сохраненіи германской конституціи». И послѣ этого тѣ, «которые вступили бы въ какіе-либо посторонніе союзы, уже доказали бы неопровержимо всему безпристрастному міру, что у нихъ кроются совсѣмъ другіе замыслы и побужденія, чѣмъ тѣ, которые они выставляютъ». Эта угроза была поддержана еще болѣе сильными и даже суровыми

мы взаимно на обѣ стороны не торговались и не торгуемся между собою въ дѣлахъ политическихъ гораздо бо́льшей важности; какъ мы предъ симъ дѣятельно испытали всю пользу его дружбы и доброхотства по дѣламъ съ Портою оттоманскою, такъ взаимно и съ нашей стороны всячески готовы были подкрѣплять его въ слѣдствіяхъ извѣстнаго промѣна Нидерландовъ на баварскія области и распрей съ республикою голландскою, кои нынѣ достигаютъ до полюбовной развязки, сколько отъ свойственнаго императору человѣколюбія, столько же можетъ быть и по твердости гласа нашего въ пользу его требованій". Это тотъ самый торговый трактатъ, про который самъ Іосифъ писалъ своему брату: „Онъ совсѣмъ безполезенъ какъ для императрицы, такъ равно для меня и для вашихъ подданныхъ, но не для министровъ и канцелярскихъ, которые получили подарки, и я именно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы получше помазать ихъ (graisser)". *Joseph II und Leopold*, I, 308.

[1]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 19-го мая 1785 года.—*Dohm*, III, 68.—*Görtz*, I, 287 sq.

увѣщательными нотами ко многимъ фюрстамъ. Въ нихъ «строго» (ernstlich) напоминалось, что лиги, подобныя затѣянной Фридрихомъ, противозаконны и «неизбѣжно» навлекаютъ на своихъ участниковъ «невознаградимыя потери и вредъ» [1]).

Итакъ, весной 1785 года княжескій союзъ Фридриха повсюду встрѣчалъ препятствія, и ближайшія къ дѣлу лица не вѣрили въ него; а между тѣмъ, именно въ томъ самомъ маѣ, который былъ ознаменованъ циркулярами Екатерины и Іосифа, онъ становился на практическую почву, конечно, въ Берлинѣ.

Здѣсь кипѣла работа въ рукахъ Фридриха. Его увлеченіе союзною идеей возрастало съ каждымъ днемъ. Онъ повсюду видѣлъ новые поводы къ ней. Пугливое воображеніе дѣлало его довѣрчивымъ ко всякимъ слухамъ и даже анонимнымъ доносамъ о неминуемой опасности, угрожающей Германіи отъ императорскихъ дворовъ. А тогда броженіе у фюрстовъ, электризуемое затѣей Фридриха, достигало крайней степени. Въ Потсдамѣ скоплялись тревожныя извѣстія со всѣхъ концовъ Германіи, въ особенности же изъ главныхъ политическихъ пунктовъ—изъ Мюнхена и Цвейбрюкена, изъ Майнца и Регенсбурга. Слишкомъ усердные агенты Пруссіи и «патріоты» увѣряли, что Карлъ-Теодоръ, затѣявшій тогда поѣздку въ Дюссельдорфъ, въ сущности пробирается въ Брюссель и уже не возвратится оттуда, а «тѣмъ временемъ въ Баварію вступитъ австрійская армія, самъ же Іосифъ, вмѣстѣ съ Екатериной, ударятъ на прусскаго короля съ трехъ сторонъ», чтобы отвлечь его отъ германскихъ дѣлъ. Конечно, болѣе всѣхъ суетился Гофенфельсъ, который самъ сознавался тогда, что «слишкомъ горячо» взялся за дѣло. Онъ уже совѣтовалъ своему герцогу послать одного родственника въ Баварію, а Фридриху внушалъ отправить туда же опытнаго офицера. Прусскіе министры считали всѣ подобные слухи «преувеличенными или нарочно выдуманными, чтобы поднять тревогу и смятеніе». Но въ глазахъ Фридриха они рисовали «весьма мрачную и прискорбную картину». Онъ былъ увѣренъ, что походъ Іосифа въ Голландію, а Екатерины въ Турцію только предлоги: ему уже казалось, что первый нападаетъ на него изъ Мюнхена и Брюсселя, а вторая изъ Лифляндіи и Галиціи. Фридрихъ снова надоѣдалъ своимъ министрамъ, требуя, чтобы они «собрали всю свою энергію и обратились въ одни нервы». Самъ же онъ, вы-

[1]) *Кауницъ Лербаху* отъ 11-го мая 1785 года. Это письмо приложено къ депешѣ Румянцова Остерману, отъ 18/30 іюня; оно напечатано у *Шмидта*, I (211—213), съ нѣкоторыми, впрочемъ, неважными неточностями.—*Dohm*, III, 64 sq. — *Schmidt*, I, 226.

ражаясь его собственными словами, «развѣдывалъ у всѣхъ дворовъ и все пустилъ въ ходъ» для своего любимаго дѣла. Онъ ежедневно издавалъ указы о лигѣ своимъ министрамъ и собственноручно писалъ депеши къ важнѣйшимъ дворамъ [1]).

Неутомимая дѣятельность Фридриха уже начинала приносить плоды. Фердинандъ брауншвейгскій обрадовался оффиціальному извѣщенію объ «окончательномъ» проектѣ и сталъ соперничать съ патріотическимъ тріумвиратомъ въ усердіи. Онъ отвѣчалъ Фридриху, что это—«самый мудрый планъ» и что уже «много вѣковъ не появлялось ничего столь патріотическаго». И такъ какъ герцогъ именно тогда просилъ отставки у Фридриха, то умолялъ его все-таки считать его «однимъ изъ своихъ ревностнѣйшихъ слугъ и постояннымъ приверженцемъ его государства». Онъ даже негодовалъ на уклончивость Саксоніи, словно на личную обиду. И его министръ, Гарденбергъ, сталъ чаще видѣться съ своимъ пріятелемъ, епископомъ оснабрюкскимъ или герцогомъ іоркскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ наѣзжать въ Ганноверъ. Въ то же время Гофенфельсъ увѣрялъ, что его герцогъ медлитъ только изъ опасенія Версаля и Вѣны и тотчасъ же приступитъ къ лигѣ, какъ только Ганноверъ и Саксонія соединятся съ Пруссіей. Изъ Майнца приходили все болѣе и болѣе утѣшительныя извѣстія. Являлись надежды на Мекленбургъ, Дармштадтъ и Вольфенбюттель. Кто-то давалъ понять, что и въ Касселѣ не все потеряно. Наконецъ, думали, что даже герцогъ вюртембергскій не останется равнодушнымъ къ любезностямъ, расточаемымъ изъ Потсдама [2]). Карлъ самъ признался тогда Румянцову, что Герцбергъ удостоилъ его нѣскольких «комплиментовъ (cajolerie) за его литературные труды», а прусскій посланникъ дополнилъ его собраніе библій прекраснымъ экземпляромъ. И какъ ни увѣрялъ онъ, что это—пустяки для него, Румянцовъ доносилъ, что въ Германіи уже считаютъ его «новымъ приверженцемъ лиги» [3]).

Правда, Саксонія, съ ея «нейтральной» уклончивостью, все еще представляла одно изъ главныхъ препятствій къ осуществленію идеи Фридриха. Но въ Потсдамѣ понимали, что ея поведеніе зависитъ отъ Ганновера. Сюда и были направлены главныя усилія Фридриха.

---

1) *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 172 sq., 182—193, 213—217.

2) Уже въ апрѣлѣ 1785 года прусскіе министры писали ганноверскимъ: „у насъ есть даже нелишенная основанія надежда относительно герцога вюртембергскаго". *Schmidt*, I, 179.

3) *Schmidt*, I, 168 sq., 184 sq., 194—196.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

Георгъ III, съ самаго начала выразившій сочувствіе идеѣ Фридриха (гл. XIV), тотчасъ же согласился съ «окончательнымъ» проектомъ. Мало того. Онъ заявилъ желаніе избѣгать всякихъ формальностей, чтобы ускорить ходъ дѣла, и уже спрашивалъ, сколько войскъ намѣренъ выставить каждый изъ договаривающихся князей. Обрадованный Фридрихъ поспѣшилъ собственноручно написать депешу графу Люси, чтобы поддержать рвеніе ганноверскаго курфюрста. Онъ горячо доказывалъ близость погибели Германіи, потому что Іосифъ объявленъ душеприказчикомъ Карла-Теодора, завѣщаніе котораго, составленное въ пользу побочныхъ дѣтей, даетъ ему тысячу предлоговъ нарушать права герцога цвейбрюкенскаго. Сверхъ того, изобиліе принцевъ у домовъ тосканскаго, неаполитанскаго и миланскаго даетъ императору возможность вскорѣ захватить и секуляризовать всѣ епископства въ Германіи. Фридрихъ до того увлекся своею аргументаціей, что, желая искоренить склонность Англіи къ Россіи, увѣрялъ, будто торговыя связи между этими державами приносятъ пользу только послѣдней [1]).

Можно было ожидать, что окончательное соглашеніе между Берлиномъ и Ганноверомъ будетъ тотчасъ же достигнуто; но въ этомъ случаѣ министерства не могли поспѣвать за идеями своихъ государей. Теперь пришлось вспомнить предостереженія Фердинанда брауншвейгскаго насчетъ «нерѣшительности и трусливости» ганноверскихъ тайныхъ совѣтниковъ. Оказалось, что у Георга былъ свой Герцбергъ въ дѣлѣ лиги—министръ иностранныхъ дѣлъ Бейльвицъ. Бейльвицу было подъ шестьдесятъ, и онъ свѣковалъ чиновникомъ мелкаго нѣмецкаго княжества. Прежде чѣмъ достигнуть поста государственнаго министра, онъ служилъ сначала при веймарскомъ дворѣ, потомъ по судебному вѣдомству въ Ганноверѣ. Но важнѣе всего, что Бейльвицъ долго былъ посланникомъ на имперскомъ сеймѣ, гдѣ и образовался изъ него типъ нѣмецкаго крючкотворца того времени, неповоротливаго педанта. Не было въ мірѣ такого великаго интереса, который могъ бы вывести ганноверскаго министра изъ апатіи и крайней мѣшкотности, прикрываемой маской обширныхъ и глубокомысленныхъ соображеній, а всякое предложеніе изъ Берлина окончательно парализовало его энергію. Бейльвицъ, по выраженію Дома, имѣлъ «удивительное понятіе о прусскихъ порядкахъ» и о потсдамскомъ бытѣ. Они стѣсняли и страшили его даже издали. Къ тому же, «онъ зналъ, что ходъ занятій на имперскомъ сеймѣ

[1]) *Schmidt*, I, 157 sq., 172, 180.

былъ предметомъ насмѣшекъ Фридриха и что послѣдній былъ не очень высокаго мнѣнія о дѣльцахъ, образовавшихся въ этой школѣ». Такое настроеніе ганноверскаго министра поддерживалось общественнымъ мнѣніемъ страны, которое было даже менѣе благопріятно Пруссіи, чѣмъ въ Лондонѣ.—«Мнѣ приходилось—писалъ Домъ Фридриху—бороться съ господствующими здѣсь противъ насъ предубѣжденіями и многими опасеніями насчетъ послѣдствій ассоціаціи: иногда, кажется, что здѣсь сочувствуютъ цѣли, *но не средствамъ»* [1]).

Понятно, что ганноверское министерство медлило отвѣтомъ на воззваніе Фридриха. Лишь мѣсяцъ спустя высказалось оно, и то по настоянію Георга III. Ганноверъ потребовалъ ограничиться, на первый разъ, союзомъ «трехъ евангелическихъ курфюршествъ» и предложилъ собраться ихъ уполномоченнымъ въ какомъ-нибудь незначительномъ и уединенномъ мѣстѣ, въ родѣ имперскаго города Нордгаузена, въ Нижне-саксонскомъ округѣ. Сверхъ того, Георгъ III побуждалъ курфюрста саксонскаго склониться къ этому плану, и мнѣніе Фридриха о дрезденскомъ дворѣ оправдалось: тамъ исчезли всѣ колебанія, какъ только обнаружилось искреннее желаніе Ганновера приступить къ лигѣ. Соглашеніе между тремя евангелическими курфюрстами состоялось бы тотчасъ же, такъ какъ Фридрихъ рѣшился уступать во всѣхъ мелочахъ и формальностяхъ; но берлинское министерство снова помѣшало своему королю. Герцбергу хотѣлось играть роль руководителя, и потому онъ требовалъ конгресса въ Берлинѣ. Саксонія ничего не имѣла противъ этого; но Ганноверъ настаивалъ на Нордгаузенѣ. Сверхъ того, Бейльвицъ потребовалъ собраться не обыкновеннымъ агентамъ, которымъ приходилось бы выжидать инструкцій отъ своихъ правительствъ, а «довѣреннымъ министрамъ, которые, зная всю систему своихъ дворовъ, могли бы, въ тишинѣ и безъ долгихъ разсужденій, заключить союзъ, въ сущности уже признанный договаривающимися сторонами. Герцбергъ схватился за эту мысль, чтобы, по крайней мѣрѣ, самому поѣхать въ Нордгаузенъ. Онъ просилъ послать его, какъ милости, какъ знака, что Фридрихъ «еще не совсѣмъ лишилъ его довѣрія», и ручался, что окончитъ дѣло въ нѣсколько дней. Но король уже совсѣмъ охладѣлъ къ своему министру въ послѣднее время. Къ тому же, онъ съ самаго начала высказывалъ мысль, что дѣло лиги нужно вести черезъ незначительныхъ чи-

---

[1]) *Домъ Фридриху и Герцбергу*, отъ 16 іюня 1785 года; у *Шмидта*, I, 248 sq.—*Dohm*: Denkwürdigkeiten, III, 76 sq.

новниковъ, чтобы не возбудить подозрѣнія въ Европѣ. Въ Нордгаузенъ былъ посланъ не Герцбергъ, а секретарь его канцеляріи, Домъ. Это былъ умный, образованный и распорядительный человѣкъ, настолько знакомый съ имперскими законами и исторіей, что къ его перу часто прибѣгали для защиты гогенцоллернскихъ интересовъ. Но лучшею пропагандой въ пользу Пруссіи были его «Записки», посвященныя прославленію Фридриха, написанныя сухимъ, но яснымъ языкомъ и обличающія глубокое знаніе фюрстовъ и ихъ министровъ. Выборъ этого надежнаго дѣльца былъ тѣмъ болѣе удаченъ, что Домъ недавно ѣздилъ въ Гильдесгеймъ, по поводу коадъюторскихъ выборовъ: можно было разгласить, что теперь онъ отправляется туда же и лишь случайно завернетъ въ Нордгаузенъ. Но въ глазахъ Герцберга Домъ, этотъ канцеляристъ, который «не можетъ летать на своихъ собственныхъ крыльяхъ», былъ, конечно, нѣсколько слабымъ и еще мало набившимъ руку (peu routiné) для подобныхъ порученій. Упрямый берлинскій министръ не вытерпѣлъ. Воспользовавшись фразой Фридриха, что ему все равно — гдѣ бы ни собирались, лишь бы дѣло дѣлали, онъ приказалъ Дому уговорить ганноверскихъ министровъ устроить совѣщаніе если не въ Берлинѣ, то хоть въ менѣе отдаленномъ Дессау.

Заѣхавши, по дорогѣ, въ Брауншвейгъ для «весьма полезныхъ» бесѣдъ съ герцогомъ Фердинандомъ, Домъ прибылъ въ Ганноверъ, гдѣ главною и труднѣйшею его задачей было сойтись съ упрямымъ Бейльвицомъ и сдѣлать послѣднюю попытку въ пользу назначенія Берлина мѣстомъ конгресса. Министръ маленькаго нѣмецкаго двора обнаруживалъ рѣшительное отвращеніе къ прусской столицѣ, говорилъ, что его семья боится большого свѣта, особенно визитовъ, самъ же онъ стѣсняется даже тѣмъ, что не можетъ бѣгло говорить по-французски. Домъ увѣрялъ его, что «нѣмецкій король намѣренъ лишь по-нѣмецки бесѣдовать съ нѣмецкимъ государственнымъ человѣкомъ о нѣмецкомъ дѣлѣ». Но важнѣе всего, что Георгъ III, дорожа участіемъ важныхъ сановниковъ въ столь серьёзномъ дѣлѣ, приказалъ своему министру отправляться въ Берлинъ. Въ концѣ іюня, Бейльвицъ уже лично заявилъ Фридриху, что ему приказано «не только противодѣйствовать всякому несправедливому расширенію австрійскихъ владѣній, но и договориться объ избраніи римскаго императора, о девятомъ курфюршествѣ и о томъ, какъ три двора должны помогать другъ другу». Незадолго передъ тѣмъ, саксонскій посланникъ въ Берлинѣ, Цинцендорфъ, получилъ инструкціи отъ своего двора и приказаніе «работать со

всѣмъ усердіемъ и ревностью въ пользу лиги» [1]). По словамъ Гейссера, Цинцендорфъ не имѣлъ никакого значенія. Бейльвицъ говоритъ, что природа плохо одарила его умственно, его собственное прилежаніе доставило ему мало свѣдѣній, а его дворъ не снабдилъ его никакими опредѣленными инструкціями. Весь его разговоръ состоялъ, можно сказать, изъ одной фразы: «принимаю это ad referendum». Герцбергъ не довѣрялъ ему, какъ природному австрійцу, а въ его поведеніи выражалась скорѣе боязливость, чѣмъ усердіе къ дѣлу. По увѣренію Бейльвица, если онъ поднимался съ собственнымъ предложеніемъ, то всегда «лишь съ цѣлью прикрыть трусливый саксонскій дворъ крыльями прусскаго орла» [2]).

Румянцовъ справедливо доносилъ тогда Екатеринѣ, что лига, которую считали тогда погибшею, воскресла въ моментъ своего паденія. Онъ совершенно вѣрно видѣлъ причины этого неожиданнаго явленія сколько въ согласіи Ганновера, столько же и въ безтактныхъ дѣйствіяхъ вѣнской дипломатіи [3]).

Все, чтó ни выходило изъ Вѣны для разрушенія лиги, только помогало ей и радовало Фридриха, какъ «сущее золото», выражаясь его собственными словами [4]). По справедливому замѣчанію Румянцова, циркуляры Кауница служили во вредъ Австріи, ибо въ лигѣ, которую они старались отразить, участвовали лишь ничтожные князья, а эти безсильныя существа дерзки больше всего на свѣтѣ, когда показываешь видъ, что боишься ихъ, и столь же малодушны, когда видятъ, что ихъ цѣнятъ по достоинству [5]). Заявленія Кауница обнаруживали слабость вѣнскаго правительства уже тѣмъ, что были проникнуты страстнымъ и высокомѣрнымъ тономъ, который усиливалъ всеобщее недовѣріе къ императору. Еще хуже была вовсе не соотвѣтствовавшая этому тону робость, съ которой предъявлялись вѣнскіе циркуляры. Эти словесные протесты Австріи, дѣлаемые какъ-бы подъ рукой, съ оглядкой, тѣмъ болѣе имѣли видъ интриги, что императоръ мол-

---

[1]) *Schmidt*, I, 174—179, 191, 197, 199—206, 228, 235, 249, 251.—*Dohm*, I, 376; III, 72—77.—*Фридрихъ-Вильгельмъ Карлу-Августу веймарскому*, отъ 22-го мая 1785 года; у *Ранке*, II, 283.

[2]) *Haüsser*, Deutsche Geschichte, I, 230.

[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ ¹⁹/₃₀ 1785 года.

[4]) *Schmidt*, I, 209 sq.

[5]) *Румянцовъ Остерману* отъ ¹⁹/₃₀ іюня 1875 года: „Dans la ligue qu'elle (майская декларація Кауница) cherchoit... à parer il n'y avoit que des Princes destitués de puissance et rien n'est si temeraire que les faibles lorsqu'on a l'air de les craindre, rien de si pusillanime, lorsqu'on semble les aprécier au juste.

чалъ тамъ, гдѣ было всего приличнѣе прямо поднять вопросъ— именно на сеймѣ. Фюрсты удивлялись также, что, опровергая слухи о коварныхъ замыслахъ императора *вообще*, циркуляры ни слова не говорили въ объясненіе баварскаго плана. А вслѣдъ затѣмъ явился майскій циркуляръ Екатерины, оффиціально выдавшій тайну «обмѣна земель»—и Кауницъ принужденъ былъ признаться въ новой деклараціи, что роковой планъ существовалъ! Онъ доказывалъ только, что этотъ планъ «далекъ отъ *насильственнаго* (gewaltsam) поступка, противнаго конституціи». Что касается грубыхъ угрозъ императора друзьямъ лиги, то онѣ были не только крайне оскорбительны, но, во многихъ случаяхъ, и совсѣмъ неумѣстны. Нѣкоторые фюрсты впервые узнали черезъ нихъ о лигѣ, которая проводилась до того таинственно, что, напримѣръ, герцогъ брауншвейгскій сожигалъ письма Герцберга. А участники союза князей могли воспользоваться угрозами Австріи, чтобы уличить ее въ клеветѣ, прикинувшись ничего незнающими, что̀ и сдѣлало ганноверское министерство. Еще болѣе безтактно было предложеніе устроить контръ-лигу. Австрія не могла выставить никакихъ причинъ для этого. Никто не понималъ, противъ кого, почему и для чего понадобилось соединяться князьямъ? И съ кѣмъ? Съ тѣмъ, чей коварный поступокъ противъ имперской конституціи не былъ поддержанъ даже друзьями—Россіей и Франціей! Кромѣ того, по замѣчанію Румянцова, такая лига «открывала бы двери къ реформѣ конституціи». Въ самомъ дѣлѣ, иначе трудно было представить себѣ, какимъ образомъ Іосифъ былъ бы, въ одно и то же время, и главой имперскихъ чиновъ, и главой лиги — двухъ совершенно различныхъ и несовмѣстимыхъ между собой учрежденій? [1]).

Послѣдствія ошибокъ вѣнской дипломатіи не замедлили обнаружиться. Никто изъ фюрстовъ не согласился пристать къ лигѣ императора, а многіе были раздражены или обижены; нѣкоторые даже отвѣчали то холодно, то сурово и колко. Нечего говорить про впечатлѣніе майскаго циркуляра на дворы, связанные съ Потсдамомъ: они немедленно переслали его туда. Но онъ помогалъ Пруссіи даже въ колебавшемся Касселѣ. Здѣсь австрійскій посланникъ сначала даже не рѣшился и предъявлять циркуляра, а когда онъ прочелъ его, ему отвѣчали, не безъ ироніи, что «никогда и не сомнѣвались въ отеческихъ заботахъ императора объ имперской конституціи». Обидѣлся даже Карлъ вюртемберг-

---

[1]) *Dohm* III, 65—70. *Schmidt*, I, 169, 208, 319 sq.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

скій. Онъ удивлялся, какъ могутъ заподозривать его въ томъ, чего онъ даже вовсе не знаетъ. При этомъ герцогъ не преминулъ напомнить о «справедливости, которой заслуживаетъ его поведеніе, столь рѣдкое вообще, въ Германіи же безпримѣрное и дорого стоющее ему» [1]). Герцогъ голштинскій, который, какъ король датскій, вообще строго придерживался нейтралитета и, кромѣ того, былъ близокъ къ петербургскому двору, заявилъ Кауницу свое удивленіе по поводу «неумѣренныхъ выраженій» въ майскомъ циркулярѣ, а Фридриху сообщилъ, что считаетъ контръ-лигу «контръ-батареей, лишенною здраваго смысла». Въ Дрезденѣ отвѣчали Іосифу точно такъ же, какъ въ Касселѣ, причемъ указали на свою испытанную «нейтральную систему». Ганноверъ отвѣчалъ отправкой Бейльвица въ Берлинъ; но, кромѣ того, здѣсь законники не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать свои публицистическіе таланты и ученость. Они, что называется, разобрали по косточкамъ произведенія дипломатическаго оракула въ Вѣнѣ. Ганноверскіе выставили всѣ свои права на ощущеніе обиды, ибо всѣ поводы къ «увѣщанію», какъ опредѣлили они майскій циркуляръ, указаны въ законахъ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ въ данномъ случаѣ. Они доказали, что въ ихъ волѣ заключать какіе-угодно союзы, и въ каждомъ словѣ увидѣли «обмѣнъ земель». Но торжествомъ ученаго остроумія «ганноверскихъ париковъ» было обнаруженіе, по всѣмъ правиламъ схоластики, истиннаго смысла слова «насильственный»—именно, что это коварное выраженіе не устраняетъ «добровольной» сдѣлки. Это блистательное открытіе первыхъ германскихъ законниковъ стало событіемъ въ нѣмецкомъ мірѣ, и слово *gewaltsam* быстро облетѣло всѣ дворы фюрстовъ, какъ лозунгъ [2]).

Русская дипломатія не больше австрійской помогала Іосифу, который обратился къ Екатеринѣ съ «изъявленіемъ самой живой тревоги и огорченія» по поводу лиги, и «заклиналъ» ее употребить всѣ усилія для отклоненія этого «гибельнаго удара». Въ Петербургѣ какъ будто сговорились вредить императору. Прежде всего, конечно, не дремали друзья Пруссіи. Гёрцъ весьма похвально отзывался Фридриху о «прошлогоднемъ другѣ», какъ было условлено между ними называть Павла Петровича. Этотъ

---

[1]) При депешѣ *Румянцова Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года, приложены копіи слѣдующихъ документовъ, сообщенныхъ ему герцогомъ: 1) письмо *Лербаха къ герцогу*; 2) приложенный при немъ майскій циркуляръ, въ видѣ письма *Кауница къ Лербаху*; 3) отвѣтъ *герцога Лербаху*, отъ 16 іюня.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.—*Dohm*, III, 69 sq.— *Shmidt*, I, 169, 221, 224—227, 231 sq., 236, 239.

другъ настроивалъ саксонскаго посланника въ пользу лиги и не разъ заявлялъ Фридриху черезъ Гёрца, что «больше всего на свѣтѣ желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ прусскаго короля». «Прошлогодній другъ» доносилъ, что извѣстіе о лигѣ было «столь же непріятно» Екатеринѣ, какъ Іосифу: «она вдругъ увидѣла съ изумленіемъ дурныя послѣдствія своего поступка въ Цвейбрюкенѣ. Она оцѣнила средства, изысканныя геніемъ и высокой мудростью короля, чтобы не только воспрепятствовать обмѣну земель, но еще извлечь изъ него пользу для своей славы и для своего великаго значенія». Павелъ Петровичъ намекалъ этимъ на то, что Фридрихъ «принудилъ два честолюбивые императорскіе двора формально отпираться и отречься отъ плана, который они считали столь важнымъ и легкимъ». Здѣсь признаются,—прибавлялъ «прошлогодній другъ»,—что не ожидали этого и не предвидѣли послѣдствій... Эти дворы сами доказываютъ, какъ необходима ассоціація князей. И еслибы, къ несчастью, она не удалась, то не было бы хуже прежняго! Вѣдь у этихъ дворовъ осталось бы желаніе отмстить за опасный ударъ, который нанесли-было честолюбію императора».

Не только «прошлогодній другъ», но даже сама Екатерина вредила Іосифу, хотя, конечно, невольно. По его собственной просьбѣ, она издала свой майскій циркуляръ для успокоенія фюрстовъ. Но онъ былъ полезенъ только нашей «инфлюенціи» въ Германіи, какъ сознается самъ прусскій агентъ Домъ, Іосифу же имъ была оказана медвѣжья услуга, потому что здѣсь Екатерина искренно сознавалась въ ошибкѣ и тѣмъ выдавала своего союзника. Съ умысломъ ни слова не говоря о лигѣ, циркуляръ прямо называлъ обмѣнъ земель, который такъ тщательно скрывала и опровергала австрійская дипломатія. Вотъ почему Кауницъ принужденъ былъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и употребить въ своемъ новомъ, третьемъ циркулярѣ, злополучное «gewaltsam» [1]).

Послѣ этого, можно повѣрить словамъ Фридриха, что заявленіе Екатерины обрадовало его не меньше циркуляровъ Іосифа. Онъ совершенно спокойно приказалъ министерству идти своею дорогой, не обращая никакого вниманія на императорскіе дворы, прибавивъ съ старческимъ цинизмомъ: «Plus on remue les immondices, et plus elles puent» [2]).

---

[1]) Этотъ вѣнскій циркуляръ, отъ 23 іюня 1785 года, представляетъ лучшій образчикъ дипломатической изворотливости и крючкотворства Кауница; онъ напечатанъ у *Шмидта*, I, 320 sq.—*Dohm*, III, 68.—*Schmidt*, I, 221—223.

[2]) *Фридрихъ Финкенштейну*, отъ 21 іюня 1785 года, у *Шмидта*, I. 244.

ГЛАВА XVII.

Заключеніе союза князей.

Когда въ Берлинѣ пошли своею дорогой, дѣло окончилось весьма скоро—если не въ восемь дней, какъ требовалъ Фридрихъ, то въ одинъ мѣсяцъ, всего въ пять засѣданій конференціи, состоявшей изъ Герцберга, Бейльвица и Цинцендорфа. Оно было обязано этимъ исключительно самому королю, который не только постоянно торопилъ своихъ министровъ, но и приказалъ имъ уступать во всѣхъ «бездѣлицахъ». Фридрихъ даже велѣлъ Герцбергу тотчасъ же убрать собственный проектъ, какъ только Бейльвицъ представилъ ганноверскій. Въ сущности, обѣ бумаги были одинаковы, но проектъ Бейльвица былъ, по словамъ Герцберга, образцомъ «имперскаго пустословія». То была кропотливая работа нѣмецкаго законника, распланированная по всѣмъ правиламъ публицистическаго искусства. Тутъ былъ сначала самый «корпусъ трактата», потомъ цѣлая куча «отдѣльныхъ статей»— каждая въ особенной формѣ: именно двѣ «секретныя», одна просто «отдѣльная», три «отдѣльныя и секретныя» и одна «секретнѣйшая». У Бейльвица только корпусъ предназначался для всеобщаго свѣдѣнія, а у Герцберга весь трактатъ: въ этомъ собственно и заключалась существенная разница между прусскимъ и ганноверскимъ проектомъ.

Съ корпусомъ всѣ согласились въ первыя же два засѣданія. Въ немъ подверглись обсужденію только два важнѣйшихъ пункта— VIII и IX, которые обязывали троихъ курфюрстовъ обезпечивать владѣнія имперскихъ чиновъ не только словомъ, но и дѣломъ. Герцбергу хотѣлось придать имъ «побольше силы и ясности, чтобы хорошенько запугать императора». Но это значило принять уже устраненный прусскій проектъ. Бейльвицъ доказывалъ,

что, напротивъ, нужно отнести къ секретнымъ статьямъ все, «слишкомъ явно направленное противъ императора, чтобы не запугать мелкихъ чиновъ». Цинцендорфъ поддержалъ его—и Герцбергъ долженъ былъ уступить.

Споры сосредоточивались на отдѣльныхъ статьяхъ, начиная съ первой «секретной». Это было именно то, что̀ Герцбергу хотѣлось внести въ корпусъ трактата. Здѣсь прямо говорилось объ обмѣнѣ Нидерландовъ на Баварію, какъ о планѣ, гибельномъ для имперіи и отнюдь не покинутомъ. Курфюрсты обязывались «всѣми силами не допускать его» и даже «возможно дружно и рѣшительно принять противъ него сильныя и дѣйствительныя мѣры»; то же самое повторено и относительно «всякихъ подобныхъ плановъ обмѣна земель, а также касательно секуляризацій и раздробленія непосредственныхъ нѣмецкихъ церковныхъ учрежденій». При обсужденіи этой статьи возникъ особенно упорный и характеризующій Герцберга споръ изъ-за фразы: «союзники не допустятъ баварскаго обмѣна безъ *добровольнаго* согласія заинтересованныхъ сторонъ». Это было новое выраженіе для первоначальнаго требованія Георга III, чтобы дѣло началось съ жалобы герцога цвейбрюкенскаго на императора. Упрямый Герцбергъ теперь точно такъ же, какъ прежде, сталъ противъ этого требованія, на которое соглашался его король. Напрасно товарищи доказывали ему, что подъ «заинтересованными сторонами» разумѣется не одинъ пфальцскій домъ, но также Пруссія и вся имперія; напрасно Финкенштейнъ и самъ Фридрихъ напоминали, что «мы ничѣмъ не рискуемъ, ибо увѣрены въ герцогѣ цвейбрюкенскомъ»,—Герцбергъ твердилъ, что это значитъ «связать себѣ руки на будущее время», и настоялъ-таки на своемъ: спорная фраза была выкинута. Но тутъ возникла новая бѣда: въ статьѣ не осталось ни слова про «добровольный» обмѣнъ, что̀ могло надѣлать не меньше хлопотъ, чѣмъ знаменитое «gewaltsam», если бы иному законнику ганноверскаго закала вздумалось и въ этомъ случаѣ принять молчаніе за знакъ согласія. Герцбергъ вывелъ конференцію изъ затрудненія, вставивъ въ пригласительной нотѣ фюрстамъ слѣдующую фразу: «герцогъ же цвейбрюкенскій приглашается не только приступить къ лигѣ, но и быть готовымъ обязаться, со всѣмъ своимъ домомъ, передъ тремя курфюрстами никогда не соглашаться на *добровольный* обмѣнъ Баваріи и даже не входить ни въ какіе переговоры объ этомъ».

Герцбергъ завелъ споръ и по поводу «секретнѣйшей» статьи, связанной съ секретною и дѣйствительно весьма важной. Въ ней устанавливался «случай союза» (casus foederis) или военный во-

просъ, о которомъ съ самаго начала первый заговорилъ Георгъ III, почему онъ и явился въ проектѣ Бейльвица. Впрочемъ, онъ былъ выраженъ не точно: «въ случаѣ войны изъ-за этого трактата» курфюрсты обязывались помогать другъ другу «войсками» въ ихъ владѣніяхъ, «лежащихъ въ нѣмецкой имперіи». Теперь уже не Герцбергъ, а самъ Фридрихъ потребовалъ измѣненій. Чтобы придать статьѣ болѣе точности и энергіи, онъ предложилъ сказать «всѣми силами», вмѣсто «войсками», и прибавить: «въ случаѣ обмѣна или иного беззаконнаго способа занятія Баваріи». Сверхъ того, онъ доказывалъ, что на него нападутъ именно со стороны Силезіи и собственной Пруссіи, то-есть провинцій, которыя не лежатъ въ нѣмецкой имперіи. Поэтому Герцбергъ потребовалъ сказать, что въ случаѣ, если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію «въ своихъ владѣніяхъ», остальные немедленно выставляютъ войска для взаимной защиты ихъ земель, «лежащихъ въ нѣмецкой имперіи». Это значило, что если Россія и Австрія вторгнутся въ Пруссію и Силезію, то Ганноверъ и Саксонія дадутъ войска, которыя не пойдутъ туда, а будутъ прикрывать только «германскія» владѣнія Фридриха. Обѣ поправки секретнѣйшей статьи были приняты. Сверхъ того, было опредѣлено количество выставляемыхъ союзниками войскъ— 12,000 пѣхоты и 3000 кавалеріи,—содержимыхъ каждымъ на собственный счетъ. Но въ случаѣ нужды это число увеличивается и союзники обязуются даже помогать другъ другу «сообща всѣми силами».

Впрочемъ, съ этими важными приложеніями къ корпусу трактата покончили не такъ скоро, какъ думали. Они выводили изъ терпѣнія Фридриха. Въ то время, какъ король ежедневно писалъ своимъ министрамъ рескрипты и кабинетные приказы, жалуясь на «медленный и методическій ходъ» конференцій, Цинцендорфъ вдругъ потребовалъ пятидневной отсрочки, чтобы снестись съ своимъ дворомъ по поводу этихъ статей. И прошло 15 дней, а изъ Дрездена не было отвѣта. Фридрихъ не могъ скрыть своей тревоги и раздраженія. Сначала онъ «заклиналъ» Фридриха-Августа поспѣшить, чтобы Іосифъ не «предупредилъ фюрстовъ, не ослабилъ ихъ расположенія пристать къ лигѣ», и увѣрялъ, что «вовсе не намѣренъ ни вовлекать Саксонію въ какой-нибудь опасный или наступательный союзъ, ни отклонять ее отъ системы нейтралитета». Потомъ онъ уже заговорилъ сурово, угрожающимъ тономъ. Выразивъ подозрѣніе, что «саксонскій дворъ допустилъ усыпить себя или запугать заявленіями императорскихъ дворовъ», Фридрихъ прямо сказалъ: «если онъ хочетъ усвоить систему

вѣнскаго двора, то между нами не останется ничего общаго, а послѣдствія не ускользнутъ отъ проницательности курфюрста, въ виду его положенія между мною и австрійскимъ домомъ».

Вскорѣ дѣло разъяснилось, и къ полному удовольствію Фридриха, гораздо лучше, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться. Тогда, дѣйствительно, кромѣ «крайней медленности, прирожденной дрезденскому кабинету», Саксонія должна была испытать послѣднее усиліе Іосифа разстроить замыслы Фридриха. Кауницъ потребовалъ у Фридриха-Августа «совершенно свободнаго, но яснаго и категорическаго отвѣта—считаетъ ли онъ прусскую лигу излишнею и ненужною, и желаетъ ли приступить къ контръ-лигѣ императора?» Дрезденскій дворъ отвѣчалъ весьма твердо и рѣшительно, какъ-бы забывая свое пристрастіе къ нейтралитету. «Неоднократныя заявленія императора (сказано въ саксонской депешѣ) въ пользу сохраненія имперской конституціи служатъ лучшимъ доказательствомъ, что ассоціація чиновъ именно съ этою цѣлью не можетъ противорѣчить симъ лучшимъ его желаніямъ. Поэтому курфюрстъ считаетъ упомянутую ассоціацію совершенно невинной. Онъ даже находитъ въ возвышенномъ и справедливомъ образѣ мыслей главы имперіи столь полное обезпеченіе, что почитаетъ излишнимъ вступать съ императоромъ по этому поводу въ какое-либо иное соглашеніе, кромѣ того, которое уже заключается въ избирательныхъ условіяхъ». Понятно, что это категорическое заявленіе «восхитило» Берлинъ. Фридрихъ назвалъ его «мудрымъ, твердымъ и весьма удачнымъ», а Герцбергъ — «благороднымъ, патріотическимъ, рѣшительнымъ и рѣзкимъ (nerveuse)» [1]). Дѣйствительно, это былъ весьма важный моментъ въ исторіи Саксоніи: съ этихъ поръ послѣдняя окончательно приняла «сѣверо-германское положеніе» [2]).

Но Фридрихъ-Августъ считалъ себя вправѣ требовать вознагражденія за такой безпримѣрный патріотизмъ и серьёзно оградить себя отъ его опасныхъ послѣдствій. Цинцендорфъ становился несговорчивѣе, началъ представлять разныя неожиданныя предложенія [3]), и наконецъ выступилъ съ весьма важнымъ заявле-

---

[1]) *Schmidt*, I, 252—308.

[2]) *Böttiger*, II, 403.

[3]) Между прочимъ, Цинцендорфъ предлагалъ выбросить статью объ устраненіи австрійскаго дома отъ коадъюторскихъ выборовъ, на томъ основаніи, что это было бы противозаконно. Герцбергъ видѣлъ тутъ желаніе дрезденскаго двора сдѣлать со временемъ коадъюторами своихъ собственныхъ принцевъ. Пруссія и Ганноверъ уступили Саксоніи, выкинули статью, но сдѣлали изъ нея отдѣльную конвенцію между собой, назвавъ ее „секретною и спеціальною". *Schmidt*, I, 254, 284, 293, 310 sq.

ніемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Пруссія формально признала поколебленный нейтралитетъ Саксоніи и «поддерживала его, въ случаѣ нужды». Мало того. Онъ вызывалъ Фридриха «письменно и точно» опредѣлить, «именно какъ явится сильная и поспѣшная помощь для спасенія Саксоніи, въ случаѣ внезапнаго нападенія Австріи». Герцбергъ обрадовался дрезденскому предложенію, вообразивъ, что въ сущности это былъ бы союзный договоръ. Но Финкенштейнъ доказалъ, что Саксонія никогда не откажется отъ своего «прославленнаго» нейтралитета и что она желаетъ связать руки не себѣ, а Пруссіи. Поэтому Фридрихъ отвѣчалъ дрезденскому двору, что готовъ помогать ему лишь «насколько позволятъ обстоятельства». Онъ прибавилъ, что тогда только обеспечитъ нейтралитетъ Саксоніи, когда послѣдняя обяжется «не только въ лигѣ, но и во всѣхъ другихъ политическихъ случаяхъ дѣйствовать согласно съ нимъ и не вступать во вредныя ему связи съ вѣнскимъ и другими дворами». На этомъ дѣло и остановилось. Но Саксоніи удалось нѣсколько оградить свой нейтралитетъ хоть въ трактатѣ о лигѣ. Цинцендорфъ добился, что вставили фразу о приступленіи Саксоніи къ лигѣ не по собственному ея почину, а «по сдѣланному ей дружескому предложенію». Мало того. Пруссія и Ганноверъ сдѣлали даже уступку Саксоніи въ дипломатическомъ этикетѣ, значеніе котораго въ то время намъ уже извѣстно. Этотъ вопросъ, конечно, былъ поднятъ спеціалистомъ въ имперской формалистикѣ, Бейльвицомъ. Онъ припасъ «отдѣльную» статью о способахъ усмиренія австрійскаго посланника на сеймѣ, который, будучи лишь уполномоченнымъ «эрцгерцога», осмѣливался равняться съ посланниками «курфюрстовъ». Правда, это измышленіе ганноверскаго законника было единодушно отвергнуто, безъ дальнихъ размышленій. Но тотчасъ же возникло опасеніе, что Саксонія, которая въ своихъ бумагахъ всегда ставила себя во главѣ курфюршествъ, захочетъ того же и въ трактатѣ о лигѣ. Фридрихъ и здѣсь рѣшился уступкой предупредить столкновеніе изъ-за этикета. Онъ самъ предложилъ слѣдовать въ редакціи договора «коллегіальному порядку курфюрстовъ», а въ коллегіи курфюрстовъ на сеймѣ первое мѣсто принадлежало Саксоніи. Это предложеніе было принято—и тщеславіе Саксоніи было удовлетворено; а Ганноверу Фридрихъ польстилъ тѣмъ, что уступилъ ему первое мѣсто при подписаніи трактата.

23 іюля 1785 года былъ подписанъ «трактатъ объ *ассоціаціи* между курфюрстами: саксонскимъ, бранденбургскимъ и браун-

швейгъ-люнебургскимъ» [1]. Мы уже знаемъ самыя существенныя его стороны, скрытыя въ приложеніяхъ, куда вошли и остальные важнѣйшіе пункты — именно о согласномъ дѣйствіи союзниковъ относительно императорскихъ выборовъ, избирательныхъ условій, учрежденія новаго курфюршества и соблюденія Тешенскаго мира на ряду съ Вестфальскимъ.

Устранивъ всѣ эти приложенія, мы не найдемъ въ корпусѣ трактата ничего, кромѣ самой общей теоріи всенѣмецкаго союза, напоминающей первый проектъ Герцберга. Курфюрсты указывали на критическое положеніе «имперской системы», отъ которой зависятъ «свобода и безопасность цѣлой Европы». Чтобъ устранить его, они устраиваютъ «дружескій (vertrauliches) союзъ, никого не оскорбляющій, всего менѣе направленный противъ императора и имперіи и основанный на законахъ и мирныхъ договорахъ нѣмецкой имперіи». Этотъ союзъ состоитъ лишь въ томъ, что курфюрсты будутъ поддерживать между собой «полное согласіе» посредствомъ «дружеской переписки и черезъ своихъ пословъ какъ при дворахъ, такъ и на имперскихъ и окружныхъ сеймахъ». Затѣмъ, опредѣляя подробно свои цѣли, союзники больше всего распространялись о конституціонныхъ вопросахъ. Эти параграфы интересны въ томъ отношеніи, что обрисовываютъ имперскіе порядки, хотя и курьёзнымъ слогомъ имперскихъ канцелярій. Курфюрсты обязывались «усерднѣйше работать» надъ тѣмъ, чтобы имперскій сеймъ «сохранялъ свои законныя свойства, былъ въ ходу, въ постоянной дѣятельности, по возможности обсуждалъ и рѣшалъ вносимыя въ него дѣла». Они должны были наблюдать, чтобы имперскіе суды «не нарушали правъ имперскихъ чиновъ, не препятствовали законодательной власти, не вмѣшивались ни въ толкованіе законовъ чужихъ вѣдомствъ, ни въ дѣла, зависящія отъ этихъ законовъ, не засыпали чиновъ процессами и экзекуціями, не захватывали чуждыхъ имъ вопросовъ, не исполняли противныхъ конституціи экзекуцій, не уклонялись отъ должнаго повиновенія императору и имперіи—наконецъ, вообще не поступали, въ судебныхъ или иныхъ дѣлахъ, беззаконно, по произволу, по постороннимъ соображеніямъ или чуждымъ вліяніямъ». Въ томъ же родѣ сказано въ договорѣ объ имперскихъ округахъ, то-есть

[1] *Schmidt*, I, 253—255, 285 sq., 289—292, 298 sq., 310, 335 sq. Названіе *Fürstenbund* или „союзъ князей“ явилось позднѣе, при преемникѣ Фридриха, когда нѣмецкій языкъ началъ освобождаться отъ иностраннаго вліянія, благодаря высокому литературному полету Германіи. Въ описываемое же время употреблялись выраженія: „ассоціація“, „унія“, „лига“ и изрѣдка „конфедерація“.

объ администраціи, и все это закрѣплено подобными же соображеніями еще «вообще объ имперской конституціи».

Такимъ образомъ, корпусъ трактата, предназначенный къ обнародованію, сводился къ тому сентиментализму, къ тѣмъ безплоднымъ мечтамъ объ исправленіи ветхой машины имперскаго наряда, которыми утѣшались мелкіе патріоты. Ему могли придать цвѣтъ и практическое значеніе только дѣйствительно важные VIII и IX пункты, но, вслѣдствіе оппозиціи Ганновера и Саксоніи, они были выражены слишкомъ блѣдно и неточно. Союзники обѣщали только, между прочимъ, «со всеусердіемъ стараться» о ненарушимомъ сохраненіи за чинами ихъ земель и людей. И они избирали для этого обыкновенный конституціонный путь, лишь въ крайности обязываясь прибѣгнуть «къ болѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ средствамъ», но опять «сообразно съ имперскими законами и конституціей» [1]).

Союзный договоръ казался самимъ современникамъ блѣднымъ и невиннымъ документомъ. Но его исторія доказываетъ, что въ этомъ виноватъ не столько самъ Фридрихъ, сколько окружающая среда, которую онъ хотѣлъ передѣлать. Прусскій король былъ смѣлѣе всѣхъ изъ договаривавшихся сторонъ и готовъ былъ энергически выразить передъ лицомъ Европы свою задушевную идею. Онъ вовсе не считалъ союзнаго договора дѣйствительною мѣрой для осуществленія своихъ замысловъ, но, въ его глазахъ, это было «единственное средство спасенія, за недостаткомъ лучшихъ». Фридрихъ не видѣлъ другого исхода изъ бѣдствій, которыя рисовало ему его мрачное воображеніе; у него не было выбора, и онъ схватился за плохое средство со всѣмъ своимъ жаромъ и настойчивостью, съ полнымъ самоотреченіемъ до мелочей. Такъ стоять за мѣру неудовлетворительную, но необходимую, какъ первый и неизбѣжный шагъ къ осуществленію великой идеи — стоять, не обольщая себя, не преувеличивая своей роли, могъ только замѣчательный политикъ. Повторяемъ, въ исторіи Фридриха-дипломата это такое же торжество, какъ Семилѣтняя война въ исторіи Фридриха-полководца. И здѣсь ему приходилось бороться одному противъ всѣхъ, начиная съ своихъ родственниковъ и ми-

[1]) Договоръ о союзѣ князей впервые былъ вѣрно напечатанъ *Домомъ* (III, 185—196, 206—219), по берлинскому архиву, и авторъ не зналъ, какъ превознести прусское правительство за такой либерализмъ относительно дипломатическихъ бумагъ, который вовсе не былъ тогда въ модѣ. Текстъ Дома послужилъ основаніемъ тексту, напечатанному у *Шмидта* (I, 298—311), который сличилъ его и съ оригиналомъ, и съ саксонскою ратификаціей.

нистровъ и кончая общественнымъ мнѣніемъ той же самой Германіи, о которой онъ столько хлопоталъ.

Правда, тогда нѣмцы все еще боялись Австріи, съ ея энергическимъ и молодымъ императоромъ, съ ея готовыми арміями, съ ея могущественной союзницей и еще нерасторгнутыми связями съ Франціей. Но въ то же время они все еще не довѣряли Пруссіи, этой революціонной державѣ въ германскомъ мірѣ, съ ея суровыми порядками и воинственными стремленіями, особенно заявленными Фридрихомъ. Притомъ они знали, что герой Россбаха и Лейтена теперь уже былъ не въ состояніи смѣло защищать князей, если бы на нихъ напали изъ-за его лиги. Чего можно было ожидать отъ общественнаго мнѣнія Германіи, на это ясно намекало поведеніе первыхъ участниковъ лиги. Ганноверъ и Саксонія втягивались въ нее какъ-бы нехотя, черезчуръ осторожно, недовѣрчиво. Саксонія даже прямо вела себя, какъ полупринужденная. И дѣйствительно, во все время переговоровъ и тотчасъ послѣ нихъ въ дрезденскомъ дворцѣ происходили сцены между курфюрстомъ и его министрами. Фридрихъ-Августъ спѣшилъ вызвать своего посланника въ Парижѣ, чтобы отправить его въ Вѣну, вѣроятно, «для какого-нибудь униженія», какъ доносили Фридриху. А характеристическіе переговоры съ Пруссіей о нейтралитетѣ окончились тѣмъ, что Цинцендорфъ объявилъ, «особенно въ виду императорскихъ дворовъ»: «Саксонія сохраняетъ свободу дѣйствій и твердо держится своей нейтральной системы во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся ея земель и сохраненія имперской конституціи» [1]). Послѣ этого можно ли было надѣяться на остальныхъ фюрстовъ? Вотъ любопытное признаніе Дома, мѣтко очерчивающее впечатлѣніе, произведенное на нихъ договоромъ 23 іюля:

«Многимъ фюрстамъ, желавшимъ добра Германіи, не нравилось, что именно трое могущественнѣйшихъ курфюрстовъ лишь между собою заключили союзъ. Они опасались, какъ бы эти курфюрсты не вздумали воспользоваться силами союза для своихъ собственныхъ цѣлей, не обращая вниманія на положеніе прочихъ чиновъ. Нѣкоторые боялись еще попасть въ бѣду съ этимъ прусскимъ союзомъ, навлекши на себя неудовольствіе и недовѣріе императорскаго двора, который—что бы тамъ ни говорили—будетъ считать союзъ направленнымъ собственно противъ него.... Многіе подвергались сомнѣніямъ и колебаніямъ, опасаясь, что изъ этого союза возникнетъ расколъ и ровнь между имперскими чинами. Правда, благонамѣренные фюрсты не думали, чтобы дѣло

1) *Schmidt*, I, 238, 337—339.

дошло до междоусобной войны; но они боялись, съ одной стороны, нерасположенія главы имперіи, съ другой—опасной зависимости отъ Пруссіи. Они говорили, что послѣдняя весьма легко можетъ вовлекать союзниковъ во всѣ войны и замѣшательства, не имѣющія отношенія къ благу Германіи. Многіе ожидали также дурныхъ послѣдствій отъ соединенія съ курфюрстомъ ганноверскимъ, которое возбудило бы недовѣріе Франціи, такъ какъ курфюрстъ въ то же время король Англіи. Всѣ пришли къ убѣжденію, которое уже прежде проглядывало у болѣе разумныхъ—именно, что самое лучшее было бы устроить союзъ изъ тѣхъ только фюрстовъ, которые не играютъ роли европейскихъ державъ и потому не имѣютъ интересовъ, чуждыхъ нѣмецкой имперіи. Такой союзъ нельзя было бы упрекнуть въ пристрастіи къ той или другой сторонѣ». Сверхъ того, не видѣли причинъ къ особенной тревогѣ, потому что пфальцскій домъ вправѣ дѣлать что ему угодно съ своими владѣніями, и Іосифъ покинулъ свой планъ обмѣна при несогласіи одного только члена этого дома. Наконецъ, вообще считали прусскій союзъ безполезнымъ для Германіи и даже боялись, что онъ «приведетъ къ новымъ замѣшательствамъ и опасностямъ» въ имперіи, тѣмъ болѣе, что конституція не даетъ права чинамъ на такія соединенія. Цѣль союза есть цѣль всей имперіи. Но жалоба въ имперскій сеймъ представляетъ самый простой и правильный путь для защиты чиновъ, хотя бы противъ самого императора; поэтому какой-то еще особенный союзъ возбуждаетъ сомнѣніе относительно цѣлей, которыми онъ прикрывается. И именно во всей этой затѣѣ видѣли лишь эгоизмъ Пруссіи. «Прусскій король—толковали тогда—потому только высказываетъ такое участіе, что боится за самого себя, если Австрія усилится на его счетъ. Онъ лишь ради собственной защиты старается притянуть къ себѣ имперскіе чины, а представься ему случай устроиться иначе—онъ не задумается пожертвовать ими. Весьма слѣдуетъ опасаться, что между тѣмъ какъ фюрсты, вслѣдствіе тѣснаго союза съ Пруссіей, втянутся, во вредъ себѣ, въ ея распри, обѣ великія (нѣмецкія) державы пожертвуютъ ими въ собственныхъ интересахъ, какъ только примирятся между собой». И Домъ прибавляетъ отъ себя: «конечно, нельзя этого отрицать»—Фридрихъ потому обязался защищать нѣмецкую имперію, что считалъ ея существованіе сообразнымъ съ интересами своего собственнаго государства и предвидѣлъ великую опасность какъ для Пруссіи, такъ и для своего дома, если бы императоръ сталъ владыкой части Германіи.... Но въ то время, кажется, не было противорѣчія между прусскими и нѣмецкими интересами.

А если бы когда-либо, въ далекомъ будущемъ, случилось иначе, то можно ли осуждать извѣстную политическую мѣру за то, что она была принята лишь въ виду тѣхъ отношеній, которыя *дѣйствительно существуютъ и, вѣроятно, еще долго сохранятся*, а не тѣхъ, которыя, пожалуй, *возможны* когда-нибудь».

Правда, вслѣдъ затѣмъ участникъ событій и панегиристъ Фридриха рисуетъ и лицевую сторону медали; но изъ его же словъ оказывается, что даже наиболѣе патріотическіе фюрсты, которые дѣйствительно приступили потомъ къ лигѣ, рѣшились на это лишь за отсутствіемъ лучшаго исхода. Домъ не отрицаетъ, что и у нихъ шевелились сомнѣнія, но тотчасъ же прибавляетъ: «это настроеніе было побѣждено тѣмъ соображеніемъ, что то, что́, конечно, *было бы лучше* (was allerdings das Bessere gewesen wäre), вѣдь не случилось же, да и пока не можетъ случиться, вслѣдствіе слишкомъ большихъ затрудненій. Понимали, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нужно было довольствоваться тѣмъ, что́ исполнимо.... Не видѣли другой защиты, кромѣ той, которую предлагала Пруссія.... Думали, что если даже придется подвергнуться нѣкоторой опасности, которою, конечно (allerdings), угрожало соединеніе съ Пруссіей, то это не будетъ значить слишкомъ дорого купить независимость Германіи.... Къ тому же, уже въ силу собственныхъ интересовъ Пруссіи, такой опасности нельзя было ожидать въ *ближайшемъ будущемъ*. А самозащищеніе отъ того, что *возможно* далеко впереди, можно предоставить потомкамъ».

Домъ не разъ возвращается къ возраженіямъ противъ лиги. Онъ подмѣтилъ ихъ даже въ своемъ собственномъ лагерѣ. Здѣсь по бо́льшей части не видѣли никакой пользы для Пруссіи отъ лиги. «Въ Берлинѣ говорили: можетъ ли Пруссія, въ случаѣ серьёзной опасности, ожидать сильной помощи отъ всѣхъ этихъ фюрстовъ, у которыхъ, по бо́льшей части, нѣтъ обученныхъ войскъ, а финансы разстроены? Они затянутъ короля въ свои дѣла и заставятъ его жертвовать для нихъ силами своего государства; а какъ только придетъ очередь имъ самимъ сдѣлать что-нибудь для Пруссіи, у каждаго найдется предлогъ уклониться; если же у кого и окажется благонамѣренность, того Австрія или соблазнитъ выгодами, или устрашитъ и даже совсѣмъ уничтожитъ. Сверхъ того, какая польза Пруссіи изъ того, что сохранится безобразное зданіе нѣмецкой имперіи, и масса маленькихъ фюрстовъ, графовъ, епископовъ и прелатовъ будетъ по старому роскошно жить на счетъ своихъ угнетенныхъ подданныхъ? Какая польза въ томъ, что имперскіе города, лишенные жизни, внутренней силы, дѣятельности и достатка, все еще будутъ влачить свое жалкое суще-

ствованіе въ устарѣлыхъ формахъ? Какая польза въ томъ, что, благодаря медленному и пристрастному ходу дѣлъ въ имперскихъ судахъ, увѣковѣчатся тяжбы и будутъ высосаны соки народа, или же въ томъ, что имперскій сеймъ будетъ вѣчно препираться, съ смѣшной важностью, изъ-за предсѣдательства и титула пословъ и тому подобнаго вздора? Что пользы, если католики и протестанты никогда не откажутся отъ взаимнаго ожесточенія, столь нелѣпаго и несоотвѣтствующаго развитію нашего времени? Неужели сохраненіе всего этого, съ опасностью для себя и для своего народа, есть роль, достойная короля Пруссіи? И можетъ ли титулъ защитника нѣмецкой свободы служить ему вознагражденіемъ за то, что онъ самъ на себя возлагаетъ узы и обязуется не пользоваться благопріятными обстоятельствами для столь необходимаго округленія и расширенія границъ своего государства? Ибо, явись такой случай—и, конечно, тѣ же самые доводы, которые выставляются теперь противъ Австріи, послужатъ противъ Пруссіи, и первой легко будетъ, при ея обширномъ вліяніи, посѣять недовѣріе къ Берлину между имперскими чинами. Но хуже всего, что своею новою системой король нанесетъ чувствительное оскорбленіе французскому двору, который считаетъ честью называться порукой за германскую конституцію. Стремясь, въ этомъ случаѣ, занять его мѣсто, Фридрихъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ возобновленіе связей съ этимъ естественнымъ своимъ союзникомъ, которыя, казалось, именно теперь завязывались. А это тѣмъ болѣе было бы ошибкой, что именно теперь Пруссія отдалилась и отъ Россіи, столь серьёзно возставши противъ плана, который хотѣла провести императрица. Интересы Пруссіи требуютъ серьёзнаго соединенія съ одною изъ этихъ двухъ державъ, ибо иначе она не въ силахъ сохранить свой вѣсъ въ системѣ европейскихъ государствъ. Королю слѣдовало бы равнодушно смотрѣть, какъ императоръ усиливается насчетъ нѣмецкихъ государствъ и даже разрушаетъ имперскую конституцію, а въ удобную минуту самому попытать того же, въ свою собственную пользу: вотъ поведеніе, предписываемое государственнымъ разсчетомъ, а союзъ князей затрудняетъ его!»

Эти послѣднія признанія Дома дорисовываютъ извѣстную намъ картину разлада, господствовавшаго въ Берлинѣ, въ концѣ царствованія Фридриха. Королевскій панегиристъ прямо говоритъ, что обнаруженныя имъ берлинскія мнѣнія принадлежали молодому двору или партіи дѣйствія, во главѣ которой стояли наслѣдный принцъ, братъ короля Генрихъ и Герцбергъ. Теперь старый и молодой дворъ какъ-бы представляли собою двѣ противопо-

ложныя черты гогенцоллернскаго типа. Фридрихъ, съ своимъ Финкенштейномъ, который молча осуждалъ лигу, считая ее опасною, возбуждающею къ войнѣ, былъ олицетвореннымъ практицизмомъ, съ его крайней осмотрительностью и довольствомъ малымъ. Сохраняя свойственную ему проницательность и потому не преувеличивая значенія своего плана, онъ тѣмъ болѣе дорожилъ имъ, что сознавалъ свое нравственное паденіе, и становился поборникомъ имперской старины, осмѣянной имъ въ юности. Партія дѣйствія была проникнута гогенцоллернской отвагой. Въ ней жилъ духъ того Фрица, который жаждалъ переворотовъ, самъ искалъ бурь. Не вдаваясь въ нравственную оцѣнку средствъ и цѣлей, она негодовала на стараго короля, который мѣшалъ ей «попытаться усилить Пруссію насчетъ нѣмецкихъ государствъ и даже разрушить имперскую конституцію». Она издѣвалась надъ его лигой, какъ надъ холостымъ зарядомъ. «По ея мнѣнію, союзъ былъ слишкомъ неопредѣленъ: онъ выраженъ крайне неточно для того, чтобы въ случаѣ дѣйствительной опасности ожидать отъ него чего-нибудь. Союзникамъ слѣдовало бы ясно указать случаи, въ которыхъ, на ихъ взглядъ, нарушается нѣмецкая конституція, а также то, чтó они обязаны дѣлать. Они должны были твердо условиться на счетъ соединенія своихъ силъ. Иначе союзъ никогда не проявитъ своей дѣятельности въ нужное время. Въ насмѣшку сравнивали этотъ союзъ съ *незаряженнымъ ружьемъ*».

Партія дѣйствія утѣшала себя только тѣмъ, что она «не потратитъ много времени на заряженье ружья» [1]).

---

[1]) *Dohm*, III, 82—86, 105—109, 114, 129—133, 137 sq.

ГЛАВА XVIII.

Обнародованіе союза князей.

Много дипломатическаго такта и знанія дворовъ требовало распространеніе договора 23 іюля въ Германіи и извѣщеніе о немъ иностранныхъ державъ. Фридрихъ объявилъ своимъ союзникамъ, что не станетъ объясняться съ Іосифомъ, но извѣститъ о лигѣ всѣ иностранныя державы, чтó послужитъ ему «приличной и безобидной защитой отъ обвиненій вѣнскаго двора». Ганноверу и Саксоніи онъ предоставлялъ полную свободу дѣйствій въ этомъ вопросѣ.

Фридрихъ признается, что ему трудно было побѣдить свое отвращеніе къ сношеніямъ съ Петербургомъ по поводу лиги, такъ какъ Екатерина не предъявляла ему своего союзнаго договора съ Іосифомъ. Но тревожные слухи, доходившіе до него изъ Россіи черезъ Гёрца, заставили его преодолѣть себя. Впрочемъ, чтобы было меньше «толковъ и споровъ», онъ нарочно сочинилъ для петербургскаго и версальскаго дворовъ «крайне сжатую и выраженную неточно» декларацію, которая была потомъ разослана и ко всѣмъ остальнымъ дворамъ, кромѣ вѣнскаго.

Въ этомъ документѣ лига представлялась невиннымъ трактатомъ, «который можно показать кому угодно». Это—«ни для кого не опасная унія». Она «не можетъ встревожить или оскорбить вѣнскій дворъ, если только онъ руководится тѣми воззрѣніями и намѣреніями относительно сохраненія конституціонной системы имперіи, которыхъ можно ожидать, да и ожидаютъ отъ великодушія и чувства законности главы имперіи, а также отъ

ряда увѣреній со стороны Россіи и Франціи»... «Единственная цѣль этой ассоціаціи—поддержать существующую и законную конституцію имперіи, доставить каждому ея члену свободное и спокойное пользованіе своими землями, владѣніями и правами и противиться всякому своевольному, беззаконному и противному имперской системѣ предпріятію». Но нельзя сказать, чтобы въ деклараціи были блѣдно выражены мотивы лиги. Она не только посвящена развитію ихъ, но обнаруживаетъ даже чувство раздраженія и не лишена колкости. Въ ней главная тэма—планъ обмѣна земель и ненависть къ Австріи. Декларація выставляетъ всѣ доводы и законы противъ баварскаго плана и особенно подробно опровергаетъ ссылку Іосифа на баденскій трактатъ, какъ на дозволяющій обмѣнъ Виттельсбахамъ. «Кажется,—сказано здѣсь,—этотъ великій и могущественный домъ (австрійскій) долженъ бы довольствоваться своею обширной монархіей и не думать о пріобрѣтеніи, которое столь глубоко возмущаетъ не только Германію, но и всю Европу». Фридрихъ доказывалъ всячески (не забывая, конечно, знаменитаго слова: «насильственный»), что не должно довѣрять вѣнскому двору, который «свидѣтельствуетъ и своей всегдашней системой, и своимъ поведеніемъ въ текущемъ году, что никакъ не можетъ преодолѣть себя—отречься вполнѣ отъ плана рано или поздно пріобрѣсти Баварію». И этотъ-то дворъ—какъ узналъ Фридрихъ «не безъ нѣкотораго неудовольствія (sensibilité) и удивленія»—«вопитъ (se récrie) противъ этой уніи, въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ всѣмъ европейскимъ и германскимъ дворамъ и даже пытается представить ее въ ненавистномъ свѣтѣ». Прусскій король, кажется, «не подавалъ никакого повода къ подобнымъ дѣйствіямъ и скорѣе заслуживаетъ, чтобы отдали справедливость искренности, патріотизму и безкорыстію, съ которыми онъ относился до Тешенскаго мира и послѣ него ко всему, чтó касается Баваріи и пфальцскаго дома». И онъ «не станетъ подражать тону вышеупомянутыхъ заявленій; онъ съумѣетъ воздержаться отъ взаимныхъ обвиненій». Вслѣдствіе всего изложеннаго, Фридрихъ былъ убѣжденъ, что всѣ державы, въ особенности же Россія и Франція, какъ поруки за Тешенскій миръ, «признàютъ невинность и законность этой уніи, не откажутъ ей въ своемъ одобреніи, не допустятъ никакихъ дурныхъ толкованій ея». Державы даже должны бы «помочь навсегда устранить всякіе планы обмѣна Баваріи, которые такъ опасны для безопасности Германіи, что ихъ не могутъ терпѣть государства, заинтересованныя въ сохраненіи равновѣсія и системы нѣ-

мецкой имперіи, вліяющихъ столь существенно на спокойствіе всей остальной Европы» [1]).

Берлинская декларація была передана въ Петербургѣ при нотѣ, льстившей Екатеринѣ, какъ государынѣ, которая «принимаетъ великодушное участіе въ благоденствіи Германіи, имѣющей честь быть ея отечествомъ». Конечно, это не могло позолотить пилюлю. Екатерина уже давно слѣдила съ безпокойствомъ за дипломатическими «подвигами» Фридриха, окончательно подрывавшими ея знаменитую «инфлюенцію» въ Германіи. Уже въ іюнѣ Долгорукій, съ которымъ берлинскіе министры все «не имѣли случая поговорить», рѣшился самъ высказать имъ идею майскаго циркуляра Екатерины. Онъ поспѣшилъ съ этимъ заявленіемъ, ибо въ немъ возникло «подозрѣніе, что налаживается какой-то трактатъ между Берлиномъ, Ганноверомъ и Дрезденомъ, къ которому могутъ пристать нѣкоторые другіе дворы имперіи, напримѣръ кассельскій и брауншвейгскій». Затѣмъ Долгорукій извѣщалъ Екатерину—сначала, что ждутъ Бейльвица, какъ простого путешественника, потомъ, что онъ уже прибылъ [2]).

Это важное извѣстіе застало Екатерину во время путешествія по Россіи на озерѣ Ильменѣ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, среди пышныхъ и затѣйливыхъ забавъ. Сегюръ, сопровождавшій ее для развлеченія общества своимъ извѣстнымъ остроуміемъ и любезностью, живо рисуетъ впечатлѣніе депешъ Долгорукаго. Минуты кипучей веселости и безконечныхъ шутокъ—обѣдъ прошелъ какъ на похоронахъ. Императрица и временщикъ были мрачны, и вся роскошная галера погрузилась въ уныніе, не зная причины внезапно набѣжавшей тучи. Послѣ стола, Сегюръ, съ ловкостью версальскаго царедворца, коснулся, въ разговорѣ съ Потемкинымъ, перемѣны, происшедшей въ жизни на галерѣ. Временщикъ тотчасъ же разразился цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ словъ. «Это—эгоистическое и лицемѣрное поведеніе англійскаго министерства!—воскликнулъ онъ.—Я давно говорилъ это императрицѣ! Она не хотѣла вѣрить! Питтъ не тер-

---

[1]) *Schmidt*, I, 296, 316 sq., 326—328. Декларація Фридриха въ Петербургѣ приложена къ депешѣ *Остермана къ Долгорукому*, отъ 1 сентября 1785 года. Точно также напечатана она у *Шмидта*, I, 329—334.

[2]) *Schmidt*, I, 329.—*Долгорукій Остерману*, отъ 10/21 іюня 1785 года. Согласно съ майскимъ циркуляромъ, Долгорукій сказалъ Финкенштейну, что всегдашняя милость Екатерины даетъ ей право—S'attendre de la part de l'Empire d'Allemagne, qu'on n'ajoutera pas l'ombre de foi aux reveries qu'on debite et qui sont absolument destituées de fondement, et que le tems et les circonstances feront tomber d'elles mêmes".—*Долгорукій Остерману*, отъ 16/28 іюня.

пить ее. Онъ лично старается возбуждать вражду къ ней и замѣшательства повсюду—въ Германіи, въ Польшѣ, въ Турціи. А прусскій король, который вездѣ видитъ козни, не можетъ простить намъ, что мы промѣняли его неудобный союзъ на гораздо болѣе полезный союзъ съ Іосифомъ: онъ тревожится, волнуется и устраиваетъ, вмѣстѣ съ другими курфюрстами, довольно грозную конфедерацію противъ Австріи. Такъ онъ готовитъ войну въ центрѣ Европы, гдѣ намъ полезно сохранять миръ! Сначала мы, въ согласіи съ императоромъ, чувствовали лишь легкое безпокойство отъ этой прусской агитаціи; но, вотъ, сію минуту, мы узнали изъ весьма вѣрнаго источника, что англійскій король, на котораго разсчитывали императоръ и императрица, безъ всякаго извинительнаго повода высказываетъ враждебность къ намъ и, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, приступаетъ къ политической системѣ Фридриха. Эта помѣха (contre-temps) разстроиваетъ всѣ наши соображенія! Это англичане сыграли съ нами коварную шутку! Съ своей стороны, я взбѣшенъ и не знаю, чтó бы далъ, чтобы отплатить имъ тою же монетой и отмстить!» Среди этого горячаго потока словъ безъ разбора, вдругъ проскользнула изящная фраза Сегюра на счетъ выгодности торговаго трактата Россіи съ Франціей, къ которому версальскій дипломатъ давно не зналъ какъ подступить—и Потемкинъ отвѣтилъ ему: «дѣйствуйте!» [1]).

Затѣмъ Долгорукій постоянно и вѣрно извѣщалъ Екатерину о ходѣ берлинскихъ конференцій, такъ какъ ему выдавалъ тайну самъ Финкенштейнъ, старавшійся увѣрить его, что тутъ нѣтъ ничего противнаго ни Екатеринѣ, ни Іосифу. А между тѣмъ, петербургскіе дипломаты, уклоняясь отъ бесѣдъ съ Гёрцомъ, начали заговаривать, какъ-бы лично отъ себя, съ посланниками Англіи и Саксоніи, Фицгербертомъ и Сакеномъ. Остерманъ выразилъ удивленіе первому изъ нихъ, какимъ образомъ ганноверское министерство рѣшается вступить въ союзъ, какъ видно направленный противъ императора? Фицгербертъ отвѣчалъ, что англійскому посланнику естественно ничего не знать о замыслахъ ганноверскаго министерства, но прибавилъ: «по моему личному убѣжденію, Россія точно такъ же, какъ и Англія, заинтересована въ томъ, чтобы не имѣли успѣха такіе вредные для германской конституціи проекты, какъ обмѣнъ земель». Съ Сакеномъ Остерманъ говорилъ уже отъ имени Екатерины и съ замѣтной горечью: «императрица ожидала,—замѣтилъ онъ,—что курфюрстъ

---

[1]) *Ségur*, II, 326—328.

саксонскій дастъ болѣе опредѣленный и удовлетворительный отвѣтъ на ея декларацію (майскій циркуляръ), чѣмъ прочіе князья... А между тѣмъ, она съ изумленіемъ узнала, что онъ готовъ подписать этотъ союзный договоръ въ Берлинѣ. Такой шагъ, конечно, непріятенъ и оскорбителенъ для обоихъ императорскихъ дворовъ, какъ явное недовѣріе къ ихъ увѣреніямъ: это значитъ не что иное, какъ объявить себя *противъ Австріи и Россіи*. Такой шагъ совершенно несовмѣстенъ съ принятою курфюрстомъ нейтральною системой. Поэтому императрица надѣется, что курфюрстъ не приступитъ къ союзу, тѣмъ болѣе, что онъ ни отъ какого двора не можетъ ожидать столько выгодъ, какъ отъ русскаго» [1]).

Послѣ этого понятно, что въ Европѣ ожидали серьёзнаго противодѣйствія лигѣ со стороны Россіи, и Фридриха утѣшало одно только извѣстіе — «одинъ великій князь этой страны безконечно сочувствуетъ лигѣ, что̀, по крайней мѣрѣ, подаетъ надежды на будущее» [2]). Но снова всѣ ошиблись. Екатерина не отступала отъ точки зрѣнія на германскія дѣла, усвоенной ею со времени союза 1781 года. Она готова была испробовать самыя сильныя дипломатическія средства въ помощь Іосифу и даже показывать видъ, что раздражается, обижается, грозитъ. Но какъ только эти средства не удавались и нужно было заставить говорить пушки вмѣсто перьевъ, Екатерина вдругъ успокоивалась и становилась на почву ганноверскихъ законниковъ, къ великой досадѣ вѣнскихъ артистовъ дипломатическаго искусства.

Уже въ концѣ августа Екатерина писала Іосифу такого рода наставленіе: «если мы не могли уничтожить лигу въ самомъ ея источникѣ, то, по моему мнѣнію, намъ остается одно: чтобы подавить всюду разсѣянную ревность и ненависть къ намъ, мы должны отнестись къ лигѣ съ *полнымъ равнодушіемъ* и не показывать вида, что она насъ раздражаетъ». Іосифу оставалось только вполнѣ согласиться съ этимъ взглядомъ [3]). Затѣмъ Екатерина поспѣшила заявить свою точку зрѣнія оффиціально, передъ лицомъ Европы. Не протестуя противъ лиги, Остерманъ замѣтилъ только откровенно Гёрцу: «императрица не замѣчаетъ, чтобы какая-либо опасность угрожала германской конституціи, достаточно обезпеченной Вестфальскимъ и Тешенскимъ трактатами, а

---

1) *Долгорукій Остерману*, отъ 14 іюня (5 іюля), 12/23 и 19/30 іюля, 9/20 августа 1785 года.—*Görtz*, I, 286—288.

2) Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому, отъ 2 марта 1785 года; у *Ранке*, II, 291 sq.

3) *Joseph II und Katharina*, 257, 262.

также торжественными увѣреніями Россіи и Австріи. Ей трудно убѣдиться, чтобы эта ассоціація, способная весьма легко распространить недовѣріе между самими имперскими чинами, могла способствовать упроченію конституціи и свободы германскихъ государствъ». Передавъ этотъ письменный отвѣтъ Гёрцу, Остерманъ прибавилъ словесно, что «вообще договоры, содержаніе которыхъ неизвѣстно, внушаютъ безпокойство относительно своихъ цѣлей» [1]).

Впечатлѣніе, произведенное въ Берлинѣ этимъ откровеннымъ и грубоватымъ отвѣтомъ, лучше всего доказываетъ, какъ тамъ опасались серьёзнаго противодѣйствія со стороны Россіи. «Онъ мягче, чѣмъ я ожидалъ,—писалъ Фридрихъ Гёрцу:—для меня рѣшительно все равно, считаютъ ли императорскіе дворы ассоціацію излишнею и неважною, или нѣтъ. Пусть только они убѣдятся—какъ и слѣдуетъ — что она устроена, чтобы не дозволять имъ никакого обмѣна Баваріи и никакого иного измѣненія въ нѣмецкой конституціи. Князья имперіи съумѣютъ лучше оцѣнить эту унію» [2]).

Несмотря на происки Франціи среди фюрстовъ, вызывавшіе иногда негодованіе Фридриха, берлинское министерство было откровеннѣе съ версальскимъ дворомъ, чѣмъ со всѣми другими. Весной, при первыхъ замыслахъ о лигѣ, оно уже вывѣдывало его мнѣніе о ней. Верженъ отвѣчалъ уклончиво: Франція не осудитъ уніи, согласной съ имперской конституціей; но, состоя въ союзѣ съ императоромъ, она ограничится лишь тѣмъ, что прикажетъ своимъ министрамъ соблюдать нейтралитетъ. Теперь Фридрихъ послалъ въ Версаль не только декларацію, но также корпусъ трактата и даже секретную статью о Баваріи. Сверхъ того, прусскій посланникъ объяснилъ Верженю, что это «исключеніе есть знакъ полной дружбы», ибо Россіи не показали трактата, «чтобы она не слишкомъ вмѣшивалась въ дѣла имперіи». Онъ получилъ даже разрѣшеніе не отрицать существованія и другихъ секретныхъ статей, если бы трудно было избѣгнуть этого. Людовикъ XVI отвѣчалъ весьма любезно, желая Фридриху дальнѣйшихъ успѣховъ «въ заботахъ о сохраненіи спокойствія Германіи и мира Европы». Но вскорѣ въ Берлинѣ поняли, что иногда льстивыя рѣчи бываютъ опаснѣе грубыхъ. Стали доходить слухи, что въ Версалѣ недовольны лигой. Верженю казалось, что

---

[1]) *Остерманъ Долгорукому*, отъ 1 сентября 1785 года.—*Görtz*, I, 289.—*Schmidt*, I, 353.

[2]) *Schmidt*, I, 354.

въ нее втягиваютъ не только Англію и Данію, но также Голландію и Швецію. Въ его глазахъ это было не что иное, какъ орудіе для образованія обширнаго европейскаго союза, вреднаго для прочихъ державъ. Затѣмъ, Фридриху доносили, что колебанія въ Цвейбрюкенѣ и особенно въ Дармштадтѣ, гдѣ онъ именно просилъ Вержена помочь ему, зависѣли отъ коварныхъ внушеній Франціи. Фридрихъ снова началъ осыпать бранью эту «двуличную, триличную и четыреличную» державу, которая «вмѣшивается во все, чтобы всѣхъ обмануть» [1]).

Переговоры съ иностранными державами гораздо менѣе занимали авторовъ лиги, чѣмъ ея распространеніе въ Германіи. Вопросъ, какъ исполнить эту мудреную задачу, занялъ послѣднее засѣданіе берлинскихъ конференцій. Предоставили самому Фридриху позаботиться объ этомъ, и именно не прибѣгая къ посредству бумагъ, а отправивъ особаго министра къ фюрстамъ, такъ какъ «нельзя было разсчитывать на всѣхъ князей: однимъ нужно было сообщить договоръ вполнѣ, другимъ — лишь отчасти, безъ секретныхъ статей». Только ландграфовъ кассельскаго и баденскаго, да герцоговъ брауншвейгскаго и мекленбургскаго взялся уговорить курфюрстъ ганноверскій. Секретныя статьи рѣшили показать только въ Цвейбрюкенѣ, Касселѣ и Брауншвейгѣ, такъ какъ герцогъ Карлъ былъ болѣе всѣхъ заинтересованъ здѣсь, а отъ двухъ остальныхъ ожидали не только приступленія къ союзу, но и «значительныхъ вспомогательныхъ корпусовъ». Кромѣ упомянутыхъ фюрстовъ, опредѣлили пригласить слѣдующихъ «патріотовъ»: готскаго, веймарскаго, аншпахскаго, дармштадтскаго и майнцскаго, а также королей Швеціи и Даніи, въ качествѣ герцоговъ Помераніи и Голштиніи [2]).

Съ этихъ поръ дрезденскій дворъ совсѣмъ сходитъ со сцены въ нашемъ вопросѣ, увлекшись охраненіемъ своего нейтралитета, скомпрометтированнаго берлинскими конференціями. Георгъ III старается косвенно помогать лигѣ среди фюрстовъ, подчиненныхъ его вліянію, и выражаетъ «живое участіе къ благоденствію своего нѣмецкаго отечества» горячею благодарностью ганноверскому министерству за договоръ. А всѣ хлопоты и дѣйствительное распространеніе лиги между фюрстами достаются на долю Фридриха, который и посвятилъ этой задачѣ остатокъ своихъ дней — годъ съ небольшимъ.

Чтобы ускорить ходъ дѣла, Фридрихъ рѣшился поручить его

---

¹) *Görtz*, I, 285.—*Schmidt*, I, 352, 361 sq., 371 sq.

²) *Schmidt*, I, 293 sq., 296, 304, 312.

разомъ нѣсколькимъ дипломатамъ, инструкціи которымъ вполнѣ раскрываютъ его надежды и опасенія. Прусскіе посланники въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ должны были привлечь къ союзу королей датскаго и шведскаго, интересныхъ, впрочемъ, «не по своимъ силамъ, а по своимъ именамъ, такъ какъ это поможетъ обуздывать императорскіе дворы, которые теперь нужно всячески запугивать». Къ фюрстамъ были посланы двѣ новыя личности— тайный совѣтникъ Бёмеръ и баронъ Штейнъ. Бёмеръ былъ старый законникъ, въ родѣ Бейльвица, посѣдѣвшій въ канцеляріяхъ и жившій тогда на покоѣ, въ отставкѣ. Его имперская слава основывалась на одной визитаціи вецларскаго судилища, которая, впрочемъ, одному ему послужила въ пользу. Бёмеру поручили дѣйствовать на саксонскихъ князей, которые считались благонамѣренными, по ихъ зависимости отъ Дрездена, а также на епископовъ вюрцбургскаго и бамбергскаго, подававшихъ весьма мало надеждъ. Сверхъ того, онъ долженъ былъ потребовать въ Дармштадтѣ до 10,000 войскъ за субсидіи, а въ Цвейбрюкенѣ склонить герцога не только къ лигѣ, но и къ «формальному обязательству отказаться отъ всякаго добровольнаго обмѣна Баваріи» [1]). Товарищъ Бёмера былъ баронъ Штейнъ, которому пришлось занять мѣсто внезапно умершаго тогда Секендорфа. Это—знаменитый впослѣдствіи прусскій преобразователь, а тогда скромный и прилежный чиновникъ по горной части, которому не было и тридцати лѣтъ. Сначала Штейнъ отказывался отъ лестнаго порученія. Онъ зналъ, что Фридрихъ, считавшій Секендорфа незамѣнимымъ, назначалъ его только «за недостаткомъ другихъ». Сверхъ того, Штейнъ не признавалъ дѣла Фридриха законнымъ. Но упрекъ въ «личныхъ разсчетахъ и въ страхѣ передъ вѣнскимъ дворомъ заставилъ его согласиться» [2]). Вскорѣ даже Герцбергъ, которому трудно было угодить, сталъ называть его депеши «крайне интересными». Штейну приказано было «объѣзжать дворы Верхней Германіи», а также привлечь къ лигѣ курфюрстовъ майнцскаго и трирскаго. Послѣдняя задача свидѣтельствуетъ о высокомъ мнѣніи, которое успѣлъ уже внушить тогда Штейнъ насчетъ своихъ способностей. Она была очень трудна, особенно въ Трирѣ, гдѣ, по мнѣнію Герцберга, управлялъ министръ, подкупленный Австріей; впрочемъ, здѣсь желали добиться только того, чтобы курфюрстъ «не бросился въ противную сторону». Въ Брауншвейгъ и Кассель Фридрихъ послалъ лишь письменныя приглашенія, пред-

---

[1]) *Schmidt*, I, 218, 282, 291 sq., 318, 328.
[2]) *Perty*: Leben des Ministers von Stein, I, 38.—*Schmidt*, I, 198.

оставивъ эти земли влiянiю Георга III. Остальныхъ фюрстовъ онъ считалъ или весьма ненадежными и требующими осторожной сондировки, или же совсѣмъ враждебными. Такъ онъ былъ убѣжденъ, что Баварiя, Вюртембергъ и Пассау даже пристануть къ австрiйской контръ-лигѣ [1]).

Прусскимъ агентамъ было вручено составленное Герцбергомъ «Объясненiе причинъ, побудившихъ прусскаго короля предложить высокимъ со-чинамъ имперiи ассоцiацiю для сохраненiя имперской системы». Въ сущности это было распространенное повторенiе декларацiи иностраннымъ державамъ; только въ тонѣ была разница. «Объясненiе» написано свободнѣе, съ бóльшей силой, съ горячностью и даже съ ироніей, особенно относительно обмѣна земель, изложеннаго подробно и съ знаменитой фразой Румянцова. Въ немъ еще яснѣе, чѣмъ въ декларацiи, выступаетъ противорѣчiе между доказательствами безвредности лиги для императора и тономъ ненависти къ вѣнскому двору. Здѣсь сказалась горячая натура автора.

«Прусскiй король—сказано въ объясненiи—весьма неохотно предлагаетъ ассоцiацiю, вынужденный министерскими бумагами и декларацiями вѣнскаго двора, которыя распространяются по всѣмъ дворамъ въ Германiи и внѣ ея и содержатъ въ себѣ горькiе и неосновательные упреки и выраженiя». А между тѣмъ, не король, а императоръ заслуживаетъ этихъ упрековъ. Онъ захватилъ-было Баварiю въ 1778 году и нынѣ предложилъ противный трактатамъ обмѣнъ земель, за который обѣщалъ дать Виттельсбахамъ три миллiона гульденовъ «въ ихъ полное и, конечно, прiятное распоряженiе» (zu gefälligem, allenfals vergnügendem Gebrauch). И онъ думалъ устроить это лишь при посредствѣ Францiи и Россiи, «ни слова не сказавши Пруссiи и имперiи». Хорошо, что герцогъ цвейбрюкенскiй «великодушно и наотрѣзъ» отказался и даже тотчасъ же извѣстилъ обо всемъ короля, «какъ своего друга и виновника Тешенскаго мира», и «просилъ его помощи». «Изумленный и встревоженный» король немедленно началъ дѣйствовать въ Петербургѣ, а также и въ Версалѣ, «поддерживая просьбу герцога всѣми подходящими представленiями». Извѣстiя, полученныя имъ отъ этихъ дворовъ, могли бы успокоить его, если бы онъ не былъ увѣренъ, что императоръ «при всякомъ удобномъ случаѣ не преминетъ снова выступить съ своимъ любимымъ проектомъ». Здѣсь вставлено неизбѣжное «gewaltsam» и подобраны свидѣтельства трактатовъ, будто бы не доз-

---

[1]) *Schmidt*, I, 199, 282, 234, 313.—*Dohm*, III, 87.

волявшихъ Виттельсбахамъ даже «добровольнаго» обмѣна Баваріи. Впрочемъ, объясненіе поспѣшало перейти къ яркой картинѣ могущества Австріи при обмѣнѣ земель. «Баварія — государство обширное, само по себѣ превосходное и еще способное къ весьма значительному улучшенію, населенное особенно хорошимъ народомъ; Нидерланды же — земля далекая отъ Австріи, втрое меньше, гораздо хуже и мало способная къ улучшенію. Очевидно и понятно, что если австрійскому дому удастся присоединить къ себѣ сосѣднюю Баварію и такимъ крайнимъ, несправедливымъ способомъ усилить свое, и безъ того преобладающее, государство, то совсѣмъ погибнетъ равновѣсіе силъ въ Германіи, и безопасность и свобода всѣхъ остальныхъ чиновъ имперіи будутъ зависѣть лишь отъ воздержности (Mässigung) австрійскаго дома. А этому, и безъ того уже столь великому и преобладающему, дому слѣдовало бы довольствоваться своей столь обширной монархіей и не помышлять о новыхъ и незаконныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя должны встревожить не только Германію, но и всю Европу». Прусскій король «не можетъ быть равнодушнымъ къ столь незаконному и самовольному увеличенію своего сосѣда». Онъ уже велъ войну изъ-за этого, да и по закону имѣетъ право «всѣми силами стараться, чтобы сохранялись конституціонная система и равновѣсіе нѣмецкой имперіи, въ особенности же чтобы не изгонялся изъ имперіи одинъ изъ самыхъ великихъ и древнихъ княжескихъ домовъ, необходимый для этого равновѣсія». Вотъ почему король предлагаетъ имперскимъ чинамъ «соединеніе, согласное съ основными законами имперіи и съ обычаемъ всѣхъ вѣковъ». Единственная цѣль этого соединенія — «упрочить нынѣшнюю имперскую конституцію, обезпечить за всякимъ членомъ имперіи свободное и спокойное пользованіе своими землями, владѣніями и правами, и противиться всякому противозаконному и самовольному предпріятію». Встрѣтивши подобный же взглядъ у курфюрстовъ ганноверскаго и брауншвейгъ-люнебургскаго, король заключилъ съ ними союзъ въ этомъ смыслѣ. Послѣдній «не направленъ ни противъ императора, ни противъ имперіи или какого-нибудь ея чина». Онъ «вовсе не нарушаетъ правъ и достоинства императора и не можетъ ни оскорбить, ни обезпокоить вѣнскій дворъ, если только намѣренія послѣдняго относительно сохраненія имперской системы таковы, какъ можно ожидать отъ великодушія и правдивости главы имперіи, на что всѣ надѣются». Въ концѣ объясненіе опять распространялось о козняхъ «австрійскихъ министровъ», которые «въ своихъ письмахъ къ фюрстамъ и въ своихъ декла-

раціяхъ иностраннымъ дворамъ дѣлаютъ прусскому двору несправедливые и непринятые между равными дворами упреки въ лживости, и т. п.» Эти министры «рисуютъ упомянутую унію невѣрными и отвратительными красками, стараются всѣхъ отклонить отъ нея, какъ отъ учрежденія противнаго имперскимъ постановленіямъ, и даже приписываютъ королю несообразныя намѣренія». Но король «стоитъ выше всѣхъ подобныхъ подозрѣній, благодаря своему искреннему, патріотическому и безкорыстному поведенію относительно баваро-пфальцскаго и всякаго другого дома, какъ онъ постоянно доказывалъ до Тешенскаго мира и послѣ него. А его вѣрность этой патріотической и общеполезной системѣ поставлена теперь внѣ всякаго сомнѣнія уніей, которая, уже въ силу своихъ свойствъ, исключаетъ даже возможность всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ». «Упомянутые столь неприличные упреки легко какъ опровергнуть, такъ еще съ бо̀льшимъ основаніемъ обратить въ противную сторону. Но король не желаетъ слѣдовать такому примѣру. Ему довольно сослаться на свидѣтельство призываемыхъ къ союзу фюрстовъ, которые видятъ, что предлагаемая унія согласна съ конституціей и можетъ быть показана всему міру». Этотъ проектъ, который «вѣроятно будетъ въ рукахъ вѣнскаго двора, направленъ лишь противъ всякихъ безправныхъ и насильственныхъ обмѣновъ, секуляризацій и раздѣловъ земель нѣмецкой имперіи, но не противъ какой-либо державы, непричастной къ такимъ дѣламъ». Итакъ, унія есть учрежденіе, «съ одной стороны невинное, не коварное и согласное съ конституціей, съ другой — необходимое и полезное для безопасности и свободы имперіи и всѣхъ ея членовъ». Поэтому прусскій король «не колеблется и даже считаетъ своимъ долгомъ извѣстить чины имперіи объ этомъ соединеніи и, если они пожелаютъ, представить имъ договоръ въ полномъ объемѣ, чтобы они обсудили, могутъ ли приступить къ уніи» [1]).

Въ мартѣ 1784 года началось дѣло, которое Фридрихъ считалъ памятникомъ своихъ послѣднихъ дней, и уже въ іюлѣ 1785 года оно окончилось. Всего въ одинъ годъ съ небольшимъ было побѣждено множество препятствій, которыя дѣлали союзъ князей почти несбыточною мечтой. Можно сказать, что тогда цѣль Фридриха уже была достигнута, потому что Ганноверъ, отъ котораго все зависѣло, былъ вовлеченъ въ интересы Пруссіи. Понимая значеніе этого курфюршества, которое вначалѣ пода-

[1]) *Schmidt*, I, 340—348.

вало мало надеждъ, Фридрихъ готовъ былъ на всякія уступки: онъ предоставилъ ему первую роль въ переговорахъ и уничтожилъ собственный проектъ ради Бейльвица. И теперь мрачный Фрицъ, измѣнивъ своему обычаю, прощался съ ганноверскимъ законникомъ такъ ласково и милостиво, что удивилъ окружающихъ. Онъ сказалъ:—«я буду съ великимъ удовольствіемъ (mit vielem Plaisir) вспоминать ваше имя.... нѣтъ, не только имя, но и вашу личность, и ваши заслуги (Ihre Person und Meriten»). Фридрихъ говорилъ съ Бейльвицемъ на нѣмецкомъ языкѣ, хотя и пересыпанномъ французскими фразами. Именно въ Ганноверѣ хотѣлось ему пріобрѣсти популярность *нѣмецкаго* государя. Оттого-то онъ прибавилъ, разставаясь съ Бейльвицемъ:—желаю, чтобы нынѣшніе нѣмецкіе фюрсты передали потомкамъ свои земли и владѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ получили ихъ сами отъ своихъ предковъ. Не слѣдуетъ впутываться въ иностранныя войны: должно заботиться лишь о томъ, чтобы сохранить Германію, ея земли и конституцію въ нынѣшнемъ состояніи и не допустить какихъ-либо обмѣновъ земель и секуляризацій епископствъ... Я теперь старикъ и знаю хорошо, что уже никогда не измѣню этимъ моимъ убѣжденіямъ» [1]).

21 августа, когда прибылъ курьеръ изъ Лондона съ подписью Георга III, послѣдовала ратификація трактата между тремя курфюрстами. Затѣмъ Герцбергъ и Финкенштейнъ вручили Бейльвицу и Цинцендорфу «назначенныя имъ коробочки», а ихъ секретарямъ тысячу талеровъ [2]).

Съ этой минуты Фридрихъ весь обратился въ нетерпѣніе. Уже 23-го августа Бёмеръ пустился въ свой объѣздъ, а слѣдомъ за нимъ поскакали курьеры съ «объясненіемъ» ко всѣмъ фюрстамъ, которыхъ не могли посѣтить Бёмеръ съ Штейномъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ Фридрихъ уже началъ терять терпѣніе и ворчать на то, что никто еще не приступилъ къ лигѣ. Онъ приказывалъ своимъ министрамъ «ускорить ходъ дѣла», «возбудить дѣятельность людей, посланныхъ въ имперію«, «возможно скорѣе раздуть (grossir) дѣло ассоціаціи». Особенно негодовалъ онъ на

1) *Häusser:* Deutsche Geschichte, I, 233.

2) Герцбергъ предлагалъ дать имъ по 3000, а ихъ секретарямъ по 500 экю. Фридрихъ долго переписывался съ своими министрами, желая побольше выторговать, и рѣшилъ подарить посланникамъ по брилліантовой табакеркѣ, всего въ 1500 экю каждая, но велѣлъ отдѣлать ихъ такъ, чтобы онѣ имѣли видъ весьма дорогихъ вещей. Онъ объяснялъ свою скупость наводненіемъ, постигшимъ тогда его земли. *Schmidt,* I, 314—317, 349.

Штейна, который «отправился уже болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, а о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу» [1]).

Но напрасно горячился король. Не истекъ августъ мѣсяцъ, какъ уже одинъ фюрстъ присталъ къ союзу князей.

Обращаемся къ дѣятельности агентовъ Фридриха въ Германіи, причемъ снова встрѣтимся съ «подвигами» Румянцова, депеши котораго служатъ главнымъ источникомъ для этого эпилога въ исторіи союза князей.

---

1) *Schmidt*, I, 349, 364 sq.

ГЛАВА XIX.

Первые фюрсты-союзники.

Необыкновенной оживленностью и блескомъ отличался водяной сезонъ 1785 года. Въ августѣ онъ былъ въ разгарѣ, тѣмъ больше, что тогда же шумно расшевелилась франкфуртская ярмарка. Висбаденъ, Эмсъ, Гомбургъ, Зельтерсъ, Швальбахъ, Шлангенбадъ и Крейцнахъ—словомъ, весь резервуаръ минеральныхъ источниковъ, въ углу между Франкфуртомъ и Кобленцомъ, кишилъ мнимыми больными. Скучающія толпы богачей, аристократовъ, офицеровъ,—людей, пресыщенныхъ зимними наслажденіями, слонялись по разнымъ курзаламъ, жадно ища новыхъ развлеченій. За ними тянулась вереница купцовъ съ самыми модными товарами, назойливыхъ кредиторовъ, спекулянтовъ и обманщиковъ. Но болѣе всего увивался вокругъ нихъ рой всякихъ увеселителей, наѣхавшихъ со всѣхъ сторонъ Европы, въ особенности же изъ Парижа, гдѣ былъ разсадникъ фокусниковъ, странствующихъ труппъ, артистовъ и всякаго рода искателей фортуны. Ни днемъ, ни ночью не прерывались представленія въ театрахъ, циркахъ и балаганахъ. Въ курзалахъ и смежныхъ аллеяхъ безъ умолку гремѣла музыка и разгуливали роскошныя заѣзжія дамы. По отелямъ хмѣльныя компаніи съ азартомъ срывали банки. Концерты, маскарады и балы смѣняли другъ друга.

Особенно посчастливилось тогда смѣлому французу Бланшару, подвиги котораго мѣтко характеризуютъ великосвѣтскую среду того времени, и преимущественно фюрстовъ. Бланшаръ былъ воздухоплаватель, а только-что зарождавшаяся аэростатика относилась тогда къ числу увеселеній, доставляющихъ сильныя ощущенія. Этимъ свойствомъ она едва-ли не болѣе привлекала къ себѣ, чѣмъ своей новизной. Пресыщенный сибаритъ прошлаго

вѣка болѣе всего дорожилъ зрѣлищами, на которыхъ можно было видѣть, какъ человѣкъ сломаетъ себѣ шею. Бланшаръ произвелъ фуроръ во Франкфуртѣ, былъ львомъ общества: онъ затмилъ своей славой даже аристократовъ авантюризма, наѣздницъ цирка и укротителей звѣрей, совавшихъ голову въ пасть хищнымъ животнымъ. Грубая толпа дѣлала ему царственныя оваціи. Коронованныя особы на перебой залучали его на свои обѣды и пиршества. Румянцовъ, также поспѣшившій пригласить его на ужинъ, чтобы не уронить достоинства своего двора, посвятилъ ему нѣсколько обстоятельныхъ депешъ. Вотъ онъ описываетъ рядъ чудесъ, которыя производитъ Бланшаръ. Эти чудеса электризуютъ общество, которымъ овладѣваетъ отважное настроеніе. Принцъ Фридрихъ дармштадтскій входитъ въ азартъ и собирается улетѣть. Онъ уже сѣлъ-было въ лодочку, какъ вдругъ, къ счастью его подданныхъ, шаръ лопнулъ отъ порыва вѣтра. Смущенный Бланшаръ падаетъ въ обморокъ, — но предупредительныя руки подхватываютъ его: герцогъ и герцогиня цвейбрюкенскіе, вспомоществуемые наслѣдникомъ и наслѣдницей Дармштадта, увозятъ его съ собой въ каретѣ.

Но, вотъ, отважный воздухоплаватель оправился, и ему удалось-таки улетѣть за 8 миль. Тутъ восторгу и бѣснованіямъ публики не было конца. Когда Бланшаръ явился «въ комедію», представленіе прекратилось: зрители неистово хлопали ему, а на сценѣ появился его бюстъ, увѣнчанный цвѣтами. Румянцовъ, среди несмѣтной толпы, привезъ виновника торжества къ себѣ на ужинъ прямо изъ театра. Народъ осадилъ его квартиру, выкрикивая имя Бланшара. «Я—говоритъ Румянцовъ—нѣсколько разъ показалъ его на балконѣ, со свѣчами». На другой день клубъ далъ обѣдъ аэронавту и подарилъ ему 40 луидоровъ, а народъ толпился у входа въ гостинницу и кричалъ: «да здравствуетъ Бланшаръ!» Устроителями пиршества обуялъ восторгъ, и они кидали деньги въ народъ. Съ обѣда герой сезона поѣхалъ въ комедію, но толпа остановила его, отпрягла лошадей и на себѣ привезла въ театръ. Румянцовъ изловчился такъ, что Бланшаръ появился въ его ложѣ—и рукоплесканіямъ не было конца. Наконецъ, нашъ посланникъ доносилъ, что сенатъ города подарилъ счастливцу 100 дукатовъ и обязался содержать его на свой счетъ во все время его пребыванія въ городѣ. Но Бланшаръ надѣялся найти настоящую свою фортуну въ странѣ неисчерпаемаго золота, какою слыла тогда на Западѣ Россія. Онъ надоѣдалъ Румянцову своими просьбами и, наконецъ, сталъ собираться въ Петербургъ. Но Румянцовъ написалъ ему, что фор-

мально не совѣтуетъ ѣхать, ибо «доселѣ наше правительство считаетъ аэростатику безполезною, и потому вовсе не намѣрено поощрять ее». «Вы—прибавлялъ онъ—встрѣтите въ Россіи затрудненія и даже, можетъ быть, непреодолимыя препятствія» [1]).

Особенный блескъ придавало сезону 1785 года необыкновенное скопленіе вѣнценосцевъ и дипломатовъ. Съ іюля и до глубокой осени фюрсты, какъ мотыльки, перепархивали съ водъ на воды, гоняясь за сладкими ощущеніями. Франкфуртъ, Майнцъ и Дармштадтъ представляли, можно сказать, истинную ярмарку княжескаго тщеславія, и водяной сезонъ превращался въ дипломатическій. Здѣсь можно было видѣть потентатовъ Цвейбрюкена, Майнца, Брауншвейга и Дармштадта, Веймара, Готы, Мейнингена и другихъ. Они вносили особенное оживленіе и разнообразіе въ сезонную жизнь. Посѣтители тѣснились вокругъ нихъ, приглядываясь къ ихъ затѣямъ, толкуя объ ихъ обычаяхъ. Тамъ-и-сямъ высокіе гости служили даже больше, чѣмъ предметомъ празднаго любопытства. То выходилъ какой-нибудь скандалъ, то цѣлая исторія съ политическимъ оттѣнкомъ. На водахъ въ Ахенѣ случилось важное происшествіе, которое на время даже отвлекло всеобщее вниманіе отъ Бланшара. Туда прибылъ герцогъ Лудвигъ брауншвейгскій, дядя Фердинанда. Это тотъ дерзкій честолюбецъ, который прославился неограниченнымъ управленіемъ въ Голландіи, благодаря слѣпому повиновенію бездарнаго штатгальтера и покровительству англичанъ. Тогда онъ только-что удалился оттуда, опасаясь ненависти народа, поддерживаемаго Франціей, и прикочевалъ въ Ахенъ отдохнуть отъ трудовъ. Этотъ городъ уже слылъ тогда безпокойной республикой [2]). Изъ тревожнаго тона депешъ Румянцова видно, какой переполохъ произошелъ на другихъ водахъ, особенно между фюрстами, когда вдругъ пришло извѣстіе о «революціи» въ Ахенѣ. Потомъ оказалось, что революція была вовсе не такъ страшна. Нѣсколько знатныхъ французовъ и голландскихъ офицеровъ французской

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ сентябрѣ 1785 года.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 августа 1786 года: „Il semble que la Contagion nous gagne et que l'esprit de trouble et de desordre qui regne dans les villes d'Hollande comme une Epidemie passe aux petites republiques d'Allemagne, la ville d'Aix la Chapelle en offre un exemple assez curieux. Elle se gouverne sans forme de gouvernement quelconque et, en dépit de tous les principes reçus, on pretend que la police n'y a jamais été meilleure. Par une bisarrerie non moins remarquable et qui est encore un fruit du terroir, le Conseil Aulique de L'Empire et la chambre Imperiale de Wetzlar vienent de prononcer dans l'affaire d'Aix la Chapelle d'une manière contradictoire, et prescrivant chacune des ordres opposés, les donnent chacune comme de coutume au nom de L'Empereur et sous peine de sa disgrâce".

службы рѣшились, во что бы то ни стало, овладѣть бумагами Лудвига брауншвейгскаго, и, въ случаѣ нужды, «не щадить самой особы герцога». Но предпріятіе не удалось. Заговорщики были схвачены. У нихъ нашли большія суммы, что̀ указывало на участіе какого-либо правительства. Вскорѣ всѣ убѣдились въ этомъ предположеніи, такъ какъ французскій и голландскій дворы смолчали, когда ихъ подданныхъ посадили въ тюрьму «предъ лицомъ цѣлыя Европы» [1]). Мятежные ахенцы обрадовались случаю поволноваться. Они вооружились и кричали, что выгонятъ изъ своего города всѣхъ французовъ. Суетливый Румянцовъ тотчасъ же полетѣлъ въ Ахенъ. Но герцога брауншвейгскаго словно на свѣтѣ не было съ той минуты, какъ открылся заговоръ. Онъ заперся въ своемъ помѣщеніи, «ни къ себѣ никого не принималъ, ни самъ изъ дому не отлучался». По ночамъ часовые охраняли домъ его «не токмо у дверей, но и въ самой улицѣ». Впрочемъ, Румянцовъ улучилъ-таки минуту видѣться съ герцогомъ, хотя и на самое короткое время: онъ прошелъ подъ покровительствомъ какихъ-то «знатныхъ особъ женскаго пола», прибывшихъ тогда въ Ахенъ изъ Вѣны [2]).

Ахенская исторія много способствовала оживленію водяного сезона 1785 года. И, конечно, уже тогда въ глазахъ фюрстовъ рисовался, въ близкой перспективѣ, грозный призракъ, такъ описанный Румянцовымъ, ровно годъ спустя, то-есть менѣе чѣмъ за три года до французской революціи: «кажется, зараза уже охватываетъ насъ и духъ волненій и безпорядка, царствующій въ голландскихъ городахъ, словно эпидемія, проникаетъ въ маленькія нѣмецкія республики». Но фюрсты и сами возмущали обычный строй сезонной жизни. У нихъ было много хлопотъ; они суетились, шумѣли безъ устали. Каждый старался перещеголять своего «брата» въ пышности и чванствѣ. Съ одной стороны, нужно было, во что бы то ни стало, увеселять другъ друга, съ другой — всякій опасался преступить правила этикета. Сверхъ того, почти всѣ фюрсты были запутаны во взаимныя интриги, тѣмъ болѣе опасныя, что тогда началось дѣло формальнаго распространенія союза князей. Имъ приходилось взвѣшивать каждое свое слово, каждый поклонъ и кивокъ. Фюрсты устраивали шумныя празднества и кавалькады, или же ходили гурьбой по ярмаркѣ, сопровождаемые пышною свитой. Особенному веселью у

---

1) Леопольдъ тосканскій прямо обвинялъ въ этомъ заговорѣ французскій дворъ: *Joseph II und Leopold*, I, 298.

2) *Румянцовъ Остерману*, отъ 24 іюля (4 августа) и 8/19 августа 1785 года.

нихъ способствовала свадьба Максимиліана цвейбрюкенскаго съ Августой дармштадтской.

Среди всѣхъ этихъ празднествъ и забавъ извивалась дипломатическая интрига. Тогда-то Румянцовъ справедливо сказалъ, что здѣсь «очагъ волненій», которыхъ было «полно то время». Тутъ было главное поприще вспыхнувшей борьбы лигистовъ и ихъ противниковъ. Съ нашей стороны работалъ безъ отдыху энергическій Румянцовъ, который уже не отлучался изъ этого угла. Его помощникомъ, со стороны Австріи, былъ графъ Траутмансдорфъ. Франція имѣла здѣсь, кромѣ посланниковъ, нѣсколько мелкихъ тайныхъ агентовъ, одинъ изъ которыхъ давно уже не давалъ покоя Румянцову своимъ присутствіемъ [1]). Но самымъ дѣятельнымъ дипломатомъ оказался Фридрихъ. Кромѣ Бёмера и Штейна, у него сновало здѣсь много мелкихъ агентовъ [2]). Къ тому же, и Гофенфельсъ, по выраженію Румянцова, «снова появился въ здѣшнихъ окольностяхъ»: онъ то ѣздилъ по мелкимъ дворамъ, то «пребывалъ въ Швальбахѣ, не взирая на то, что время цѣленія у тамошнихъ водъ уже прошло». Эти агенты пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое усердіе и подставить ногу своимъ соперникамъ. Даже семейное торжество у цвейбрюкенскихъ служило поприщемъ интригъ. Румянцовъ писалъ, что всѣхъ приглашаютъ на свадьбу Максимиліана, «кажется, не безъ скрытаго намѣренія пользоваться симъ случаемъ для съѣздовъ, переговоровъ и каверзей». И дѣйствительно, свадьба совершилась въ присутствіи одного только посторонняго свидѣтеля—Бёмера, что̀, по крайней мѣрѣ, давало поводъ думать объ успѣхѣ прусскихъ интригъ даже въ Дармштадтѣ [3]).

---

[1]) Вотъ любопытное мѣсто изъ депеши *Румянцова Остерману*, отъ $^{17}/_{28}$ января 1785 года: „съ полмѣсяца живетъ здѣсь въ гостинницѣ одинъ иностранецъ, очень уединенно; но у него секретарь, съ которымъ онъ сидитъ, запершись по цѣлымъ днямъ, и много пишетъ. Я познакомился съ нимъ. Это—французъ маркизъ Montaignac, и у него дружба (intimité) съ принцессами дармштадтскими, которая не могла быть пріобрѣтена однимъ знакомствомъ, сдѣланнымъ на балу во Франкфуртѣ. Онъ часто бесѣдуетъ съ Грошлагомъ (о немъ см. любопытныя свѣдѣнія въ отчетѣ герцога веймарскаго, у *Ранке*, II, 274 sq.), который таитъ эти разговоры“. Чтобы понять Монтеньяка, Румянцовъ поѣхалъ за нимъ въ Майнцъ и узналъ, что ему поручено изученіе этой части Германіи, особенно съ военной стороны. Румянцовъ прибавляетъ: „онъ знаетъ мой образъ жизни и съ кѣмъ я хорошъ“.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{5}/_{16}$ сентября 1785 года: „Опричь барона Штейна и опричь прибывшаго нынѣ въ министерскомъ качествѣ барона Бёмера, берлинскій дворъ употребляетъ подъ рукою еще многихъ иныхъ особъ для склоненія къ себѣ германскихъ чиновъ, и увѣряютъ меня, якобы нынѣ къ симъ особамъ присталъ какой-то баронъ Тунъ, отъ имяни короля шведскаго.“

[3]) *Румянцовъ Остерману*, $^{19}/_{30}$ авг., 23 сент. (4 окт.) и 28 окт. (8 нояб.) 1785.

Среди шума и толкотни водяного сезона тихо прокладывались первые пути въ средоточіи Германіи для высокой идеи стараго Фрица. Здѣсь-то потсдамскіе дипломаты прежде всего уговорили трехъ фюрстовъ подписать союзъ князей — Карла-Августа веймарскаго, Эрнста II готскаго и Карла цвейбрюкенскаго.

Карлъ-Августъ и Эрнстъ совершенно естественно стояли первыми въ спискѣ князей, присоединившихся къ тремъ курфюрстамъ. Эти горячіе и искренніе патріоты съ нетерпѣніемъ ждали случая выказать на дѣлѣ свои заботы о благоденствіи «отечества». Они опасались только противодѣйствія Дрездена, отъ котораго зависѣла судьба ихъ саксонскихъ герцогствъ. Благопріятное лигѣ рѣшеніе Фридриха-Августа III развязало имъ руки. Герцогъ веймарскій подписалъ союзный договоръ уже 29 августа; только самыя опасныя статьи—секретную и секретнѣйшую—онъ не принималъ до 10 марта 1786 года. Но за то Карлъ-Августъ не ограничился одною подписью договора. Тогда началась его роль «курьера союза князей». Онъ усердно помогалъ Бёмеру и Штейну и предпринималъ много поѣздокъ по Германіи: особенно работалъ онъ въ Майнцѣ и Вюрцбургѣ. За герцогомъ веймарскимъ послѣдовалъ Эрнстъ готскій. Какъ болѣе слабый фюрстъ, онъ безъ разсужденій принялъ все, не исключая и опасныхъ предложеній. 20 сентября онъ подписалъ «корпусъ» трактата, а 28 октября и секретную статью, обязуясь выставить, по требованію союзниковъ, 1200 человѣкъ пѣхоты [1]).

Третьимъ въ ряду мелкихъ союзниковъ былъ Карлъ цвейбрюкенскій. Фридрихъ справедливо торжествовалъ приступленіе его къ лигѣ, какъ серьёзную побѣду. Изъ всѣхъ фюрстовъ Карлъ имѣлъ первостепенное значеніе въ судьбѣ союза князей. Онъ не сегодня — завтра долженъ былъ получить Баварію, и тогда за лигой обезпечивалась половина голосовъ въ курфюршеской коллегіи. Но еще важнѣе было то, что, по словамъ самого Фридриха, «унія была устроена собственно изъ любви къ цвейбрюкенскимъ принцамъ и съ цѣлью сохранить имъ Баварію». Въ самомъ договорѣ главнымъ мотивомъ служилъ, связанный съ этими принцами, вопросъ объ обмѣнѣ земель. Слѣдовательно, приступленіе Карла къ лигѣ давало ей конституціонную основу, законное освященіе. А между тѣмъ, несмотря на энергическую дѣятельность Гофенфельса, въ Потсдамѣ не причисляли герцога цвейбрюкенскаго къ тѣмъ, на которыхъ можно было «вполнѣ разсчитывать». Извѣстная безхарактерность герцога и его финансо-

1) *Schmidt*, I, 355.—*Dohm* III, 98.

выя затрудненія, привлекавшія въ Карлсбергъ интриги со всѣхъ сторонъ, до того запутывали здѣсь политику, что нельзя было ручаться за ея завтрашнее направленіе. И чѣмъ болѣе Карлъ становился необходимъ для лиги, тѣмъ менѣе довѣрялъ ему Фридрихъ. Мысленно подводя итоги своимъ союзникамъ, во время берлинскихъ конференцій, король обыкновенно считалъ надежнѣе его даже такихъ фюрстовъ, какъ ландграфъ дармштадтскій и католическіе владыки. Любопытно, что и послѣ приступленія Карла къ лигѣ, Фридрихъ такъ отзывался о немъ: «первый министръ, который больше думаетъ о себѣ, чѣмъ о своемъ государѣ, рано или поздно продастъ его вѣнскому двору; и когда-нибудь дѣло дойдетъ до этого, ибо герцогъ такъ лѣнивъ, что не занимается дѣлами, и нѣтъ ничего у него въ головѣ, кромѣ вздору (frivolités)». Въ описываемое время этотъ взглядъ Фридриха поддерживался многочисленными доносами изъ Карлсберга, какъ со стороны Бёмера, такъ и отъ анонимныхъ друзей Потсдама. Вотъ что̀ говорилось въ нихъ во время берлинскихъ конференцій: «Если версальскій и берлинскій дворы не займутся серьёзно финансами герцога, то императоръ скоро воспользуется его стѣснительнымъ положеніемъ. Французскіе шесть милліоновъ по бо́льшей части уже взяты, и ими уплачена лишь ничтожная часть долговъ, такъ что, напримѣръ, во всемъ герцогствѣ духовенство, не получая содержанія, уже собирается жаловаться имперскому надворному совѣту въ Вѣнѣ... А между тѣмъ всѣ увѣряютъ, что у императора есть очень сильная партія подлѣ герцога».

Фридрихъ надѣялся только на силу обстоятельствъ. Лига была такъ выгодна и просто необходима цвейбрюкенскимъ фюрстамъ, что, по его мнѣнію, они должны были прежде «съ ума спятить», чѣмъ отказаться отъ нея [1]). Сверхъ того, король направилъ теперь на Карлсбергъ всѣ свои интриги: онъ осѣтилъ герцога своими явными и тайными агентами, во главѣ которыхъ дѣйствовалъ Штейнъ, то самъ наѣзжавшій въ Карлсбергъ, то принимавшій Гофенфельса у себя, въ Швальбахѣ. Какъ упорны и замѣтны были здѣсь прусскія интриги, видно изъ того, что въ дипломатическихъ кружка́хъ сочинялись самыя смѣлыя сплетни насчетъ обѣщаній, которыми Фридрихъ будто бы прельщалъ Карла. Такъ, Румянцова увѣряли, будто курфюрсты, составившіе лигу, дали ему письменное обязательство «возложить на него

[1]) *Schmidt*, I, 246 sq., 265 sq., 366, 373.

корону римскаго короля» [1]). Но потсдамскіе происки, конечно, произвели тревогу и въ противномъ лагерѣ. Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ назойливостью Румянцова, который, несмотря на свое полное пораженіе въ началѣ года, все еще не хотѣлъ отступить безъ боя. Онъ готовъ былъ на все, чтобы какъ-нибудь протереться къ герцогу Карлу и возобновить съ нимъ знакомство. Его выручилъ водяной сезонъ. Такъ какъ здѣсь въ тѣснотѣ нельзя было не столкнуться врагамъ, то цвейбрюкенскіе рѣшились польстить нашему посланнику, сдѣлавъ первый шагъ къ сближенію. Вдругъ многія важныя особы карлсбергскаго двора начали представляться Румянцову съ любезностями. Шуринъ всемогущей госпожи д'Езебекъ пѣлъ, что герцогъ очень уважаетъ своего стараго пріятеля и желаетъ сблизиться съ нимъ, надѣясь посѣтить городъ «по поводу Бланшара». Румянцовъ, слѣдуя своему правилу относительно «слабыхъ», принялъ гордый видъ и пробормоталъ, «какъ честный человѣкъ»: «очень радъ, что герцогъ пришелъ къ такому мнѣнію обо мнѣ, котораго не слѣдовало оставлять». Но, вотъ, прибылъ карлсбергскій дворъ. Нашъ посланникъ всхлопотался, былъ крайне озабоченъ, бѣгалъ за совѣтами къ друзьямъ, которые также растерялись. «Я—доносилъ онъ по начальству—не зналъ, что̀ дѣлать: вѣдь тутъ была значительная часть Германіи! Совѣты моихъ вѣнскихъ товарищей, прибывшихъ сюда, были разнорѣчивы». Наконецъ, Румянцовъ смекнулъ, что лучше всего послать Карлу цвейбрюкенскому свою визитную карточку. Герцогъ отвѣчалъ тѣмъ же. Но тутъ уже пришла пора пріосаниться цвейбрюкенскому потентату. Румянцовъ устроилъ такъ, что столкнулся съ нимъ на балу: высочайшій поклонъ — и больше ничего. Но Румянцовъ преслѣдовалъ герцога на ярмаркѣ и очутился подлѣ него въ давкѣ. «Тѣснота — говоритъ онъ — не давала намъ разлучаться. Я освѣдомился у него о здоровьѣ. Онъ заговорилъ о ярмаркѣ, я—о Бланшарѣ. Все съ его стороны учтиво (avec politesse), съ моей — почтительно (avec respect), съ обѣихъ же сторонъ — съ нѣкоторою холодностью». Это было событіемъ сезона. На время забыли и про ахенскій заговоръ, и даже про Бланшара. «Здѣсь — поясняетъ Румянцовъ — всѣ заговорили, какъ о чудѣ, что мы раскланялись и побесѣдовали. Самъ герцогъ восторженно (avec affectation) пересказалъ все это одному случившемуся здѣсь министру французскаго двора». Соглядатайству этого послѣдняго

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 16/27 авг. 1785.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 14/25 ноабря 1785 года.

нашъ посланникъ приписывалъ то, что герцогъ «не зналъ, какой ногой плясать», а принцъ Максимиліанъ «избѣгалъ» его, «какъ огня»; Крейцеръ же, значеніе котораго возрастало тогда, даже не представился ему: только одна герцогиня «осыпала» его «милостями» [1]).

Румянцовъ не зналъ истинной причины «нѣкоторой холодности» цвейбрюкенскихъ. Нѣсколько дней спустя, 4 октября, герцогъ Карлъ и Максимиліанъ подписали договоръ о лигѣ, вмѣстѣ съ секретною статьей, притомъ какъ принцы, «доказывавшіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, свой патріотическій образъ мыслей». А при подписаніи секретной статьи они даже выразили свою признательность тремъ курфюрстамъ за охраненіе ихъ владѣній. Наконецъ, они дали слѣдующее письменное обязательство, котораго всегда такъ добивался Фридрихъ: «торжественно удостовѣряемъ за себя и за нашихъ потомковъ, что никогда и ни на какихъ условіяхъ не согласимся на разъ предложенный и могущій возобновиться планъ обмѣна нашихъ баваро-пфальцскихъ наслѣдныхъ земель. Напротивъ, мы употребимъ все зависящее отъ насъ, дабы сохранить въ цѣлости эти земли въ нашемъ домѣ и родѣ и передать ихъ нашимъ потомкамъ» [2]).

Послѣ герцога цвейбрюкенскаго, важнѣе всего было привлечь къ союзу князей майнцскаго владыку. Помимо его большого значенія въ имперской администраціи, онъ практически давалъ перевѣсъ лигѣ надъ властью императора: такъ какъ въ курфюршеской коллегіи онъ рѣшалъ дѣло при равногласіи, то съ его присоединеніемъ лига, можно сказать, располагала бы пятью голосами противъ четырехъ. Но еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе на фюрстовъ отъ перехода на сторону протестантской Пруссіи главы нѣмецкаго католицизма, связаннаго съ Вѣной вѣковыми узами: это доказало бы всѣмъ, что опасность со стороны католическаго императора была дѣйствительно черезчуръ серьёзна. Къ тому же, мелкіе князья, опасавшіеся Гогенцоллерновъ не меньше Габсбурговъ, должны были убѣдиться, что лига ничѣмъ не угрожаетъ «отечеству», если за нее сталъ такой могущественный особнякъ, какъ курфюрстъ майнцскій.

Мы знаемъ (гл. XII и XIII) политику курфюрста Фридриха-Карла-Іосифа. Она была очень хитра. Владыка старался лавировать между всѣми подводными камнями. Онъ всячески подготов-

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года.

[2]) *Schmidt* (по оригиналу), I, 356—360. — У *Дома* (III, 197—200) неполный текстъ.

лялъ свою независимость и отъ папы съ императоромъ, и отъ Пруссіи. Но его участіе, хотя непрямое и колеблющееся, въ «броженіи» фюрстовъ подавало нѣкоторыя надежды въ Потсдамѣ. Румянцову и его австрійскимъ товарищамъ уже становилось тяжело въ присутствіи «новаго Филиппа II». Владыка уже обнаруживалъ свою ненависть къ императору, заставляя голодать у себя его войска [1]). Онъ даже намекалъ на свою готовность формально подняться противъ Іосифа, если только его поддержатъ свѣтскіе фюрсты, и вообще весьма интересовался уніей. А его каноники, отъ которыхъ все зависѣло, откровенно переговаривались съ главами «броженія» даже о выборѣ прусскаго кронпринца въ императоры. Наконецъ, что̀ было важнѣе всего, успѣли установить принципъ вѣротерпимости съ обѣихъ сторонъ. Въ то же время могущественная племянница владыки, фрау фонъ-Куденгофенъ, уже была привлечена на сторону Потсдама, а по ея стопамъ слѣдовали трое майнцскихъ министровъ — Дэль, Геймсъ и Штраусъ. Въ 1785 году, когда дѣло о лигѣ пошло въ ходъ въ Берлинѣ, вражда между Майнцемъ и Вѣной принимала все болѣе и болѣе явный характеръ. Въ маѣ уже почти дошло до формальнаго разрыва. Австрійскій посланникъ, графъ Меттернихъ, былъ до того взбѣшенъ поведеніемъ владыки, что написалъ его оберъ-гофмейстеру вѣжливое, но «очень суровое» письмо, въ которомъ возвѣщалъ, что, къ его и къ своей радости, онъ уже не министръ императора въ Майнцѣ. При этомъ Меттернихъ колко напомнилъ, ка̀къ онъ помогалъ владыкѣ достигнуть курфюршескаго достоинства и получилъ отъ него за это письменное обѣщаніе доставить ему вице-канцлерство въ имперіи; посланникъ презрительно возвращалъ владыкѣ этотъ документъ. Тутъ важнѣе всего было то, что, по всеобщему голосу, Меттернихъ написалъ это письмо «съ вѣдома и по приказу вѣнскаго двора». Вотъ почему оно крайне озаботило майнцскихъ мини-

---

1) Это характеристическое дѣло такимъ образомъ описано въ депешѣ *Румянцова Екатеринѣ*, въ декабрѣ 1784 года. Іосифъ потребовалъ за деньги фуража для своихъ войскъ, идущихъ въ Голландію. Уполномоченные отъ чиновъ собрались во Франкфуртъ для совѣщаній съ императорскими посланниками и согласились на ихъ плату. Но при поспѣшномъ передвиженіи войскъ нельзя было имѣть дѣло съ подрядчиками, какъ обѣщалъ Іосифъ по капитуляціи. Чины теперь точно такъ же, какъ въ прошлую войну, добровольно согласились сами взять на себя продовольствіе; баварскій даже прибавилъ отъ себя по 5 крейцеровъ и по нѣскольку хлѣба на солдата. Но майнцскій курфюрстъ воспротивился этому. Онъ собралъ къ себѣ уполномоченныхъ отъ чиновъ, убѣждая держаться капитуляціи. Тѣ отвѣчали, что имъ велѣно согласиться, если Іосифъ сдѣлаетъ свое предложеніе „въ учтивыхъ терминахъ, а не образомъ повелѣнія“. Но майнцскій „упорствуетъ одинъ“.

custровъ и «произвело весьма большое впечатлѣніе въ городѣ: публика сильно добивалась прочесть австрійское письмо, которое ходило по рукамъ въ спискахъ» [1]).

Но время было слишкомъ опасное, чтобы оставлять безъ вниманія такого важнаго потентата, какъ Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ. Въ Вѣнѣ уже настолько знали о прусской лигѣ, что издали знаменитый майскій циркуляръ. Именно въ эту минуту Іосифъ долженъ былъ направить всѣ свои дипломатическія силы на Майнцъ — и туда прибылъ новый его посланникъ, графъ Траутмансдорфъ, который по дорогѣ заѣзжалъ въ Анспахъ и Вюрцбургъ, чтобы посондировать маркграфа и епископа. Но не успѣлъ онъ представиться майнцскому владыкѣ, какъ послѣдній выѣхалъ въ Ашаффенбургъ, лежащій на половинѣ пути между Майнцомъ и Вюрцбургомъ; а Траутмансдорфъ отправился лечиться въ Шлангенбадъ, куда вызвалъ къ себѣ на помощь Румянцова. Не веселы были бесѣды посланниковъ императорскихъ дворовъ. Румянцовъ разсказывалъ о своихъ неблестящихъ дѣйствіяхъ со времени майскаго циркуляра Екатерины (гл. X). Получивъ этотъ документъ, онъ, послѣ полугодичной скуки бездѣйствія, тотчасъ же пустился въ путь и началъ дѣйствовать съ удвоенной суетливостью. Въ теченіи всего лѣта и осени 1785 года онъ не разставался съ чемоданомъ и переносился съ мѣста на мѣсто по всему пространству отъ Штутгарта до Касселя и Ахена [2]). Планъ его

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 20/21 мая 1785 года.

[2]) Подробный отчетъ объ этихъ путешествіяхъ находится въ депешахъ *Румянцова Остерману* и отчасти самой *Екатеринѣ* за это время. Вообще, тогда начался періодъ самой горячей дѣятельности нашего неутомимаго посланника. Румянцовъ каждую недѣлю, а иногда и чаще, посылалъ то Остерману, то Екатеринѣ, иногда Безбородкѣ и Голицыну такія обширныя депеши, что самъ извинялся въ ихъ длинотѣ: нерѣдко онѣ сопровождались еще множествомъ приложеній. Сверхъ того, въ депешѣ Остерману, отъ 19/20 іюня 1785 года, посвященной общей характеристикѣ нѣмецкой имперіи, встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „если вы одобрите этотъ мой опытъ, то я примусь за картину, которую уже давно обдумываю: я начерчу портретъ принцевъ, ихъ министровъ и людей, имѣющихъ малѣйшее вліяніе въ имперіи". Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ, какъ видно, наскучили эти подробности и дрязги о мелкой средѣ фюрстовъ: Безбородко сдѣлалъ замѣчаніе нашему посланнику за длиноту депешъ. Румянцовъ отвѣчалъ: „и безъ нынѣшнихъ новыхъ обстоятельствъ (обмѣнъ земель и союзъ князей) постъ мой самъ по себѣ довольно труденъ. Гдѣ царствуетъ духъ пристрастія, гдѣ умѣренности никаковой не знаютъ и между ненависти и слѣпаго прилѣпленія видятъ одну только черту; гдѣ необходимо должно слыть или прусскимъ или вѣнскимъ адгерентомъ, тутъ кажется россійскаго министра роля не легка". Онъ жаловался на свое тяжелое положеніе Безбородку, какъ другу, и просилъ „дать другое основаніе" его „министерству", отвѣчать ему на бумаги и не пренебрегать его совѣтами. Онъ требовалъ объясненій, почему его депеши длинны: онѣ не могутъ быть иными „при смутномъ времени и занимая столь обширный постъ". Румянцовъ

былъ — начать съ самыхъ надежныхъ фюрстовъ и «вообще не обнаруживать страха, а показывать видъ, что его увѣренія—милость императрицы, которую должно заслужить». Румянцовъ прежде всего навѣдался въ Штутгартъ. Даже здѣсь встрѣтила его прусская интрига, такъ что онъ нашелъ необходимымъ подогрѣть теплыя чувства герцога Карла къ императорскимъ дворамъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ Касселѣ онъ замѣтилъ уже весьма опасныя колебанія и также задумался надъ новыми прельщеніями ландграфа. Кромѣ того, здѣсь же Румянцовъ услыхалъ, уже въ половинѣ іюля, отъ «вѣрной особы, просящей сохранить ея имя въ тайнѣ», что курфюрстъ ганноверскій приступилъ къ лигѣ, оговоривъ только свою свободу въ случаѣ войны Фридриха съ Австріей (rester la plume à la main). Скопились и другія непріятныя для нашего посланника вѣсти. Въ Гильдесгеймѣ капитулъ, «по старанію прусскаго министерства», втайнѣ избралъ Фюрстенберга преемникомъ своего весьма дряхлаго епископа. Духовные чины собираются подать Іосифу формальное предостереженіе, чтобы онъ покинулъ намѣреніе «сдѣлать съ констанцскимъ и аугсбургскимъ епископствомъ то же самое, что прежде сего учинено имъ съ епископствомъ пассавскимъ». Въ Падерборнѣ уже снуютъ прусскіе эмиссары. Прусскій и ганноверскій дворы «поручили извѣстному въ Гёттингенѣ профессору Питтеру показать средство и согласить оное съ правилами германской конституціи, какъ умалить можно власть императора и обратить ее почти въ ничто». Подписавшіе лигу фюрсты рѣшились составить, на основаніи этой работы ученаго публициста, «новую императорскую капитуляцію» и потребовать, чтобы «начальникъ имперіи принялъ ее и клятвенно утвердилъ для успокоенія мнимаго ихъ страха».

Еще менѣе утѣшительнаго могъ сообщить нашему посланнику его австрійскій товарищъ. Румянцовъ разъѣзжалъ по дворамъ фюрстовъ, по крайней мѣрѣ, съ благодарнымъ циркуляромъ и не скупился на обѣщанія: къ тому же, тамъ-и-сямъ дѣйствовало то могущественное предстательство Екатерины, то русское золото. А у Траутмансдорфа не было ничего, кромѣ злополучнаго майскаго циркуляра Кауница, котораго онъ не смѣлъ даже показывать фюрстамъ. Правда, ему поручено было

просилъ, чтобы отвѣтили герцогу виртембергскому. Онъ понималъ, что „гдѣ занимается министерство наиважнѣйшими дѣлами, тутъ герцога виртембергскаго забыть можно, но служба ея и. в-ва отъ таковаго небреженія въ здѣшномъ краю пострадать можетъ. Я только-что объ отвѣтѣ прошу, иной бы просилъ, статься можетъ, мѣховъ или другихъ каковыхъ подарковъ, означающихъ монаршее благоволеніе“.

«вновь пріобрѣсти майнцскаго посредствомъ ласкательствъ». Но въ случаѣ упорства владыки, Кауницъ, по обыкновенію, совѣтовалъ прибѣгнуть къ высокомѣрному тону и къ угрозамъ, тѣмъ болѣе, что тогда у Куденгофеновъ тянулся процессъ на большую сумму въ вѣнскомъ надворномъ совѣтѣ, зависѣвшемъ отъ императора. Впрочемъ, Траутмансдорфъ, какъ новичокъ въ дѣлѣ, на первыхъ порахъ обольщалъ себя надеждами. Онъ сообщилъ, что вюрцбургскій словесно, а анспахскій и майнцскій даже письменно засвидѣтельствовали ему свою преданность императору. Особенно хвалилъ онъ майнцскаго владыку. Послѣдній дѣйствительно велъ себя чрезвычайно хитро. Разбранивъ Меттерниха, онъ обласкалъ Траутмансдорфа и осыпалъ его увѣреніями въ своей приверженности къ вѣнскому двору. Но въ то же время владыка замѣтилъ, что не находитъ ничего дурного въ конфедераціи, о которой онъ будто бы впервые узналъ отъ Траутмансдорфа; былъ сдѣланъ намёкъ и на обмѣнъ земель и тому подобныя нарушенія имперской конституціи. Румянцовъ не раздѣлялъ надеждъ своего товарища. А майнцская нота показалась ему столь «ловкою», что, напротивъ, убѣждала его въ готовности владыки перейти въ лагерь враговъ [1]).

Румянцовъ былъ правъ. Въ это время майнцскій владыка уже снова видѣлся на водахъ съ герцогомъ веймарскимъ и съ Эдельсгеймомъ. Затѣмъ началась дѣятельность Бёмера и Штейна. Когда Румянцовъ, послѣ совѣщанія съ Траутмансдорфомъ, пустился въ свои дальнѣйшіе разъѣзды по дворамъ фюрстовъ и отыскалъ Фридриха-Карла-Іосифа, оказалось, что онъ опоздалъ. Здѣсь уже побывалъ искусный, пылкій и краснорѣчивый Штейнъ, и Румянцову сказали, что владыка заявилъ «этому скрытному министру берлинскаго двора» свое согласіе приступить къ лигѣ, только безъ подписи и съ просьбой не разглашать этого. Оттого-то, какъ только нашъ посланникъ выступилъ съ своимъ майскимъ циркуляромъ и сталъ доказывать «пристойность» предложенія, сдѣланнаго императоромъ въ Цвейбрюкенѣ, владыка обнаружилъ неудовольствіе и тотчасъ же началъ горячо возражать. Румянцовъ опасался крупнаго разговора. Онъ «не допустилъ курфюрста до того и, пресѣкая рѣчь его, принудилъ его окончить благодареніемъ» Екатеринѣ за ея обѣщаніе охранять нѣмецкую конституцію. Какъ

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года: „Elle (нота) est si artificiellement foite, que je ne doute pas un instant que l'Electeur ne soit à la veille de prendre parti et de citer ensuite la Note même comme une preuve de ce qu'il l'avoit annoncé". *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{3}/_{14}$ октября 1785 года.—*Ranke*, I, 236.

только владыка возвратился домой, его посѣтилъ Бёмеръ. Курфюрстъ прекрасно принялъ новаго прусскаго эмиссара и затѣмъ поскакалъ къ своему брату въ Вюрцбургъ. Вообще, майнцскій владыка обнаружилъ тогда большой талантъ къ политической интригѣ. Онъ около трехъ мѣсяцевъ проводилъ всѣхъ. Съ прусскими агентами онъ, при всемъ видимомъ дружелюбіи, держалъ себя уклончиво и такъ высокомѣрно, что Финкенштейнъ писалъ о немъ Фридриху: «курфюрстъ ревниво стремится блистать наравнѣ съ вашимъ величествомъ въ патріотической и популярной роли». Румянцовъ же, несмотря на свое недовѣріе къ владыкѣ, который тогда даже «прочелъ ему лекцію о баденскомъ и раштадтскомъ трактатахъ», еще 14 октября былъ убѣжденъ, что онъ не пристанетъ къ лигѣ. А 18 числа Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ подписалъ союзный договоръ и секретную статью [1]). Онъ мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что на немъ, «какъ на эрцканцлерѣ имперіи и курфюрстѣ, лежитъ особенный долгъ всячески поддерживать намѣренія чиновъ, клонящіяся къ сохраненію имперской и церковной системы Германіи». Владыка указалъ также на то, что «искренно и охотно» приступаетъ къ соглашенію, основанному на одномъ «патріотизмѣ, безъ различія религій», и на «конституціи», а также «не угрожающему никакому двору, никакой державѣ въ имперіи и внѣ ея» [2]).

Съ этихъ поръ пошли уже открытыя «хитрости и каверзи»

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ $^{12}/_{23}$ и $^{16}/_{27}$ августа, $^{9}/_{20}$ сентября 1785 года. — *Румянцовъ Остерману*, отъ 24-го іюля (4-го августа) $^{3}/_{14}$ октября 1785 года. Въ депешѣ *Голицыну*, отъ $^{5}/_{16}$ сентября 1785 года, *Румянцовъ* положительно говорилъ, lчто курфюрстъ майнцскій „vient de se resoudre à ne pas signer la convention avec a Cour de Berlin“.—*Ranke*, I, 237 sq.

[2]) Актъ приступленія майнцскаго курфюрста къ лигѣ у *Дома*, III, 200 — 203. Другихъ документовъ по этому дѣлу мы не встрѣтили нигдѣ у нѣмецкихъ историковъ, что̀ придаетъ особенный интересъ слѣдующимъ словамъ въ шифрованномъ донесеніи *Румянцова* самой *Екатеринѣ*, отъ 21-го ноября (2-го декабря) 1785 года: „Актъ приступленія майнцскаго курфюрста составленъ тако: въ началѣ сказано, что курфюрстъ по приглашенію короля прусскаго посредствомъ господина Бемера къ приступленію къ соразмѣрной съ конституціею и въ пользу ея клонящейся ассоціаціи, нашедъ оную въ истинну имперіи полезною и сходною съ обязательствами, симъ актомъ къ оному соединенію приступаетъ. Salvis juribus Archi-Cancelariatus. По семъ латинскомъ изреченіи слѣдуетъ пространное сего права толкованіе, а потомъ подпись; на оборотѣ же находится извѣстной трехъ курфирстовъ актъ соединенія; въ особливыхъ же статьяхъ обѣщано курфирсту майнцскому, во-первыхъ, сохранить въ цѣлости епархіальное его право; во-вторыхъ, не требовать никогда, чтобъ на сеймѣ имперскомъ евангелическій корпусъ особливаго директора имѣлъ; въ-третьихъ, доставить ему имѣніе тѣхъ церквей и монастырей, которые онъ уничтожилъ“.

майнцскаго курфюрста, выражаясь словами Румянцова. Когда въ Майнцѣ прекратились долгія колебанія и политика установилась, владыка оказался горячимъ и упорнымъ «патріотомъ». На него не дѣйствовали ни увѣщанія Версаля, ни угрозы Вѣны. Когда ему указывали, что никто еще изъ духовныхъ князей не приступалъ къ этой протестантской лигѣ, онъ гордо воскликнулъ: «знаю, но курфюрстъ майнцскій на то и созданъ, чтобы подавать примѣръ этимъ князьямъ, а не ждать его отъ нихъ!» Вслѣдъ затѣмъ владыка опять поднялъ вопросъ о продовольствіи императорскихъ войскъ, надѣлавшій столько хлопотъ Іосифу годъ тому назадъ; и на этотъ разъ ему удалось, на совѣщаніяхъ своего округа, склонить на свою сторону Цвейбрюкенъ и Дармштадтъ. Но владыкѣ «нельзя было выказать болѣе зложелательства по поводу самаго ничтожнаго обстоятельства», какъ въ слѣдующемъ случаѣ. Шелъ изъ Голландіи «корпусъ артиллеріи» императора, онъ сбился съ дороги и очутился подлѣ Майнца. «Изъ всѣхъ принцевъ одинъ курфюрстъ майнцскій выслалъ къ нему генерала съ протестомъ, велѣлъ развести мостъ на Рейнѣ и удвоилъ у себя стражу» [1]).

Но, несмотря на всѣ блестящія проявленія патріотизма Фридриха-Карла-Іосифа, майнцскій дворъ продолжалъ быть поприщемъ самыхъ назойливыхъ интригъ, и даже больше, чѣмъ когда-либо. Во всѣхъ газетахъ то-и-дѣло печатались извѣстія о владыкѣ и его дворѣ, причемъ, «чтобы польстить его тщеславію», помѣстили «длинный списокъ именъ министровъ, пребывающихъ при его особѣ». Въ этомъ спискѣ красовалось и имя Румянцова, хотя онъ жаловался, что въ теченіи почти года видѣлъ курфюрста всего одинъ разъ, да и то «почти токмо проѣздомъ» чрезъ Ашаффенбургъ. Однако нашъ посланникъ счелъ нужнымъ снова попытаться проникнуть въ майнцскій дворецъ, пользуясь газетнымъ спискомъ дипломатовъ; но ему отказали въ пріемѣ, по болѣзни владыки. Такимъ образомъ, Румянцову приходилось сидѣть во Франкфуртѣ, сгорая нетерпѣніемъ узнать, чтò творится въ Майнцѣ. Онъ не могъ даже бесѣдовать съ своимъ австрійскимъ сотрудникомъ: Траутмансдорфъ билъ тревогу и писалъ ему, что, при всей необходимости посовѣтоваться съ нимъ, «не можетъ отлучиться ни на часъ» изъ Майнца. Въ то же время агенты лиги осаждали владыку: не успѣвалъ одинъ выдти отъ него, какъ другой уже ждалъ своей очереди «въ передней».

---

[1]) *Румянцовъ Остерману* отъ 19/30 ноября и 19/30 декабря 1785 года, 9/20 августа 1786 года.—*Dohm*, III, 88

Кромѣ такихъ наѣзжавшихъ гостей, какъ Карлъ-Августъ веймарскій и Бёмеръ, здѣсь пребывали почти безотлучно ганноверскій агентъ Штейнбергъ съ Гофенфельсомъ и появлялся старшій братъ знаменитаго министра, ландъ-егермейстеръ Штейнъ. Поджидали даже петербургскаго посланника, Гёрца, «для питанія и умноженія чинимой берлинскимъ дворомъ смутки». Пылкій Гофенфельсъ внушалъ владыкѣ воинственные замыслы: «узнавши число его подданныхъ, онъ представилъ ему нелѣпый планъ о возможности имѣть до 30,000 войска». Но больше всѣхъ суетился Штейнбергъ, который часто отправлялъ депеши прямо въ Англію и отчасти въ Потсдамъ, съ требованіемъ большихъ суммъ для важнаго дѣла. «Ганноверскій министръ—доносилъ Румянцовъ—всевозможное прилагаетъ стараніе о пріобрѣтеніи здѣсь королю прусскому друзей и о доставленіи ему въ Германіи превосходной инфлюенціи, не щадя ни трудовъ, ни денегъ». Тревога въ Майнцѣ объясняется тѣмъ, что владыка «съ нѣкотораго времени томился: его головные припадки стали ежедневны». Возникалъ вопросъ о выборѣ ему коадъютора, а отъ его рѣшенія зависѣла судьба лиги [1]).

Съ восторгомъ докладывая Фридриху о пріобрѣтеніи майнцскаго владыки, Герцбергъ и Финкенштейнъ выразились: «въ связи съ приступленіемъ цвейбрюкенскихъ къ лигѣ, это событіе потрясаетъ до основаній систему вѣнскаго двора». Фридрихъ отвѣчалъ имъ: «да, это—непреодолимый оплотъ противъ намѣреній императора касательно выбора римскаго короля и учрежденія девятаго курфюршества!» Онъ справедливо видѣлъ здѣсь еще залогъ приступленія къ лигѣ «многихъ другихъ князей». Рѣшительный шагъ майнцскаго курфюрста прежде всего подѣйствовалъ въ Брауншвейгѣ. Это было чрезвычайно важно, потому что герцогъ Фердинандъ могъ выжидать событій цѣлые годы, благодаря своей безхарактерности и чрезмѣрной осторожности. Ему хотѣлось лишь тайкомъ разыгрывать роль усерднаго патріота. Онъ оглядывался во всѣ стороны, опасаясь огласки и печальной перспективы остаться въ одиночествѣ, и напрасно Фридрихъ звалъ его въ Потсдамъ черезъ разныхъ генераловъ и другихъ своихъ агентовъ. Майнцскій владыка доказалъ Фердинанду своимъ поступкомъ, что лига будетъ могущественна — и 28 октября герцогъ приступилъ къ ней, а вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ Потсдамъ, гдѣ уже

---

1) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ $^{12}/_{23}$ августа, 21 и 28 ноября (2 и 9 декабря), $^{12}/_{23}$ декабря 1785 года.—*Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ ноября 1785 года.—*Ranke*, I, 364.

давно не показывался. Фердинандъ подписалъ не только «секретную», но и «секретнѣйшую» статью. Впрочемъ, какъ ни просилъ его Фридрихъ отдать свои войска Пруссіи на жалованье, герцогъ не согласился, и вообще онъ все ссылался на Ганноверъ, да требовалъ, чтобы лига не имѣла вида «орудія Пруссіи». Такимъ образомъ, этотъ патріотъ ясно давалъ понять, что вовлекается въ союзъ князей лишь въ силу обстоятельствъ [1]).

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{10}/_{21}$ ноября 1785 года.—*Schmidt*, I, 355, 367 sq.—*Dohm*, III, 100.

ГЛАВА XX.

Послѣдніе успѣхи союза князей.

Вскорѣ по стопамъ майнцскаго владыки пошелъ другой патріотъ, старый особнякъ, маркграфъ баденскій. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ Румянцовымъ, который, послѣ погони за майнцскимъ владыкой во время водяного сезона, продолжалъ свои разъѣзды съ майскимъ циркуляромъ Екатерины. Онъ посѣтилъ духовныхъ князей, причемъ вынесъ мало утѣшительныхъ впечатлѣній. Курфюрста трирскаго онъ не засталъ дома и вручилъ его министру, барону Доминику, ноту, разъясняющую майскій циркуляръ. Ему отвѣчали весьма дипломатично, что «никогда не придавали слухамъ насчетъ императорскихъ дворовъ другого значенія, кромѣ того, котораго они заслуживаютъ». Румянцовъ успѣлъ развѣдать, что прусская интрига работала въ Кобленцѣ энергично: именно тогда Фридрихъ едва не свергнулъ барона Доминика, не особенно склоннаго къ Потсдаму. Во всякомъ случаѣ, если лига не имѣла успѣха въ Трирѣ, за то тутъ не было замѣтно симпатій къ Вѣнѣ [1]).

Это настроеніе еще яснѣе обнаружилось въ Боннѣ. Причина тому была на лицо: архіепископомъ кёльнскимъ былъ, съ августа 1784 года, младшій сынъ Маріи-Терезіи, Максимиліанъ. Это былъ необыкновенный владыка, по своему возрасту: ему не было тогда и тридцати лѣтъ. До своего избранія въ кёльнскіе коадъюторы, Максимиліанъ не отступалъ отъ типа принцевъ, хотя и числился главой нѣмецкаго ордена. Это былъ статный, красивый

---

[1]) *Домъ* (III, 104) такимъ образомъ опровергаетъ повсюду разнесшійся тогда слухъ о томъ, что курфюрстъ трирскій отказался отъ лиги, не видя опасности для имперской конституціи: „въ Берлинѣ знали, что хотя владыка сильно осуждаетъ насилія Іосифа, особенно относительно церковныхъ правъ епископовъ, однако у него не хватитъ духа пристать къ лигѣ; поэтому его никогда и не приглашали“.

и пріятный юноша, дорожившій успѣхами въ дамскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе веселый, что онъ, какъ воспитанникъ Іосифа II, не стѣснялся габсбургскими преданіями. Чувствуя въ себѣ «просвѣтительную» жилку, онъ подсмѣивался надъ стариной и, вмѣсто католическихъ мессъ, усердно музыканилъ въ сообществѣ съ Моцартомъ. Сдѣлавшись коадъюторомъ, Максимиліанъ продолжалъ жить въ Мергентгеймѣ, резиденціи нѣмецкаго ордена, часто навѣдываясь въ Вѣну; но жизнь его приняла нѣсколько иной оттѣнокъ. Онъ сталъ заботиться о католическихъ обрядахъ и внѣшнихъ приличіяхъ, сдѣлался спокойнѣе, скромнѣе, а на взглядъ желчнаго Моцарта—даже тупѣе. Великій композиторъ писалъ о немъ въ 1781 году: «кому Господь даетъ должность, того снабжаетъ Онъ и разсудкомъ. Такъ случилось и съ эрцгерцогомъ. Пока онъ не былъ попомъ (Pfaffe), онъ былъ остроумнѣе, разумнѣе и говорилъ меньше, но умнѣе. Взгляните-ка на него теперь! Глупость написана у него на лицѣ. Онъ толкуетъ и болтаетъ безъ конца, какъ вѣчность, и все фальцетомъ. У него разжирѣвшая шея. Словомъ, весь господинъ словно сталъ совсѣмъ другой» [1]). Въ то же время братъ Максимиміана, Леопольдъ тосканскій, писалъ о немъ своей сестрѣ, Маріи-Христинѣ: «онъ очень покоенъ, очень здоровъ и пожирѣлъ, всегда въ отличномъ расположеніи духа и все принимаетъ съ удивительнымъ равнодушіемъ» [2]).

Но, ставъ архіепископомъ кёльнскимъ, Максимиліанъ снова оживился. Хотя онъ по внѣшности старался походить на владыку, однако это не мѣшало ему быть сыномъ своей эпохи. Нерѣдко онъ слушалъ обѣдню, сидя на бѣломъ жеребцѣ подъ окнами собора, или же остановившись у паперти въ открытомъ экипажѣ четверней, которою самъ правилъ. Іосифъ радовался, что въ немъ не было и слѣда «ханжества» и что онъ даже ходилъ въ театръ [3]). Чтобы не уронить своего габсбургскаго происхожденія, Максимиліанъ завелъ невиданную пышность въ Боннѣ. Его придворный штатъ состоялъ изъ кучи феодальныхъ должностей Obrist-Hofmeister, — Obrist-Kämmerer, — Obrist-Marschall, — Obrist-Stallmeister-Stab, — Obrist-Jägermeister, — Hof-Bau-Amt. Затѣмъ шла многочисленная придворная музыка, лейбгвардейцы, садовники. При одной «коммиссіи придворной экономіи» состояло восемь кандитеровъ со множествомъ помощниковъ. Далѣе

[1]) *Perthes:* Politische Zustände und Personen. I, 167.

[2]) *Leopold II und Marie-Christine.* Ihr Briefwechsel, hrsg. von Ad. *Wolf,* p. 8.

[3]) *Joseph II und Leopold,* I, 305.

слѣдовалъ цѣлый рядъ многоглавыхъ учрежденій: курфюршеская тайная государственная канцелярія, тайный совѣтъ, высшій аппеляціонный судъ, надворный совѣтъ, свѣтскій и духовный придворные суды, придворное казначейство, генералитетъ, военный совѣтъ и масса низшихъ должностей. Этой блестящей обстановкѣ соотвѣтствовали пышные пиры и обѣды у владыки, соединенные съ пристрастіемъ къ прекрасному полу, которое никогда не покидало его. Оживленіе Максимиліана еще болѣе сказывалось въ его политическомъ поведеніи. Онъ старался развивать дѣло первыхъ лѣтъ правленія своего предшественника (гл. V) и утвердить въ Кёльнѣ направленіе, господствовавшее у его брата въ Вѣнѣ. Разсадникъ «просвѣщенія», боннскій университетъ, получилъ новыя права и безпокойныхъ профессоровъ, а гнѣздо католической реакціи, кёльнскій университетъ, подвергся преслѣдованіямъ. Задачею новой науки, а также боннскихъ сочиненій и журналовъ, покровительствуемыхъ владыкой, были рѣзкія выходки противъ папства и монашества и даже глумленіе надъ внѣшностью католицизма, которое у студентовъ доходило иногда до шумныхъ скандаловъ. Самъ Максимиліанъ открыто и не безъ аффектаціи воевалъ съ притязаніями римской куріи. Онъ не давалъ аудіенціи нунцію, пока тотъ не отказался отъ своей судебной власти и другихъ правъ. Вскорѣ онъ даже очутился на эмскомъ конгрессѣ и подписалъ его постановленія противъ папства. Въ то же время владыка горячо возставалъ у себя дома противъ всеобщей спячки, взяточничества и средневѣковыхъ предразсудковъ. Онъ выбиралъ въ чиновники способныхъ людей изъ низшихъ классовъ: дворяне роптали на него за это, а онъ зло насмѣхался надъ ихъ спѣсью. Максимиліанъ старался превратить тюрьмы въ исправительные пріюты и смягчилъ наказанія. Даже финансы были у него въ порядкѣ, несмотря на пышность двора: дѣятельный и зоркій владыка самъ слѣдилъ за всѣмъ, и его главный министръ, баронъ Вальденфельсъ, не смѣлъ сдѣлать шагу безъ его вѣдома. Максимиліанъ самъ читалъ многія судебныя дѣла и изумлялъ чиновниковъ своими ловкими замѣтками на поляхъ. Онъ вмѣшивался во все, указывалъ даже, какъ рыть могилы, цѣдить вино въ кабакахъ, слѣдилъ за трубочистами и носильщиками порт-шезовъ.

Внѣшняя политика Максимиліана не требуетъ объясненій. Ему нечего было бояться честолюбивыхъ замысловъ своего брата, императора, и потому у него не было основного повода приступить къ лигѣ Фридриха. По словамъ Румянцова, онъ осуждалъ Іосифа только за его «скоропостижность» или излишнюю горяч-

ность, да за союзъ съ Франціей, которая была, въ его глазахъ, «поджигательницей смутъ въ Германіи»: иначе, конечно, и не могъ думать нѣмецкій курфюрстъ, владѣнія котораго соприкасались съ французской границей [1]). Оттого-то Максимиліанъ наотрѣзъ отказался отъ союза князей, и напрасно Домъ говоритъ въ утѣшеніе пруссакамъ, что владыка лично заявилъ ему свое сочувствіе лигѣ въ принципѣ: это была лишь дипломатическая фраза. Къ тому же, Домъ прибавляетъ: «онъ опасался только возможнаго злоупотребленія (möglichen Misbrauch) союзомъ, особенно при наслѣдникѣ Фридриха» [2]). Гораздо важнѣе привѣтливый пріемъ, встрѣченный Румянцовымъ въ Боннѣ, въ описываемое время. Владыка наговорилъ ему кучу любезностей насчетъ «славы, мощи и полезнаго для Германіи вліянія» Екатерины, и выказывалъ ему много вниманія и довѣрія при разныхъ свиданіяхъ [3]).

Посѣщая духовныхъ курфюрстовъ, Румянцовъ не забывалъ и епископовъ. Ихъ значеніе для лиги видно изъ того, что Фридрихъ послалъ приглашеніе ко всѣмъ имъ, «не исключая и тѣхъ, отъ которыхъ нечего было ожидать». Онъ постоянно справлялся о нихъ у своихъ министровъ. Бёмеру, Штейну и другимъ, случайнымъ, агентамъ поручено было развѣдывать вездѣ—въ Вюрцбургѣ и Бамбергѣ, въ Падерборнѣ и Гильдесгеймѣ, въ Фульдѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ и Эйхштедтѣ, въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Впрочемъ, Фридрихъ не обольщалъ себя неумѣстными надеждами, и его предчувствія оправдались. Онъ получилъ отказъ даже отъ Франца-Эгона Фюрстенберга, епископа гильдесгеймскаго и падерборнскаго, извѣстнаго своею враждебностью императору, а онъ еще удостоивалъ его собственноручныхъ писемъ! Къ свирѣпому Августу шпейерскому не было приступа, и Фридрихъ затѣялъ уже заручиться его преемникомъ, устроивъ подъ своимъ вліяніемъ выборы его коадъютора [4]). Въ Потсдамѣ могли еще надѣяться овладѣть самымъ важнымъ изъ епископовъ, по своему нравственному вліянію, Францомъ-Лудвигомъ вюрцбургскимъ. На него могъ подѣйствовать братъ, майнцскій владыка; да и самъ

---

[1]) Если Максимиліанъ, соблюдая свои выгоды, заключилъ союзъ съ Голландіей, то вслѣдъ затѣмъ онъ явился въ Вѣнѣ, и Іосифъ остался очень доволенъ имъ. *Joseph II und Leopold*, I, 237, 245, 305, 313; II, 143.

[2]) *Dohm*, III, 104.

[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 8/19 августа 1785 года.

[4]) *Румянцовъ Остерману* отъ 19/30 мая 1786 года: „король прусскій писалъ самъ къ епископу гильдесгеймскому, чтобы онъ старался склонить епископа шпейерскаго нарещи себѣ коадъюторомъ надежную особу, представляя, что пора умалить въ Германіи инфлюенцію австрійскаго дома, которой яко бы готовится умножить оную, доставляя дѣтямъ эрцгерцога тосканскаго лучшую часть“.

онъ не скрывалъ своего «огорченія на императора», какъ за его насильственные поступки съ духовенствомъ, такъ и за его церковную ломку. Но и здѣсь ошиблись. Францъ-Лудвигъ нисколько не сочувствовалъ берлинскимъ интригамъ и осуждалъ брата за шагъ, который казался ему перемѣной австрійскаго ига на прусское. Оттого онъ держалъ себя весьма строго съ Бёмеромъ и хорошо принималъ сначала Траутмансдорфа, потомъ Румянцова. Въ описываемое время нашъ посланникъ нашелъ его «страдающимъ отъ противорѣчія». Съ одной стороны, онъ никакъ не могъ уничтожить «огорченія» владыки противъ Іосифа; съ другой— онъ убѣдился, что здѣсь не примутъ «озлобительныхъ противъ главы имперіи мѣръ». А къ нашему двору суровый владыка выразилъ неподдѣльное сочувствіе. Онъ обласкалъ Румянцова и много бесѣдовалъ съ нимъ по-дружески. Румянцовъ доносилъ Екатеринѣ: «выслушавъ съ удовольствіемъ сказанное мною (по поводу майскаго циркуляра), онъ поручилъ мнѣ именно повергнуть его къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества и донести, что онъ, почитая данное нынѣ вашимъ величествомъ имперіи и чинамъ обнадеживаніе плодомъ благотворительнаго вашего величества къ германской имперіи расположенія, яко чинъ оной не можетъ довольно изъявить той благодарности и того почтенія, которыми преисполненъ». Румянцовъ уѣхалъ изъ Вюрцбурга вполнѣ довольный, что видно изъ его смѣлой фразы: «я открылъ глаза епископу противъ хитрости недруговъ вѣнскаго двора и охранилъ его отъ каверзей ихъ». Напрасны были всѣ усилія Фридриха въ Вюрцбургѣ и даже извѣщеніе въ газетахъ о приступленіи владыки къ лигѣ. Осенью 1785 года мы уже опять застаемъ Румянцова въ Вюрцбургѣ въ дружеской бесѣдѣ съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Нашъ посланникъ воспользовался высказаннымъ владыкой недовѣріемъ къ Потсдаму. Онъ напомнилъ ему начало войны за австрійское наслѣдство, когда «французскій маршалъ Белиль вѣнчалъ Карла VII императорской короной». Въ то достопамятное время Фридрихъ II предложилъ тайкомъ устроить «вотчину новому императору изъ главныхъ духовныхъ государствъ, которыя должны были секуляризовать для этого». «Не въ союзѣ ли съ государемъ, породившимъ такой проектъ — спросилъ Румянцовъ хозяина — найдете вы вѣрную опору и конституціи, и религіи? И почему, судя императора со строгостью св. Амвросія, вы такъ равнодушны къ безвѣрію (irreligion) прусскаго короля?» При разставаньи этотъ владыка-анахоретъ все просилъ Румянцова поскорѣе снова навѣстить его [1]).

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{3}/_{14}$ октября 1785 года.

Отношенія епископовъ къ союзу князей объясняются, прежде всего, ихъ политическимъ ничтожествомъ. Опасаясь могущества императора, поставленные между трехъ сильныхъ вліяній со стороны Вѣны, Берлина и Версаля, владыки не смѣли сдѣлать никакого рѣшительнаго шага, чтобы не потерять остатка своей власти. Особенно отличались такимъ настроеніемъ ихъ всемогущіе капитулы. Обыкновенно прусскіе агенты наталкивались на то, чтó произошло съ ними въ Эйхштедтѣ. Здѣсь владыка отвѣчалъ Бёмеру, что необходимо посовѣтоваться съ капитуломъ. Напрасно тотъ доказывалъ, что можно обойтись безъ этого: епископъ собралъ своихъ канониковъ, которые отвергли прусское предложеніе, такъ какъ «ясно видится, что ассоціація составлена вопреки главѣ имперіи». Такимъ образомъ, къ союзу князей присталъ одинъ только епископъ — оснабрюкскій, Фридрихъ герцогъ іоркскій, да и то лишь 27 декабря, то-есть мѣсяцъ спустя послѣ такого ненадежнаго фюрста, какъ ландграфъ кассельскій. Но за то онъ подписалъ и «секретную,» и даже «секретнѣйшую» статью [1]).

Среди свѣтскихъ фюрстовъ дѣло Фридриха II шло успѣшнѣе. Когда Румянцовъ прибылъ въ Карлсруэ, въ самомъ концѣ сезона 1785 г., онъ тотчасъ же увидѣлъ, что Баденъ уже потерянъ для императорскихъ дворовъ: ему прямо намекнули, чтобы онъ поскорѣе уѣзжалъ. Недаромъ въ Потсдамѣ всегда считали маркграфа Карла-Фридриха довольно надежнымъ. Онъ постоянно поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ патріотическимъ тріумвиратомъ, который наѣзжалъ къ нему отъ времени до времени, и съ Карлсбергомъ. При первомъ извѣстіи о лигѣ трехъ курфюрстовъ онъ обнаружилъ желаніе пристать къ ней. Вскорѣ въ Карлсруэ пріѣхалъ ганноверскій министръ Кнебель, который долго не отлучался оттуда, выжидая развязки. Дѣло настолько касалось всей будущности Бадена, что и здѣсь не обошлось безъ колебаній передъ рѣшительнымъ шагомъ. Въ самомъ семействѣ маркграфа былъ нѣкоторый разладъ, искренній или разсчитанный. И здѣсь молодой дворъ велъ свою особенную политику. Наслѣдная принцесса Амалія, которая состояла одно время при петербургскомъ дворѣ вмѣстѣ съ своей матерью [2]), была поклонницей Екатерины, а она имѣла «явный надъ супругомъ кредитъ». Амалія «превозносила мудрость и всегдашнюю искрен-

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 8/19 августа 1785 г.— *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12/23 августа и 21 ноября (2-го декабря) 1785 года.—*Schmidt*, I, 355, 366, 370.

[2]) Амалія была дармштадтская принцесса, сестра первой супруги Павла Петровича. Дочь ея и Карла-Лудвига баденъ-дурлахскаго была Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I.

ность императрицы въ монаршихъ поступкахъ.» Она доказывала, что для баденскихъ, точно также какъ и для всѣхъ имперскихъ чиновъ, «нѣтъ пристанища вѣрнѣйшаго и пристойнѣйшаго, какъ всевысочайшая покровъ» Екатерины. Въ совѣтѣ маркграфа также была партія, которая указывала на серьёзную опасность со стороны сосѣдей: Баденъ былъ окруженъ Франціей, Вюртембергомъ и Дармштадтомъ—все врагами Пруссіи. Но прусская партія ласкала Фридриха-Карла надеждой пріобрѣсти, съ помощью лиги, Брейзгау, принадлежавшій Австріи. Она даже твердила ему, будто «союзники намѣрены имѣть на берегахъ Рейна армію для защищенія своихъ въ томъ краю друзей». Эта партія была гораздо сильнѣе императорской, и самъ маркграфъ стоялъ во главѣ ея [1]).

Понятно, что Румянцовъ встрѣтилъ въ Карлсруэ такой недружелюбный пріемъ. Но этого человѣка трудно было смутить. Вотъ какъ онъ доносилъ своей государынѣ о своихъ «подвигахъ» здѣсь въ началѣ октября. «Мнѣ намекаютъ насчетъ отъѣзда. Я молчу—и получаю аудіенцію. На мою рѣчь о циркулярѣ вашего величества маркграфъ отвѣчалъ весьма краткимъ и довольно натянутымъ комплиментомъ.... Затѣмъ гофмаршалъ снова намекаетъ на отъѣздъ. Я опять будто не понимаю и молчу. Тогда онъ прямо проситъ удалиться, такъ какъ маркграфъ ѣдетъ по своему государству и потому отказалъ въ свиданіи французскому министру. Но я опровергъ этотъ доводъ. Наконецъ, узнаю истинную причину. Именно, два дня спустя, при дворѣ появился Кнёбель: онъ прибылъ днемъ позже меня, и его скрывали два дня, надѣясь на мой отъѣздъ. Затѣмъ явился еще князь дессаускій—тотъ самый, который еще по поводу Крыма полагалъ первыя основанія лиги въ Германіи. Тутъ все мнѣ стало ясно. Пробывъ восемь дней въ Карлсруэ, я потребовалъ прощальной аудіенціи. Спрашиваютъ, о чемъ хочу говорить? Отвѣчаю: «о томъ, чтобы не осталось недоразумѣній (de ne pas laisser de louche) насчетъ дѣйствія циркуляра ея величества». На аудіенціи маркграфъ долго распространялся насчетъ своего уваженія и признательности къ вашему величеству. Я схватился за это и спросилъ, не могу ли еще донести, что, разувѣренный вашимъ величествомъ, онъ не станетъ слушать никакого противнаго внушенія? Маркграфъ замѣтно взволновался и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ и смущеніемъ (avec embarras et gaucherie): «не зная,

---

1) *Румянцовъ Остерману*, отъ 5/16 и 23 сентября (4 октября) 1785 года. — *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 3/14 октября 1785 года.

что хотятъ предложить мнѣ, я не могу заранѣе отвѣчать, что отвергну предложеніе.... Но я привязанъ къ императрицѣ». При этомъ онъ все лепеталъ (balbutioit toujours): «никогда не сдѣлаю ничего, противнаго конституціи!» Тутъ-то я сказалъ: «Государь! И не нарушая германской конституціи, ваше высочество можете сдѣлать непріятность императрицѣ, принявъ какое-либо обязательство, которое явно свидѣтельствовало бы о недовѣріи къ императорскимъ дворамъ—и это въ ту минуту, когда ея величество, изъ благорасположенія къ германской имперіи, соизволила рѣшиться на благородный и великодушный поступокъ, дабы успокоить князей и чины относительно тревожныхъ слуховъ, разсѣеваемыхъ среди нихъ [1])». Маркграфъ, взволнованный до несвойственнаго ему заиканія (au point de bégayer), отвѣчалъ: «въ эту минуту я еще не могу принять никакого обязательства относительно васъ». «Я и не предлагаю его,—возразилъ я:—ея величество не требуетъ его; она приказала мнѣ только разувѣрить ваше высочество и доложить ей о результатѣ моего порученія».

Румянцовъ долженъ былъ сознаться, послѣ такой аудіенціи, что въ Карлсруэ дѣло императорскихъ дворовъ было уже проиграно. Ему казалось только, что виной всему было ганноверское министерство, представитель котораго, Кнёбель, даже не сдѣлалъ ему визита. При отъѣздѣ, огорченіе Румянцова было нѣсколько смягчено лишь особеннымъ вниманіемъ молодого двора. «Наслѣдный принцъ,—доносилъ онъ Екатеринѣ,—осыпалъ меня любезностями и нѣсколько разъ повторялъ мнѣ сію замѣчательную фразу: «видите, я тутъ вовсе не хозяинъ: иначе вы остались бы болѣе довольны вашимъ пребываніемъ здѣсь» [2]).

21 ноября Фридрихъ-Карлъ баденскій приступилъ къ лигѣ. Впрочемъ, онъ подписалъ только «корпусъ» договора: секретная статья была принята имъ лишь 8-го мая 1786 года. Случилось такъ, что министры донесли Фридриху II разомъ и объ этомъ событіи, и о состоявшемся тогда подписаніи Эрнстомъ готскимъ

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ $^{3}/_{14}$ октября 1785 года: „Sans blesser, Monseigneur, la constitution d'Allemagne votre Altesse peut deplaire à L'Impératrice en prenant quelque engagement qui prouva (sic) visiblement quelque méfiance des deux Cours Impériales au moment même où par bonté pour l'Empire Germanique il a plû à Sa Majesté de me prescrire une demarche noble et généreuse, afin de rassurer les Princes et Etats sur les alarmes, que L'on cherche à répandre parmi eux."

[2]) „On voit bien, que je ne suis pas le Maitre ici, car Vous seriés plus satisfait de Votre séjour."

секретной и секретнѣйшей статьи. Это сопоставленіе именъ двухъ ничтожныхъ фюрстовъ вызвало въ старомъ Фрицѣ саркастическое настроеніе, которое было такъ свойственно ему: «о, Господи!—отвѣчалъ онъ своимъ министрамъ:—какой мнѣ праздникъ сегодня—готскій и баденскій присоединились! Впрочемъ, это все-таки лучше, чѣмъ ничего. Но посмотримъ, что скажетъ гессенскій!» [1]).

Фридрихъ II, ландграфъ гессенъ-кассельскій, занималъ Фридриха прусскаго больше всѣхъ, послѣ майнцскаго владыки. Король чуть не каждый день тревожно справлялся у своихъ министровъ всегда разомъ объ этихъ двухъ фюрстахъ. Хотя онъ надѣялся на могущественное вліяніе англійскихъ гиней при ганаускомъ дворѣ, однако, послѣ неудачной поѣздки туда Гёрца (гл. XVI), дѣло становилось весьма сомнительнымъ. Къ тому же, здѣсь особенно энергически работали враги Пруссіи. Весной Румянцовъ даже ослушался своей государыни, горя нетерпѣніемъ побывать въ Ганау тотчасъ послѣ Гёрца. Лѣтомъ туда пріѣзжалъ Траутмансдорфъ, и ландграфъ «положительно», но словесно, заявилъ ему, что не вступитъ въ лигу [2]).

Вслѣдъ за нимъ, снова прискакалъ Румянцовъ, пользуясь майскимъ циркуляромъ Екатерины. Онъ остался доволенъ. Министры, Витторфъ и Шлиффенъ, выказали столько довѣрія къ нему, что даже показали бумаги, раскрывавшія происки Гёрца. Самъ ландграфъ заговорилъ съ нимъ, на прощальной аудіенціи, съ небывалой откровенностью и теплотой. Онъ заявилъ, что считаетъ распространеніе дурныхъ слуховъ объ императорскихъ дворахъ «непристойнымъ и неосновательнымъ поступкомъ». Онъ тѣмъ менѣе склонялся къ разнымъ предложеніямъ голландской республики и берлинскаго двора, что, «будучи почитатель великихъ монаршихъ дѣлъ императрицы, остерегается всего, что пресловитъ ея видамъ». Затѣмъ ландграфъ сказалъ: «конечно, вамъ не безъизвѣстно, сколь алчно я желаю пріобрѣсти себѣ и дому своему курфюрстское достоинство, но когда я о достиженіи онаго стараюсь, слухъ носится, что ваша государыня обѣщала доставить оное герцогу вюртемберскому. Я не дерзаю идти вопреки ея волѣ, но прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ ея императорскаго величества и донести, что, познавая ясно, что безъ воли ея ничего въ Европѣ важнаго не чинится, я самъ къ покровительству ея прибѣгаю, прося сравнить меня съ по-

---

1) *Schmidt*, I, 370.

2) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

минутымъ герцогомъ. Пускай мы оба возведены будемъ въ сіе достоинство ея милостивымъ объ насъ попеченіемъ.... За воздаяніе благодарности вы можете ручаться, и когда произойдетъ дѣло о избраніи римскаго короля, то въ пользу августѣйшаго дома прибавится два голоса».

Румянцовъ прибавляетъ въ своемъ докладѣ Екатеринѣ: «Сію рѣчь, коея изображенія я здѣсь поослабилъ, говорилъ онъ съ особливымъ чувствомъ и почтеніемъ, повторяя неоднократно, что самъ предастъ въ руки вашего императорскаго величества способъ ощастливить его или лишить всякой надежды». Нашъ посланникъ отвѣчалъ: «Всякое затрудненіе, могущее оказаться при вознесеніи двухъ въ курфюршеское достоинство, родится, конечно, отъ единыхъ только чиновъ имперіи. Ея величество готова, при всякомъ случаѣ, дарить свое покровительство гессенскому дому, когда онъ поступкомъ своимъ самъ къ тому путь не пресѣчетъ». Ландграфъ, «еще расплодивъ рѣчь, навелъ ее опять на творящіяся въ Германіи каверзы и, виновникомъ оныхъ ставя барона Герцберга, осуждаетъ запальчивость его и извѣстиую на австрійскій домъ злобу». Румянцовъ похвалилъ его за осторожность относительно Берлина, но прибавилъ: «вамъ остается употребить такую же осторожность отъ ганноверскаго кабинета, дабы оный не вовлекъ васъ во что-либо противъ вашей воли». Ландграфъ воскликнулъ: «Нѣтъ! Я выжду образованія союзовъ» [1]).

Послѣдняя фраза отравляла пріятное впечатлѣніе, вынесенное Румянцовымъ изъ этого посѣщенія Ганау. Фридрихъ кассельскій выжидалъ—слѣдовательно колебался. А между тѣмъ прусскій король усиленно дѣйствовалъ на него то прельщеніями, то угрозами; курфюрстъ же ганноверскій намекалъ ему на «нѣкоторыя, еще недоплаченныя субсидіи». Нужно было и врагамъ лиги придумать самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы хоть «удержать въ неподвижности» (retenir immobile) ганаускій дворъ. Румянцовъ, съ свойственной ему поспѣшностью, изобрѣталъ теперь много смѣлыхъ проектовъ, въ родѣ женитьбы вдоваго епископа любекскаго на дочери графа ганаускаго. Между прочимъ, такъ какъ «курфюршеская шапка» уже была обѣщана Карлу вюртембергскому, и нельзя же было выкроить двѣ шапки изъ одной, то онъ припомнилъ давнюю мечту графа о польской коронѣ [2]). «Ландграфъ—внушалъ онъ Остерману—на 11 лѣтъ старше нынѣшняго польскаго короля, а его сынъ—горячій лютеранинъ: мнѣ

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 4/15 іюля 1785 года.

[2]) Любопытныя свѣдѣнія объ этой мечтѣ см. у *Ассебурга*, 361 sq.

кажется, нѣтъ препятствій воскресить въ ландграфѣ старое желаніе, и пусть эта корона издали сверкаетъ передъ его глазами [1]). Но больше всего Румянцовъ настаивалъ на томъ, чтобы поспѣшили съ орденомъ св. Екатерины для ландграфини. Это «доказало бы всей Германіи, что кассельскій дворъ изъ тѣхъ, которые добиваются покровительства и милостей русскаго двора» [2]). Тогда потеряла бы силу и извѣстная манера короля прусскаго разглашать, будто вся Германія возстала противъ императорскихъ дворовъ, въ особенности же Ганноверъ, Саксонія и *Кассель*.

Но изъ Петербурга не было отвѣта, а въ Вѣнѣ лучше бы ужъ молчали. Кауницъ окончательно «затруднялъ стараніе» Румянцова въ Ганау. Онъ какъ будто задался цѣлью изъ пустяковъ раздражить кассельскаго наслѣдника въ самое горячее время и наканунѣ его вступленія на престолъ. Несмотря на то, что Румянцовъ писалъ ему изъ Ганау о серьёзномъ негодованіи Вильгельма IX по поводу злополучной пенсіи Галла (гл. XV), Кауницъ не хотѣлъ уступить. Мало того. Онъ прислалъ еще болѣе суровую бумагу, въ которой говорилось, что, въ виду новаго курфюршества, «гессенскій домъ не можетъ обойтись, чтобъ не искать благоволенія императорскаго: иначе онъ не отрекся бы прилѣпиться къ берлинскому двору» [3]). Послѣ этого понятно, что Бёмеръ, прибывшій въ Ганау въ концѣ августа, имѣлъ гораздо больше успѣха, чѣмъ Гёрцъ. Какъ только онъ уѣхалъ, Фридрихъ II кассельскій написалъ письмо Фридриху II прусскому: онъ заявилъ, что считаетъ «унію самою благопріятною эпохой», когда прусскій король можетъ исполнить свое обѣщаніе — даровать ему курфюршескій чинъ. Король отвѣчалъ тотчасъ же; но такъ какъ исполненіе просьбы ландграфа «не отъ него зависѣло, да и противорѣчило имперскимъ законамъ», то его письмо вышло

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года: „faire renaitre ce désir en Lui et faire briller dans l'eloignement cette Couronne à ses yeux“.—*Румянцовъ Остерману*, отъ $^{2}/_{13}$ декабря 1875 года.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{4}/_{15}$ іюля 1785 года: „l'effet seroit d'avertir par la toute l'Allemagne, que la Cour de Cassel est au nombre de celles, qui recherchent la protection et les faveurs de la Cour de Russie“.

[3]) *Голицынъ Румянцову*, отъ 23 сентября (4 октября) 1785 года. — Румянцовъ прямо приписываетъ перемѣну политики графа ганаускаго дѣлу о пенсіи Галла: *Румянцовъ Голицыну*, отъ $^{9}/_{20}$ ноября 1785 года. То же говорилъ самъ Вильгельмъ IX. Въ февралѣ 1786 года Румянцовъ доносилъ Остерману: „ландграфъ сказалъ своей женѣ, что вовсе не думалъ пристать къ лигѣ, но раздраженный императоромъ за его поведеніе въ процессѣ Галла, быстро вступилъ въ сдѣлку съ Ганноверомъ, чтобы долгъ былъ платежомъ красенъ“.

лишь «тѣнью надежды» и «виляньемъ», какъ самъ онъ сказалъ своимъ министрамъ [1]).

Въ то же время и главная надежда Румянцова, графъ ганаускій, началъ вести себя такъ, что наши друзья (Витторфъ) тайкомъ вызвали Румянцова въ Ганау. Оказалось, что относительно Россіи здѣсь «твердо пребывали въ сентиментахъ», поддерживаемыхъ Румянцовымъ; но Австрія совсѣмъ проигрывала своѐ дѣло. Графъ ганаускій выразилъ негодованіе на вѣнскій дворъ, и прямо сказалъ: «вслѣдствіе жестокихъ угрозъ императора, для меня выгоднѣе перекинуться въ противную партію». Когда Румянцовъ извѣстилъ объ этомъ Кауница, тотъ просилъ его «ослабить огорченіе» Вильгельма. Румянцовъ снова поскакалъ въ Ганау, но графъ слушалъ его равнодушно и принялъ небрежно. Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ кассельскій умеръ—и ландграфомъ сталъ негодующій на Іосифа Вильгельмъ IX. Румянцовъ поспѣшилъ поздравить его письмомъ, въ которомъ былъ политическій намекъ: ему отвѣчали «учтиво» и—ни слова о политикѣ. Румянцовъ понялъ, что это «предвѣщаніе худыхъ сего принца склонностей къ интересамъ императорскихъ дворовъ». Тогда въ Ганау уже появился Гофенфельсъ, а на Вильгельмѣ блеснулъ прусскій орденъ его отца. Въ Потсдамъ поскакалъ курьеръ съ письмомъ новаго ландграфа, и онъ привезъ самый любезный отвѣтъ. Затѣмъ пріѣхалъ Бёмеръ поздравить Вильгельма со вступленіемъ на престолъ; а кронпринцъ прислалъ письмо, въ которомъ говорилось не только о курфюршеской шапкѣ, но даже и о «коронѣ римскаго короля».

30-го ноября ландграфъ подписалъ «корпусъ» союзнаго договора: секретную же статью онъ принялъ лишь 30-го января, а секретнѣйшую—18-го февраля 1786 года [2]). Но какъ ни добивался Фридрихъ взять кассельскія войска къ себѣ на жалованье, онъ получилъ рѣшительный отказъ. Ему прямо отвѣчали, что не хотятъ ослаблять свои силы, подчиняя свои войска чужому произволу, который можетъ употребить ихъ и на цѣли, не касающіяся лиги. Мало того. Ландграфъ выговорилъ, что, въ случаѣ войны, гессенскія войска должны соединяться съ арміями Ганновера и другихъ союзниковъ, но отнюдь не сливаться съ

---

[1]) Письма обоихъ Фридриховъ и рескрипты прусскаго короля своему министерству по этому поводу, у *Шмидта*, I, 361—364.

[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 9/20 сентября и 30-го сентября (11-го октября) 1785 года.—*Румянцовъ Остерману* отъ 24 октября (4 ноября), 11/22 и 19/30 ноября 1785 года. *Румянцовъ Голицыну*, отъ 9/20 сентября и 9/20 ноября 1785 г.—*Schmidt* I, 368 sq.

прусскими войсками. Шлиффенъ пытался даже уговорить Фердинанда браунвейгскаго принять начальство надъ союзною арміей, но тотъ отказался, ссылаясь на свою старость [1]).

Вообще, съ той поры Вильгельмъ, какъ-бы испугавшись своего рѣшительнаго шага, началъ обнаруживать желаніе возвратиться къ прежней политикѣ. Онъ хорошо принялъ Траутмансдорфа, явившагося къ нему съ поздравленіемъ, а Румянцова просилъ находиться постоянно при его дворѣ. На окружномъ съѣздѣ у майнцскаго владыки ландграфъ прямо отказался дѣйствовать противъ императора въ вопросѣ о продовольствіи его войскъ, вопреки увѣщаніямъ владѣтелей Майнца, Цвейбрюкена и даже Дармштадта [2]). Наконецъ, Вильгельмъ написалъ письмо Екатеринѣ, которое Румянцовъ считалъ важнымъ, ибо «сей принцъ отъ собственнаго убѣжденія писалъ, единственно для исповѣданія особливаго благоговѣнія своего къ императрицѣ и исканія ея покровительства» [3]). Екатерина вскорѣ отвѣчала Вильгельму увѣреніемъ, что «за удовольствіе почтетъ оказывать ему опыты своего благоволенія». А Остерманъ обнадежилъ Румянцова, что не забудутъ его совѣта на счетъ ордена св. Екатерины: только теперь, при вступленіи Вильгельма на престолъ, неловко сдѣлать это, ибо могли бы подумать, что императрица особенно заботится объ отвлеченіи Касселя отъ Пруссіи [4]). Вообще, ландграфъ старался внушить императорскимъ дворамъ, что онъ ненавидитъ Потсдамъ и тяготится лигой, къ которой присталъ ради Ганновера [5]). Пылкій Румянцовъ уже былъ убѣжденъ, въ началѣ 1786 года, что «малѣйшее оскорбленіе со стороны лиги прилѣпитъ его къ интересамъ императорскихъ дворовъ». Онъ даже рѣшился, безъ приказа изъ Петербурга, потребовать, чтобы ландграфъ «отсталъ отъ лиги». Въ отвѣтъ на это Витторфъ и Шлиффенъ были необыкновенно любезны, по два раза въ день навѣ-

---

1) *Dohm*, III, 95 sq.

2) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 ноября 1785 года.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 19/30 декабря 1785 года.

3) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 2/13 декабря 1785 года. Къ этой депешѣ было приложено письмо ландграфа, но оно вынуто.

4) *Остерманъ Румянцову*, отъ 29 декабря 1785 года. Копіи письма Екатерины къ Вильгельму нѣтъ.

5) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 20/31 января 1786 года: „Ландграфъ принялъ меня прекрасно и замѣтилъ, что хотя и сдѣлался онъ соучастникомъ извѣстнаго въ Германіи союза, но что соглашеніе его, будучи учинено съ единымъ только ганноверскимъ курфюрстомъ, далеко отстоять можетъ отъ видовъ прочихъ согласившихся принцевъ... Кажется, онъ отказомъ удалился отъ сдѣланнаго ему черезъ Бёмера предложенія заступить въ службѣ короля прусскаго мѣсто родителя своего".

щали заболѣвшаго тогда Румянцова и все твердили одно — что лишь «положеніе ихъ земель» принуждаетъ Кассель состоять въ лигѣ, въ угоду Ганноверу. Они заявили даже: «мы отказали королю прусскому въ домогательствѣ его и держимся единыхъ ганноверцевъ, которыхъ, можетъ быть, вы склоните отстать отъ неполезной имъ лиги». «Что же вы въ такомъ случаѣ сдѣлаете?» живо спросилъ Румянцовъ. Министры отвѣчали: «какъ скоро Ганноверъ отринетъ отъ лиги, то, конечно, рушится малая наша индиректная съ сею лигою связь». А самъ ландграфъ разсыпался въ любезностяхъ и благодарностяхъ Екатеринѣ [1]).

Ландграфъ кассельскій былъ послѣднимъ изъ значительныхъ фюрстовъ, присоединившихся къ лигѣ. Послѣ того Фридрихъ пріобрѣлъ еще лишь нѣсколькихъ самыхъ ничтожныхъ князей. Сюда относятся, кромѣ епископа оснабрюкскаго, о которомъ уже упомянуто выше, ангальтскіе фюрсты, маркграфъ аншпахскій и пфальцграфы биркенфельдскіе. Всѣ эти чины представляли для Фридриха мало интереса не только въ силу своего ничтожества, но еще потому, что въ нихъ не было сомнѣнія: если они не присоединились раньше всѣхъ, то только оттого, что, по замѣчанію Румянцова, въ Германіи слабые всегда слѣдуютъ за сильными.

За надежность ангальтскихъ фюрстовъ ручался уже членъ патріотическаго тріумвирата, Францъ дессаускій, который продолжалъ соперничать съ своими пріятелями въ патріотической ревности. Онъ даже ѣздилъ въ Англію, по слухамъ, былъ и во Франціи — все по поводу лиги, когда еще только велись переговоры о ней. «Благородный фюрстъ дессаускій—говоритъ Домъ— много потрудился, чтобы привлечь къ лигѣ остальныхъ князей ангальтскаго дома» [2]). Фридрихъ-Альбертъ ангальтъ-бернбургскій лично ненавидѣлъ Фридриха II и считалъ лигу незаконною. Незадолго передъ тѣмъ онъ писалъ Екатеринѣ и Румянцову письма, полныя восторженной преданности, по поводу желанія императрицы имѣть портретъ его дочери-невѣсты. Тутъ онъ даже сожалѣлъ, что живописецъ не въ силахъ схватить «оттѣнка, преобладающаго во всемъ выраженіи ея личности — именно глубокаго благоговѣнія, которое питаетъ она къ своей августѣйшей

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ январѣ 1786 года.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 5/16 февраля 1786 года.—Ср. *Dohm*, III, 96 sq.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 4/15 іюля 1785 года. Копія шифрованнаго письма *Румянцова* къ графу *Воронцову* въ Лондонъ, отъ 25-го ноября (6-го декабря) 1785 года.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 23-го января (3-го февраля) 1786 г.—*Dohm*., III, 91.

родственницѣ» [1]). Въ концѣ 1785 года, Фридрихъ-Альбертъ просилъ Екатерину письменно «ссудить ему цербстское наслѣдство», если ея братья умрутъ бездѣтными [2]). Оттого-то онъ не хотѣлъ участвовать въ тайныхъ переговорахъ съ прусскимъ кронпринцемъ по поводу лиги и отказался сопутствовать въ Англію своему родственнику, Францу дессаускому [3]). Карлъ-Георгъ ангальтъ-кетенскій, служившій въ началѣ своей карьеры въ Даніи, а въ концѣ—въ Австріи, въ описываемое время былъ прусскимъ кавалерійскимъ генералъ-маіоромъ: и тѣмъ не менѣе онъ объявилъ, что послѣдуетъ примѣру своего бернбургскаго родственника. Но оба они кончили тѣмъ, что пошли по стопамъ своего дессаускаго родственника. Всѣ три Ангальта пристали къ лигѣ въ 20-хъ числахъ декабря, но приняли одинъ «корпусъ» договора. Недоставало только четвертаго Ангальта—Цербста; но его даже и не приглашали, такъ какъ тамъ царствовалъ братъ Екатерины II, Фридрихъ-Августъ, притомъ одѣвавшій своихъ солдатъ въ австрійскіе мундиры.

Аншпахомъ и Байрѣтомъ владѣлъ племянникъ Фридриха II, Карлъ-Александръ. Въ 1791 году, онъ былъ принужденъ уступить свои земли Пруссіи и прожить остатокъ своихъ дней въ Англіи частнымъ человѣкомъ. Уже по этому можно понять чувства, которыя онъ питалъ къ Потсдаму. Румянцовъ постоянно расхваливалъ маркграфа въ своихъ донесеніяхъ, какъ «человѣка съ скромными замыслами, любящаго порядокъ и спокойствіе» и ненавидящаго своего дядю. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ его дружелюбіи къ императорскимъ дворамъ и даже желалъ, чтобы «всѣ государства имперіи держались его поведенія». Карлъ-Александръ постоянно по-дружески обходился съ Румянцовымъ и Траутмансдорфомъ, заявляя имъ и словесно, и даже письменно свою склонность къ императору. Когда Румянцовъ познакомилъ его съ майскимъ циркуляромъ Екатерины, онъ «крайне осуждалъ непристойность поднятаго шума». Въ его глазахъ «предложеніе о промѣнѣ отнюдь ничего страннаго и имперію оскорбляющаго въ себѣ не имѣетъ». Затѣмъ маркграфъ поспѣшно уѣхалъ въ

---

[1]) Эти письма, отъ 2 декабря 1784 года, приложены къ депешамъ Румянцова.

[2]) *Румянцовъ* доносилъ *Екатеринѣ*, отъ 26 декабря 1785 года, что находящійся на русской службѣ генералъ-поручикъ, принцъ Ангальтъ-Вернбургъ-Шаумбургскій вручилъ ему письмо отъ старшаго своего владѣтельнаго брата насчетъ Цербста. При этомъ любопытно, что ген.-поручикъ самъ осуждалъ поведеніе своего брата, который, „не имѣя никакого права къ столь знатному награжденію, дѣлаетъ непристойный поступокъ".

[3]) *Dohm*, III, 92.

Парижъ «для избѣжанія посѣщенія берлинскихъ и ганноверскихъ министровъ». Когда въ Анспахъ явился Бёмеръ, министры объявили ему, что ихъ маркграфъ до весны не возвратится изъ Франціи, а они не могутъ ничего сказать безъ него. Но, наконецъ, маркграфъ долженъ же былъ возвратиться — и тутъ настигло его строгое требованіе грознаго дяди. Онъ подписалъ договоръ и секретную статью 12-го февраля 1786 года [1]).

Карлъ-Лудвигъ и Вильгельмъ биркенфельдскіе, хотя и принадлежали къ самымъ микроскопическимъ фюрстамъ, однако не были лишены значенія. Они носили громкіе титулы «герцоговъ въ Баваріи» и «пфальцграфовъ». Сила ихъ заключалась въ родствѣ съ Виттельсбахами: могло случиться, что когда-нибудь имъ досталась бы Баварія. Вліяніе на нихъ болѣе могущественныхъ родственниковъ было слишкомъ очевидно: въ январѣ 1786 года Гофенфельсъ подписался за нихъ подъ союзнымъ договоромъ и подъ секретною статьей. Но важнѣе было ихъ письменное обѣщаніе «никогда не соглашаться на добровольный обмѣнъ Баваріи» [2]).

Теперь изъ болѣе значительныхъ свѣтскихъ фюрстовъ лигѣ недоставало владѣтелей Баваріи, Вюртемберга, Дармштадта, Ольденбурга и обоихъ Мекленбурговъ. Изъ нихъ Фридрихъ разсчитывалъ только на Мекленбурги и Дармштадтъ. Первые дѣйствительно пристали къ лигѣ, хотя и послѣ его смерти; но во второмъ онъ ошибся. Повидимому, Гессенъ-Дармштадтъ представлялъ менѣе опасностей, чѣмъ Гессенъ-Кассель, особенно послѣ приступленія послѣдняго, который былъ гораздо сильнѣе его и могъ подѣйствовать на него. Жена ландграфа дармштадтскаго, Лудвига IX, была принцесса цвейбрюкенская (биркенфельдская). Дочери ея были пристроены выгодно для Пруссіи: одна, хотя и рано умершая, была «за прошлогоднимъ другомъ», Павломъ Петровичемъ, другая за герцогомъ веймарскимъ, третья за баденскимъ наслѣдникомъ, четвертая только-что вышла за Максимиліана цвейбрюкенскаго, наконецъ, пятая была женой самого прусскаго кронпринца. Агенты Фридриха, въ особенности же Карлъ-Августъ веймарскій сновали въ Дармштадтѣ, и свадьба цвейбрюкенскаго происходила въ присутствіи только Бёмера. Оттого-то прусскій король прямо говорилъ своимъ министрамъ о ландграфѣ: «безъ сомнѣнія, мы получимъ его». Онъ даже былъ увѣ-

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12/23 августа и 21 ноября (2 декабря) 1785 года.— *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября и 24 октября (4 ноября) 1785 года.

[2]) *Schmidt*, I, 356, 372 sq.

ренъ, что получитъ его войска за субсидіи [1]). Но оказалось, за Пруссію стоялъ только наслѣдный принцъ дармштадтскій, Лудвигъ X, а отъ него было мало пользы, потому что онъ не обнаруживалъ особеннаго ума и зависѣлъ отъ Петербурга. Онъ такъ же, какъ и его отецъ, числился на русской службѣ и получалъ пенсію отъ Екатерины. Это заставляло его быть весьма любезнымъ съ Румянцовымъ [2]), хотя такая роль не совсѣмъ шла къ нему, такъ какъ онъ готовъ былъ воевать съ Іосифомъ изъ-за Голландіи [3]) и уже во время «броженія» у фюрстовъ дружески совѣщался съ герцогомъ веймарскимъ. Среди этихъ совѣщаній раскрылась и тайна стараго ландграфа, про котораго сынъ сказалъ, что отъ него ничего нельзя ожидать хорошаго, «если только не подѣйствуетъ Франція» [4]). Политика Лудвига IX опредѣлялась Версалемъ, то-есть французскимъ золотомъ. Дармштадтскій дворъ, обремененный кучей дѣтей [5]), всегда отличался крайней бѣдностью. Когда Ассебургъ свaталъ принцессу дармштадтскую за Павла Петровича, онъ замѣтилъ, что

---

[1]) *Schmidt*, I, 352, 366, 372.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 14/25 ноября 1785 года: „Проѣзжая черезъ Дармштадтъ на возвратномъ пути изъ Штутгарта, я воспользовался празднествами, чтобы сдѣлать визитъ наслѣдному принцу, который всегда былъ очень хорошъ со мною. Теперь онъ прибавилъ новыя пространныя заявленія своей привязанности къ русскому двору (des protestations réiterés et etendues de son attachement pour la Cour de Russie) и сказалъ мнѣ, что никому не покажется страннымъ, если онъ предпочтетъ зеленые и красные мундиры всѣмъ другимъ (personne ne pouvait trouver étrange s'il preferait les uniformes vertes et rouges à toutes autres). Румянцовъ не брался истолковать эти слова.

[3]) *Шифрованное письмо Румянцова Голицыну* изъ Франкфурта, отъ 2/13 февраля 1785 года. Румянцовъ узналъ, что наслѣдный принцъ дармштадтскій, склоняясь на предложеніе голландской республики, хотѣлъ именемъ своего отца позволить своему младшему брату, принцу Христіану, служащему въ Голландіи, набрать вольницу среди родительскихъ владѣній въ пользу той республики; потомъ, образумившись, сдѣлалъ предложеніе французскому двору взять за субсидныя деньги всѣ войска его родителя и уступить ихъ республикѣ. Румянцовъ дружески посовѣтовалъ принцу, что „будучи въ россійской службѣ, равно какъ и родитель его, нельзя имъ ни въ какое подобное обстоятельство вступать безъ соизволенія на то ея императорскаго величества“, и что поэтому имъ лучше „пребывать въ совершенномъ недѣйствіи“ до конца столкновенія Голландіи съ Іосифомъ. Румянцовъ объяснялъ поступки принца вліяніемъ на него „родственниковъ его женскаго пола, получающихъ отъ Франціи пенсіонъ; но какъ наслѣдный принцъ самъ получаетъ отъ двора нашего пенсіонъ, то сіе можно будетъ ему припомнить, когда необходимость того востребуетъ и будетъ на то соизволеніе ея императорскаго величества“.

[4]) *Мемуаръ герцога веймарскаго*, у *Ранке*, II, 272.

[5]) Въ маѣ 1771 года Екатерина писала Ассебургу, что боится „кучи братьевъ и сестеръ“ невѣсты Павла Петровича, которыхъ „придется пристраивать“. *Asseburg*, 276.

въ ея семьѣ «часто чувствовался недостатокъ въ самомъ необходимомъ». И когда Екатерина пригласила къ себѣ невѣсту съ матерью, ландграфиня со слезами признавалась Ассебургу, что имъ не на что выѣхать [1]). Понятно, какъ эта семья дорожила иностранными деньгами, на которыя особенно щедра была Франція. Кромѣ того, ландграфъ до того запутался въ долгахъ, что ежедневно ожидалъ долговой коммиссіи и экзекуціи изъ Вѣны. Оттого онъ старался не раздражать императора. Вотъ почему, когда агенты Фридриха начали черезчуръ осаждать его, онъ уѣхалъ путешествовать, подобно маркграфу анспахскому, а затѣмъ совсѣмъ отказался отъ лиги. Фридриху было очень непріятно такъ жестоко ошибиться въ своихъ разсчетахъ. Онъ сознался, что это выходитъ «дыра» въ его системѣ и назвалъ ландграфа «человѣкомъ съ флюгеромъ, вмѣсто головы, и доступнымъ болѣе страху, чѣмъ твердости» [2]).

Что касается остальныхъ трехъ значительныхъ фюрстовъ, то къ нимъ даже не посылали приглашенія приступить къ союзу. Герцогъ ольденбургскій вполнѣ зависѣлъ отъ петербургскаго двора; а о Баваріи и Вюртембергѣ нельзя было и помышлять въ Потсдамѣ, когда были живы Карлъ-Теодоръ и Карлъ-Евгеній. Впрочемъ, старый Фрицъ старался пріобрѣсти какую-нибудь западню и для нихъ. Недаромъ же Румянцовъ сообщалъ тогда, что берлинскіе агенты настраивали Карла-Теодора снова вступить въ переговоры съ Іосифомъ по поводу обмѣна земель, и добиться документа, который былъ бы прямою уликою противъ вѣнскаго двора [3]). А въ Штутгартѣ ясно обнаруживались слѣды прусскихъ интригъ. Здѣсь агенты Фридриха начали свою ра-

---

1) Екатерина прислала за ними чуть не цѣлый флотъ съ 80,000 гульденовъ; а послѣ свадьбы ландграфиня получила, кромѣ множества брилліантовъ и соболей, 100,000 рублей серебромъ и еще 20,000 руб. на дорогу; ея двѣ дочери получили по 50,000, кромѣ дорогихъ подарковъ, а сопровождавшіе ее кавалеры и дамы по 3,000, не считая брилліантовъ. *Asseburg*, 259 sq., 268.

2) *Schmidt*, I, 369, 371 sq.—*Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому*, отъ 6-го января 1786 года, у *Ранке*, II, 285.—*Dohm*, III, 102.

3) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 16/27 декабря 1785 года: „Une personne digne de foi et de considération m'a dit, que la Cour de Berlin fachée de ce qu'elle avait ébruité si précipitamment le projet de l'echange, sans retenir en main rien qui pû le constater dans ses détails ou conditions, avait exigé que le Duc ouvrit derechef la porte à la négociation, et que par ce jeu simulé il engageât la Cour de Vienne à s'expliquer de manière à avoir matière à la compromettre; que d'après ce principe le Duc était entré en matière avec le Comte Charles Siking., mais qu'au moment présent, qui etait celui du dénouement, la Cour de Vienne s'était apperçuê de ce manège (sic) et n'avait pas donné dans le piège qu'on lui tendait“.

боту еще весной 1785 года (гл. XV и XVI). Уже тогда Румянцовъ сталъ опасаться за вѣрность герцога Карла, и послѣдній дѣйствительно успѣлъ, послѣ этого, съѣздить въ Цвейбрюкенъ. Оттого-то, получивъ майскій циркуляръ Екатерины, Румянцовъ прежде всего бросился въ Штутгартъ и началъ допрашивать герцога. Карлъ сначала скрытничалъ и былъ холоденъ; но постепенно признался во всемъ — и въ своей поѣздкѣ къ карлсбергскому двору, и въ любезностяхъ, расточаемыхъ ему Герцбергомъ съ прусскимъ посланникомъ, Мадевейсомъ. Онъ старался успокоить Румянцова, увѣряя, что берлинскій дворъ не сдѣлалъ ему «ни малѣйшаго предложенія». Герцогъ цвейбрюкенскій «и не заикался», въ бесѣдѣ съ нимъ, объ обмѣнѣ земель (n'avoit pas soufflé d'affaire). Гофенфельсъ, правда, «съ глазу на глазъ, старался иногда склонить рѣчь къ нынѣшнему положенію Германіи», но герцогъ вюртембергскій рѣшительно избѣгалъ говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Въ угоду Екатеринѣ, Карлъ, въ письмѣ къ ней, заявилъ даже, что «долгъ и собственная склонность привязываютъ его нынѣ и всегда будутъ привязывать къ императору» [1]). Но на дѣлѣ онъ былъ сильно недоволенъ Іосифомъ, такъ что и здѣсь, какъ вездѣ, вѣнская дипломатія разрушала дѣйствія нашего агента. Герцогъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обиднаго майскаго циркуляра Кауница. Сверхъ того, здѣсь точно также, какъ въ Касселѣ, вѣнская дипломатія какъ-будто нарочно хотѣла раздражить фюрста своимъ непостижимымъ педантизмомъ въ мелочахъ. Тогда герцогъ Карлъ особенно добивался возведенія своей графини Гогенгеймъ въ достоинство княгини. Іосифъ, который сначала обнадеживалъ его, думая отдѣлаться одними словами, теперь «нарочито огорчилъ» его вопросомъ: «какой попъ, какъ и когда женилъ ихъ?» [2]).

Румянцовъ заставилъ Карла нѣсколько разъ повторить, что онъ не поѣдетъ въ Берлинъ и не пристанетъ къ лигѣ, затѣмъ показалъ майскій циркуляръ Екатерины, «какъ знакъ довѣрія къ нему». Онъ совѣтовалъ герцогу тотчасъ же написать императрицѣ, чтобы сразу уничтожить дурное впечатлѣніе его поѣздки въ Цвейбрюкенъ. Карлъ горячо схватился за эту мысль и

---

[1]) „a qui (l'Empereur) je suis et resterai toujours attaché par devoir et inclination". Эта фраза упоминается въ депешѣ *Румянцова Голицыну*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года.

[2]) Формально Іосифъ былъ правъ: герцогъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ графиней лишь въ 1786 году. Но это не помѣшало же ему весьма любезно пообѣщать Карлу исполнить его просьбу, какъ видно изъ копіи *его письма къ герцогу*, приложенной при депешѣ *Румянцова Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года.

даже высказалъ желаніе отдать свои войска на жалованье нашему двору [1]). Вслѣдъ затѣмъ, Румянцовъ получилъ записку отъ герцога съ приложеніемъ письма къ Екатеринѣ. Въ запискѣ Карлъ называлъ себя «вѣчно искреннимъ и непоколебимымъ сердцемъ», но «склоняющеюся головой, которая уже ничего не стóитъ». При этомъ онъ коснулся своего предшествовавшаго письма къ императрицѣ, которое враги старались истолковать въ дурную сторону, тогда какъ онъ—«человѣкъ слишкомъ честный для того, чтобы искать кривыхъ путей» [2]). Новое посланіе герцога къ Екатеринѣ было еще уничижительнѣе и безграмотнѣе прежнихъ. Онъ доказывалъ императрицѣ, какъ «непоколебима его система — повергать къ подножію ея престола все благополучіе своего дома, какъ нынѣшнее, такъ и будущее». Карлъ патетически увѣрялъ, что Екатерина—его «покровительница», а онъ—«счастливѣйшій изъ смертныхъ». Тутъ онъ прямо просилъ доставить ему курфюршескій чинъ и походатайствовать за него у императора [3]).

Словомъ, въ іюнѣ 1785 года герцогъ вюртембергскій показался нашему посланнику твердымъ противъ потсдамскихъ соблазновъ. «Онъ таковъ, что лучше желать нельзя императорскимъ дворамъ», писалъ Румянцовъ Голицыну, совѣтуя только внушить Кауницу, чтобы онъ уступилъ относительно графини Гогенгеймъ. Остерману же Румянцовъ писалъ, что Екатеринѣ необходимо поскорѣе отвѣтить Карлу и пообѣщать ему курфюршеское достоинство. Но ни изъ Петербурга, ни изъ Вѣны не присылали ничего лестнаго для Карла, а между тѣмъ агенты Фридриха уже пустились въ путь съ союзнымъ договоромъ. Въ это-то время Румянцовъ получилъ весьма тревожное письмо изъ Штутгарта. Герцогъ Карлъ серьёзно жаловался на болѣе чѣмъ холодныя отношенія къ нему императора и на молчаніе императрицы на его письмо. Въ этомъ «дружескомъ» посланіи прокрался зловѣщій намекъ на возможность «перекинуться въ противную пар-

---

[1]) „Ce prince toujours ardent est maintenant si bien disposé pour nous, qu'il m'a même temoigné desirer que ses troupes fussent à la solde de nôtre Cour".

[2]) *Копія письма герцога къ Румянцову* отъ 26 іюня (приложеніе къ депешѣ Румянцова Остерману, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года): „Cette lettre (къ Екатеринѣ) est le produit et dicté par mon coeur qui est et restera toujours droit et inébranlable, mais aussi le produit d'une tête qui baisse et ne vaut plus guère: mais il faut supporter avec patience les choses comme elles viennent". Далѣе по поводу прежняго письма къ Екатеринѣ: „à present l'on cherche des biais et moi je suis trop honnetehomme pour ne pas aimer uniquement le droit chemin".

[3]) Подлинное письмо *Карла вюртембергскаго къ Екатеринѣ*, отъ 26 іюня 1785 года (при депешѣ Румянцова Остерману, отъ $^{19}/_{30}$ іюня).

тію» [1]). Румянцовъ снова поскакалъ въ Штутгартъ, въ началѣ сентября. Герцогъ принялъ его весьма холодно. На этотъ разъ онъ былъ недоволенъ уже не однимъ императоромъ: до него дошли слухи, что Румянцовъ обѣщалъ курфюршескій чинъ ландграфу кассельскому. Нашъ посланникъ, конечно, отпирался и легко успокоилъ герцога, который не переставалъ быть «исполненнымъ довѣрія и уваженія къ императрицѣ». Карлъ признался даже ему, что читалъ копію договора между Пруссіей и Ганноверомъ касательно лиги [2]), и обѣщалъ увѣдомить его, если Бёмеръ сдѣлаетъ ему какое-либо предложеніе. Но его отношенія къ Іосифу все ухудшались. Онъ горько жаловался Румянцову на холодность вѣнскаго двора, припоминая все, даже свой злополучный отрядъ войскъ, проданный-было императору. Но больше всего герцогъ говорилъ о графинѣ Гогенгеймъ: ему непремѣнно хотѣлось, чтобы она прежде получила княжескій дипломъ, а потомъ уже была объявлена его женой. Румянцовъ долженъ былъ отвѣчать на эти жалобы, по приказанію Голицына, то-есть Кауница [3]), вовсе не успокоительно. Относительно курфюршескаго чина онъ просилъ его «потерпѣть, поджидая благопріятныхъ обстоятельствъ». А насчетъ графини прямо объявилъ, что предварительно необходимъ бракъ. Вскорѣ оказалось, что и это былъ только отводъ. Когда потомъ Карлъ исполнилъ вѣнское требованіе, прусскій посланникъ въ Штутгартѣ тотчасъ же началъ величать графиню герцогиней, а императоръ и папа не признали этого брака законнымъ. Отсюда выяснилось, что Іосифъ желалъ сохранить права наслѣдства за младшею линіей вюртембергскаго дома [4]).

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ августа 1785 года: „Герцогъ вюртембергскій писалъ ко мнѣ въ видѣ дружескаго дипломатическаго сношенія, сколь много онъ примѣчаетъ остуды, есть ли не иного чего-либо въ поступкѣ вѣнскаго двора, давъ мнѣ выразумѣть при томъ, что легко сбыться можетъ, что въ противную сему двору партію перекинется, примолвя однакожъ, что воля нашей государыни много надъ нимъ подѣйствовать можетъ. Письмо сіе писано съ особливымъ къ ея императорскому величеству почтеніемъ, однакожъ герцогъ въ ономъ помѣстилъ, что, имѣя желаніе писать государынѣ, воздержался отъ того, видя, что прежнія его письма оставлены безъ отвѣта“.

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ $^{5}/_{16}$ сентября 1785 года: Карлъ говорилъ о копіи „du Pacte separé de la convention de l'Electeur d'Hanovre avec le Roi de Prusse par lequel le Gouvernement promet ses bons offices auprès du Roi d'Angleterre et dit qu'il cherchera à le porter à demander au Parlement des subsides que l'on pourroit attribuer à l'utilité de la ligue contractée entre eux“.

[3]) *Голицынъ Румянцову*, отъ 22 августа (2 сентября) 1785 года.

[4]) *Румянцовъ* доносилъ *Екатеринѣ*, отъ $^{3}/_{14}$ іюля 1786 года: „Одинъ французскій король призналъ бракъ герцога, и его министръ уговариваетъ къ тому же прин-

И послѣ этого свиданія герцогъ вюртембергскій постоянно пѣлъ все ту же пѣсню. Получивъ отвѣтъ Екатерины на свое послѣднее письмо, онъ еще болѣе пылко «повергалъ себя, домъ свой и княжество единой всеавгустѣйшей покрови императрицы» [1]), а на императора жаловался все сильнѣе и сильнѣе, по поводу своей графини. Получивъ однажды подобное письмо отъ него, Румянцовъ счелъ необходимымъ еще разъ посѣтить Штутгартъ, въ началѣ ноября. Въ то же время онъ дѣлалъ Кауницу серьёзныя внушенія уступить въ этихъ пустякахъ (subtilité futile), напоминая кстати, чтб надѣлали въ Касселѣ своимъ упорствомъ [2]). Жалобы герцога на императора не прекращались. Воспользовавшись отвѣтомъ Екатерины, онъ снова отправилъ ей письмо [3]). Съ начала 1786 года надежды Фридриха II на Карла возрасли еще болѣе, потому что между герцогомъ и императоромъ уже доходило до вражды. Въ Вѣнѣ подняли дѣло о вюртембергскомъ отрядѣ, какъ будто съ цѣлью раздражить герцога: именно потребовали назадъ даже сумму, выданную Карлу при составленіи сдѣлки. Герцогъ не давалъ, а императоръ грозился подать жалобу въ надворный совѣтъ. Карлъ испугался скандала и просилъ Румянцова о заступничествѣ, причемъ жаловался, что Голицынъ нисколько не помогаетъ ему, «ибо болѣе года ни строки въ пользу него отъ своего министерства не получилъ и, слѣдовательно, въ пользу него дѣйствовать не смѣетъ» [4]).

цессу, родительницу ея императорскаго высочества (Маріи Ѳеодоровны); о томъ же проситъ ее самъ герцогъ; но она отвѣчала, что все зависитъ не отъ нея, а отъ вашего императорскаго в—ва". Румянцовъ думалъ (депеша Остерману въ мартѣ 1786 года), что „никто не признаѣтъ брака герцога, кромѣ его подданныхъ, которые прислали графинѣ въ подарокъ 400 луидоровъ и поминаютъ ее въ церквахъ, какъ герцогиню".

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 ноября 1785 года.

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 9/20 ноября 1785 года.

[3]) Оно было приложено къ депешѣ *Румянцова Екатеринѣ*, отъ 9/20 декабря 1785 года, но вынуто.

[4]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 27 января (7 февраля) 1786 года.

ГЛАВА XXI.

Канцелярская полемика.

Если многіе фюрсты отказались отъ лиги, а приступившіе къ ней сначала колебались и вообще желали сохранить дѣло въ тайнѣ, то это объясняется болѣе всего страхомъ передъ императоромъ. Зная горячій характеръ Іосифа и дряхлость Фридриха, они опасались взрыва гражданской войны въ «отечествѣ», которая тотчасъ же обрушилась бы на ихъ владѣнія. И внѣ Германіи многіе съ трепетомъ помышляли о непосредственныхъ слѣдствіяхъ союза князей. Война, дѣйствительно, разразилась тотчасъ же, но только чернильная. Не было даже «вооруженныхъ переговоровъ», какъ въ 1778 году: дѣло ограничилось канцелярскою полемикой [1]), въ которой противники старались склонить на свою сторону нравственную силу. Эта война памфлетами и газетными статьями весьма характеристична для той эпохи, когда уже созрѣвало сознаніе необходимости заручиться поддержкой общественнаго мнѣнія. Канцелярская полемика возгорѣлась, можно сказать, въ самый моментъ подписанія союзнаго договора между тремя курфюрстами и продолжалась около двухъ лѣтъ. Она вводитъ насъ не только въ мрачный лабиринтъ нѣмецкаго

---

[1]) Домъ (III, 146) называетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памфлетовъ (Геммингена) „частнымъ сочиненіемъ". Голицынъ также говоритъ въ депешѣ Остерману, отъ 31 октября (11 ноября) 1785 года, что, рядомъ съ оффиціальными брошюрами, появилось много „частныхъ сочиненій" (productions particulières) въ защиту вѣнскаго двора. Журнальныя статьи также имѣютъ видъ частнаго предпріятія. И тѣмъ не менѣе, факты доказываютъ, что всѣ эти произведенія были лишь особою формой канцелярской полемики, которую принято называть въ наше время „полуоффиціальною". Иначе и быть не могло. Этотъ фактъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію политической печати того времени, которое, въ свою очередь, характеризуется имъ.

государственнаго права, но отчасти и въ германскія воззрѣнія Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ [1]). Она даетъ также косвенныя указанія на настроеніе общественнаго мнѣнія среди нѣмцевъ наканунѣ французской революціи, и отголосокъ ея слышится порой въ современной намъ нѣмецкой публицистикѣ.

Какъ только въ Вѣнѣ узнали, что берлинскія конференціи по поводу союза князей приходятъ къ концу, тотчасъ же рѣшились предостеречь фюрстовъ отъ прусскихъ предложеній. Мысль прибѣгнуть для этого къ печати естественно должна была зародиться здѣсь, а не въ Потсдамѣ. По сознанію самого Іосифа и Кауница, происки Фридриха въ Германіи были очень искусны и настойчивы. Они, очевидно, производили свое дѣйствіе, тогда какъ австрійская дипломатія, несмотря на поддержку русской, принуждена была повсюду уступать имъ поле. Мало того. Эта дипломатія больше вредила, чѣмъ помогала дѣлу Іосифа. Циркуляры Кауница, въ особенности же знаменитый майскій, окончательно сбивали ее съ позиціи. Отвѣты на нихъ фюрстовъ, даже самыхъ цезаріанскихъ, доказывали, что она теряла всякій кредитъ въ «отечествѣ». Ей уже до того не довѣряли, что она должна была удалиться съ поля дѣйствій, если только въ Вѣнѣ не хотѣли еще болѣе испортить свое дѣло. Необходимо было взяться за новое средство для нравственнаго давленія на фюрстовъ.

Когда Несторъ европейской дипломатіи додумывался до новаго хитраго метода, чтобы вывернуться изъ бѣды, въ Вѣнѣ проживалъ нѣкто Геммингенъ, молодой даровитый литераторъ, только-что снискавшій тогда извѣстность своими беллетристическими произведеніями, въ особенности же драмой «Der deutsche Hausvater». Это личность характеристичная для письменности того времени. Тогда существовалъ литературный типъ, нѣсколько напоминавшій первыхъ гуманистовъ. Было много писателей съ легкимъ дарованіемъ и поверхностною, но современною подготовкой, которые вели кочевую жизнь. Отвергая, вмѣстѣ съ предразсудками, всякія связи съ убѣжденіями общества, они переходили съ мѣста на мѣсто, ища счастья и продавая свой талантъ. Такая жизнь дѣлала этихъ литературныхъ пролетаріевъ продажными, беззастѣнчивыми, назойливыми и раздражительными. Геммингенъ смолоду разсорился съ отцомъ и надѣлалъ долговъ — словомъ, запутался въ жизни. Чтобы выдти изъ бѣды, онъ явился въ курфюршество

[1]) Кромѣ брошюръ Дома и Іоганна Мюллера, которыя еще можно пріобрѣсти антикварнымъ путемъ, остальные памфлеты нельзя достать теперь. Но главные изъ нихъ сохранились въ нашемъ архивѣ, какъ приложенія къ депешамъ Голицына и Долгорукаго, что́ и дало намъ возможность ознакомиться съ ними лично.

Пфальцъ, женился на одной аристократкѣ сомнительнаго поведенія и принялъ католицизмъ. Его сдѣлали каммергеромъ при пфальцскомъ дворѣ. Но вскорѣ онъ и здѣсь перессорился со всѣми и явился въ Ганноверъ съ предложеніемъ своихъ услугъ: онъ просилъ отправить его посланникомъ въ Мюнхенъ, обѣщая отвлечь Карла-Теодора отъ императорской партіи. Но ганноверскіе «парики» попросили его удалиться, и онъ бросился въ Вѣну искать счастья съ другого конца. Но уже нѣсколько лѣтъ его усилія не вѣнчались успѣхомъ—и онъ обрадовался, что теперь, выражаясь словами Бейльвица «Кауницъ взялъ его въ свои легкія войска для партизанской войны» [1]). Геммингену было поручено начать литературный походъ противъ союза князей. Уже въ іюлѣ 1785 года, когда агенты Фридриха еще не успѣли выѣхать изъ Потсдама для представленія фюрстамъ «объясненія» лиги, появился памфлетъ Геммингена — «О королевско-прусской ассоціаціи для сохраненія имперской системы» [2]). Авторъ не скрылъ своего имени, чтобы памфлетъ имѣлъ видъ «частнаго» сочиненія, такъ какъ онъ не состоялъ на австрійской службѣ; но на оберткѣ, вмѣсто «Вѣны», красовалось имя «Германіи». Въ канцелярской полемикѣ по поводу союза князей это произведеніе имѣетъ первенствующее значеніе, также какъ и отвѣтъ на него Дома: остальныя статьи были лишь слабыми варіаціями на тэмы этихъ двухъ основныхъ памфлетовъ, исчерпывающихъ сущность вопроса.

«Нѣмецкая свобода въ опасности! — раздается со всѣхъ сторонъ на тысячи ладовъ», говоритъ Геммингенъ, и саркастически обрисовываетъ источникъ этихъ криковъ. «Какъ умные люди должны смѣяться, слыша, какъ министры прусскаго короля говорятъ этимъ напыщеннымъ (prunkvoll) языкомъ, а болтливая толпа (nachbetende Haufen) повторяетъ все слово-въ-слово и, наконецъ, сама вѣритъ всему. Увѣренія въ безкорыстіи и прирожденной справедливости, которыми украшаются манифесты, давно уже цѣнятся такъ же, какъ комплименты въ обществѣ. Только прусскому кабинету удается давать ходъ этимъ подозрительнымъ монетамъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ земляхъ... Но все это грозныя слова, которыя уже не ужасаютъ даже новичка. Въ поли-

---

[1]) *Голицынъ Остерману*, отъ 31 октября (11 ноября) 1785 года. — *Dohm*, III, 146.—*Бейльвицъ Герцбергу*, отъ 20 ноября 1785 года, у *Шмидта*, I, 375.

[2]) *Ueber die königliche Preussische Association zu Erhaltung des Reichssystems.* Von *Otto von Gemmingen*, Reichsfreiherrn. Deutschland. 1785. 19 страницъ in-16. Этотъ памфлетъ приложенъ къ вышеупомянутой депешѣ Голицына. Сверхъ того, Домъ перепечаталъ его въ своемъ отвѣтѣ.

тикѣ, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, играютъ широковѣщательными словами, которыя, именно въ виду своей неопредѣленности, производятъ сильное впечатлѣніе, но точно также быстро старѣютъ. Сюда относятся выраженія: *равновѣсіе*, *всемірная монархія* и т. п.»

Тутъ Геммингенъ начинаетъ развивать свою главную тэму— что опасность дѣйствительно существуетъ, но только со стороны Пруссіи, а не Австріи. Онъ ловко превознесъ Фридриха, какъ «мудрѣйшаго, равно великаго на войнѣ и въ мирѣ, монарха, который послужитъ предметомъ удивленія для потомковъ и украшеніемъ своего вѣка». Но потому-то и нужно быть осторожнымъ: «должно брать себѣ этого короля въ образецъ, но не въ вожди». Цѣль Фридриха — «поселять въ имперіи недовѣріе къ ея главѣ до тѣхъ поръ, пока императорская корона принадлежитъ тому дому, на счетъ котораго онъ пріобрѣлъ свое величіе». Его выгода—«чтобы императорская корона была для австрійскаго дома лишь пустымъ и нерѣдко тяжелымъ украшеніемъ» (allezeit eitle oft lästige Zierde). Для этого ему необходимо «питать въ Германіи духъ партій, всюду представлять страшилища, внушать подозрѣнія и не упускать случая порисоваться въ роли защитника всякаго близорукаго труса». И какъ умно, ловко дѣйствуетъ прусскій король! Какъ искусно направляетъ онъ сектаторскій духъ въ области религіи! «У всѣхъ у насъ еще свѣжо воспоминаніе о той порѣ, когда почти каждый протестантскій проповѣдникъ былъ его союзникомъ. А на сеймѣ чего только не обращали въ дѣло религіи, когда королю хотѣлось или провести, или затормазить что-нибудь?.. Но когда король, съ своей предусмотрительной мудростью, замѣтилъ, что возрастающая вѣротерпимость вѣнскаго двора ослабляетъ одну изъ главныхъ его пружинъ, онъ взялся за другія мѣры. Является подозрѣніе, что всѣ ревностныя усилія берлинскихъ писателей заподозривать эту терпимость и усердно предостерегать отъ тайныхъ козней католицизма представляютъ умышленный шагъ: по крайней мѣрѣ, этого можно ожидать отъ того двора, гдѣ на престолѣ возсѣдаетъ философъ, гдѣ министры ученые, гдѣ умѣютъ цѣнить силу мнѣній и пользоваться ею. Невольно возникаетъ подозрѣніе, что въ этомъ случаѣ воспользовались какимъ-нибудь недовольнымъ монахомъ, посадивъ его на вакантное мѣсто протестантскаго пастора. Послѣ этого, толки о секуляризаціи, какъ бы ни были они безсодержательны, конечно достаточно устрашать всякаго, кто пользуется выгодными приходами (fette Pfründen). И вотъ, смотришь, при-

бавилось еще нѣсколько голосовъ, кричащихъ: «нѣмецкая свобода въ опасности!»

Фридрихъ утверждаетъ, что вся опасность въ преобладаніи австрійскаго двора и въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Но исторія доказываетъ противное. Довольно начать съ Карла V, чтобы видѣть, сколько утратила Австрія и сколько пріобрѣлъ Бранденбургъ. Если же Габсбурги, со временъ Рудольфа, и пріобрѣли что-нибудь, то законнымъ путемъ. «А бранденбургскій домъ насильно отнялъ Пруссію у нѣмецкихъ рыцарей, т.-е. у всѣхъ благородныхъ фамилій Германіи. Онъ захватилъ Магдебургъ, Гальберштадтъ и другія церковныя земли. Наконецъ, онъ вооруженною рукой отрѣзалъ Силезію отъ того наслѣдства, законность котораго была прежде признана и гарантирована имъ самимъ. И если ужъ говорить о жаждѣ расширенія границъ и о характерѣ пріобрѣтеній, то кому неизвѣстна главная пружина въ исторіи послѣдняго раздѣла нѣкоторыхъ польскихъ провинцій? Кто больше бранденбургскаго дома секуляризовалъ и тѣмъ нарушалъ священныя права церкви и духовенства? Кто больше Бранденбурга отнялъ у нѣмецкой имперіи?»

Затѣмъ Геммингенъ доказываетъ, что никто больше Пруссіи не вредилъ нѣмецкой имперіи еще косвенно. «Еслибъ не двусмысленная политика бранденбургскаго дома, не было бы 30-тилѣтнихъ опустошеній, подъ предлогомъ религіи, которыя окончились утратой лучшихъ земель имперіи. Чтó ни пріобрѣли иностранныя державы отъ Германіи—все это благодаря честолюбію бранденбургскаго дома, который бóльшею частью сопротивлялся имъ лишь съ виду, а нерѣдко вовсе не сопротивлялся или даже помогалъ имъ. Словомъ, всякая потеря, всякое опустошеніе Германіи отмѣчены фактомъ возвеличенія бранденбургскаго дома». А можетъ ли быть опасна Австрія? Если она не увеличивалась, а уменьшалась прежде, то можетъ ли она подниматься теперь, «когда Россія, въ правленіе Екатерины, пріобрѣла такой рѣшительный вѣсъ и когда Пруссія доказала, на чтó она способна, руководимая духомъ своего вождя?» Исторія засвидѣтельствовала, что благоденствіе Германіи связано съ могуществомъ ея главы. Значеніе имперіи обыкновенно падало при слабыхъ императорахъ и вслѣдствіе все болѣе и болѣе стѣснительныхъ избирательныхъ условій (Wahlkapitulationen)». Одно только грозитъ близкой погибелью нашей конституціи — это если австрійскій домъ, утомленный мятежными противорѣчіями, откажется отъ императорской короны, или если обманутые чины имперіи возложатъ ея

бремя на другой домъ. Всякій другой погибнетъ подъ тяжестью этого бремени и повлечетъ за собой къ погибели всю имперію».

Остальная часть памфлета посвящена вопросамъ объ обмѣнѣ земель и о союзѣ князей. Авторъ слегка коснулся сообразности баварскаго плана съ имперскимъ правомъ, и поспѣшилъ сдѣлать колкій намекъ на законную невозможность Анспаху и Байрёту принадлежать въ будущемъ бранденбургскому курфюршеству. Затѣмъ онъ прямо поставилъ вопросъ о слѣдствіяхъ баварскаго обмѣна земель. «Конечно, этотъ обмѣнъ выгоденъ Австріи и непріятенъ Пруссіи; но мы уже доказали, что дѣло прусскаго короля не есть дѣло нѣмецкой имперіи». Напротивъ, отъ соединенія Баваріи съ Австріей проистекаетъ много выгодъ для Германіи. «Важно уже то, что одинъ изъ имперскихъ чиновъ возвысится на степень европейской державы (намекъ на титулъ бургундскаго короля), и тогда имперія уже не будетъ зависѣть отъ произвола австрійскаго или бранденбургскаго дома». Затѣмъ, «быть можетъ, тогда австрійскій домъ имѣлъ бы болѣе возможности исполнять торговые планы или устранять стѣсненія, мѣшавшія внутреннему процвѣтанію Германіи. А это развѣ не дѣйствовало бы благодѣтельно на сосѣднія нѣмецкія земли? Торговыя выгоды не совмѣщаются съ тѣснымъ кругомъ политическихъ интересовъ». Сверхъ того, при обмѣнѣ земель была бы немыслима война между Австріей и Франціей, «и имперія уже не вовлекалась бы въ чуждые ей споры: она получила бы вѣрную надежду на невозмутимый покой»... Аргументація по поводу Баваріи оканчивалась самою сильной фразой во всемъ памфлетѣ, которая должна была произвести впечатлѣніе въ «отечествѣ». Вотъ она. «Въ этомъ случаѣ было бы несправедливо и непредусмотрительно склоняться къ замысламъ прусскаго короля. На дѣлѣ былъ бы только одинъ исходъ—этотъ обмѣнъ *состоялся бы позже*, но уже, быть можетъ, къ выгодѣ короля и во вредъ имперіи» [1]). Отсюда вытекало, что Австрія вовсе не отказывается отъ баварскаго плана и даже готова, въ случаѣ нужды, произвести, вмѣстѣ съ Пруссіей, своего рода раздѣлъ Германіи.

Ассоціацію Фридриха Геммингенъ считаетъ незаконною, потому что имперское право дозволяетъ только безвредные союзы. Она препятствуетъ пфальцскому дому возвыситься, и уже самымъ своимъ существованіемъ хочетъ доказать недостаточность нѣмец-

[1]) „Es unbillig und unvorsichtig wäre, sich in diesem Falle den Absichten des Königs von Preussen zu fügen. In der That wäre der einzige Erfolg, dass dieser. Austausch später zu Stand käme, und dass vielleicht zum Vortheil des Königs auf Unkosten des Reichs“.

кой конституціи. Она сосредоточиваетъ правленіе въ рукахъ одного князя, обращаетъ имперскій сеймъ въ игрушку и унижаетъ значеніе курфюрста майнцскаго. «Положимъ даже, что курфюрстъ майнцскій присталъ къ ассоціаціи: что же выйдетъ изъ этого? Первый курфюрстъ имперіи, доселѣ бывшій главной опорой нашей конституціи, почтенный представитель высокаго собранія чиновъ станетъ тѣмъ же, чѣмъ почти всѣ союзники — послушнымъ орудіемъ политическихъ замысловъ одного могущественнаго двора». Наконецъ, союзъ князей наноситъ оскорбленіе иностраннымъ державамъ, поручившимся за конституцію нѣмецкой имперіи. «Это — торжественное объявленіе, что защита державъ-порукъ признается подозрительною или безсильною. Ужъ нечего и говорить, какая тутъ обида главѣ имперіи!»

Заключеніе труда Геммингена не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ начало. «Когда же пойметъ Германія свое собственное величіе, свои истинныя выгоды? Когда она начнетъ довѣрять единственной опорѣ своей конституціи? Когда перестанетъ предпочитать болѣе или менѣе рабскую зависимость свободному покрову своихъ законовъ? Неужели столько ранъ, неужели утрата столькихъ провинцій недостаточно доказываетъ, что Германія, богато надѣленная щедрою природой и великая по блеску своихъ чиновъ, не должна участвовать въ чужихъ спорахъ, печальный исходъ которыхъ всегда падалъ на нее одну? До какихъ поръ Германія, сбиваемая съ пути пустыми призраками, будетъ отказываться отъ своей свободы, будетъ рабыней тѣхъ, у кого она ищетъ вовсе ненужной защиты? Великіе и благородные мужи Германіи, вы, которые дали владыкъ почти всѣмъ тронамъ, сохраните духъ нѣмецкой доблести, нѣмецкой свободы и нѣмецкаго достоинства! Ваша собственная сила, ваши законы — вотъ ваша единственная защита! И, повѣрьте, за вами останется столь благодѣтельная для васъ дружба державъ, если только вы не оскорбите ея унизительнымъ подозрѣніемъ! Ваши предки, слѣдовавшіе лишь за знаменемъ свободы, любили честь и отечество и ненавидѣли исказителей закона (Gesetzverdreher) да адвокатовъ. Слѣдуйте ихъ примѣру!»

Вообще, послѣдняя часть памфлета, гдѣ требовалась премудрость ганноверскихъ законниковъ, слабѣе первой. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Бейльвицемъ, что брошюра Геммингена принадлежитъ къ «легкимъ войскамъ» Кауницевой канцеляріи. Но въ минуты всеобщаго возбужденія голосъ страсти, воображенія и остроумія дѣйствуетъ сильнѣе логики и познаній: на этомъ основана сущность различія въ формѣ памфлета и научнаго изслѣдованія. А сочиненіе Геммингена было удачнымъ пам-

флетомъ, вовсе непохожимъ на неуклюжія произведенія вѣнскихъ канцелярій. Это была литературная работа, поражавшая читателей своей не-австрійской формой. Въ ней былъ огонь, колкость и смѣлость. Слогъ ея легокъ, красивъ и одушевленъ. Немудрено, что, по сознанію самого Дома, памфлетъ «тамъ-и-сямъ овладѣвалъ умами». Но важнѣе всего, что такіе намеки, какъ Аншпахъ, Байрётъ, Польша и раздѣлъ Германіи, затронули самого стараго Фрица: онъ нашелъ, что «нужно что-нибудь противопоставить впечатлѣнію Геммингеновскаго сочиненія». Дому поручено было написать опроверженіе, также въ видѣ «частнаго» произведенія [1]).

Но трудъ Дома вышелъ лишь наканунѣ 1786 года; а между тѣмъ публицистическая война не прекращалась. Вслѣдъ за памфлетомъ «О королевско-прусской ассоціаціи», въ Вѣнѣ появились два №№ періодическаго изданія, подъ названіемъ «Политическія разсужденія и извѣстія» [2]). Авторъ обѣщалъ выпускать серію своихъ брошюрокъ, по мѣрѣ накопленія важныхъ политическихъ вопросовъ; но, какъ видно, его изданіе остановилось на первыхъ нумерахъ. По всѣмъ признакамъ, это—работа того же Геммингена. Здѣсь тотъ же слогъ, тѣ же пріемы и доказательства, чтó въ первомъ памфлетѣ. Но брошюра написана еще живѣе, свободнѣе и рѣзче: это передовая статья бойкой газеты. Она пересыпана цитатами изъ классиковъ. Здѣсь главная тэма—изобличеніе Фридриха въ своекорыстныхъ интригахъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ авторъ, какъ Іосифъ вступилъ въ союзъ съ Екатериной, стало невозможно нарушать мирное развитіе Австріи. Вотъ, Фридрихъ и взялся за методу запугиванія всѣхъ, посредствомъ ужасныхъ слуховъ. Въ Германіи ему повѣрили протестантскіе фюрсты, т.-е. партія «оппозиціонная» императору. «Эти фюрсты, если только они впредь будутъ слѣпо повиноваться могущественнѣйшему въ своей средѣ, рано или поздно произведутъ революцію въ нашемъ отечествѣ, которая положитъ конецъ римско-нѣмецкой имперіи (быть можетъ, къ выгодѣ немногихъ изъ нихъ)». Ихъ всегда можно увлечь идеей расширенія ихъ верховной власти или «свободы имперскихъ чиновъ». Но, вотъ, имъ понадобилось содѣйствіе католическихъ фюрстовъ. Средства ихъ, въ этомъ случаѣ, ясно доказываютъ, что цѣли у нихъ вовсе не религіозныя,

---

[1]) *Dohm*, III, 147.

[2]) *Politische Betrachtungen und Nachrichten*. № 1. Ueber den politischen Zustand des deutschen Reichs. 1785. Стр. 59 in—16.—№ 2. Project zu einer neuen Kais. Wahlkapitulation. Первый № приложенъ къ депешѣ *Голицына Остерману*, отъ 31 октября (11 ноября) 1785 года.

а политическія, и именно враждебныя императору. «Имъ хотѣлось бы, подъ благовиднымъ предлогомъ, сбросить съ себя узы имперскихъ законовъ, разорвать связи, подчиняющія ихъ общей главѣ имперіи, и произвести настоящую анархію въ имперіи. Тогда-то императоръ снизошелъ бы на степень призрака старой имперской конституціи. За нимъ оставалась бы блестящая, но лишенная всякой власти привилегія—на собственный счетъ изображать, въ своемъ придворномъ штатѣ, величіе древнихъ императоровъ и съ инсигніями Карла Великаго играть на европейскомъ театрѣ роль сценическаго и воображаемаго короля (regem scenicum et imaginarium)». Когда въ Австріи господствовала нетерпимость, враги императора производили въ ней хаосъ своими криками объ этомъ. Іосифъ ввелъ терпимость — и они завопили, что онъ нарушаетъ права католической церкви, что это лишь средство усыпить протестантовъ и расширить свои владѣнія. И дошло до того, что «на имперскомъ сеймѣ протестанты едва не возстали in corpore за монаховъ, между тѣмъ какъ ихъ проповѣдники и учителя съ фанатической ревностью разрисовывали, въ церквахъ и школахъ, этихъ бѣдняжекъ (guten Leute), какъ враговъ чистаго Евангелія и воспитателей слѣпого суевѣрія, какъ подонки человѣчества и заразу государства (faex hominum, pestisque reipublicae). Появилось даже множество сочиненій, осмѣивающихъ Іосифа за отмѣну кучи нелѣпыхъ церковныхъ обрядовъ».

Обсуждая возможный составъ «ассоціаціи» Фридриха, этого «заговора противъ имперіи и императора», авторъ колко характеризуетъ нѣсколькихъ фюрстовъ ихъ слабыми сторонами. Въ его глазахъ, изъ свѣтскихъ князей важнѣе всѣхъ, «по хорошему состоянію войскъ», были оба ландграфа гессенскіе: вѣроятно, говоритъ онъ, они приступятъ къ лигѣ и «промѣняютъ англійскія субсидіи на прусскія». Герцогъ готскій «съ самаго начала почиталъ за честь быть эмиссаромъ или вербовщикомъ лиги и носился по нѣмецкой имперіи съ знаменемъ возстанія (Sturmfahne). Въ Берлинѣ съумѣли устроить такъ, что этотъ князь, природой и искусствомъ воспитанный для идеальнаго міра, воображаетъ, будто совершаетъ великіе подвиги». Изъ католическихъ фюрстовъ лига можетъ разсчитывать только на майнцскаго владыку, котораго успѣли убѣдить, будто единственно молчаніе Австріи на жалобы католическихъ чиновъ привело Пруссію къ этому шагу. Но этотъ князь, «вознесшійся на такую высоту на орлиныхъ крыльяхъ осторожности», если только онъ подпишетъ

союзный договоръ, «сдѣлаетъ шагъ безполезный, крайне ненавистный и, при самомъ невинномъ взглядѣ, смѣшной».

Брошюра оканчивается тою оригинальною мыслью, которая изумила всѣхъ въ циркулярахъ Кауница, но съ прибавленіемъ патріотическаго оттѣнка. «Если — сказано въ ней — справедливо мнѣніе Фридриха, что имперія нуждается въ поддержкѣ, въ виду вліянія, которое забираетъ въ ней Россія, то императоръ самъ готовъ примкнуть къ лигѣ, и тогда послѣдняя будетъ защищать фюрстовъ какъ противъ иностранныхъ державъ, такъ равно и противъ Пруссіи съ Австріей. Если же императоръ не присоединяется, значитъ лига незаконна и служитъ лишь прикрытіемъ замысла Пруссіи — возвеличиться при помощи князей, обманомъ собранныхъ вокругъ ея знамени. И если бы состоялась такая лига, то погибла бы свобода фюрстовъ... Возгорится богатырская война—и кто бы ни побѣдилъ, князья во всякомъ случаѣ пострадаютъ». Эта угроза, а также и вся брошюра были заострены страшнымъ изреченіемъ Цицерона: «и нѣтъ другого исхода раздоровъ между славными и могучими мужами, какъ или всеобщая погибель, или владычество побѣдителя».

Долго изготовлялся въ Потсдамѣ полновѣсный отвѣтъ на первые литературные выстрѣлы изъ Вѣны: очевидно, тамъ не было искусныхъ и досужихъ рукъ для такой работы. А между тѣмъ, въ концѣ августа, появилось назначенное для фюрстовъ «Объясненіе причинъ ассоціаціи» Герцберга (глава XVIII) [1]) и его сокращенное изложеніе на французскомъ языкѣ, въ видѣ декларація европейскимъ дворамъ. Помимо своего дипломатическаго значенія, бумага Герцберга важна тѣмъ, что впервые ставила вопросъ о Баваріи на почву государственнаго права Германіи; а это послужило тэмой для послѣдующей канцелярской полемики. Здѣсь доказывалось, что трактаты не допускаютъ даже добровольнаго обмѣна земель. Напрасно Іосифъ ссылается на баденскій договоръ (1714 года). Правда, здѣсь сказано: «если баварскій домъ найдетъ выгоднымъ какой-нибудь обмѣнъ (einige Vertauschung) своихъ государствъ, христіаннѣйшій (т.-е. французскій) король обѣщаетъ не противиться таковому». Но изъ этого вытекаетъ, что баварскому дому дозволяется лишь обмѣнъ «нѣкоторыхъ земель и округовъ (einiger Länder und Districte)

---

[1]) *Erklärung der Ursachen, welche S. K. M. von Preussen bewogen haben, ihren hohen Mitständen des deutschen Reichs eine Association zur Erhaltung des Reichssystems anzutragen.* Эта бумага, появившаяся тогда даже въ газетахъ, напечатана у *Шмидта* (I, 340—348), по рукописному оригиналу, вѣрнѣе, чѣмъ въ сборникѣ Герцберга.—Cf. *Dohm*, III, 140—142.

или части цѣлаго», притомъ только въ томъ случаѣ, когда это служитъ къ его выгодѣ. Слѣдовательно, тутъ вовсе не имѣлось въ виду промѣна «цѣлаго большого курфюршества и имперскаго лена, зависящаго (unter den Verfügungen) отъ золотой буллы (1356 года) и вестфальскаго мира (1648 года)». Впрочемъ, положимъ, баденскій договоръ не противъ обмѣна; но «онъ отмѣненъ тешенскимъ миромъ и тогда же заключеннымъ особымъ договоромъ между курфюрстомъ пфальцскимъ и герцогомъ цвейбрюкенскимъ. Этими актами возобновлены, утверждены и гарантированы домашніе договоры баваро-пфальцскаго дома 1766, 1771 и 1774 годовъ, которые наложили постоянный и неотчуждаемый запретъ (Fideicommis) на всѣ земли баваро-пфальцскаго дома. Этими же договорами возобновлена древняя прагматическая санкція этого дома, составленная въ Павіи, въ 1329 году, по которой всѣ фюрсты этого дома обѣщали взаимно ничего не продавать изъ своихъ земель и не мѣнять». Отсюда же вытекаетъ, что никакой промѣнъ Баваріи не можетъ совершиться безъ согласія поручителей за тешенскій трактатъ, то-есть прежде всего прусскаго короля и саксонскаго курфюрста, а затѣмъ французскаго и русскаго дворовъ, а также нѣмецкой имперіи. Наконецъ, «само собой не должно забывать, что императоръ Карлъ VI обѣщалъ, по барьеръ-трактату 1715 года, не уступать Нидерландовъ никому изъ фюрстовъ, чуждыхъ австрійскому дому».

Не прошло и мѣсяца, какъ въ Вѣнѣ уже отвѣчали на «Объясненіе» Герцберга, и теперь были пущены въ ходъ тяжелыя войска. Это «Оцѣнка причинъ ассоціаціи для сохраненія имперской системы» — памфлетъ, который Голицынъ прямо назвалъ «сочиненнымъ отъ имени вѣнскаго двора» [1]). Авторъ его—служившій въ канцеляріи Кауница гофратъ Шпильманъ, человѣкъ свѣдущій, прилежный и не старый. До сихъ поръ онъ прозябалъ въ канцелярской тѣни, но «Оцѣнка», по сознанію самого Дома, прославила его и доставила ему вліяніе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ вѣнскаго двора [2]). Сочиненіе Шпильмана противоположно памфлету Геммингена. Это—дѣловое, сжатое и сдержанное произведеніе, написанное тяжеловѣснымъ канцелярскимъ слогомъ.

---

[1]) *Голицынъ Остерману*, отъ 8/19 октября 1785 года. При этой депешѣ приложенъ самый памфлетъ *Prüfung der Ursachen einer Association zur Erhaltung des Reichssystems, welche in der Erklärung Seiner K. M. von Preussen an Dero hohe Reichsmitstände und andere Europäische Höfe sind vorgelegt worden. Wien. 1785.* Стр. 30, in 4. Онъ былъ напечатанъ потомъ у *Reuss'a:* Teutsche Staatskanzlei. Th. XII. 1786.

[2]) *Dohm*, III, 143.

Но оно успѣшно бьетъ на логику и производитъ серьёзное впечатлѣніе обиліемъ познаній въ области государственнаго права Германіи.

Исключительная тэма «Оцѣнки» — доказательство законности обмѣна земель и противозаконности лиги, причемъ малѣйшіе доводы «Объясненія» Герцберга аккуратно разбираются, какъ говорится, по косточкамъ. Такъ, у Герцберга встрѣчается намекъ, что уже на мирныхъ конференціяхъ 1778 года была доказана невозможность передачи Баваріи Габсбургамъ: Шпильманъ напоминаетъ, что тогда рѣчь шла только о части Баваріи, отходившей къ Австріи, а вовсе не объ обмѣнѣ земель. Касательно домашнихъ договоровъ пфальцскаго дома должно помнить, что они вытекаютъ изъ санкціи 1329 года, которая, по объясненію историковъ [1]), даже тогда не была обязательна ни для *всего* дома, ни для *всѣхъ* его владѣній: марка Бранденбургъ была же потомъ продана безъ протестовъ! Мало того. Въ домашнемъ договорѣ 1771 года нѣтъ ни слова про обмѣнъ, а про продажу сказано, что она дозволяется лишь «въ крайности (Nothfällen), или при большихъ выгодахъ (Verschaffung bessern Nutzens), или же по разумнымъ причинамъ (aus verstandenen Ursachen)». Натяжка въ толкованіи баденскаго мира очевидна. Но, кромѣ того, въ 1778 году, когда также была рѣчь объ этомъ мирѣ, Фридрихъ самъ заявилъ, что баварскій домъ вообще можетъ, если захочетъ, промѣнивать свои земли, только съ согласія всѣхъ членовъ: тогда не говорилось ни о какихъ «частяхъ» владѣній этого дома. Да и мудрено толковать баденскій трактатъ иначе. И самый текстъ его, и даже исторія предшествовавшихъ ему переговоровъ доказываетъ, что тогда именно имѣли въ виду узаконить право обмѣна баварскихъ земель. Тогдашній опальный курфюрстъ баварскій не хотѣлъ возвращаться въ свои земли и мечталъ о Нидерландахъ. Чтобы привлечь его и тѣмъ ускорить заключеніе мира, державы рѣшились предоставить ему право обмѣна земель. Императоръ и французскій король, заключавшіе баденскій миръ, имѣли право создать новый законъ, вопреки старымъ. Отсюда и вытекала статья, латинскій текстъ которой совершенно не допускаетъ толкованія, приданнаго ей въ «Объясненіи» Герцберга [2]). Но положимъ даже, что тешенскій миръ

---

[1]) *Schmidt:* Geschichte der Deutschen, V. B., neue Auflage. S. 205.

[2]) „Si domus bavarica a sua integra restitutione *aliquam* statuum suorum cum aliis *permutationem* (*quelques changemens* de ses états contre d'autres) rebus suis convenire autumaret, ei tum Sacra Regia Majestas Christianissima nihil obstaculi injiciet“.

уничтожилъ эту статью баденскаго договора и пфальцскому дому, по закону, нельзя мѣнять своихъ земель. Въ такомъ случаѣ необходимо припомнить слѣдующій важный примѣръ. Въ 1778 г. въ прусскихъ государственныхъ бумагахъ оправдывалась идея присоединенія Аншпаха и Байрёта къ Бранденбургу, посредствомъ обмѣна Лаузица, чтб прямо противорѣчило домашнимъ договорамъ. Тутъ Шпильманъ привелъ выписку о томъ, что эти договоры—дѣло договаривающихся сторонъ, въ которое не должны вмѣшиваться ни императоръ, ни имперія: и если бы Бранденбургъ не пользовался здѣсь полною свободой, онъ былъ бы исключеніемъ среди германскихъ государствъ. «Оцѣнка» ловко пародируетъ эту выписку, вставляя въ нее вопросъ о Баваріи и Пфальцѣ. Другое дѣло *насильственный* обмѣнъ, въ которомъ уличаютъ Австрію. «Но если бы мнимая угроза герцогу цвейбрюкенскому была сдѣлана Румянцовымъ, то онъ тотчасъ же и доложилъ бы о ней; а изъ его донесеній видно совсѣмъ противное. И возможно ли ожидать этого отъ такого осторожнаго, умнаго, справедливаго человѣка, какъ Румянцовъ, которому, вдобавокъ, велѣно было дѣйствовать дружелюбіемъ, а не угрозами? И восьмидневный срокъ назначалъ не онъ, а самъ герцогъ. Къ тому же, въ эту недѣлю Румянцовъ вовсе не былъ при дворѣ герцога, а сидѣлъ во Франкфуртѣ вполнѣ спокойно, поджидая обѣщанный ему письменный отвѣтъ; получивши же его, онъ уже вовсе не видался съ герцогомъ. Стало быть, Румянцову было физически невозможно поступать съ герцогомъ назойливо, стремительно, грозно».

Весьма важно, что и Шпильманъ вовсе не отвергаетъ желанія Іосифа пріобрѣсти Баварію. Напротивъ, у него выходитъ, что императоръ никогда и не отказывался отъ этой мысли. «Если обмѣнъ невыгоденъ пфальцскому дому, онъ не состоится; если же выгоденъ, то должно помнить, что ни Австрія, ни Пфальцъ не состоятъ подъ чьей-либо опекой въ вопросѣ о своихъ выгодахъ и невыгодахъ [1]). Вѣдь, по поводу Аншпаха и Байрёта Фридрихъ, не задумываясь, объявилъ, что этого требуютъ его выгоды округленія границъ (Vortheil eines Arrondissement) и что Австрія не смѣетъ и заикаться объ этомъ!» Говорятъ, съ пріобрѣтеніемъ Баваріи Австріей, нарушится нѣмецкое, и даже евро-

[1]) Здѣсь, у *Шмидта* (Preussens deutsche Politik, 48) помѣщена фраза, которой мы не встрѣтили въ памфлетѣ: „Der kaiserliche Hof würde wohl freilich niemals dem Vorhaben entsagen, Baiern über kurz oder lang auf eine oder andere Weise zu erhalten“. Она слово-въ-слово взята изъ краткаго изложенія памфлета у *Дома* III, 144 sq.).

пейское, равновѣсіе. Однако этого не опасались тѣ, которые подписывали баденскій миръ. А послѣ того сколько земель утратилъ австрійскій домъ и какъ усилился берлинскій дворъ! Въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о пріобрѣтеніи, а объ обмѣнѣ одной земли на другую. Нѣмецкое равновѣсіе зависитъ отъ соблюденія законовъ и конституціи, да отъ подчиненія всѣхъ чиновъ высшей власти. «Лишь тѣ чины нарушаютъ это равновѣсіе, которые заводятъ союзы между одними фюрстами противъ другихъ, притомъ по поводу дѣлъ, подлежащихъ лишь общему рѣшенію. Лишь тотъ нарушаетъ равновѣсіе, кто дозволяетъ себѣ произвольныя сужденія и даже вооруженные союзы, желая, такимъ образомъ, наложить на всѣхъ остальныхъ совершенно незаконную высшую власть». Фридрихъ называетъ свою ассоціацію невинною, не нарушающею правъ императора. Но она стремится отнять у австрійскаго и пфальцскаго домовъ ихъ законное право обмѣниваться своими землями. И если ее не скрываютъ, то однако показываютъ только союзный договоръ, а не секретныя статьи. Нѣтъ, эта ассоціація направлена противъ императора, и она противна основнымъ законамъ имперіи. Довольно вспомнить постановленіе 1673 года (Exekutionsordnung), въ которомъ сказано: «ни одинъ чинъ не долженъ нападать на другіе чины, обижать или огорчать ихъ, а также составлять противъ нихъ *заговоры* (Konspirazion) или воспрещенные *союзы* (Bündniss), или же принимать участіе въ послѣднихъ».

«Не успѣла показаться «Оцѣнка», говоритъ Голицынъ, какъ появилось много частныхъ сочиненій въ защиту вѣнскаго двора противъ его противниковъ въ имперіи [1]). Слѣдовательно, въ Вѣнѣ за аттакой тяжелыхъ войскъ снова послѣдовала вылазка легкой кавалеріи. А Домъ все еще рылся въ берлинскихъ архивахъ! Но было слишкомъ опасно оставлять безъ отвѣта такого автора, какъ Шпильманъ, и снова взялся за перо неутомимый Герцбергъ, чтобы «получше перемѣшать карты», по выраженію Долгорукаго [2]). Новое произведеніе прусскаго министра, оснащенное архивскими доказательствами, носило названіе: «*Отвѣтъ* на вышедшую въ Вѣнѣ такъ-называемую *Оцѣнку* причинъ ассоціаціи» [3]). Оно предварительно было представлено на раз-

---

[1]) *Голицынъ Остерману*, отъ 31-го октября (11-го ноября) 1785 года.

[2]) *Долгорукій Остерману*, отъ $^{15}/_{26}$ ноября 1785 года. Посылая при этомъ произведеніе Герцберга, онъ выразился такъ: „Tous ces écrits ne peuvent servir qu'à brouiller de plus en plus les cartes".

[3]) *Beantwortung* der zu Wien herausgekommenen sogenannten *Prüfung* der Ursachen einer Association zu Erhaltung des Reichssystems, welche in der Erk-

смотрѣніе Фридриху. При этомъ министры извѣщали своего короля: «*Оцѣнка* соткана изъ софизмовъ и лжи; но она заслуживаетъ опроверженія и противодѣйствія, и во всей Европѣ ожидаютъ этого съ нетерпѣніемъ, какъ доносятъ намъ изъ Цвейбрюкена и изъ другихъ мѣстъ... Эти столь же ложные, какъ и дерзкіе доводы производятъ свое впечатлѣніе въ Европѣ, и если промолчать—они будутъ считаться правдоподобными (spécieuses)... Поэтому мы составили и напечатали возраженіе, со всею точностью и умѣренностью, насколько дозволяло дѣло, а также съ необходимой пощадой русскаго, французскаго и даже самого вѣнскаго дворовъ». Фридрихъ одобрилъ сочиненіе Герцберга, замѣтивъ про «Оцѣнку»: «это они наворотили цѣлую кучу софизмовъ, и не нужно быть великимъ Геркулесомъ, чтобы укротить эту гидру» [1]). 26-го ноября нѣмецкій текстъ «Отвѣта» былъ разосланъ ко всѣмъ европейскимъ и нѣмецкимъ дворамъ, и каждый прусскій посланникъ получилъ множество экземпляровъ его. Вслѣдъ затѣмъ, точно также былъ распредѣленъ и французскій переводъ.

«Отвѣтъ» преимущественно посвященъ вопросу объ обмѣнѣ земель. При этомъ онъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль — доказать незаконность баварскаго плана и очистить Фридриха отъ упрека въ поползновеніи на обмѣнъ Лаузица на франконскія маркграфства Аншпахъ и Байрѣтъ. По его аргументаціи, Австрія вовсе не ослабѣла со времени баденскаго мира. «Если она дѣйствительно лишилась Неаполя, Сициліи, Лотарингіи, Силезіи и Сербіи, то была и вознаграждена за утрату этихъ, по бо́льшей части отдаленныхъ, земель: она увеличила свои внутреннія силы и пріобрѣла столь важныя области, какъ Тоскана, Галиція и Иннскій округъ. Австрія безспорно теперь могущественнѣе, чѣмъ была во время баденскаго мира». И къ такому-то государству

---

lärung. S. Königl. Majestät von Preussen an Dero hohe Reichsmitstände und andere Europäische Höfe sind vorgelegt worden. Berlin. 1785. 26 S. in 4. Приложенъ къ депешѣ *Долгорукаго Остерману*, отъ $^{15}/_{26}$ ноября 1785 года. Памфлетъ напечатанъ у *Рейсса:* Teutsche Reichskanzlei, 12 Th., 269 sqq. Французскій переводъ (Réponse à l'Imprimé qui a paru a Vienne sous le titre *d'Examen* des motifs d'une association pour la conservation du systeme de l'Empire, exposés dans la déclaration faite par S. M. le Roi de Prusse aux Etats de l'Empire et aux autres Cours de l'Europe. Berlin. 1785. 26 p. in 4) напечатанъ сначала въ сборникѣ Герцберга (II, 311 sqq.), потомъ, по архивскому экземпляру, но съ пропусками, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 379—393.

1) *Schmidt*, I, 377—379.

присоединить еще Баварію! [1]). «Тогда явилась бы огромная массивная сила, обширное государственное тѣло, которое залегало бы, почти безъ перерывовъ, пространство въ 200 нѣмецкихъ миль, отъ Чернаго моря до Рейна». Конечно, участь Германіи зависѣла бы тогда «отъ воздержности каждаго австрійскаго монарха». Но если исчезнетъ эта воздержность и воскреснутъ времена Карла V и Фердинанда II, то «вся нѣмецкая имперія неизбѣжно станетъ монархіей австрійскаго дома, какъ во времена Карла Великаго и Оттоновъ». И «найдется ли тогда въ Европѣ держава настолько могущественная, чтобы отстранить старинныя притязанія римскихъ императоровъ и нѣмецкихъ королей на множество сосѣднихъ земель — на Голландію, Швейцарію, Италію, бывшія королевства Арелатское, Бургундское, Лотарингское и другія? Не подвергнется ли вся Европа вѣрной опасности отъ *всемірной монархіи?* Пусть не говорятъ, что это химера! Кому извѣстны положеніе, силы и внутреннее устройство Германіи и сосѣднихъ націй, кто припомнитъ примѣры исторіи и признаетъ возможность повторенія замысловъ, встрѣчавшихся прежде, тотъ легко убѣдится, что это возможно и даже весьма вѣроятно. Эта химера можетъ осуществиться, какъ только въ Германіи явится дѣятельный и *предпріимчивый* императоръ». Кто же можетъ осуждать бранденбургскій домъ за изысканіе законныхъ средствъ къ предупрежденію такой бѣды, когда онъ «естественно долженъ стать первою жертвой этой преобладающей силы?» Затѣмъ Герцбергъ доказываетъ уже извѣстными договорами незаконность баварскаго плана, причемъ дѣлаетъ точныя выписки изъ документовъ, толкуя ихъ во вредъ Австріи. Касательно статьи павійскаго договора [2]), запрещающей отчужденіе виттельсбахскихъ земель, колко сказано, что «высокій австрійскій домъ лучше всѣхъ знаетъ, когда, почему и какимъ образомъ нарушена она»: не онъ ли присвоилъ себѣ Тироль, Иннскій округъ и большой кусокъ Баваріи?... Прямо указано также, что, судя по заявленіямъ вѣнской дипломатіи, императоръ самъ не считалъ своей затѣи

---

[1]) „Отвѣтъ“ подробно и съ цифрами объясняетъ богатства, обширность и великое значеніе Баваріи.

[2]) Вотъ эта статья: „Wir sullen auch Unser Herrschaft, Uest und Gut niemand geben noch *verkaufen*, und was wir ye verkaufen mussen, die sullen wir yne zu kauf geben und anderst niemand, das sullen sie Uns herwieder thun. Wir sullen auch Unser Ueste und Gut, wie die genandt sind nicht *versetzen*, keinem König noch Fürsten, er sey Pfaff oder Lay; also sullen sy auch thun. Wir sullen auch Unsere Herrschaft, Burgk, Statt und Gutt niemand lenhen, versetzen und *verwexeln* mit Gevärde auf ihrn Schaden, dasselbe sullen sy Uns hinwieder thun“.

законною: въ своихъ первыхъ циркулярахъ Кауницъ скрывалъ баварскій планъ и заговорилъ о немъ лишь потомъ, послѣ разоблаченій петербургскаго кабинета. Правда, Іосифъ хочетъ оправдать свой замыселъ наивнымъ вопросомъ: «развѣ Баварія прежде не была обширнѣе?» Герцбергъ отвѣчаетъ: «конечно, была, ибо ее общипала потомъ Австрія, частію съ согласія имперіи, частію же насильственно». Что же касается ссылки на продажу Бранденбурга, то она совсѣмъ неумѣстна. Бранденбургъ никогда не принадлежалъ баварскому герцогству: оттого о немъ и не сказано ничего въ павійскомъ договорѣ.

Но «Отвѣтъ» останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на вопросѣ о франконскихъ маркграфствахъ. Эта тэма дѣйствительно была весьма важна для Фридриха, въ видахъ популярности въ «отечествѣ». Съ одной стороны, нужно было воспользоваться случаемъ объясниться съ нѣмцами насчетъ столь щекотливаго вопроса, давно набрасывавшаго тѣнь на патріотизмъ Гогенцоллерновъ. Съ другой—это давало Фридриху возможность припомнить лестную для него роль защитника «отечества» во время войны за баварское наслѣдство. Вопросъ о маркграфствахъ былъ тѣсно связанъ съ переговорами, предшествовавшими тешенскому миру, и о нихъ-то Герцбергъ распространился съ особенной любовью и со множествомъ выписокъ изъ документовъ [1]). Изъ его словъ оказывается, что въ 1778 году вѣнскій дворъ самъ, безъ всякихъ поводовъ со стороны Берлина, предложилъ Фридриху обмѣнъ Лаузица на маркграфства, конечно, связывая его съ своимъ обмѣномъ Нидерландовъ на Баварію. Прусскій король не согласился— и началась война за баварское наслѣдство. Затѣмъ вѣнское предложеніе повторялось еще нѣсколько разъ—и Фридрихъ постоянно отказывался, гнушаясь имъ, какъ благородный патріотъ. Впрочемъ, здѣсь же изъ одного отвѣта Фридриха Маріи-Терезіи видно, что въ Вѣнѣ имѣли нѣкоторое основаніе заговорить съ королемъ объ Аншпахѣ и Байрѣтѣ. Замѣтивъ, что Австрія приноситъ тутъ весьма умѣренную жертву, ибо Пруссія имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла маркграфствъ лишь по прекращеніи саксонскаго дома, прусскій министръ сказалъ: «вообще, у короля была мимолетная мысль (une idée passagère) объ этомъ обмѣнѣ, и онъ никогда не настаивалъ на ней». Наконецъ, Фридрихъ пере-

1) Особенно здѣсь были пущены въ ходъ письма Фридриха къ Маріи-Терезіи, въ 1778 году, „которыя—говоритъ Герцбергъ—если бы ихъ обнародовать, послужили бы вѣчнымъ и достойнымъ изумленія памятникомъ благородныхъ и безкорыстныхъ чувствъ прусскаго короля“.

сталъ даже отвѣчать на настоянія Кауница, замѣтивъ только, что для его обмѣна вовсе и ненужно согласія Австріи. При этомъ было заявлено, что бранденбургскій и саксонскій домы не связаны относительно обмѣна своихъ земель такими семейными договорами, какъ баваро-пфальцскіе. Такими-то проявленіями безпримѣрнаго безкорыстія король спасъ Баварію отъ когтей Габсбурга!

«Отвѣтъ» горячо и многословно возстаетъ противъ мнѣнія, будто основой имперской конституціи служитъ подчиненіе всѣхъ чиновъ главѣ имперіи. Онъ доказываетъ полное ограниченіе власти императора законами и избирательными условіями. Мало того. Всѣ законы дозволяютъ фюрстамъ, для защиты конституціи, «составлять конфедераціи какъ между собой, такъ и съ иностранными державами». Фюрсты соединяются тутъ «не противъ императора и имперіи, а противъ своего сочлена, злоупотребляющаго своимъ могуществомъ». «Они вовсе не разрушаютъ равновѣсія, а, напротивъ, поддерживаютъ его. Они не присвоиваютъ себѣ ни надъ кѣмъ незаконной власти, а стараются предупредить это. Они не притязаютъ на рѣшеніе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію всѣхъ, подобно тѣмъ, которые стремятся захватить величайшія герцогства, а слѣдовательно, незамѣтно и всю Германію, посредствомъ обмѣнныхъ плановъ, выгодныхъ имъ и мнимо-добровольныхъ, предлагая ихъ отдѣльнымъ личностямъ, безъ соизволенія и даже безъ вѣдома нѣмецкой имперіи». Вотъ, безъ конфедерацій «равновѣсіе, дѣйствительно, нарушилось бы! Быстро и весьма часто воскресали бы времена и условія, конечно, противныя благороднымъ чувствамъ такихъ императоровъ, какъ Іосифъ II; именно величайшіе курфюрсты и князья имперіи были бы деспотически лишаемы своихъ земель и сановъ, или съ ними обращались бы, какъ съ подлыми преступниками». Такія насилія часто приводили даже къ иностранному вмѣшательству. «Въ наше время нельзя ожидать — да это и не желательно — чрезвычайныхъ и иностранныхъ вмѣшательствъ. Болѣе сообразно съ достоинствомъ и благоденствіемъ нѣмецкой націи, чтобы въ подобныхъ тревожныхъ случаяхъ патріотическіе князья соединялись между собой и составляли публичныя и законныя ассоціаціи для собственной безопасности. Пусть они заявляютъ свои жалобы и заботы въ декларація хъ публичныхъ и свободныхъ, но умѣренныхъ и вовсе не обидныхъ! Пусть они даютъ этимъ путемъ благороднымъ фюрстамъ матеріалъ для серьёзныхъ размышленій и стараются, такимъ образомъ, предупредить во-время безполезныя и опасныя усилія, которыя трудно подавить

послѣ совершившагося факта (après coup)». А что разумѣлось подъ послѣднимъ выраженіемъ, видно изъ другого мѣста «Отвѣта», гдѣ авторъ подхватилъ увѣреніе «Оцѣнки», что Австрія вовсе не отказывается отъ мысли пріобрѣсти Баварію.

Вообще, сдержанный «Отвѣтъ» обнаружилъ раздраженіе Герцберга только по поводу слова «заговоръ», примѣненнаго Шпильманомъ къ лигѣ. «Нельзя не замѣтить,—сказано въ немъ,—что здѣсь авторъ совсѣмъ извращаетъ дѣло, приводитъ слишкомъ поспѣшныя и ложныя доказательства и, наконецъ,—нужно думать, безъ вѣдома своего двора — позволяетъ себѣ выраженія обидныя и не очень приличныя... Всѣ патріотическіе чины Германіи должны быть поражены и не оставаться равнодушными, въ виду того, что авторъ называетъ *заговоромъ* и *запрещенной* конфедераціей неизвѣстную ему ассоціацію, составленную тремя главными курфюрстами и другими высокими чинами имперіи. Никакой писатель не имѣетъ права на столь обидный (choquant) языкъ... Императорскій дворъ или его писатели не должны употреблять столь неумѣстный языкъ, если они не желаютъ подвергнуться упреку въ деспотическихъ видахъ и беззаконныхъ предпріятіяхъ противъ неприкосновенности курфюршествъ и княжествъ, а также противъ права имперскихъ чиновъ заключать союзы».

Памфлетъ Герцберга имѣетъ видъ сильнаго оружія по своей архивной подкладкѣ; но онъ написанъ довольно холодно и многословно; къ тому же, онъ касался деликатныхъ вопросовъ и явно билъ на раздуваніе «патріотизма» Фридриха. Нѣтъ нигдѣ указаній на то, чтобы онъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ той средѣ, для которой предназначался. Послѣ него не присоединилось къ лигѣ ни одного сколько-нибудь интереснаго фюрста. Да и въ самомъ Потсдамѣ, кажется, считали «Отвѣтъ» случайнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ лишь потому, что опасно было оставлять «Оцѣнку» безъ немедленнаго отраженія. Вслѣдъ за брошюрой Герцберга появилось, наконецъ, настоящее оружіе—«О нѣмецкомъ союзѣ князей» Дома [1]),—памфлетъ, имѣющій такое же первостепенное значеніе въ разсматриваемой полемикѣ, какъ трудъ

---

[1]) *Ueber den deutschen Fürstenbund.* Von Chr. Wilh. *Dohm*, Königl. Preuss. Geheimen-Rath bey dem Departement der auswärtigen Geschäfte. Berlin, im December 1785. S. 140 in 16. На заглавномъ листѣ гравюрка, которую мудрено было бы понять, если бы догадливый авторъ не приложилъ „Объясненія", играющаго, въ то же время, роль эпиграфа: „Геній, подлѣ котораго длинный щитъ и копье древнихъ германцевъ, обвязываетъ пукъ стрѣлъ оливковой вѣтвью. Значитъ: какъ не сломать связанныхъ стрѣлъ, такъ не преодолѣть Германіи, связанной согласіемъ". Памфлетъ Дома напечатанъ также въ III томѣ его „Записокъ".

Геммингена. По объясненіямъ самого автора, это сочиненіе приписывали тогда Герцбергу: такъ сходно оно съ «Отвѣтомъ» на оцѣнку». Это несправедливо. Но самъ Домъ не скрываетъ, что министръ сильно приложилъ руку къ его произведенію. «Герцбергъ,—говоритъ онъ,—читалъ съ большимъ вниманіемъ отдѣльные листы, по мѣрѣ ихъ выхода изъ печати, и сообщалъ автору свои замѣчанія, которыми тотъ пользовался къ великой выгодѣ своего труда. Главная помощь состояла въ томъ, что министръ, точно знавшій всѣ части архива, указывалъ акты, въ которыхъ можно было найти интересныя свѣдѣнія о томъ или другомъ вопросѣ» [1]).

Приступъ памфлета Дома не лишенъ патетичности. «Вотъ, многія силы соединяются для одной великой цѣли, и цѣль эта—сохраненіе общихъ правъ и свободы! Дѣло идетъ о передачѣ потомкамъ, въ неприкосновенномъ видѣ, почтенной уже по своимъ лѣтамъ конституціи, выдержавшей столько дурныхъ эпохъ и тѣмъ болѣе дорогой, что она добыта славною борьбой и трудомъ. У первыхъ представителей великаго народа настолько сильно чувство общаго блага, что ему легко подчиняется всякій эгоистическій частный интересъ. Что̀ можетъ быть интереснѣе такого зрѣлища для мыслящаго наблюдателя политическихъ событій? Даже въ томъ вѣкѣ, когда изнѣженность и роскошь, казалось бы, подавили силу и нервы, такое зрѣлище способно пробудить политическую доблесть, ставшую почти невѣроятнымъ и романтическимъ явленіемъ. Оно можетъ внушить всѣмъ благороднымъ современникамъ участіе къ конституціи, которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ сохраненія, что она обладала силой вызывать великія чувства у гражданъ общаго отечества. Соединеніе патріотическихъ фюрстовъ, въ нынѣшнемъ году, доказало это въ такой формѣ, которая истинно дѣлаетъ честь нашему отечеству и нашему вѣку. Изъ края въ край по Германіи и, можно утверждать съ полною справедливостью, даже далеко за предѣлами Германіи была одобрительно принята вѣсть, что наши князья соединились, чтобы защитить справедливость и свободу, обезпечить каждому его достояніе, соблюдать законы и права, общими силами поддерживать нашу почтенную нѣмецкую конституцію въ ея неприкосновенности и съ патріотическимъ мужествомъ отражать всякій ударъ, направленный къ ея ниспроверженію. Въ кабинетахъ одобряли мудрую политику этой мѣры, какъ сообразной съ обстоятельствами и благодѣтельной для мира всей Евро-

[1]) *Dohm*, III, 149.

пы, центромъ которой служитъ наше отечество. Отъ Балтики до Пиренеевъ всякій мыслящій человѣкъ признавалъ ея справедливость и раздѣлялъ великодушіе, внушившее ее. Нѣмецъ снова гордился своимъ именемъ и начиналъ вѣрить, что нѣмецкій патріотизмъ существуетъ не въ однѣхъ пѣсняхъ нашихъ благородныхъ поэтовъ». Но тотчасъ же Домъ сознается, что на общественное мнѣніе дѣйствуютъ и «самыя невѣрныя представленія», да такъ, что необходимо опровергать ихъ.

Затѣмъ авторъ старается доказать ссылками на законы и на историковъ, что фюрсты имѣютъ полное право заключать между собой какія угодно уніи, лишь бы онѣ не были вредны имперіи. Союзъ же князей 1785 года клонится не ко вреду, а къ пользѣ нѣмецкой конституціи: онъ вызванъ злоупотребленіями императорской власти. Вся бѣда въ томъ, что эта власть находится въ рукахъ Габсбурговъ. «Какъ одна изъ первыхъ европейскихъ державъ, австрійскій домъ всегда старался пользоваться императорскимъ саномъ, какъ орудіемъ своего возвеличенія, и давать силамъ имперіи направленіе самое благопріятное для интересовъ его наслѣдственныхъ земель... Долгое обладаніе императорскимъ саномъ должно было сильно перепутать интересы избирательной и наслѣдственной монархіи и, конечно, подчинить первую послѣдней... Въ особенности же нѣмецкіе чины должны были поставить себѣ въ патріотическій долгъ быть крайне осторожными и внимательными, когда въ повелителѣ столь могущественной австрійской монархіи соединились высокіе таланты, которые намекали на возможность необычайнаго напряженія великихъ и нерѣдко дремлющихъ силъ этой державы, а также необычайнаго стремленія исполнить старые честолюбивые планы. Могу сказать безъ малѣйшей лести, что со времени перваго великаго императора изъ Габсбурговъ, Рудольфа I, немногіе изъ его преемниковъ выказывали столько свойствъ великаго правителя, сколько обнаружилъ ихъ Іосифъ II въ немногіе годы своего обладанія Австріей... И дѣйствительно, вскорѣ стали подозрѣвать, что Іосифъ II не считаетъ себя настолько связаннымъ внѣшними отношеніями и старыми договорами съ иностранными державами, чтобы не отречься, при удобномъ случаѣ, отъ всякихъ стѣснительныхъ обязательствъ и не открыть своимъ подданнымъ торжественно замкнутые источники дѣятельности и богатства».

Тутъ Домъ перечисляетъ всѣ, извѣстныя намъ, злоупотребленія Іосифа, не забывая даже этикета. «И на имперскомъ сеймѣ эрцгерцогскій посланникъ пытался ввести новость, противную всѣмъ обычаямъ и основѣ всякаго церемоніала: онъ вздумалъ

было отдѣлиться отъ княжескихъ посланниковъ и, безъ всякаго основанія, стать на ряду съ курфюршескими». Но, конечно, авторъ сосредоточилъ всю силу своего краснорѣчія на обмѣнѣ земель, хотя онъ тутъ повторялъ слова «Отвѣта» Герцберга, на который и ссылается. Любопытно только то особенное вниманіе, которое обратилъ Домъ на «нѣмецкое» и еще больше на «европейское равновѣсіе». Вотъ какъ краснорѣчиво защищаетъ онъ международные интересы Франціи. Пріобрѣтеніе Баваріи Габсбургами «измѣнило бы политическія отношенія между Австріей и Франціей совершенно въ пользу первой. Нигдѣ, кромѣ Нидерландовъ, Франція не можетъ напасть на Австрію съ бо́льшею надеждой на успѣхъ. А завоеваніе ихъ весьма важно и всегда можетъ удаться... Такъ какъ Франція не можетъ пріобрѣсти Нидерланды, то ей пріятнѣе всего такой сосѣдъ, какъ Австрія, которая только-что оказалась не сильнѣе Голландіи... Для европейскаго равновѣсія крайне важно, чтобы могущество Франціи не было слишкомъ ослаблено сравнительно съ Австріей. Поэтому всѣ державы должны заботиться, чтобы сохранялась слабая сторона Австріи — обладаніе Нидерландами. Онѣ не должны допускать, чтобы Франція, вслѣдствіе соединенія Баваріи съ Австріей, навсегда лишилась возможности имѣть союзниковъ въ нѣмецкой имперіи и (такъ какъ правитель Баваріи естественно будетъ въ числѣ этихъ союзниковъ), захвативъ Дунай, проникать въ самое сердце австрійскихъ владѣній. Этотъ послѣдній весьма простой планъ возникалъ уже не разъ; правда, онъ не вѣнчался успѣхомъ, но не вслѣдствіе силы отпора, а просто — отъ ошибокъ нападавшихъ».

Послѣ идеи равновѣсія, приступъ памфлета болѣе всего распространяется о патріотизмѣ Фридриха II. Отражая фразами толки о своекорыстіи короля, авторъ прибавляетъ: «но если бы потребовалось еще доказательство, что у прусскаго двора нѣтъ честолюбивыхъ замысловъ, вредныхъ имперіи, то таковымъ служитъ нѣмецкій союзъ. Напрасно стараются возбудить недовѣріе къ этому двору; напрасно приписываютъ ему намѣренія, которыя врагамъ хотѣлось бы видѣть у него. Кто обязывается противодѣйствовать всякому чужому нападенію, тотъ твердо отказывается отъ своего собственнаго. Кто выступаетъ противъ несправедливости и насилія другихъ, тотъ самъ себѣ связываетъ руки въ этомъ отношеніи.... Разсмотрите безпристрастно обычный образъ дѣйствій бранденбургскаго дома — и вы не найдете случая, когда бы онъ старался возвеличиться путемъ нарушенія имперской конституціи и свободы своихъ со-чиновъ. Всѣ его владѣнія въ нѣмецкой импе-

ріи пріобрѣтены законнымъ образомъ: они частью достались по наслѣдству, частью же уступлены ему императоромъ и имперіей, въ вознагражденіе за жертвы на пользу общую. Этотъ домъ всегда старался сохранить нѣмецкую конституцію во всей ея полнотѣ. Онъ энергически содѣйствовалъ всѣмъ имперскимъ постановленіямъ въ этомъ смыслѣ, а въ подчиненныхъ ему округахъ старался соблюдать строгое повиновеніе приказамъ и усердно, безпристрастно исполнять приговоры имперскихъ судовъ. Ни одинъ изъ чиновъ, сосѣднихъ со многими и разбросанными бранденбургскими государствами, не можетъ пожаловаться на враждебныя столкновенія или насилія [1]). А какое блестящее доказательство своего чисто-нѣмецкаго патріотизма явилъ нашъ великій король недавно, во время войны за баварское наслѣдство, когда онъ рисковалъ своимъ войскомъ и собственной уже 66-лѣтнею особой, притомъ безъ всякаго непосредственнаго собственнаго интереса, единственно для сохраненія имперской конституціи! Итакъ, прошлое, по крайней мѣрѣ, не дозволяетъ заподозрѣвать бранденбургскій домъ въ насиліяхъ. Напротивъ, и въ будущемъ должно ожидать отъ него столь же справедливыхъ и хорошихъ поступковъ, ибо послѣдніе-то и составляютъ его *истинную политику*». Тутъ слѣдуетъ рядъ доказательствъ, что «мудрое правленіе, разумная бережливость, человѣчность, разумъ и просвѣщеніе составляютъ потребность и условія величія Пруссіи. Дурное же, тираническое и фанатическое правленіе неизбѣжно ослабило бы и погубило ее. Она не настолько богата, чтобы быть расточительной, и не настолько могущественна, чтобы быть несправедливой! Такое государство вездѣ должно бы внушать довѣріе всѣмъ своимъ сосѣдямъ, въ особенности же въ Германіи, такъ какъ для Пруссіи нѣтъ никакой выгоды въ разрушеніи нынѣшней конституціи: напротивъ, ея собственное спасеніе требуетъ непоколебимой прочности послѣдней. И съ точки зрѣнія самой простой политики, никогда не можетъ быть столкновенія между нѣмецкими и *прусскими интересами*. Если бы даже прусскому двору предложили на выгодныхъ условіяхъ уничтожить имперскую конституцію и подчинить имперскіе чины, то уже собственный интересъ принудилъ бы его отвергнуть столь несправедливое предложеніе и всѣми силами помѣшать его исполненію; ибо, какъ бы ни были велики предложенныя ему выводы, онѣ всегда будутъ меньше австрій-

[1]) „Указаніе на Семилѣтнюю войну нейдетъ сюда. Это была необходимая оборона, какъ доказано самымъ неопровержимымъ и документальнымъ образомъ въ *Mémoire raisonné* прусскаго двора" (это — извѣстная исторія съ документами, найденными Фридрихомъ въ дрезденскомъ архивѣ).

скихъ, слѣдовательно, отношеніе между обѣими державами измѣнилось бы вполнѣ въ ущербъ Пруссіи, чтò навѣрно повлекло бы за собой скорую погибель послѣдней. Подобный планъ немыслимъ безъ участія Австріи. И Пруссія была бы весьма чувствительно наказана, за малѣйшую наклонность къ нему, неизбѣжной и заслуженной потерей всякаго довѣрія въ имперіи и за предѣлами ея. Оттого, пока за берлинскимъ кабинетомъ признается хоть капля политическаго смысла, должно считать такую идею просто невозможною». Послѣ всѣхъ изложенныхъ доводовъ, Домъ не сомнѣвается, что тщетны усилія враговъ «подорвать довѣріе къ двору, интересы котораго, къ счастью, такъ тѣсно связаны съ интересами Германіи».

Послѣ этого приступа, занимающаго почти треть памфлета, Домъ перепечатываетъ брошюру Геммингена, сопровождая ее множествомъ подстрочныхъ примѣчаній, которыя отчасти были прямо плодомъ Герцберговой корректуры [1]). Въ этихъ возраженіяхъ нѣтъ ничего новаго. Дополненъ только «Отвѣтъ» Герцберга нѣсколькими примѣрами изъ области исторіи и государственнаго права Германіи. Въ этой части брошюры, также какъ и въ приступѣ, выдѣляется исканіе популярности среди нѣмцевъ. Здѣсь опять не разъ упоминается о совпаденіи интересовъ Пруссіи и Германіи. Кромѣ того, восхваляются просвѣщенные принципы внутренняго управленія Фридриха, въ особенности же свобода печати. Но Домъ тутъ же не разъ выражаетъ изумленіе, какъ вѣнская цензура пропускаетъ такія неприличныя вещи, какъ многія мѣста брошюры Геммингена? Въ Берлинѣ этого не можетъ быть. Вотъ доказательства. «Одинъ здѣшній журналистъ, Кранцъ, по именному указу короля, потерялъ право на свободу отъ цензуры за то, что осмѣлился назвать одну свою брошюру *Австрійскія шарлатанства*. Послѣдняя была тотчасъ же запрещена, хотя автору дали спокойно написать *Берлинскія шарлатанства*. И такъ поступили по собственному побужденію, безъ жалобъ со стороны вѣнскаго двора. Точно также недавно не пропустили въ печати одно сочиненіе единственно потому, что оно, казалось, оскорбительно порицаетъ правленіе нынѣшняго императора, хотя и подъ вымышленнымъ именемъ. Но, конечно, нельзя приказывать здѣшнимъ писателямъ хвалить все, чтò дѣлается, преобразовывается и перепреобразовывается въ Вѣнѣ. Нельзя заставить ихъ считать яснымъ полуднемъ полнаго просвѣщенія то, чтò кажется имъ за-

---

[1]) См. собственное признаніе Дома: *Denkwürdigkeiten*, III, 149.

рей, много обѣщающей и служащей къ истинной и неизгладимой славѣ Іосифа II».

Точно также Домъ усердно старается очистить Гогенцоллерновъ отъ упрека въ завоевательныхъ стремленіяхъ. Онъ доказываетъ, что пріобрѣтеніе церковныхъ земель—Магдебурга, Гальберштадта, Миндена и Камина было лишь вознагражденіемъ Бранденбурга за потерю Помераніи и устьевъ Одера, по вестфальскому миру. Но важнѣе всего, что это были евангелическія земли: слѣдовательно, здѣсь секуляризація вовсе не касалась интересовъ католицизма, какъ говорятъ обыкновенно. Вообще, вслѣдствіе такой постановки вопроса, которую Домъ приписываетъ себѣ, секуляризація сильно занимала его. «Развѣ — восклицаетъ онъ—со времени вестфальскаго мира и до сихъ поръ бранденбургскій домъ не оставилъ неприкосновенными множество капитуловъ, аббатствъ, монастырей и всѣхъ католическихъ церковныхъ учрежденій, между тѣмъ какъ Іосифъ II уничтожаетъ ихъ сотнями? Такъ кто же больше секуляризуетъ — бранденбургскій или австрійскій домъ? И какъ безсовѣстно это обвиненіе противъ перваго!» Этотъ вопросъ такъ затрогивалъ автора, что, по поводу его, онъ уличалъ Геммингена въ оскорбленіи святыни вестфальскаго мира и грозилъ этому «имперскому фискалу» имперскимъ закономъ 1648 года, уничтожающимъ подобныя писанія и наказующимъ самихъ авторовъ. Пріобрѣтеніе Фридрихомъ Силезіи, конечно, выходитъ у Дома самымъ законнымъ дѣломъ. Нужно только помнить, что бранденбургскій домъ происходитъ отъ старшей дочери Альбрехта II богемско-силезско-моравскаго, а австрійскій — отъ младшей. Слѣдовательно, собственно говоря, Силезія была «насильно отнята» Австріей у Пруссіи, что̀ и «доказано неопровержимо въ королевскихъ сочиненіяхъ 1740 года». Правда, отецъ Фридриха гарантировалъ прагматическую санкцію Карла VI или права Маріи-Терезіи на всѣ владѣнія Габсбурговъ; но «эта гарантія, естественно, не нарушаетъ спеціальныхъ правъ (jus singulare) бранденбургскаго дома». Сверхъ того, она уничтожена, при воцареніи Фридриха, самимъ австрійскимъ домомъ, который поступилъ вопреки ея главному условію: онъ не помогъ Пруссіи получить Бергъ и Равенштейнъ, когда тамъ пресѣклась пфальцская линія. Обмѣнъ Лаузица на франконскія маркграфства нельзя и сравнивать съ баварскимъ планомъ: «ему не препятствуютъ никакіе домашніе трактаты, мирные договоры и гарантіи; да о немъ никто и не думаетъ, кромѣ Вѣны». Касательно же польскаго раздѣла извѣстно, что толчокъ къ нему былъ данъ Австріей, которая первая захватила важное староство Ципсъ. «Прусскій

дворъ, по крайней мѣрѣ, достаточно оправдалъ «свое участіе въ раздѣлѣ» законными основаніями.... Да онъ, пожалуй, и не подумалъ бы выставить свои столь справедливыя притязанія, если бы не былъ приведенъ къ тому необходимостью поддержать равновѣсіе, такъ сильно нарушенное «поступкомъ Австріи». Но какая связь между новою польскою исторіей и нѣмецкимъ союзомъ князей?»...

Въ то же время Домъ старался представить существованіе Габсбурговъ въ самомъ ненавистномъ и страшномъ для имперіи свѣтѣ. Не прибавивъ ничего новаго насчетъ коварнаго обмѣна Нидерландовъ, съ ихъ 291 милею, на Баварію, съ ея 784 милями, онъ говоритъ только о «необычайномъ аппетитѣ» и «почти непреодолимомъ желаніи» Іосифа захватить въ свои руки Баварію, за которой послѣдовали бы и другія земли. Тогда «естественно весь швабскій округъ былъ бы присоединенъ къ австрійской монархіи. Герцога вюртембергскаго можно бы перемѣстить хоть въ Модену, а для маркграфа баденскаго также нашлось бы мѣстечко, которое относилось бы къ его владѣніямъ, какъ 291 къ 784. Про духовныхъ князей нечего было бы говорить много, благо бранденбургскій домъ сдѣлалъ счастливое открытіе, какъ секуляризовать ихъ. И уже не мучили бы больше благородныхъ имперскихъ рыцарей добровольными приношеніями (Don-Gratuits)! Ихъ имущества преправильно описали бы, разсортировали и освободили отъ множества несносныхъ конкурсовъ и секвестрацій. Г. имперскій баронъ фонъ-Геммингенъ сбросилъ бы съ себя всякую имперско-рыцарскую обузу (Ungemach) и имѣлъ бы честь стать непосредственнымъ австрійскимъ вассаломъ. А когда, такимъ образомъ, австрійскія границы дѣйствительно подвинулись бы до Рейна, пришла бы пора вспомнить о возвращеніи *отторгнутаго отъ имперіи* (Avulsorum Imperii), заняться изученіемъ нѣмецкой исторіи и отмѣнить избирательныя условія, которыя такъ сильно подорвали значеніе Германіи. И чародѣйски воскресли бы времена Оттоновъ и Карла Великаго! Въ Германіи согласіе лобызалось бы съ миромъ, ибо ни у кого не было бы силы нарушать ихъ. Никто не былъ бы оскорбленъ въ своихъ правахъ, ибо никто не имѣлъ бы этихъ правъ. Ни одинъ трактатъ, ни одинъ основной законъ не былъ бы нарушенъ! И мы, благоденствующіе нѣмцы, пригласили бы всѣхъ сосѣдей наслаждаться, вмѣстѣ съ нами, нашимъ золотымъ миромъ подъ желѣзнымъ скипетромъ — пригласили бы всѣхъ, не исключая и свободныхъ бриттовъ! И сказали бы мы имъ: къ чему эта борьба за свободу, когда такъ пріятно наслаждаться спокойствіемъ деспотизма?»... Нѣтъ, ужъ

если кто приноситъ вредъ Германіи, такъ это Австрія. Интересы этихъ двухъ державъ противоположны. Габсбурги всегда вовлекали имперію въ свои домашнія войны, и послѣдняя особенно этому обязана утратой многихъ лучшихъ своихъ провинцій. Они всегда эксплуатировали Германію въ свою пользу. Самъ Геммингенъ прямо и неоднократно говоритъ, что австрійскій домъ можетъ быть только «или главой, или врагомъ нѣмецкой имперіи».

Въ сочиненіи Дома нѣтъ ничего новаго и заманчиваго для публики. Написано оно чистымъ, но тяжеловатымъ языкомъ и безъ публицистическаго таланта Геммингена. Мы нигдѣ не нашли указаній на то, чтобы этотъ памфлетъ произвелъ замѣтное впечатлѣніе въ Германіи, которое, конечно, не ускользнуло бы отъ вниманія Румянцова. Но Домъ, сдержанный и скромный во всѣхъ пяти томахъ своихъ «Записокъ», неузнаваемъ въ своемъ памфлетѣ. Онъ догматическимъ тономъ говоритъ, что всѣ прусскія произведенія легко и совсѣмъ убили своихъ австрійскихъ противниковъ. У него «Отвѣтъ» Герцберга «совершенно изгладилъ всякое хорошее впечатлѣніе сочиненія Шпильмана», и даже «въ Вѣнѣ сочли неудобнымъ что-либо возражать «этому» истинно-превосходному, исчерпывающему дѣло, просто, прилично и умѣренно написанному труду». Про свой собственный памфлетъ Домъ говоритъ, что это—«самыя простыя историческія воспоминанія», въ которыхъ все правда и «нѣтъ никакихъ искаженій, преувеличеній, утаекъ или украшеній». «Эта работа болѣе всѣхъ другихъ увѣнчалась счастливѣйшимъ успѣхомъ. Она снискала одобреніе великаго короля, благороднѣйшихъ фюрстовъ и мыслящихъ современниковъ. Дѣйствительно, это сочиненіе вполнѣ произвело требуемое дѣйствіе. Повсюду въ Германіи его читали съ похвалой. Не только при союзныхъ дворахъ, но и тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ колебались и болѣе склонялись на противную сторону, пришли къ убѣжденію въ необходимости союза, въ справедливости и благонамѣренности прусскаго двора. Даже въ Вѣнѣ сочиненіе произвело не неблагопріятное впечатлѣніе: тамъ отдавали справедливость его сдержанности. Внѣ Германіи сочиненіе Дома также стало извѣстно, благодаря французскому переводу королевскаго секретаря въ Гаагѣ: и тамъ читали его съ похвалой. Автора увѣряли, что его сочиненіе внушило даже русской императрицѣ болѣе благопріятный взглядъ на союзъ князей и на замыслы Фридриха. Никто изъ австрійскихъ писателей не возражалъ на сочиненіе Дома. Императоръ даже запретилъ всякое писаніе объ этомъ предметѣ и извѣстилъ о томъ короля. Такъ какъ въ Бер-

линѣ лишь защищались отъ непристойныхъ (ungeziemende) нападокъ, то, какъ только послѣднія прекратились, здѣсь не потребовалось подобнаго запрещенія» [1]).

Памфлетомъ Дома дѣйствительно заканчивается существенное содержаніе канцелярской полемики. Но отголоски ея слышались нѣсколько времени въ «легкихъ войскахъ», снова выступившихъ на сцену. Она перешла въ журналистику и стала отчасти достояніемъ частныхъ лицъ. Въ «Politische Journal» съ самаго начала прокрадывались мелкія извѣстія касательно спорнаго вопроса, не лишенныя мотивированія: такъ, уже Домъ, въ своемъ памфлетѣ, жалуется на нескромность редакціи этого изданія. Въ началѣ 1786 года, здѣсь появилась цѣлая, хотя и небольшая, статья—«Австрійскій голосъ о прусской ассоціаціи и ея принципахъ». Герцбергъ счелъ нужнымъ возразить на нее «Прусскимъ отвѣтомъ», и его корректура сохранилась въ берлинскомъ архивѣ. Здѣсь любопытенъ свободный и гордый тонъ, противорѣчившій прежнимъ прусскимъ памфлетамъ. «Если съ 1740 года бранденбургскій домъ—говоритъ Герцбергъ—не оказываетъ, какъ прежде, подчиненности австрійскому дому, то это вытекаетъ изъ природы вещей, а также изъ связи событій и временныхъ условій». Силезію Фридрихъ взялъ «въ силу своихъ старыхъ притязаній, а также по новому праву оружія». Прусскій король употребляетъ на имперскомъ и окружныхъ сеймахъ не диктаторскій тонъ, а тотъ языкъ, «который вытекаетъ изъ сознанія своей свободы имперскаго чина» и въ которомъ «конечно незамѣтно подобострастнаго благоговѣнія къ устарѣлымъ временамъ и обычаямъ» [2]). Въ то же самое время вышло нѣсколько брошюрокъ въ прусскомъ духѣ и уже не отличавшихся сдержанностью, о которыхъ даже не знали въ Потсдамѣ, если вѣрить Дому [3]).

Съ австрійской стороны также появилось нѣсколько брошюръ, въ родѣ опроверженія памфлета Дома гессенскимъ профессоромъ *Шлеттвейномъ* [4]). Нѣкоторое волненіе произвелъ въ Германіи

[1]) *Dohm*, Denkwürdigkeiten, III, 145—152; Ueber den deutschen Fürstenbund, 33, 136, 140.

[2]) *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 394—396.

[3]) *Bedenken eines oberdeutschen Patrioten* über den Tausch von Baiern. Mörsburg. 1785. — *Sendschreiben* des Hofkammerkänzlei-Dieners I. E*** zu M*** an Herrn Otto v. *Gemmingen*, Reichsfreiherrn, als eine einfältige Antwort auf desselben Gedanken über die K. Pr. Association. 1786. S. 28, in 4.—*Ueber deutsches Staats-Interesse* Länder-Tausch und das Schützbündniss deutscher Fürsten, von *Rössig*, Prof. in Leipzig. 1786.

[4]) Напечатанъ въ издававшемся авторомъ *Staats-kabinet*, I, B. 1787, Leipzig.

памфлетъ: «Однако это все-таки случится!» (Es wird doch noch geschehen). Здѣсь неудача баварскаго плана приписывалась лишь неловкой формѣ переговоровъ, а самое дѣло объявлялось вовсе не покинутымъ.

Самымъ важнымъ изъ заключительныхъ памфлетовъ было нѣсколько запоздалое «Изображеніе союза князей», *Іоганна Мюллера* [1]). Знаменитый историкъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ: онъ не могъ обойтись безъ неподражаемой уклончивости, безъ напускного паѳоса и приторной лести. Мюллеръ выступилъ горячимъ защитникомъ союза князей — «этой гордости вѣка, этого величайшаго благодѣянія, которымъ нѣмецкій народъ обязанъ своимъ фюрстамъ». По его словамъ, теперь только всякій «чувствуетъ себя нѣмцемъ». И это оттого, что «Пруссія вступилась, наконецъ, въ общее дѣло отечества». Роль Фридриха всегда была «благодѣтельна» для Германіи. Нѣмецкое призваніе Пруссіи «основывается на ея положеніи»: пока существуетъ это положеніе, «пруссаки не перестанутъ желать сохраненія нѣмецкой имперіи». Фридрихъ призналъ, что «прусская армія и процвѣтаніе страны должны быть посвящены общему дѣлу нѣмецкой и европейской свободы, а не служить орудіемъ мрачнаго честолюбія». Мюллеръ, конечно, не хочетъ указывать, въ виду «страстей», на «великіе и полезные результаты», которые должны проистечь изъ союза. Впрочемъ, будущій министръ Наполеона замѣтилъ: «для Франціи крайне важно, чтобы Баварія оставалась въ ея нынѣшнемъ видѣ. Операціонная линія между Вѣной и Рейномъ занимаетъ болѣе 200 часовъ и на $^{6}/_{10}$ она тянется по чужой—баварской и швабской землѣ. Если бы королю пришлось выступить, въ качествѣ поруки за вестфальскій миръ, то Швабія и Баварія помогутъ ему во всемъ, будутъ повсюду дѣйствовать на австрійскую линію, не допустятъ нападенія на границы королевства и, напротивъ, помогутъ оружію защитника германской свободы пройти до сердца наслѣдственныхъ земель». А соединись Баварія съ Австріей—и эта картина совсѣмъ измѣняется. Сверхъ того, Мюллеръ надѣялся, что союзъ князей сохранитъ спасительную имперскую конституцію. Онъ соглашался допустить лишь неважныя улучшенія въ этой святынѣ, да и тѣ должны были заключаться въ ней самой—«какъ въ ея формахъ, одушевить которыя зависитъ отъ теплоты нашихъ желаній, такъ и въ ея первоначальномъ духѣ свободы». Впрочемъ, и тутъ «патріо-

---

[1]) *Darstellung des Fürstenbundes*, 1787.—Въ собраніи сочиненій Мюллера: B. XXIV.

тическая ассоціація должна проводить идеи, признаваемыя спасительными, сначала лишь въ видѣ попытки, то-есть только для себя», ибо «кто разомъ захочетъ всего, тотъ навѣрное ничего не получитъ». Въ этомъ-то смыслѣ союзъ князей «не долженъ забывать, что не существованіе, а дѣятельность его составляетъ счастье націй», ибо «кто не подвигается впередъ, тотъ отстаетъ».

Неизвѣстно впечатлѣніе, произведенное на общество канцелярской полемикой. Но каково бы оно ни было, ходъ событій не зависитъ отъ памфлетовъ, которые служатъ лишь къ удовлетворенію потребности спорящихъ оправдаться передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Политическая полемика имѣетъ значеніе лишь какъ матеріалъ для характеристики направленій и отчасти самихъ дѣятелей. Для исторіи важнѣе всего ея пріемы. Въ данномъ случаѣ, обѣ стороны наиболѣе сильны тамъ, гдѣ онѣ упрекаютъ другъ друга въ коварныхъ замыслахъ относительно Германіи: тутъ онѣ говорятъ правду, рисуютъ силу вещей. Точно также, наоборотъ, слабую струну обѣихъ сторонъ составляетъ преимущественно защита имперской конституціи; это фальшивая нота, которая должна была звучать по требованію обстоятельствъ. Но, по пріемамъ, обѣ стороны существенно отличаются другъ отъ друга. Въ вѣнской полемикѣ замѣтны общія черты южныхъ литературъ; берлинская же подходитъ къ сѣверному литературному типу. Первая изобильна, блестяща по формѣ. Языкъ ея легокъ, горячъ и óбразенъ. Она пользуется ораторскими пріемами, обращается къ воображенію и чувству читателя, обобщая вопросъ. Наконецъ, вѣнская полемика имѣетъ видъ искренности, и она, дѣйствительно, искренна въ главномъ — не отказывается отъ баварскаго плана и доходитъ до грубости въ перебранкахъ. Берлинская полемика носитъ на себѣ казенный отпечатокъ. Она скудна [1]), сдержанна и на видъ благопристойна [2]). Она хладнокровно взвѣшиваетъ каждое свое бранное слово и тонко отдѣлываетъ каждую фразу въ своемъ искусственномъ паѳосѣ, чтó придаетъ тяжеловатость ея слогу. Берлинская полемика поддѣлы-

[1]) Самъ *Домъ* заявляетъ въ своемъ памфлетѣ (стр. 133 sq.): „въ здѣшнихъ (берлинскихъ) журналахъ доселѣ не упоминалось ни объ обмѣнѣ Баваріи, ни объ ассоціаціи; а частныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ вовсе не появлялось до моего труда. Напротивъ, Вѣна дала уже различныя подобныя сочиненія. Точно также каждый читатель газетъ и журналовъ замѣтилъ, конечно, что въ послѣднихъ на одну берлинскую статью встрѣчается, по крайней мѣрѣ, по десяти статей, идущихъ изъ Вѣны или выписываемыхъ изъ пражскихъ и брюннскихъ газетъ“.

[2]) Это объясняется любопытной фразой въ памфлетѣ *Дома* (стр. 133): „наши берлинскіе журналы невинны, какъ всѣ придворныя газеты. Въ нихъ собственно берлинскія извѣстія обыкновенно—строгая правда“.

вается подъ научный характеръ, разсчитываетъ только на разсудокъ и, обходя идею, зарывается въ частностяхъ. Отсюда ея главный пріемъ — казуистика, стремленіе выкопать юридическую мелочь или слишкомъ тонко истолковать крупный законъ, а чаще всего подхватить рѣзкую фразу или мелкую неточность въ вѣрномъ фактѣ, и раздуть ихъ до извращенія сущности дѣла. Эта черта особенно любопытно проявилась въ толкованіи баденскаго трактата, дошедшемъ до явнаго искаженія фактовъ. Наконецъ, берлинская полемика ясно отличается гордымъ, поучительнымъ тономъ. Это — сама оскорбленная невинность, особенно когда дѣло касается популярности въ «отечествѣ». Берлинскіе публицисты не чувствовали только противорѣчія между своимъ «нѣмецкимъ» патріотизмомъ и защитой интересовъ Франціи: они прямо выражали опасеніе, какъ-бы «Франція не лишилась возможности проникать въ самое сердце австрійскихъ владѣній».

Есть одна только хорошая черта, общая обѣимъ полемикамъ — черта симпатичная, дѣлающая честь эпохѣ. Каждая сторона старалась представить своего государя гуманнымъ, свободномыслящимъ, врагомъ старины во внутреннемъ управленіи. Такова была дань «просвѣщенію», которое возбуждало серьёзное личное соперничество между двумя знаменитыми «философами» на тронѣ.

ГЛАВА XXII.

Великія державы и союзъ князей.

Союзъ князей былъ заключенъ за годъ съ небольшимъ до смерти Фридриха II. Въ теченіи этого года онъ былъ основнымъ интересомъ въ политической жизни Германіи. Эмиссары изъ Потсдама, Ганновера и Вѣны, патріотическій тріумвиратъ, неумолкаемый шумъ канцелярской полемики — все это расшевеливало неподвижную среду фюрстовъ и волновало общественное мнѣніе нѣмцевъ. Но вліяніе союза князей отражалось и въ болѣе широкой сферѣ. Тогда это событіе было первенствующимъ въ европейской политикѣ: оно замѣшивалось, прямо или косвенно, во всѣ общіе историческіе вопросы времени. Великія державы должны были считаться съ нимъ во всѣхъ своихъ дипломатическихъ ходахъ. Уже около полувѣка, со вступленія Фридриха на престолъ, онѣ убѣждались съ каждымъ днемъ, что настала пора коренного измѣненія въ судьбахъ Германіи. Побѣда Габсбурговъ или Гогенцоллерновъ, въ борьбѣ за преобладаніе въ центрѣ Европы, была для нихъ жизненной задачей. Онѣ принуждены были принимать непосредственное участіе въ этой борьбѣ, вступая даже въ небывалые союзы. Затѣмъ, великія державы тревожно слѣдили за подземною борьбой Пруссіи съ Австріей въ мирное время, всячески стараясь соблюсти спасительное для нихъ нѣмецкое равновѣсіе, то-есть безсиліе Германіи. Всѣ онѣ, не исключая австрійской союзницы, Россіи, были рады, что не удался баварскій планъ Іосифа. Но, вслѣдъ затѣмъ, всѣ онѣ были встревожены союзомъ князей. Будучи убѣждены въ существованіи секретныхъ статей, безъ которыхъ не обходится ни одинъ союзъ, но не зная ихъ содержанія, онѣ опасались серьёзнаго преобладанія Пруссіи

въ Германіи. Ходили слухи, будто уже войска союзныхъ фюрстовъ подчиняются Фридриху, который, дѣйствительно, хлопоталъ объ этомъ, хотя безуспѣшно. Естественно, что тогда воображеніе опережало время, и въ немъ смутно рисовалась картина нашей эпохи. Но союзъ князей и реально производилъ замѣтное давленіе на европейскую политику. Онъ, по крайней мѣрѣ на время, вытѣснялъ Іосифа изъ круга германскихъ интересовъ, втягивалъ въ нѣмецкія дѣла Англію черезъ Ганноверъ, разрушалъ вліяніе Россіи и Франціи въ Германіи. Косвенно онъ воздвигалъ восточный вопросъ; отрѣзанный отъ Германіи, Іосифъ долженъ былъ обратить свое вниманіе на Турцію и еще тѣснѣе примкнуть къ Россіи.

Конечно, союзъ князей всего болѣе и всего непосредственнѣе касался Россіи и Австріи, какъ по ихъ историческимъ преданіямъ въ политикѣ, такъ и въ силу союза 1781 года. Три замѣчательныхъ документа полно и ясно рисуютъ намъ политическую систему Екатерины именно въ этотъ моментъ. Это — рескриптъ Голицыну въ августѣ 1785 года, и рескриптъ и инструкція Сергѣю Румянцову, замѣнившему Долгорукаго въ Берлинѣ, въ февралѣ и маѣ 1786 года. Они прямо предназначены къ «наставленію» нашихъ главныхъ посланниковъ въ Германіи «по настоящему положенію дѣлъ» и напоминаютъ майскую депешу Остермана Голицыну 1784 года (гл. VII), превосходя ее полнотой и основательностью.

Всѣ три документа отличаются свойственнымъ Екатеринѣ глубокомысліемъ, а также ясностью и простотой изложенія. По обыкновенію, точка зрѣнія въ нихъ основана на «природѣ вещей» и на «естественномъ положеніи земель». Идея у нихъ одна — возрастающее могущество Пруссіи опасно, и нужно изыскать средства противодѣйствовать ему. Вотъ какъ объясняла Екатерина свою идею новичку въ дѣлѣ, Сергѣю Румянцову (брату Николая), только-что занявшему тогда свой постъ при берлинскомъ дворѣ. Она обращала его «особенное» вниманіе на этотъ дворъ, который и «самъ по себѣ большая сила», и, кромѣ того, «служитъ опорой и средоточіемъ соединенія многихъ нѣмецкихъ дворовъ». Дружба съ такой державой весьма интересна: отсюда нашъ бывшій союзъ съ Фридрихомъ. «Нельзя сказать, чтобы мы, въ свое время, не извлекли выгодъ изъ этого союза и чтобы онъ не былъ полезенъ нашимъ интересамъ въ нѣкоторомъ отношеніи». У насъ развязывались руки въ борьбѣ съ турками, ибо, въ виду могущественной Пруссіи, никто не смѣлъ мѣшать намъ, — ни Швеція съ Франціей, ни Австрія. Сверхъ того, «мы пріобрѣли

въ Польшѣ преимущественное (vorzüglichen), а въ Германіи нѣкоторое (einige) вліяніе; въ Курляндіи же совсѣмъ господствовали».

Затѣмъ въ инструкціи слѣдуетъ любопытный переходъ въ другой тонъ. «На первый взглядъ, эти выгоды кажутся не пустыми (nicht unwichtig); но при ближайшемъ разборѣ оказывается не то. Естественное положеніе земель прусскаго короля необходимо должно возбуждать въ немъ и въ его преемникахъ зависть и желаніе расширить свои границы, а также недовѣріе къ нашей державѣ, которая можетъ весьма быстро и легко ополчиться противъ прусскаго королевства. Тутъ всякое сопротивленіе намъ недостаточно; а всякое наше усиленіе неизбѣжно ослабляло бы прусскую монархію въ Германіи, то-есть въ ея лучшихъ и важнѣйшихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ, дружба между Россіей и Пруссіей, основанная вовсе не на природѣ вещей, можетъ быть только временная и по стеченію обстоятельствъ. Если это — неопровержимая истина (unstössliche Wahrheit), то кто поручится, что при новой войнѣ у насъ съ Оттоманскою Портой, повидимому клонящейся къ погибели послѣдней, прусскій король захочетъ отвлечь вѣнскій дворъ отъ диверсіи противъ насъ? Не соединится ли онъ скорѣе съ послѣднимъ? Или, по крайней мѣрѣ, не станетъ ли подстрекать противъ насъ слабыхъ, чтобы помѣшать успѣху нашего оружія и спасти Порту, какъ государство, привлекающее къ себѣ значительную часть нашихъ силъ? А при нашемъ союзѣ съ Австріей не можетъ встрѣтиться такихъ недоразумѣній и затрудненій въ подобномъ же случаѣ, ибо взаимные интересы императорскихъ дворовъ направлены къ цѣли, прямо вредной и всегда непріятной Пруссіи. Главною выгодой отъ союза съ Пруссіей можно считать нашу безопасность со стороны Швеціи; но эта выгода будетъ всегда перевѣшиваться главнымъ интересомъ берлинскаго двора — его завистью къ существенному приращенію нашихъ силъ. И эту зависть, смотря по обстоятельствамъ, или будутъ питать въ глубинѣ души, или выказывать явно. Представимъ себѣ, что Швеція дѣлаетъ диверсію, особенно въ союзѣ съ Даніей, когда мы принуждены будемъ стянуть всѣ наши силы въ другомъ мѣстѣ и истощать ихъ тамъ. Не слѣдуетъ ли навѣрное предполагать, что, въ такомъ случаѣ, пруссакъ (Preisser) скорѣе самъ попытается воспользоваться моментомъ, чѣмъ удержитъ Швецію — державу, которая, по своему естественному положенію, дружественна съ нимъ и всегда болѣе или менѣе полезна ему?

«Союзъ съ прусскимъ королемъ не такъ выгоденъ намъ, какъ союзъ съ австрійскимъ дворомъ, относительно нашего вліянія въ

Польшѣ, превосходящаго всѣ другія вліянія. Въ силу естественнаго положенія своихъ земель, Австрія должна преимущественно обращать свое вниманіе и бдительность на Оттоманскую Порту, на прусскаго короля и на Францію, ибо каждая изъ этихъ державъ можетъ напасть на нее непосредственно. А прусскій король подвергается такой опасности лишь съ двухъ сторонъ — именно со стороны Австріи непосредственно и со стороны России — черезъ Курляндію и Польшу. Не вытекаетъ ли ясно уже отсюда, что берлинскому двору нужнѣе, чѣмъ вѣнскому, проводить свое вліяніе въ Польшѣ и утверждать его, по обстоятельствамъ, если не въ ущербъ Россіи, то во всякомъ случаѣ независимо отъ нея?

«То же должно сказать о вліяніи въ Германіи. Съ воцаренія нынѣшняго прусскаго короля, оно стало раздѣляться между Австріей и Пруссіей, а не такъ, какъ бывало прежде, когда Франція уравновѣшивала здѣсь вліяніе Австріи. Это, конечно, было слѣдствіемъ того могущества и значенія, которыя доставилъ своей монархіи Фридрихъ II. Франція, настолько же утратившая свой вѣсъ въ дѣлахъ имперіи, насколько возвысилась Пруссія, напала на мысль соединиться съ австрійскимъ дворомъ, чтобы такою перемѣной своей системы отчасти вознаградить свою потерю. Но это, кажется, способствовало только еще бо̀льшему укорененію и усиленію вліянія Пруссіи, ибо послѣдняя привлекла уже къ себѣ не только протестантскій корпусъ, но и часть католическихъ чиновъ. При такомъ-то настроеніи вспыхнула извѣстная война за баварское наслѣдство. Она кончилась тешенскимъ миромъ, который былъ гарантированъ ея императорскимъ величествомъ и тѣмъ положилъ основаніе русскому вліянію въ Германіи: этотъ миръ далъ намъ право непосредственно, самимъ, а не черезъ третье лицо, принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ Германіи. Это новое обстоятельство еще болѣе ослабило тамъ вліяніе французскаго двора, хотя его христіаннѣйшее величество былъ со-порукой тешенскаго мира; сверхъ того, оно, такъ сказать, совсѣмъ разрушило вліяніе Швеціи, поставивъ Россію на ея мѣсто. Но чтобы всегда играть видную роль, Россія должна, сообразно съ своими политическими воззрѣніями и выгодами, соединяться или съ вѣнскимъ, или съ берлинскимъ дворомъ, какъ съ первыми пружинами всѣхъ дѣлъ. Извѣстно, что въ послѣднее время сильно палъ кредитъ вѣнскаго двора у многихъ курфюрстовъ и фюрстовъ, не исключая даже курфюрста майнцскаго, а вліяніе Пруссіи, напротивъ, привело къ устройству вреднаго Австріи извѣстнаго союза для сохраненія имперской конституціи. И это въ то время, когда послѣдней не угрожала ни малѣйшая опасность!» Союзъ князей

состоялся просто благодаря тому, что умѣли описать повсюду баварскій планъ Іосифа чѣмъ-то нарушающимъ тешенскій миръ. «Подобные ненавистные слухи могутъ и должны служить неопровержимымъ доказательствомъ, что, по крайней мѣрѣ теперь, прусскій дворъ будетъ стараться скорѣе уменьшить, чѣмъ усилить нашъ кредитъ во всей нѣмецкой имперіи». Въ заключеніе о союзѣ съ Пруссіей сказано, что безъ него Фридрихъ вѣчно интриговалъ бы въ Курляндіи и, пожалуй, захотѣлъ бы захватить ее. Но инструкція спокойно говоритъ, что это не важно: «у насъ всегда хватитъ средствъ устранить здѣсь» прусскія махинаціи.

Если съ 1764 г. мы находились въ союзѣ съ Пруссіей, то лишь по требованію обстоятельствъ, ибо при воцареніи Екатерины «Россія была внутренно потрясена (von innen in Zerrüthung war) и лишена всякихъ политическихъ союзовъ, кромѣ прусскаго, который въ сущности былъ истиннымъ подчиненіемъ». Правда, тогда и Австрія предлагала свою дружбу; но ея требованія были чрезмѣрны, и она возлагала на насъ тяжесть новой войны. Фридрихъ же предложилъ «освободить Россію отъ ига» войны съ Пруссіей и еще исполнять ея желанія въ Польшѣ. Всѣмъ казалось, что всѣ наши союзныя обязательства исчерпывались тешенскимъ миромъ, который предоставилъ Фридриху занять франконскія маркграфства, по смерти ихъ нынѣшняго владѣтеля. Екатерина удивляется, какъ эта, весьма дешевая, цѣна за наши выгоды отъ прусскаго союза не удовлетворила Фридриха! Онъ разсердился за ея новый союзъ съ Іосифомъ. И «нельзя думать, чтобы онъ желалъ видѣть блестящую и рѣшительную роль въ рукахъ ея императорскаго величества и зависѣть отъ нея—онъ, который привыкъ другихъ имѣть въ своей свитѣ». Это доказывается послѣдними поступками Фридриха—и дурными слухами о Россіи, распространяемыми имъ въ Германіи, и союзомъ князей, и все еще неконченнымъ данцигскимъ дѣломъ. «Правда, тутъ, можетъ быть, замѣшивается дѣйствительный страхъ, какъ-бы императорскіе дворы, подъ предлогомъ приписываемыхъ имъ обширныхъ замысловъ противъ Оттоманской Порты, не обратили своего вниманія на прусскую монархію и не вздумали соединенными силами ввести ее въ границы, болѣе соотвѣтствующія ихъ истиннымъ интересамъ. Прусскій король крайне ошибается, если предполагаетъ такъ: пока онъ самъ никого не обижаетъ, никому не придетъ въ голову обижать его чѣмъ бы то ни было. Но, тѣмъ не менѣе, онъ, въ силу своей собственной проницательности, долженъ понять, изъ природы вещей, слѣдующее. Онъ уже допу-

стилъ расширеніе прусскаго могущества за предѣлы, сносные (anständige) его сосѣдямъ. Взаимные политическіе интересы императорскихъ дворовъ основываются на естественномъ положеніи ихъ земель, и потому прочны, не подвержены колебаніямъ: при всякомъ случайномъ охлажденіи они снова должны возвращаться къ своему естественному слiянію. Эти дворы не могутъ вредить другъ другу непосредственно. Наоборотъ, они могутъ оказывать взаимно самую дѣятельную и лучшую помощь — прямою ли обороной, или защитой отъ чуждыхъ диверсій, въ особенности же относительно Оттоманской Порты. Для австрійскаго дома нѣтъ выгодъ препятствовать расширенію и утвержденію русскаго вліянія — въ Польшѣ ли, на сѣверѣ или еще гдѣ-нибудь. То же самое обезпечено за нимъ съ нашей стороны, ибо владѣнія обѣихъ державъ пользуются большими торговыми выгодами. Наконецъ, тѣсный союзъ двухъ монарховъ есть плодъ ихъ взаимнаго знакомства, довѣрія и почтенія».

Екатерина особенно старалась внушить своему посланнику въ Пруссіи, что у нея полная дружба съ Австріей. Она извѣщала его, что даже приказано министрамъ обѣихъ державъ всячески взаимно помогать другъ другу, въ особенности же въ Берлинѣ. Она предписывала Сергѣю Румянцову самое осторожное и бдительное поведеніе. Ему дозволялось сдѣлать одну только уступку, въ доказательство, что онъ — не посланникъ враждебной державы: онъ могъ увѣрять, что въ Петербургѣ «никогда не было и нѣтъ намѣренія отмѣнять и уничтожать прежнія связи съ прусскимъ королемъ, впрочемъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ самъ свято чтитъ ихъ и будетъ соблюдать миръ». Если же Фридрихъ нарушитъ всеобщій миръ, «то, конечно, никто не осудитъ Россію, равно связанной оборонительными трактатами съ вѣнскимъ и съ берлинскимъ дворомъ, когда она энергично исполнитъ свои обязательства въ пользу обиженной стороны». Притомъ, Румянцовъ долженъ былъ проповѣдывать эту истину «не иначе, какъ вызванный къ тому рѣчами самого прусскаго министерства». Главною задачей нашего новаго посланника поставлялось наблюденіе за союзомъ князей. Онъ долженъ былъ разузнать о его сущности, о секретныхъ статьяхъ, о количествѣ союзныхъ войскъ, объ ихъ вождяхъ, операціонныхъ планахъ, мѣстахъ сбора и о финансахъ, а также о важнѣйшихъ имперскихъ дѣлахъ, какъ, напр., выборъ римскаго императора, новое курфюршество и т. д. Наконецъ, Румянцову приказывали обратить самое серьёзное вниманіе на то, не предложилъ бы прусскій король императорской

короны герцогу цвейбрюкенскому, за его измѣну (Verrätherey) императору, какъ есть поводъ предполагать» [1]).

До какой степени Пруссія выдвигалась тогда на первый планъ въ нашей политикѣ, видно изъ того, что не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Сергѣй Румянцовъ получилъ именной рескриптъ императрицы, посвященный также выясненію идеи нашей нѣмецкой политики. Эта бумага была вызвана приближавшеюся катастрофой въ Пруссіи, король которой «началъ приходить въ крайнее разслабленіе». Здѣсь тонъ еще болѣе рѣшительный. Екатерина прямо распространяется о возможности войны съ Пруссіей. Заговоривъ о данцигскомъ дѣлѣ, которое находилось въ столь «непріятномъ положеніи», что здѣсь «уже истощена черта снисхожденія» Россіи, она указала на возможность соединенія этого вопроса съ «другими важными дѣлами» — именно «съ тѣми предметами, о коихъ найдемся мы въ надобности настоять силою». Не считая удобнымъ тотчасъ же «опредѣлять и раздроблять» эти предметы, прямо или косвенно влекущіе къ разрыву съ Пруссіей, императрица энергически обратила вниманіе своего посланника на одинъ только вопросъ. «Но что касается до Курляндіи, то всякое тутъ покушеніе короля прусскаго есть толь важный для насъ пунктъ, что мы оному всемѣрно препятствовать обязаны, и особливо въ случаѣ исканія его присвоить себѣ сію область, или безпосредственно, либо подъ именемъ герцога, изъ дома его учрежденнаго. Здѣсь престанетъ уже всякое со стороны нашей уваженіе, и мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ на опроверженіе сихъ вредныхъ затѣй». Мало того. Даже если бы прусскій король вздумалъ доставить герцогскій престолъ и не своему родственнику, а какой-нибудь своей креатурѣ, то Россія «*и* того никогда не приметъ». Въ этомъ случаѣ Румянцовъ «отнюдь не долженъ былъ подавать надежды на соглашеніе» Екатерины.

Этотъ рескриптъ важенъ еще потому, что въ немъ яснѣе, чѣмъ въ министерской инструкціи, обозначался планъ дѣйствій, принятый Екатериной подъ вліяніемъ союза князей. Оказывается, что императрица вовсе не желала немедленнаго разрыва съ Пруссіей, если только ее не вызовутъ къ этому такія дѣла, какъ курляндское. У нея мелькала надежда, что наслѣдникъ Фридриха II отнесется къ Австріи съ меньшей ненавистью, «отчасти не имѣя той силы духа, каковою одаренъ дядя его, отчасти же и по склонности, обычайной многимъ слабымъ преемникамъ царствъ,

---

[1]) *Министерская инструкція Сергѣю Румянцову*, отъ 4-го февраля 1786 г.

идти другимъ путемъ отъ предмѣстника своего». Она предписывала своему посланнику вообще пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы увѣрить короля въ нашемъ желаніи сохранять дружбу, «доколѣ то ему угодно»: только Румянцовъ долженъ былъ сдѣлать это, «не подвергая ввѣреннаго ему служенія ни малѣйшему нареканію или предосужденію». Екатерина предлагала свое посредничество между Берлиномъ и Вѣной, которое лучше «заведенія конфедерацій, обыкновенно вредныхъ и служащихъ источникомъ безчисленныхъ неспокойствъ». Она опасалась, что «трудно можетъ быть обратить на сей путь барона Герцберга»; но Румянцовъ долженъ былъ постараться объ этомъ, впрочемъ, опять «съ осторожностію, какъ и выше сказано, относительно достоинства двора нашего и уваженія къ званію, возложенному» на него [1]).

Эта же мысль развивается въ другомъ, дополнительномъ, рескриптѣ, тогда же посланномъ Сергѣю Румянцову. Здѣсь исходною точкой берется другое, худшее предположеніе — что новый король «будетъ наслѣдовать вражду и ненависть дяди своего къ австрійскому дому, или еще и болѣе прилѣпится къ составленной въ Германіи конфедераціи». Румянцовъ и въ этомъ случаѣ долженъ былъ стараться выказывать дружелюбіе и даже не обращать вниманія на разныя несоблюденія этикета, то-есть на мелкія обиды со стороны новаго короля. А на счетъ союза князей ему внушался успокоительный взглядъ. «Что̀ изъ того выйдетъ, когда императоръ римскій, учреждая свое поведеніе на правилахъ умѣренности и самой справедливости, не прикоснется цѣлости германской конституціи? Лига сія сама по себѣ сдѣлается ненужною, а временемъ и обстоятельствами приведена будетъ въ совершенное забвеніе и безсиліе. Франція, по союзу ея съ вѣнскимъ дворомъ, положитъ сама преграду всякому покушенію, которое вопреки австрійской монархіи устроится, доколѣ оная не преступитъ предѣловъ нынѣшняго ея могущества».

Всѣ эти наставленія своему новому посланнику на столь важномъ постѣ Екатерина заключала примѣрнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о широтѣ ея политическаго взгляда. Совѣтуя Сергѣю Румянцову меньше говорить въ Берлинѣ, а больше наблюдать и доносить въ Петербургъ, она говоритъ: «всякое политическое явленіе или дѣйствіе нами и министерствомъ нашимъ долженствуетъ уважаемо и соображаемо быть, не частно на одно

---

1) *Рескриптъ Сергѣю Румянцову*, отъ 4 мая 1786 года.

мѣсто и время, но въ общей связи обстоятельствъ, дѣлъ и видовъ по разнымъ другимъ частямъ».

Итакъ, Екатерина вѣрно оцѣнила значеніе союза князей. Съ одной стороны, она обратила на него заслуженное вниманіе: Пруссія опять стала, въ ея глазахъ, самымъ опаснымъ врагомъ Россіи, и выдвинулась на первый планъ въ ея иностранной политикѣ. Но, съ другой стороны, Екатерина оставалась вѣрна своей руководящей идеѣ, что̀ спасало ее отъ соблазна слишкомъ устрашиться союза князей и преувеличить его непосредственное значеніе. По прежнему она считала главнымъ долгомъ русскаго государя направлять всѣ силы своего народа на разрѣшеніе восточнаго вопроса. И именно въ эту минуту Екатерина была не менѣе занята Турціей, чѣмъ передъ присоединеніемъ Крыма, когда она совѣтовала Іосифу отказаться отъ германскихъ замысловъ и всего себя посвятить восточному вопросу, то-есть интересамъ Россіи (гл. VI). Если потомъ, въ 1785 году, она, напротивъ, сдерживала Іосифа, который, послѣ неудачи въ баварскомъ дѣлѣ, самъ рвался за Дунай, то лишь потому, что Россія, поглощенная заботами объ устройствѣ Крыма, еще не была готова къ походу (гл. X). Теперь же у Екатерины уже созрѣвалъ планъ второй турецкой войны, вспыхнувшей года полтора спустя, и она направляла всѣ колеса своей дипломатической машины къ расчищенію поля для успѣховъ нашего оружія. Ей снова необходимо было отвлекать Іосифа отъ германскихъ дѣлъ, а также всячески успокоивать Пруссію и фюрстовъ, чтобы, при движеніи въ Турцію, можно было располагать всѣми своими силами и еще имѣть австрійскую армію въ арріергардѣ. Въ Германіи же Екатерина, какъ всегда, заботилась только о сохраненіи равновѣсія. Она поняла, что союзъ князей, тревожившій всѣ иностранныя державы, могъ нарушить это равновѣсіе только въ будущемъ, да и то при сильномъ своемъ развитіи. Пока же онъ не грозилъ государственнымъ переворотомъ въ Германіи, если только Іосифъ не двинетъ быстро его развитія какимъ-нибудь новымъ баварскимъ планомъ. Вотъ почему, при объявленіи о союзѣ князей, Екатерина отвѣчала Фридриху «мягче», чѣмъ онъ ожидалъ, и даже собственноручнымъ письмомъ увѣщевала Іосифа отнестись къ нему «совершенно равнодушно» (гл. XVIII). Почти въ тотъ же день этотъ взглядъ еще точнѣе и оффиціальнѣе былъ высказанъ въ рескриптѣ Голицыну. Здѣсь Екатерина увѣряла Іосифа, что союзъ князей нисколько «не увеличитъ и не уменьшитъ затрудненій», представляемыхъ Пруссіей императорскимъ дворамъ. «По мнѣнію нашему — сказано въ рескриптѣ — всего

лучше дѣлу сему давать менѣе важности, самое сообщеніе его принять съ холодностію, избѣгая всякихъ раздробленій (анализа) и изъясненій». Императорскіе дворы должны «наблюдать святость своихъ обязательствъ въ разсужденіи германской имперіи», а также «стараться разными ласковыми образами князей и членовъ германскихъ привлечь къ сторонѣ своей». А для этого «глава той имперіи болѣе всѣхъ способы имѣетъ» [1]).

Въ то же время Екатерина сама писала Іосифу увѣщаніе, какъ теперь выгоднѣе всего поступать съ фюрстами. «Ничто не помѣшаетъ намъ — говорила она — употребить не одно средство для отвлеченія другихъ имперскихъ князей отъ этой конфедераціи. И по моему мнѣнію, лучше всего обходиться съ ними поласковѣе, обязательно исполняя ихъ просьбы не только на словахъ, но и на дѣлѣ, даже до нѣкоторой степени предупреждая ихъ желанія» [2]). А Остерманъ внушалъ Николаю Румянцову о союзѣ князей: «Ея величество наблюдаетъ правило—не показывать вида, чтобъ съ здѣшней стороны придавалась оной связи какая-либо важность, или настояло изъ того опасеніе какихъ-либо весьма значущихъ слѣдствій [3]). Посему дѣйствуйте съ крайнею осторожностью, распоряжая чинимыя вами нѣмецкимъ князьямъ внушенія и представленія такъ, чтобъ они сами, усматривая неосновательность предъявленнаго имъ предлога, побуждающаго ихъ къ соединенію, и входя въ истину подаваемыхъ вами изъясненій, по собственному убѣжденію своему отставали отъ поселенныхъ въ нихъ несправедливыхъ предразсужденій» [4]).

Но союзъ князей, во всякомъ случаѣ, настолько дѣлалъ Пруссію болѣе опасною намъ, что слѣдовало позаботиться о противовѣсѣ ему—и Екатерина снова задумалась надъ своей люби-

---

[1]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 29 августа 1785 года.

[2]) *Joseph II und Katharina*, 257.

[3]) Румянцову тѣмъ легче было распространить такой взглядъ въ Германіи, что тамъ съ самаго начала точно также думали о политикѣ Екатерины. Уже въ іюнѣ 1785 года прусскіе агенты доносили въ Потсдамъ изъ Цвейбрюкена и Дрездена. „Русскій великій князь благопріятно смотритъ на германскую ассоціацію и даже думаетъ, что такъ какъ послѣдняя не противорѣчитъ принципамъ деклараціи Екатерины II, то эта государыня не оскорбится ею... Остерманъ и Безбородко даютъ понять, что фюрстамъ, приставшимъ къ лигѣ, придется раскаяться. Но великій князь, напротивъ, одобряетъ ассоціацію и желаетъ ея осуществленія; увѣряютъ даже, что наиболѣе просвѣщенные изъ русскихъ думаютъ такъ же. Кажется, что и Екатерина II, какъ хорошій политикъ, должна быть того же мнѣнія, ибо ассоціація, полагающая границы честолюбивымъ замысламъ императора въ Германіи, можетъ избавить ее отъ многихъ затрудненій“. *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 266, 280.

[4]) *Остерманъ Румянцову*, отъ 29 декабря 1785 года.

мой мечтой—надъ расширеніемъ своей союзной системы привлеченіемъ Англіи. Руководимая своимъ тонкимъ чутьемъ «природы вещей» и «естественнаго положенія земель», она съ 1779 года лелѣяла эту мысль, несмотря ни на интриги Н. И. Панина съ его вооруженнымъ нейтралитетомъ, ни на припадки озлобленія Потемкина противъ коварнаго Альбіона. Послѣ серьёзной попытки завлечь Іосифа въ этотъ планъ, въ 1783 году (гл. VI), Екатерина не измѣнила своей идеѣ даже послѣ горячей сцены на озерѣ Ильменѣ, приведшей Потемкина къ открытію переговоровъ съ Франціей о торговомъ договорѣ (гл. XVIII). Всего мѣсяца черезъ два послѣ этой сцены, въ августѣ 1785 года, Голицынъ получилъ весьма важный рескриптъ, посвященный доказательствамъ, что теперь больше прежняго необходимъ союзъ съ Англіей. Екатерина извѣщала своего посланника о томъ, какъ жаловался ей Кауницъ на Англію по поводу союза князей и восхвалялъ при этомъ Францію. Она отвѣчала черезъ него вѣнскому канцлеру, что императору слѣдуетъ «употребить всѣ зависящіе отъ него способы къ успокоенію и приласканію Англіи», увѣривъ ее въ ложности слуховъ объ его желаніи «пособствовать версальскому двору на вредъ Англіи и на отдаленіе ея отъ участія въ дѣлахъ на твердой землѣ». Понимая, что Австріи трудно разорвать связи съ Франціей, Екатерина пока желала только видѣть въ отношеніяхъ между императоромъ и англійскимъ королемъ «нѣчто среднее между тѣсною связью и холодностью». Что же касается до сближенія нашего съ Франціей, то оно совсѣмъ немыслимо. «Англія, по крайней мѣрѣ до сего времени, не была противоборствующею интересамъ нашимъ. Она приноситъ намъ великую пользу въ торговлѣ и доказала доброе ея расположеніе къ имперіи нашей во время войны нашей съ турками, удержавъ версальскій дворъ въ недѣйствіи». Она даже въ Семилѣтнюю войну «сохранила съ нами доброе согласіе и свободу торговли». Франція же вѣчный врагъ Россіи. И теперь «все ея упражненіе въ томъ только состоитъ, чтобъ турковъ укрѣпить и усилить. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣренія ея не тѣмъ однимъ ограничиваются, какъ министры ея предъявляютъ, чтобъ обезпечить только Порту отъ всякихъ покушеній на ея разрушеніе; но съ тѣмъ, дабы могла она въ случаѣ надобности по своимъ видамъ обратить ихъ противу насъ съ крайнимъ вредомъ нашимъ. Не меньше увѣрены мы, что и вездѣ не упуститъ сія держава воздвигать намъ препоны и напрягать всѣ силы ея не допустить насъ участвовать въ дѣлахъ и тѣмъ ущерблять поверхность, пріобрѣтенную ихъ политикой и кою слабость другихъ

державъ въ рукахъ ея терпѣла». Сверхъ того, версальское министерство усиливается перессорить Россію съ Австріей, сплетничая имъ одной на другую. Наконецъ, коварное поведеніе Франціи относительно самой Вѣны доказываетъ, что «политика ея безъ сомнѣнія къ тому клонится, дабы изнуреніемъ и самихъ своихъ союзниковъ сдѣлаться сильнѣе и захватить въ свои руки рѣшеніе жребія другихъ державъ во всякихъ ихъ дѣлахъ и спорахъ».

Екатерина вовсе не думала расторгнуть союзъ Австріи съ Франціей, который считала даже полезнымъ, такъ какъ Іосифъ можетъ «отвесть версальскій дворъ отъ пособія туркамъ». Она предупреждала только своего союзника, что весьма заботится о союзѣ съ Англіей. Въ рескриптѣ весьма откровенно высказано, что мы доселѣ уклонялись отъ этого союза только изъ уваженія къ Австріи. «Но по искренности нашей—говоритъ Екатерина—не скроемъ отъ его императорскаго величества, что потеря Англіи, яко естественнаго друга нашего, и поставленіе ея на прусской сторонѣ не могутъ быть намъ пріятны». Россія будетъ всячески стараться не допустить Англію до союза съ Пруссіей. А въ случаѣ новыхъ раздоровъ между Франціей и Англіей, она не можетъ «смотрѣть равнодушно на дальнѣйшій упадокъ сей послѣдней». Да и собственные интересы Іосифа не должны допускать «крайняго униженія могущества сей державы» [1]).

Наши отношенія къ Англіи и Франціи выясняются также другими документами того времени. Такъ, въ февральской инструкціи Сергѣю Румянцову сказано, что хотя мы еще не успѣли возобновить прежній торговый трактатъ съ Англіей (что̀ скоро должно совершиться), тѣмъ не менѣе мы почти во всемъ дружны съ нею, ибо «вслѣдствіе естественнаго положенія земель обѣихъ державъ, ихъ государственные интересы почти всюду одинаковы». Остерманъ мѣтко разъясняетъ нашему посланнику, что приступленіе Георга III къ лигѣ ничего не значитъ: «въ нашихъ сношеніяхъ необходимо различать голосъ короля и англійскаго министерства отъ голоса націи»; поэтому нужно «вездѣ точно наблюдать за поведеніемъ англійскаго министерства, не выказывая однако противъ него какого-либо недовѣрія». Мало того. Здѣсь же было обнаружено желаніе подчинить Голландію англійскому вліянію—ту самую Голландію, которая вынесла на себѣ всю тяжесть мести Англіи за вооруженный нейтралитетъ! «Можно вполнѣ предоставить времени—сказано въ инструкціи—

---

[1]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 29 августа 1785 года.

и лондонскому кабинету, при первомъ случаѣ, освободить республику отъ французской опеки и попрежнему связать ее съ Англіей».

У устьевъ Шельды, точно такъ же какъ въ Босфорѣ, въ Германіи и повсюду наши интересы расходились съ выгодами Франціи. Оттого-то Сергѣю Румянцову внушалось, что намъ вообще нужно быть весьма осторожными въ сношеніяхъ съ Версалемъ. Не такъ давно, при Шуазелѣ, мы чуть не прекратили переписки съ нимъ «вслѣдствіе допущенныхъ имъ въ королевскихъ письмахъ непристойныхъ (unschicklichen) затрудненій относительно императорской титулатуры». Правда, вскорѣ Версаль самъ устранилъ эти затрудненія, и нынѣ уже нѣтъ «внѣшнихъ слѣдовъ оскорбленій» съ его стороны; но тѣмъ не менѣе его поступки «всегда двусмысленны». Дѣло въ томъ, что политика Версаля—всюду играть первую роль на счетъ другихъ дворовъ [1]).

Взглядъ Екатерины на политику Франціи почти ежедневно оправдывался, какъ крупными, такъ и самыми мелкими фактами, въ особенности же тѣмъ, что, желая вредить намъ, Версаль не щадилъ и своего союзника—императора. Въ описываемое время Іосифъ, точно такъ, какъ и Екатерина, то-и-дѣло выражалъ негодованіе на коварство и ненависть Франціи. Уже въ началѣ 1785 года, онъ жаловался въ Петербургѣ, что Верженъ плохо исполняетъ свое обѣщаніе внушить Портѣ насчетъ уступки Австріи клочка земли на границѣ [2]). А лѣтомъ Людовикъ XVI прямо объявилъ ему, что нужно повременить съ этимъ дѣломъ [3]). Вслѣдъ затѣмъ пришла очередь Екатеринѣ жаловаться въ Вѣнѣ на Версаль. У нея и ея министровъ пошла безконечная пикировка съ Сегюромъ. При петербургскомъ дворѣ часто происходили подобныя сцены съ блестящимъ и раздражительнымъ представителемъ Франціи.

Екатерина. Вы, французы, все предполагаете во мнѣ завоевательныя стремленія, между тѣмъ какъ я искренно и по важнымъ причинамъ отказалась отъ всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній. Я только и желаю, что мира. Спокойствію Европы угрожаетъ одинъ мятежный духъ (la turbulence) турокъ и пруссаковъ. И при всемъ томъ, мнѣ не довѣряютъ, а имъ покровительствуютъ!.. Вы не хотите, чтобы я изгнала вашихъ дѣтокъ,

---

[1]) „Überall auf Rechnung anderer Höfe die erste Rolle zu spielen".

[2]) Отвѣтъ Екатерины на эту жалобу находится въ *рескриптѣ Голицыну*, отъ 19 мая 1785 года.

[3]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 11/22 іюня 1785 года.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold*, II, 77 sq.

турокъ, изъ моего сосѣдства. Да, это у васъ милые воспитанники, это — ученики, которые дѣлаютъ вамъ честь. Представьте себѣ, что у васъ въ Пьемонтѣ или въ Испаніи подобные сосѣди, которые изъ года въ годъ доставляли бы вамъ заразу и голодъ, убивали бы и плѣнили у васъ тысячъ двадцать народу въ годъ: сочли ли бы вы хорошимъ, если бы я взяла ихъ подъ свое покровительство? Я думаю, что вотъ тогда-то вы приняли бы меня за варварку.

Сегюръ не смѣлъ отвѣчать горячо императрицѣ на такія рѣчи; но онъ не давалъ спуску ея министрамъ, которые, въ свою очередь, не щадили его.

Остерманъ. Для всѣхъ очевидно, какъ Версаль даетъ совѣты Портѣ, учитъ ее, вооружаетъ, подстрекаетъ (aiguillone).

Сегюръ. Версаль старается только останавливать тѣхъ, которые хотятъ возвеличиться и возмущаютъ миръ Европы.

Потемкинъ. Какъ это вы, французы, народъ такой блестящій, просвѣщенный, любезный, упорно объявляете себя покровителями варварства и чумы? Подумайте! Чтó бы вы сказали, если-бъ наше правительство помѣшало вамъ выгнать сосѣдей, которые каждогодно угрожали бы вамъ набѣгами, заразой, грабежомъ и плѣненіемъ сотенъ христіанъ?

Сегюръ. Точно такое же зло—честолюбіе и жажда завоеваній.

Потемкинъ. Моя система — когда я вижу, что безпокойный врагъ дѣлаетъ грозныя приготовленія, предупредить его, броситься на него и ослабить его по крайней мѣрѣ на двадцать лѣтъ... Но проекты, которые приписываютъ намъ, чистыя химеры. Меня просто считаютъ поджигателемъ (boute-feu). Если-бъ намъ вздумалось разрушить Порту, то-есть безразсудно потрясти Европу, то ужъ мы постарались бы согласиться съ Франціей. Но мы теперь ничего не желаемъ, кромѣ мира. Я готовъ дать вамъ росписку, что мы не нападемъ на турокъ; но если они нападутъ, такъ ужъ мы двинемъ наше оружіе какъ можно дальше.

Сегюръ. Да, не только ваши тайные агенты, но и ваши консулы въ Архипелагѣ—истинные поджигатели (boute-feux).

Потемкинъ. А, вотъ вы опять возвращаетесь къ вашимъ нѣжностямъ съ мусульманами! Согласитесь, что я не даромъ иногда называю васъ Сегюръ-эффенди.

Между тѣмъ, приходитъ извѣстіе о набѣгѣ татаръ на Кубани, сильно раздражившее Екатерину. Сегюръ попался на глаза Потемкину.

Потемкинъ. Согласитесь же, наконецъ, что существованіе мусульманъ—истинный бичъ человѣчества. А между тѣмъ, стóитъ

только сговориться тремъ-четыремъ великимъ державамъ—и нѣтъ ничего легче, какъ прогнать этихъ свирѣпыхъ турокъ въ Азію и освободить отъ этой язвы Египетъ, Архипелагъ, Грецію и всю Европу. Развѣ такое предпріятіе не было бы справедливо, полезно, религіозно, нравственно, геройско? (Обращаясь съ улыбкой къ Сегюру) Если бы вы лично содѣйствовали столь желанному соглашенію и если бы Франція получила на свою долю Кандію или Египетъ, развѣ вы не были бы достаточно вознаграждены? Развѣ не могло бы случиться, что вы были бы назначены правителемъ одной изъ этихъ завоеванныхъ странъ?..

Сегюръ. Это лишь игра вашего воображенія. Да и вашъ дражайшій союзникъ не согласится. Помнится, императоръ сказалъ какъ-то: «я не могу забыть страха, который не разъ внушали Вѣнѣ константинопольскіе тюрбаны; но я еще болѣе боюсь имѣть сосѣдями каски и шапки».

Потемкинъ. Правда. Но это вина всѣхъ насъ. Мы всегда умѣемъ дружно дѣйствовать на зло человѣчеству и никогда ко благу его [1]).

Такъ проходило лѣто, а осенью уже снова Іосифъ негодовалъ на своего союзника съ западной стороны. Такъ какъ голландскій вопросъ еще не кончился формально, хотя республика и извинилась передъ императоромъ (гл. X), то Версаль воспользовался случаемъ сдѣлать новую непріятность Вѣнѣ. Онъ настроилъ голландскихъ «патріотовъ» вдругъ предложить Іосифу продать имъ нѣкоторыя изъ его земель, вмѣсто того, чтобъ уступить ему часть собственныхъ владѣній [2]). И снова двинулись

---

1) *Ségur*, II, 302—311, 339—342, 363; III, 21.

2) Іосифъ и Екатерина назвали это предложеніе „нелѣпымъ“, а Леопольда оно заставило разразиться такою тирадой, въ письмѣ къ брату: „Оно невозможно, неприлично, оскорбительно. Оно очевидно свидѣтельствуетъ о коварствѣ и желаніи Франціи показать всей Европѣ, что она хочетъ давать вамъ законы и предписывать, чтò вы должны или смѣете дѣлать, а между тѣмъ старается дать время голландцамъ приготовиться къ оборонѣ. „*Joseph II und Leopold v. Toscana*, I, 297, 301.— *Joseph II und Katharina v. Russland*, 259 sq., 268.—Въ депешѣ *Голицына Екатеринѣ*, въ сентябрѣ 1785 года, это дѣло описывается такъ: „Нѣсколько персонъ, участвующихъ въ правительствѣ голландскомъ, скрытнымъ образомъ представили версальскому двору планъ къ возстановленію мира, весьма обидный для императора“; именно, Голландія платитъ Іосифу 5 милліоновъ голландскихъ гульденовъ, а отъ него требуетъ „отстать отъ всѣхъ чинимыхъ имъ на голландскую республику претензій и учредить для этого новыя границы“. Кауницъ, въ разговорѣ съ Голицынымъ, „съ удивленіемъ отзывался о хитрости версальскаго двора, приписывая ей вымышленное страннымъ образомъ не къ окончанію, но къ разрыву мирной негоціаціи средство, яко бы отъ благонамѣренныхъ голландскихъ патріотовъ, безъ вѣдома, однакожъ, главныхъ правительствующихъ персонъ, предложенное для лучшаго, по ихъ мнѣнію, успѣха въ оной негоціаціи“.

впередъ австрійскія войска, остановившіяся-было на границѣ Голландіи въ угоду Франціи же. Правда, вслѣдъ затѣмъ былъ заключенъ миръ, но въ Парижѣ, подъ вліяніемъ Франціи, и потому постыдный: Іосифъ за 10 милліоновъ отказался отъ всѣхъ своихъ притязаній, надѣлавшихъ столько шума въ Европѣ [1]). И тогда же Франція заключила дружественный договоръ съ республикой...

И несмотря на всю эту, можно сказать, враждебную политику Версаля, въ Вѣнѣ продолжали питать пристрастіе къ нему и ненависть къ Англіи. Кауницъ никакъ не могъ разстаться съ своею славой—съ австро-французскимъ союзомъ. Онъ постоянно жаловался Голицыну на коварство Георга III въ дѣлѣ лиги, смѣшивая курфюрста ганноверскаго съ королемъ англійскимъ. А Іосифъ называлъ англійскую политику, въ письмахъ къ Екатеринѣ, «непослѣдовательною и жалкою». Въ отвѣтъ на рескриптъ Голицыну объ англійскомъ союзѣ онъ писалъ Екатеринѣ, что «это во всѣхъ отношеніяхъ крайне деликатная матерія въ его положеніи». Напрасно Екатерина собственными письмами убѣждала его «щадить Англію, точно такъ же, какъ и тѣхъ нѣмецкихъ князей, которые еще не приступили къ лигѣ» [2]). Кауницъ два мѣсяца уклонялся отъ отвѣта на рескриптъ Екатерины, отговариваясь тѣмъ, что ждетъ хорошаго случая для отправленія курьера въ Петербургъ. Голицынъ предложилъ ему нарочно послать собственнаго курьера и, наконецъ, принудилъ его высказаться. Кауницъ позвалъ его къ себѣ на вечеръ 11-го ноября. Послѣ обычныхъ любезностей Екатеринѣ за рескриптъ, вѣнскій оракулъ изрекъ: «Здѣшній дворъ по сіе время никакого съ Англіей не имѣетъ дѣла... Пребывающій здѣсь англійскій посланникъ никогда ни о чемъ не отзывается... Здѣшній дворъ находитъ какъ прежнее, такъ и нынѣшнее лондонское министерство такимъ, которое не имѣетъ въ дѣлахъ своихъ порядочной и надлежащей системы и которымъ сей дворъ доволенъ быть не можетъ. Оное министерство, пренебрегая и отдаляя, при всякомъ случаѣ, все, чтó могло бы выгоднымъ быть для императорско-королевскаго двора, всѣ свои виды и намѣренія единственно къ пользѣ своей простираетъ. Англійскій кабинетъ всегда противоборствовалъ интересамъ здѣшнимъ, чему достаточнымъ примѣромъ служитъ не токмо бывшее его, во время войны 1756 года, поведеніе, отъ коего происходитъ то состояніе короля прусскаго,

---

1) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ $^{12}/_{23}$ и $^{18}/_{29}$ сентября 1785 года.

2) *Joseph II und Katharina*, 255, 263—265.

въ которомъ онъ нынѣ находится, но и самое новѣйшее, относящееся до соединенія съ берлинскимъ дворомъ, подъ видомъ ганноверскаго». Впрочемъ, въ случаѣ войны между Англіей и Франціей, императоръ «не можетъ, для сохраненія равновѣсія въ Европѣ, допустить Англію до крайняго ея разоренія и упадка». Какъ упорно держался Кауницъ своей французской точки зрѣнія, лучше всего видно изъ того, что его скорѣе радовала, чѣмъ смущала, возможность англо-прусскаго союза: «въ такомъ случаѣ Франція принужденною нашлася бы оставить вовсе короля прусскаго, которому она гораздо нужнѣе и всегда полезнѣе быть можетъ, нежели Англія». Австрійскій канцлеръ «никогда не желалъ быть ни похвалителемъ, ниже отличнымъ почитателемъ французовъ, коихъ предпріимчивый и потому нерѣдко легкій образъ мыслей довольно всѣмъ извѣстенъ». Но, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ, «по многимъ важнымъ причинамъ и обстоятельствамъ», что французскій союзъ «гораздо выгоднѣе и полезнѣе» для Австріи, чѣмъ англійскій. Для успокоенія Екатерины Кауницъ прибавилъ, что Австрія употребитъ всѣ усилія для отвращенія Версаля отъ помощи Портѣ противъ Россіи [1]).

Но чѣмъ упорнѣе придерживалась Австрія столь коварнаго союзника, какъ Версаль, тѣмъ болѣе становилась она въ зависимость отъ Россіи. Волей-неволей она должна была раздѣлять взгляды Екатерины на союзъ князей и участвовать въ ея рѣшеніи восточнаго вопроса. Кауницъ сказалъ Голицыну, въ тотъ же вечеръ 11-го ноября: «Теперь уже нѣтъ способу къ уничтоженію той лиги, да и не нахожу такой къ недопущенію другихъ имперскихъ князей до приступленія къ ней удобности, которая могла бы быть безъ предосужденія достоинству императора... Справедливо и на мудрости основано мнѣніе императрицы, чтобъ наблюдать святость взаимныхъ между обоими императорскими дворами состоящихъ обязательствъ въ разсужденіи германской имперіи, а притомъ стараться разными ласковыми образами привлечь къ ихъ сторонѣ князей и чиновъ германскихъ». Іосифъ также вполнѣ согласился съ совѣтомъ Екатерины. Онъ прибавилъ только въ своемъ письмѣ къ ней: «Но позвольте указать вамъ на большія препятствія къ привлеченію князей, которыя встрѣчаетъ именно императоръ, какъ глава имперіи. Какъ судья, я долженъ быть справедливъ ко всѣмъ, и мнѣ приходится весьма часто защищать слабыхъ отъ злоупотребленій и угнетенія сильныхъ, которымъ, къ несчастью, покровительствуютъ законы.

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 1/12 ноября 1785 года.

Оттого нерѣдко мои политическія выгоды нарушаются требованіями моего долга высшаго судьи» [1]).

Въ то же время Іосифъ по-прежнему старался всячески обнаруживать дружбу и довѣріе къ Екатеринѣ. Онъ благодарилъ ее за постыдное окончаніе голландскаго дѣла. Онъ заключилъ съ нею невыгодный торговый договоръ (гл. XVI). И снова явилось много образцовъ его крайне любезнаго эпистолярнаго слога [2]). Въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ, императоръ, съ видомъ полной искренности, раскрывалъ свою душу и горячо жаловался ей на своихъ враговъ, въ особенности же на Пруссію. Екатерина, помимо любезностей [3]), отвѣчала своей обычной пѣснью: она понемногу все затягивала своего союзника въ дальнѣйшій ходъ восточнаго вопроса.

Уже въ августѣ 1786 года императрица болѣе серьёзно, чѣмъ заслуживало дѣло, распространялась, въ длинномъ письмѣ, о новѣйшемъ набѣгѣ лезгинъ на покровительствуемую нами Грузію и о содѣйствіи имъ ахалцыхскаго паши. Она гордо и мужественно извѣщала Іосифа, что пойдетъ на все, лишь бы заставить султана серьёзно остановить эти разбои, которыми мы обязаны его подстрекательствамъ среди горцевъ. Она даже рѣшилась не говорить съ Портой прямо и передала свое требова-

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 262.

[2]) Вотъ любопытный образчикъ. Случайно проѣзжалъ черезъ Вѣну медикъ Екатерины, сообщившій, что она совершенно здорова. Іосифъ пишетъ Екатеринѣ о своей радости по этому поводу: „Если бы я сталъ искать словъ для выраженія ея, я ослабилъ бы силу моихъ чувствъ и желаній въ этомъ отношеніи". Затѣмъ, разсказывая, какъ онъ провелъ лѣто 1786 года на дачѣ, гдѣ былъ и пріѣхавшій изъ Петербурга Кобенцль, Іосифъ замѣтилъ: «Мы много наслаждались разсказами о вашихъ милостяхъ, о вашемъ очаровательномъ обращеніи въ обществѣ и о всѣхъ великихъ, превосходныхъ дѣлахъ, которыя ваше величество не перестаете совершать. Мы даже осмѣлились вообразить, будто нашъ образъ жизни понравился бы вашему величеству. У насъ не было ни шпагъ, орденовъ и мундировъ, ни церемоній или комплиментовъ. Существовало одно только правило — всякій дѣлай, что̀ хочешь.... Вы до того созданы для подражанія, что обычаи Эрмитажа служили намъ правиломъ, хотя мы и не могли усвоить ихъ». *Joseph II und Katharina*, 271 sq.

[3]) Вотъ отвѣтъ Екатерины на описаніе дачной жизни Іосифа, приведенное въ предъидущемъ примѣчаніи. „У меня, смѣю сказать, потекли слюнки (venir l'eau à la bouche) отъ очаровательныхъ подробностей о вашей дачной жизни. Я сочла бы себя чрезчуръ счастливой, еслибъ была тамъ. Для меня было бы верхомъ блаженства прежде всего видѣть и слышать ваше величество, затѣмъ видѣть васъ окруженнымъ превосходной компаніей, которая жила безъ стѣсненій и дѣлала что̀ хотѣла. Но я, быть можетъ, наскучила бы вамъ, все твердя, что вы далеко выше всѣхъ государей на землѣ уже потому, что вы умѣете возноситься надъ докуками трона (des ennuis des trônes). Но пора кончить изліяніе моихъ искреннихъ чувствъ". *Joseph II und Katharina*, 273 sq.

ніе черезъ французскаго посланника въ Константинополѣ, который, испугавшись серьёзныхъ послѣдствій лезгинскаго набѣга, самъ предложилъ примирить насъ съ турками. Екатеринѣ было мало этихъ коварныхъ услугъ: она «настойчиво» (avec instance) требовала, чтобы Іосифъ поддерживалъ ея внушенія въ Стамбулѣ: «пусть Порта все болѣе и болѣе убѣждается, что ея нападеніе на одинъ изъ императорскихъ дворовъ всегда вызоветъ мщеніе другого». Мало того. Въ этомъ же письмѣ Екатерина довольно сухо, въ постъ-скриптумѣ, напоминала Іосифу насчетъ «извѣстнаго путешествія, о которомъ его величеству угодно было весьма дружески заговорить въ Смоленскѣ». Она сообщала ему маршрутъ своего путешествія по Тавридѣ, весной слѣдующаго года [1]).

Іосифъ уже ждалъ этого и обдумывалъ съ Кауницемъ, подъ какимъ бы предлогомъ уклониться отъ непріятнаго приглашенія. Послѣднее не только поставило его въ затруднительное положеніе, но и раздражило своею формой. Онъ сказалъ Кауницу: «Мой отвѣтъ будетъ благопристоенъ, кратокъ, но онъ дастъ почувствовать превращенной въ Екатерину принцессѣ цербстской (Princesse de Zerbst Catherinisée), что нужно обнаружить немного больше почтенія и усердія (empressement), чтобы располагать мною» [2]). И дѣйствительно, отвѣтъ Іосифа даже короче приглашенія, и онъ составленъ весьма дипломатично [3]). Но вскорѣ Іосифъ получилъ новое письмо отъ Екатерины, которая, оказалось, «даже и не сомнѣвалась» въ его согласіи — и, какъ это ни было ему «неудобно и тяжело», онъ долженъ былъ ѣхать, ибо «императрица слишкомъ избалована, ибо все исполняется, чего ни пожелаетъ она» [4]).

Изъ личныхъ бесѣдъ съ Екатериной Іосифъ убѣдился, что она «сгараетъ желаніемъ опять приняться за турокъ (meurt d'envie de recommencer avec les Turcs)» и даже «считаетъ себя въ силахъ одна исполнить все, чтó ей угодно». Безстрашная Екатерина думала такъ, несмотря на то, что тогда волновались,

---

[1]) *Joseph II und Katharina*, 274—277.—Cf. *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 219 sq.

[2]) Записки Іосифа Кауницу, *тамъ же*, 277 sq.

[3]) „J'ai été pénétré de la façon amicale avec laquelle V. M. I. veut me rappeler les propos tenus à Smolensko. Quelque puisse être la différence de ma position actuelle à celle d'alors, il n'y en a pas la moindre ni dans mon desir ni dans mon empressement. Uniquement esclave des circonstances et des devoirs qu'elles peuvent m'imposer, si elles ne me contrarient, je jouirai du bonheur que depuis Péterhof je n'ai cessé de désirer". *Joseph II und Katharina*, 280.

[4]) *Іосифъ Леопольду*, отъ 21-го ноября 1786 года. *Joseph II und Leopold II*, 43 sq.—*Joseph und Katharina*, 281.

кромѣ Турціи, Кавказъ и Китай — словомъ, казалось, что весь безтолковый, но облитый золотомъ и напичканный народами Востокъ сговорился подняться на Россію! Притомъ, она не хотѣла и слушать предостереженій императора насчетъ Пруссіи и Франціи [1]).

Пруссія, дѣйствительно, тогда не была страшна: уже десять мѣсяцевъ, какъ старый Фрицъ покоился въ землѣ. Да и весь послѣдній годъ его жизни былъ лишь безпрерывной борьбой со смертью, которая, по выраженію Іосифа, долго «уважала сѣдины героя». Давно высказанное мнѣніе Екатерины «объ упадкѣ изобрѣтательнаго генія» Фридриха никогда еще не оправдывалось до такой степени. Прусскій герой сохранялъ свои умственныя способности до послѣдняго дня, но въ немъ уже не было и слѣда энергіи, инициативы. Болѣе, чѣмъ когда-либо, миръ сталъ его idée-fixe—и, казалось, стало источникомъ всеобщаго спокойствія то скромное сельское уединеніе, въ которомъ жилъ тогда этотъ мрачный старикъ, прикованный къ постелѣ болѣзнью, составляя свое духовное завѣщаніе. Какъ нарочно, сюда приходили, по свидѣтельству Герцберга, все миротворныя письма. И отсюда расходились повсюду успокоительныя увѣщанія. Фридрихъ постоянно внушалъ своимъ посланникамъ не горячиться, не суетиться, потому-что все обстоитъ благополучно: ничего дурного не будетъ, даже предстоящая турецкая война—химера! Вся его философія основывалась теперь на страхѣ, который поддерживался частыми воспоминаніями объ ужасахъ Семилѣтней войны. Оттого Фридрихъ уже довольствовался малымъ, до того, что даже прославлялъ нищету своей Пруссіи. Оттого онъ сталъ до того смиреннымъ, что не только не заступался за свою племянницу, жену Вильгельма V Оранскаго, оскорбляемую «патріотами» Голландіи, но посовѣтовалъ ей спокойно проглотить униженіе. И въ ту минуту, когда его заклятые враги, Іосифъ и Екатерина, собирались вновь пощипать Турцію, онъ не только не поддерживалъ султана, но приказалъ своему посланнику совсѣмъ не давать никакихъ совѣтовъ дивану: турки нескромны, сейчасъ разболтаютъ и выйдетъ какая-нибудь непріятность [2]).

Здѣсь же кроется причина, почему Фридриха уже не утѣшало и осуществленіе завѣтной мечты, безъ которой онъ не хотѣлъ умереть. Онъ словно забылъ о своемъ союзѣ князей, не

---

[1]) *Іосифъ Кауницу*, изъ Херсона, отъ 25-го мая 1787 года: *Joseph und Katharina*, 292.

[2]) *Ranke*, Die deutschen Mächte, I, 260—265.

заботился о его распространеніи, даже какъ будто тяготился имъ. Если и въ эти печальныя минуты лига оказывала признаки жизни, такъ что Николай Румянцовъ называлъ ея «бездѣйствіе *мнимымъ*» [1]), то этимъ она была обязана исключительно энергіи «патріотовъ»—ганноверскихъ и баденскихъ министровъ, въ особенности же тріумвировъ. Тогда Эрнстъ готскій ѣздилъ въ Лондонъ, Гофенфельсъ въ Парижъ, Эдельсгеймъ по дворамъ духовныхъ князей. А вождь этой партіи, Карлъ-Августъ веймарскій, неутомимо сносился, то лично, то письменно, со всѣми князьями, представлявшими извѣстный интересъ для лиги. Сверхъ того, онъ составлялъ серьёзные планы дальнѣйшаго развитія дѣла, вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ и другомъ, Гёрцомъ, который покинулъ тогда постъ прусскаго посланника въ Петербургѣ. Хлопоты патріотовъ приносили свою пользу, приготовляя почву для будущаго. Это видно изъ того, что задача Николая Румянцова становилась все затруднительнѣе и несноснѣе. Напрасно онъ колесилъ по Германіи, съ свойственной ему неутомимостью, и сплетничалъ фюрстамъ другъ на друга. Несмотря на то, что теперь онъ возилъ съ собой уже не одинъ майскій циркуляръ Екатерины, но и 10,000, присланныя ему «для пользы служенія своего здѣсь», его вездѣ встрѣчалъ нелестный пріемъ. Его единственнымъ утѣшеніемъ оставались ничтожныя письма герцогини цвейбрюкенской, да сомнительная дружба герцоговъ вюртембергскаго и мекленбургскаго [2]).

Но, конечно, безъ содѣйствія Пруссіи патріоты не могли достигнуть положительныхъ результатовъ; а Фридрихъ скорѣе вредилъ, чѣмъ помогалъ дѣлу. «Въ Берлинѣ — свидѣтельствуетъ Гёрцъ—уже не обращали на союзниковъ того вниманія, которое могло поддерживаться лишь сопротивленіемъ императора да недовольствомъ Россіи. Здѣсь господствовало глубокое и оскорбительное (kränkendes) молчаніе въ отношеніи къ успѣхамъ союза и къ его участникамъ. Не позаботились даже ни пригласить послѣднихъ къ принятію тайныхъ статей, ни извѣстить ихъ о пріобрѣтеніи новыхъ членовъ лиги». Тогда же Карлъ-Августъ писалъ Гёрцу съ горечью оскорбленнаго честолюбія и обманутыхъ надеждъ: «Не станемъ разбирать, почему Пруссія позволяетъ себѣ такое пренебреженіе къ своимъ менѣе могущественнымъ союзникамъ—по недовѣрію ли, по презрѣнію, или же по какимъ-либо другимъ побужденіямъ. Между нами будь сказано, мнѣ кажется,

---

[1]) *Николай Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 3/14 іюля 1786 года.

[2]) *Николай Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 мая 1786 года.

они вовсе не заботятся о дѣлахъ имперіи. Очень нужно имъ тутъ церемониться! Имъ подавай дѣло цѣликомъ, а не по мелочамъ! Объ имперіи они, право, думаютъ, какъ о лѣтошнемъ снѣгѣ: пусть себѣ она прилаживается къ новой системѣ, какъ знаетъ!» Съ подобными же жалобами обращался тогда герцогъ веймарскій и къ Герцбергу. Прусскій министръ разсыпался въ похвалахъ его благородному патріотизму и объяснялъ кажущееся равнодушіе Бе́рлина внѣшнею причиной. «У насъ просто не хватаетъ силъ — говорилъ онъ — потому что все лежитъ на одномъ человѣкѣ: я одинъ долженъ тутъ все дѣлать, а у меня еще цѣлый ворохъ всякихъ другихъ государственныхъ дѣлъ!» Все и ограничилось любезностями и тонкими намеками на бездѣйствіе Фридриха. «Несмотря на эти прекрасныя слова и увѣренія — замѣчаетъ Гёрцъ — ничего не дѣлали, чтобы успокоить союзные чины и возстановить ихъ поколебленное довѣріе. И не меньше прежняго чувствовалось преобладаніе сильныхъ чиновъ имперіи надъ слабыми. Опасенія послѣднихъ насчетъ тайныхъ замысловъ первыхъ не разсѣявались, ихъ ревность и общественный духъ не развивались. Могло ли быть иначе, когда, несмотря на союзъ, большія государства поступали своекорыстно, не обращая вниманія на интересы своихъ союзниковъ? Это производило прискорбное впечатлѣніе на послѣднихъ» [1]).

Патріоты должны были отказаться отъ всякихъ надеждъ, пока былъ живъ старый король прусскій. Вслѣдствіе овладѣвшаго имъ страха, Фридриха скорѣе тревожило, чѣмъ радовало распространеніе нѣмецкой лиги. Не о развитіи лиги, а объ отстраненіи ея опасныхъ слѣдствій заботился теперь король, такъ какъ она тревожила Европу и разжигала ненависть враговъ. Вытекши изъ желанія Фридриха выдти изъ политическаго одиночества, она приводила его къ новой потребности въ союзахъ. Если въ глазахъ Николая Румянцова «прусскій король не щадилъ ничего къ умноженію смуты въ Германіи», то лишь въ томъ смыслѣ, что, «прилѣпивъ къ себѣ короля англійскаго, онъ старается отвлечь отъ императора короля французскаго» [2]). Дѣйствительно, никогда еще такъ не хотѣлось Фридриху заручиться дружбой этихъ могущественныхъ государствъ, въ отпоръ русско-австрійскому союзу. Но такъ какъ нельзя было соединиться разомъ съ обѣими державами-соперницами, то пришло время сдѣлать рѣшительный выборъ.

Какъ всегда въ подобныхъ важныхъ случаяхъ, подлѣ короля

---

[1]) *Görtz*, II, 212—216.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{14}/_{25}$ ноября 1785 года.

образовались двѣ партіи, причемъ снова обнаружилось соперничество между молодымъ и старымъ дворомъ: первый, руководимый Герцбергомъ и его пріятелемъ Фердинандомъ брауншвейгскимъ, составлялъ англійскую партію, второй, съ Финкенштейномъ и принцемъ Генрихомъ во главѣ,—французскую. Англійская партія начала дѣйствовать еще въ эпоху «броженія» у фюрстовъ. Герцогъ брауншвейгскій и герцогъ іоркскій намекнули Дому, при личныхъ свиданіяхъ, насчетъ союза королей прусскаго и англійскаго. Затѣмъ первый даже написалъ Герцбергу, что слѣдовало бы Фридриху отправить любезное письмо къ Георгу III и смѣнить Люси, котораго не долюбливалъ англійскій король. «Герцогъ не осмѣлился—говоритъ Домъ—писать объ этомъ самому Фридриху... Онъ всегда боялся навлечь на себя его неудовольствіе». Герцбергъ обрадовался, но ничего не дѣлалъ, вѣроятно опасаясь того же. Къ счастью, въ августѣ 1785 года лондонскій дворъ самъ сдѣлалъ первый шагъ: его посланникъ заявилъ въ Берлинѣ, что Георгъ III «готовъ соединиться съ Пруссіей, чтобы противодѣйствовать соединенію Россіи съ Австріей противъ Порты, а также насиліямъ императора въ Германіи, въ особенности же всякому обмѣну Баваріи». Герцбергъ тотчасъ же началъ доказывать Фридриху, что необходимо немедленно, «безъ разсужденій», принять это предложеніе. «Никогда—говоритъ онъ — не ждите искреннихъ связей съ Франціей, которая слишкомъ твердо придерживается Австріи и старается пользоваться Пруссіей лишь для собственныхъ цѣлей. Да и незачѣмъ расходиться съ нею изъ-за англійскаго союза: легко убѣдить ее, что послѣдній вовсе не направленъ противъ нея. Версальскій дворъ даже обрадуется, что Англія будетъ способствовать разрушенію плановъ императорскихъ дворовъ противъ Порты. При большой склонности русской императрицы къ Англіи, соединеніе съ послѣдней не можетъ повредить Пруссіи въ ея глазахъ. Если Англія и не отвлечетъ совсѣмъ императрицы отъ Австріи, за то Екатерина станетъ осторожнѣе и не будетъ поддерживать видовъ императора на Германію, опасаясь противодѣйствія со стороны Лондона. Соединеніе съ Англіей придастъ еще болѣе вѣса союзу князей. Францію же можно успокоить уже тѣмъ соображеніемъ, что Англія вступаетъ въ связь не съ союзомъ князей, а лишь съ Пруссіей, какъ европейскою державой».

Французская партія разбивала всѣ эти доводы. «При союзѣ съ Англіей — внушалъ Финкенштейнъ — придется совсѣмъ покинуть надежду на соединеніе съ Франціей, которая тогда даже еще тѣснѣе примкнетъ къ Австріи. Вѣнскій дворъ не преминетъ

внушить версальскому, что тогда все вліяніе въ Германіи, доставленное Пруссіи союзомъ князей насчетъ Франціи, перейдетъ къ Англіи. Англія не можетъ предложить русской императрицѣ ничего, чтó побудило бы ее отказаться отъ своихъ завѣтныхъ плановъ, для которыхъ столь важно соединеніе петербургскаго двора съ вѣнскимъ: Россія, напротивъ, должна будетъ еще тѣснѣе примкнуть къ Австріи. Доселѣ Екатерина, очевидно, еще не хочетъ покинуть дружбы короля прусскаго... Возможно, что или Франція вступитъ въ тѣсный союзъ съ Пруссіей, или Россія возвратится къ послѣдней. Соединеніе же съ Англіей отдалитъ обѣ эти державы отъ Пруссіи. Оно даже можетъ послужить поводомъ къ образованію такого же соединенія на погибель Пруссіи, какъ въ 1756 году». Финкенштейна горячо поддерживалъ принцъ Генрихъ своею особенною перепиской съ Фридрихомъ, по этому поводу.

Фридрихъ теперь, такъ же какъ и передъ союзомъ князей, считалъ соединеніе съ Англіей лишь крайнимъ средствомъ, «меньшимъ зломъ» (гл. XIV). Онъ зналъ, что англійская нація не станетъ поддерживать его искренно: она и безъ того роптала на излишнее усердіе своего короля въ германскихъ дѣлахъ и очень желала бы, чтобы онъ совсѣмъ не былъ курфюрстомъ ганноверскимъ; къ тому же, она давно мечтала о выгодномъ для ея торговли союзѣ съ Россіей. Фридрихъ по прежнему особенно интересовался Франціей: соединившись съ нею, онъ не только усиливался самъ, но еще отнималъ союзника у Австріи; въ противномъ же случаѣ, ужасный призракъ Семилѣтней войны, который такъ часто смущалъ его, снова рисовался въ его воображеніи. Фридрихъ объявилъ министрамъ: «формальный союзъ съ Англіей опасенъ по своимъ невыгодамъ. Скажите ея посланнику такъ: я ревностно желаю содѣйствовать нашей общей цѣли — сохраненію европейскаго мира; но я убѣжденъ, что она еще лучше достигнется, если избѣгать шума, который поднялся бы при обнародованіи формальнаго союза Пруссіи съ Англіей. Этотъ союзъ даже вызвалъ бы противные союзы, которые повели бы къ непріятнымъ замѣшательствамъ. Представленія Англіи въ Петербургѣ будутъ производить болѣе впечатлѣнія на русскую императрицу, если не будутъ казаться вытекшими изъ соглашенія съ Пруссіей... Относительно Германіи было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно, если бы именно теперь, когда императоръ вынужденъ былъ вполнѣ отказаться отъ баварскаго обмѣна, иностранная держава захотѣла вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла... Оттого-то я же-

лаю, чтобы даже уже происшедшее сближеніе между Пруссіей и Англіей оставалось въ возможно-строгой тайнѣ» [1]).

Еще яснѣе обнаружились истинныя побужденія Фридриха въ разговорѣ съ англійскими офицерами, которые недаромъ были привезены на осенніе маневры въ Силезію, въ 1785 году, герцогомъ іоркскимъ и Фердинандомъ брауншвейгскимъ. «При всемъ моемъ желаніи вступить въ союзъ съ Англіей—сказалъ онъ—я не могу забыть, что Пруссія и Англія одинаково изолированы. Между тѣмъ Франція, Испанія, Австрія и Россія состоятъ въ союзѣ между собой, а Голландія находится подъ вліяніемъ Франціи. Пруссія и Англія не въ силахъ соперничать съ такимъ преобладающимъ могуществомъ... Правда, однажды (въ Семилѣтнюю войну) это было возможно, но повтореніе этого было бы слишкомъ опасной игрой». Уже теперь замѣтны честолюбивые планы у дворовъ петербургскаго, версальскаго и вѣнскаго, а явись прусско-англійскій союзъ—и они обнаружатся на дѣлѣ. Фридрихъ готовъ всячески помогать Англіи, но лишь тайкомъ и одною дипломатіей. И въ Голландіи онъ радъ «дѣлать все, что̀ можетъ», чтобы подавить враждебную Англіи партію «патріотовъ»: «но нельзя прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, ибо нѣтъ силъ провести ихъ». Въ одномъ только случаѣ Фридрихъ не побоялся бы союза съ Англіей—если бы къ нему пристала Россія, которую, по его мнѣнію, можно было отвлечь отъ Австріи. Когда Франція заключила союзъ съ Голландіей, крайне встревоженная Англія готова была на рѣшительное противодѣйствіе «патріотамъ» республики, если только Фридрихъ согласится поддержать свою племянницу. Но ей отвѣчали изъ Потсдама: «этакъ мы зажгли бы всю Европу. Не слѣдуетъ побуждать Пруссію становиться у пролома» [2]).

Молодой дворъ огорчился, что его замыслы не исполнились. Но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ былъ подготовленъ союзъ съ Англіей, который «тѣмъ легче могъ состояться по смерти короля» [3]).

Доводы Фридриха основывались, главнымъ образомъ, на руководящемъ мотивѣ его послѣднихъ дней — на страхѣ. И напрасно онъ старался прикрыть его національною идеей. Въ это самое время, въ канцеляріи Герцберга писались памфлеты, выражавшіе опасеніе, какъ-бы Франція не лишилась возможности

---

[1]) *Dohm*, III, 120—128.
[2]) *Ranke*, I, 249—251, 255.
[3]) D*ohm*, III, 129.

«проникать въ самое сердце австрійскихъ владѣній». И самъ Фридрихъ изъ страха былъ слишкомъ снисходителенъ къ версальскому двору, который, по обыкновенію, дѣлалъ ему множество непріятностей, именно завидуя его успѣхамъ въ Германіи. Франція твердо держалась убѣжденія, что подчиненіе Германіи Гогенцоллернамъ столь же гибельно для нея, какъ и подчиненіе Габсбургамъ. Она продолжала мечтать объ устройствѣ «средней партіи» среди фюрстовъ, которая располагала бы болѣе, чѣмъ стотысячной арміей (гл. XIV) и подчинялась бы Версалю. Это та знаменитая идея, которой суждено было осуществиться потомъ въ формѣ Рейнскаго союза. Оттого-то уже наканунѣ заключенія союза князей Верженъ приказывалъ Сегюру внушать Гёрцу, какъ неумѣстенъ замыселъ Фридриха, который «только укрѣпитъ связи между Россіей и Австріей» [1]). Затѣмъ онъ старался повредить прусской лигѣ въ Цвейбрюкенѣ и Дармштадтѣ (гл. XVIII). Фридрихъ снова выходилъ изъ себя и осыпалъ бранью коварный Версаль, который «готовъ на всякія дурныя средства, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы». Онъ даже ожидалъ отъ него союза съ Екатериной и тревожно справлялся объ этомъ черезъ своего посланника въ Стокгольмѣ [2]).

Среди этихъ неблагодарныхъ хлопотъ объ иностранныхъ союзахъ, отодвинувшихъ на второй планъ заботы о распространеніи союза князей, смерть застигла Фридриха II, въ августѣ 1786 года.

---

[1]) *Ségur*, II, 338.

[2]) *Николай Румянцовъ Остерману*, отъ 26 сентября (7 октября 1785 г.).— *Schmidt*, I, 379.

ГЛАВА XXIII.

Фридрихъ-Вильгельмъ II и Эмсскій конгрессъ.

«Смерть прусскаго короля оставляетъ только сожалѣніе, что онъ жилъ такъ долго... Я нисколько не возлагаю надеждъ на его преемника: пока Герцбергъ будетъ душою всего, нужно ожидать еще худшаго»[1]), сказалъ Іосифъ II, узнавъ о кончинѣ своего заклятаго врага. Подобный же голосъ раздался среди «патріотовъ», только, конечно, съ благодарною памятью о покойномъ «защитникѣ нѣмецкой свободы», о «патріотическомъ консулѣ свободной республики». Новый король, — восклицалъ Іоганнъ Мюллеръ, — утвердитъ унію, будетъ непреклонно держаться принятой системы и явитъ непоколебимое мужество, если понадобятся насильственныя мѣры для праваго дѣла». То же доносилось съ важнаго дипломатическаго поста. «Я узналъ навѣрно, — писалъ Николай Румянцовъ своему брату въ Берлинъ, — что новый король прусскій ненавидитъ римскаго императора и негодуетъ на нашу императрицу за учиненный, по его словамъ, ему холодный въ Петербургѣ пріемъ; также онъ особливое радѣніе имѣетъ о германской лигѣ, и когда покойный король при дверяхъ гроба находился, онъ тогда уже, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, тайные имѣлъ переговоры и свиданія въ нѣкоторомъ саду съ принцемъ Дессаускимъ, коего пребываніе въ Потсдамѣ никому, какъ сказываютъ, не было извѣстно, и что на сихъ свиданіяхъ разсуждаемо было о мѣрахъ вредить въ имперіи вѣнскому двору»[2]).

---

[1]) *Іосифъ Кауницу*, отъ 21-го августа; *Іосифъ Леопольду*, отъ 28-го августа 1786 года: *Joseph und Leopold*, II, 34 sq., cf. 18.

[2]) *Николай Румянцовъ Сергѣю Румянцову*, отъ 15/26 сентяб. 1786.

Тревожныя ожиданія враговъ и сладкія мечты друзей сбылись. Основныя идеи иностранной политики Фридриха уцѣлѣли, но онѣ облеклись въ формы, напоминавшія молодого Фрица. Потсдамъ снова представлялъ тотъ бодрый и оживленный видъ, котораго онъ былъ лишенъ въ теченіи цѣлаго поколѣнія. Финкенштейнъ,—это воплощеніе стараго Фрица, сошелъ со сцены, а для Герцберга настала пора развернуть всѣ свои силы. Въ Потсдамѣ обозначились всѣ черты того молодого двора, который менѣе смерти «щадилъ сѣдины героя»,— задоръ, самоувѣренность, жажда дѣятельности.

Наслѣдственная ненависть Гогенцоллерновъ къ Габсбургамъ снова принимала жгучій характеръ. Кауницъ былъ правъ, жалуясь Голицыну, что Фридрихъ-Вильгельмъ II готовъ на всѣ «хитрости» и зловредные «подвиги», чтобы погубить Іосифа [1]).

Тотчасъ по воцареніи новаго короля, Герцбергъ выступилъ съ грознымъ мемуаромъ, заготовленнымъ еще для «прусскаго принца». Здѣсь съ убѣдительностью злобы утверждалось, какъ фактъ, что австрійскій домъ стремится не только къ абсолютизму въ Германіи, но и къ польской коронѣ,— другими словами, къ «всемірной монархіи на европейскомъ материкѣ». Но уже по этому Пруссія «должна поддерживать свою славную роль рѣшительницы европейскихъ дѣлъ и блюстительницы равновѣсія» (glorreiche Rolle eines Schiedsrichters der europäischen Angelegenheiten und des Gleichgewichts). Вслѣдствіе своей слабости, она должна держаться на этой высотѣ посредствомъ удвоеннаго напряженія силъ и дѣятельности. Иначе Пруссія падетъ ниже Даніи и Швеціи, или даже будетъ совсѣмъ уничтожена, ибо каждый сосѣдъ возьметъ назадъ все, что́ отняла она у него для своего возвеличенія. «Она должна пріобрѣсти Данцигъ, Торнъ, Калишъ, Познань и шведскую Померанію. У Герцберга были развязаны руки для нанесенія серьёзнаго удара Іосифу: онъ не боялся Франціи, подобно Фридриху, и свободно взвѣшивалъ въ своемъ умѣ всякія политическія комбинаціи. Этотъ самоувѣренный дипломатъ считалъ даже возможнымъ разрушить гибельный

---

[1]) Это заявленіе было отвѣтомъ Кауница на вопросъ Голицына, на счетъ слуховъ о сближеніи Пруссіи съ Австріей. Кауницъ сказалъ: «Объявляя съ пренебреженіемъ о семъ разглашеніи, что оное не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ обыкновенныхъ хитростей прусскаго кабинета, который, слѣдуя установленнымъ покойнымъ королемъ началамъ и правиламъ, не стыдится продолжить всѣ ко вреду здѣшняго двора простирающіеся подвиги, и ставить на счетъ его разные виды и предметы, служащіе не токмо къ приведенію дружественныхъ и союзныхъ съ императоромъ державъ въ подозрѣніе, но и къ возмущенію разныхъ императорскихъ дворовъ про-

для Пруссіи союзъ императорскихъ дворовъ 1781 года, и, соединившись съ Россіею, совершить новый раздѣлъ Польши, который онъ считалъ необходимымъ для своего бѣднаго государства. Но, конечно, душой иностранной политики въ Потсдамѣ стала теперь любимая идея Герцберга—союзъ съ Англіей, который къ тому же «одинъ только могъ серьёзно упрочить нѣмецкій союзъ князей». Сближеніе съ Лондономъ подавало еще надежду втянуть въ свои интересы Россію и Голландію, и въ воображеніи пылкаго министра рисовалась величественная картина, несокрушимой «сѣверной» системы, которая раздавливаетъ своею тяжестію южную, австро-французскую систему [1]). Самыя обстоятельства помогали Герцбергу. Волненія въ Голландіи дошли до того, что «патріоты» нанесли жестокое оскорбленіе штатгальтершѣ передъ лицомъ всей Европы: эта крайне высокомѣрная, но ограниченная женщина вообразила, что все кончится, какъ только она героически явится среди мятежниковъ собственною особой; но ее остановили и даже продержали нѣсколько часовъ подъ почетнымъ арестомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II вступился за свою сестру и монархическую честь: прусскія войска вдругъ наводнили Голландію, подъ начальствомъ Фердинанда брауншвейгскаго, и, конечно, одержали легкую побѣду надъ мастеровыми, такъ какъ Франція только на словахъ помогала республиканцамъ. А этотъ рѣшительный шагъ окончательно сближалъ Пруссію съ Англіею— и въ 1788 году былъ заключенъ союзъ, по которому обѣ державы обязались защищать другъ друга войсками, «въ особенности же дѣйствовать согласно относительно вспыхнувшей войны между двумя императорскими дворами и Оттоманской Портой» [2]). Такъ у турокъ явились новые и неожиданные покровители!

Конечно, это окончательно разстроивало отношенія между Потсдамомъ и Лондономъ съ одной стороны и Петербургомъ — съ другой. У Екатерины сложился тогда, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, новый взглядъ на крайній западъ. Всего мѣсяцъ спустя

тивъ его величества». *Голицынъ Екатеринѣ* отъ 10/21 декабря 1786 года. Слухъ о сближеніи между врагами имѣлъ основанія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма II, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, мелькнула подобная идея, которую, впрочемъ, сами ея авторы тотчасъ же назвали „химерой". См. любопытные для этого вопроса документы у *Ранке*, II, 298—308.

[1]) *Ranke*, I, 303—306.—*Häusser:* Deutsche Geschichte, I, 274 sq.—*Schmidt:* Preussens deutsche Politik, 64 sq.—*Бишофсвердеръ Карлу-Августу*, отъ 29 февраля 1788: *Ranke*, II, 340.

[2]) Секретныя статьи договора у *Ранке*, II, 358 sq.—Переписка Карла-Августа съ Бишофсвердеромъ у *Ranke*, II, 334 sq., 339—342.

по смерти Фридриха, она бранила «ехиднаго» Георга III, которымъ управляютъ ганноверскіе министры да «мелкія личныя страсти, а не государственный и національный интересъ». Она уже находила выгоднымъ французскій союзъ, такъ какъ англичане способны только «вмѣшать насъ въ свои глупыя и безтолковыя германскія дѣла, гдѣ нѣтъ намъ ни чести, ни барыша, а пришлось бы бороться за чужіе интересы». Что же касается Пруссіи, то Екатерина просто возненавидѣла ее; ея негодованіе уже не сдерживалось чувствомъ уваженія къ генію правителя, какъ было при Фридрихѣ: она приписывала все, главнымъ образомъ, безпокойному Герцбергу. Императрицею овладѣло нервное, болѣзненное настроеніе, когда Фридрихъ-Вильгельмъ вмѣстѣ съ Георгомъ III гордо предложили ей свое посредничество въ войнахъ съ Турціей и Швеціей. «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться!» смѣло воскликнула она, раздѣляя мнѣніе своихъ министровъ, которые видѣли въ предложеніи короля желаніе «давать законы» Россіи и стать «нетерпимымъ повелителемъ не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія». И какъ ни сомнительна была помощь австрійцевъ въ войнѣ съ Портой, Екатерина твердила, что «тяжесть отъ цесарцевъ всегда будетъ несравненно менѣе, нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, чтó въ свѣтѣ можетъ только быть придумано, поноснымъ и несноснымъ» [1]).

Такимъ образомъ, Герцбергъ совершенно ошибся во взглядѣ на политику Россіи. Ему не удалось ни привлечь Екатерину къ англо-прусскому союзу, несмотря на давнишнее пристрастіе императрицы къ Англіи, ни запугать ее этимъ союзомъ. Съ этой стороны у него оставалось одно только утѣшеніе — «прошлогодній другъ», который съ особенной ревностью старался выказать свою преданность новому королю. Павелъ Петровичъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, несмотря на то, что его пріятель, Гёрцъ, тогда уже не былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Эти сношенія шли черезъ стариннаго друга Гёрца, Алопеуса, состоявшаго на нашей службѣ. «Алопеусъ—сказано въ запискахъ Гёрца—пользовался особеннымъ довѣріемъ (vorzüglichste Vertrauen) великаго князя, который, зная его отношенія къ Гёрцу, прибѣгалъ къ ихъ перепискѣ, чтобы сообщать извѣстія и намёки (Nachrichten und Winke) прусскому королю и, въ свою очередь, получать то же отъ него. Чтобы эти сношенія не были вполнѣ поняты и чтобы они пред-

[1]) *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 175, 180, 191 sq., 200.

ставляли менѣе опасности, если бы неутомимые шпіоны Екатерины открыли ихъ, придумали особенныя названія для разныхъ лицъ и предметовъ. Такъ, великій князь былъ *Мейстеръ Грѣнъ*, прусскій король—*фонъ Д.. в.. д.* (Dalberg?), Алопеусъ—*Штралькорнъ*, данцигское дѣло—*работа г-на Палласа*, и т. д. Этимъ-то путемъ, неизвѣстнымъ ни берлинскому министерству, ни прусскому посланнику въ Петербургѣ, оба принца поддерживали между собой дружественныя связи и взаимное довѣріе. Когда (въ сентябрѣ 1787 года) король спросилъ, между прочимъ, какой союзъ предпочитаетъ великій князь—французскій или англійскій, Павелъ Петровичъ высказался въ пользу послѣдняго и прибавилъ: «Богъ знаетъ, какъ сложатся обстоятельства, когда пріобрѣту вліяніе на дѣла; пока могу сказать только, что неизмѣнна моя приверженность къ системѣ, связывающей меня съ прусскимъ королемъ, и что я отъ всего сердца буду согласоваться съ его намѣреніями». Подобныя признанія, узнай ихъ Екатерина, навлекли бы непріятныя послѣдствія для великаго князя и сдѣлали бы несчастнымъ его довѣренное лицо, Алопеуса. И какъ близки были къ разоблаченію всѣ тайныя сношенія между великимъ княземъ и королемъ! Австрійскому двору, крайне зорко слѣдившему за отношеніями Пруссіи къ русскому двору, удалось добыть всѣ, какъ шифрованныя, такъ и разобранныя, депеши прусскаго посланника въ Петербургѣ, съ апрѣля по августъ 1787 года, а также всѣ инструкціи ему изъ Берлина. Онъ препровождилъ копіи съ нихъ своему посланнику въ Петербургѣ, отчасти для надлежащаго ихъ употребленія, отчасти же, чтобы лучше разъяснить ихъ. И изъ этихъ депешъ вытекало, что существуетъ тайное соглашеніе между великимъ княземъ и прусскимъ королемъ, и что первый назывался въ нихъ другомъ *Аттикомъ;* однако не напали ни на какой другой слѣдъ, и дѣло не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій» [1]).

То же оживленіе, то же стремленіе къ инціативѣ замѣчается въ нѣмецкой политикѣ Пруссіи, тотчасъ по смерти Фридриха II. Оправдывались слова Николая Румянцова, сказанныя незадолго передъ тѣмъ: «Изъ многихъ обстоятельствъ я заключаю, что принцъ прусскій по восшествіи на престолъ болѣе дяди своего заниматься будетъ германскими дѣлами и здѣсь пріобрѣтетъ себѣ друзей... Смерть Фридриха не погубитъ лигу, а ей новое придастъ возращеніе» [2]). Уже черезъ двѣ недѣли по смерти

[1]) *Görtz*, II, 204—206.

[2]) *Николай Румянцовъ Остерману*, въ маѣ 1786 года.—*Онъ же Екатеринѣ*, отъ 3/14 іюля 1786 года.

Фридриха, нашъ франкфуртскій наблюдатель доносилъ въ Петербургъ: «Предсказанія мои сбываются. Смерть короля прусскаго для лиги послужила сигналомъ новаго оживленія. Переписки, переѣзды и сношенія всякаго рода интригантовъ болѣе прежняго событіе возымѣли» [1]). Въ то же время сестра Фридриха-Вильгельма, штатгальтерша голландская, считала лигу главнымъ средствомъ побудить брата къ заступничеству за нее. Она совѣтовала англійскимъ министрамъ особенно пользоваться въ Берлинѣ союзомъ князей, «который ближе всего къ сердцу» короля прусскаго, и даже погрозить послѣднему расторженіемъ его, если онъ не поможетъ ей [2]).

Такой взглядъ соотвѣтствовалъ началу нѣмецкой политики Фридриха-Вильгельма, который, казалось, не даромъ самъ считалъ себя душой союза князей, будучи еще кронпринцемъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ спрашивалъ у Герцберга совѣта, какими «дальнѣйшими мѣрами укрѣпить союзъ князей и извлечь изъ него общую пользу». Энергическій министръ тотчасъ же представилъ ему любопытный мемуаръ. Онъ доказывалъ, что лига необходима не меньше прежняго, ибо Іосифъ не только не отказался отъ баварскаго плана, но принимаетъ всѣ мѣры на случай смерти курфюрста баварскаго. Герцбергъ запугалъ своего короля, утверждая, что въ Мюнхенѣ уже изготовили завѣщаніе въ пользу Австріи, а Іосифъ собираетъ войска на своихъ западныхъ границахъ и интригуетъ противъ Пруссіи въ Голландіи и во Франціи. Чтобы отразить предстоящій ударъ, необходимо «тотчасъ же собрать въ имперіи армію, которая могла бы, не теряя времени, двинуться въ Баварію, между тѣмъ какъ прусскія войска вторгнулись бы въ Богемію и тѣмъ раздѣлили бы силы императора». А для этого нужно запастись точными свѣдѣніями, именно сколько и какія войска дастъ каждый союзный фюрстъ: тогда можно видѣть, сколько потребуется прибавить къ нимъ солдатъ и денегъ со стороны Пруссіи и какой составить планъ «наступательныхъ» дѣйствій «грозной арміи» (formidable Armee). Говорятъ, въ Саксоніи и Ганноверѣ образцовое мобилизованіе арміи: пусть другіе фюрсты подражаютъ имъ, только «безъ шума». Слѣдовало бы еще вовлечь въ союзъ Мекленбургъ, также побудивъ его привести въ порядокъ свои войска [3]). Такимъ образомъ, планъ Герцберга былъ развитіемъ идеи Фридриха. Если послѣд-

---

[1]) *Николай Румянцовъ Остерману*, отъ 25 августа (5 сентября) 1786 года.

[2]) *Ranke*, I, 334.

[3]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 396—400.

ній лишь задумывался о союзной арміи, то первый желалъ собрать ее. Сверхъ того, Герцбергъ уже прямо имѣлъ въ виду «наступательныя» дѣйствія, на которыя никогда не рѣшился бы Фридрихъ.

Согласно съ программой новаго правительства, положеніе союза князей стало измѣняться. Надежды патріотовъ оживились. Воскресло ихъ довѣріе къ Потсдаму, чтó лучше всего доказывается появленіемъ тамъ герцога веймарскаго. «Его присутствіе—говоритъ Гёрцъ—его дѣятельность и пылкая ревность къ дѣлу союза, который онъ считалъ палладіумомъ нѣмецкой свободы, вновь оживили здѣсь участіе и вниманіе министерства и отстранили бывшія опасенія, а также укрѣпили духъ и довѣріе герцога» [1]. Въ то же время въ Германіи, на ряду съ патріотами, снова выступили на сцену прусскіе агенты. Не прошло и мѣсяца, какъ Николай Румянцовъ уже доносилъ Екатеринѣ съ притворнымъ равнодушіемъ, стараясь поддѣлаться подъ ея взглядъ на союзъ князей: «Русскому министру не слѣдъ оказывать большой заботливости о смутѣ, которую берлинскій дворъ посредствомъ прежнихъ своихъ адгерентовъ и неспокойныхъ людей старается паче и паче въ здѣшнемъ краю родить со временъ восшествія новаго короля.... Здѣсь извѣстно, что новый король осуждаетъ скупость покойнаго и именно хулитъ неудачу старанія въ Майнцѣ о коадъюторѣ и учиненный тогда отказъ издержать на сіе просимыхъ нѣкоторыми интригантами ста тысячъ луидоровъ. Еще берлинскій дворъ поджигаетъ смуту въ городѣ Ахенѣ, сказывая, что императоръ, пользуясь родившимися среди онаго гражданскими распрями, намѣренъ сей вольный городъ покорить своей державѣ. Городъ Ахенъ творилъ уже прошеніе о защитѣ директорамъ вестфальскаго округа; и прусскій посланникъ уже спрашивалъ курфюрста кёльнскаго, какими мѣрами онъ, какъ со-директоръ, намѣренъ таковую явную опасность отъ Ахена отвратить». А между тѣмъ, К. Штейнъ снова выѣхалъ изъ Берлина, съ порученіемъ навѣдаться въ Дрезденъ, Кассель, Цвейбрюкенъ и Майнцъ [2].

Наконецъ, въ началѣ 1787 года явилось и болѣе серьёзное доказательство, что новый король желаетъ не одними словами, но и дѣломъ поддерживать ненарушимость союза князей. Тогда случилось весьма прискорбное для патріотовъ событіе. Одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ фюрстовъ-союзниковъ вздумалъ унич-

[1]) *Görtz*, II, 217.

[2]) *Николай Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 8/19 сентября 1786 года.—*Ranke*, I, 364.

тожить своего слабаго сосѣда, безъ всякихъ церемоній, à la Louis XIV. Ландграфъ гессенъ-кассельскій, Вильгельмъ IX, тотъ гордый фюрстъ, который, «не имѣя никакого понятія о политическихъ дѣлахъ, питалъ мечты въ главѣ своей» и свысока смотрѣлъ на самого Фридриха II (гл. XV), вздумалъ присвоить себѣ часть сосѣдняго графства Шаумбургъ, которая принадлежала умершему тогда графу Липпе-Бюкебургскому. Объявивъ, что наслѣдники покойнаго не имѣютъ никакихъ правъ, такъ какъ они происходятъ отъ одной дамы изъ низшаго дворянства, онъ двинулъ свою армію и занялъ ихъ землицу. Это было вопіющей несправедливостью, такъ какъ и имперскіе суды съ императоромъ, и отецъ Вильгельма IX торжественно признали права графовъ бюкебургскихъ; но кассельскій потентатъ готовъ былъ защищать свое хищничество противъ всего свѣта. Вся Германія тревожно ожидала, какъ поступитъ прусскій король, который долженъ былъ дорожить дружбой такого значительнаго члена, какъ ландграфъ кассельскій. Въ качествѣ члена Вестфальскаго округа, къ которому принадлежалъ Шаумбургъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II послалъ Вильгельму IX такое строгое внушеніе, что тотъ покинулъ свой планъ, испугавшись прусскихъ штыковъ [1]). Патріоты ликовали и благословляли новаго твердаго защитника нѣмецкой свободы и союза князей.

Слѣдствіемъ такихъ проявленій патріотизма и оживленія нѣмецкой политики въ Берлинѣ было приступленіе къ лигѣ Мекленбурговъ и коадъютора майнцскаго архіепископа.

Николай Румянцовъ воображалъ, что Мекленбургъ служитъ надежною опорой императорскихъ интересовъ на сѣверѣ Германіи. Незадолго до смерти Фридриха II, онъ расхваливалъ герцога мекленбургъ-стрелицкаго, какъ «умнаго» человѣка и своего «друга», который «убѣжденъ, что для Англіи нѣтъ ничего выгоднѣе соединенія съ императорскими дворами, въ особенности же съ русскимъ». Герцогъ надолго уѣзжалъ тогда въ Англію и, на прощаньѣ, далъ слово Румянцову, что «употребитъ все свое вліяніе на королеву, свою сестру, чтобы открыть глаза (dessiller les yeux) королю англійскому и заставить его покинуть сношенія, только-что завязанныя имъ въ качествѣ курфюрста ганноверскаго [2]). Но нашъ посланникъ жестоко ошибся. Положеніе земель и родственныя связи герцоговъ мекленбургскихъ были таковы, что они волей-неволей должны были слѣдовать по стопамъ

---

[1]) *Häusser*, I, 276.—*Ranke*, I, 361 sq.

[2]) *Николай Румянцовъ Остерману*, въ маѣ 1786 года.

Ганновера и Пруссіи. 16 января 1787 года, Мекленбургъ-Шверинъ приступилъ къ союзу князей, а черезъ три недѣли даже принялъ секретную статью. 1 іюля 1789 года, за нимъ послѣдовалъ Мекленбургъ-Стрелицъ.

Это были послѣдніе изъ фюрстовъ-союзниковъ; но въ промежутокъ времени, когда они приступали къ лигѣ, послѣдняя сдѣлала болѣе драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ лицѣ коадъютора майнцскаго архіепископа. И по своему непосредственному значенію, и по связаннымъ съ нимъ обстоятельствамъ, это—важнѣйшее событіе нѣмецкой исторіи того времени.

Давно уже Майнцъ не игралъ такой видной роли въ судьбахъ нѣмецкой имперіи. Онъ сталъ тогда самымъ оживленнымъ средоточіемъ политической жизни и общественнаго мнѣнія Германіи. Казалось, сюда перенеслось все «броженіе», охватившее нѣмцевъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Отсюда же выходило политическое движеніе, какъ въ свѣтской, такъ и въ церковной сферахъ, характеризующее быть Германіи тотчасъ по смерти Фридриха II. Майнцъ былъ обязанъ этимъ, въ значительной степени, личностямъ своего владыки и его помощника. Если, по словамъ Финкенштейна, курфюрстъ Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ «стремился блистать наравнѣ съ Фридрихомъ II», то, по смерти послѣдняго, онъ не видѣлъ для себя соперника въ Германіи. Этотъ высокомѣрный владыка, котораго герцогъ веймарскій обыкновенно называлъ «честолюбивымъ фюрстомъ» (ambitiöser Fürst) [1]), теперь высоко поднялъ голову. Не придавая значенія новому прусскому королю, онъ, по выраженію послѣдняго, сталъ разыгрывать роль «не эрцъ-канцлера, а главы уніи» [2]) и еще вождя нѣмецкаго католицизма, независимаго отъ римской куріи. Дворъ блестящаго владыки становился роскошнѣе прежняго, празднества безконечнѣе, пиры убійственнѣе, и еще больше все ухаживали за всемогущей фрау фонъ-Куденгофенъ. Даже возростающая хилость владыки служила въ пользу его честолюбія. Выборъ его коадъютора выдвигался, какъ вопросъ первостепенной важности, и еще болѣе привлекалъ вниманіе всей Германіи къ Майнцу. Здѣсь увивались явные и тайные агенты Пруссіи, Австріи, Россіи, Франціи, Англіи и фюрстовъ. Сюда прибылъ изъ Берлина Іоганнъ-Фридрихъ Штейнъ, старшій братъ знаменитаго Карла, человѣкъ свѣтскій, подвижной, горячій и съ пріятными манерами. Онъ долженъ былъ раздѣлять роль постояннаго посланника

---

[1]) *Ranke*, II, 351.

[2]) *Тамъ же*, 338.

лиги съ ганноверскимъ министромъ Штейнбергомъ. Штейнъ, вмѣстѣ съ часто наѣзжавшимъ сюда Карломъ-Августомъ веймарскимъ, былъ вождемъ цѣлой арміи мелкихъ агентовъ лиги — Бёмера, Гольца, Гофенфельса, Эдельсгейма, которыхъ всѣхъ можно было видѣть, отъ времени до времени, въ пышной пріемной владыки.

Сначала, тотчасъ по смерти Фридриха II, майнцскій владыка затѣялъ важное церковное преобразованіе въ Германіи, извѣстное подъ именемъ «эмсскаго конгреса». Этотъ съѣздъ іерарховъ нѣмецкаго католицизма весьма важенъ по своей идеѣ, которая связываетъ его съ культурными, политическими и національными стремленіями эпохи. Подобно гуманизму временъ «возрожденія», «просвѣщеніе» клонилось къ отмѣнѣ феодализма во всѣхъ сферахъ жизни. Оно стремилось подавить, путемъ вѣротерпимости, не только единодержавіе католической догмы, но и остатки мірового владычества папства. Уличая римскую іерархію въ фанатизмѣ, іезуитствѣ и искаженіи христіанства, оно требовало, именемъ національныхъ правъ, погибели ультрамонтанства. Это направленіе легко прослѣдить не только у свѣтскихъ государей Германіи, но и у владыкъ. У послѣднихъ оно поддерживалось еще особеннымъ интересомъ.

Если Іосифъ II, несмотря на свое свѣтское могущество, до того чувствовалъ стѣсненіе со стороны Рима, что вступилъ въ борьбу съ нимъ со всею силой своей страстной натуры, то духовные князья были совсѣмъ подданными папы. Оттого-то абсолютистическія теоріи «просвѣщенія» нигдѣ не прививались такъ быстро, какъ у владыкъ: послѣдніе видѣли въ нихъ орудіе къ освобожденію своей власти отъ контроля не только императора, но и папы. Еще до начала безпощадной борьбы Іосифа съ ультрамонтанствомъ, въ 1763 году, трирскій викарный, прикрывшись псевдонимомъ Февронія, издалъ замѣчательное сочиненіе противъ притязаній папства, напомнившее нѣмцамъ времена великихъ соборовъ XV вѣка. Теперь, 23 года спустя, нѣмецкіе архіепископы задумали провести въ жизнь это ученіе. Время было самое благопріятное. Первый разъ въ нѣмецкой исторіи императоромъ былъ заклятый врагъ ультрамонтанства не только по политическому соперничеству, но и по принципамъ. Іосифъ самъ шелъ прямо на встрѣчу желаніямъ владыкъ. Какъ только началъ онъ церковную ломку въ Австріи, въ 1770 году, явился его рескриптъ нѣмецкой іерархіи, въ общихъ выраженіяхъ призывавшій ее къ борьбѣ съ папствомъ. Не получивъ достаточнаго отклика, императоръ издалъ, въ концѣ 1785 года, новый рескриптъ, требовавшій, чтобы владыки подробно опредѣлили всѣ

утраченныя ими права и всѣ злоупотребленія римской куріи [1]). Ясно, что архіепископамъ не только нечего было опасаться со стороны Вѣны, но приходилось прямо подражать императору, чтó они и сдѣлали, заимствовавъ въ своихъ заявленіяхъ цѣлыя фразы изъ рескриптовъ Іосифа противъ папства. Сверхъ того, общественное мнѣніе, лучшія силы Германіи должны были съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтить либеральную попытку своихъ іерарховъ. Наконецъ, стремленіе создать національную церковь, внести, такъ-сказать, преданія Лютера въ нѣмецкій католицизмъ должно было восхитить патріотовъ, а слѣдовательно и доставить поддержку союза князей. Къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ должно отнести и тотъ толчокъ, который данъ былъ нѣмецкимъ іерархамъ непосредственно самимъ Римомъ, ставшимъ, такимъ образомъ, нападающею стороной. Тогда случилось церковное событіе, которое заставило бы задуматься нѣмцевъ и въ другое, менѣе «просвѣщенное» время. Папа вздумалъ прибавить къ своимъ тремъ нунціатурамъ въ Германіи (въ Кёльнѣ, Вѣнѣ и Люцернѣ) четвертую, въ Мюнхенѣ. Его побудилъ къ этому Карлъ-

[1]) Именно въ промежутокъ времени между этими двумя рескриптами совершались главныя церковныя реформы Іосифа, о которыхъ Голицынъ постоянно доносилъ въ Петербургъ. Въ концѣ 1781 года нашъ посланникъ подробно описалъ весьма важное столкновеніе Кауница съ нунціемъ, по поводу отобранія церковныхъ имуществъ. Взбѣшенный нунцій прислалъ канцлеру, 12-го декабря, весьма грубую „меморію", въ которой было сказано, между прочимъ: „Ogni Potestà avendo i Suoi limiti fissati dalle Leggi non meno che dagli usi legittimamente introdotti, e prescritti dalla Religione, et dal maggior Bene di essa, che ciasche d'un Sovrano è tenuto di promovere; le Seggi della Chiesa ànno servito di norma inalterabile à quanti Sovrani anno gloriosamento retto la Monarchia Austriaca da Rodolpho I. Sino ad ora, ed in vista de un tale esempio di Religione, di Giustizia, e di Rettitudine niuno di tanti Principi del vasto Imperio Germanico rimasti nella comunione Cattolica, vi fù mai che osasse avanzare l'esercizio della Sua Potesta sino a disporre della proprietà della Chiese" etc. Кауницъ отвѣчалъ на это, 19-го декабря, весьма строго. Онъ называлъ эти церковные законы и обычаи „мнимыми" (pretese). Императоръ желалъ бы считать эти внушенія „исходящими не отъ св. отца, а отъ излишняго усердія (zelo sovrabondante) нунція". Онъ объяснялъ: „Dalla Riforma degl'abusi introdotti successivamente nella materie disciplinaria della Chiesa, ben lungi di poter risultare alcun pregiudizio alla Religione, non ne puó risultare altro al contrario, che vantaggio, ed edificazione che non vi era veruna di essi nella Dottrima de Iesu Christo propagata la Suoi Apostoli tale, quale erastatu adottata dai Principi della Terra, siccome non sarebbe stata senza dubbio ommessa se ve ne fosse stato alcuno dei successivamente introdotti, o lesivo alla Sovrana Potestà, o contrario alle massime d'ogni buon Governo" etc. Нунцій испугался и 21 декабря прислалъ извиненіе Кауницу. Послѣдній отвѣчалъ холодно, въ двухъ словáхъ, что императоръ желаетъ, чтобы „впредь не было никакихъ споровъ о подобныхъ матеріяхъ". А весной 1782 г. самъ папа пріѣхалъ въ Вѣну—„противъ чаянія и къ удивленію здѣшняго двора", замѣчаетъ Голицынъ.

Теодоръ баварскій, которому выгоднѣе было дѣлиться своею властью съ далекою римскою куріей, чѣмъ съ сосѣдними нѣмецкими іерархами. Мало того. Папа рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ кстати возвысить права своего кёльнскаго нунція, въ ущербъ духовнымъ курфюрстамъ.

Во главѣ преобразовательнаго движенія въ нѣмецкой церкви сталъ, конечно, майнцскій владыка, про котораго говорили, будто онъ стремится, устранивъ папское вліяніе, пріобрѣсти себѣ нѣчто въ родѣ «нѣмецкой тіары». Онъ и еще трое архіепископовъ — кёльнскій, трирскій и зальцбургскій — начали съ протеста противъ нунціатуръ, и императоръ не обманулъ всеобщихъ ожиданій: онъ тотчасъ же высказался въ пользу владыкъ. Папа не обратилъ вниманія на эти протесты — и весной 1786 года явились надменные нунціи въ Мюнхенѣ и въ Кёльнѣ. Тогда-то Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ задумалъ составить съѣздъ архіепископовъ—явленіе до того важное, что слухи о немъ встревожили всѣхъ, не исключая и Іосифа, тѣмъ болѣе, что оно подготовлялось въ глубочайшей тайнѣ. Въ іюнѣ Остерманъ извѣщалъ Николая Румянцова, что «курфюрстъ майнцскій, подъ предлогомъ сохраненія духовныхъ правъ и порядка германской іерархіи, составляетъ новую связь». И такъ какъ онъ будетъ больше таиться отъ австрійскихъ, чѣмъ отъ нашихъ агентовъ, то Остерманъ, по просьбѣ Кауница, приказывалъ Румянцову слѣдить за этимъ дѣломъ [1]). Румянцовъ вскорѣ прислалъ общія, но вѣрныя свѣдѣнія. Конгрессъ назначается для отпора папскимъ притязаніямъ. Онъ требуетъ, чтобы «нунціатура была только посланничествомъ» и, «кажется, осуществитъ старую мысль объ управленіи собственнымъ синодомъ». Особенно любопытно было вѣрно схваченное Румянцовымъ извѣстіе о готовившейся оппозиціи конгрессу. Послѣдній внушалъ большія опасенія прежде всего нѣмецкимъ епископамъ, что́ тогда же было объяснено Іосифу Кауницомъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: «Ближайшее начальство всегда обременительнѣе далекаго и болѣе важнаго; отсюда вѣчное соперничество и разномысліе между архіепископскими и епископскими консисторіями; отсюда же вѣчное пристрастіе многихъ епископовъ къ апелляціямъ не только въ Римъ, но даже къ нунціямъ. Архіепископскія консисторіи стараются гнуть епископскія, а послѣднія радуются, когда первыхъ погнутъ изъ Рима» [2]). Затѣмъ тревожились и «друзья лиги»,

---

[1]) *Остерманъ Николаю Румянцову*, отъ 24-го іюня 1786 года.

[2]) *Мнѣніе Кауница* объ эмсскомъ конгрессѣ: *Ranke*, II, 295 sq.

то-есть трое свѣтскихъ курфюрстовъ, потому что «при такомъ направленіи, духовенство должно было обратиться за помощью къ императору». Особенно непріятно было Берлину. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, какія-то роковыя узы вѣчно соединяютъ духовныхъ князей съ Австріей: въ первый разъ Габсбурги пошли противъ церковнаго феодализма — и это не разрывало древней связи, а укрѣпляло ее; ибо владыки также вступили на этотъ путь. Кромѣ того, успѣхъ церковнаго броженія высоко поднялъ бы значеніе майнцскаго владыки, который окончательно освободился бы отъ вліянія Пруссіи и сталъ бы «главой уніи, а не эрцъ-канцлеромъ». Такимъ образомъ, неукротимое соперничество между Пруссіей и Австріей приводило теперь первую къ замѣчательному противорѣчію: этотъ вождь нѣмецкаго протестантизма долженъ былъ вступить въ союзъ съ Римомъ! Папа тотчасъ же понялъ это: Румянцовъ уже доносилъ, что онъ «просилъ берлинскій дворъ склонить германскихъ духовныхъ принцевъ, дабы не шли они вопреки правъ его и новой въ Мюнхенѣ нунціатуры». На первый разъ прусскій король «учтивымъ и пустымъ отвѣтомъ отъ сего прошенія уклонился» [1]); но вскорѣ мы увидимъ совсѣмъ другое.

Съѣздъ четырехъ архіепископовъ состоялся на водахъ въ Эмсѣ, черезъ недѣлю по смерти Фридриха II. Онъ продолжался всего четыре дня, но успѣлъ выработать весьма важныя постановленія, названныя «пунктаціей». Папскіе нунціи лишаются всѣхъ своихъ правительственныхъ правъ, въ особенности судебной власти, и превращаются въ обыкновенныхъ посланниковъ Рима. Папскія буллы не имѣютъ силы безъ предварительнаго разрѣшенія духовныхъ князей. Разные денежные сборы въ пользу римской куріи отмѣняются. Чтобы совершенно разорвать связи между нѣмецкимъ духовенствомъ и папой, измѣняется присяга епископовъ и воспрещаются сношенія монаховъ съ генералами орденовъ и съ монашескими капитулами внѣ Германіи. Уничтожая свою зависимость отъ папы, нѣмецкое духовенство поступаетъ подъ непосредственное покровительство своего императора; а для утвержденія церковной реформы послѣдній приглашается созвать, въ теченіи двухъ лѣтъ, соборъ, если не вселенскій, то хоть національный. Такова была эта важная пунктація, составляющая, по выраженію Ранке, «самый замѣчательный документъ изъ всѣхъ, выходившихъ изъ нѣдръ католической церкви Германіи со временъ реформаціи». Въ сущности, она была продол-

[1]) *Николай Румянцовъ Остерману*, отъ $^{1}/_{12}$ августа 1786 года.

-женіемъ преобразовательной дѣятельности католицизма, предшествовавшей Лютеру и подготовившей его. Это былъ второй моментъ въ постоянно прерываемой, но не исчезающей исторіи движенія «старо-католиковъ». И быть можетъ, намъ понятнѣе значеніе эмсскаго конгресса, чѣмъ всѣмъ другимъ поколѣніямъ XIX вѣка.

Но непосредственные и практическіе результаты эмсскаго конгресса не соотвѣтствовали важности его идеи. Черезъ два дня по окончаніи его, Николай Румянцовъ доносилъ Остерману изъ загороднаго дворца курфюрста кёльнскаго, что мнѣнія о конгрессѣ различны. Архіепископъ зальцбургскій недоволенъ. Онъ сказалъ нашему посланнику «огорчительнымъ тономъ»: «Вы увидите, что сей конгрессъ пустяками окончится». А кёльнскій министръ, баронъ Вальденфельсъ, утверждалъ противное. Румянцовъ усумнился и спросилъ его: «какъ можно въ четыре дня кончить столь важное дѣло?» Баронъ отвѣчалъ: «Германская церковь свои попреки противъ папы знала и намѣрена была по подобію французской церкви вольность свою утвердить и охранить; слѣдственно, не трудно было ей сіе нынѣ окончить общимъ согласіемъ четырехъ архіепископовъ, которые о томъ свое мнѣніе и прошеніе представили — первое епископамъ германской церкви, второе — императору, отъ коего ожидать должно защиты противъ римскаго стула». Тутъ Вальденфельсъ сообщилъ нашему посланнику любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на папскія воззрѣнія того времени. «Представьте себѣ — сказалъ онъ — что недѣли четыре только тому назадъ, что папа писалъ къ курфюрсту государю моему, что дивится онъ его поступку вопреки мюнхенской нунціатуры, чтобъ вспомнилъ онъ, что нѣтъ на землѣ власти, или царства, которое бы не истекало отъ щедроты римскаго стула, и чтó далъ, то можетъ отнять, когда хочетъ... Я не сомнѣваюсь, что скоро постигнетъ отъ папы экскоммуникація четырехъ архіепископовъ, которую принять они готовы безъ уваженія». Румянцовъ замѣтилъ: «Майнцскій уполномоченный представлялъ на конгрессѣ пользу перемѣны конституціи германскихъ капитуловъ и принять еще тайныя нѣкоторыя мѣры, коихъ необъясняя, далъ вамъ однако разумѣть, что они до особы императора и нынѣшнихъ политическихъ въ Германіи обстоятельствъ касаются». Вальденфельсъ возразилъ: «Сіе, яко странное, мы отдѣлили, довольствуясь принять мѣры утвердить вольность германской церкви, опредѣляя точно, въ чемъ состоитъ власть ея архіепископовъ положеніемъ предѣла неистовой власти папы римскаго».

Изъ всѣхъ этихъ бесѣдъ съ участниками конгресса Румян-

цовъ вывелъ совершенно справедливое заключеніе. «Виды четырехъ архіепископовъ были различны. Кёльнскій архіепископъ хотѣлъ только умалить власть папы. Скромный трирскій курфюрстъ, собственныхъ не имѣя намѣреній, во всемъ по личному дружеству и искренности съ нимъ согласовался. Но майнцскій имѣлъ виды совсѣмъ другіе, болѣе къ политической системѣ относительные. Можетъ быть, архіепископъ зальцбургскій, начальникъ (предсѣдатель) сего конгресса, коего княжество между австрійскими владѣніями и Баваріею находится, въ тайнѣ творитъ обѣты видѣть исполненіе хитрыхъ видовъ и затѣй майнцскаго курфюрста и для того къ продолженію онаго конгресса и дальнему разсмотрѣнію сего дѣла и майнцскихъ предложеній хотя осторожную однако склонность показалъ» [1]).

Все дѣло было въ томъ, что «виды четырехъ архіепископовъ были различны». Взаимныя несогласія, стремленіе идти въ разбродъ до того были укоренены тогда въ нѣмецкомъ обществѣ, что проявлялись даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидаешь. Владыки Германіи сами затѣяли общее дѣло для охраненія собственныхъ интересовъ, и тотчасъ же пошли врознь. Каждый изъ нихъ думалъ о своихъ особенныхъ, личныхъ выгодахъ, и ни у кого не оказалось высокаго политическаго развитія и гражданской доблести, чтобы твердою рукой повести къ концу общее великое дѣло. Между тѣмъ какъ нунцій, появившійся тогда въ Баваріи, воевалъ съ привилегіями трирскаго (въ Аугсбургѣ) и зальцбургскаго владыкъ, Майнцъ и Кёльнъ вели себя равнодушно, если не двусмысленно. Вообще, одни изъ участниковъ конгресса ограничивались строго церковною сферой, другіе вовлекались въ политику. Послѣднее обстоятельство должно было поселить недовѣріе къ конгрессу у всѣхъ, кто пользовался властью въ Германіи или стремился къ ней. Въ то же время владыки не умѣли, или, лучше сказать, даже не подумали вовлечь въ свое дѣло остальное духовенство. Напротивъ, они вели себя точно церковная аристократія и словно подражали тому, какъ трое курфюрстовъ, основателей лиги, обращались съ фюрстами-союзниками. И въ знаменитой эмсской пунктаціи говорилось только о расширеніи ихъ правъ. Опасенія епископовъ оправдывались: передъ ними въ перспективѣ показывался деспотизмъ четырехъ нѣмецкихъ папъ. И уже ходили по рукамъ письма вестфальскихъ епископовъ, грозившія нѣмецкой церкви расколомъ [2]).

---

[1]) *Румянцовъ Остерману* отъ $^{19}/_{31}$ августа 1786 года.

[2]) *Ranke*, I, 869.

Уже этихъ внутреннихъ раздоровъ въ средѣ духовенства было достаточно, чтобы убить церковное движеніе въ самомъ началѣ. Но къ нимъ присоединились еще внѣшнія неудачи. Главная опора, на которую особенно разсчитывали архіепископы, оказалась ненадежною. Правда, въ началѣ, какъ мы видѣли, императоръ заявлялъ свое полное сочувствіе ихъ идеѣ, и даже его имперскій надворный совѣтъ издалъ постановленіе въ пользу эмсской пунктаціи. Но вскорѣ онъ узналъ черезъ Николая Румянцова, что на конгрессѣ заговаривали и о политикѣ, притомъ прямо противной его интересамъ. Оттого на него легко могли подѣйствовать внушенія Кауница, который, какъ вѣрный и опытный стражъ свѣтскаго абсолютизма, съ самаго начала ничего не прозрѣвалъ въ затѣѣ архіепископовъ, кромѣ молодыхъ когтей абсолютизма церковнаго. Изворотливый канцлеръ представилъ тогда своему императору любопытное мнѣніе по поводу присланной въ Вѣну эмсской пунктаціи, съ объясненіями майнцскаго владыки. Возставая противъ всѣхъ статей пунктаціи, до мелочей, словно заклятой врагъ нѣмецкихъ іерархов, Кауницъ повсюду проводилъ одну идею—что принципы архіепископовъ «компрометтируютъ права свѣтской власти вообще и императорской въ особенности». Оттого хотя конгрессъ «подражаетъ реформаціоннымъ примѣрамъ» Іосифа, онъ, тѣмъ не менѣе, направленъ прямо противъ него. Присвоивая себѣ право разрѣшать разводы и обнародованіе буллъ, закрывать монастыри и т. д., архіепископы отнимаютъ это право уже не у папы, а у императора, ибо они выводятъ его изъ своей собственной, архипастырской, а не изъ свѣтской власти. Мало отвергнуть подобныя притязанія: императоръ не долженъ допускать ихъ даже въ собственныхъ владѣніяхъ архіепископовъ. Иначе онъ разыгралъ бы постыдную роль орудія честолюбивыхъ замысловъ іерархіи, вздумавшей «выставить» императора, какъ щитъ, на который должны сыпаться удары папства и множества другихъ враговъ. Во главѣ послѣднихъ несомнѣнно станутъ нѣмецкіе же епископы. «Чтобы не подвергнуться самымъ ненавистнымъ козням цѣлаго роя этихъ епископовъ и ихъ капитуловъ», необходимо потребовать, чтобы архіепископы предварительно вошли въ соглашеніи съ ними. Соборъ Кауницъ считалъ немыслимымъ дѣломъ. Вселенскій—«просто забавная химера», такъ какъ на немъ нѣмецкіе голоса были бы заглушены большинствомъ итальянскихъ, испанскихъ, португальскихъ и «цѣлаго роя другихъ епископовъ, вполнѣ преданныхъ куріалистическимъ предразсудкамъ и незнающихъ азбуки истиннаго государственнаго права или безпристрастной исторіи».

А національный соборъ «произвелъ бы больше шума, чѣмъ добра, а, пожалуй, еще послужилъ бы искрой для взрыва новыхъ опасныхъ раздоровъ». Что же касается Рима, то нечего и думать о предстательствѣ тамъ за эмсскій конгрессъ. Папа прибѣгнетъ къ своему обычному маневру. «Я заключалъ конкордаты не съ однимъ императоромъ и четырьмя архіепископами, а со *всею* имперіей», скажетъ онъ, и обратится «не только ко всѣмъ духовнымъ, но также и къ свѣтскимъ чинамъ имперіи». «Легко можетъ случиться, что если даже духовные чины оказались бы единодушными, свѣтскіе пойдутъ противъ нихъ». Мало того. «Папскій дворъ притаится даже позади протестантскихъ князей, напримѣръ такихъ, какъ Куръ-Бранденбургъ» [1]).

Итакъ, Кауницъ, отвергая всѣ требованія архіепископовъ, совѣтовалъ только имъ придти къ соглашенію съ епископами, что можно было принять почти за насмѣшку съ его стороны. Его внушенія подѣйствовали на императора, ревниваго къ своимъ правамъ. Недѣлю спустя, Іосифъ извѣщалъ своего брата, что онъ уже посовѣтовалъ архіепископамъ «столковаться съ своими епископами, чтобы сообща свергнуть съ себя иго римскаго двора». Леопольдъ иначе взглянулъ на дѣло, которое могъ считать своимъ собственнымъ: онъ тогда же созывалъ въ Пистойѣ синодъ тосканскихъ владыкъ для точно такого же противодѣйствія папству, какое затѣяли нѣмецкіе іерархи. Дѣло эмскаго конгресса показалось ему «крайне важнымъ въ такую минуту». Леопольдъ совѣтовалъ Іосифу воспользоваться этимъ церковнымъ движеніемъ, «привлечь къ себѣ всѣ духовные дворы, одушевить владыкъ и поддержать ихъ всею своей силой», чтобы «навсегда свергнуть своекорыстное и деспотическое иго римскаго двора, уничтоживъ всякія нунціатуры въ Германіи, начиная съ вѣнской». Онъ прямо требовалъ созвать національный соборъ, чтобы возстановить всѣ древнія права нѣмецкаго духовенства и начертать новыя правила церковнаго управленія, по образцу уже введенныхъ въ Австріи. «Позвольте сказать вамъ,—прибавлялъ Леопольдъ,—что этимъ вашимъ правиламъ недостаетъ только освященія національнаго собора, чтобы они были прочны, постоянны и однообразны повсюду: и этого-то больше всего страшится римскій дворъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что теперь не щадятъ никакихъ интригъ, чтобы затормазить дѣло нѣмецкихъ владыкъ... И, по мнѣ, это рѣши-

---

1) У *Ранке* (I, 359 sq.), въ изложеніи мнѣнія Кауница, пропущена эта, самая важная, мысль. *Мнѣніе Кауница*, отъ 11-то ноября 1786 года, приложено у него во II томѣ, стр. 292—296.

тельная минута для Рима, и ничего не пожалѣютъ, чтобы только спастись отъ бѣды». Но Іосифъ остался при своемъ мнѣніи. «Мои церковныя установленія такого рода,—отвѣчалъ онъ брату,—что не требуютъ освященія собора. Да, признаться, я опасаюсь общаго собранія моихъ епископовъ, ибо они еще очень далеки отъ желанныхъ разумныхъ принциповъ... Къ тому же, большинство этихъ господъ не знаетъ ни аза въ своихъ дѣлахъ. Они слѣпо повинуются своимъ подчиненнымъ, а эти послѣдніе руководятся различными интересами и видами. Національный соборъ никогда бы не кончился, и навѣрно тутъ больше занимались бы другими предметами, а не церковными преобразованіями. Выйдетъ другая вецларская визитація, которую пришлось разогнать силой, потому что она цѣлые годы не дѣлала своего дѣла» [1]). Въ этомъ послѣднемъ письмѣ Іосифа ясно вліяніе депешъ Николая Румянцова.

Между тѣмъ, какъ императоръ становился противъ архіепископовъ, началъ дѣйствовать ихъ главный врагъ — берлинскій дворъ. Румянцовъ и Кауницъ не ошиблись, принимая въ разсчетъ возможныя связи между главой нѣмецкаго протестантизма и намѣстникомъ св. Петра. Пруссія должна была склоняться къ Риму уже вслѣдствіе вражды Іосифа къ папству. Въ описываемое время явилось новое побужденіе: король затѣялъ устроить выборъ коадъютора майнцскаго владыки, требовавшій утвержденія римской куріи. Фридрихъ-Вильгельмъ II рѣшился польстить папѣ и примирить съ нимъ майнцскаго владыку, котораго называли въ Берлинѣ «поповской спѣсью», возмечтавшею о «нѣмецкой тіарѣ». Онъ посовѣтовалъ Фридриху-Карлу-Іосифу не доводить дѣла до крайности своимъ упорствомъ и не вызывать раскола въ нѣмецкой церкви. Въ то же время въ клевскихъ владѣніяхъ Пруссіи предупредительно обходились съ тѣмъ самымъ нунціемъ, съ которымъ горячо воевали владыки Кёльна и Трира. Папа не замедлилъ отблагодарить своего новаго друга: въ римскомъ государственномъ календарѣ на 1787 годъ впервые прусскій монархъ былъ удостоенъ королевскаго титула. Затѣмъ въ глубочайшей тайнѣ, даже безъ вѣдома Герцберга, выѣхалъ изъ Берлина въ Римъ одинъ изъ главныхъ приближенныхъ Фридриха-Вильгельма, итальянецъ Люкезини, послѣдній изъ литературнаго кружка Фридриха II. Скрывши имя кандидата на мѣсто майнцскаго коадъютора, этотъ ловкій дипломатъ вскорѣ устроилъ соглашеніе на слѣдующихъ условіяхъ: новый коадъюторъ пристаетъ къ союзу князей и, вмѣстѣ съ своимъ владыкой, уничто-

[1]) *Joseph II und Leopold*, II, 43, 48 sq., 55.

жаетъ эмсскую пунктацію, довольствуясь церковнымъ status quo. Послѣднее, конечно, очень не понравилось Фридриху-Карлу-Іосифу, но Фридрихъ-Вильгельмъ уговорилъ его удовольствоваться увѣреніемъ папы, что римскій дворъ «отказывается отъ новыхъ посягательствъ на его архіепископскія права».

Но затѣмъ пришлось уговаривать папу, который пришелъ въ ужасъ, услышавъ, что кандидатъ—не кто иной, какъ иллюминатъ и вольнодумецъ Дальбергъ. На помощь Люкезини послали краснорѣчиваго историка, Іоганна Мюллера, который тогда только-что написалъ, по порученію майнцскаго владыки, свое «Изображеніе союза князей» и удостоился за это мѣста въ государственномъ совѣтѣ Фридриха-Карла-Іосифа [1]). Вскорѣ Мюллеръ привезъ разрѣшительную буллу папы, и какъ разъ во-время: тогда были въ разгарѣ весьма характеристичныя интриги, связанныя съ выборомъ Дальберга въ майнцскіе коадъюторы.

---

[1]) *Häusser*, I, 281—286.—*Ranke*, I, 356—361, 374—376.

ГЛАВА XXIV.

Майнцскій коадъюторъ.

Когда выборъ въ майнцскіе коадъюторы палъ на барона Карла фонъ-Дальберга, герцогъ веймарскій воскликнулъ, что произошла «великая революція» въ Германіи [1]). Это событіе дѣйствительно имѣло политическое значеніе: избранникъ майнцскихъ канониковъ былъ личность крупная, выдающаяся среди лучшихъ людей Германіи той эпохи.

Дальбергъ—также дитя «просвѣщенія», какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ. Это была богатая натура, одаренная множествомъ талантовъ — остроуміемъ, обширной памятью, массой разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, политическими, литературными и художественными стремленіями. Но у нея надъ всѣмъ господствовало неисчерпаемое добродушіе. Дальбергъ вносилъ человѣчность во всѣ свои отношенія, какъ къ людямъ, такъ и къ дѣламъ. Это былъ другъ бѣдныхъ, покровитель гонимыхъ, поклонникъ свободы совѣсти и слова. «Все великое — твоя собственность», сказалъ правдивый Шиллеръ, посвящая ему одно изъ своихъ произведеній. «Искусство правленія и нравственность— одно и то-же», писалъ самъ Дальбергъ—и его жизнь отличалась чистотой нравовъ, а его правленіе было отраженіемъ этой жизни. Онъ посвятилъ себя ближнему, самъ довольствовался плохимъ столомъ, четырьмя лакеями и парой лошадей. Это—типъ энтузіаста временъ «просвѣщенія». Задушевнымъ другомъ Дальберга былъ Шиллеръ, а не Гёте. Залучивъ однажды пожить къ себѣ Вильгельма Гумбольдта, Дальбергъ надоѣлъ ему: чуть вечеръ, онъ запросто приходилъ въ его комнату и за полночь болталъ

---

[1]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II*, отъ 25-го іюня 1787 года: *Ranke*, II, 310.

съ нимъ о самыхъ возвышенныхъ матеріяхъ. Когда пришла вѣсть объ арестованіи Людовика XVI, Дальбергъ праздновалъ свадьбу этого самаго Гумбольдта. Гости переполошились; но хозяинъ спокойно взялъ за руки молодыхъ и вывелъ ихъ на балконъ. Передъ ними серебрилась луна; небо мерцало миріадами звѣздъ. Взоръ Дальберга утопалъ въ безконечномъ пространствѣ, и онъ прошепталъ: «чтó дѣла этой землицы передъ неизмѣримымъ небомъ! Король съ королевой бѣгутъ вонъ изъ своего царства — чтó это передъ тѣми мірами надъ нами! Передъ вѣчнымъ небомъ все ничтожно и мимолетно!» Незадолго до своей смерти, при паденіи Наполеона I, этотъ мечтатель, тогда уже 70-ти-лѣтній владыка майнцскій, чувствовалъ въ себѣ присутствіе «вѣчно живого духа», а въ своей эпохѣ — «элементы національности, либеральныхъ формъ и истинной свободы» [1]).

Понятны симпатіи, которыя возбуждалъ такой человѣкъ. Люди всѣхъ званій съ первыхъ словъ говорили съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ. Женщины приходили въ восторгъ отъ его, можно сказать, рыцарской вѣжливости и задушевности, въ которой было что-то наивное, почти дѣтское, точно также какъ и въ его картинахъ. Такіе умы, какъ В. Гумбольдтъ, Гёте, К. Штейнъ, Іосифъ II, называли его «очень интереснымъ господиномъ» и искали его живительныхъ бесѣдъ; а Карлъ-Августъ веймарскій и Эрнстъ II готскій были его пріятелями. И, тѣмъ не менѣе, никто не полагался на Дальберга. Всѣ, знавшіе его, говорили, что онъ возбуждалъ столько же сомнѣній, сколько блестящихъ надеждъ. Эта высокая и внушительная фигура обладала ничтожными глазками, и у нея не было ни манеръ, ни походки. Дальбергъ всегда производилъ впечатлѣніе недоразвитаго человѣка. И дѣйствительно, онъ былъ весь — пассивность, отсутствіе воли и выдержки. Дальбергъ самъ сознавался въ своей почти болѣзненной впечатлительности, въ своемъ безсиліи бороться съ необузданной фантазіей. Онъ вѣчно суетился, расплывался, перебѣгалъ съ предмета на предметъ съ ненасытной жаждой нравственныхъ раздраженій. У него былъ интересъ ко всему на свѣтѣ — и все восторженный и мимолетный. О чемъ только не писалъ онъ, обнаруживая при этомъ поразительную начитанность! Объ исторіи и химіи, объ археологіи и богословіи, о законахъ и кухнѣ, — и то по-нѣмецки, то по-французски или по-латыни. Но все это — брошюрки съ прекрасными желаніями и легкимъ остроуміемъ,

[1]) *Perthes:* Politische Zustände und Personen, I, 346; cf. 307—347.

и ни одного капитальнаго труда съ самобытной мыслью и глубиной чувства.

Дальбергъ былъ жертвой не только «періода бурныхъ стремленій», но и остатковъ юнкерскаго воспитанія. Онъ происходилъ изъ непосредственнаго имперскаго рыцарства. Родители старались поскорѣе сдѣлать изъ него источникъ своихъ доходовъ. Дальбергъ почти мальчикомъ понавѣдался въ гёттингенскій и гейдельбергскій университеты, схватилъ вершки юридическихъ и богословскихъ наукъ, 17-ти лѣтъ сталъ докторомъ, объѣхалъ нѣсколько дворовъ для усвоенія внѣшняго лоска, и тотчасъ же пустился по самой выгодной—духовной дорожкѣ. Ему не было и тридцати лѣтъ, когда онъ уже сталъ намѣстникомъ майнцскаго архіепископа въ Эрфуртѣ. Отсюда было рукой подать до Веймара и Готы, гдѣ тогда была въ разгарѣ горячка «просвѣщенія». Пылкій юноша началъ самъ, какъ ни попало, хватать свѣдѣнія и впечатлѣнія отовсюду. И пошла его жизнь скачками. Дальбергъ былъ поборникомъ «просвѣщенія», даже принадлежалъ къ обществу иллюминатовъ—и усердно, до истощенія силъ, совершалъ католическія процессіи, на солнечномъ припекѣ; и всякій замѣчалъ въ немъ «поповскую» подкладку подъ великосвѣтской внѣшностью. Онъ желалъ независимости нѣмецкой іерархіи, восторгался эмсскимъ конгрессомъ—и аккуратно воздавалъ папству всю его честь, всѣ его доходы. И этотъ патріотъ, надежда Германіи, сталъ слугой Наполеона I, наградившаго его титуломъ «великаго герцога франкфуртскаго!» Эта добрая душа не посмѣла заступиться за своего стараго друга К. Штейна, молившаго выпросить у Наполеона смягченія его участи. Мало того: Дальбергъ вѣрилъ, что Наполеонъ дѣйствительно будетъ геніемъ возрожденія Германіи и защитникомъ имперской конституціи! Кажется, никто изъ эпохи униженія Германіи не навлекъ на себя болѣе строгаго осужденія патріотовъ, чѣмъ Дальбергъ: отъ кого много ожидаютъ въ счастливые дни, тотъ становится козломъ отпущенія въ минуту бѣдствій...

Въ описываемое время патріоты обратили особенное вниманіе на Дальберга, которому было всего сорокъ лѣтъ: онъ былъ бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для союза князей уже по своему личному значенію въ Германіи. «Статгальтеръ эрфуртскій—свидѣтельствуетъ Николай Румянцовъ—въ великомъ уваженіи во всей здѣшней имперіи... Онъ слыветъ отмѣнно мудрымъ... У него безмѣрныя знанія въ вышнихъ наукахъ и также всѣ добрыя нравственныя качества въ толикой степени, что часто добродушію

болѣе уступаетъ, нежели строгая осторожность повелѣваетъ» [1]). И патріоты имѣли основаніе разсчитывать на Дальберга. Этого энтузіаста должно было увлечь величіе идеи, за чистоту которой ручались такіе его друзья, какъ герцоги веймарскій и готскій, иначе не называвшіе союза князей, какъ «правымъ дѣломъ» (bonne cause). Да онъ и самъ давно уже заявлялъ свое патріотическое направленіе. Еще до своего эрфуртскаго намѣстничества, когда онъ служилъ у Франца-Лудвига вюрцбургскаго, Фридрихъ II освѣдомлялся объ его взглядѣ на желаніе Іосифа захватить нѣмецкія епископства. Дальбергъ отвѣчалъ, что осуждаетъ стремленія императора, подтачивающія имперскую конституцію. «Я — нѣмецкій дворянинъ», выразился онъ съ горячностью: «я люблю мое отечество и скорѣе пожертвую собой, чѣмъ допущу погубить его конституцію». Дальбергъ съ самаго начала былъ приверженцемъ идеи союза князей. Узнавъ о приступленіи майнцскаго владыки къ лигѣ, онъ воскликнулъ, что и всякій будущій курфюрстъ долженъ слѣдовать той же политикѣ [2]).

Но патріоты упускали изъ виду пассивность Дальберга. Могъ ли такой человѣкъ сразу рѣшиться на столь важный и опасный шагъ? Какъ только дѣло коснулось положительнаго заявленія, безъ котораго патріотамъ нельзя было хлопотать объ его выборѣ въ майнцскіе коадъюторы, патріотическій энтузіазмъ Дальберга вдругъ остылъ. Онъ началъ колебаться, тянуть дѣло, обнадеживать сегодня однихъ, завтра другихъ. Такъ какъ и въ майнцскомъ капитулѣ была значительная австрійская партія, то загорѣлась серьёзная избирательная борьба.

Прусская и австрійская интриги уже съ весны 1785 года овладѣли какъ Эрфуртомъ, такъ и Майнцомъ. Сначала борьба сосредоточивалась въ Майнцѣ, гдѣ представлялось особое затрудненіе: нужно было еще склонить владыку къ согласію на выборъ коадъютора вообще. Бёмеръ и Штейнбергъ, вспомоществуемые Гофенфельсомъ, начали свою работу тотчасъ по приступленіи къ лигѣ Фридриха-Карла-Іосифа [3]). Послѣдній объявилъ имъ, что «пока онъ живъ, не согласится, чтобъ даже помышляли о наименованіи преемника». Но расточительный владыка просилъ, въ то же время, денегъ отъ Фридриха за подписаніе союзнаго договора. Скупой король отказалъ наотрѣзъ; ганноверцы же вос-

---

[1]) *Николай Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12—23 декабря 1785 года и 27 марта (7 апрѣля) 1786 года.

[2]) *Ranke*, I, 365 sq.

[3]) *Николай Румянцовъ Остерману*, отъ 28 октября (8 ноября) и $^{14}/_{25}$ ноября 1785 года.

пользовались этимъ случаемъ и предложили деньги, если только изберутъ коадъютора, притомъ такого, который тотчасъ же присталъ бы къ лигѣ. Владыка, а за нимъ капитулъ, снова отвѣчали, что не хотятъ и слышать о коадъюторѣ [1]). Но, недѣлю спустя, Румянцовъ доносилъ уже другое. «Говорятъ, прусскій король прислалъ въ Майнцъ г. Делю 20,000 гульденовъ, а суфрагану табакерку съ своимъ портретомъ, богато украшенную бриллiантами... Курфюрстъ, наконецъ, склонился требовать коадъютора и, говорятъ, вскорѣ сдѣлаетъ капитулу формальное предложеніе объ этомъ» [2]). Въ то же время «ненавистники вѣнскаго двора» настаивали у Штейнберга, чтобы онъ выхлопоталъ имъ денегъ въ Берлинѣ. Зная скупость Фридриха, ганноверскій министръ всячески уклонялся, но, наконецъ, принужденъ былъ серьёзно написать въ Потсдамъ, что «необходима для прилѣпленія къ себѣ майнцскаго капитула издержка въ 100,000 пистолъ, то-есть болѣе 400,000 рублей» [3]). За эту сумму надѣялись купить выборъ нѣкоего Дингейма—темной личности, которая служила бы покорнымъ орудіемъ Пруссіи. Конечно, пистолы не приходили изъ Потсдама — и майнцскій капитулъ, руководимый главой австрійской партіи, своимъ деканомъ Фехенбахомъ, «принялъ намѣреніе полагать препоны» избранію Дингейма. «Восемнадцать каноников — доносилъ Румянцовъ Екатеринѣ — подписали уже въ рукахъ домъ-Деханта обѣщаніе, чтобъ, во-первыхъ, уклоняться отъ нареченія коадъютора; во-вторыхъ, затруднить оное вопросомъ, откуда возьмутся доходы для достодолжнаго содержанія таковой особы; въ-третьихъ, если де невозможно будетъ миновать избранія коадъютора, то отнюдь не нарещи такую особу, которая постороннею инфлюэнціею сего домогается. При разсужденіи сего 3-го пункта явилось, что почти весь капитулъ желаетъ курфюрстомъ имѣть извѣстнаго вашему императорскому величеству барона Дальберга... Сія въ Майнцѣ неудача крайне огорчаетъ адгерентовъ прусскаго двора, которые въ досадѣ своей разглашаютъ, что кой-часъ заблагоразсудятъ издержать около 800,000 гульденовъ, то тѣ же самые каноники, которые нынѣ толико спѣсивятся, будутъ покорными ихъ слугами» [4]).

Изъ всѣхъ прусскихъ интригъ вытекала необходимость истра-

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 21 ноября (2 декабря) 1785 года.
[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 28 ноября (9 декабря) 1785 года.
[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 декабря 1785 года.
[4]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12/23 декабря 1785 года.

тить значительную сумму и привлечь на свою сторону столь популярную личность, какъ Дальбергъ. Перваго нельзя было дождаться отъ Фридриха, но за второе взялись его агенты. Прусская партія начала работать въ Эрфуртѣ тотчасъ по заключеніи союза князей. К. Штейнъ, привлекшій къ лигѣ майнцскаго владыку, сталъ бесѣдовать и съ его намѣстникомъ. Дальбергъ сразу выказалъ такое колебаніе, что сбивалъ съ толку противныя партіи. Румянцовъ доносилъ Екатеринѣ: «Онъ былъ на дурномъ счету въ Вѣнѣ и слылъ въ здѣшнемъ краѣ, не знаю почему, надежнѣйшею подпорою противной сего двора въ Германіи партіи, которая не мало симъ обстоятельствомъ тщеславилась» [1]). А Штейнъ писалъ Герцбергу: «Во всемъ этомъ дѣлѣ поведеніе Дальберга было такъ двусмысленно, что курфюрстъ (майнцскій) совсѣмъ возстановленъ противъ него; поэтому нужно начать съ попытки докопаться до его образа мыслей, а потомъ уже дѣйствовать въ его пользу на коадъюторскихъ выборахъ. Но онъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ превосходитъ своихъ соперниковъ, по своимъ качествамъ, что отъ него можно отказаться лишь въ томъ случаѣ, когда вполнѣ убѣдимся, что онъ противъ насъ». Вслѣдъ затѣмъ Дальбергъ самъ прислалъ Герцбергу двусмысленное письмо. «Я не стану искать многократно предложенной мнѣ протекціи вашего великаго короля, хотя для меня безцѣнны милость и благоволеніе перваго монарха своей эпохи. Дѣло въ томъ, что я хочу свободнаго выбора, безъ посторонняго вліянія. Какъ только одинъ великій дворъ станетъ работать въ пользу даннаго лица, тотчасъ же другой сочтетъ себя обязаннымъ работать за другое лицо: и пойдутъ всевозможные переговоры, возникнутъ пререканія, взволнуются всѣ человѣческія страсти! Тутъ-то представится зрѣлище, которое, увы! такъ часто было позоромъ чина каноников. И случись интригантъ въ капитулѣ, неразборчивый въ средствахъ—онъ выиграетъ, ибо честный человѣкъ гнушается подобными средствами. Я самъ каноникъ—и желаю дѣлать честь моему званію: а для этого одно только средство — исполнять долгъ. Многіе назовутъ такой взглядъ романическимъ, но, конечно, вы, ваше сіятельство, думаете иначе. Я всегда былъ вѣренъ моимъ убѣжденіямъ. Я высказалъ это королю, когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, удостоилъ меня милостиваго письма черезъ полковника фонъ-Штейна... Я заявилъ и самому императору мое мнѣніе противъ всякихъ вліяній въ дѣлѣ выбора.

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 27 марта (7 апрѣля) 1786 года.

При такихъ убѣжденіяхъ немудрено, что часто люди прусскаго направленія считаютъ меня австрійцемъ и наоборотъ» [1]).

Въ Берлинѣ поняли, что такого человѣка нужно насильно толкнуть какою-нибудь безцеремонною интригой. Чтобы поссорить Дальберга съ Іосифомъ II, Фридрихъ прибѣгнулъ къ слѣдующему любопытному маневру, характеризующему порядки нѣмецкой имперіи. Жили во владѣніяхъ Дальберга двое братьевъ Сикингеновъ—дипломатовъ рыцарскаго происхожденія и буйнаго нрава, которымъ не хватало жалованья на кутёжъ. Отецъ ихъ былъ дряхлый, но расточительный старикъ. Пока онъ не успѣлъ еще промотать всего своего имѣнія, дѣти пожаловались имперскому надворному совѣту (Reichshofrath) въ Вѣнѣ. По всей вѣроятности, они сдѣлали должное приношеніе этому судилищу, славившемуся своимъ взяточничествомъ, потому что оно не только отдало имъ достояніе отца, но еще бросило старика въ тюрьму. Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ молодыхъ Сикингеновъ, извѣстный какъ человѣкъ «надменный и дурной души», является къ Дальбергу, притворяясь защитникомъ своего отца и обвиняя во всемъ брата. Возмущенный несправедливостью, пылкій намѣстникъ эрфуртскій бросается въ тюрьмѣ, чтобы немедленно освободить старика. Но стража останавливаетъ его, объявивъ, что она должна повиноваться приказаніямъ изъ Вѣны. Дальбергъ оставилъ дѣло; но братья Сикингены бросились въ Вѣну съ доносомъ на него, какъ на ослушника имперскихъ властей, желавшаго самовольно освободить преступника. Выговоръ за выговоромъ, одинъ строже другого, посыпались на добродушнаго намѣстника въ Эрфуртѣ. Но этотъ же случай привелъ къ новому доказательству, что въ то время Дальбергъ вовсе не былъ пріятелемъ Потсдама. Румянцовъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, испугался, что онъ уже не будетъ выбранъ въ майнцскіе коадъюторы, «какъ запятнанный имперскимъ надворнымъ судомъ». Онъ посовѣтовалъ ему поскорѣе ѣхать въ Вѣну, «чтобы выказать тамъ свои добрыя качества и превосходныя знанія». Дальбергъ послушался. Естественно, что личное вліяніе такого симпатичнаго человѣка подѣйствовало. Іосифъ и Кауницъ полюбили его: старый Сикингенъ былъ тотчасъ же освобожденъ и отданъ «подъ дворянскую опеку». Такой оборотъ дѣлъ, а также явная дружба Дальберга съ Румянцовымъ заставили-было Фридриха перемѣнить тактику: тогда-то онъ задумалъ провести въ коадъюторы барона Дингейма.

---

[1]) *Штейнъ Герцбергу*, отъ 21 октября 1785 года, и *Дальбергъ Герцбергу*, отъ 8 ноября 1785 года. См. *Perthes*, I, 318 sq.

Но когда капитулъ сталъ прямо высказываться за Дальберга, Фридрихъ поневолѣ снова обратился къ послѣднему. Онъ непосредственно предложилъ ему доставить коадъюторство, но съ условіемъ, чтобы Дальбергъ тотчасъ же приступилъ къ союзу князей. При этомъ Георгъ III предлагалъ эрфуртскому намѣстнику 300,000 гульденовъ для подкупа майнцскихъ канониковъ, что̀, конечно, возмутило благороднаго мечтателя. Чтобъ поправить ошибку, Фридрихъ взялся за болѣе чистое средство: въ Эрфуртѣ явился Карлъ-Августъ веймарскій. Онъ предлагалъ не деньги, а содѣйствіе прусскаго и англійскаго королей, которые притомъ уже не требовали немедленнаго приступленія Дальберга къ лигѣ, а «полагались на одну его благодарность». Дальбергъ отвѣчалъ, что «приметъ коадъюторство, лишь когда оно дойдетъ до него надлежащимъ путемъ, то-есть добровольнымъ избраніемъ канониковъ, а не по старанію *чужестранныхъ* дворовъ». Тутъ герцогъ веймарскій не выдержалъ и «вскричалъ съ гнѣвомъ»: «Се видите плоды дружества вашего съ графомъ Румянцовымъ! Вы хотите его посредствомъ и угождая ему достигнуть сей степени». Дальбергъ отвѣчалъ, что, напротивъ, онъ сказалъ бы то же самое и Россіи, если бы она явилась съ подобными предложеніями.

Такъ снова разбивался планъ Фридриха, и онъ опять перемѣнялъ тактику. Румянцовъ доносилъ, что Пруссія, Англія и Майнцъ начали тогда «обременять статгальтера новыми стѣсненіями», чтобы отклонить отъ него сочувствіе майнцскихъ канониковъ и провести Дингейма. Между тѣмъ Румянцовъ снесся съ Голицынымъ, и Траутмансдорфъ получилъ письмо отъ Кауница, который расхваливалъ Дальберга и «вмѣнялъ себѣ въ честь его дружество». Австрійскій канцлеръ ручался, что императоръ доставитъ ему курфюршескій санъ. Въ то же время Румянцовъ, которому приказали пообѣщать Дальбергу содѣйствіе Екатерины, все вертѣлся въ Эрфуртѣ. Да и самъ намѣстникъ благоговѣлъ передъ талантами Екатерины. «Предъ лицомъ Дальберга—доносилъ Румянцовъ своей государынѣ—Великая Екатерина ни въ числѣ предшествователей, ниже въ числѣ современниковъ ревнителей (соперниковъ) славы не имѣетъ.... Онъ славенъ въ Германіи великимъ монаршихъ вашего императорскаго величества дѣлъ почитателемъ [1]). Но черезъ три мѣсяца Румянцовъ уже доносилъ, что сами «цесарскіе министры» испортили все дѣло. «Сіи министры, завидуя здѣсь другъ другу и каждый изъ нихъ ста-

[1]) *Николай Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 27 марта (7 апрѣля) 1786 и отъ $^{12}/_{23}$ декабря 1785 годовъ.

раясь вниманіе министерства своего привлечь единственно къ себѣ, ведутъ другъ противъ друга явную войну, пренебрегая часто пользу службы государя своего. Баронъ Лербахъ, пребывающій въ Мюнхенѣ, внушилъ пріятелямъ Дальберга, что онъ не долженъ полагаться на Траутмансдорфа, который, какъ зять князя Коллоредо, въ угодность сего вице-канцлера и пренебрегая волею своего монарха, тайно печется возвести въ курфюршеское достоинство барона Фекенбаха, любимца своего тестя. А въ Вѣнѣ онъ далъ знать подъ рукой, будто Дальбергъ, самъ ясно понимая это, чуждается пребывающаго въ Майнцѣ ихъ министра». Послушавшись Лербаха, одинъ изъ пріятелей Дальберга и личный врагъ Траутмансдорфа, Боцгеймъ, случайно находившійся тогда въ Вѣнѣ, подтвердилъ эти навѣты. Въ то же время онъ сталъ хлопотать здѣсь въ пользу выбора Дальберга и добился отъ Кауница инструкціи, «чтобы Траутмансдорфъ, не обинуясь, слѣдовалъ совѣту и наставленію Боцгейма». Нечего и говорить, что все это дѣлалось безъ вѣдома Дальберга—и австрійская интрига была встрѣчена въ Эрфуртѣ съ такимъ же негодованіемъ, какъ прусская. Дальбергъ отвѣчалъ Кауницу точно такъ же, какъ Герцбергу, и пожурилъ Боцгейма за неосторожное вмѣшательство въ его дѣла, «ибо вслѣдствіе его старанія и какого-либо двора покровительства не можетъ онъ, по правиламъ своимъ, домогаться или получить курфюршеское достоинство». Дальбергъ прямо «воспретилъ Боцгейму всякое употребленіе инструкціи», но просилъ увѣдомить въ Вѣну, что онъ «никогда не забудетъ личнаго императора къ нему благодѣянія, который въ дѣлѣ Сикингена ему честь сохранилъ». По обыкновенію, австрійская дипломатія разбивала всѣ усилія нашей. Теперь Румянцову уже трудно было выступить съ приказаніемъ Екатерины помочь Дальбергу. Но онъ улучилъ удобную минуту, во время пребыванія эрфуртскаго намѣстника въ Вюрцбургѣ, и нѣсколько дней толковалъ съ нимъ, прежде чѣмъ объявить ему милость своей императрицы. «Я—доносилъ онъ Екатеринѣ—говорилъ ему о вашемъ императорскомъ величествѣ, о важности и достоинствѣ, съ коими управляете иностранныя свои дѣла, гнушаясь мелочнаго правила интригъ прочихъ государей. Онъ выслушалъ съ особливымъ благоговѣніемъ и благодарностью, подтвердя мнѣ притомъ давно уже сдѣланное дружеское откровеніе, что если будетъ кюрфюрстомъ, то не замедлитъ самъ предстать въ Петровомъ градѣ для воздаянія жертвы почтенія первѣйшей сего вѣка Особѣ» [1]).

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 3/14 іюля 1786 года.

Такъ тянулось дѣло о выборѣ коадъютора до смерти Фридриха II. Фридрихъ-Вильгельмъ II взялся за него съ жаромъ, рѣшившись во что бы то ни стало довести его до конца. Румянцовъ тотчасъ же достовѣрно извѣстилъ Екатерину, что теперь «майнцскій курфюрстъ будетъ средоточіемъ сей на новомъ планѣ основанной смуты?» Немедленно отъ владыки поскакалъ къ Герцбергу братъ госпожи Куденгофенъ, графъ Гацфельдъ, а въ Майнцѣ появился, въ качествѣ постояннаго министра, I. Ф. Штейнъ,— и тотчасъ же по придворнымъ захолустьямъ Германіи разнесся радостный слухъ, что «новый король осуждаетъ скупость покойнаго» [1]). Затѣмъ начались необыкновенно таинственныя махинаціи въ Потсдамѣ [2]). Тогда-то, безъ вѣдома самого Герцберга, выѣхали оттуда ближайшіе наперсники Фридриха-Вильгельма II — Люкезини и товарищъ короля по воспитанію, Альвенслебенъ. Первый, какъ мы видѣли, отправился въ Римъ, второй же—въ Ганноверъ и Оснабрюкъ, чтобы сговориться тамъ съ союзниками насчетъ коадъюторскихъ выборовъ. Но все дѣло было въ Майнцѣ и Эрфуртѣ—и сюда-то былъ направленъ глава патріотовъ, Карлъ-Августъ веймарскій. Герцогъ велъ тогда таинственные переговоры съ самимъ королемъ въ Берлинѣ и рвался на мѣсто дѣйствія. Но нужно было хорошенько замаскировать его движенія — и вотъ, маркграфъ баденскій присылаетъ ему приглашеніе посѣтить Карлсруэ, по какимъ-то домашнимъ дѣламъ. Курьеръ, будто ничего не зная, розыскиваетъ герцога повсюду, то въ Веймарѣ, то въ Дессау, и находитъ, наконецъ, въ Берлинѣ. Карлъ-Августъ при всѣхъ показываетъ приглашеніе королю, увѣренный, что иностранные дипломаты тотчасъ же донесутъ объ этомъ своимъ дворамъ.

Это было въ ноябрѣ 1786 года, а въ декабрѣ мы уже застаемъ герцога въ Эрфуртѣ, по дорогѣ въ Карлсруэ. Но и здѣсь онъ не проронилъ ни слова на счетъ видовъ новаго короля. Рѣчь шла объ общихъ патріотическихъ вопросахъ. Дальбергъ искренно и горячо высказывался въ пользу нѣмецкой уніи: герцогъ даже попробовалъ снова намекнуть ему на письменное заявленіе въ этомъ смыслѣ, но намѣстникъ отказался. Затѣмъ Карлъ-Августъ заѣхалъ въ Майнцъ, все по дорогѣ въ Карлсруэ, и снова заглянулъ сюда послѣ короткаго пребыванія у маркграфа. Съ майнцскимъ владыкой онъ говорилъ лишь вообще о дѣлахъ лиги. Но съ фрау фонъ-Куденгофенъ и съ ея братомъ у него шли на-

---

1) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ $^{8}/_{19}$ сентября 1786 года. *Фридрихъ-Вильгельмъ II Карлу-Августу веймарскому*, отъ 10 апрѣля 1787 года: *Ranke*, II, 309.

2) Онѣ впервые разсказаны *Ranke* (I, 364—372), по архивскимъ источникамъ.

стоящіе переговоры: герцогъ прямо заявилъ имъ желаніе примирить Дальберга съ владыкой. Но ему замѣтили, что удивляются пылкости, съ которой онъ защищаетъ намѣстника — и онъ не посмѣлъ поднимать вопроса о выборахъ. Раздосадованный Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ тогда Карлу-Августу, что ему все равно, кого бы ни выбрали, лишь бы это былъ приверженецъ лиги. И еще разъ всплыло наверхъ имя Дингейма: І. Ф. Штейнъ письменно просилъ за него у всемогущей Куденгофенъ. Владыка съ самаго начала стоялъ за Дингейма, и дѣло послѣдняго пошло теперь въ ходъ. Но и австрійцы не дремали: за Фехенбахомъ было обезпечено не меньше голосовъ, чѣмъ за Дингеймомъ. Собственно говоря, дѣло должны были рѣшить пять нейтральныхъ голосовъ, принадлежащихъ Дальбергу, который и самъ прибылъ въ Майнцъ.

Такимъ образомъ, патріотамъ предстояла серьёзная опасность, а между тѣмъ она легко устранялась при кандидатурѣ самого Дальберга. А владыка уже былъ на-половину примиренъ съ своимъ намѣстникомъ, благодаря слухамъ объ его возрастающемъ патріотизмѣ. Дальбергъ, дѣйствительно, началъ тогда особенно интересоваться нѣмецкою уніей. Онъ жадно прислушивался къ восторженнымъ рѣчамъ герцога веймарскаго, не замѣчая прусскихъ интригъ—и великая идея возрожденія Германіи быстро овладѣла его пылкой душой. Уже въ началѣ 1787 года Штейнъ иронически доносилъ Герцбергу о «сантиментально-политической болтовнѣ (Gawäsch) пріятеля Дальберга» и даже выражалъ опасеніе, что, «сдѣлавшись курфюрстомъ, онъ, въ силу охватившей его уніономаніи, поставитъ всё вверхъ дномъ» [1]). Но едвали не важнѣе всего было неожиданное поведеніе фрау фонъ-Куденгофенъ. Эта избалованная и причудливая повелительница майнцскаго владыки вдругъ превратилась въ горячую патріотку, подъ вліяніемъ краснорѣчія герцога веймарскаго. Она не стала хлопотать о кандидатурѣ своего нѣжно-любимаго младшаго брата. Она рѣшилась употребить всю свою силу на примиреніе дяди съ Дальбергомъ, и стала дѣятельно интриговать въ пользу выбора послѣдняго въ коадъюторы. И она отказалась отъ дорогого подарка, предложеннаго ей за это Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

Теперь владыка согласился на выборъ Дальберга; но предстояло новое затрудненіе. Неудобно было объясняться съ самимъ намѣстникомъ, который могъ принять это за новыя козни владыки, да и опасались огласки дѣла; а между тѣмъ нужно было

¹) *Perthes*, I, 319.

уговорить Дальберга провалить Фехенбаха, съ котораго начинались выборы. И вотъ, однажды, рано утромъ, когда Куденгофенъ еще нѣжилась въ постелѣ, Штейнъ привелъ къ ней намѣстника. Опытная интригантка употребила всѣ силы своего краснорѣчія, чтобы возстановить Дальберга противъ Фехенбаха, а сама смущалась и дрожала, опасаясь проговориться на счетъ его собственной кандидатуры. Рыцарственный намѣстникъ далъ слово—и въ полдень австрійская партія потерпѣла пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ, владыка далъ знакъ своей партіи, было пущено въ ходъ золото [1]), и 5 іюня Дальбергъ сталъ майнцскимъ коадъюторомъ. Онъ самъ былъ пораженъ неожиданностью, а австрійскій посланникъ, въ самую минуту выборовъ, гарцовалъ на красивомъ конѣ передъ окнами своей возлюбленной.

Дальбергъ тотчасъ же написалъ благодарственное письмо своему владыкѣ, дышащее патріотизмомъ. «Унія,—сказано въ немъ,—предложенная Фридрихомъ-Великимъ, принятая многими почтенными князьями и пріобрѣвшая, въ лицѣ вашего высочества, высшее освященіе,—вотъ истинное средство сообщить силу законамъ и обезпечить свободу Германіи. Эта унія, согласная съ имперскими законами и полезная по своему вліянію, всегда возбуждала во мнѣ восторгъ, и я безконечно буду дорожить всякимъ случаемъ содѣйствовать ея сохраненію». А на другой день послѣ выборовъ, 6 іюня, новый коадъюторъ подписалъ «корпусъ» трактата союза князей и даже секретную статью. Вскорѣ Дальбергъ былъ выбранъ еще коадъюторомъ въ Вормсѣ, гдѣ епископомъ былъ хилый старикъ, и въ Констанцѣ [2]). На него обращались также взоры канониковъ въ Эйхштедтѣ и Фульдѣ, гдѣ предстояли новые выборы.

Въ то же время трирскіе каноники начали подавать надежду на присоединеніе ихъ владыки къ уніи. И даже Фехенбахъ, негодовавшій на слабую поддержку своихъ друзей, перекинулся въ

---

[1]) Герцогъ веймарскій писалъ о выборѣ Дальберга: „Не стóитъ и упоминать о чеканеныхъ средствахъ, употребленныхъ при этомъ; конечно, ни одинъ грошъ не пропалъ даромъ". *Perthes*, I, 319 sq. *Ranke* (I, 374) говоритъ: „Выборъ коадъютора дорого стоилъ. Нужно было дважды пріобрѣтать одни и тѣ же голоса—сначала для Дингейма, потомъ для Дальберга, а это, по старинному обычаю, не могло обойтись безъ денежныхъ подарковъ. Прусскій король назначилъ для этого значительную сумму".

[2]) Это дало возможность содержать майнцскаго коадъютора съ подобающимъ его сану почетомъ. Впрочемъ, чтобы успокоить владыку въ денежномъ отношеніи и чтобы „отдѣлить отца отъ сына, которые долго не ужились бы вмѣстѣ", Дальберга снова послали въ Эрфуртъ, гдѣ онъ и оставался намѣстникомъ до самой смерти Фридриха-Карла-Іосифа, когда онъ занялъ архіепископскій престолъ (1802).

противный лагерь [1]); въ награду за это его стали считать будущимъ епископомъ вюрцбургскимъ. Такъ, казалось, что союзъ князей пускаетъ глубокіе корни въ средѣ духовенства, то-есть на самой ненадежной почвѣ. Но самъ же Дальбергъ, выборы котораго стоили столькихъ хлопотъ, былъ печальнымъ предзнаменованіемъ внутренняго недостатка, вскорѣ погубившаго нѣмецкую унію. Его колебанія не прекратились и послѣ 5 іюня. Тутъ противорѣчіе лежало не въ одной его натурѣ, но и въ существѣ самаго дѣла. Дальбергъ не переставалъ быть искреннимъ патріотомъ. Онъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ, и патріоты не раскаявались въ его выборѣ: ихъ дружба и уваженіе къ нему не охладѣли. Но ошиблась въ немъ аристократія союза князей, раскаялись приверженцы Пруссіи.

Нѣмецкая унія представлялась Дальбергу не орудіемъ чьихъ-нибудь отдѣльныхъ интересовъ, а «правымъ дѣломъ» всего отечества, могучимъ рычагомъ возрожденія Германіи. «Надѣюсь,— писалъ онъ герцогу веймарскому въ февралѣ 1787 года,—что прекрасный союзъ князей постепенно станетъ союзомъ *всей* имперіи, а также и *императора,* и будетъ не секретною бумагой, а основнымъ камнемъ общаго благоденствія со стороны правосудія, торговли, окружнаго и пошлиннаго устройства» [2]). Оттого только въ Берлинѣ и Ганноверѣ, куда майнцскій владыка тотчасъ же переслалъ письмо Дальберга отъ 5 іюня, могло показаться измѣной другое письмо новаго коадъютора, отправленное тогда же въ Вѣну. Дальбергъ изъявлялъ императору какъ свое личное расположеніе, такъ и свою политическую преданность. «Если бы всѣ думали такъ, какъ мы съ вами, — отвѣчалъ ему Іосифъ,— то не жаловались бы на такого начальника, какъ я. Я считалъ бы себя весьма счастливымъ, если бы всѣ курфюрсты и фюрсты думали, какъ вы, мой милый коадъюторъ, котораго я уважаю и люблю за познанія, за честность характера и убѣжденій. И я, подобно вамъ, часто задумывался надъ тѣмъ, что могло бы осчастливить наше отечество. Совершенно согласенъ съ вами, что единственное средство—тѣсный союзъ императора съ государственнымъ тѣломъ Германіи и съ его со-государствами. Но сдѣлайте-ка это: вотъ философскій камень! Вамъ однимъ, мой милый ба-

[1]) Любопытно, какъ герцогъ веймарскій объяснялъ переходъ друзей Австріи въ противоположный лагерь: „Depuis que cette (вѣнскій) cour n'achéte plus, qu'elle brouille tout et que Joseph II se fait la guerre à lui-meme, les gens sensés s'aperçoivent que la protection Viennoise ne sert plus à rien“ etc. *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II*, отъ 25 іюня 1787 года: *Ranke*, II, 812.

[2]) *Häusser*, I, 278.

ронъ, предоставлено это славное дѣло; и если оно не удастся вамъ, то придется навсегда отказаться отъ него, ибо впервые вижу я, къ моему великому удовольствію, всю Германію соединенною именно во взглядѣ на вашу личность. Всѣ партіи отдаютъ справедливость вашему характеру и вашимъ убѣжденіямъ, а вы — ужасъ взбалмошныхъ голосовъ, интритантовъ и педантовъ» [1]).

Взглядъ Дальберга особенно важенъ въ виду наступившаго тогда новаго момента въ исторіи союза князей. Такъ какъ позднѣе приступившій къ лигѣ Мекленбургъ-Стрелицъ не имѣетъ значенія, то можно сказать, что съ присоединеніемъ майнцскаго коадъютора остановилось внѣшнее распространеніе лиги. Но тогда должно было начаться внутреннее развитіе національной идеи у нѣмцевъ.

---

[1]) *Perthes*, I, 320.—Cf. *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 276.

ГЛАВА XXV.

Патріотическое преобразованіе имперіи.

Въ лицѣ Дальберга патріоты пріобрѣли новую недюжинную силу. Они увѣрились, что настала минута серьёзнаго осуществленія «праваго дѣла». И чѣмъ болѣе недавно связывала имъ руки вялость покойнаго основателя лиги, тѣмъ веселѣе выступили они теперь впередъ, осѣняемые надеждой на новаго короля. Никогда Карлъ-Августъ веймарскій не былъ такъ оживленъ и восторженъ. Теперь-то онъ сталъ настоящимъ «курьеромъ союза князей», разъѣзжая повсюду, отъ Берлина до Карлсруэ и даже до Штутгарта. Онъ возилъ съ собой уже не однѣ патріотическія мечты, но также давно задуманный и даже начертанный планъ коренного преобразованія имперіи. «Этотъ истинно-нѣмецкій фюрстъ — говоритъ его другъ и воспитатель — смотрѣлъ на союзъ князей съ высшей, *національной*, а не политической точки зрѣнія. Онъ видѣлъ въ немъ средство къ *возрожденію нѣмецкаго отечества*, къ воскрешенію его почти угасшаго духа единства и его глубоко павшей общей силы,—средство не только обезпечить независимость и самостоятельность Германіи, но также *усовершенствовать ея конституцію*».

Гёрцъ говорилъ по личному опыту. Какъ только возвратился онъ изъ Петербурга, герцогъ все толковалъ съ нимъ о планахъ «утвержденія и распространенія нѣмецкаго союза князей». Плодомъ этихъ бесѣдъ была записка, поданная тогда же Гёрцомъ прусскому министерству. Она касалась какъ мотивовъ и основаній союза, такъ средствъ къ его развитію. По мнѣнію Гёрца, нужно было заботиться о дальнѣйшемъ скрѣпленіи связей съ Георгомъ III, въ особенности же съ майнцскимъ архіепископомъ, отъ котораго зависятъ воззрѣнія не только его собственнаго коадъютора, но и другихъ духовныхъ фюрстовъ. Сверхъ того, не

должно щадить средствъ для патріотическаго направленія выборовъ на открывающіяся мѣста владыкъ. Наконецъ, необходимо полное довѣріе и безпрерывныя сношенія между *всѣми* членами союза, не обращая вниманія на степень могущества каждаго изъ нихъ и на время приступленія ихъ къ лигѣ. Вслѣдъ за Гёрцомъ, и самъ Карлъ-Августъ, негодуя на бездѣйствіе Фридриха II, препроводилъ къ Герцбергу любопытную записку. Въ ней требовалось, чтобы трое первыхъ союзниковъ, «которые по *праву* суть не цѣлая унія, а лишь ея типъ и образецъ», увѣдомляли «законнымъ образомъ» послѣдующихъ союзниковъ объ успѣхахъ уніи, о новыхъ сочленахъ и объ ихъ условіяхъ. Точно также они должны сообщать всѣмъ акты приступленія къ лигѣ новыхъ союзниковъ и совѣтоваться то съ тѣмъ, то съ другимъ о томъ, какъ распространять унію, кого приглашать къ ней и т. д. Вообще, трое курфюрстовъ, говорилъ герцогъ веймарскій, должны «дозволить намъ, менѣе могущественнымъ фюрстамъ, дѣлать имъ добрыя предложенія», должны «обращаться съ нами, какъ съ равными себѣ и возможно болѣе льстить намъ, показывая видъ, что намъ принадлежитъ значительная доля въ руководствѣ уніей». Сверхъ того, всѣ, приступившіе къ лигѣ послѣ Бранденбурга, Ганновера и Саксоніи, должны давать другъ другу удостовѣренія въ этомъ, «чтобы, такимъ образомъ, они дѣйствительно казались договаривающимися сторонами». Въ заключеніе Карлъ-Августъ писалъ Гёрцу: «Если бы дворъ, которому вы служите теперь, утратилъ черезъ это нѣсколько изъ своей роли предводителя, вы все-таки должны всячески стараться сослужить тутъ службу *Германіи*. Я самъ *лично* глубоко преданъ прусскому дому и его членамъ; но тѣмъ не менѣе я долженъ, въ силу моего чина, *еще болѣе быть преданнымъ нашему общему отечеству* и государству, членомъ котораго я состою. И, надѣюсь, вы не осудите этого воззрѣнія—вы, который такъ много способствовалъ развитію во мнѣ патріотизма». Еще яснѣе выразился взглядъ герцога веймарскаго на лигу въ слѣдующемъ письмѣ его Гёрцу тотчасъ послѣ избранія Дальберга: «Я занятъ улаживаніемъ смутъ по сосѣдству [1]); стараюсь, чтобы наслѣдники могли спокойно пользоваться всѣмъ *своимъ*. А къ этому своему относится все, чтó они производятъ и продаютъ для собственнаго пропитанія. А, вѣдь, пропитаніе съ каждымъ днемъ становится все затруднительнѣе, съ тѣхъ поръ какъ большія государства стали жить отдѣльно отъ своихъ сосѣдей, словно острова въ океанѣ, а при-

[1]) Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о дѣлѣ Липпе-Бюкебургскихъ князей. См. гл. XXIII.

знавать лучшимъ средствомъ для увеличенія своей силы вымариванія голодомъ всякаго, кто не имѣетъ чести быть ихъ подданнымъ, чтобы заставить его подчиниться себѣ изъ нужды» [1]).

Но лучше всего обрисовываются мотивы, характеръ и идея преобразовательнаго плана Карла-Августа въ его письмѣ къ саксонскому министру Лёвену, которое можетъ служить исповѣдью этого благороднаго патріота. «Могу сказать, положа руку на сердце, что меня одушевляютъ хорошія желанія и намѣренія относительно общаго блага. Не знаю только, насколько моя добрая воля увѣнчается успѣхомъ. Пока еще не вижу причинъ совсѣмъ сомнѣваться: нынѣ духъ истинной дѣятельности подвигаетъ столько просвѣщенныхъ умовъ; особенно нѣкоторые изъ моихъ знакомцевъ въ имперіи подаютъ утѣшительную надежду, что еще можно пробудить среди насъ старый нѣмецкій духъ, несмотря на дряблость нравовъ и нашего вѣка. Особенно надѣялся я, что тѣсныя узы дружбы между первыми фюрстами Германіи соединятъ разрозненныя намѣренія, интересы и силы нашей имперской системы и приведутъ ихъ къ *единой*, оживленной и надежной дѣятельности. Система уніи (если развить ее) казалась мнѣ особенно годной для этого. Я смотрѣлъ на нее, какъ на прочную и непоколебимую основу, въ духѣ нѣмецкой націи, и какъ на достойный памятникъ послѣдней... Всѣ проекты имѣли одну цѣль—*сосредоточить* разнодѣйствующія силы, чтобъ въ цѣломъ всѣ стремились къ тому же, къ чему въ частности стремится каждый фюрстъ въ своихъ владѣніяхъ, то-есть къ мудрому и пристойному порядку вещей, безъ котораго не можетъ существовать ни одно государство и ни одинъ государь не можетъ притязать на честь въ своемъ вѣкѣ. Руководствуясь такими-то соображеніями, мы ласкали себя надеждой, что можно еще пробудить національный духъ въ нашемъ отечествѣ, послѣдніе слѣды котораго, увы! исчезаютъ съ каждымъ днемъ. Мы надѣялись, что лѣнивая дремота, одолѣвшая Германію съ Вестфальскаго мира, наконецъ разсѣется, и нѣмецкая унія украсится этимъ вѣнкомъ, какъ сила истинно помогающая соблюденію нѣмецкой свободы, нѣмецкихъ нравовъ и законовъ... Значительное число позднѣе присоединившихся фюрстовъ находили тотъ недостатокъ въ уніи, что не было упомянуто ни о какихъ способахъ защиты для нихъ въ случаѣ нападенія непріятеля... Хотя мнѣ было извѣстно, что въ секретныхъ статьяхъ позаботились объ этихъ необходимыхъ предосторожностяхъ, однако не скрою, что этотъ оборонительный

[1]) *Görtz*, II, 210—218.

планъ и мнѣ казался мало выработаннымъ, ибо даже тѣ курфюршескіе дворы, отъ которыхъ тутъ должно было ожидать больше всего, не договорились объ этомъ опредѣленно... А этотъ недостатокъ заставляетъ многихъ чувствовать, что какъ будто они тутъ вовсе не нужны. Мало того: они опасаются даже, что въ случаѣ нужды могущественные члены ассоціаціи будутъ производить имъ оцѣнку лишь по своему произволу. Доселѣ хоть была надежда общими усиліями улучшить правосудіе въ Германіи, о чемъ хотѣли поднять вопросъ въ Регенсбургѣ, какъ объ имперскомъ дѣлѣ: это придало бы союзу видъ цѣлесообразности и общей потребности. Но если и тутъ главы союза отступятъ и найдутъ непреодолимыя затрудненія, хотя дѣло не требуетъ особенной рѣшимости, то большая часть фюрстовъ, конечно, будетъ раскаяваться, что подписалась подъ актомъ, который предназначаетъ ей столь страдательную роль. А между тѣмъ вовсе не такъ трудно было начертать оборонительный планъ... Я убѣжденъ, что тогда большая часть союзныхъ фюрстовъ была бы одушевлена новымъ стремленіемъ поддержать честь отечества и свою собственную посредствомъ правильнаго и общаго плана, посредствомъ строгой и разумной подготовки къ одной и той же цѣли. Если же предоставить дѣло на-авось (das Ohngefähr), то нечего больше и ожидать, какъ авось» [1]).

Въ глазахъ Карла-Августа, средоточіемъ преобразовательной дѣятельности въ Германіи былъ не Берлинъ, а Майнцъ. Здѣсь соединилась тогда политическая сила съ нравственной. Въ послѣдней, т.-е. въ Дальбергѣ, герцогъ не ошибся; но Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ хотя и былъ доступенъ его планамъ, однако больше разыгрывалъ роль патріота, чѣмъ былъ имъ на дѣлѣ. Бѣда именно въ томъ, что майнцскій владыка представлялъ политическую силу: онъ не былъ настолько ничтоженъ, чтобы предаваться чистымъ мечтамъ объ идеалахъ общаго блага, а не собственнымъ честолюбивымъ замысламъ. Никогда еще ему не предстояло столько соблазна помѣшаться на мысли ворочать судьбами Германіи и вознестись на степень могущественнаго потентата. Уже первый его важный шагъ, по смерти Фридриха II, обнаруживалъ это стремленіе: онъ думалъ превратить эмсскій конгрессъ въ свое политическое орудіе, преобразовавъ капитулы и коварно ограничивши власть императора. Теперь же владыка мечталъ обратить лигу въ свое орудіе противъ притязаній союзной аристократіи,

---

[1]) *Карлъ-Августъ конференцъ-министру Лёвену въ Дрезденѣ*, отъ 30 марта 1788: *Ranke*, II, 345—348.—Cf. *Görtz*, II, 226 sq.

мѣсто которой ему хотѣлось занять самому. Съ этой точки зрѣнія хорошо объясняются всѣ его, невполнѣ искреннія, отношенія къ плану патріотовъ, которымъ было не мало хлопотъ руководить имъ. Владыка соглашался съ ихъ идеей, но между тѣмъ какъ герцогъ веймарскій восторженно толковалъ объ имперской конституціи, онъ склонялъ рѣчь къ двойному комплекту своихъ войскъ да къ передѣлкѣ майнцсвой крѣпости, на что у него не хватало собственныхъ средствъ. Герцогъ развертывалъ планъ реформъ, а владыка доказывалъ, что все это пустяки безъ матеріальныхъ силъ для отпора Іосифу въ Баваріи.

Чтобы наладить преобразовательное дѣло, которое непремѣнно должно было, по виду, исходить съ высоты майнцскаго престола, Карлу-Августу нужно было хорошенько побесѣдовать съ Фридрихомъ-Карломъ-Іосифомъ лично. Онъ воспользовался особенно блистательнымъ пиромъ, который задалъ владыка по поводу выбора своего коадъютора. Къ великой своей радости, герцогъ засталъ здѣсь полный миръ. Обаяніе личности Дальберга уже успѣло подѣйствовать на старика. Была только неизбѣжная въ средѣ фюрстовъ перепалка изъ-за денегъ: «шумѣли, возились безъ конца» (il y eut des clabauderies, des tracasseries à l'infini), говоритъ герцогъ, но, наконецъ, угомонились, благодаря мужеству Штейна и любезности фрау фонъ-Куденгофенъ. Но Карлу-Августу не легко было заговорить о дѣлѣ съ хозяиномъ-хлѣбосоломъ. «Къ счастью— замѣчаетъ онъ,—празднество и забавы заняли *только* четыре дня» [1]). Послѣ этого-то разгула герцогъ началъ дѣло, льстиво, но мѣтко названное въ Берлинѣ «великимъ твореніемъ, которое можетъ и должно увѣковѣчить его имя» [2]).

Герцогу нужно было употребить все свое краснорѣчіе, чтобы договориться съ владыкой до серьёзнаго рѣшенія. Его планъ былъ слишкомъ смѣлъ и радикаленъ. Онъ хотѣлъ «освободить отечество отъ ига лѣни и несправедливости» [3]), то-есть, расшевелить всѣхъ эгоистическихъ фюрстовъ и вдохнуть въ нихъ патріотическій жаръ, устроивши съѣздъ союзниковъ. Съ другой стороны, если бы ему удался такой почти невозможный подвигъ, это не понравилось бы ареопагу трехъ курфюрстовъ—основателей лиги: демократическая идея равенства всѣхъ союзниковъ, заявленная уже въ запискахъ Карла-Августа и Гёрца, поданныхъ Герцбергу, подрывала властолюбивые замыслы союзной аристократіи. И уже

---

¹) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II*, отъ 25 іюня 1787 года: *Ranke*, II, 310 sq.

²) *Рескриптъ Фридриха-Вильгельма* отъ 2 февраля 1788 года: *Ranke*, II, 329.

³) *Карлъ-Августъ Гарденбергу* отъ 2 ноября 1787 года: *Ranke*, II, 320.

по судьбѣ помянутыхъ записокъ герцогъ предвидѣлъ, что его планъ покажется въ Берлинѣ «воздушнымъ зàмкомъ». Оттого-то онъ и рѣшился прикрыть его авторитетомъ самаго важнаго, послѣ трехъ курфюрстовъ, лица въ имперіи—майнцскаго владыки, который самъ желалъ не повиноваться, а предписывать законы другимъ.

Но здѣсь представлялись новыя затрудненія. Какъ видный чинъ имперіи, владыка долженъ былъ поступать дипломатически, осторожно, чтобы не обнаружить собственныхъ властолюбивыхъ замысловъ и не навлечь на себя внезапнаго мщенія императора. Сверхъ того, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ былъ тщеславенъ и щекотливъ: онъ никогда не согласился бы служить орудіемъ какого-нибудь низшаго имперскаго чина. «Зная по опыту, что мы привязываемся къ собственнымъ идеямъ и не стоймъ горячо за то, что приходитъ къ намъ отъ другихъ», Карлъ-Августъ повелъ дѣло весьма искусно. Уже во время своихъ патріотическихъ бесѣдъ съ Гёрцемъ, онъ представилъ владыкѣ свою идею [1]) въ «необработанномъ» видѣ и сталъ увѣрять всѣхъ, что это—дѣло самого Фридриха-Карла-Іосифа. Герцогъ не ошибся въ разсчетѣ. Владыка еще тотчасъ по смерти Фридриха II [2]) заговаривалъ о ней, какъ авторъ, въ Берлинѣ и Дрезденѣ, пославши туда Гацфельда. А послѣ избранія Дальберга, онъ уже самъ старался внушать Карлу-Августу, что «пока унія не что иное, какъ прелестный образъ, и только съѣздъ можетъ доставить ей дѣйствительное существованіе. Пройдетъ еще годъ—и пылъ остынетъ, и подумаютъ, что у имперскихъ князей уже исчезъ порывъ къ доброму дѣлу и что унія, обѣщавшая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стать эпохой въ Европѣ, раздѣлитъ участь столькихъ другихъ соединеній подобнаго рода, которыя погибли сами собой». Въ то же время владыка «прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы внушить свои убѣжденія коадъютору», и его уроки не пропадали даромъ. Дальбергъ «создавалъ планы для улучшенія хода дѣлъ въ имперіи, старался снискать довѣріе курфюрста и обѣщалъ сдѣлаться весьма дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ германскаго корпуса». Вскорѣ герцогъ веймарскій уже замѣтилъ въ немъ «безпримѣрное рвеніе къ правому дѣлу, такую же дѣятельность и прозорливость» [3]).

---

[1]) Что она принадлежитъ Карлу-Августу, это доказывается документами, напечатанными у *Ранке*, II, 328 sq., 348 sq.

[2]) Это вытекаетъ изъ свидѣтельства Карла-Августа: *Ranke*, II, 312.

[3]) Отчеты *Карла-Августа Фридриху-Вильгельму II* отъ 12 октября 1787 года и 12 января 1788 года: *Ранке*, II, 315, 324.

Такъ налаживался новый патріотическій тріумвиратъ, болѣе важный, чѣмъ прежній, и обѣщавшій практическіе результаты. Герцогъ веймарскій оживился больше, чѣмъ когда-либо, и носился съ самыми розовыми мечтами. Онъ составлялъ подробные планы, постоянно разъѣзжалъ между Майнцемъ и Эрфуртомъ, переписывался съ курфюрстами, брался содержать на свой счетъ секретаря при союзномъ съѣздѣ, знакомаго съ государственнымъ правомъ Германіи. Зная безсиліе уніи, онъ особенно хотѣлъ подстрекнуть Пруссію къ живому участію въ дѣлѣ. Герцогъ писалъ подробныя донесенія Фридриху-Вильгельму II, наставляя его, ка́къ поступать. Онъ внушалъ ему поддержать Бёмера «въ его самой важной миссіи въ Германіи» и, сверхъ того, не медлить присылкой ему на подмогу Штейна, въ особенности же не охлаждать ревности этихъ агентовъ неумѣстнымъ экономничаньемъ, ка́къ бывало при Фридрихѣ, когда имъ просто не на что было жить. Герцогъ особенно настаивалъ сдѣлать внушеніе въ Дрезденѣ, гдѣ очевидно «хотятъ отдѣлаться» отъ съѣзда, въ крайнемъ же случаѣ приказать майнцскому владыкѣ открывать съѣздъ и безъ саксонскаго министра. Наконецъ, онъ серьёзно обращалъ вниманіе короля на герцога цвейбрюкенскаго, «который уже столько сто́итъ ему и обѣщаетъ стоить еще больше. Его необходимо привести въ порядокъ, какъ ни трудно это»—писалъ Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II:—«вѣдь онъ, пользуясь вашей добротой, беретъ проценты съ своего капитала капризовъ... Вы кидаете деньги въ пропасть. 100,000 талеровъ, которые вы только-что соблаговолили дать ему, употреблены такъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ фюрста, который смотритъ на казну вашего величества, какъ на свой кошелекъ, т.-е. считаетъ ее вѣчно открытою для него и неисчерпаемою: треть или почти половина суммы пошла на утоленіе жажды нѣкоторыхъ изъ кредиторовъ, остальное же въ его шкатулку, которая служитъ лишь преддверіемъ къ карманамъ мадамъ д'Езебекъ». Герцогъ совѣтовалъ королю непремѣнно поставить собственнаго министра въ Цвейбрюкенѣ, подъ угрозой прекратить субсидіи: это было бы также средствомъ слѣдить за французскими агентами, которые не переставали кружиться при карлсбергскомъ дворѣ. Но именно этого самаго важнаго совѣта не исполнилъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Онъ снова безконтрольно кинулъ въ «пропасть» 1.000,000 талеровъ золотомъ, впрочемъ подъ залогъ цвейбрюкенскихъ владѣній, а Максимиліану цвейбрюкенскому послалъ въ подарокъ собакъ [1]).

[1]) Документы у *Ранке*, II, 313—318, 338, 342.

Но усилія благороднаго патріота разбивались о препятствія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Прежде всего майнцскій владыка мѣшалъ быстрому ходу дѣла. При первыхъ же основательныхъ бесѣдахъ, послѣ выборныхъ пировъ, оказалось, что союзный съѣздъ интересовалъ его не столько по своей идеѣ, сколько по той роли вождя Германіи, которую предоставлялъ онъ ему. Владыка снова толковалъ не о преобразованіяхъ въ имперіи, а все о своихъ войскахъ, о деньгахъ да объ укрѣпленіи Майнца. При этомъ оказалось, что Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ ожидалъ получить субсидіи изъ Берлина: онъ брался «заботиться объ интересахъ Фридриха-Вильгельма II въ той странѣ». Карлъ-Августъ старался образумить владыку. Онъ доказывалъ, что въ церковномъ государствѣ не можетъ быть хорошаго военнаго устройства. Если бы даже лига дала субсидіи съ этою цѣлью, то ихъ нужно вручить извѣстному полковнику, герцогу брауншвейгскому. Вооруженія въ Майнцѣ даже опасны: они встревожили бы всю имперію, и ужъ больше никто не присталъ бы къ лигѣ. Да и дѣло ли это эрцканцлера имперіи? Тутъ Карлъ-Августъ запѣлъ свою обычную пѣсню: владыкѣ приличнѣе всего исключительно заняться имперскою конституціей [1]).

Эти переговоры такъ ни къ чему и не привели. Удачнѣе были слѣдующіе, мѣсяца четыре спустя, хотя и они испортили много крови герцогу веймарскому. Тутъ Карлъ-Августъ выступилъ, наконецъ, съ планомъ преобразовательной дѣятельности лиги. Вотъ сущность этого плана. По приглашенію эрцканцлера имперіи, въ Майнцѣ устроивается, подъ руководствомъ прусскаго посланника, Штейна, союзный съѣздъ (congrès de l'union) на демократическихъ началахъ: каждый членъ лиги, важный или ничтожный—все равно, имѣетъ голосъ. Цѣль съѣзда—подготовка проектовъ для представленія на сеймъ, гдѣ тотчасъ же должны быть составлены, для ихъ разсмотрѣнія, обычныя «депутаціи» или коммиссіи. Проекты, обсуждаемые всѣми сообща и, слѣдовательно, открыто, собственно не выходятъ изъ круга вѣдомства имперскаго сейма. Они касаются улучшенія свода законовъ, окружной администраціи и устройства судебныхъ визитацій. Подробные планы этихъ конституціонныхъ преобразованій должны быть выработаны лучшими правовѣдами союзниковъ. А въ кабинетахъ фюрстовъ нужно тайно придумать мѣры къ утвержденію и защитѣ правъ князей. Сюда относятся весьма важныя задачи. Слѣдуетъ устранить взаимные раздоры, вѣчно губившіе имперію:

---

[1]) *Ranke*, I, 384; II, 311.

для этого нужно изыскать средства къ распространенію лиги, въ особенности же среди духовныхъ фюрстовъ, а также разсмотрѣть сообща самый трактатъ союза князей. Больше всего нужно постараться оградить имперію отъ притязаній ея главы. Для этого теперь же составляются новыя избирательныя условія. Всякимъ принцамъ, въ особенности же австрійскимъ, воспрещается занимать мѣста владыкъ. Разсматривается вредный «привилегіумъ» 1156 года, отдѣляющій Австрію отъ Германіи. Изыскиваются средства противодѣйствовать Габсбургамъ пріобрѣсти Баварію насильственно или хитростью. Касательно же вообще нарушенія владѣтельныхъ правъ фюрстовъ слѣдуетъ поступать такъ. При малѣйшей тревогѣ эрцканцлеръ немедленно извѣщаетъ всѣхъ союзниковъ. Каждый изъ послѣднихъ дѣлаетъ представленіе императору, потомъ имперскому сейму и, наконецъ, поручителямъ за вестфальскій и тешенскій миры [1]). Герцогъ веймарскій придавалъ особенное значеніе этой «весьма конституціонной» мѣрѣ. «Отсутствіе ея—пояснялъ онъ Фридриху-Вильгельму II—доселѣ придавало союзу видъ бездѣйствія и страдательной роли, чтó, конечно, вредило ему въ глазахъ еще не приставшихъ фюрстовъ... Къ тому же, при ней императоръ былъ бы осторожнѣе: онъ больше уважалъ бы имперскія права, если бы, при его насиліяхъ, громко поднимались голоса противъ несправедливости» [2]).

Карлъ-Августъ былъ увѣренъ, что принятіе его плановъ, кромѣ обезпеченія правъ и владѣній фюрстовъ, ускорило бы ходъ дѣлъ на имперскомъ сеймѣ, такъ какъ каждое предложеніе встрѣтило бы тамъ умы, уже подготовленные и согласованные. Союзный съѣздъ могъ бы даже сноситься, съ этой цѣлью, съ тѣми князьями, которые еще не приступили къ лигѣ.

Но чтó могъ ожидать пылкій патріотъ въ будущемъ для своего любимаго плана, когда онъ въ собственномъ кружкѣ тотчасъ же встрѣтилъ затрудненія? Между тѣмъ, какъ Дальбергъ отнесся къ проекту преобразованій съ свойственной ему восторженностью, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ обнаружилъ страхъ и подозрительность, сталъ возражать и затягивать дѣло. Онъ соглашался только съ

---

[1]) Самое полное и вѣрное изложеніе плана реформъ у *Гёрца* (II, 221 sq.). У *Ранке* (II, 318 sq.) неполный текстъ. Самъ онъ разсказываетъ (I, 387) ближе къ Гёрцу, чѣмъ къ своему документу; то же и *Гейссеръ* (I, 277). И въ рескриптѣ Фридриха-Вильгельма (*Ranke*, II, 331) упоминается то, чтó есть у Гёрца и чего нѣтъ въ документѣ Ранке. Cf. *Карлъ-Августъ Гарденбергу*, отъ 2-го ноября 1787: *Ranke*, II, 321. Донесеніе Штейна отъ 13-го января 1788 года: тамъ же, 325.

[2]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму*, отъ 12-го января 1788 года: *Ranke*, II, 323.

явною, т.-е. самою невинною дѣятельностью союзнаго съѣзда, да и то желалъ ограничиться сначала только визитаціей имперскихъ судовъ. Существенная же часть проекта—тайная работа княжескихъ кабинетовъ, совсѣмъ не понравилась владыкѣ. Избирательныя условія онъ пропустилъ мимо ушей, опасаясь обидѣть курфюрстовъ, которые считали ихъ своей привилегіей: ему и самому, какъ курфюрсту, не хотѣлось дѣлиться этимъ правомъ съ фюрстами! А самую важную мѣру—самозащиту князей—онъ нашелъ излишнею, опасною, незаконною [1]). Карлъ-Августъ принужденъ былъ напомнить о ней владыкѣ въ новомъ мемуарѣ. Но напрасно надѣялся онъ такъ «воодушевить его, чтобы онъ не позволялъ своимъ подчиненнымъ затягивать дѣло и приказалъ бы имъ серьёзно собирать всѣ необходимые матеріалы для предложеній, которыя долженъ обсуждать союзный съѣздъ» [2]).

Правда, Карлъ-Августъ могъ утѣшаться хоть тѣмъ, что главное было спасено—владыка согласился на союзный съѣздъ. Но вскорѣ вопросъ о внѣшней формѣ этого событія снова чуть не разрушилъ всего предпріятія. При извѣстныхъ свойствахъ нѣмецкой имперіи и ея чиновъ, это была едва ли не самая трудная задача. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, съ одной стороны, заносчивость и страхъ фюрстовъ, ихъ тщеславіе и педантизмъ въ этикетѣ, съ другой—опасеніе огласки съѣзда, которая подняла бы на ноги австрійскую дипломатію. Не должно забывать также, что и здѣсь нельзя было иначе подвинуть майнцскаго владыку, какъ предоставивъ ему инициативу. Для устраненія всѣхъ этихъ затрудненій, Карлъ-Августъ, вмѣстѣ съ Дальбергомъ и Штейномъ придумали мудреный планъ, основанный на мысли о непосредственномъ участіи въ съѣздѣ всѣхъ союзныхъ фюрстовъ. «Дѣло—говорили они—пріобрѣтетъ особенный вѣсъ, если вполнѣ обнаружатся нужды и требованія большинства благонамѣренныхъ чиновъ. Оно лучше подойдетъ къ общему положенію дѣлъ и больше понравится всѣмъ, если каждый будетъ польщенъ личнымъ участіемъ въ немъ». «Присутствіе Эдельсгейма — доносилъ Штейнъ своему королю — сильно заставило меня почувствовать необходимость старательно щадить щекотливость фюрстовъ (menager soigneusement les apparences du côté des Princes), чтобы они отнюдь не думали, будто курфюршескіе дворы намѣрены имѣть надъ ними законодательную

---

[1]) *Ранке*, по новымъ документамъ, I, 387—389.

[2]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму*, отъ 12-го января 1788 года: *Ranke* II, 324.

власть. Одно подозрѣніе въ этомъ подавило бы истинно-союзный духъ, посѣявъ недовѣріе и недовольство». Но, съ другой стороны, «должно всячески избѣгать гласности и не затрогивать противной партіи; а большое. собраніе депутатовъ поставило бы непреодолимыя препятствія дѣятельности съѣзда; къ тому же, если каждый фюрстъ пришлетъ въ Майнцъ своего особеннаго министра, то собраніе приметъ видъ какого-то псевдо-сейма, а это дало бы возможность врагамъ бросить ложный свѣтъ на унію» [1]). Поэтому патріоты предложили владыкѣ слѣдующій проектъ циркуляра всѣмъ союзнымъ фюрстамъ, и такъ искусно, что онъ принялъ его за собственное изобрѣтеніе [2]). Архіепископъ майнцскій приглашаетъ всѣхъ союзныхъ князей участвовать въ съѣздѣ, но не лично, а поручивъ свои голоса пребывающимъ у него министрамъ Саксоніи, Ганновера и Бранденбурга, или же сносясь съ нимъ самимъ письменно. Предметъ совѣщаній указывается въ циркулярѣ слишкомъ обще—одной фразой объ улучшеніи конституціи [3]).

Но и этимъ дѣло не кончилось. Когда пришлось разсылать циркуляръ, владыка вдругъ объявилъ тремъ патріотамъ: «Зная, сколько зла принесъ религіозный расколъ, я не желаю, чтобы подумали, будто мнѣ хочется образовать третью партію въ имперіи. Оттого-то я не сдѣлаю шагу безъ вѣдома трехъ курфюршескихъ дворовъ, которые, какъ первые изъ князей, вступившихъ въ унію, должны считаться августѣйшими основателями союзной системы». Владыка предварительно послалъ свой циркуляръ въ Ганноверъ и Берлинъ и просилъ прусскаго короля передать его въ Дрезденъ съ приличнымъ внушеніемъ. Но въ то же время Фридрихъ-Вильгельмъ II, въ свою очередь, получилъ черезъ Штейна слѣдующее объясненіе отъ истинныхъ авторовъ циркуляра. Необходимо указать въ циркулярѣ прямо на опредѣленную цѣль—именно на визитацію имперскихъ судилищъ: иначе «люди подозрительные и боязливые будутъ испуганы покровомъ тайны». Король долженъ былъ намекнуть на это въ своемъ отвѣтѣ на циркуляръ. Сверхъ того, чтобъ успокоить фюрстовъ, онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ Георгомъ III, увѣрить болѣе близкихъ къ нему, что «ничего не будутъ дѣлать безъ

---

[1]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II*, отъ 12-го января 1788 года и *Rapport de M. de Stein*, 13 Janvier 1788: *Ranke*, II, 822, 826, 827.

[2]) Что авторство принадлежитъ здѣсь герцогу веймарскому, это очевидно изъ отчета Штейна: *Ranke*, II, 825.

[3]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму II*, отъ 12-го января 1788 года: *Ranke*, II, 322 sq.

вѣдома и общаго согласія членовъ союза». Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ посовѣтовать фюрстамъ избрать форму переписки съ майнцскимъ владыкой. «Этимъ путемъ все узнаемъ; ничьи мысли не подвергнутся прямому противорѣчію, а понявши нужды всѣхъ, найдемъ средства противъ каждой язвы; что же касается фюрстовъ, то каждый изъ нихъ будетъ имѣть удовольствіе найти въ принятыхъ здѣсь рѣшеніяхъ что-нибудь пріятное ему лично, какую-нибудь мысль или оборотъ, честь котораго онъ можетъ приписать себѣ» [1]).

Едва успѣли патріоты кое-какъ поладить дѣло въ собственной средѣ, какъ оно уже столкнулось съ внѣшними препятствіями, и гораздо болѣе серьёзными, потому что они сосредоточивались въ Берлинѣ. Какъ только идея княжеской демократіи, уже принимавшая жизненную форму, попала въ кругъ княжеской аристократіи, она начала замирать. Ганноверъ просто отмалчивался, а Дрезденъ выказывалъ больше, чѣмъ равнодушіе: очевидно, прусскій король не шевельнулъ здѣсь пальцемъ. Тогда Карлъ-Августъ писалъ брауншвейгскому министерству: «Дѣла уніи немного вздремнули... и, кажется, въ Берлинѣ» [2]). Вскорѣ все объяснилось. Герцбергъ представилъ такое мнѣніе своему королю: «Подобное собраніе (союзный съѣздъ) было бы незаконнымъ расколомъ и, такъ-сказать, *противо-сеймомъ*. Все, что союзъ можетъ дѣлать законно — это подготовлять матеріалы для реформъ путемъ тайнаго соглашенія. И это именно можетъ происходить въ Майнцѣ, подъ руководствомъ курфюрста, черезъ посредство министровъ четырехъ курфюршескихъ дворовъ, какъ отъ ихъ собственнаго имени, такъ и отъ имени всякаго союзника, по его уполномочію и инструкціи. Посему хорошо бы было уклониться какъ отъ съѣзда въ Майнцѣ, такъ и отъ циркуляра отъ имени курфюрста: иначе все это повело бы только къ безвременному шуму и ко враждебнымъ движеніямъ Австріи».

Король одобрилъ мнѣніе своего министра [3]), и въ этомъ смыслѣ, въ февралѣ 1788 года, былъ посланъ рескриптъ Штей-

---

[1]) *Rapport de M. de Stein*, 18 Janvier 1788: *Ranke*, II, 324—328.

[2]) *Карлъ-Августъ Гарденбергу*, отъ 2-го ноября 1787 года: *Ranke*, II, 320.

[3]) *Ранке* (I, 394), у котораго вообще эта крайне важная глава (XIX) отличается нѣкоторой небрежностью въ изложеніи, проводитъ невѣрную мысль, будто Фридрихъ-Вильгельмъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ Герцбергъ. Это не подтверждается ни однимъ фактомъ, а между тѣмъ опровергается какъ всею тогдашнею политикой прусскаго короля, такъ и прямымъ документальнымъ свидѣтельствомъ *Гёрца* (II, 222 sq.).

ну, имѣющій рѣшительное значеніе въ исторіи союза князей. Здѣсь герцогъ веймарскій былъ превознесенъ до небесъ за свой «патріотизмъ, за дѣятельность, необыкновенныя познанія, просвѣщенный взглядъ и прозорливость». Но король прямо высказался какъ противъ съѣзда, такъ и противъ циркуляра, «опасаясь поднять тревогу въ Вѣнѣ и во всѣхъ не-союзныхъ государствахъ». Онъ предлагалъ союзнымъ фюрстамъ только то, что было въ мнѣніи Герцберга. Что касается предметовъ «тайнаго соглашенія», Фридрихъ-Вильгельмъ, подобно Фридриху-Карлу-Іосифу, но только еще рѣшительнѣе, отстранялъ все существенное — именно вопросы о самозащитѣ фюрстовъ, о привилегіяхъ австрійскаго дома, о визитаціи вѣнскаго надворнаго совѣта и объ избирательныхъ условіяхъ. О послѣднихъ даже было сказано откровенно, что «курфюршеская коллегія всегда сохраняла ихъ за собой исключительно». Столь же ясно обнаружились стремленія союзнаго аристократизма въ слѣдующей фразѣ: «Не думаю, чтобы было необходимо передѣлывать (refondre) трактатъ уніи, такъ какъ, по моему мнѣнію, въ немъ содержатся всѣ существенные пункты, и *измѣненія могли бы встрѣтить препятствія*». Даже о Баваріи въ Берлинѣ пѣли старую пѣсню, къ которой прислушались союзники еще при покойномъ королѣ: «такъ какъ нельзя заранѣе предвидѣть, что сдѣлаетъ вѣнскій дворъ въ этомъ отношеніи, то и унія не можетъ заранѣе ничего предпринять, а потому слѣдуетъ ограничиться наблюденіемъ за тѣмъ, что происходитъ». Мало того. Тутъ стояла сильная фраза: «Не думаю, чтобы союзные князья захотѣли, *помимо трехъ курфюрстовъ*, договориться въ Майнцѣ насчетъ опредѣленной помощи для воспрепятствованія раздробленію Баваріи» [1]).

Тогда же веймарскому министерству была послана нота въ томъ же смыслѣ [2]). Ее составлялъ Гёрцъ, который тогда уже разошелся съ своимъ воспитанникомъ во взглядѣ на свой долгъ передъ «отечествомъ» и передъ «прусскимъ домомъ».

Итакъ, въ Берлинѣ опять все сводилось къ старой пѣснѣ, предшествовавшей союзу — къ «тайной подготовкѣ матеріаловъ», да къ «наблюденію за тѣмъ, что происходитъ». Значитъ, послѣ множества хлопотъ и шума не двинулись впередъ ни на шагъ. Мало того. Такъ какъ патріоты выработали, наконецъ, планъ, придававшій ихъ мечтамъ форму и практическое значеніе, то

---

[1]) *Рескриптъ Штейну* отъ 2-го февраля 1783 года: *Ranke*, II, 328—332.— Cf. *Gortz*, II, 223 sqq.

[2]) *Görtz*, II, 225.

противныя стремленія принуждены были также обнаружиться ясно: ихъ демократическій принципъ вызвалъ на свѣтъ властолюбивые замыслы союзной аристократіи, которые таились до тѣхъ поръ подъ покровомъ патріотическихъ фразъ. Съ февральскаго рескрипта Фридриха-Вильгельма началось настоящее разочарованіе патріотовъ, которые доселѣ все еще не теряли надеждъ. До этого момента у нихъ лишь временно прорывались то сомнѣнія и опасенія, то горечь оскорбленнаго чувства; теперь же они должны были совсѣмъ опустить руки. Карлъ-Августъ назвалъ слова прусскаго короля «герцбергщиной» (Herzbergianum), а похвалы «желаніемъ побольше набальзамировать» его [1]). У пруссака Штейна еще яснѣе обнаружилась вся горечь разочарованія и полное паденіе духа. Онъ желчно осмѣивалъ нѣмецкіе порядки и старался утѣшить своего пріятеля образною и пылкою, но крайне оригинальною и грубою рѣчью.

«Хороши сѣмена, сѣянныя вами,—писалъ онъ герцогу,—и падаютъ они на порядочную почву... Но *тамъ* написано... и является дьяволъ, и вырываетъ онъ ихъ изъ сердецъ. Что́ тутъ подѣлаешь! И къ чему тутъ всякое писаніе... хотя бы такое, какъ ваше, вполнѣ достойное печати!.. Коадъюторъ вытрясаетъ теперь своего стекольщика, Струве, съ товарищи, и здорово осѣдлалъ ихъ, чтобы снять бѣльмо съ глазъ господъ саксонцевъ, которые утверждаютъ, будто въ Германіи не можетъ быть общаго права. Это будетъ страшно ученая вещь и, кажется, доступная даже не латинскимъ смертнымъ, если только онъ сдержитъ свое обѣщаніе и дастъ людямъ, пишущимъ по-нѣмецки, пустить въ ходъ рубанокъ и пилу послѣ его молота». По поводу переписки герцога съ саксонскимъ министерствомъ, Штейнъ замѣтилъ: «Крайне важно, чтобы вы познакомились со всѣми этими достопочтенными господами. Вотъ, если бы вы поговорили часокъ съ его великобританскимъ величествомъ, а мнѣ пришлось бы изложить моему королю все по пунктамъ, ясно расположивъ всѣ «да» и «нѣтъ», тогда оказалось бы, что лишь послѣ $4^1/_2$ мѣсяцевъ и по крайней мѣрѣ 200 писемъ поняли бы мы, чего намъ хочется, и должны ли мы начинать дѣло, и какъ! И тогда только весь этотъ хаосъ войдетъ, такъ сказать, въ нѣкотораго рода колею!.. Боже избави, чтобы я повѣрилъ или понадѣялся, что наша милая унія не соскочитъ съ колеи, еслибъ даже она попала туда! Такимъ мечтамъ можетъ предаваться лишь тотъ, кто въ состояніи представить себѣ майнцскаго владыку—дѣятельнымъ, Герцберга—ду-

[1]) *Карлъ-Августъ Штейну*, отъ 9 февраля 1788: *Ranke*, II, 332.

мающимъ и читающимъ, прежде чѣмъ подписать бумагу, Бейльвица — не регенсбургскимъ педантомъ, а саксонское министерство—не размышляющимъ вѣчно о богемской границѣ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы мы съ вами когда-либо еще разъ поддались искушенію подобныхъ призраковъ. Но лишь бы не вонъ изъ колеи, а тамъ, если Богъ благословитъ, дѣло наладится къ концу августа — срокъ, до котораго я надѣюсь еще прогуливаться въ этомъ политическомъ лабиринтѣ. До тѣхъ же поръ на письменномъ столѣ изъ краснаго дерева въ ашаффенбургскомъ кабинетѣ (т.-е. у майнцскаго владыки) будетъ лежать планъ будущей визитаціи имперскаго суда, какъ наиспасительнѣйшая (heilsamstersfriesslichstes) мѣра къ истинному благополучію имперіи. И будетъ сдѣланъ объ немъ самый разнаиподданнѣйшій (allersubmisesest gehorsamst und unterthänigst) докладъ всѣмъ высочайшимъ и высокимъ союзнымъ дворамъ [1])... Вспоминаю милостивое обѣщаніе не держать меня, какъ только я самъ скажу, что болѣе не могу приносить пользы: за 3500 талеровъ Augustissimus (прусскій король) найдетъ цѣлый десятокъ людей, которые охотнѣе меня будутъ трижды въ недѣлю кушать съ Eminentissimo in pontificalibus и, за недостаткомъ другихъ духовныхъ занятій, станутъ писать Suplement во «Франкфуртскій Журналъ» [2]).

Между тѣмъ какъ Штейнъ совсѣмъ отдѣлывался отъ «призраковъ», Карлъ-Августъ все еще немного поддавался ихъ «искушенію». Этотъ упорный и неутомимый патріотъ не могъ съ-разу разстаться съ идеей, которую лелѣялъ такъ долго въ своихъ мечтахъ, съ дѣломъ, безъ котораго онъ не видѣлъ цѣли въ своей жизни. Онъ дѣлалъ послѣднія попытки, чтобы совѣсть не упрекнула его потомъ въ нерадѣніи къ общему благу націи. Герцогъ веймарскій пошелъ даже на уступки, чтобы въ уніи сохранилось хоть подобіе дѣятельности, съ чего можно бы было начать работу потомъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Онъ отправилъ къ Герцбергу новый проектъ, болѣе приближающійся къ плану майнцскаго владыки и къ прусскому рескрипту. По мнѣнію герцога, необходимо было тотчасъ же извѣстить циркуляромъ всѣхъ союзниковъ, чтобы они дали свои полномочія курфюршескимъ посланникамъ въ Майнцѣ. Самъ онъ соглашался поручить свои интересы Штейну, а за нимъ должны пойти Мекленбургъ,

---

[1]) Слѣдуетъ непереводимая игра словъ: „und zuglich von Ihnen der Union, Des-Union, Unirtem und Nicht-Unirtem Geleyre etc. unterthänigster Abschied genommen werden soll und wird". Все письмо Штейна написано подобнымъ же капризнымъ и сильнымъ языкомъ.

[2]) *Штейнъ Карлу-Августу*, отъ 11-го апрѣля 1788 года: *Ranke*, II, 352—354.

Аншпахъ и Ангальтъ, точно также какъ Брауншвейгъ и Гота примкнутъ къ Ганноверу. Тутъ же герцогъ выразилъ сожалѣніе, что пропустили безъ вниманія новыя попытки Австріи въ Цвейбрюкенѣ и Констанцѣ, точно также какъ насилія въ Пассау: слѣдовало бы громко поднять голосъ противъ нихъ [1]). Въ то же время Карлъ-Августъ развѣдывалъ о настроеніи Ганновера и Саксоніи. Тогда-то онъ послалъ Лёвену, вмѣстѣ съ нотой Гёрца, то горячее патріотическое письмо насчетъ нѣмецкаго «авось», которое мы привели выше.

Отвѣты на эти послѣднія усилія должны были окончательно снять повязку съ глазъ патріотовъ. Трудно придумать болѣе сильный контрастъ, чѣмъ тонъ въ письмѣ Карла-Августа къ Лёвену и въ отвѣтѣ послѣдняго. Саксонскій министръ писалъ холодно и даже поучительно, что «истинная цѣль ассоціаціи — сохраненіе, а *не улучшеніе* имперской конституціи». Въ его глазахъ послѣдняя была такъ хороша, что «никто ни изъ государей, ни изъ подданныхъ Германіи не отдастъ преимущества передъ нею никакой другой конституціи въ Европѣ». Исправленіе такой конституціи «не только сопряжено съ безконечными затрудненіями, но и могло бы повести къ разрушенію какъ прежнихъ, такъ и новыхъ связей между имперскими чинами, а, пожалуй, даже содѣйствовало бы тѣмъ самымъ замысламъ, противъ которыхъ оно направлено». Саксонія шла дальше Пруссіи. Она прямо высказалась даже противъ тайной переписки между курфюрстами и князьями, такъ какъ у нея нѣтъ такихъ друзей среди фюрстовъ, съ которыми она могла бы бесѣдовать о подобныхъ дѣлахъ. Напротивъ, трое курфюрстовъ должны совѣщаться лишь между собою и рѣшить, чтó, кáкъ и когда можно сообщить остальнымъ союзникамъ. Только при этомъ условіи унія не будетъ выдѣляться, въ мирное время, какъ «отдѣльный отъ имперіи корпусъ» [2]).

Изъ Ганновера пришелъ подобный же отвѣтъ, только, конечно, составленный по всѣмъ правиламъ казуистики имперскаго права. Имперскіе законники доказывали, что одна мысль объ исправленіи малѣйшей буквы священной конституціи и объ устройствѣ неуказаннаго въ ней союзнаго съѣзда равняется уголовному преступленію. Вскорѣ вскрылась особенно любопытная причина, побуждавшая Дрезденъ и Ганноверъ къ такимъ слишкомъ

[1]) *Ranke*, I, 395 sq.

[2]) *Карлъ-Августъ Левену* отъ 12-го апрѣля 1788 года: *Görtz*, II, 227 sq. То-же отъ 30-го марта: *Ranke*, II, 319 sq.

откровеннымъ и суровымъ заявленіямъ. Герцогу веймарскому попалось письмо ганноверскаго министерства дрезденскому, о которомъ Штейнъ сказалъ: «оно лучше всего доказываетъ, какъ мало охоты у этихъ господъ помогать успѣхамъ союзной системы. Я убѣжденъ, что это зависть къ успѣхамъ короля (прусскаго) внушаетъ имъ такое поведеніе и заставляетъ ихъ, подъ покровомъ педантства XVI вѣка и языка временъ реформаціи, таить довольно ясное желаніе все портить здѣсь, чтобы не дать постепенно увеличиваться вліянію нашего двора» [1]).

Теперь Карлъ-Августъ уже не сталъ сочинять проекты, не сталъ совѣтовать, требовать, разъѣзжать по фюрстамъ. Онъ только изливалъ свое горе и негодованіе въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ союзной аристократіи. Герцогъ твердо доказывалъ Лёвену, что саксонскій взглядъ на союзъ князей совершенно ложенъ. Напротивъ, унія не должна таиться: «публика должна быть убѣждена, что благонамѣренные, предусмотрительные и патріотическіе фюрсты всегда готовы сильно поддерживать другъ друга; это ободряло бы множество разъединенныхъ и слабыхъ членовъ имперіи и внушало бы нѣмецкому обществу довѣріе къ уніи». Отдѣльныя совѣщанія трехъ курфюрстовъ послужили бы только къ новымъ промедленіямъ и препятствіямъ. Кромѣ того, они показали бы недовѣріе къ фюрстамъ и даже имѣли бы видъ «новой уніи въ уніи». Наконецъ, опредѣляя, что̀ именно должно быть доведено до свѣдѣнія князей, трое курфюрстовъ, по собственному соизволенію, устраняютъ послѣднихъ отъ многихъ дѣлъ. Это—обычай имперскаго сейма; а если брать сеймъ за образецъ, то нужно распрощаться съ уніей. Въ такомъ случаѣ ужъ лучше курфюрстамъ отстранить всю имперію и составить союзъ лишь между собой. Унія, пока она остается уніей, предполагаетъ равноправность; она соединяетъ всѣхъ для одного долга и требуетъ отъ каждаго чина однѣхъ и тѣхъ же жертвъ, усердныхъ совѣтовъ и помощи. Курфюрсты присвоили себѣ право составлять избирательныя условія...; но это дѣло всѣхъ союзныхъ чиновъ вообще, а не князей, раздѣленныхъ на классы. И черезъ это не пострадали бы права курфюрстовъ, точно также какъ не возвысились бы права фюрстовъ. Всякій же другой образъ дѣйствій повелъ бы лишь къ недовѣрію и соперничеству, и убилъ бы въ зародышѣ мысль о серьёзномъ соединеніи». Всѣ эти краснорѣчивыя изліянія патріотизма, конечно, ничего не значили: они и вытекали уже не изъ вѣры въ дѣло, а изъ сознанія долга. «Мое желаніе

---

[1]) *Ranke*, I, 394, 400.—*Görtz*, II, 228.

—такъ заключаетъ Карлъ-Августъ свои возраженія дрезденскому двору—мое желаніе—предупредить паденіе зданія, основы котораго только-что заложены. А это зданіе должно было сдѣлать честь нашему направленію и нашему вѣку. И если его нельзя сохранить, то меня хоть не упрекнутъ въ пренебреженіи имъ» [1]).

Въ тотъ же день Карлъ-Августъ отправилъ подобную же іеремiаду къ Герцбергу [2]). «Если бы—писалъ онъ — спросили меня теперь, есть ли у этой нѣмецкой уніи настолько энергіи, чтобы защитить права угнетенныхъ, живутъ ли въ ней тотъ духъ и тѣ принципы, по которымъ союзъ долженъ преслѣдовать цѣли, приписываемыя ему общественнымъ мнѣніемъ; если бы спросили, настолько ли соединены эти мнимо-соединенные фюрсты, чтобы вести особенную политику, серьёзную, выходящую изъ круга обычныхъ дѣлъ имперскаго сейма,—я отвѣтилъ бы чистосердечно: совѣтую тебѣ успокоиться! Германія не въ состояніи выдти изъ подчиненнаго положенія, въ которое она поставлена собственнымъ бездѣйствіемъ. У большинства ея чиновъ нѣтъ настолько нервовъ, чтобы взяться за великія дѣла. Вовсе не думая пользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы подняться какъ нація и употребить свое единство для спасительныхъ мѣръ, Германія предпочитаетъ убаюкиваться современнымъ порядкомъ вещей и думаетъ—вотъ высшій идеалъ хорошей конституціи, которой не смѣйте касаться!»

Такъ разгоралась вражда между союзной демократіей и аристократіей. И чѣмъ больше надѣялись патріоты на Пруссію, тѣмъ строже относились они къ ней. Перекоры между Веймаромъ и Берлиномъ уже грозили перейти въ открытую литературную борьбу. Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, который, подобно своему дядѣ, дорожилъ своей патріотической ролью, какъ орудіемъ прусскихъ интересовъ, встревожился. Онъ прислалъ Карлу-Августу любезное письмо и назначилъ его командиромъ одного изъ лучшихъ прусскихъ полковъ. Герцогъ отвѣчалъ холодною благодарностью [3]). Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ нему Гёрцъ для переговоровъ. Герцбергъ признавался черезъ него, что дѣйствительно была сдѣлана ошибка, «изъ которой проистекло недовольство, холодность и даже недовѣріе»: слѣдовало увѣдомлять союзныхъ фюрстовъ о дѣлахъ уніи. Онъ предлагалъ теперь, чтобы прусскій и ганноверскій посланники въ Майнцѣ находились въ шифрованной

[1]) *Карлъ-Августъ-Лёвену въ Дрезденъ*, отъ 30 марта 1788 г.: *Ranke*, II, 349—325.

[2]) *Карлъ-Августъ Герцбергу*, отъ 29 марта 1788: *Häusser*, I, 280.

[3]) *Карлъ-Августъ Фридриху-Вильгельму*, отъ 17 февраля 1788 года: *Ranke*, II, 337.

перепискѣ или съ самими фюрстами, или съ ихъ министерствами. Герцогъ веймарскій послалъ этотъ планъ къ пріятелямъ, замѣтивъ, что онъ «вполнѣ принадлежитъ Гёрцу» [1]).

На этомъ и прервалось развитіе союза князей. Всякій уже понималъ, что̀ значило раскаяніе и патріотическое предложеніе Пруссіи, потому что въ это же самое время Карлъ-Августъ получалъ все новыя и новыя оскорбленія изъ Берлина. Такъ, герцогъ зорко слѣдилъ за голландскимъ дѣломъ, въ интересахъ Германіи. Онъ не раздѣлялъ тутъ взгляда Фридриха-Вильгельма II, и считалъ долгомъ патріота высказаться. Онъ послалъ въ Берлинъ обстоятельный «голландскій мемуаръ», направленный противъ англійскаго союза, который «имѣлъ бы такія же послѣдствія для Пруссіи, какъ вѣчная уступчивость Іосифа II относительно Екатерины». При этомъ союзѣ, говорилъ герцогъ, «у насъ на плечахъ очутилась бы та широкая политическая дѣятельность, которую Герцбергъ считаетъ вѣрнымъ признакомъ первостепенной державы, тогда какъ другіе, менѣе дальновидные люди, признаютъ ее опасною и вредною для спокойствія и сплоченности (Dichtigkeit) Европы». Но въ Потсдамѣ желали выработать изъ этого даровитаго нѣмца вѣрнаго слугу Пруссіи, а не германскаго политика. Фридрихъ-Вильгельмъ посылалъ Карла-Августа съ своимъ полкомъ воевать въ Голландію, но не хотѣлъ слышать его разсужденій объ этой странѣ. Герцогу даже не отвѣчали на его голландскій мемуаръ. Тогда онъ сталъ добиваться, чтобы ему хоть показали договоръ съ Голландіей, о которомъ онъ какъ-то прослышалъ. И тутъ отказъ. Карлъ-Августъ обратился-было за разъясненіями къ Фердинанду брауншвейгскому; но тотъ оставилъ безъ отвѣта четыре его письма. Тогда онъ написалъ новому свѣтилу въ Потсдамъ, интригану и лицемѣру Бишофсвердеру, письмо, полное горечи и чувства оскорбленнаго достоинства. Герцогъ просилъ: «Какъ прежде я охотно свидѣтельствовалъ мое почтеніе королю лично въ Берлинѣ и желалъ пріятельски бесѣдовать съ вами, мой дорогой другъ, такъ теперь убѣдительнѣйше прошу васъ избавить меня отъ всякихъ приглашеній въ Берлинъ или Потсдамъ, безъ крайней нужды» [2]).

Исторія союза князей оканчивается точно такъ же, какъ и исторія предшествовавшаго ему «броженія» у фюрстовъ. Развитіе уніи остановилось по внутренней причинѣ—въ силу раздоровъ между самими союзниками. Собственно говоря, лишь самые не-

---

[1]) *Письмо Карла-Августа*, отъ 19-го марта 1788 года: *Ranke*, II, 354—357.

[2]) *Карлъ-Августъ Бишофсвердеру*, отъ 17-го февраля 1788 года: *Ranke*, II, 334 *sq*.

значительные фюрсты заботились о благѣ «отечества». Всякій же, чувствовавшій въ себѣ извѣстную силу, преслѣдовалъ лишь свои эгоистическія цѣли. Ландграфъ кассельскій старался ограбить своего ничтожнаго сосѣда. Майнцскій владыка лавировалъ между слабыми и сильными, желая такъ захватить въ свои руки первыхъ, чтобы не попасться въ то же время въ руки вторыхъ. Трое курфюрстовъ-основателей уніи составляли наиболѣе эгоистичную и сплоченную касту въ союзѣ. Они всегда дѣйствовали дружно, когда нужно было усмирить высокомѣріе майнцскаго владыки или держать въ должномъ подчиненіи демократію союза. Но въ сущности они были взаимными врагами, завидовали другъ другу, подозрительно слѣдили одинъ за другимъ. Саксонія и Ганноверъ составляли какъ-бы тайную коалицію противъ успѣховъ Пруссіи въ Германіи.

Такъ какъ національное дѣло остановилось, то, по общему закону, оно должно было все больше и больше пятиться назадъ: унія должна была постепенно разваливаться. Именно тогда же, въ началѣ 1788 года, явился первый признакъ подготовлявшейся реакціи. Баденъ обнаруживалъ свойственное фюрстамъ стремленіе отдѣлиться, образовать «частную унію». «Маркграфу — писалъ Карлъ-Августъ — не сидится спокойно». Виной тому былъ герцогъ вюртембергскій. Встревоженный опасными притязаніями Іосифа, онъ рѣшился сблизиться съ врагами и самъ намекнулъ въ Баденѣ на свое желаніе пристать къ уніи на извѣстныхъ условіяхъ. Энергическій маркграфъ тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ, чтобы составить важный оборонительный планъ, соединивши всю Швабію, съ прибавкой Верхняго и Нижняго Рейна. Замыселъ не былъ лишенъ значенія, потому что одна Швабія могла выставить болѣе 30,000 войска. Карлъ-Августъ отовсюду старался извлечь пользу для своего отечества. Онъ писалъ прусскому королю, что было бы хорошо, еслибъ къ новой уніи присоединился Дальбергъ, какъ коадъюторъ констанцскій, и еслибъ Англія, Ганноверъ и Гессенъ снабдили ее своей кавалеріей и артиллеріей: тогда составился бы грозный корпусъ, который могъ бы защищать Баварію, съ фланга, отъ Австріи и западную границу Германіи отъ Франціи. Но Фридрихъ-Вильгельмъ II отвѣчалъ, что не надѣется на герцога вюртембергскаго, да онъ и старъ: прежде чѣмъ вступать въ переговоры, нужно хорошенько узнать его намѣренія, въ особенности же мысли его братьевъ [1]).

---

[1]) *Карлъ-Августъ Штейну*, отъ 9 февраля, и *Фридриху-Вильгельму*, отъ 17 февраля 1788 года, и *Фридрихъ-Вильгельмъ Карлу-Августу*, отъ 28 февраля 1788 г.: *Ranke*, II, 333, 336—338.

Среди такого-то печальнаго положенія великаго дѣла Фридриха II появился новый памфлетъ Іоганна Мюллера, вовсе не похожій на первый (гл. XXI). Въ «Изображеніи союза князей» авторъ былъ полонъ надеждъ; онъ называлъ лигу «гордостью вѣка», «богатою послѣдствіями эпохой возрожденной любви къ отечеству» и тому подобными изобрѣтеніями риторическаго пафоса. Въ «Ожиданіяхъ Германіи отъ союза князей» [1]) онъ полонъ того разочарованія, которое такъ краснорѣчиво и тепло заявлено въ перепискѣ Карла-Августа, Штейна и Дальберга. «Если конфедерація—восклицаетъ онъ—дремлетъ уже на третьемъ году своего существованія, то сохранится ли въ ней дыханіе на седьмомъ году?» Основная мысль новаго сочиненія Мюллера та, что союзъ князей обманулъ надежды патріотовъ, ибо удовольствовался «уничтоженіемъ баварскаго плана и значенія Франціи въ Голландіи». Но это значитъ только сохранить status quo въ Германіи, «а если такова задача союза, то онъ—самая обыденная политика, вожди которой не заслуживаютъ награды отъ націи и потомства». Ибо что̀ такое существующій порядокъ? «Нѣтъ ни закона, ни правосудія, ни безопасности отъ произвольныхъ налоговъ; нѣтъ ни на одинъ день увѣренности въ цѣлости нашихъ дѣтей и чести, нашихъ свободъ и правъ; мы безпомощная добыча насилія; мы влачимъ свое существованіе безъ благодѣтельныхъ связей, безъ національнаго духа,—вотъ status quo нашей націи!» Не въ томъ цѣль союза князей. Онъ именно былъ предназначенъ «для улучшеній, для великихъ идей на пользу конституціи, пороки которой требовали исцѣленія, и притомъ немедленнаго». Онъ «отнюдь не имѣлъ военныхъ цѣлей», ибо союзные фюрсты «такъ слабы, что сами нуждаются въ защитѣ». Онъ явился какъ «первая новая газета», возвѣщая, что въ «государственномъ тѣлѣ Германіи показывается новая жизнь именно въ ту минуту, когда его хотѣли хоронить». Какимъ же это образомъ, вслѣдъ затѣмъ, «мы, нѣмцы, вдругъ потеряли духъ и разсудокъ, съ которыми должно было, наконецъ, выскочить изъ вѣковыхъ педантствъ» и перейти къ настоящимъ имперскимъ порядкамъ, а тамъ, пожалуй, и къ «общему отечественному духу, чтобы, наконецъ, и мы могли сказать: мы—нація!» «Европа уже готова была удивляться намъ. Да и теперь еще глаза всѣхъ устремлены на насъ. Общественное мнѣніе благопріятно намъ.... и все-таки ничего не дѣлается!» А Фридрихъ оставилъ своему преемнику именно «только одинъ путь къ славѣ—дѣйствовать на благо имперіи!....» «Или съ Единствен-

[1]) *Teutschlands Erwartungen von Fürstenbunde.* 1788.

нымъ улетѣлъ весь его духъ? Вниманіе было обращено на Герцберга. Спрашивали: захочетъ ли онъ и готовъ ли пойти во главѣ великаго отечественнаго дѣла?» «Но, говорятъ, развѣ можно нарушать общественное спокойствіе? Да, такая осторожность достойна нашей государственной мудрости!... Хотѣлось избѣжать новой Тридцатилѣтней войны!» Мюллеръ не разъ взываетъ къ бодрости Герцберга, припоминая кстати тутъ же и Бейльвица. «Они знаютъ—говоритъ онъ—что значитъ въ глазахъ потомства упустить благопріятную минуту и что сказали бы они сами, если бы Германія, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, навсегда потеряла довѣріе къ ихъ дворамъ, и еслибъ развалины покрыли всю союзную систему». «Но что-нибудь должно быть сдѣлано для имперіи! Нужно же помочь націи! Пальма готова. Кто достанетъ ее, тому ликованіе народовъ!... Если же мы ошиблись, то по крайней мѣрѣ мы поняли, что не должно довѣрять тѣмъ, которые то не хотятъ, то не могутъ помочь. Будь проклятъ тотъ, кто заступается за мѣшкотныхъ, и срамъ да падетъ на его голову!»

ГЛАВА XXVI.

Паденіе союза князей.

Немного приходится разсказывать о послѣдней эпохѣ въ исторіи союза князей, хотя она и длилась около двадцати лѣтъ — отъ февральскаго рескрипта Фридриха-Вильгельма (1788) до паденія священной римско-нѣмецкой имперіи (1806). Это печальный эпилогъ великой драмы. И чѣмъ ближе къ его концу, тѣмъ больше оказывается, что нѣмецкая унія существовала тогда только de jure, на дѣлѣ же вскорѣ о ней перестали даже упоминать. Только года два съ небольшимъ, до знаменитаго рейхенбахскаго договора (1790), можно еще уловить нѣкоторые признаки ея прозябанія, да и то слабые, отрывочные. До этого событія, перевернувшаго всю нѣмецкую политику Пруссіи и Австріи, въ Берлинѣ еще кое-какъ держался Герцбергъ,—это живое преданіе великой эпохи въ исторіи Германіи: онъ все еще вѣрилъ въ исполнимость своихъ патріотическихъ надеждъ и бодро работалъ по 18-ти часовъ въ сутки.

Какъ ни осуждали Герцберга пылкіе патріоты за вялость, они сами продолжали обращаться къ нему, какъ къ единственному посреднику между національной идеей и прусскимъ могуществомъ. Нельзя было отрицать, что Герцбергъ — одинъ изъ основателей уніи и что послѣ Фридриха въ Берлинѣ только онъ вполнѣ понималъ ея идею. Министръ-патріотъ поддерживалъ въ новомъ королѣ вниманіе къ ней, какъ къ одному изъ колесъ обширнаго политическаго механизма, изобрѣтеннаго имъ, вмѣстѣ съ великимъ королемъ, для возвышенія Пруссіи. Оттого-то, несмотря на разочарованіе патріотовъ, все еще казалось, что въ Берлинѣ помнятъ объ уніи и даже мечтаютъ развить ее въ широкую систему, выходящую даже за предѣлы Германіи.

Пруссія старалась, при содѣйствіи майнцскаго владыки, втянуть въ унію всю имперскую іерархію, и такъ какъ не было надеждъ на могущественныхъ владыкъ, особенно на Максимиліана кёльнскаго, то она обращала свое вниманіе на епископовъ. Ея работа замѣтна была въ Шпейерѣ и Вюрцбургѣ, въ Эйхштедтѣ и Фульдѣ. Во Фрейзингѣ, въ самомъ сердцѣ Баваріи, она даже одержала побѣду. Тамъ опустѣло мѣсто фюрста-епископа, и Австрія усиливалась провести своего кандидата, епископа регенсбургскаго. Послѣдняго никакъ нельзя было устранить; но прусскимъ агентамъ удалось, съ помощью герцога цвейбрюкенскаго, получить отъ него росписку въ патріотизмѣ. Новый фрейзингенскій владыка «удостовѣрялъ въ своемъ честномъ нѣмецко-патріотическомъ направленіи» и обязывался «вполнѣ согласовать свою дѣятельность и поведеніе съ весьма похвальнымъ имперско-патріотическимъ рвеніемъ герцога цвейбрюкенскаго въ пользу вѣчнаго сохраненія нынѣшней законной конституціи». Черезъ это унія пріобрѣла два лишнихъ голоса въ княжеской коллегіи, а императору было поставлено новое препятствіе къ захвату Баваріи [1]).

Гораздо любопытнѣе небывалая попытка уніи выйдти за предѣлы своего отечества. Уже выборъ Дальберга въ констанцскіе коадъюторы пролагалъ ей путь въ Швейцарію. Съ этой страной начались-было серьёзные переговоры, когда Іоганнъ Мюллеръ былъ посланъ въ Римъ на помощь къ Люкезини. Краснорѣчивый историкъ бесѣдовалъ съ важнѣйшими политиками Швейцаріи и радостно донесилъ въ Берлинъ: «Здѣсь очень хорошее настроеніе». Швейцарцы готовы были сблизиться съ Пруссіей и съ уніей, надѣясь, что Фридрихъ-Вильгельмъ II поможетъ, черезъ посредство Нёвшателя, сліянію протестантскихъ кантоновъ съ католическими и оградитъ ихъ отъ притязаній: Рима, Сардиніи и самой Австріи, которая хотѣла отнять у Граубюндена коекакія владѣнія и права въ Италіи. Они выпросили у Іоганна Мюллера много экземпляровъ его памфлета о союзѣ князей и даже перевели его на итальянскій языкъ, чтобы распространить его за Альпами. Подобное же настроеніе обнаруживалось въ Италіи. Здѣсь Сардинія подавала наиболѣе надеждъ. Туринскій дворъ самъ заявлялъ прусскому посланнику свое желаніе пристать къ союзу, который онъ считалъ «оплотомъ не одной нѣмецкой свободы, но также и политической системы всей Европы». Онъ желалъ только, чтобы въ будущихъ избирательныхъ усло-

[1]) *Görtz*, II, 240—243.

віяхъ ему были предоставлены права имперскаго викаріата надъ Италіей. По его мнѣнію, савойскій домъ, и по положенію своихъ земель, и по своимъ правамъ, одинъ только въ состояніи связать нѣмецкія имперскія земли въ Италіи съ союзомъ князей [1]).

Немудрено, что тогда нѣмецкіе патріоты стали разсчитывать даже на Тоскану, но, конечно, когда тамъ не будетъ Леопольда: они причисляли ее къ имперіи. Ихъ надежды простирались еще далѣе на югъ; притомъ—какъ ни странно это—они болѣе всего полагались на средоточіе католицизма. Мы уже упоминали (гл. XXV) о вынужденномъ обстоятельствами сближеніи между св. отцомъ и главой протестантизма. Весьма замѣчательно, что, изъ страха и ненависти къ Іосифу, папа, а не прусскій король, ставилъ принадлежность къ нѣмецкой уніи необходимымъ условіемъ утвержденія Дальберга въ коадъюторствѣ. Тогда ходила по рукамъ любопытная рукопись неизвѣстнаго автора, въ которой развивались такія мысли: «Честолюбивыя стремленія Іосифа, грозящія независимости церкви и всей Европы, напомнили давно минувшее міровое положеніе императоровъ салическаго и гогенштауфенскаго рода. Но папа нашелъ себѣ опору противъ послѣднихъ въ нѣмецкихъ князьяхъ, а нѣмецкіе князья—въ папѣ. Отсюда-то возникла, съ теченіемъ времени, имперская конституція Германіи. Это положеніе измѣнилось лишь вслѣдствіе реформаціи: подъ вліяніемъ іезуитовъ, папство, пошатнувшееся въ своемъ религіозномъ значеніи, вступило въ союзъ съ Габсбургами, а отсюда вытекла тѣсная связь Австріи съ нѣмецкими владыками. Австрія поставляла епископовъ, а слѣдовательно управляла ими, пользовалась ихъ владѣніями въ своихъ войнахъ и ихъ голосами на сеймѣ. Этому-то должно приписывать все преобладаніе Габсбурговъ въ Германіи. Первый серьёзный отпоръ ему послѣдовалъ изъ Пруссіи. Когда Австрія, за-одно съ бурбонскими дворами, предписывала законы папству и даже задумала, посредствомъ пистойскаго собора, поставить узкіе и недостойные предѣлы его власти въ самой Италіи, Римъ началъ сильно склоняться къ сближенію съ прусскимъ королемъ, несмотря на протестантизмъ послѣдняго. Здѣсь обрадовались нѣмецкой ассоціаціи. Приступленіе къ ней курфюрста майнцскаго и его коадъютора послужило этимъ іерархамъ лучшею рекомендаціей у папы. Всякій чувствовалъ, что унія будетъ оплотомъ для нѣмецкой іерархіи — и это дѣйствительно было одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ ея устройству. Не сомнѣ-

[1]) *Görtz*, II, 228 sq.—*Häusser*, I, 278.

вались, что и остальные духовные фюрсты послѣдують въ этомъ случаѣ за эрцканцлеромъ имперіи, и вовсе не думали осуждать ихъ» [1]).

Такъ какъ въ то же время состоялся союзъ Пруссіи съ Англіей и Голландіей, который, по крайней мѣрѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ выдавалъ за орудіе національныхъ интересовъ, то унія, можно сказать, принимала даже слишкомъ широкіе размѣры. Истинные патріоты уже начинали тревожиться. Они справедливо опасались, что ихъ союзъ забудетъ свою нѣмецкую идею, вовлечется въ большую политику и послужитъ орудіемъ для постороннихъ цѣлей. Мы уже видѣли (гл. XXV), какъ рѣшительно, съ свойственной ему искренностью и энергіей, возсталъ герцогъ веймарскій противъ сближенія Пруссіи съ Англіей и Голландіей. Еще яснѣе выразился его взглядъ, тогда же, по поводу предложеній туринскаго двора. «Союзные фюрсты—писалъ онъ Гёрцу—достаточно сильны для того, чтобы защитить свое достояніе и свои права, если бы въ сердцѣ самой Германіи появились попытки нарушить ихъ. Но весьма сомнительно, чтобъ они могли оказать серьёзное сопротивленіе далеко, до самыхъ границъ всей имперіи. Соединившись съ государями внѣ Германіи, хотя бы только съ сосѣдними, они подвергаются опасности слишкомъ расширить кругъ своихъ дѣйствій и тѣмъ ослабить свои силы; къ тому же, быть можетъ, имъ пришлось бы служить интересамъ, не касающимся Германіи непосредственно» [2]).

До 1790 года духъ основателя уніи жилъ еще, болѣе или менѣе, и въ другой сторонѣ нѣмецкой политики Пруссіи. Жизненныя условія Гогенцоллерновъ—непримиримая борьба съ Габсбургами и расширеніе границъ — еще дѣйствовали замѣтно. Герцбергъ все еще носился съ своимъ величественнымъ планомъ сдѣлать Пруссію «рѣшительницею европейскихъ дѣлъ и блюстительницею равновѣсія». Онъ даже окончательно обдумалъ его, развилъ до мельчайшихъ подробностей. «Я считалъ своимъ долгомъ—говорилъ онъ въ концѣ своего политическаго поприща—служить государству, которое опиралось на шесть милліоновъ душъ, по бо́льшей части просвѣщенныхъ и патріотическихъ, на могучую націю, на большую казну и на прекрасную армію въ 200,000; а эту армію я надѣялся сдѣлать *національною*, по ея внутреннему устройству, и, стало быть, непобѣдимою, какъ войска древнихъ грековъ и римлянъ. Я надѣялся на все это тѣмъ бо-

[1]) *Ranke*, I, 377 sq.
[2]) *Görtz*, II, 229 sq.

лѣе, что Пруссія, какъ держава умѣренной величины, можетъ разсчитывать на всѣ другія меньшія государства» [1]). Послѣдняя фраза — ключъ ко всей политической системѣ Герцберга въ то время. Онъ мечталъ сдѣлать Пруссію центромъ и Провидѣніемъ второстепенныхъ и угнетенныхъ государствъ—Польши и Турціи, Голландіи, Швеціи и Даніи, Швейцаріи и даже Италіи. Эта могучая цѣпь, составленная изъ мелкихъ звеньевъ, замыкалась союзомъ съ владычицей морей, Англіей. Она должна была сжать и задушить три европейскіе колосса—Австрію, Россію и Францію, соединившіеся для честолюбивыхъ цѣлей. Практическая сторона плана выработалась такъ. Пруссія съ Англіей приказываетъ австрійцамъ и русскимъ остановиться среди ихъ побѣдъ за Дунаемъ. Онѣ берутъ ключъ отъ Турціи и бросаютъ его Іосифу, который уступаетъ за это важную Галицію Польшѣ, а послѣдняя отдаетъ Фридриху-Вильгельму Данцигъ и Торнъ. Таковъ былъ планъ второго раздѣла Рѣчи-Посполитой въ пользу одной Пруссіи!

Герцбергъ ликовалъ. Казалось, надежды его уже начали исполняться. Въ 1788 г. былъ заключенъ союзъ съ Англіей, съ намекомъ на помощь Турціи (гл. XXIII). Голландія уже была въ рукахъ у новыхъ союзниковъ. Пруссія спѣшила пользоваться вспыхнувшими тогда волненіями въ Венгріи и въ Нидерландахъ. Мятежъ въ Брюсселѣ, грозившій Австріи погибелью, особенно соотвѣтствовалъ интересамъ нѣмецкихъ патріотовъ: нидерландцы заявили желаніе вступить въ составъ нѣмецкой имперіи и союза князей. Пруссія явно сочувствовала восставшимъ и собиралась формально признать ихъ независимою республикой. Австрійцы, стягивая тогда свои войска въ Богемію, справедливо говорили: «мы хотимъ завоевать Нидерланды въ Силезіи» [2]). Въ Потсдамѣ пожимали руки не однимъ бельгійскимъ монахамъ и буржуа, но также и мадьярскимъ магнатамъ. На просьбу послѣднихъ дать короля Венгріи, Фридрихъ-Вильгельмъ II отвѣчалъ рекомендаціей «курьера союза князей», Карла-Августа веймарскаго! Тогда же Люттихъ взбунтовался противъ своего фюрста-епископа и выгналъ его. Имперскіе чины, и во главѣ ихъ важнѣйшіе чины уніи — майнцскій владыка съ курфюрстомъ ганноверскимъ, стали за своего брата. Имперскій судъ приказалъ нижне-рейнскому округу, то-есть Пруссіи, Пфальцу и Кёльну, произвести экзекуцію въ

[1]) *Герцбергъ принцу Генриху*, отъ 7 іюня 1794 года: *Ranke*, II, 88.
[2]) *Ranke*, II, 134—136, 165, 168.

Люттихѣ — и Фридрихъ-Вильгельмъ немедленно двинулъ туда свои войска, сопровождаемыя сочувствіемъ патріотовъ.

Наконецъ, казалось, Герцбергъ былъ уже у цѣли своей жизни. Его цѣпь была выкована. Католицизмъ шелъ къ нему навстрѣчу изъ Рима, Бельгіи и Варшавы. Гордые, раззолоченные польскіе паны прибыли припасть къ ногамъ человѣка, который серьёзно хотѣлъ, за устья Вислы, укрѣпить Рѣчь-Посполитую и сочувствовалъ затѣянной ими монархической реформѣ. Исламъ простиралъ къ нему руки, какъ къ небывалому своему защитнику, и бойкій клевретъ Герцберга уже заключилъ съ нимъ союзъ, на условіи.... возвратить ему Крымъ! [1]). А прусская армія, гордая славными воспоминаніями и застоявшаяся, рвалась въ бой, и между тѣмъ какъ австрійское войско наводняло Богемію, она уже поднялась съ своихъ постоянныхъ квартиръ и стягивалась въ Силезіи. Въ іюнѣ 1790 года сюда прибылъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Его окружали смертельная ненависть къ Австріи, патріотизмъ и военная слава Фридриха II, въ лицѣ Герцберга, Карла-Августа веймарскаго и Фердинанда брауншвейгскаго.

А въ іюлѣ послѣдовалъ рейхенбахскій договоръ, этотъ исходный пунктъ новой эпохи въ исторіи германскаго вопроса.

Этотъ переворотъ подготовлялся уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ разъ съ роковаго прусскаго рескрипта въ началѣ 1788 года. Его несомнѣннымъ признакомъ было возобновленіе завѣтныхъ стремленій Іосифа, остановленныхъ союзомъ князей.

Императоръ опять придумывалъ разные планы (тутъ были, конечно, и неизбѣжные австрійскіе браки) для пріобрѣтенія Баваріи и даже Вюртемберга. Это подтверждалось безпокойствомъ Карла-Теодора, его разъѣздами, его желаніемъ сблизиться съ Карломъ цвейбрюкенскимъ, его мѣрами къ увеличенію арміи. Въ Мюнхенѣ господствовала небывалая тревога. При дворѣ шла борьба между умирающей курфюрстиной, пфальцскими и цвейбрюкенскими родственниками и курфюрстомъ съ его побочными дѣтьми. Враждебныя придворныя партіи старались отбить Карла-Теодора другъ у друга и возили его, съ этой цѣлью, то туда, то сюда. Народъ волновался. Земскіе чины занимались лишь тревожными толками о той или другой поѣздкѣ своего государя, да приготовленіемъ мѣръ на случай, если онъ вздумаетъ бѣжать отъ нихъ. Дѣятельность агентовъ Австріи и Пруссіи вновь оживилась. Въ Мюнхенѣ все чаще и чаще стали показываться со-

---

[1]) *Häusser*, I, 313.—*Ranke*, II, 13?.

глядатаи изъ Цвейбрюкена, Мангейма и даже Берлина; однажды внезапно явился изъ Регенсбурга самъ Гёрцъ, назначенный тогда прусскимъ посланникомъ при имперскомъ сеймѣ. Дѣло въ томъ, что ходили упорные и не лишенные основанія слухи о новомъ «обмѣнѣ земель». Говорили, что Карлъ-Теодоръ собираетъ войска, чтобы продать ихъ Іосифу и Екатеринѣ. Близкая смерть курфюрстины означала, въ глазахъ общества, бракъ курфюрста съ австрійской принцессой. Осенью 1788 года волненіе достигло крайней степени. Карлъ-Теодоръ внезапно выѣхалъ въ Мангеймъ, и тамъ впервые произошло примирительное свиданіе его съ Карломъ и Максимиліаномъ цвейбрюкенскими. Курфюрстъ дѣйствительно пропадалъ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, и это, повидимому пустое, обстоятельство становилось европейскимъ событіемъ: всѣ были убѣждены, что Карлъ-Теодоръ уже не возвратится въ Мюнхенъ, а прямо проѣдетъ въ свое новое «бургундское королевство». Земскіе чины Баваріи ежеминутно поджидали австрійскихъ мундировъ въ Мюнхенѣ. Они просили помощи у союза князей, бросались за совѣтами къ Гёрцу. А Пруссія отвѣчала имъ внушеніемъ, чтобы они сами принимали всякія мѣры для возвращенія своего курфюрста, но «отнюдь не требовали вмѣшательства какой-нибудь посторонней державы». Такъ, впервые союзъ князей прямо отказывался отъ главной цѣли своего существованія: онъ предоставлялъ Баварію на произволъ судьбы. Къ счастью, Карлъ-Теодоръ одумался и возвратился въ Мюнхенъ такъ же внезапно, какъ выѣхалъ изъ него [1]).

Въ это же самое время небывалая тревога овладѣла Вюртембергомъ, и она оправдывалась уже не одними опасными слухами, но серьёзными фактами. Узнали, что при переговорахъ о бракѣ племянника Іосифа, эрцгерцога Франца, съ Елисаветой вюртембергской, въ Вѣнѣ отклонили обычное, въ такихъ случаяхъ, отреченіе принцессы отъ своихъ правъ на Вюртембергъ. Родственники невѣсты, конечно, протестовали, а Іосифъ отвѣчалъ имъ тѣмъ, что возобновилъ титулъ «герцога вюртембергскаго», принадлежавшій Габсбургамъ до смерти Карла VI. Такой рѣшительный намёкъ на превращеніе всей южной Германіи въ габсбургское наслѣдство дѣлалъ и это мелкое событіе европейскимъ вопросомъ. Общественное мнѣніе встревожилось повсюду, и это отразилось даже въ публицистической литературѣ [2]);

---

[1]) *Görtz*, II, 236—240.
[2]) *Spittler:* Von dem österreichischen Anwortschaftsrechte auf Würtemberg. 1789.

герцогъ же вюртембергскій, который съѣздилъ тогда въ Парижъ и не нашелъ тамъ прежней любезности, принужденъ былъ спасать себя крутымъ поворотомъ въ своей политикѣ. Тогда-то онъ обратился къ содѣйствію своего врага, маркграфа баденскаго. Насколько герцогъ надѣялся на союзъ князей, видно изъ того, что не къ нему взывалъ онъ о помощи: какъ мы упоминали выше, онъ мечталъ объ отдѣльной, южно-германской уніи [1]).

Впрочемъ, притязанія Іосифа на Баварію и Вюртембергъ не были, по крайней мѣрѣ, новостью. Но въ концѣ того же 1788 года императоръ, быть можетъ, чувствуя свои планы обезпеченными на югѣ Германіи, рѣшился обратить свое вниманіе и на сѣверъ. Узнавъ о серьёзной болѣзни Георга III, онъ вдругъ выступилъ-было съ заявленіемъ нѣкоторыхъ императорскихъ правъ на Ганноверъ, какъ на его вассальное курфюршество. Впрочемъ, здѣсь Іосифъ былъ тотчасъ же остановленъ строгою нотой Фридриха-Вильгельма II [2]).

Новая эпоха въ исторіи германскаго вопроса подготовлялась непреодолимою силою вещей, какъ въ самой Германіи, такъ и за предѣлами ея.

Время «просвѣщенія» и «преобразователей на тронѣ» уже было прожито, и его представители сходили со сцены — кто покоился въ землѣ, кто стоялъ уже одной ногой въ гробу, кто шатался и влачилъ лишь почетное существованіе. Еще уцѣлѣвшіе великаны бодраго и могучаго поколѣнія уже не вполнѣ понимали своихъ дѣтей и становились глухи къ требованіямъ новой эпохи. Развитіе ихъ собственныхъ идей, плоды брошенныхъ ими сѣмянъ переросли ихъ самихъ. Еще въ культурныхъ вопросахъ отцы и дѣти понимали и уважали другъ друга; но въ политикѣ они уже расходились, какъ два враждебныхъ лагеря, и здѣсь фамильное сходство замѣчалось только въ какой-то юношеской искренности, въ самоотверженной преданности идеѣ. Фридрихъ II, Іосифъ II и Екатерина II—это верховныя права государей и преобразованія съ высоты престоловъ. Слѣдующее поколѣніе — это верховныя права народовъ и преобразованія изъ глубины общества. Только съ этой точки зрѣнія понятна родственная связь между событіями одновременными, но, повидимому, противоположными. Волненія въ Венгріи и Нидерландахъ противъ честнѣйшаго изъ реформаторовъ на тронѣ имѣли цѣлью возстановленіе страны; а 1789 годъ во Франціи и люттихскій

---

[1]) *Ranke*, I, 390 sq.
[2]) *Тамъ же*, II, 79.

мятежъ были зарей новаго порядка вещей, и, тѣмъ не менѣе, очевидецъ событій въ Брюсселѣ справедливо сказалъ: «Ici comme à Paris» [1]).

Но новый порядокъ вещей выходилъ изъ глубины народовъ. Общество переросло великановъ предшествовавшей эпохи. На престолахъ же помѣстились эпигоны преобразовательнаго поколѣнія. Здѣсь, по историческому закону, противъ могучей новой силы уже скоплялись по-немногу всѣ средства реакціи. По глубинѣ новаго направленія, эта реакція должна была принять жгучій, рѣзкій характеръ. Въ глазахъ новаго поколѣнія правителей были преступленіемъ передъ людьми и божествомъ не только стремленія современнаго имъ общества, но и направленіе ихъ предшественниковъ на престолахъ. На Герцберга смотрѣли въ Потсдамѣ, покачивая головой и перешептываясь: «О, это другъ революціонныхъ принциповъ и помощникъ мятежниковъ!» А Леопольдъ не согласился пріѣхать въ Вѣну, чтобы помочь умирающему брату и закрыть ему глаза, опасаясь своею подписью подъ послѣдними указами Іосифа скомпрометтировать свою репутацію, которую онъ видѣлъ совсѣмъ въ другихъ идеяхъ [2]). И въ его глазахъ даже Кауницъ, съ его воспоминаніями о грѣхахъ юности, и съ его пристрастіемъ къ Франціи, былъ мазанъ однимъ мvромъ съ Герцбергомъ.

Всѣ затѣи Фридриха и Іосифа, бывшія дѣйствительно революціями своего времени, стали въ глазахъ новыхъ правителей не честью, а позоромъ ихъ государствъ. Забыть ихъ, подавить ихъ слѣдствія, возстановить всеобщую тишину и пресловутое равновѣсіе—вотъ что́ стало задачей минуты. Совсѣмъ другой видъ приняли Берлинъ и Вѣна, и повѣяло въ нихъ новымъ духомъ. Въ Пруссіи выступали на сцену мрачные ханжи и своекорыстные интриганы. Они окружали престолъ, на которомъ появились слабыя поколѣнія, словно всѣ силы гогенцоллернскаго корня скопились во Фридрихѣ II и вымерли съ нимъ. Внутреннее развитіе страны затихало. Лѣнь, развратъ, умственная спячка съ ея спутникомъ, мистицизмомъ, начинали одолѣвать потомство героевъ Семилѣтней войны и союза князей. И чѣмъ больше тупѣли и погружались въ невѣжество эти тунеядцы, тѣмъ больше думали они о себѣ, тѣмъ выше поднимали голову, какъ первая и могущественнѣйшая нація въ мірѣ. Почивая на лаврахъ великихъ тружениковъ, они гнушались ихъ воззрѣніями, какъ гни-

---

[1]) Свидѣтельство Траутмансдорфа у *Ранке*, II, 112.
[2]) *Häusser*, I, 332.—*Ranke*, II, 171.

лой стариной, и съ снисходительной улыбкой вспоминали даже своего Фрица. А между тѣмъ ржавѣла и расползалась государственная машина Фридриха II, про которую еще Мирабо мѣтко говорилъ, что она приноситъ мало вреда только въ рукахъ такого механика, какъ самъ ея изобрѣтатель. И не только оборвались всѣ серьёзныя начинанія Фридриха: духъ правленія сталъ противоположенъ имъ. Пруссія, изумившая Европу широкимъ и быстрымъ полетомъ, вдругъ стала гнѣздомъ реакціи и застоя, напоминая Австрію передъ Іосифомъ, — Пруссія, возмутившая міръ свой отчаянной отвагой, своей героической рѣшимостью перевернуть все вверхъ дномъ въ Германіи, взялась за политику мира и выжиданій, сдѣлокъ и мелкихъ интригъ. Могъ ли интересовать эту новую Пруссію союзъ князей, когда она забыла даже свою жгучую ненависть къ Австріи — этотъ источникъ ея величія и героизма при Фридрихѣ II? [1]).

Новое направленіе прусской политики проявилось уже въ англійскомъ союзѣ 1788 года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ весьма любопытный фактъ. Герцбергъ, авторъ идеи этого союза, который только въ этомъ серьёзно расходился съ своимъ учителемъ, Фридрихомъ II, оказался недоволенъ, чуть не оскорбленъ имъ. Дѣйствительно, послѣ таинственной посылки Люкезини въ Римъ, это дѣло было новой обидой для министра: Фридрихъ-Вильгельмъ провелъ его за спиной Герцберга лично, глубокой ночью, въ густой аллеѣ сада голландской штатгальтерши, между тѣмъ какъ въ залахъ гремѣла бальная музыка и носились пары молодежи [2]). Да и самый договоръ съ Англіей былъ какъ-бы пародіей идеи Герцберга. Онъ ничего не обѣщалъ для европейскихъ плановъ послѣдняго, даже обнаруживалъ холодность къ нимъ: имъ обезпечивались только интересы Англіи, которая совсѣмъ захватывала въ свои руки Голландію и серьёзно обуздывала Францію. Такъ и поняли это дѣло нѣмецкіе патріоты, мнѣніе которыхъ объ англійскомъ союзѣ мы уже знаемъ изъ отзыва герцога веймарскаго: да и не даромъ же упорно отказывались показать договоръ Карлу-Августу.

Затѣмъ въ Берлинѣ явился новый взглядъ на люттихское дѣло. Патріоты, вмѣстѣ со всею нѣмецкою конституціей, требовали быстраго водворенія фюрста-епископа въ его покинутомъ гнѣздѣ и наказанія мятежниковъ для острастки собственныхъ

[1]) Положеніе Пруссіи того времени рисуется весьма мрачными красками не только у *Гейссера* (I, 250 sqq.), но и у хладнокровнаго *Ранке* (I, 270 sqq.).

[2]) *Ranke*, II, 63 sqq.

подданныхъ. Пруссія же начала заступаться за люттихцевъ, перессорилась съ своими товарищами по экзекуціи и, наконецъ, отозвала свои войска. Правда, епископъ все-таки возвратился въ Люттихъ, съ помощью Майнца, Трира и самого императора; но отступленіе пруссаковъ произвело не менѣе тяжелое впечатлѣніе на патріотовъ, чѣмъ февральскій рескриптъ Фридриха-Вильгельма II. Они были поражены, смущены, обижены. Это, повидимому ничтожное, событіе надѣлало много шума по всей Германіи. Интересы фюрстовъ до того своеобразны, что съ перваго взгляда вся эта буря въ стаканѣ воды кажется непостижимой. Но не должно забывать, что мы уже находимся въ водоворотѣ великой французской революціи.

Припомнимъ, какъ еще при жизни Фридриха II ничтожный заговоръ въ Ахенѣ заставилъ трепетать фюрстовъ среди забавъ водяного сезона, и какъ мѣтко оцѣнилъ Николай Румянцовъ этотъ случай. Немудрено, что, по словамъ Гёрца, «событія въ Нидерландахъ и Люттихѣ возбудили во всей нѣмецкой имперіи большія и справедливыя опасенія: это революціонный духъ уже пускалъ корни въ ея предѣлахъ». Всѣми мелкими потентатами Германіи уже овладѣвало мучительное предчувствіе грознаго призрака, вскорѣ погубившаго ихъ, какъ свою беззащитную жертву. Это лучше всего доказывается быстрымъ постановленіемъ имперскаго суда насчетъ экзекуціи въ Люттихѣ, чему сначала не вѣрили сами судьи, привыкшіе тянуть дѣла цѣлые десятки лѣтъ. Фюрстамъ уже нельзя было сомнѣваться, къ чему ведетъ духъ, повѣявшій изъ Парижа. Въ августѣ 1789 года французское національное собраніе торжественно вырвало съ корнемъ феодальные порядки. Это непосредственно затронуло многихъ фюрстовъ, имѣвшихъ владѣнія во Франціи, въ особенности въ Эльзасѣ. Триръ, Шпейеръ, Дармштадтъ, Цвейбрюкенъ, Вюртембергъ, Баденъ и другіе переполошились и просили помощи у своихъ округовъ и въ имперскомъ сеймѣ. Вслѣдъ затѣмъ опасность перенеслась въ самое сердце Германіи. Отъ Рейна до Нюрнберга и Касселя во многихъ мѣстахъ вспыхивало зловѣщее пламя; тамъ и сямъ уже лилась кровь [1]).

Послѣ этого становятся понятны слѣдующія слова Гёрца по поводу отступленія прусскихъ войскъ изъ Люттиха. «Этотъ поступокъ Пруссіи вызвалъ сильное порицаніе въ Регенсбургѣ и даже со стороны членовъ союза князей, въ особенности же Майнца и Ганновера. Гёрцу весьма трудно было защищать въ Регенс-

---

[1]) *Görtz*, II, 249—252.

бургѣ систему своего двора. Возникало даже опасеніе, какъ бы черезъ это совсѣмъ не распался союзъ князей». При этомъ весьма характеристично выразился тогдашній взглядъ Фридриха-Вильгельма на нѣмецкую унію. «Союзъ князей,—писалъ Гёрцъ одному изъ своихъ сослуживцевъ,—превосходное учрежденіе: благодаря ему, возрастаетъ и уваженіе къ Пруссіи. Однако это уваженіе можетъ также сильно пасть, если руководителями станутъ *другіе* члены союза, въ особенности же *духовное* лицо. Пруссія одна можетъ быть и будетъ истиннымъ покровителемъ нѣмецкой конституціи. Она была имъ уже до союза князей; она останется имъ *и безъ союза,* если только не будетъ отказывать угнетеннымъ въ справедливой помощи» [1]). Намёкъ на майнцскаго владыку былъ слишкомъ ясенъ: слѣдовательно, сначала оттолкнули и оскорбили первое лицо уніи, Карла-Августа веймарскаго, потомъ второе—Фридриха-Карла-Іосифа. Конечно, послѣдній отвѣчалъ тѣмъ же: съ этихъ поръ началась непримиримая и все разгоравшаяся вражда между Майнцомъ и Берлиномъ.

Теперь для довершенія новой системы нѣмецкой политики недоставало только дружбы между Берлиномъ и Вѣной. Она не заставила долго ждать себя. Обстоятельства помогли ей.

Въ Австріи происходилъ тотъ же процессъ, что̀ и въ Пруссіи. Въ началѣ 1790 года умеръ Іосифъ II, съ горькимъ сознаніемъ, что новыя идеи переросли его, и что его царствованіе было неблагодарнымъ служеніемъ Екатеринѣ [2]). Съ нимъ сошли въ могилу лучшія силы Габсбурговъ. И здѣсь настали поколѣнія эпигоновъ, отчасти напоминающія предшественниковъ Іосифа. Братъ этого искренняго преобразователя съ возвышенной душой, Леопольдъ II, былъ олицетвореніемъ холоднаго разсудка. Не понимая широкаго міровоззрѣнія брата, онъ глумился надъ нимъ, какъ мелкій торгашъ надъ твореніемъ генія, и политика сдѣлокъ, утонченнаго практицизма была возведена имъ въ идеалъ правителя. Скупость составляла основу характера Леопольда, и она проявлялась во всѣхъ его жизненныхъ отношеніяхъ. Онъ положилъ всѣ свои силы на соблюденіе мира и равновѣсія, какою бы дорогой цѣной ни покупались его дюжинные результаты. Эти принципы были заявлены уже наканунѣ отъѣзда новаго повелителя Австріи изъ Флоренціи. Прибывъ въ Вѣну, Леопольдъ

---

[1]) *Görtz*, II, 247 sq.

[2]) За четыре дня до смерти Іосифъ написалъ прощальное письмо Екатеринѣ, гдѣ, намекая на союзъ 1781 года, онъ замѣтилъ, что это его монархія „qui a supporté tout le poids et qui court tout le danger“. *Joseph II und Katharina*, 349.

тотчасъ же объявилъ, что приписываетъ всѣ неудачи Іосифа союзу съ царицей, а войну съ Пруссіей считаетъ „истиннымъ бѣдствіемъ для австрійской монархіи". Кауницъ съ-разу понялъ, въ чемъ дѣло, и подалъ въ отставку. Его удержали, но съ этихъ поръ Несторъ европейской дипломатіи уже сочинялъ лишь ничтожныя депеши: важнѣйшія дѣла совершались помимо него, въ кабинетѣ императора, гдѣ вѣчно присутствовалъ знаменитый своимъ безобразіемъ и коварствомъ соперникъ Кауница, графъ Кобенцль.

Изворотливый Леопольдъ тотчасъ же вступилъ въ льстивую переписку съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Этотъ Габсбургъ «достодолжно просилъ» (geziemend ansuchen) Гогенцоллерна доставить ему императорскую корону, обѣщая «быть благодарнымъ до самой своей смерти». Онъ увѣрялъ, что «никогда не подумаетъ объ увеличеніи своихъ владѣній и всячески будетъ стараться снискать довѣріе своихъ имперскихъ со-чиновъ». Мало того: Леопольдъ выразилъ готовность «безъ замедленія приступить къ союзу князей, если только между союзниками господствуетъ всеобщее равенство» [1]).

Такъ, въ то время какъ австрійская армія стояла въ Богеміи, а прусская въ Силезіи, созрѣвало примиреніе между Габсбургами и Гогенцоллернами, котораго Европа не знала уже полвѣка. Послѣднимъ толчкомъ къ нему было двусмысленное поведеніе Англіи. За Каналомъ также наставала новая политика. Серьёзный припадокъ умопомѣшательства дѣлалъ Георга III неспособнымъ къ правленію. Нація обрадовалась этому случаю раздѣлаться съ нѣмецкими дѣлами, въ которыя слишкомъ затягивалъ ее король, какъ одинъ изъ ревностныхъ основателей союза князей. Въ англійской политикѣ явственно проскользнуло желаніе сблизиться съ Австріей, а черезъ нея и съ Россіей, о чемъ такъ давно мечтала нація. Сентъ-джемскій кабинетъ сталъ осуждать возстаніе Нидерландовъ и прямо совѣтовалъ Пруссіи не ратификовать союза съ Турціей.

Въ іюлѣ 1790 года состоялся рейхенбахскій договоръ между Пруссіей и Австріей, не безъ нѣкотораго давленія со стороны Англіи. Австрія, незнавшая какъ освободиться отъ неудачной турецкой войны, вышла изъ нея не только безъ ущерба, но даже съ соблюденіемъ внѣшняго вида чести, и съ надеждой на помощь Пруссіи въ Нидерландахъ. А главное, Галиція осталась за ней, Пруссія же ничего не получила ниоткуда. Ближайшими слѣд-

---

[1]) *Леопольдъ Фридриху-Вильгельму* отъ 26 марта 1790 г. у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 400 sq.—Герцбергъ у *Гейссера*, 1, 322.

ствіями рейхенбахскаго договора было успокоеніе Нидерландовъ. А патріоты мечтали принять въ составъ нѣмецкой имперіи независимую бельгійскую республику! Очевидно, цѣль союза князей—ослабленіе Австріи и преобразованіе конституціи—разбивалась въ Рейхенбахѣ и именно Пруссіей. Сама-собой развалившаяся Австрія была поддержана Пруссіей, а вслѣдъ затѣмъ она получила возможность снова вредить политическому развитію Германіи: императоромъ былъ избранъ Леопольдъ, и опять при помощи Берлина. Патріоты, которые предлагали императорскую корону Фридриху-Вильгельму, когда онъ былъ еще кронпринцемъ, были убѣждены, что теперь ихъ желаніе исполнится безпрепятственно. И дѣйствительно, внѣшнихъ препятствій не было никакихъ. Но въ Потсдамѣ разсуждали такъ: «Ставши императоромъ, король пріобрѣтетъ себѣ вѣчнаго врага въ лицѣ Габсбурговъ, которые будутъ руководить оппозиціей. У фюрстовъ привычка противодѣйствовать главѣ имперіи, и потому многіе изъ нынѣшнихъ приверженцевъ короля перейдутъ на сторону Австріи: стало-быть, тутъ больше проиграешь, чѣмъ выиграешь. Уже Фридрихъ II задумывался о пріобрѣтеніи императорской короны, но бросилъ эту мысль. Онъ думалъ: эта корона не идетъ къ моему государству, для котораго гораздо важнѣе пріобрѣтеніе новой провинціи» [1]). Но прискорбнѣе всего для патріотовъ было то, что не связали Леопольда даже избирательными условіями, которыя устраняли бы возобновленіе честолюбивыхъ замысловъ Іосифа. И въ этомъ были виноваты отчасти сами курфюрсты, принадлежавшіе къ уніи: они съ аристократическою гордостью отклонили попытку фюрстовъ-патріотовъ участвовать въ составленіи условій.

При избраніи Леопольда сеймъ представлялъ позорную картину, какъ-бы въ доказательство, что имперская конституція неисправима [2]). Здѣсь всѣ перессорились между собой, изъ-за вопросовъ этикета, политики и имперскаго права. Много было хлопотъ, суеты, не обошлось и безъ участія фрау фонъ-Куденгофенъ. Но больше всѣхъ шумѣлъ майнцскій владыка, который получилъ здѣсь новое оскорбленіе со стороны Пруссіи. Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ и безъ того старался всячески мстить Фридриху-Вильгельму; онъ истратилъ много собственныхъ денегъ, на злю

---

1) *Ranke*, II, 220.

2) *Ранке* (I, 401 sqq.) указываетъ на нѣкоторое оживленіе сейма, незадолго передъ тѣмъ, подъ вліяніемъ союза князей. Но это оживленіе было такъ ничтожно, и съ нимъ соединены такія жалкія махинаціи, притомъ подъ вліяніемъ Австріи, а не союза князей, что оно, въ свою очередь, свидѣтельствовало лишь о негодности имперской конституціи.

ему, въ люттихскомъ дѣлѣ. Теперь же произошелъ окончательный разрывъ между Майнцомъ и Берлиномъ. «Доселѣ,—сказалъ владыка Штейну,—я имѣлъ много поводовъ сомнѣваться насчетъ роли, которую великіе дворы думаютъ предоставить мнѣ въ дѣлахъ имперіи и уніи. Но я считалъ нужнымъ скрывать мое огорченіе ради дѣла, которое до сихъ поръ считалъ общимъ, я надѣялся также на время. Теперь же вижу, что въ Берлинѣ очень мало интересуются моими чувствами, и даже, спросивши меня, дѣйствуютъ, не дожидаясь отвѣта. Поэтому отнынѣ не нахожу никакой пользы ни для себя, ни для дѣла сноситься съ этимъ дворомъ» [1]). Угроза была тотчасъ же исполнена: майнцскій владыка отсталъ отъ Берлина и вступилъ въ весьма дружескія сношенія съ Триромъ и съ тѣмъ Кёльномъ, которымъ владѣлъ братъ Леопольда II!

Въ 1791 году палъ Герцбергъ, горько жаловавшійся даже Екатеринѣ на свое пораженіе въ Рейхенбахѣ [2]). А въ слѣдующемъ году дружба Пруссіи съ Австріей была окрещена кровью. Забывъ дѣла своего «отечества» и предоставивъ Востокъ въ распоряженіе Россіи, великія державы Германіи двинулись на западъ, противъ французской революціи, чтобы понести пораженіе и позоръ, и, наконецъ, погубить нѣмецкую имперію.

То былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ нѣмецкой исторіи, можно сказать, рѣшалась судьба Германіи. А союзъ князей не принималъ тутъ никакого участія. «Вслѣдствіе рейхенбахскаго договора, — говоритъ одинъ изъ участниковъ событій,—онъ исчезъ безслѣдно для общаго дѣла Германіи, какъ простая временная мѣра» [3]). Тогда о союзѣ князей не было и помину, словно онъ никогда не существовалъ. Вождь его, Гогенцоллернъ, прямо, вопреки договору, не совѣщался съ нимъ, ни даруя Габсбургу императорскую корону, ни выступая противъ Франціи во главѣ его войскъ. Союзъ князей отвѣчалъ ему тѣмъ же. Майнцскій владыка открыто уличалъ прусскаго короля въ нарушеніяхъ конституціи и предлагалъ, при коронованіи Леопольда II императорскимъ вѣнцомъ, выбрать въ римскіе короли его сына, Франца, то-есть упрочить за Габсбургами преобладаніе въ Германіи [4]). Но лучшимъ доказательствомъ фактической смерти союза князей были новыя попытки Австріи (1792—1795)

---

[1]) Депеша Штейна у *Ранке*, II, 224.

[2]) Его слова, сказанныя нашему дипломату, у *Соловьева:* „Исторія паденія Польши", 208 и слѣд.

[3]) *Görtz*, II, 230.

[4]) *Schmidt:* Preussens deutsche Politik, 64 sqq.

захватить Баварію: онъ и не пошевельнулся при этой опасности, отвращеніе которой служило главнымъ побужденіемъ при его созданіи. А по базельскому миру (1795) идея нѣмецкой уніи преобразилась въ знаменитую «демаркаціонную линію», которая разрѣзала Германію на двѣ части: на сѣверную или прусскую, подружившуюся съ Франціей, и южную или австрійскую, продолжавшую борьбу съ революціей.

Въ 1806 году, когда Наполеонъ уничтожилъ священную римско-нѣмецкую имперію, союзъ князей перестагь существовать и de jure, хотя никто не позаботился даже объявить объ отмѣнѣ этого мертваго учрежденія. Это разумѣлось само собою. Послѣ величайшаго переворота въ исторіи Германіи, именуемаго «Рейнскимъ союзомъ», исчезла и цѣль союза князей, имперская конституція, и весь его составъ—имперскіе чины Германіи.

ГЛАВА XXVII.

Заключение.

Союзъ князей имѣетъ важное историческое значеніе, но не столько по своимъ непосредственнымъ и практическимъ результатамъ, сколько по своей идеѣ и по отношенію къ будущему.

Фридрихъ II ничего не жалѣлъ для осуществленія своей предсмертной идеи. Онъ употребилъ тутъ всю свою силу воли, весь авторитетъ своего славнаго имени. Онъ дѣйствовалъ съ пылкостью юнаго Фрица и выказалъ то глубокое убѣжденіе въ необходимости дѣла, при которомъ стушевывается личное самолюбіе. А между тѣмъ, союзъ князей далеко не былъ *нѣмецкою* уніей, какъ называли его тогда. Значительная часть Германіи осталась или чужда, или даже враждебна ему. Вмѣсто того, чтобы «подобрать всѣ головы подъ одну шапку», Фридрихъ пріобрѣлъ лишь половину курфюрстовъ (считая въ томъ числѣ его самого), да всего 12 князей, изъ которыхъ имѣлъ нѣкоторое значеніе одинъ ландграфъ кассельскій. Въ союзѣ не было такихъ крупныхъ имперскихъ чиновъ, какъ Баварія, Вюртембергъ, Дармштадтъ и Ольденбургъ. Масса мелкихъ свѣтскихъ фюрстовъ, графовъ и имперскихъ городовъ, особенно въ южной Германіи, уклонилась отъ него изъ страха передъ могуществомъ Австріи. Изъ духовныхъ же чиновъ никто не присоединился къ союзу, за исключеніемъ Майнца и Оснабрюка: на нихъ дѣйствовала еще другая причина — недовѣріе къ вождю нѣмецкаго протестантизма [1]). Да и вступив-

---

[1]) Домъ (III, 103 sqq.) увѣряетъ, что большая часть не приступившихъ къ уніи фюрстовъ „сочувственно относилась къ возникновенію союза и была склонна къ его принципамъ“. Очевидно, онъ принимаетъ любезности, которыми сопровождался отказъ, за чистую монету. Здѣсь же онъ упоминаетъ, „что *вполнѣ* достовѣрно“ было сочувствіе союзу со стороны Гильдесгейма, Вюрцбурга и Зальцбурга, что дѣйстви-

шіе въ унію князья не были вполнѣ надежны, какъ доказываютъ уже тѣ крайнія усилія, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Фридрихъ для ихъ привлеченія. Даже между курфюрстами—основателями союза, господствовало взаимное недовѣріе. Саксонія и Ганноверъ завидовали Пруссіи и опасались ея властолюбія; а всѣ они вмѣстѣ, составляя родъ союзной аристократіи, возбуждали подозрительность мелкихъ фюрстовъ. Союзники были приневолены крупными обстоятельствами и съ трудомъ подавляли свое недовѣріе къ Гогенцоллерну. Переговоры нѣсколько разъ прерывались и почти разстраивались, когда Фридрихъ уже бралъ перо, чтобы подписать трактатъ 1785 года. Припомнимъ, какъ, по словамъ Дома, фюрсты считали невозможнымъ то, «что, конечно, было бы лучше», и какъ они, видя опасность, проистекающую изъ подобнаго «соединенія съ Пруссіей», утѣшали себя только мыслью, что «ея нельзя ожидать въ ближайшемъ будущемъ; а огражденіе отъ того, что возможно далеко впереди, можно предоставить потомкамъ». Оттого-то союзники вступили скорѣе въ международныя, такъ сказать, дипломатическія, чѣмъ во внутреннія отношенія къ Пруссіи. Слѣды этой неискренности отразились на договорѣ 1785 года. Онъ страдаетъ неопредѣленностью и недосказанностью. Онъ былъ лишенъ нравственной силы. Никто изъ союзниковъ не вѣрилъ въ исполнимость «секретныхъ» статей, какъ ни блѣдны были онѣ сами по себѣ. Къ тому же, эти статьи были приняты не всѣми, а «секретнѣйшую» подписали, помимо трехъ курфюстовъ-основателей, всего пятеро князей.

Неудовлетворительность нѣмецкой уніи лучше всего доказывается недовольствомъ самихъ союзниковъ, и притомъ обѣихъ партій — какъ патріотической, такъ и прусской. Домъ вынужденъ былъ не разъ возвращаться къ оправданію своего героя, основателя уніи. «Фридрихъ—говоритъ онъ—самъ не считалъ союза лучшею мѣрой: онъ выбралъ его лишь какъ самое цѣлесообразное средство при тогдашнихъ обстоятельствахъ». Такъ какъ онъ былъ совсѣмъ одинокъ въ политикѣ, то «неужели лучше было ему оставаться изолированнымъ, чѣмъ соединиться съ слабою силой, которая представлялась ему?» Германіи угрожала неми-

тельно подтверждается фактами. Такъ же должно понимать и казуистическое объясненіе Дома, почему Фридрихъ „ниоткуда не получилъ отказа“: никого изъ ненадежныхъ не приглашали, зная, что они „изъ страха передъ императоромъ, и по особеннымъ обстоятельствамъ (wegen besonderer Verhältnisse), не посмѣютъ объявить себя за союзъ“. Изложенные нами факты доказываютъ, что агенты Фридриха разъѣзжали повсюду, послѣ заключенія союза. И самъ же Домъ описываетъ свой разговоръ съ Максимиліаномъ кёльнскимъ по этому поводу.

нуемая погибель со стороны Австріи. Поэтому, «кромѣ государственной мудрости и собственныхъ выгодъ, Фридрихъ особенно руководился тутъ тѣмъ, что̀ считалъ согласнымъ съ своимъ достоинствомъ, съ честью и долгомъ. Иначе Германія и потомство осыпали бы его самыми горькими упреками и презрительными насмѣшками». Если договоръ отличался большой неопредѣленностью, то это хорошо. «Иначе было бы еще труднѣе склонить фюрстовъ къ лигѣ и согласиться съ ними въ мелочахъ. А между тѣмъ, пока шли бы споры, дѣло разгласилось бы: вѣнскій дворъ сталъ бы не безъ основанія жаловаться, что противъ него составляютъ заговоръ, и счелъ бы себя въ правѣ принять оборонительныя мѣры». Многіе утверждали еще, что нѣмецкая конституція недостойна сохраненія. Это правда, но здѣсь есть преувеличеніе. «Недостатки конституціи не могли бы оправдать переворота, который поистинѣ былъ бы предпринятъ не съ благимъ намѣреніемъ улучшить судьбу нѣмецкихъ народовъ». Наконецъ, упрекали Фридриха въ томъ, что «этимъ союзомъ онъ самъ себѣ связалъ руки—усилиться со временемъ насчетъ Германіи. Мы можемъ отвѣтить съ отраднымъ убѣжденіемъ, что онъ *именно этого* и хотѣлъ, ибо у него не было подобныхъ намѣреній. Мы смѣло требуемъ отъ всякаго, кто знакомъ съ исторіей великаго короля, указать хоть *одинъ* его поступокъ, который доказывалъ бы противное. Благословеніе и безсмертная слава монарху, который *сдѣлалъ затруднительнымъ* для себя и для своихъ потомковъ *совершать несправедливость!*» [1]). Послѣдняя патетическая тирада, соотвѣтствующая одной изъ главныхъ цѣлей прусскихъ памфлетовъ (гл. XXI), ясно указываетъ на важнѣйшую изъ слабыхъ сторонъ союза князей.

Фридрихъ дѣйствительно «самъ не считалъ союза лучшею мѣрой». По его собственнымъ словамъ, это было «слабое средство», которымъ нужно было воспользоваться лишь «за недостаткомъ лучшаго». Зная, что въ то время Фридрихъ ни за что не рѣшился бы еще разъ обнажить мечъ для борьбы съ Австріей и Россіей, и мы можемъ согласиться съ нимъ, что, при его одиночествѣ въ европейской политикѣ, нѣмецкая унія была «единственнымъ» средствомъ спасенія. И она достигла своей ближайшей цѣли, а это—все, что̀ только было возможно въ ту минуту. Не забудемъ, что тогда Австрія все еще была сильнѣе Пруссіи матеріально, и за нею стояла Екатерининская Россія. Фридрихъ одержалъ дипломатическую побѣду надъ обѣими могущественными

---

1) *Dohm*: Denkwürdigkeiten, III, 109—117.

союзницами и подорвалъ ихъ вліяніе въ Германіи. Онъ спасъ Баварію отъ поглощенія Австріей, а это, въ связи съ его имперскимъ консерватизмомъ, увеличило популярность Пруссіи въ Германіи. Къ тому же, благодаря союзу князей, Гогенцоллерны пріобрѣли большинство голосовъ въ курфюршеской коллегіи, тѣмъ болѣе, что Богеміи принадлежалъ только рѣшающій, но не совѣщательный голосъ; а въ одной изъ «секретныхъ» статей договора 1785 года вопросъ о девятомъ курфюршествѣ поставленъ въ зависимость отъ Пруссіи, чтó разбивало надежды Вюртемберга. Съ этихъ поръ руководящая роль Пруссіи на имперскомъ сеймѣ стала уже такъ ясна, что преемникъ Іосифа почти унизительно просилъ только одного преемника Фридриха объ императорской коронѣ. Опытный и проницательный Фридрихъ не преувеличивалъ ни важности уніи, ни національнаго значенія Пруссіи. Онъ понималъ побужденія и чувства фюрстовъ, вступившихъ въ союзъ съ нимъ. Подобно имъ, онъ думалъ: «то, чтó возможно далеко впереди, можно предоставить потомкамъ».

Фридрихъ именно постигалъ важное значеніе союза фюрстовъ для *будущности* Пруссіи и всей Германіи. Оттого-то, по своей идеѣ, это—крупное историческое явленіе, соотвѣтствующее величію своего основателя [1]).

[1]) Всѣ нѣмецкіе историки, за исключеніемъ Гейссера и отчасти Шлоссера, придаютъ большое значеніе союзу князей, но, конечно, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ началѣ нашего вѣка, *Геєренъ* въ своемъ учебникѣ (Handbuch der Geschichte der Europ. Staatensystems, 3 Ausg., 1819, p. 463) находилъ, что „хотя Фридрихъ не обнажилъ меча, однако врядъ ли когда-либо духъ его проявлялся съ бóльшимъ блескомъ: никогда еще не говорилъ онъ такъ ясно и громко, чтó значитъ сохраненіе нѣмецкой конституціи не только для Пруссіи, но и для всей Европы". *Прейссъ* (IV, 171), вполнѣ соглашаясь со взглядомъ Геерена, прибавляетъ, что посредствомъ уніи Фридрихъ „достигъ всего, чтó считалъ нужнымъ для Пруссіи". *Бидерманъ* (I, 53 sqq.) смотритъ на союзъ князей какъ на партикуляристическую оппозицію противъ Австріи и какъ на подготовку поглощенія Германіи Пруссіей. Онъ сходится во взглядѣ и отчасти въ рѣзкости тона съ *Шлоссеромъ* (Geschichte des 18 Jahrhunderts, III), а также съ *Клюпфелемъ* (Die deutschen Einheitsbestrebungen). *Шмидтъ* (Unionsbestrebungen, I, 3, 402; Geschichte d. preussischen Politik, 51—64) какъ-бы не находитъ точныхъ выраженій для своей мысли. Онъ думаетъ, что союзъ не удовлетворилъ широкихъ стремленій Германіи, но достигъ своихъ ближайшихъ цѣлей. „Національная окраска въ союзѣ князей подобна лишь легкому дуновенію... Но истинная его цѣль—дать Германіи новое устройство, подъ предводительствомъ Пруссіи". Тотъ совершенно не понимаетъ Фридриха, кто думаетъ, что онъ задавался „только временною цѣлью, а не идеей основательнаго и прочнаго переустройства Германіи". „Самъ Фридрихъ не думалъ о расширеніи Пруссіи посредствомъ союза; но послѣдній самъ по себѣ долженъ былъ основать супрематію Пруссіи въ Германіи". *Зибель* (Geschichte der Revolutionszeit, I, B. II, Cap. I) считаетъ союзъ важнымъ проявленіемъ великой политики Фридриха, въ которой было „столько же личнаго и прусскаго че-

Тотчасъ послѣ Фридриха, союзъ князей пріобрѣлъ-было даже европейское значеніе. Этому благопріятствовала наставшая тогда эпоха политическихъ потрясеній. Всеобщее броженіе умовъ, французская революція, бойкія, честолюбивыя стремленія Австріи и Россіи—все угрожало погибелью мелкимъ членамъ семьи европейскихъ государствъ. Естественно было возникнуть идеѣ соединенія слабыхъ противъ сильныхъ, представителемъ которой явился Герцбергъ. Союзъ нѣмецкихъ государей, какъ готовая форма для подобной идеи, долженъ былъ заинтересовать всѣхъ, нуждавшихся во взаимной порукѣ. Онъ превращался въ зерно не только все-

---

столюбія, сколько нѣмецкаго духа и патріотизма". Взглядъ *Гейссера* (I, 238—246) наиболѣе оригиналенъ. Онъ видитъ въ союзѣ послѣдній моментъ въ развитіи началъ Вестфальскаго мира, то-есть послѣдній отголосокъ феодализма въ Германіи. Поэтому онъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Если—говоритъ онъ—иные видятъ въ немъ зерно новаго порядка вещей, то „мы, по крайней мѣрѣ, не видимъ ничего подобнаго ни въ немъ, ни въ исторіи его возникновенія". Своеобразенъ и противоположный взглядъ *Пертеса* (Politische Zustände und Personen, II, 193—196). Онъ видитъ въ союзѣ попытку Пруссіи преобразовать нѣмецкую имперію въ конфедерацію новаго времени, воспользовавшись для этого лучшими политическими элементами въ Германіи, способными къ жизни. „Пруссія желала—говоритъ онъ—найти свою силу въ Германіи, но не посредствомъ формальнаго владычества надъ нею, а черезъ свое вліяніе на ея сильнѣйшія правительства, соединенныя вмѣстѣ". Правда, Пертесъ тутъ же замѣчаетъ, что прусская партія „подозрительнѣе относилась къ конфедеративной роли" своего вождя, чѣмъ даже австрійская партія къ власти своего Габсбурга. Однако онъ не отказываетъ въ историческомъ значеніи разнымъ попыткамъ преобразованія имперской конституціи, возникшимъ подъ вліяніемъ союза князей. „Какъ ни безуспѣшны были всѣ эти планы,—говоритъ онъ,—однако они свидѣтельствовали о стремленіи конфедеративной партіи выработать конфедерацію, подъ руководствомъ Пруссіи, въ болѣе живомъ видѣ". *Ранке* (I, 238 sqq., 259, 379 sqq.), придерживаясь своей извѣстной объективности, выражается, подобно Шмидту, несовсѣмъ ясно. Вообще онъ беретъ въ разсчетъ не всѣ стороны дѣла и, какъ спеціалистъ по исторіи реформаціи, особенно выдвигаетъ идею вѣротерпимости. Онъ придаетъ союзу большое значеніе уже какъ первому проявленію въ Германіи начала вѣротерпимости въ политикѣ: въ этомъ смыслѣ онъ сравниваетъ его съ Пассаускимъ договоромъ 1552 года, хотя забываетъ прибавить, что послѣдній былъ слѣдствіемъ гражданской войны. Далѣе Ранке приписываетъ „безоружной ассоціаціи болѣе успѣха, чѣмъ Тешенскому миру, потребовавшему военныхъ усилій всей прусской державы: она завершила и утвердила этотъ миръ". Относительно конституціоннаго значенія союза Ранке выражается такъ: „Тутъ предвидѣлось крайне своеобразное измѣненіе нѣмецкихъ порядковъ, но безъ сословныхъ потрясеній. Весь общественный строй Германіи, казалось, подвергался перерожденію, подъ руководствомъ прусской державы. Особенно поражало ослабленіе религіозной ненависти... Правда, нѣмецкій духъ стремился еще дальше, за предѣлы вѣротерпимости. Онъ дѣйствовалъ по всѣмъ землямъ, въ университетахъ и у правительствъ, желая достигнуть внутренняго единенія. Не забудемъ, что національная идея сильно бушевала въ тѣ годы. Мечтали о такихъ учрежденіяхъ, которыя устраняли бы всякіе мелкіе споры и раздоры. Думали: при федераціи фюрстовъ, повсюду охраняющей право и законъ, нѣмецъ убѣдится, что у него есть отечество".

нѣмецкой, но и европейской федераціи мелкихъ государствъ. Послѣднія влеклись къ нему уже потому, что во главѣ его стояла держава съ европейскимъ характеромъ и способная, въ случаѣ крайности, на великіе подвиги. Но въ то же время Пруссія, какъ государство средней величины, не угрожала самостоятельности своихъ мелкихъ союзниковъ. Европейское значеніе союза князей лучше всего доказывается серьёзнымъ стремленіемъ папы соединиться съ вождемъ нѣмецкаго протестантизма.

Но это случайная и мимолетная сторона дѣла. Самъ Фридрихъ вовсе не предчувствовалъ европейской роли своей нѣмецкой уніи. Но онъ сознавалъ истинную силу союза князей — ту могучую и безсмертную идею, которая была положена въ его основаніе. Союзъ князей представляетъ не только весьма важный, но и совершенно новый моментъ въ исторіи національной идеи у нѣмцевъ. Здѣсь впервые, кромѣ патріотическаго начала, явилось еще другое—прусское.

Весьма важно, что въ союзѣ князей и патріотическое начало также являлось въ новомъ видѣ. У нѣмцевъ всегда было стремленіе исправить имперскую конституцію или, лучше сказать, совсѣмъ передѣлать ее, превратить изъ феодальнаго преданія въ живую федерацію новаго времени. Но прежде оно отличалось вялостью и смутностью. Это былъ, такъ сказать, національный сентиментализмъ — одни добрыя желанія да сладкія мечты, никогда не созрѣвавшія до практическаго плана преобразованій. Мало того. Стремленіе отдѣлаться отъ конституціи, стѣснявшей развитіе націи, принимало даже не столько патріотическую, сколько династическую форму. По идеѣ, нѣтъ ничего общаго между союзомъ фюрстовъ Фридриха II и множествомъ княжескихъ ассоціацій до него, особенно со времени Вестфальскаго мира. Послѣднія основывались на эгоистическихъ стремленіяхъ фюрстовъ, желавшихъ насколько освободиться отъ власти императора, настолько же лишить всѣхъ правъ своихъ подданныхъ. Оттого нація враждебно относилась къ такому исправленію своей плохой конституціи: она сочувствовала не княжескимъ ассоціаціямъ, а имперскимъ учрежденіямъ, которыя, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, хоть сколько-нибудь охраняли ея политическія права. Но союзъ фюрстовъ вызывалъ общественныя симпатіи. Его основанія были гораздо шире, серьёзнѣе и благороднѣе. Конечно, и здѣсь абсолютизмъ игралъ важную роль, но это былъ тотъ абсолютизмъ, который считалъ себя «первымъ слугой своего государства». Идеи «просвѣщенія» несомнѣнно лежатъ въ основаніи союза князей. Здѣсь мы видимъ небывалый въ Германіи, несвой-

ственный прежнимъ княжескимъ ассоціаціямъ союзъ протестантизма съ католицизмомъ. И съ этой стороны можно назвать союзъ, какъ явленіе чисто политическое, послѣднимъ, запоздалымъ разсчетомъ съ средневѣковымъ духомъ, царствовавшимъ въ Европѣ до Вестфальскаго мира. Сверхъ того, въ нѣмецкой уніи Фридриха мы видимъ разумное стремленіе къ преобразованію конституціи въ интересахъ всей націи, и оно уже созрѣло до практическаго обдуманнаго плана. Принципомъ послѣдняго было объединеніе и возрожденіе Германіи на началѣ равенства между всѣми ея частями. Тутъ безспорно присутствіе истиннаго патріотизма, который воплотился въ благородной личности Карла-Августа веймарскаго. Нельзя не придавать серьёзнаго значенія слѣдующимъ меланхолическимъ словамъ друга и воспитателя этого безкорыстнаго фюрста: «Если бы великіе замыслы герцога не были разрушены политическими отношеніями и событіями, Германія вскорѣ до того усилилась бы, что упорнѣе боролась бы съ разразившимися надъ нею бурями, или же съ бо́льшимъ достоинствомъ пала бы подъ ихъ ударами» [1]).

Прусское начало въ исторіи нѣмецкой національной идеи обнаружилось впервые въ союзѣ князей. До Фридриха II Пруссія была настолько слаба, что всѣ ея заботы были поглощены собственнымъ устройствомъ и самосохраненіемъ. Европейскія войны Фридриха впервые выводили ее за эти ограниченные предѣлы. Но онѣ были отчаяннымъ средствомъ, крайнимъ напряженіемъ силъ все той же Пруссіи, одинокой въ Германіи и далекой отъ ея интересовъ. Союзъ же князей, это—начало внутреннихъ связей между Пруссіей и нѣмецкой имперіей. Фридрихъ чувствовалъ, что Германія должна превратиться въ Пруссію, но не иначе какъ путемъ излюбленной ею формы—федераціи. Нужно было только умѣючи и постепенно превращать гегемонію въ державу. Союзъ фюрстовъ былъ первою попыткой прусской гегемоніи. Фридрихъ полагалъ первый камень въ основаніе великаго зданія — прусскаго объединенія Германіи. Исторія свидѣтельствуетъ, что путь, избранный Фридрихомъ, былъ вѣренъ: переходная форма союза постоянно повторялась въ Германіи, и при этомъ обыкновенно расширялся кругъ прусской гегемоніи.

Понявши значеніе нѣмецкой уніи Фридриха, можно уловить и связанныя съ нимъ причины ея скорой погибели. Европейское значеніе союза князей приносило съ собой неизбѣжныя затрудненія. Оно возбуждало опасное вниманіе и подозрительность ино-

[1]) *Görtz*, II, 280 sq.

странныхъ державъ, тѣмъ болѣе, что вождемъ нѣмецкой уніи была Фридрихова Пруссія, которая такъ недавно и такъ отважно вызвала почти всю Европу на борьбу съ собой. Оттого-то союзъ долженъ былъ таиться, быть крайне осторожнымъ; а это замедляло его развитіе, тормазило ходъ дѣлъ, ставило посторонніл задачи. Съ другой стороны, на уніи должны были отражаться всѣ европейскія событія. Союзники были непосредственно затронуты отмѣной феодальныхъ порядковъ національнымъ собраніемъ въ Парижѣ. Это способствовало походу Пруссіи и Австріи противъ французской революціи: фюрсты пошли за своими вождями безъ сопротивленія, тѣмъ болѣе, что тогда же были разрушены денежныя связи, соединявшія ихъ съ абсолютизмомъ Бурбоновъ. Наконецъ, если бы даже революція не породила Наполеона, она уже тѣмъ подрывала союзъ князей, что не давала созрѣть патріотической идеѣ.

А патріотическая идея болѣе всего зависѣла отъ времени—и здѣсь лежитъ вторая причина неудачи союза князей. Тогда нигдѣ политическіе замыслы не проходили въ жизнь съ такимъ трудомъ, какъ въ Германіи. Нація, неразвитая политически и проникнутая индивидуализмомъ до болѣзненности,—нѣмцы сами представляли много препятствій своимъ замысламъ. При переходѣ на практическую почву, патріотическія стремленія вызывали въ нихъ личные счеты и раздоры. Довольно припомнить «броженіе» у фюрстовъ и вопросъ о союзномъ съѣздѣ, чтобы убѣдиться, что тогда «просвѣщеніе» еще не успѣло подавить противообщественныхъ свойствъ нѣмцевъ. Оттого усилія такихъ патріотовъ, какъ герцогъ веймарскій, требовали много времени и полнаго спокойствія вокругъ. Процессъ созрѣванія національной идеи въ Германіи, въ концѣ прошлаго вѣка, былъ очень тяжелъ; обстоятельства же не облегчали, а затрудняли его.

Самымъ важнымъ изъ этихъ обстоятельствъ была нѣмецкая политика Пруссіи, осложнявшая развитіе національной идеи. Вслѣдствіе своихъ естественныхъ спеціальныхъ цѣлей, эта политика не могла отличаться ни энергіей, ни искренностью: она должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на усилія патріотовъ, внося въ нѣмецкую унію внутреннее и непреодолимое противорѣчіе. Какъ *государство*, Пруссія должна была руководиться эгоистическими стремленіями; какъ государство *свѣжее*, основанное на новыхъ началахъ, она должна была стараться разрушить имперскій нарядъ, этотъ чудовищный остатокъ феодализма въ Германіи. Въ Берлинѣ не было мѣста идеѣ серьёзнаго преобразованія нѣмецкой конституціи въ современную федерацію,

хотя блистательный примѣръ послѣдней явился именно тогда въ сѣверной Америкѣ, что не ускользнуло отъ вниманія патріота, Эрнста дессаускаго (гл. XI). Такая федерація навсегда остановила бы внѣшнее развитіе Пруссіи. Гогенцоллерны естественно понимали свою національную роль въ смыслѣ *прусскаго* объединенія Германіи. Это выяснялось все болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ царствованіемъ. И только здѣсь безспорно преемство идеи или историческое преданіе, которое менѣе замѣтно въ другихъ вопросахъ прусской политики.

Фридрихъ II нигдѣ не высказалъ прямо своего взгляда на «новую систему въ Германіи», какъ называлъ его политику Іоганнъ Мюллеръ. Фридрихъ не считалъ преступленіемъ передъ «отечествомъ» тѣ отношенія къ иностраннымъ державамъ, которыя послужили главнымъ мотивомъ для осужденія Австріи въ глазахъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ. Онъ старался затянуть Екатерину въ германскія дѣла и устроить союзъ князей «подъ покровительствомъ русскаго двора»; а его публицисты заботились о томъ, чтобы французскія войска не лишились возможности «проникать въ самое сердце Германіи». Въ то же время Фридрихъ постоянно говорилъ о необходимости дать отпоръ Австріи, и именно на югѣ, въ Баваріи: это—зерно знаменитаго сѣверо-германскаго союза. Наконецъ, онъ намекалъ, что «союзъ фюрстовъ достигнетъ чего-нибудь страшнаго», и хотѣлъ тотчасъ же заключить военныя конвенціи съ союзниками, чтобы взять ихъ войска къ себѣ на жалованье. А окружающая его среда уже жила, такъ сказать, въ атмосферѣ нѣмецкаго императорства. Еще во время Семилѣтней войны генералы говорили въ Потсдамѣ, что слѣдуетъ просто «меньше чѣмъ въ два года совсѣмъ уничтожить имперскую конституцію, завоевать *всю* Германію и возвести Фридриха на императорскій престолъ».

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, тотчасъ по смерти Фридриха, Гёрцъ уже прямо говорилъ, что союзъ князей хорошъ, какъ средство «усилить значеніе Пруссіи», которая должна быть «единственной защитницей нѣмецкой конституціи, чѣмъ она, конечно, будетъ и *безъ* союза». А Герцбергъ довольно ясно указывалъ на идею сѣверо-германскаго союза въ своей запискѣ объ утвержденіи уніи, поданной новому королю тотчасъ по смерти Фридриха II [1]). Базельскій миръ былъ уже первой попыткой къ осу-

---

[1]) „Das jenige was die in Oberdeutschland verbundenen Fürsten stellen können kann nur erst alsdann, wenn man schon mit einer formidablen Macht an den baierischen Grenzen erscheint, benutzt werden“. *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 399.

ществленію этой идеи. Разрѣзывая Германію майнскою линіей пополамъ, Пруссія предоставляла югъ на произволъ французамъ, а сѣверъ надѣялась собрать вокругъ своего знамени. Къ тому же клонилось дальнѣйшее поведеніе берлинскаго двора. Александръ I и Наполеонъ заставляли его балансировать, обѣщая каждый, въ свою очередь, доставить ему Ганноверъ.

Въ то время, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, уже созрѣла идея сѣверо-германскаго союза. Въ 1800 году явился даже планъ послѣдняго, составленный Домомъ [1]), и онъ былъ возобновленъ наканунѣ роковой Іены и Ауерштедта. У принцевъ, генераловъ, дипломатовъ и даже у такихъ министровъ, какъ Штейнъ, главною задачей берлинской политики считалось «присоединить къ прусской монархіи важнѣйшія нѣмецкія государства, особенно на сѣверѣ». Они называли это «системой Фридриха и мудрости» и намекали, что потомъ можно дойти и до «соединенія *всей* Германіи подъ одною главой». Когда Наполеонъ разрушилъ нѣмецкую имперію, образовавъ Рейнскій союзъ, обнимавшій преимущественно южную Германію, въ Берлинѣ задумали соединить остальныхъ фюрстовъ и создать сѣверное императорство (nordisches Kaiserthum). И только противодѣйствіе Наполеона этому плану вызвало Пруссію на войну съ Франціей. Іенскій разгромъ уничтожилъ проектъ сѣверо-германскаго союза.

Затѣмъ, прусская идея союза князей на время отошла на задній планъ, такъ какъ нѣмецкій союзъ вѣнскаго конгресса былъ въ сущности возстановленіемъ старой имперіи съ преобладаніемъ Габсбурговъ. Она воскресла уже въ новой формѣ, какъ таможенный союзъ (Zollverein), въ которомъ числилось, въ 1828—1835 годахъ, до 25 милліоновъ жителей. А въ сороковыхъ годахъ, до февральской революціи, Фридрихъ-Вильгельмъ IV выступилъ съ смѣлымъ планомъ «возрожденія Германіи» и обѣщалъ, что самъ «станетъ во главѣ всего свободнаго отечества, Пруссія же расплывется въ высшемъ нѣмецкомъ единеніи». Въ отвѣтъ на такой патріотизмъ, нація поднесла ему императорскую корону, связанную съ новою всенѣмецкою конституціей, которая была завершеніемъ усилій такихъ патріотовъ, какъ Карлъ-Августъ веймарскій. Но она была разочарована точно такъ же, какъ этотъ послѣдній. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвѣчалъ, что «императорскую корону можно пріобрѣсти только на полѣ битвы».

Однако это приводило его къ такому же одинокому положенію, въ какомъ находился Фридрихъ II въ концѣ своего цар-

[1]) *Гейссеръ* (II, 508—520) читалъ его въ подлинникѣ.

ствованія. Оттого тогда же въ Берлинѣ задумали возвратиться къ «союзу князей». Въ 1849 году, точно также какъ въ 1785, тамъ происходили совѣщанія съ министрами Саксоніи и Ганновера. Но они не увѣнчались успѣхомъ. А между тѣмъ, Габсбурги искусно пользовались паденіемъ нравственнаго вліянія Гогенцоллерновъ въ Германіи и ихъ одиночествомъ. Тогда начался періодъ новаго возвышенія Австріи и униженія Пруссіи. Онъ продолжался до рокового столкновенія великихъ державъ Германіи у Садовой. Здѣсь побѣдила идея національнаго единства: Берлинъ вступилъ съ нею въ тѣсный союзъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Такъ насталъ на нашихъ глазахъ послѣдній періодъ въ исторіи развитія началъ, положенныхъ Фридрихомъ II въ основаніе «Союза князей», и вмѣстѣ послѣдній актъ того историческаго процесса, который завязался въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

ЕКАТЕРИНА О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЕВРОПЫ ВЪ 1780-хъ ГОДАХЪ.

Projet de lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann à l'ambassadeur Prince de Galitzin a Vienne 5/16 mai 1784 *).

Письмо начинается сообщеніемъ, что Екатерина весьма рада повышенію Кобенцля въ званіе чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Далѣе говорится, что Кобенцль началъ свои новыя обязанности съ „поступка весьма важнаго и весьма пріятнаго (agréable) для нашего двора“. Онъ представилъ ноту, въ которой снова заявляется дружба Іосифа съ Екатериной и предлагается скрѣпить ее „par des liens plus étroits et intimes entre les deux Empires“. Остерманъ посылаетъ копію съ нея Голицыну и говоритъ:

„Vous verrés que ses vuës portent sur le grand objet de faire revivre et de remettre dans toute sa vigueur le même système d'alliance qui étoit déja etabli sous feu les Imperatrices Elisabeth et Marie Therèse en l'année 1746; d'en faire la base immuable de la politique reciproque des deux Cours, et de se concerter en consequence dans la plus grande intimité entr'elles sur le choix de moyens qui pourront préparer les voyes à l'execution du principal bût que ce système embrasse [1]).

L'Imperatrice sachant si bien apprecier des ouvertures comme celles-ci, et qui prouvent mieux qu'aucune autre la confiance sans bornes que S. M. l'Empereur met dans son amitié, vous charge, monsieur, d'être l'interprête de la satisfaction, avec laquelle Sa Majesté a saisi une idée qui d'un côté est parfaitement analogue à ses sentimens personels pour S. M. l'Empereur, et qui de l'autre ne lui paroit pas moins correspondre aux interets reciproques des deux monarchies. Mais en donnant ces assurances avec toute la conviction possible, l'Imperatrice croiroit essentiellement manquer à la candeur et franchise dont Elle fait profession vis-à-vie de son allié, si avant que de proceder outre dans cette affaire, Elle n'invitoit S. M. à prendre en mûre deliberation, et à peser avec Elle la situation actuelle de l'Eu-

*) Эта бумага сильно перемарана; много поправокъ карандашомъ, переведенныхъ потомъ на чернила. Въ текстѣ документовъ вездѣ сохранено правописаніе того времени безъ всякихъ исправленій.

1) Зачеркнуто: celui d'abaisser la monarchie Prussienne.

rope et les precautions que les changemens considerables survenûs du depuis dans ce continent semble prescrire et exiger de toute necessité.

C'est ainsi que la revolution arrivée en Suède, la foiblesse du gouvernement de Dannemarc, la decadence de la Porte Ottomane, le traité de partage de la Pologne, les colonies de l'Amerique soustraites à la domination de l'Angleterre et la superiorité acquise sur mer par les deux principales branches de la maison de Bourbon, et fortifiée encore par l'adhesion de la Hollande, qui en rompant avec son ancienne alliée la Grande Bretagne pour se jetter entre les mains de la France va beaucoup contribuer à rendre cette Couronne plus preponderante sur terre; tous ces evenemens reunis ensemble ont changé ainsi dire tout-à-fait la face de l'Europe et etabli des rapports differens entre les Etats qui la composent.

Non que de tous les resultats qui en derivent aucun puisse empiéter sur l'union intime qui doit a jamais subsister entre la Russie et la monarchie Autrichienne; mais ils ont cependant introduit un autre etat des choses, duquel il faut partir et d'après lequel l'on doit calculer pour donner à des engagemens ulterieurs à contracter la solidité, la sanction et la reciprocité necessaires.

Voilà ce que V. E. tâchera de representer à M. le Prince de Kaunitz, à la penetration duquel on rend trop de justice ici pour douter que ce ministre ne sente lui même combien il importe de combiner les nouveaux liens avec ce même etat des choses; et vous lui temoignerés, par votre empressement à entendre ses reflexions sur cette matière interessante tout le cas que l'Imperatrice fait de ses lumières et de son experience consommée, et combien S. M. desire que... (неразборчиво) ouvrir confidentiellement.... avec S. M. l'Empereur son allié.

En attendant et jusqu'à ce que l'on parvienne à finir definitivement les idées sur cet objet important auquel S. M. apportera toutes les facilités; les engagemens qui subsistent entre les deux Cours etayés par les sentimens reciproques de souverains habitués à ne pas separer leurs interets sont deja suffisans pour parer tous les evenemens inprevûs, et surtout pour brider de toute façon l'humeur inquiète et jalouse du Roy de Prusse.

L'Imperatrice n'ignore point toutes les menées que ce Prince s'est permises pour contrecarrer, et pour faire echouer si cela avoit dependu de lui les dernières negociations de Constantinople; et que sans la cooperation efficace et preponderante de S. M. l'Empereur pour rendre ces mêmes efforts infructueux, Elle ne seroit point parvenuë à un denouëment aussi prompt et heureux de ses affaires, S. M. est persuadée de même que toute la politique du Roi se concentre maintenant dans le seul et unique bût de susciter des entraves à tout projet que l'interêt commun des deux Cours Imperiales pourroit leur suggérer et qu'Elle ne se trompe point en supposant que dès à present il travaille déja à la Cour de France pour reveiller son ancienne jalousie contre la maison d'Autriche; que cette Cour le cajole et qu'elle se croit foncièrement interessée à ne pas le laisser tomber.

L'evidence de ces verités ne permet non plus à l'Imperatrice de douter de la necessité qu'il y aura de saisir la première occasion favorable que le tems amenera pour ôter à rivalité du Roi de Prusse son poid et son influence. Mais en considerant ce même appuy decisif de la France sur lequel ce Prince aura à se reposer; et que cette Puissance ne manqueroit peut-être pas, le cas y echéant, d'amener dans ses interets le Roi de Suede, le roi de Sardaigne et quelques Princes d'Allemagne, il paroit indispensable de se prémunir contre ces differens evenemens par un plan préalablement concerté entre les deux Cours, et dont la confection fera d'autant moins de tort au bût principal que deux Monarchies comme celles de Russie et d'Autriche, qui augment (ent) en forces tous les jours doivent continuellement prendre de l'ascendant sur une Puissance factice telle que la Prussienne, dont tous les res-

sorts sont trop tendus, et qui en grande partie ne se soutient que par le génie fertile en ressources du Souverain qui à l'heure qu'il est touche à son declin".

Затѣмъ предписывается Голицыну заявить Кауницу, что Екатерина желаетъ „de cimenter de plus en plus une alliance qu'Elle envisage comme intimément liée à la gloire et à la prosperité de l'Empire de Russie", etc.

Проектъ рескрипта къ послу князю Голицыну въ Вѣну [1]).

„Какъ скоро дошло къ знанію нашему что извѣстная лига Берлинскимъ дворомъ затѣянная достигла уже такой степени что и Король Аглинскій въ качествѣ Курфирста Ганноверскаго къ ней приступить рѣшился, Мы тотъ часъ указали Нашему министру въ Лондонѣ Генералу-Поручику Графу Воронцову изъясниться съ Министерствомъ Британскимъ и здѣлать всѣ внушенія кои могутъ только служить къ отвращенію Короля Аглинскаго отъ поступка толь неожидаемаго [2]).

Между тѣмъ Графъ Воронцовъ, по предварительнымъ о сей лигѣ извѣщеніямъ отъ посланника Нашего при духовныхъ Курфирстахъ и разныхъ округахъ Германской Имперіи Камеръ-Гера Графа Румянцева, исполняя данныя ему отъ Насъ Генеральныя наставленія о предъостереженіи всего что Нашимъ или союзниковъ нашихъ интересамъ вредно не упустилъ самъ собою вступить въ изъясненіе съ Аглинскимъ Министерствомъ по сей матеріи, и представить всю неудобность ихъ поведенія [3]).

Мы встрѣтили съ удовольствіемъ что Графъ Воронцовъ довелъ лорда Кармартена до нѣкоего искренняго съ Графомъ Кагенекомъ изъясненія, и по крайней мѣрѣ отчасти открылъ прямый образъ мыслей Лондонскаго Кабинета [4]).

Изъ сей послѣдней (депеши Кауница) вы увидите какія здѣлалъ Намъ вопросы вѣнскій дворъ по настоящему дѣлъ положенію, желая дружески знать мысли Наши по онымъ. Содержаніе сего рескрипта будетъ достаточнымъ на все отвѣтомъ и послужитъ у его величества императора новымъ доводомъ Нашей откровенности и непремѣннаго расположенія сохранять дружбу и союзъ съ нимъ.

Удалены Мы отъ того конечно чтобъ домогаться, или совѣтовать вѣнскому Двору спѣшить къ союзу съ Англіею, Мы вѣдаемъ положеніе его съ Франціею, и входимъ во всѣ тѣ уваженія, кои Князь Кауницъ сообщаетъ въ депеши Графу Кобенцлю; но не почитаемъ ни труднымъ, ни съ настоящею его связью не совмѣстнымъ, когда его величество Императоръ употребитъ всѣ зависящія отъ него способы къ успокоенію и приласканію Англіи увѣреніями, коль неосновательны суть подозрѣнія внушаемыя ей отъ завистниковъ славы и величія Австрійской Монархіи о намѣреніяхъ вѣнскаго двора пособствовать версальскому на вредъ Англіи, и на отдаленіе ея отъ участія въ дѣлахъ на твердой землѣ, и что союзъ между Императоромъ и Франціею не имѣетъ ни какой вредной цѣли противу короны Британской. Между тѣсною связью и холодностью есть еще посредство: и ежели во время войны между Англіею и

---

[1]) Въ концѣ помѣтка: „Отправленъ кажется сентября 4-го 1785". Но писанъ этотъ рескриптъ 29 августа, какъ видно изъ депеши Голицына Екатеринѣ, отъ 1/12 ноября 1785 г.

[2]) Здѣсь вставлено: „Силу сего повелѣнія усмотрите во всемъ пространствѣ изъ копіи письма" Остермана къ Воронцову. Но эта копія вынута.

[3]) Тутъ были приложены копіи съ писемъ Воронцова къ Остерману и Безбородку; но онѣ вынуты.

[4]) Здѣсь прилагались копіи донесеній Кагенека Кауницу и депеши Кауница Кобенцлю; но онѣ вынуты.

Франціею былъ его величество въ состояніи доказать ей свое доброхотство и до того пріобрѣсть довѣренность что Лондонскій кабинетъ пригласилъ вѣнскій дворъ къ медіаціи; то кольми паче удобнѣе то можно здѣлать въ мирное время, когда обѣ сіи соперницы весьма еще далеко отстоятъ отъ возможности и доброй воли возобновить войну между собою.

Признавъ неудобства встрѣчаемыя Нами на настоящее время въ союзѣ Императора съ Англіею, увѣрены Мы, что его величество еще болѣе увидитъ затрудненія въ зближеніи Нашемъ съ Франціею. Англія по-крайней мѣрѣ до сего времени не была противоборствующею интересамъ Нашимъ, она приноситъ намъ великую пользу въ торговлѣ и доказала доброе ея расположеніе къ имперіи Нашей во время войны Нашей съ Турками, удержавъ версальской дворъ въ недѣйствіи, посреди самой войны 1756 года бывъ вовлечена политическими ея ошибками въ сторону Намъ противную, сохранила съ Нами доброе согласіе и свободу торговли. При собственныхъ Нашихъ способахъ и при содѣйствіи столько же сильномъ, сколько и искреннемъ друга и союзника Нашего Императора Римскаго, въ послѣднихъ Нашихъ распряхъ съ Турками не имѣли Мы конечно надобности въ добрыхъ услугахъ ни Англіи ни Франціи; но не можемъ не сказать что старанія одной тутъ были добровольныя и главнѣйше основанныя на желаніи здѣлать для Насъ что либо угодно; вмѣсто того что подвиги версальскаго двора были самые вынужденные твердостію Нашею и Императора, и проистекшіе единственно изъ дружбы его къ Портѣ опасаяся войны для нея пагубной.

Преходя молчаніемъ многія доказательства съ какимъ усиліемъ версальскій Дворъ старался Намъ вездѣ вредить, обратимъ Мы вниманіе Наше на настоящее ея поведеніе. Все ея упражненіе въ томъ только состоитъ чтобъ Турковъ укрѣпить и усилить. Нѣтъ сомнѣнія что намѣренія ея не тѣмъ одним ограничиваются, какъ Министры ея предъявляютъ, чтобъ обезпечить только Порту отъ всякихъ покушеній на ея разрушеніе; но съ тѣмъ дабы могла она въ случаѣ надобности по своимъ видамъ обратить ихъ противу Насъ съ крайнимъ вредомъ Нашимъ.

Неменьше увѣрены Мы что и вездѣ не упуститъ сія держава воздвигать Намъ препоны, и напрягать всѣ силы ея не допустить Насъ участвовать въ дѣлахъ, и тѣмъ ущерблять поверхность пріобрѣтенную ихъ политикою и кою слабость другихъ державъ въ рукахъ ея терпѣла.

На конецъ знаемъ Мы, да и самъ его величество Императоръ имѣетъ вѣрныя въ рукахъ своихъ свѣденія, что подвиги сего двора устремлены къ тому дабы произвести между Нами недовѣренность и холодность; а чрезъ то здѣлать Насъ другъ другу неполезными. Не одни простые слухи то открываютъ; разговоры Министровъ ихъ съ Нашими служатъ яснымъ тому доводомъ. Хотя мы удаляемся отъ всякаго подробнаго изъясненія съ ними по настоящимъ дѣламъ Германскимъ и Голландскому; не можемъ однакожъ скрыть отъ его величества, что при всякомъ случаѣ Министры французскіе стараются какъ продолженіе дѣла Голландскаго, такъ и составленіе лиги въ Германіи относить на щетъ вѣнскаго двора, пороча отзывы его по нѣмецкимъ дѣламъ, обольщая Насъ мнимою пользою зближенія съ ними, и въ тоже время твердя что Король Французскій для сохраненія покоя въ Европѣ не пожалѣетъ всѣхъ своихъ способовъ и пожертвуетъ своими союзниками; словомъ, употребляя всѣ непристойныя способы чтобъ вырвать что нибудь у Насъ и дабы можетъ быть послѣ воспользоваться тѣмъ къ произведенію остуды между Нами. Мы имѣемъ причину подозрѣвать что сей дворъ равные употребитъ орудія и противъ Насъ въ Вѣнѣ; но надѣемся на дружбу Императора что онъ не дастъ мѣста подобнымъ клеветамъ.

До какой степени можно полагаться на искренность версальскаго двора и на его пособіе, его величество Императоръ самъ лучше въ состояніи судить изъ опытовъ какъ многихъ прежнихъ и особливо бывшей въ 1756 году войны, гдѣ Франція

довольно ясно показала обоимъ императорскимъ дворамъ что не одни у нея интересы съ ними въ разсужденіи Короля Прусскаго, такъ и вновь, напначеже изъ внушенія учиненнаго имъ по Голландскому дѣлу, и изъ отвѣтовъ относительно промѣна земель Баварскихъ: да и нѣтъ сомнѣнія что политика ея къ тому клонится дабы изнуреніемъ и самихъ своихъ союзниковъ здѣлаться сильнѣе и захватить въ свои руки рѣшеніе жребія другихъ державъ во всякихъ ихъ дѣлахъ и спорахъ.

Союзники обыкновенно тѣ надежны, и связи тѣ прочны гдѣ взаимная помощь несомнительна и интерессы нераздѣльны. Таковъ есть Нашъ союзъ съ вѣнскимъ дворомъ. Пользу его испытали Мы уже на дѣлѣ. Его величество Императоръ да будетъ удостовѣренъ что вездѣ гдѣ польза и слава его и Свѣтлѣйшаго Австрійскаго дома, илиже безопасность его Монархіи востребуетъ, нетокмо исполнимъ обязательства Наши; но и по всей возможности Нашей онымъ содѣйствовать не отречемся.

Не настоимъ Мы, чтобъ союзъ его величества съ Франціею былъ разрушенъ; Мы напротивъ того почитаемъ для общихъ дѣлъ Нашихъ выгоднымъ, когда сохранитъ онъ свою силу надъ версальскимъ дворомъ, и ожидаемъ отъ дружбы его къ Намъ что онъ употребитъ всѣ средства свои отвесть версальской Дворъ отъ пособія Туркамъ, представляя ему что подобные поступки не сходствуютъ съ внушеніями того двора объ искреннемъ его желаніи быть съ нами въ добромъ согласіи. Впрочемъ уклоняяся по сіе время отъ союза съ Великобританіею имѣли Мы къ тому не малымъ поводомъ уваженіе къ интересамъ союзника Нашего и къ положенію его съ Франціею; но по искренности Нашей не скроемъ отъ его величества, что потеря Англіи яко естественнаго друга Нашего и поставленіе ея на Прусской сторонѣ, не могутъ быть намъ пріятны, и что какъ Мы не можемъ оставить безъ употребленія способовъ къ отвращенію ея отъ сей для насъ не выгодной связи доколѣ есть еще время, и покуда изъ приступленія къ Лигѣ Берлинской Курфирста Ганноверскаго, не вышелъ еще союзъ короля Аглинскаго съ Прусскимъ; такъ равнымъ образомъ въ случаѣ новыхъ раздоровъ между Франціею и Англіею нельзя Намъ смотрѣть равнодушно на дальнѣйшій сея послѣдней упадокъ; да и увѣрены Мы что и собственныя интересы его величества Императора не дозволятъ допустить сію державу докрайняго униженія ея могущества.

Что принадлежитъ до Берлинской Лиги, послѣ здѣланныхъ отъ насъ и его величества Императора увѣреній оправдая оныя дѣломъ самимъ, Мы можемъ надѣяться что время и обстоятельства испровергнутъ сей плодъ зависти короля Прусскаго къ обоимъ императорскимъ дворамъ. Неизвѣстны Намъ еще подробныя постановленія сея конфедераціи; но будебы и имѣлися артикулы во вредъ Намъ и союзнику нашему; Мы увѣрены что ни больше ни меньше не представитъ Намъ трудности, какъ и безъ заключенія сея лиги, встрѣтивъ сопротивленіе короля Прусскаго. По мнѣнію Нашему всего лучше дѣлу сему давать менѣе важности, самое сообщеніе его принять съ холодностію избѣгая всякихъ раздробленій и изъясненій, а между тѣмъ дѣйствія и поступки Наши учреждать по Нашимъ видамъ съ наблюденіемъ святости обязательствъ Нашихъ въ разсужденіи Германской Имперіи и стараяся разными ласковыми образами князей и членовъ Германскихъ привлечь къ сторонѣ Нашей, къ чему глава той Имперіи болѣе всѣхъ способы имѣетъ.

Таковы суть мысли Наши по настоящимъ дѣламъ въ Европѣ".

Инструкція каммергеру Сергѣю Румянцову отъ 14 февраля 1786 г. [1]

Ist es hier nächst nothwendig des Herrn Kammernherrn besondern Aufmerksamkeit auf den Berlinischen Hof zu lencken, als den eigentlichen Ort seines Dienstes; dieser muss in doppelter Rucksicht betrachtet und erwäget werden. Erstlich als eine für sich starke Macht, zweitens aber als eine Stütze und Mittelpunkt der Vereinigung mehrerer Deutscher Höfe. In dieser Zweifachen Eigenschaft kann die Freundschaft und das Bündniss mit dem Könige von Preussen, für andere Mächte, folglich auch für Russland nicht immer gleichgültig seyn; daher rührte auch Unsere ehemalige genaue mit Seiner Preussischen Majestät Verbindung. Man kann nicht sagen, dass wir nicht zu seiner Zeit von derselben Nutzen gezogen hätten und dass sie nicht in einigem Betracht unserm Interesse zuträglich seyn sollte, da wir bei einem Bündnisse mit dem Könige von Preussen und insonderheit bei einem ähnlichen mit dem Könige von Dannemark in einem Kriege mit Türcken einigermassen zu Land, freye Hände haben können, denn die Kriegs-Macht dieses Monarchen, würde den sodann Wiener-Hof von einer thätigen Theilnehme auch den Neid von Seite Frankreichs zurückhalten; bis auf einen gewissen Grad können wir gleichfalls von Seiten Schwedens ruhig seyn, das bis itzt nicht ihre vorige von Russland mit füssen getretene Grösse vergisset, und folglich bereit ist, sich der ersten bequemen Gelegenheit wieder uns zu bedienen, denn beydem ersten Schritte hatte es zu befürchten den übrigen Theil von Pommern zu verlieren; in Pohlen können wir einen vorzüglichen und auch in Deutschland einigen Einfluss erhalten, in Kurland aber vollkommen herrschen. Diese Vortheile scheinen bei dem ersten Anblicke nicht unwichtig zu seyn: bei einer näheren Zergliederung aber wird man sich bald überzeugen, dass sie es nicht sind. Die natürliche Lage der Länder des Königs von Preussen muss nothwendig in ihm und seinen Nachfolgern den Neid und die Begirde selbige zu vergrössern, zugleich aber auch ein Mistrauen in unserer Macht erwecken, da sie sehr bald und sehr bequem gegen das Königreich Preussen gerüstet werden kann, wo aller Wiederstand gegen Uns unzureichend seyn, und wo jede Verstärkung unvermeidlich der (die?) Preussische(n) Monarchie nach Deutschland zu, und folglich in ihren besten und wichtigsten Besitzungen schwächen würde. Auf solche Art kann die Freundschaft zwischen Russland und Preussen, weil sie nicht in der Natur der Dinge gegründet ist, nicht anders als zeitlich und zwar nach dem Zusammenfluss der Umstände bestehen. Ist nun dies eine unstässliche Wahrheit; wer kann alsdann mit Grunde voraussetzen, dass der König von Preussen, bei einem neuen Kriege zwischen Uns und der Ottomanischen Pforte, der dem Anschein nach den Umsturz dieses Reiches zu wege bringen konnte, den Wienerhof von einer diversion wieder Uns abwenden? und nicht vielmehr selbst sich mit ihm vereinigen, oder wenigstens die Schweden gegen Uns aufwiegeln würde, um den Fortgang unserer Waffen zu hemmen, und dass die Pforte als ein Reich, das einen ansehnlichen theil Unserer Macht nach ihrer Seite zieht zu retten. Ein solcher egal Misstand, Schwierigkeit, kann in einem ähnlichen Falle nicht so gewiss in Ansehung Unseres Bündnisses mit dem Wienerhofe statt finden, weil da unser beiderseitiges Interesse gerade auf ein dem Berlinischen Hofe nachtheiliger und dieser fur ihn auch beständig unangenehmer Ziel gerüstet ist.

Unsern sichercheit von Seite Schwedens kann für den grössten Vortheil des un-

---

[1]) Подписана Остерманомъ, Безбородкомъ и Бакунинымъ. На полѣ помѣтка: „Auf dem Original ist von Ihro Kaiserlichen Majestät eigenhändig geschrieben also: Es bleibe also. Zu St.-Petersbourg, 23 December 1785".

sers Bündnisses mit Preussen ansehen werden, aber auch dieser wird allenzeit dem Haupt Interesse des Berlinischen Hofes das ist seinem Neide über unsern wesentlichen Zuwachs nachstehen. Dieser Neid aber wird, den Umständen nach, entweder innerlich genähert, oder auch offenbar sich zeigen. Erwäget man nun hiebei, dass eine diversion von Seite der Schweden, insonderheit bei einem Bündnisse mit Dänemark und als dann für Uns empfing(d)lich seyn könnte, wenn wir genöthiget wären, alle Unsere Macht nach andere Gegenden zu entfernen und sie dort zu erschöpfen, kann man wohl alsdann nicht mit Gewisheit voraussetzen, dass Preisser bei einem so unangenehmen Vorfalle nicht eher selbst versuchen würde den Augenblick zu nuzen, als Schweden, eine durch natürliche Lage ihr freundschaftliche und ihr immer mehr oder weniger nüsliche Macht, davon abzuhalten?

Zur Erhaltung Unseres allen andern übertreffenden Einflusses in Polhen, ist ein Bündniss mit dem Könige von Preussen weniger zuträglich, als eins mit dem Hause Oesterreich. Nach den(r) natürlichen Lage seiner Länder muss es vorzüglich sein Augenmerk und seine Wachsamkeit auf die Ottomanische Pforte(,) den König von Preussen und Frankreich richten, weil es von einem jeden von Ihnen unmittelbar angegriffen werden kann; dahingegen der König von Preussen einer ähnlichen Gefahr nur von zween Seiten ausgesetzt ist, nämlich von Oesterreich unmittelbar, und von Russland über Kurland und Pohlen. Folgt nicht schon hieraus, als ein sicher Schluss, dass es dem Berlinischen Hofe nöthiger, als dem Wiener Hofe sey, seinen Einfluss in Pohlen einzuführen und gründen, wenn zu befestigen gleich nach Zeit und Umständen nicht wider den Russischen, doch wenigstens auf jeder(n) Fall fürs erst unabhängig von demselben.

Die nämlichen Betrachtungen kommen auch in Betreff des Einflusses in Deutschland vor. Mit der Regierung des jetzigen Königs von Preussen fing er an sich in den Oesterreichischen und Brandenburgischen zu theilen, anstatt, dass ehemals die Krone Frankreich(s) dem des erstern die Waage hielt. Dies musste nothwendig von dem Grade der Macht und des Ansehens, wozu Friedrich der Zweite seine Monarchie erhob, entstehen. Frankreich, das in Verhältniss dieses Zuwachses sein Gewicht in der Angelegenheit des Reichs verlor, gerieth auf de(n) Gedanken, sich mit dem Wiener-hofe zu verbinden, um durch diese Aenderung seines vorigen Systems einen Theil seines Verlusts wieder zu erseg(tz)en; eben dadurch scheint es aber bereitet zu haben, dass Preussens Einfluss noch mehr Wurzel gefasst und verstärkt worden, indem Es nicht allein das Protestantische Corps, sondern auch einen Theil der Catholischen Stände an sich gezogen. In einer solchen Lage des Gemüthes brach der bekante Krieg über die Bayersche Erbschaft aus. Er endigte sich durch den Teschner Friede, der von Ihro Kaiserlichen Majestät garantirt, den ersten Grund zum Russischen Einflusse in Deutschland legte und Uns das Recht gab unmittelbar selbst nicht aber durch einen dritten an den Politischen Händeln Deutschlands Antheil zu nehmen. Diese neue begebenheit schwächte dort noch mehr den Einfluss des französischen Hofes, obgleich Seine *Allerchristlichste* Majestät mit Garant (Mitgarant) des Teschner friedens waren, und zernichtete so zu sagen völlig den des Schwedischen, indem sie Russland an seine Stelle versetzte welches [1]), um jederzeit eine ansehnliche Rolle zu spielen, entweder mit dem Wiener oder dem Berliner Hofe, als den ersten Triebfedern aller Geschäfte in Verbindung stehen und sich daher nach ihren Politischen Absichten, sowie die eine oder die andere Unsere eigene angemessenst seyn werde, zu richten hat. Es ist bekant, dass seit einiger Zeit der Kredit des Wiener Hofes bei vielen Churfürsten und Fürsten sehr gefallen ist, selbst bei dem Churfürsten von Mainz als dem beständigen Reichs Tags

[1]) Здѣсь слѣдуетъ неразборчивое слово, которое стоитъ вмѣсто зачеркнутаго jedoch.

Director, und in dieser Eigenschaft beständige(m) Anhänger des Reichs-Oberhaupte(s) und dass dagegen der Einfluss des Preussischen Hofes zum Nachtheil Oesterreichs den bekanten Bund, zur Aufrechthaltung der Reichs-Constitution zu einer Zeit zu Stande gebracht, da für dieselbe nicht der geringste Schein einer Gefahr vorhanden war und die Veranlassung dazu, blos eine von hieraus dem Herzoge von Zweibrücken eines undurchdringlichen Geheimnisses unter dem Versprechen von seiner Seite geschehene Insinuation [1]), wegen eines gäblichen Austausches von Bayern gegen die Oesterreichische Niederland, gewesen, die aber überall als ein den Teschner frieden verlezendes Verfahren geschildert wurde. Dergleichen verhasste Gerüchte können und müssen als unwiederlegliche Beweise dienen, dass wenigstens izt der Preussische Hof sich in(m) ganzen teutschen Reiche bemühen werde Unser Credit eher zu mindern, als zu vergrössern.

Bei dem Bündnisse mit dem Könige von Preussen kann Unsere Obermacht in Curland unbegränzt seyn, so wie es im entgegengesetzten falle wahrscheinlich ist, dass er jeden Unseren eigenmächtigen Schritt(e) daselbst tadeln, die Klagen deren Curländer unterstützen, ihre Unzufriedenheit vermehren, und dadurch die dasige(sic) Regierung an sich ziehen, den Umständen nach aber sich sogar den Weg bahnen werde den Herzoglosen Buhl in seine Hände zu spielen. Diese Ungelegenheiten sind indessen nicht von der Art, um bei Abwägung Unserer Verbindungen einen hohen werth auf selbige zu setzen müssen, selbst nicht einmal auf den letztern theil derselben, weil es uns nie an Mitteln fehlen kann ihnen vorzubeugen. Diese umständliche Erläuterung über Preussens verbindung in Bezug auf Russland, soll, nach Ihro Kayserlichen Majestät Allerhöchsten Willensmeynung, dem herrn Kammerherrn zur beständigen Richtschmer in seiner politischen Laufbahn dienen und hat er daraus Zeiten und Umständen nach die einen(m) jeden besondern fall angemessene Weisung zu entlehnen.

Bald nach Ihro Kayserlichen Majestät glücklichen und glorreichen Gelangung zum Thron, als Russland, sowohl von innen in Zerrüttung als auch von Aussen ohne alle politische Verbindung war, denn das, mit dem Könige von Preussen, damals nach dem Kriege errichtete schleunige Bundniss, muss billig für nicht anders, als eine wahre Unterjochung angesehen werde(n), fingen beide, der Wiener so wie der Berliner Hof, an, um Ihro Kayserlichen Majestät freundschaft zu bewerben; Ihre Absichten und Vorderungen aber waren sehr verschiedene, ersterer wollte, dass Russland, welches mittlerweile einen beschwerlichen Krieg geendigt hatte, sich aufs neue mit demselben belästigen, und ohne alle Aenderung wieder in alle vorige Verbindungen der verstorbenen Kayserin treten sollte, welches jedoch mit unsere(n) damaligen Umständen durchaus nicht bestehen konnte; und lezterer suchte uns, dass das von seinem Joche befreite Russland im Ruhe bleiben, und durch Erneuerung seiner vorigen Verbindungen mit dem Oesterreichischen Hause nicht zugleich, den, sich seiner Endschaft nähernden Kriege mit ihm erneuern, möchte. Nur die Grösse der Forderungen des Wiener-Hofes war ihrer völligen Erfüllung hinderlich, und dieser Umstand nöthigte ihn bald darauf, den, von Ihro Kayserlichen Majestät der verstorbenen Kayserin Königin vorgeschlagen(en) gemeinschaftlichen Plan, die Wahl des itzigen Königs von Polen betreffend von sich abzulehnen, dem seine Königliche Preussische Majestät im gegentheil unverzüglich beitrat, und sich durch den ersten mit Uns, im Jahr 1764 geschlossenen Allianz-tractat verbindlich machte mit Russland gemeinschaftlich und nach seinen Absichten zu handeln; den, nach dem Wil-

[1]) Здѣсь переписчикъ, очевидно, перепуталъ строки. Должно читать: „unter dem Versprechen von seiner Seite eines undurchdringlichen Geheimnisses geschehene Insinuation“.

len Ihro Kayserlichen Majestät erwählten König zu schützen und niema(n)dem zu gestatten an Polens Angelegenheiten thätigen Antheil zu nehmen. Dieser erste Allianz-tractat wurde [1]) in der Zwischenh(z)eit da in Pohlen die Confäderationen anfingen und fortdau(e)rten; da nach ihnen der türkische Krieg aus brach, da von Kayserlichen Seite Zurüstungen fertig gemacht wurden, und da man zur theilung der Polnischen Provinzen unter den dreyen Höfen schritt, nach den Umständen zu verschiedenen malen erneuert, erweitert und endlich im Jahre 1777 bis auf das Jahr 1788 verlängert. Als eine folge dieser Politischen Maassregeln war, der von Ihro Kayserlichen Majestät an der Bayerischen Süccessions Sache genommene Antheil und selbst der Teschner friede, der, wie gesagt, den teutschen Reichs-ständen die Garantie Ihro Kayserlichen Majestät über die Aufrechterhaltung ihrer Constitution zu wege brachte. Nun schien es überall, dass mit diesem friedens-Schlusse auch unsere Politische Verbindung mit dem Könige von Preussen zur Vollkommenheit gereicht sey, den(n) da erhielt er die gesetzmässige freiheit beide fränkische Mark-Grafschaften nach dem Tode ihres gegenwärtigen Besitzers seiner Monarchie ein zu vorleiben, dies genügte ihm aber nicht. Er bezeugte seine Unzufriedenheit dass Ihro Kayserliche Majestät, welcher die Gesinnungen und Wünschen des Römischen Kayserś die Verbindlichkeiten des teschner-friedens heilig und unverbrechlich zu halten, persönlich bekannt wurde(n), für nüzlich eransteten [2]) mit seine(r) Majestät in eine Defensiv-Alianz zu treten. Die Unzufriedenheit des Königs von Preussen hat allerdings keinen andern Grund als seine(n) beständige(n) Neid gegen das Haus Oesterreich, den(n) in allen unsern mit ihm geschlossenen Tractaten ja selbst in dem engsten Bündnisse ist ausdrücklich und deutlich für beide theilen verabredet worden, mit andern Mächten Deffensiv-und-Allianz-Tractate zu schliessen, in so ferne sie nämlich nicht zum wechselseitigen Schaden gereichen. Man mag es auslegen wie man will, so bleibt es dennoch wahr, dass hiesigerseite nicht in Absicht gewesen, noch izt vorhanden ist, Unsere bisherige(n) Verbindlichkeiten mit dem Könige von Preussen aufzuheben und zu vernichten, so lange er sie selbst heilig halten, und in frieden bleiben wird, ohne die allgemeine Ruhe zu stöhren, in welchem fall Uns denn niemand billig verdencken kann, wenn Russland, dass mit dem Wiener und Berliner Hofe einerley Defensiv-tractate hat, dieselben thätig zum Nutzen des beleidigten theils anwenden. Jeder unpartheysche deutsche Reichs-stand muss in dieser Unsere(n) Verfassung [3]) eine doppelte Sicherheit, nemlich die seiner eigenen, und der allgemeinen Ruhe antreffen. Diese Wahrheit muss überall auf eine überzeugende weise so gar dem Preussischen Ministerio dargethan werden, wenn sich die Gelegenheit dazu, durch dessen eigene A(e)usserungen nicht aber anders, darbieten sollte. So viel man aber aus dem itzigen Verfahren Unsers alten Alliirten urtheilen kann, ist es unglaublich, dass er so eine glänzende und entscheidende Rolle in den Händen Ihro Kayserlichen Majestät sehen und von derselben abhängen wolle, er, der einmal gewohnt ist, andere in seinem Gefolge zu haben. Aus dieser einzigen Quelle entspringen die von Ihm überall geführten klagen gegen Russland und den Wiener-hof, das bei verschiedenen deutschen Höfen eingewurzelte von ihm beigebrachte Misstrauen, und zulezt ihre unter seiner Anleitung wirklich veranstaltete Zusammentretung.

Zu dieser Absicht gesellet sich vielleicht auch eine wirkliche furcht, dass die beiden Kayserlichen Höfe, unter dem Vorwande der ihnen zugeschriebenen grossen

---

[1]) Въ черновой замарано: wurde zu einer Zeit geschlossen als... etc., и подъ замараннымъ нѣсколько точекъ.

[2]) Это, конечно,—erachteten, соотвѣтствующее зачеркнутому—fanden.

[3]) Зачеркнуто—Gesinnung.

Unternehmungen wider die Ottomanische Pforte, ihr Augenmerk gerade auf die Preussische Monarchie richten, und sich vereiniget haben, selbige in die ihrem wahrem Interesse mehr angemessene Schrancke zurückzuführen. So sehr sich aber auch der König von Preussen in dieser möglichen Vorauszetzung irret; denn so lange er selbst niemanden beleidigt, wird mann auch nicht im Sinn haben, ihn durch irgend etwas zu beleidigen; so kann er doch im Gegentheil vermöge seiner eigenen Scharfsicht aus der Sachen Beschaffenheit, wohl einsehen, dass er die Macht des Preussischen Staates bereits die seinen Nachbaren anständigen Granzen hat überschreiten lassen, dass das wechselseitige Politische Interesse der beyden Kayserlichen Höfe, auf die natürliche Lage ihrer beyderseitigen Länder gegründet ist; dass selbiges daher dauerhaft und noch wanckend ist; und jedes mal bey vorfallenden Kaltsinnigkeiten wieder in seine natürliche Verbindung zurückkehren müsse, wenn einer dem andern unmittelbar nicht schaden kann, hingegen aber sich gegen jeden feind die thätigste und beste Hülfe, entweder durch defensionen selbst, oder durch Schützung gegen fremder diversionen, besonders aber in Ansehnung der Ottomanischen Pforte leisten können; dass es dem Oesterreichischen Hause von keinem Nutzen sey, weder in Pohlen, im Norden, noch sonst wo der Erweiterung und Gründung des Russischen Einflusses hindernisse in den Weg zu legen; dass ihm überall unsererseits eine gleiche bequemlichkeit offen stehe, da die beyderseitigen Länder reichliche Vortheile für ihren Handel besitzen, und dass übrigens das, zwischen beiden Souverains obwaletende enge Bündniss die frucht ihrer gegenseitigen bekanntschaft ihres gegenseitigen Zutrauens und ihrer gegenseitigen Achtung sey.

Man kann auch nicht sagen, dass der König von Preussen bei allen seinen Intrigen in Deutschland und anderwärts nicht äusserlich alle Wohlanständigkeit gegen den hiesigen Hof beobachtet häte, auch so gar in solchen fällen, wo es ihm unvermeidlich war, seine den unsrigen entgegengesetzte Gesinnungen und Schlö(ü)sse folgen, zu zeigen. Beispiele hievon sah man bei verschiedenen Gelegenheiten, als: bei den Aeusserungen über den baierschen tausch und während den(r) Negoziationen im betreff der Stadt Danzig, die bis jetzt noch unbeendiget sind. Uber diese Materie kann der Herr Kammerherr zu seiner Leitung ein hinlängliches Kenntniss aus den seinem Vorgänger ertheilten Allerhöchsten Befehlen schöpfen, welche Kraft dieser Instruktion auch für ihn gelten sollen.

Bei Gegeneinanderhaltung alles oberwähnten, kann der herr kammerherr leicht ermessen, dass das beste Ihro Kayserlichen Majestät Dienstes und der Geschäfte von ihm fordern schleunige und gewisse Nachrichten hier zu haben: 1) von dem Wesentlichen der, den deutschen fürstenbund ausmachenden, Verbindlichkeiten, und worin selbige eigentlich bestehen, ob einige geheime Artikel dabei sind und was in selbigen im fall einer Allianz bestimmt ist; von gegenseitiger Unterstützung durch Waffen oder Geld; von der Anzahl der Hülfs-truppen, oder Subsidien, von den Zusammen-kunfts-Oertern der Alliirten Armeen; von den Befels-habern derselben; von den Operations-Planen; von der Römischen Königs-Wahl; von der Einsezzung neuer Churfürsten; von Secularisationen und anderen dergleichen wichtigen Umständen".— 2) Румянцевъ долженъ былъ сообщать свѣдѣнія о финансахъ прусскаго короля.

Затѣмъ инструкція объясняетъ всѣ наши тогдашніе союзы.

1) Съ *Даніей* оборонительный трактатъ и другіе союзы (Bündnisse). Наши связи съ ней особенно усилились отъ промѣна графствъ Дельменгорстъ и Ольденбургъ на германскія наслѣдственныя земли его императорскаго высочества великаго герцога, къ выгодѣ младшей голштинской линіи. Въ 1782 году заключенъ съ Даніей выгодный для обѣихъ державъ торговый трактатъ.

2) Съ *Швеціей* Абоскій мирный трактатъ. Впрочемъ, этотъ дворъ находится въ сильной зависимости отъ Франціи. Теперь, по смерти любекскаго епископа, къ ко-

торому, какъ къ старшему въ младшей голштинской линіи, перешло управленіе графствами Ольденбургъ и Дельменгорстъ, Швеція выставляетъ претензіи, съ которыми, вѣроятно, и явится на регенсбургскомъ сеймѣ, чтобы завязать тамъ безконечный процессъ".

3) Съ *Польской республикой* три трактата: одинъ 1686 года и два съ нынѣшнимъ королемъ. Въ послѣднемъ король утвердилъ вѣчную дружбу и отдалъ часть провинцій въ вознагражденіе за старинныя основательныя притязанія на польскія владѣнія (zum Equivalent der an Pohlen gehabten alten gegründeten Ansprüche).

4) Съ *Австріей* не только продолжается дружественная переписка, но такая пріязнь, что министрамъ обѣихъ державъ велѣно вездѣ быть во взаимной дружбѣ и довѣріи; особенно они должны помогать другъ другу въ Берлинѣ.

5) „Mit den Höfen des *Deutschen Reichs* wird ein, zwischen regierenden Häuptern, gewöhnlicher freundschaftlicher Briefwechsel gepflegen, welcher in Absicht des Sächsischen Hofes, seit seiner blinden Anhänglichkeit an den Anschlägen des Königs von Preussen, sehr trocken geworden ist; obgleich der Churfürst nichts destoweniger fortfähret, Ihrer Kayserlichen Majestät die kräftigsten Versicherungen von seiner Ergebenheit zu geben. Der verstorbene Landgraf von Hessen-Kassel, und auch der jetzige, so lange er vor dem Tode seines Vaters und (sic) Graf von Hanau war, bezeigten sich dem hiesigen hofe besonders ergeben und traten daher anfangs auch zum berlinischen fürstenbund nicht bei. Ihre Absicht war, ihrem Hause, durch unsere Vermittelung am Wiener hofe und in Deutschland, die Chur-Würde zu verschaffen, aber bei der Veränderung in der Regierung, anderte sich wahrscheinlich auch die Denkungs art des neuen Landgrafs. Mann muss das Anrathen des Englischen und die Schmeichelungen und Versprechungen des berliner hofes als die wahren Grundursachen hievon ansehen. Am Pfalzbayerschen hofe ist der regierende Churfürst recht sehr von dessen Erbfolger dem Herzoge von Zweibrücken zu unterscheiden; denn ersterer ist ganz dem Wiener-hofe ergeben, lezterer aber, da er völlig von Frankreich und besonders vom Könige von Preussen abhängt, ist uns bei Gelegenheit des ihm vorgeschlagenen gütlichen Austausches den(s) Bayerischen Landes ungetreu worden. Wie sehr der König von Preussen diese Verrätherey zur Beschuldigung beider Kayserlichen Höfe benuzet hate, ist bereits oben angezeiget. Man hat schon Grund zu vermuthen, dass der König von Preussen, mit seinen Anhängern, diesem Prinzen eine Aussicht zur Kayserkrone in Deutschland zu zeigen angefangen habe; ein Umstand, welcher der äussersten Aufmerksamkeit bedarf. Der Markgraf von baden ist bereits (dem) ofterwähnten Fürstenbunde beygetreten; ein gleiches ist vom Churfürsten von Maynz zu erwarten; der Markgraf von Anspach aber sich nach Paris gewandt, um selbigem auf eine gute Art auszuweichen.

Durch die Bande der Bluts-freundschaft vereinigt, und nach eigener Ueberzeugung, bleibt der Herzog von Würtemberg unverändert bey seinen guten Gesinnungen fur Ihro Kayserliche Majestät; der Herzog von Meklenburg hat den Vorschlag des Preussischen Hofes von sich abgewig(s)en. Wegen der übrigen deutschen Höfe hat man noch keine gewisse Nachricht".

6) Торговый трактатъ съ *Англіей* заключается теперь. Хотя прежній трактатъ еще не возобновленъ, вслѣдствіе различныхъ препятствій, но Россія и Англія почти вездѣ дружны, ибо, „вслѣдствіе естественнаго положенія ихъ земель, ихъ государственные интересы почти всюду одинаковы". Но такъ какъ англійскій король, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, былъ однимъ изъ первыхъ, приступившихъ къ союзу князей, то необходимо „въ нашихъ сношеніяхъ различать голосъ короля и англійскаго министерства отъ голоса націи, а слѣдовательно вездѣ точно наблюдать за поведеніемъ англійскаго министерства, не высказывая однако противъ него какого-либо недовѣрія".

7) Съ *Франціей*, при Шуазелѣ, чуть не прекратилась переписка, вслѣдствіе допущенныхъ имъ въ королевскихъ письмахъ неприличныхъ (unschicklichen) затрудненій относительно императорской титулатуры. Но скоро Версаль самъ уничтожилъ эти затрудненія. Но хотя нынѣ нѣтъ внѣшнихъ слѣдовъ оскорбленій со стороны Версаля, все-таки требуется большая осторожность въ поступкахъ, которые обыкновенно бываютъ двусмысленны. Ибо политика Версаля — „вездѣ играть первую роль насчетъ другихъ".

8) Съ *Испаніей* продолжается дружественная переписка. Но, вслѣдствіе бурбонскаго договора, мадридскій дворъ „вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ является тѣнью французскаго".

9) То же должно сказать и о *неаполитанскомъ* дворѣ, хотя лично королевская чета не очень склонна къ французскому двору.

10) Съ *Португаліей* дружественная переписка и начинаются переговоры о торговомъ трактатѣ.

11) Съ *Голландской* республикой дружественная переписка, и съ ея подданными выгодная торговля. Нельзя думать, чтобы господствующая и слѣпо преданная Франціи часть республиканскаго правительства была довольна двойнымъ отъ насъ предложеніемъ помириться съ Австріей; къ тому же, по окончаніи спора съ Австріей генеральные штаты тотчасъ же совершенно подчинились Версалю, заключивъ съ нимъ безсрочный союзъ. Поэтому нужно строго слѣдить за Голландіей; но не обнаруживая недовѣрія: „можно вполнѣ предоставить времени и лондонскому кабинету при первомъ случаѣ освободить ее отъ французской опеки и по прежнему связать ее съ Англіей".

12) *Съ Венеціанской* республикой дружеская переписка.

13) Тоже съ *Сардинскимъ* королевствомъ, хотя, по естественному положенію его земель, его болѣе интересуетъ Англія, но пока не покончена связь Франціи съ Австріей, вліяніе послѣдней должно, кажется, имѣть преимущество. „Туринскій дворъ уже издавна славится своей политической ловкостью, съ какой онъ пользуется удобной минутой, и, слѣдовательно, измѣняетъ свои союзы".

14) Съ *Турціей* постоянныя непріятности по поводу трактата 1774 года, особенно насчетъ татаръ, которыхъ она хотѣла уничтожить. Но онѣ были улажены объяснительной конвенціей 1779 года. Дѣло кончилось присоединеніемъ Крыма.

15) Съ *Генуей*, *Тосканой* и *Мальтійскимъ Орденомъ*—дружба.

16) *Персія* далека отъ прежняго величія.

17) Съ *Грузіей*—дружба: карталинскій ханъ вступилъ въ подданство Россіи.

18) Съ нѣкотораго времени пограничная торговля съ *Китаемъ* прекратилась; но это не означаетъ вражды.

Въ заключеніе поясняется вооруженный нейтралитетъ.

Копія рескрипта графу Сергѣю Румянцову отъ 4-го мая 1786 г.

Божіею милостію мы Екатерина вторая императрица и самодержица всероссійская и прочая, и прочая и прочая.

Нашему Каммергеру, Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру Графу Румянцову. Въ дополненіе данныхъ вамъ по волѣ Нашей изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ наставленій, по настоящему положенію дѣлъ, Мы находимъ нужнымъ присовокупить слѣдующія:

Извѣстно, что Король Прусскій отъ нѣкотораго времени по старости лѣтъ своихъ началъ приходить въ толь крайнее разслабленіе что кончина его представляется не отдаленною; и хотя безъ сомнѣнія политика Берлинскаго Кабинета будетъ всегда одинакова въ томъ, чтобъ препятствовать видамъ и намѣреніямъ Вѣнскаго двора; но способы къ сему употребляемые могутъ быть совсѣмъ инные. Наслѣдникъ Короны

Прусской отчасти не имѣя той силы духа, каковою одаренъ былъ дядя его, отчасти же и по склонности обычайной многимъ слабымъ преемникамъ царствъ итти другимъ путемъ отъ предмѣстника своего, можетъ быть менѣе ненависти и огорченія противу Австрійскаго дома оказывать станетъ; и болѣе охоты имѣть будетъ жить въ мирѣ и тишинѣ покуда собственные его крайнія интересы дозволятъ. Вы ближе на мѣстѣ усмотрите прямые его расположенія, коими и надлежитъ всемѣрно пользоваться колико болѣе сходствуетъ съ осторожностью чтобъ ни дворъ Нашъ, ни ввѣренное вамъ служенѐ не подвергнуть ни малѣйшему нарѣканію или предъосужденію; и по тому неупустите стараться пріобрѣсть его довѣренность, и пользуяся оною, дѣлать къ стати внушенія что нѣтъ у Насъ намѣренія ни ссориться съ Королемъ Прусскимъ съ коимъ дружбу и доброе согласіе Мы рады соблюдать доколѣ то ему угодно, и вопреки сему неподадутся причины, ни дѣйствовать какимъ бы то ни было образомъ во вредъ Германской конституціи, коея цѣлость охранена ручательствомъ Нашимъ; что нынѣшняя вражда и ненависть между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами отъ того болѣе вкоренилися, что въ случаѣ недоразумѣній, или же предпріятій одной стороны для другой невыгодныхъ, съ перьваго раза принималися за способы кои не къ сохраненію спокойствія, но къ умноженію вражды и обращенію ея въ самую войну были надежнѣе, и что полезнѣе было бы изъясниться или прямо съ Вѣнскимъ дворомъ гласомъ умѣренности, или же употребя тутъ посредство Наше, вмѣсто заведенія конфедерацій обыкновенно вредныхъ и служащихъ источникомъ безчисленныхъ неспокойствъ.

Желательно было бы чтобъ Министерство Прусское могло входить безъ предъубѣжденія въ прямое свойство Нашего положенія какъ съ Вѣнскимъ такъ и съ ихъ дворомъ; и чтобъ въ совѣтахъ и дѣяніяхъ своихъ направлялося оно не желчію противъ Австрійскаго дома; но умѣренностію и благоразуміемъ. Трудно можетъ быть обратить на сей путь Барона Герцберга; но ежели подастся удобность къ тому, или же къ обнаженію его пристрастія неполезнаго и для самой Пруссіи; то отъ искусства вашего будетъ зависѣть воспользоваться таковою удобностію но съ осторожностію какъ и выше сказано относительно достоинства двора Нашего и уваженія къ званію на васъ возложенному.

О дѣлѣ Данцигскомъ вы найдете обстоятельные предписанія данныя вашему предмѣстнику. Естьли вы предуспѣете привесть оныя въ исполненіе, сіе послужитъ къ большему для Насъ удовольствію: но полагая что можетъ быть Король Прусскій затруднится принять средства отъ Насъ предложенныя; въ семъ непріятномъ положеніи гдѣ уже истощена черта снисхожденія Нашего, и гдѣ не можемъ Мы уже далѣе требовать отъ города новыхъ жертвъ съ его крайнимъ раззореніемъ, видимъ одинъ способъ чтобъ не доводя дѣла до разрыва, но протягивая оное негоціаціею отвращать отъ сего Города всякую мѣру насильственную со стороны толь опаснаго для него сосѣда или до того времени когда буде не самъ Король, то преемникъ его предпочтетъ умѣренность крайности, или же, хотя и противу миролюбія Намъ сроднаго, стеченіемъ обстоятельствъ и самою необходимостью по другимъ важнымъ дѣламъ убѣждены будемъ присоединить и рѣшеніе участи города Гданска къ числу тѣхъ предмѣтовъ, о коихъ найдемся Мы въ надобности настоять силою.

Таковыя дѣла могущія довесть Насъ до разрыва съ Прусскимъ Королемъ вопреки всѣмъ уваженіямъ, трудно опредѣлять и раздроблять завремянно ибо могутъ изъ нихъ быть и касающіяся до Насъ безпосредственно; могутъ встрѣтиться инныя, кои хотя имѣть будутъ видъ и не явно противъ Насъ расположенныхъ; но цѣль ихъ къ тому устремлена чтобъ согласно съ завистниками Нашими вредить и препятствовать въ событіи намѣреній Нашихъ во славу и умноженіе величія Имперіи Нашей предпріемлемыхъ. О всемъ семъ не удобно распространять нынѣ; а довольствуемся на сей разъ подтвердить вамъ имѣть недреманное бдѣніе за всѣми подвигами Бер-

линскаго Кабинета, и пріусмотрѣнія обстоятельствъ интересующихъ службу Нашу не токмо Намъ доносить; но и сноситься съ Министрами Нашими при тѣхъ дворахъ съ коими у Прусскаго будутъ происходить вредныя Намъ переговоры и соглашенія; дабы въ положенію возможной въ томъ преграды употребить зависящія отъ васъ ихъ средства; по крайней же мѣрѣ узнать все существо дѣла съ его подробностями.

Но что касается до Курляндіи, то всякое тутъ покушеніе Короля Прусскаго есть толь важный для Насъ пунктъ что Мы оному всемѣрно препятствовать обязаны, и особливо въ случаѣ исканія его присвоить себѣ сію область или безпосредственно либо подъ именемъ Герцога изъ дома его учреждаемаго. Здѣсь престанетъ уже всякое со стороны Нашей уваженіе, и Мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ на опроверженіе сихъ вредныхъ затѣй. Открывая такимъ образомъ мысли Наши по сему пункту, поручаемъ вамъ прилѣжно надзирать за поступками Берлинскаго двора въ томъ дѣлѣ и благовремянно Намъ доносить: Равнымъ образомъ ежели бы означенный дворъ и въ томъ только ограничивалъ свою операцію по Курляндскому Княжеству чтобъ на случай открытія Герцогской ваканціи доставить сіе мѣсто хотя и не Принцу своего дома, но другому кандидату отъ него избираемому и для интересовъ его надежному; то и сіе Мы не можемъ почесть для Насъ выгоднымъ, слѣдственно и ни когда того не примемъ; по чему и должно будетъ вамъ въ подобныхъ произшествіяхъ дѣйствіе и отзывы ваши учреждать на самой величайшей осторожности, и отнюдь не подавать надежды Нашего соглашенія буде бы Прусское Министерство васъ своими внушеніями упредить или обольстить старалося.

Пребываемъ впрочемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ мая 4-го 1786 года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

II.

РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Князь Ангальтъ-Бернбургскій Николаю Румянцову, отъ 2-го декабря 1784 г. [1]).

Monsieur

Je vous laisse à deviner la joie, la reconnoissance et l'étonnement qui m'ont penetré à la fois en recevant la lettre du $^{13}/_{24}$ Octobre, que Vous avés été dans le

[1]) Н. Румянцовъ доноситъ Безбородку, какъ онъ исполнилъ порученіе достать портретъ дочери принца Ангальтъ-Бернбургскаго. „У сего принца—пишетъ онъ—сынъ дряхлый, поэтому дочь его почитаютъ, яко наслѣдницу алодіальнаго имѣнія, за само богатую невѣсту; маргграфъ Баденскій старается о полученіи ее за втораго его сына; также идетъ дѣло и было близъ окончанія о помолвлѣніи сей принцессы за наслѣдника принца Ангальтъ-Бернбургскаго-Шаумбургскаго“. Румянцовъ написалъ $^{11}/_{22}$ ноября 1784 г. принцу Ангальтъ-Бернбургскому съ внушеніемъ, какъ важна новая милость Екатерины. Тотъ отвѣчалъ 2-го декабря 1784 г., что не можетъ достаточно выразить „la sensibilité avec laquelle je viens de recevoir cette nouvelle marque de la bienveuillance et de Cet excès de bonté de L'Imperatrice“. Приэтомъ принцъ все извинялся, что запоздалъ отвѣтомъ. Тутъ же приложено другое письмо принца Ангальтъ-Бернбургскаго къ Румянцову, печатаемое теперь нами съ копіи, тщательно сдѣланной самимъ Румянцовымъ, „чтобъ соблюсти тайну“.

cas de m'adresser par ordre de l'Impératrice Votre auguste et glorieuse Souveraine. Ces sentimens devoient naturellement se relever en moi par la preuve éclatante que cette lettre renferme encore de l'interêt tendre et généreux que Sa Majesté ne discontinue point de prendre à la Maison d'Anhalt et à toutes les branches qui la composent. Persuadé que la grandeur d'ame et la sagesse les plus accomplies guident chaque demarche de l'Impératrice, je souscris avec une confiance sans bornes aux vuës que Sa Majesté a daigné concevoir en faveur de ma fille, ne doutant point qu'entre les mains d'une Bienfaitrice pareille son bonheur ne soit bientôt digne d'envie. Je Vous envoye, Monsieur, cy-joint le portrait que l'Impératrice a demandé; je n'ai pas permis au pinceau de s'écarter le moins du monde de la plus exacte verité, et si par conséquent l'ensemble des traits qu'il a rendus, ne caracterise point la beauté parfoite, j'ose dire cependant, sans croindre de juger en père indulgent et prevenu, que la candeur et les vertus que j'ai taché d'imprimer à ma fille des sa tendre enfance peuvent lui servir de relief et d'ornement: Elle a en effet repondu en tout temps par une docilité des plus prévenantes et par son hereux naturel aux soins infatigables que je lui ai prodigués. Encore prédomine-t-il dans toute l'expression de sa personne une nuance, sur la quelle je defie pourtant l'Artiste de ne pas s'être trouvé en defaut; c'est la profonde vénération qu'elle partage avec moi pour Son Auguste Parente; sentiment que je n'ai eû aucune peine de nourrir en elle, et de porter même à son comble par les frequents recits que je lui ai faits des vertus et qualités sublimes de Sa Majesté et dont je me suis prevalû comme du plus puissant motif pour lui inspirer l'amour du vrai, du beau et du grand.

Si Vous prendrés soigneusement à tache, Monsieur, d'être à cette même occasion l'interprète de toute l'étendue de nos sentimens et de cette vive et respectueuse reconnoissance qui nous anime pour Sa Majesté Impériale Vous Vous menagerés par la un nouveau titre distingué de plus à mon suffrage et à la continuation de cette amitié avec la quelle je suis.

Monsieur
Vôtre tréshumble serviteur
Le prince d'Anhalt-Bernbourg.

Ballenstedt.
Le 2 Decembre 1784.

Затѣмъ слѣдуетъ приписка, подписанная княземъ Ангальтъ-Бернбургскимъ.

Schon lange war ich willens, den Hofmahler des Prinzen von Preussen hieher kommen zu lassen, weil mir gesagt worden war, dass er, besonders Frauenzimmer, sehr gut treffe. Den 28-ten November, n. St., ist auch derselbe hier angekommen, hat meine Tochter gemahlt, und ist den 1-ten dieses damit fertig geworden. Ich kann zwar in meinem Urtheil leicht irren, weil ich meine Tochter sehr liebe, und sehr für sie eingenommen bin; mir scheint es aber, dass ihre Nase schöner ist, und ihre Augen mehr Ausdruck haben, als in dem sonst wohlgetroffenen Portrait; auch sollte man, nach diesem zu urtheilen, sie für grösser halten, als sie würcklich ist.

2 December 1784.

Наслѣдный принцъ Шварцбургскій къ Н. Румянцову, изъ Рудельштата, отъ 2-го ноября 1785 г. [1]).

Catherine II qui fait les delices de L'univers et la gloire de l'Europe est seule en droit de commander, d'être obeï et de faire des dispositions dans le cas présent,

[1]) Румянцовъ писалъ Остерману, отъ 26-го декабря 1785 года, что князь Шварцбургскій предъявляетъ права на наслѣдство Еверское, но почитая Екатерину, и какъ родственникъ ея, не желаетъ обижать ее и потому предлагаетъ ей уступить свое право за ничтожное вознагражденіе. По этому поводу нашъ посланникъ получилъ отъ наслѣднаго принца Шварцбургскаго письмо, вторую половину котораго мы печатаемъ здѣсь.

si Elle ne les a deja faites et j'espère que la demarche hardie avec la quelle j'oserai un jour implorer Sa clemence Impériale en faveur de mon fils ne demantira jamais la plus humble soumission et le respect qui Lui est dû et qu'on Lui rend par attachement: je m'en rapporte donc à Sa générosité et munificence si universellement reconnue. Votre Excellence ne voudra pas moins pardonner mon importunité: elle est l'effet de la haute confiance, que je mets dans Sa protection et bontés, que je tacherai de meriter par mon devouement et la veneration la plus decidée.

III.

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ.

Мнѣніе министерской конференціи, по поводу союзнаго договора между Россіей и Австріей, представленное Екатеринѣ 12 января 1781 года.

„.....Нужно остерегаться, чтобъ одновремянныя съ разными державами обязательства не были въ существѣ своемъ одно другому прекословны; но чтобъ хотя и разными дорогами всѣ равно направлены были къ одинаковой цѣли, т.-е. къ охраненію своей частной и сосѣдей своихъ общей тишины... При извѣстномъ и безпрестанномъ между собою соперничествѣ австрійскаго и бранденбургскаго домовъ можетъ съ перваго взгляда показаться, что равной третьяго съ однимъ и другимъ изъ нихъ союзъ въ существѣ вещей не вмѣстителенъ, и что потому вѣсы интереса и дружбы должны будутъ скоро на одну сторону уступить. Подлинно таково положеніе курфирста саксонскаго, ему надобно быть другомъ и другомъ явнымъ одной или другой стороны а инако бѣдственною жертвою обѣихъ: но положеніе Ея Імператорскаго величества совсѣмъ инаково. Ея слава, Ея могущество возрасли до такой высоты, что ей свойственно стало быть арбитромъ сего соперничества домовъ австрійскаго и бранденбургскаго, слѣдовательно же и удерживать ихъ обоихъ своимъ правосудіемъ въ предѣлахъ умѣренности. Каждой изъ нихъ, имѣя съ Ея императорскимъ величествомъ безпосредственныя обязательства взаимной обороны и гарантіи, будетъ конечно наперерывъ предъ соперникомъ своимъ стараться о непостановленіи себя въ случай обратить оныя въ противничью пользу. Такимъ образомъ, доколѣ съ стороны Россіи будутъ наблюдаемы строгая справедливость и совершенное равенство къ обоимъ союзникамъ, старому и новому, до тѣхъ поръ можно съ величайшею вѣроятностію ручаться за цѣлость мира и тишины въ Германіи; а по онымъ и за постоянное въ ней возращеніе высочайшей Ея императорскаго величества инфлуенціи которой положено между тѣмъ въ Тешенѣ славное и прочное основаніе. Всѣ нѣмецкія дворы и области начали уже понимать и чувствовать, что безопасность и благосостояніе ихъ зависятъ много отъ руки Ея величества. Къ обращенію сего удостовѣренія на вящую пользу Россіи не не къ статѣ было бы завести нынѣ въ разныхъ мѣстахъ имперіи немецкой безпосредственныя сношенія и безпосредственныя связи".

Князь Александръ Безбородко графу Никитѣ Ивановичу Панину, отъ 20-го января 1781 года.

Безбородко извѣщаетъ Панина, что Екатерина приказала ему составить „контрапроектъ" на проектъ графа Кобенцля о союзѣ, съ слѣдующими „дополненіями". Приводимъ самыя важныя изъ этихъ дополненій: 1) „Сей трактатъ не слу-

жить въ предъ осужденіе собенныхъ ихъ обязательствъ съ другими государями и имянно у Ея Імператорскаго величества съ королями прусскимъ и датскимъ и у Его величества съ короною французскою; 2) о подтвержденіи тешенскаго мира съ принадлежащими къ нему конвенціями; 4) о постановленіи числа помочныхъ войскъ на всѣ случаи, кромѣ полагаемыхъ въ сепаратномъ артикулѣ, противъ назначеннаго съ королемъ прускимъ; 7) о назначеніи срока 8-лѣтняго новому союзу, предъоставляя, что оба Государи непреминутъ завремянно прежде истеченія онаго снестися о возобновленіи его; 9) о подтвержденіи гарантіи на форму правлѣнія и цѣлость владѣній Республики польской..... Все это такъ какъ и извѣстный секретнѣйшій артикулъ [1]) наилучшимъ образомъ расположить".

Изъ проектовъ писемъ Панина Голицыну отъ 11 февраля и 16 апрѣля 1781 года [2]).

(11-го февраля). „Я не могу сокрыть отъ васъ той рѣшительной резолюціи, съ каковою всемилостивѣйшая государыня взираетъ на нелѣпое требованіе вѣнскаго двора и соизволяетъ скорѣе разорвать всю негоціацію нежели поступить на унизительной шагъ ея величія и ея достоинства, яко одной въ свѣтѣ великой монархини. Это требованіе щекотливо для обоихъ дворовъ, и оно по правдѣ сказать совсѣмъ несовмѣстно съ тою степенью славы и могущества, до коихъ Россія достигла подъ благословеннымъ царствіемъ Екатерины II".

(16-го апрѣля) „Желаю, чтобы вы возмогли предуспеть преломить заматерелую съ давнихъ временъ австрійскую упрямость въ присвоеніи себѣ не совмѣстнаго въ разсужденіи здѣшняго двора преимущества и темъ самымъ изять камень претыканія коимъ затрудняется совершеніе столь важнаго дѣла каково запечатлѣніе положеннаго на мирѣ между обоими императорскими дворами трактата".

IV.

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

Рескриптъ князю Голицыну отъ 3-го сентября 1781 года.

„По мѣрѣ какъ начали уже собираться дѣйствительные плоды отъ воздвигнутой нами системы въ пользу торговли и мореплаванія неутральныхъ народовъ, стало естественно возрастать и желаніе наше поставить ея выше всякихъ приключеній и укоренить въ роды родовъ вѣчнымъ и непремѣннымъ закономъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ: для чего нужно было, и есть, совокупленіе въ образъ нашихъ мыслей другихъ въ настоящей морской войнѣ участія не имѣющихъ державъ". Далѣе сказано, что не доставало только приступленія къ нейтралитету императора римскаго. Екатерина попросила его пристать, чтобы „возспособствовать укорененію благотворительной нашей системы. Щастливое согласованіе взаимныхъ нашихъ мыслей оправдалось и въ семъ случаѣ совершенно..... Изъясните Кауницу, во 1-х, всю нашу

[1]) Взаимная гарантія договоровъ, заключенныхъ Россіей или Австріей съ Портой.

[2]) Это—два зачеркнутыя мѣста въ черновыхъ Панина, не вошедшія въ депеши, посланныя Голицыну. Болѣе важныя бумаги нашего архива касательно вопроса объ альтернативѣ напечатаны въ моей статьѣ, въ журналѣ Зибеля: Historische Zeitschrift, 1875, Heft 4.

чувствительность къ дружескому поступку императора а потомъ наблюденную нами деликатность въ разсужденіи обрядовъ предоставленіемъ на выборъ его величества сугубыхъ проектовъ". Изъ нихъ нѣкоторые взяты „съ примѣра 1772 года гдѣ тогдашній актъ приступленія императора внесенъ былъ полнымъ своимъ содержаніемъ". „Намъ весьма пріятно будетъ возспособствовать нашими по разнымъ морямъ плавающими ескадрами распространенію и безмечности торговыхъ промысловъ и кораблеплаванія подданныхъ его величества".

V.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переченъ разговора съ княземъ Кауницемъ. Отъ графа С. М. Воронцова, 9/20 сентября 1783 г.

По порученію Екатерины Воронцовъ передалъ Кауницу дружескія привѣтствія своей государыни Іосифу. Кауницъ обрадовался и разговорился. Онъ находитъ дружбу между Вѣной и Петербургомъ самою естественною. „Обѣ державы сильны и независимы, следственно не имеютъ нужды обмановать одна другую. Отделены толь пространнымъ растояніемъ, что ни ненависти ниже подозренія между ними быть не можетъ, да къ сему имеютъ еще и общаго непріятеля. Затемъ смело можетъ онъ сказать что связь Россіи съ Пруссіею неимела толь твердаго основанія, поелику: опричь коварнаго нрава короля прускаго (что делаетъ токмо личной порокъ сего государя а не его державы) границы его лежатъ несравненно ближе къ Россіи нежели австрійскіе. Имевъ многіе порты на одномъ съ нами море, торговля его не можетъ возрастать безъ некотораго ущерба нашей. Слабее Австрійской монархіи, помочь что онъ въ состояніи дать России, ни какъ не размерна съ тою что онъ отъ сей Имперіи получить можетъ, что ясно оказалось въ нашу войну противу Порты; а какой можетъ быть общей ему и намъ не пріятель, онъ князь Кауницъ того не понимаетъ..... Дворъ вашъ не можетъ сумлеватся о чистосердечіи нашего..... Въ Венгріи уже 150 тысячь войска, что стоитъ 10 милліоновъ гульденовъ. Императоръ все сіе не для своей корысти делаетъ; ибо хотя императрица приглашала его къ пріобретеніямъ, но онъ ихъ делать не будетъ, а желаетъ единственно устраша Турокъ своимъ вооруженіемъ, заставить ихъ безъмолвно взирать на овладеніе Россіи Крымомъ". Тутъ Кауницъ сказалъ, улибнувшись, Воронцову: „Я уповаю что наши деянія лутче утвердятъ Порту въ тишине; нежели французскіе и Аглецкіе на то советы"... Кауницъ, прибавляетъ Воронцовъ, „неоднократно повторялъ что проницаніе нашей государыни и твердость Ея духа, утверждаютъ постоянство ея союза; тутъ онъ далъ мнѣ знать съ прискорбіемъ что естьлибъ мы были толь нещасны чтобъ потерять сію милостивую мать нашего отечества, венской дворъ съ сумленіемъ будетъ полагаться на союзъ Питербурскаго". Кауницъ говорилъ такъ „пространо, красноречиво и съ жаромъ", что Воронцовъ былъ „внутренно удостовѣренъ о справедливости его разсужденіевъ" и только „дакалъ или молчалъ гдѣ дакать не пристойно было".

Остерманъ Голицыну. Отправлено 11-го октября 1783 г.

Остерманъ извѣщаетъ Голицина, что мы вручили Вержену словесный отвѣтъ на словесное предложеніе Франціи насчетъ Крыма. Верженъ отвѣтилъ, что его король всегда старался о дружбѣ съ Екатериною, и онъ самъ, Верженъ, также и т. д.; что

Франція отправитъ къ своему послу у Порты „нарочито курьера и всевозможнымъ образомъ стараться станетъ, чтобы дѣла здѣшнія (петербургскія) съ Портою оттоманскою дружелюбно окончаны были“. Сверхъ того, Барятинскій доноситъ, что Верженъ говорилъ своимъ друзьямъ, „что хотя во всякое время а наипаче въ настоящее, не токмо недоброхотствующіе люди но и державы стараются разбить щастливо пребывающее доброе согласіе между здѣшнею Имперіею и Франціею, но что сія послѣдняя отъ системы своей не отступитъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ такія правила свои исповѣдывать будетъ, что въ настоящія дѣла татарскія не желаетъ дворъ французскій мѣшатся, ни яко медіаторъ, ниже яко гарантъ, а только для того, чтобы довести ихъ до миролюбиваго окончанія и соблюсти настоящую политическую связь“. Но въ то время, когда Фоксъ заявилъ Вержену о своемъ желаніи помочь Екатеринѣ въ Портѣ, французскій дворъ былъ еще другихъ мнѣній, ибо его посланникъ въ Лондонѣ высказалъ тогда Фоксу убѣжденіе, что „нельзя избѣгнуть войны между Россіею и Турціею безъ какой либо отмѣны въ принятой ея императорскимъ величествомъ резолюціи“. Въ концѣ бумаги написано шифрами: „Открываю единственно для вашего свѣдѣнія, что г. Фоксъ продолжительно изъявляетъ желаніе двора его, принять здѣшнюю систему и узнать расположеніе къ Англіи двора вѣнскаго, о которомъ оказываетъ сомнѣніе свое по причинѣ связи его съ Франціею“.

VI.

АНГЛІЙСКІЙ СОЮЗЪ.

Рескриптъ Голицыну отъ 4 октября 1783 г.

Екатерина извѣщаетъ Голицына о томъ, что она требовала у Порты объясненій, но не получила ихъ. „А неизвѣстность не намъ (т.-е. Екатеринѣ и Іосифу) въ готовомъ уже ополченіи сущимъ, но ей одной (Портѣ) полезна быть можетъ; оная служитъ еще, что всего хуже, при многихъ дворахъ, а особливо версальскомъ и берлинскомъ, на вящее только разстравленіе зависти ихъ къ тѣсному нашему союзу. Таковое дѣйствіе долженствуетъ естественно озабочивать оба императорскіе двора и дѣлить ихъ вниманіе на разныя стороны. Полюбовною съ турками сдѣлкою прекратятся на противъ того всѣ опасенія съ другихъ сторонъ, и мы получимъ свободныя руки говорить и дѣйствовать вездѣ съ приличною величію и достоинству нашему поверхностію. Но положимъ, что поступокъ здѣшней, естьли Порта рѣшилася на войну, ускоритъ только объявленіе ея. Мы мнимъ, что и тутъ вся выгода будетъ на сторонѣ обоихъ императорскихъ дворовъ. Они успѣютъ дать туркамъ возчувствовать силу оружія ея, прежде нежели сіи къ отпору совсѣмъ изготовятся. Хотя Франція и объявляетъ довольно ясными словами, что она равнодушною зрительницею оставаться не можетъ при совокупной обоихъ императорскихъ дворовъ войнѣ противъ Порты; но не всякой разъ слѣдуетъ исполненіе тотъ же часъ за словомъ; и всемѣрно, не взирая на всѣ подущенія короля прусскаго не охотно пустится она на безпосредственную войну, отъ которой бы скоро уже общая отродилась.... Но если Франція не остановится въ составленіи съ королемъ прусскимъ противнаго нашему союза, и естьли отъ сего соединенія станутъ опять открыватся дѣйствительныя мѣроположенія: въ такомъ случаѣ не будетъ ли уже соединенная польза и безопасность обоихъ императорскихъ дворовъ требовать отъ нихъ сближенія съ Англіею вѣчною соперницею Франціи, и вступленія съ нею въ союзныя обязательства. Обыкнувъ съ союз-

никомъ нашимъ поступать вездѣ и во всякомъ случаѣ съ безпредѣльною откровенностію, хотимъ мы теперь ввѣрить дружбѣ его, что Лондонскій дворъ, когда узналъ отъ насъ о возобновленіи между нашимъ и вѣнскимъ (дворомъ) прежнихъ союзныхъ обязательствъ, учинилъ Намъ слѣдующее откровеніе: что онъ готовъ приступить къ системѣ обоихъ императорскихъ дворовъ и войтить съ ними въ безпосредственныя обязательства. На сей отзывъ не дали Мы рѣшительнаго отвѣта безъ сношенія и согласія съ императоромъ..... Весьма пріятно было бы намъ узнать въ скорости мнѣнія императора о семъ новомъ союзѣ, которой, подлинно, не можетъ имѣть мѣста въ другомъ случаѣ, какъ при дѣйствительномъ уже разрушеніи прежней Его величества связи съ версальскимъ дворомъ".

Голицынъ Екатеринѣ отъ 5/16 ноября 1783 г.

Австрія дѣйствуетъ согласно съ нами въ Турціи. Но Кауницъ не обращалъ вниманія на желаніе Англіи „приступить къ системѣ обоихъ императорскихъ дворовъ", ибо „великія державы, каковы суть Россія и Австрія, не имѣютъ нужды въ умноженіи союзовъ, кои нерѣдко по различнымъ обязательствамъ производятъ непріятныя слѣдствія; и что въ нужномъ случаѣ императорскіе дворы всегда могутъ присоединить къ себѣ Англію", а пока нужно „стараться о содержаніи ея такъ, какъ сіе до нынѣ дѣлалося, въ благонамѣренномъ Ея расположеніи, не оказывая Ей чрезмѣрной податливости, тѣмъ больше, что она, по мнѣнію его князя Кауница, не можетъ желать лучшаго союза, какъ того, который найдетъ она въ обоихъ императорскихъ дворахъ". Бояться же союза Франціи съ Пруссіею не должно, ибо „король прусскій, по мнѣнію Кауница неосмѣлится на то поступить, будучи долженъ имѣть много осторожности въ разсужденіи вашего императорскаго величества". Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ Голицынъ видитъ, что Кауницъ „въ союзѣ Англіи не находитъ для здѣшняго двора ни великой пользы, ниже дѣйствительности, и что напротивъ того признаваетъ онъ сей союзъ за гораздо полезнѣйшій и дѣйствительнѣйшій для двора вашего императорскаго величества". Онъ даже прямо это сказалъ и выставилъ, какъ новое доказательство дружбы императора, его рѣшимость не препятствовать союзу Россіи съ Англіей и просто смолчать тутъ. Франціи Кауницъ не боится и вообще онъ не разъ замѣтилъ, что союзъ Россіи и Австріи можетъ усмирить всѣхъ — и Францію и Пруссію вмѣстѣ.

VII.

ВРАЖДА МЕЖДУ РОССІЕЙ И ПРУССІЕЙ.

Extrait d'un rapport du C-te de Lusi en date du 12 Novembre 1784 *)

Le S-r de Simolin se trouvant avec le C-te de Lusi à la Cour lui demanda quelles étoient les intentions du Roi Son Maitre sur les affoires de Hollande. Ce Ministre lui repondit qu'il les ignoroit mais qu'il esperoit que Sa Cour et la Sienne, étant étroitement liées seroient parfaitement d'accord sur ce point, et qu'il faudroit voir comment on pourroit combiner les prétensions de l'Empereur avec la sûreté des Traités. Le S-r de Simolin après avoir tenté de prouver que le Traité de Munster n'avoit rien à faire avec l'ouverture de l'Escaut, finit par dire au C-te de Lusi,

*) Эта бумага была прислана въ Петербургъ, Гёрцу, изъ берлинскаго министерства.

que les Traités n'ont pas la force de lier les Princes, et qu'il s'étonnoit d'entendre un Ministre Prussien parler de Traité et de justice quand son Maitre avoit fait voir le peu de cas qu'il faisoit de tout cela dans la guerre de 1744, de 1756 et 1778, et finalement dans la dernière querelle avec la Ville de Dantzig. Le C-te de Lusi reprimant le mouvement qu'un tel discours ne pouvoit qu'exciter en lui, tacha de prouver au S-r de Simolin combien il étoit dans l'erreur, mais celui-ci continuant à insister sur sa prémière thèse, et repetant qu'un Ministre Prussien n'avoit aucun droit de parler de justice, le C-te de Lusi perdit enfin patience à des propos aussi revoltans et lui repondit qu'il savoit bien, que jamais lui C-te de Lusi n'avoit contrôlé les opérations de Sa Souveraine; qu'il ne lui avoit jamais entendu parler d'Elle qu'avec le respect le plus profond et l'admiration qui Lui étoit due. Mais qu'il étoit faché de voir, que le Ministre d'une Puissance amie et alliée de Son Maitre pût parler de la sorte; qu'il etoit convaincu que ce n'étoit que le sentiment particulier de Lui Simolin; qu'il avoit remarqué en plusieurs occasions qu'il avoit taché de noircir les actions de Sa Majesté, mais qu'il avoit la consolation de voir que, pendant que tout le monde rendoit justice au Roi, il n'y avoit que le plus méprisable des hommes qui osat en dire du mal, et que, tout en respectant comme il le devoit le caractère du Ministre de l'Impératrice, il ne pouvoit que mépriser de tout son coeur le S-r Simolin.—L'approche de quelques Ministres étrangers mit fin à cet entretien.

VIII.

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ.

Рескриптъ Екатерины князю Голицыну, апробованной 19 мая 1785 г.

При этомъ документѣ Голицыну посылается много бумагъ, изъ которыхъ, между прочимъ, онъ увидитъ, что императоръ желаетъ, „дабы подвиги министровъ его въ Германіи содѣйствіемъ нашихъ наилутче подкреплены были въ опровержені̇ю происковъ берлинскихъ“. Екатерина прилагаетъ изложеніе повелѣній, данныхъ поэтому нашимъ министрамъ въ Германіи. Изъ него Голицынъ узнаетъ, что инструкція „по возможности согласованы были съ волею и наставленіями его величества. Завистъ и недоброжелательство прусскаго двора будутъ конечно всячески силится и ухищрятся на то, чтобъ союзъ обоихъ императорскихъ (дворовъ) и всякой ихъ казистой поступокъ описывать везде, а особливо въ Германіи самыми черными красками; чтобъ производя изъ того мнимыя для всѣхъ страхи и особыя ко вреду каждаго предлоги заводить чиновъ имперскихъ въ систему интересамъ ихъ не свойственную, подъ видомъ обезпеченія областей ихъ, и чтобъ такимъ образомъ составя изъ нихъ особую лигу, прибрать ея совершенно въ свои руки и въ свои услуги. Не хотимъ и не будемъ мы сумнѣватся въ основательности дошедшихъ въ Вѣну извѣстій, что Прусское злословіе начало уже производить предосудительныя впечатленія въ Гановерѣ, въ Каселѣ и въ Дрезденѣ, хотя съ другой стороны наши свѣдѣнія о двухъ послѣднихъ мѣстахъ не показываютъ еще вида толь важной удачи, а въ разсужденіи перваго рѣшенію нельзя инако быть какъ изъ Лондона, гдѣ, управляетъ и рѣшитъ все англинская политика. Вѣчное ея соперничество ко Франціи превозмогаетъ надъ всѣми другими уваженіями. Доколѣ король прусскій будетъ въ тѣсной связи съ французскимъ, до тѣхъ поръ Англія не войдетъ конечно съ нимъ ни въ безпосредственной ни въ посредственной союзъ. Тѣмъ не менше согласуемся мы однако въ нуждѣ слѣдовать

вездѣ недреманнымъ окомъ за прускими движеніями, перечить имъ гласомъ и силами соединенными вездѣ а особливо въ Германіи, гдѣ они ваще вредить могуть, а напротивъ того старатся обращать и присвоять въ нашу систему знатнѣйшихъ ея чиновъ. Глава имперіи имѣеть къ тому особня пособія. Мы съ своей стороны употребимъ охотно все отъ насъ зависящее.

Ходатайство версальскаго двора за Порту Оттоманскую свойственно ея политикѣ..... Франціи нужно сохраненіе имперіи Оттоманской въ Европѣ, а по сему кажется и свойственнѣе интересамъ ея довести Турковъ до уступки за цѣну, куска земли ничего по себѣ не значущаго, кромѣ обезпеченія пограничной тишины съ сильнымъ сосѣдомъ, нежели за удержаніе онаго повергать ихъ всегдашней опасности съ стороны обоихъ императорскихъ дворовъ при извѣстномъ ихъ союзѣ".

Projet de lettre du Vice-Chancelier d'Ostermann au Prince Dolgoroucky à Berlin. 19 Mai 1785 [1]).

Рѣчь идетъ о проектѣ обмѣна земель, который „a doné lieu à de si étranges bruits en Allemagne, que des têtes d'une imagination échauffée sont allées si loin que de supposer un concert de pris entre les deux Cours Impériales pour entâmer la liberté des Etats, et pour renverser même toute la constitution germanique. — C'est méconnoitre absolument la façon de penser de l'Impératrice et manquer à la confiance, a laquelle Sa Majesté a droit de s'attendre de la part de l'Empire d'Allemagne, que d'ajouter l'ombre de foi seulement à de pareilles reveries absolument destituées de fondement, et que le tems et les circonstance feront tomber d'elles mêmes: mais comme cependant ces illusions repanduës de plus en plus en Empire pourroient s'accrediter jusqu'à un certain point, si l'on gardoit là dessus un parfait silence, j'ai eû ordre d'adresser une lettre circulaire à tous nos ministres à la diète, et dans les differents cercles de l'Empire, laquelle les mettra en état de dètruire ces faux bruits, et de ramener les esprits préoccupés dans les bornes de la verité.

Голицынъ Екатеринѣ отъ 15/26 іюня 1785 (шифрованное).

„Вступя въ разговоръ объ ожидаемыхъ здѣсь двухъ голанскихъ депутатахъ и примѣтя между тѣмъ, что когда учинено ими будетъ предъ Императоромъ надлежащее извиненіе въ извѣстномъ для его величества оскорбительномъ поступкѣ Республики ихъ, тогда здѣшнимъ посломъ Графомъ Мерсіемъ возобновлена будетъ въ Парижѣ прекращенная имъ негоціація съ находящимися тамъ послами Генеральныхъ статовъ, сказалъ Кауницъ потомъ, что съ одной стороны въ разсужденіи умѣренности его величества Императора въ требованіи, а съ другой по оказуемому съ нѣкотораго времяни отъ версальскаго Двора праводушному пособію, надѣется онъ, что Голландское дѣло вскорѣ къ концу приведено будетъ. Отозвавшися такимъ образомъ о французскомъ Дворѣ, тотъ часъ послѣ сего началъ онъ (Кауницъ) изъясняться о Королѣ Прусскомъ въ такой силѣ, что сей Государь видя, что версальскій Дворъ ни въ здѣшнемъ дѣлѣ съ Голландскою Республикою, ни въ предпринимаемой имъ въ Германіи противъ Императора лиге или конфедераціи, не слѣдуеть вредительнымъ его здѣшнему двору мыслямъ и намѣреніямъ; и желая довѣсти версальскій дворъ до того, чтобы виды и предпріятія его приняты были отъ онаго двора въ большее уваженіе, началъ при Лондонскомъ дѣлать разные происки, представляя сему двору и увѣряя его, что намѣренія Императора клонятся къ тому чтобы не только извѣстный про-

[1]) Это—депеша, сопровождавшая извѣстный майскій циркуляръ петербургскаго министерства. На ней надписано: „Утверждено Екатериной 19-го мая 1785".

мѣнъ съ курфирстомъ Фалцскимъ произвѣсти въ дѣйство принужденнымъ образомъ; но и перемѣнить всю конституцію Имперіи.

Таковыя, продолжалъ князь Кауницъ, отъ Короля Прусскаго при Аглинскомъ дворѣ чинимыя развратныя и Императору огорчительныя внушенія и представленія, которымъ подобныя и въ другихъ мѣстахъ, не исключая и Константинополя, особливо въ Германіи отъ того же Государя производятся, могутъ наконецъ довѣсти Лондонской дворъ до соединенія съ Берлинскимъ противъ здѣшняго: сіе изъясненіе старался онъ, державнѣйшая Государыня, распространить повтореніемъ сильной жалобы на Короля Прусскаго, увѣряя меня, что сей Государь все, что только возможно, вымышляетъ и ставитъ на щетъ двора здѣшняго и разными клѣветами стрѣмится вездѣ привѣсти его въ подозрѣніе и въ недовѣренность; а окончилъ оное объявленіемъ, что онъ за нужно признаваетъ въ подтвержденіе данныхъ уже находящимся въ Имперіи здѣшнимъ Министрамъ извѣстныхъ приказаній еще снабдить ихъ отъ имени его величества Императора новыми наставленіями подобными тѣмъ, каковы по повелѣнію вашего императорскаго величества отъ вице-канцлера къ пребывающимъ тамъ же Министрамъ вашимъ отправлены для опровержения разсѣянныхъ ложныхъ слуховъ и для успокоенія Имперскихъ статовъ въ разглашаемой издателями оныхъ слуховъ опасности въ превращеніи Германской конституціи, изъясняясь при томъ, что онъ находитъ сіи вашего императорскаго величества наставленія не только совершенно сходными съ высокимъ вашего величества достоинствомъ, но и основанными на неопровергаемыхъ началахъ и разсужденіяхъ; не меньше и благоразумно исполняющими главный предмѣтъ простирающійся къ обезпѣченію благосостоянія каждаго Имперіи члена".

IX.

ГЕРЦОГЪ ЦВЕЙБРЮКЕНСКІЙ.

Мнѣніе Остермана въ началѣ 1785 г. [1]).

„Баварской промѣнъ предложенъ былъ здѣшнему двору, какъ дѣло, которое совершено быть можетъ соглашеніемъ добровольнымъ курфирста Палатинскаго герцога Цвейбрикенскаго и принца Максимиліана, и въ коемъ ощутительная была польза для сихъ принцевъ.

Пособіе здѣшняго двора въ семъ дѣлѣ основано было на взаимствѣ за таковое же отъ Императора по случаю присоединенія Крыма и прочихъ земель Татарскихъ къ Россіи. Сверхъ того служило къ тому резономъ и то уваженіе, что Императоръ промѣномъ своихъ владѣній Нидерландскихъ выходилъ изъ зависимости французской, и тѣмъ получилъ полную свободу быть намъ полезнымъ, и пристать безъопасно ко всякой системѣ, которая выгодна была для обоихъ императорскихъ дворовъ.

Выше сказано, что промѣнъ сей представленъ былъ отъ вѣнскаго двора, какъ такая здѣлка, посредствомъ коей домъ палатинскій выигрывалъ въ доходахъ и другихъ обстоятельствахъ. Здѣшній дворъ не имѣлъ ни нужды, ни обязанности, ниже способовъ узнать прямо какъ далеко таковыя выгоды простираются; когда нынѣ самъ Герцогъ Цвейбрикенскій изъясняетъ чрезъ своего министра, что безконечная была бы

---

[1]) Бумага безъ заглавія и подписи. Рука, какъ видно, Остермана. Согласно съ этой бумагой написана депеша Остермана Румянцову отъ 30 января 1785 г., которую мы печатаемъ ниже.

трудность въ исчисленіи точномъ доходовъ и прочего и для самихъ интересованнихъ сторонъ: а какъ дѣло сіе единствено зависѣло отъ добровольнаго ихъ соглашенія; то за недостаткомъ того и отказомъ герцога цвейбрикенскаго оное не можно инако почитать, какъ совершенно оконченнымъ; да кажется что и самъ императоръ его таковымъ разумѣетъ, когда посолъ его имѣетъ повелѣніе засвидѣтельствовать признаніе своего государя здѣшнему двору за добрыя намѣренія, какъ за самое исполненіе.

Но образъ, каковымъ герцогъ сей отказъ учинилъ не есть пристойный: могъ онъ представить или невозможность свою согласиться на предложеніе со всякою скромностью, или же предлагая свои условія: и конечно не было нужди въ невѣжливыхъ выраженіяхъ на щетъ обоихъ императорскихъ дворовъ и въ обиду министру россійскому графу Румянцову сказанныхъ. Никто бы его, а особливо здѣшній дворъ несталъ понуждать силою къ промѣну, когда онъ въ немъ самъ не находитъ для себя пользы.

Впрочемъ промѣнъ сей не сходственъ съ предпріятимъ въ 1777 г., потому 1-е, что онъ нынѣ предложенъ былъ съ большими выгодами для палатинскаго дома. 2-е что вѣнской дворъ его положилъ тогда на мѣрѣ съ курфирстомъ однимъ, несдержавъ согласія наслѣдника его и прочихъ Принцевъ того дома, 3-е что онъ здѣлалъ съ курфирстомъ договоръ подъ видомъ другихъ своихъ претенсій объ уступкѣ ему многихъ земель съ ущербомъ палатинскаго дома. Дѣло сіе поправлено было тешенскимъ трактатомъ, при коемъ подтверждены были и фамильные пакты принцовъ палатинскихъ.

Все сіе однакожъ не служитъ доводомъ, чтобъ противно было трактатамъ главѣ имперіи съ прочими князьями чинить здѣлки дабровольные. Гофенфельсъ самъ говоритъ въ своемъ меморіалѣ, что князья нѣмецкіе имѣли всегда право войны и мира. Здѣшній дворъ здѣлалъ промѣнъ голштинскихъ земель. Король пруской получилъ право на маркграфства анщпахское барейтское въ предъосужденіе младшей линіи Бранденбургской: и какъ скоро его агнаты были на то согласны, то и оба императорскіе дворы не спорили несмотря на многія постановленія фамильныя и другія. Многія были примѣры подобнымъ добровольнымъ здѣлкамъ въ Германіи: и по всей справедливости ежели бы принцы цвейбрикенскіе рѣшились на сей промѣнъ, не имѣли бы права берлинскіе или версальскіе (sic) дворы тому противурѣчить; а сопротивленіе ихъ было бы тогда сущимъ нападеніемъ; и слѣдовательно случаемъ союза: нынѣ же, когда дѣло сіе совсѣмъ должно почитать уничтоженнымъ или по крайней мѣрѣ надолго отложеннымъ; ежели Берлинскій дворъ станетъ продолжать шумъ, оное должно будетъ приписать его безпокойству и ненависти къ союзу обоихъ императорскихъ дворовъ.

Послѣ сего краткаго изъясненія слѣдуетъ рѣшить что остается здѣшнему двору дѣлать:

Первое, Берлинскому двору довольно по сухомъ комплиментѣ сказать, что промѣнъ отъ императора предложенъ былъ etc.

Второе, Румянцову послать, по намѣренію вашего императорскаго величества, письмо ваше, апробуя все имъ здѣланное и описывая непристойность поведенія герцога; предписавъ Румянцову устраниться отъ всякаго дѣла съ симъ герцогомъ и чрезъ то внушая, что онъ не можетъ надѣяться на здѣшнее покровительство".

Далѣе идетъ изложеніе нижеслѣдующаго документа.

Projet d'une Lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann au Comte de Roumanzoff. 30 Janvier 1785 [1])

L'Impératrice aiant appris tant par Vos relations, Monsieur, que par la suite de Vôtre correspondance avec Monsieur le Prince de Galitzin, la mauvaise issuë de Vôtre negociation avec le Duc des Deux-Ponts, n'en a pû attribuer la faute qu'à l'inconsequence de ce Prince et à sa mauvaise volonté d'un côté; et de l'autre aux suggestions adroites de ceux qui en cette occasion paroissent avoir abusé de sa confiance.

Sa Majesté a daigné S'expliquer Elle-même avec Vous à ce sujet dans la Lettre cy-jointe [2]), qu'Elle m'ordonne de Vous adresser. Je ne doute pas un instant, Monsieur, que Vous n'admiriés avec moi la grandeur d'ame de Notre Auguste Souveraine qui, tandis qu'Elle auroit pû payer d'indifference et de mepris les fausses assertions du Duc des Deux-Ponts, énoncées encore dans un style peu convenable à lui, a bien voulû entrer dans la discussion de ses torts et les demontrer avec tant d'évidence.

Vous vous empresserés donc, Monsieur, dès la reception de cette depêche, d'en faire parvenir le contenû à la connoissance du Duc; et attendû qu'il ne convient plus à Vous de Vous rendre auprès du Duc Vous inviterés chés Vous à Francfort ou le Baron d'Esebeck ou Monsieur de Kreutzer, afin de communiquer la Lettre de l'Imperatrice en original à l'un ou à l'autre de ces Messieurs, en lui permettant de la lire devant Vous et sous Vos yeux, mais sans en donner la copie.

La lettre qui m'a été adressée sur cette même affoire par Monsieur Hofenfels, accompagnée d'un memoire rempli de declamations, et de la remise de laquelle la Cour de Berlin s'est chargée, restera absolument sans reponse; ce que pour Votre information je ne dois pas passer sous silence.

Au reste le même mémoire aiant avancé en termes tres catégoriques: que Vous, Monsieur, en pressant le Duc à donner une reponse favorable aviés dit: *qu'en cas de refus on procéderoit néanmoins à cet arrangement sans son concours et sans sa participation*; je suis chargé de Vous demander, si Vous avès effectivement fait une telle insinuation au Duc, tandis que Vous n'en aviés aucun ordre?

Герцогъ Цвейбрюкенскій графу Румянцову, изъ Карлсберга, отъ 13 марта н. с. 1785 г.

Le Baron d'Esebeck est à Paris et par une suite de ses operations le S-r de Kreutzer est occupé sans cesse des objets de finance et d'arrangements internes de son ressort qui suivant L'Ordre établi n'ont point de rapport aux objets politiques, que Vous pourrés être chargé de me communiquer malgré que Vous m'en laissés entièrement deviner la nature. Monsieur, suivant la franchise que me guide je veux Vous confier, qu'informé des reponses faites à mon mémoir présenté par le Comte de Goerz, à l'exemple de ce que Son Majesté L'Empereur observe vis-a-vis de Son Auguste Alliée je me trouve de mon côté aussi engagé par mon respect et interêt, autant que par ma reconnoissance et confiance de ne plus faire aucune demarche dans les affaires qui peuvent avoir le moindre rapport directe ou indirecte au susdit mémoir et reponse sans consulter et me concerter avec Les Cours alliées de France et de Prusse.

Penetré sans cesse de la plus haute admiration et du plus profond respect

---

[1]) На полѣ помѣтка: „Expedié avec le S-r Koudrawsky le 1-er Fevrier 1785.

[2]) Этого письма нѣтъ.

pour Sa Majesté L'Imperatrice de toutes les Russies, je n'y deroge point en La suppliant de vouloir bien me faire communiquer Ses hautes intentions par ecrits.

Je suis avec la plus parfaite consideration etc.

X.

ГЕРЦОГЪ ВЮРТЕМБЕРГСКІЙ.

Герцогъ Вюртембергскій графу Румянцову, 19 января н. с. 1785 г.

J'ai été très sensible à la lettre, que Vous avés bien voulu m'adresser avec l'incluse de Son Altesse Imperiale le Grand-Duc; Vous voudrés bien Vous charger de la reponse cy-jointe. Trouvés bon, Monsieur, que ce soit par Vôtre canal Ministerial, que j'adresse la lettre que Vous trouverés également jointe à Sa Majesté Imperiele: elle regarde la cession d'un corps de mes troupes à Sa Majesté L'Empereur; je n'hesite aucunement de Vous envoyer Copie de ma lettre dans cette confiance que Vous avés sçû m'inspirer, Vous priant cependant, Monsieur, de n'en faire aucune usage: le monde impartial ne pourra jamais trouver mauvais, que je prenne mes précautions; mon prémier devoir est celui du bien-être de ma Maison et de mon peuple je n'existe, que pour cela et j'auroi un remord à l'éternité, si je pouvois manquer à ce devoir essentiel; mais l'Etre Suprême en qui j'ai toute ma confiance me donnera toujours les forces nécessaires, pour connoitre le prémier de mes devoirs. J'ai envoyé un Courier à l'Empereur et j'attends de Sa façon de penser et de Sa grandeur d'ame qu'il ne m'exposera pas. Vous sentés bien, Monsieur, avec quelle impatience j'attendroi en son tems la gratieuse reponse de Majesté L'Imperatrice et avec quelle envie également je saisiroi toutes les occasions de Vous convaincre des sentiments de la plus haute consideration avec les quels je suis etc.

Герцогъ Вюртембергскій Екатеринѣ, 19 января н. с. 1785 г.

Madame!

Comme mon bonheur, celui de Ma Maison depend uniquement de Votre Majesté Imperiale et qu'il restera toujours entre Ses Mains, Il est de mon devoir d'oser deposer aux Pieds de Votre Majesté Imperiale touttes les occurences essentielles qui peuvent y avoir rapport et d'oser demander Sa gratieuse approbation.

Je viens de conclure une convention avec Sa Majesté L'Empereur, pour la cession d'un Corps de trouppes formé en Legion; Votre Majesté Imperiale en sera deja nformé par Son Ambassadeur à la Cour de Vienne, Le Prince Gallizin, sous la Protection du quel, Mon Ministre à la ditte Cour, à toujours ordre d'agir en toutes Ses actions. Comme le commencement de cette negotiation s'est faite dans un moment, ou la Republique de Hollande seule estoit le point de vue de La Cour Imperiale et que depuis ce tems, selon les apparences, d'autres Cours, nommement celle de France, semblent prendre part dans cette affaire, il est de mon premier devoir pour la conservation de Ma Maison et de mon peuple, de prendre toutte les precautions imaginables, pour que la ditte Cour de France, vue la situation de Mes Etats vis-à-vis d'Elle, ne puisse en aucune facon interpreter à mon desavantage le traité que j'ai conclue avec Sa Majesté L'Empereur à cet effet, je viens de suplier ce Monarque, de s'interesser pres de S: M: Tres Chretienne, pour que moiennant une declaration dans les formes et escritte, je sois rassuré, que la Conver-

tion mentionnée n'alterera en rien les sentiments que la Cour de France m'à temoigné jusqu'à present, d'autant plus, que le sisteme de Neutralité sera le seul quo je pourrai adopter et conserver pendant tout le tems que les des Unions pourroient subsister. Cette demande de ma part à esté accompagné d'une Seconde, pour que Mes trouppes cedées, soient envoié vers la Hollande et nullement d'un coté, ou directement n'y indirectement, Elles pourroient servir contre l'armée de France. La Puissante Protection de Votre Majesté Imperiale pourra tout faire pour Moi dans ce moment. Un Mot de Sa Part à Sa Majesté L'Empereur, Un mot au Roi Tres Chretien, et je seroi tranquille, content et heureux. Vous trouvés Votre Seul bonheur, Madame, à les faire, Ces heureux; Je sui et serai surement du nombre, car la haute et Puissante Protection de Votre Majesté Imperiale m'en est garand. La recconnoissance la plus respectueuse n'aura point de bornes et rien no pourra l'egaler, que les Sentiments du plus profond respect, avec les quels j'ai L'honneur d'estre

De Votre Majesté Imperiale,
Le tres humble et tres obeissant Serviteur et Cousin
Charles, D. d. Wttbg.

Stuttgardt, ce 19-me janvier 1785.

Копія письма герцога Вюртембергскаго Лербаху отъ 16 іюня 1785.

....Ich kann dem Hn. *Ministre* nicht bergen, dass Mir der Inhalt besagten Schreibens [1]) desto auffallender gewesen, als Mir dessen Gegenstand weder *directe* noch *indirecte* bisher ganz und gar nicht bekannt gewesen: Ich hofte S-e Kayserliche Majestät sind durch Beweise seit dem Jahrgang 1757 von meiner ungeheuchelten Denckungsart solchergestalten überzeugt, dass allerhöchst Dieselbe Mir diejenige Gerechtigkeit werden wiederfahren lassen, die dieses seltene in Deutschland kein Beispiel habende und Mir wie bekannt, so theuer gewordene Benehmen verdient haben mag.

Zu der Grossmuth S-er Kayserlichen Majestät verhoffe Ich, dass allerhöchst Dieselbe Mir auch vor die Zukunft den Weg bahnen werden in dieser Gedenkungs-Art ohnunterbrochen fortschreiten zu können.

Герцогъ вюртембергскій Екатеринѣ отъ 26 іюня 1785.

Le Comte de Romanzoff, ministre de Votre Majesté Imperiale pres de Ma Personne s'est aquitté avec le zele le plus ardent et que je connois à ce digne Ministre depuis le tems que j'ai l'avantage de le voir accredité à Ma Cour, des ordres qu'Il à recue, et m'à fait part des intentions gratieuses et satisfaisantes de Votre Majesté Imperiale, vis-à-vis du Corps Germanique.

Je suis entierement persuadé que ce Ministre aura rendue un compte exact de Ma reponse et de Ma facon de penser sur la situation presente des affaires de l'Allemagne, ainsi Votre Majesté Imperiale daignera agreer avec Sa bonté ordinaire, que j'ose m'y rapporter en toutte confiance, mais aussi qu'Elle me permette d'y ajouter, que Mon Sisteme est inebranlable, de deposer tout le bien estre present et futur de Ma Personne et de Ma Maison, au Pied de Son Throne, que c'est de Votre Majesté Imperiale, que j'attens avec pleine confiance, tout ce que je puis desirer pour parvenir par Ses bontés an Rang de L'Electorat, et donner par la un nouveau relief à une famille, qui à le bonheur sans egal, d'oser apartenir à tout ce qu'il y à de

---

[1]) Это—указаніе на циркуляръ князя Кауница отъ 11 мая 1785 г.

plus grand sur terre: Oui, Madame, Votre Majesté Imperiale est Ma Protectrice, et je suis le plus heureux des Mortels.

Osant, à ce que j'espere me flatter des bontés de Sa Majesté L'Empereur, à qui je suis et resterai toujours attaché par devoir et inclination, malgrés tout ce que la noirceur voudra faussement inventer, et à la Maison duquel j'ai donné depuis 28 ans des marques rares et non Equivoques de mon attachement, qu'y mont de touttes facon couté bien chers et d'ont l'on m'à bien fait sentir le poid, je suis persuadé, que par la haute Protection de Votre Majesté Imperiale ce Monarque donnera les mains aux vues pleines de Sagesse et de bonté de L'Auguste Protectrice d'une Maison, qui veut tout devoir à Votre Majesté Imperiale.

Je suis avec les sentiments du plus profond respect et de la confiance la plus soumise

De Votre Majesté Imperiale,
Le tres humble et tres obeissant Serviteu
et Cousin

Hohenheim, ce 26-me juin 1785. Charles, D. d. Wbg.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОПЕЧАТКИ и ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
5	10 св.	содѣйствовали	содѣйствовали его
11	20 —	предполагаемаго	предлагаемаго
23	21 —	стушевался	стушевывался
—	22 —	онъ	Кауницъ
—	1 сн.	87	87. — *Beer*: Die erste Theilung Polens. I, 8—10.
36	8 —	VI	IV
38	6 —	wachestehe	wachtstehn
40	7 св.	тѣмъ,	тѣмъ, какъ
41	10 сн.	габсбургскаго	(габсбургскаго)
—	4 —	поглощаетъ	поглотаетъ
48	4 св.	державъ	дворовъ
52	1 сн.	285	265
57	8 св.	иностранцевъ,	иностранцевъ 1),
—	1 сн.	1) *Ségur*, II, 144—146.	1) Гёрцъ у *Шмидта*: Unionsbestreb., 87 sq.—*Ségur*, II, 144—146.
—	2 —	1)	2)
65	4 —	pas	pasque
70	8 св.	Гогенфельсъ	Гофенфельсъ
—	4 сн.	ce	a
74	20 св.	um	von
76	3 сн.	4)	3)
79	6 —	курфюрстъ и эрц-канцлеръ имперіи	курфюрстъ
—	8 —	богатство и первостепенное	богатство и
84	15 —	Недавно	недавно, за обѣдомъ,
87	5 —	которая	которою
89	2 —	Grunde"	Grunde". *Görtz*, I, 246.
93	3 —	марта 1782	марта (2 апр.) 1781
101	6 —	204	172
105	4 —	года".	года".—Cf. *Görtz*, I, 258—262.—*Raumer*, V, 577.
122	13 —	и	ли
125	14 —	Екатеринѣ	Остерману
127	14 —	три	, при
135	4 —	17-го	16-го
—	9 —	Карла XIV	Карла XII

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
143	2 сн.	іюля	іюня
—	11 —	капитаны.	капитаны [1]).
—	15 —	только	толико
144	1 св.	дѣйствительно	дѣйствительно все
146	18 —	вѣдала все	вѣдала
162	2 сн.	курфюрстовъ	курфюрста
174	4 св.	царствъ	фюрстовъ
189	19 —	становится	становился
197	27 —	сказанномъ	сказочномъ
198	5 —	свободой	свободной
200	1 сн.	deprecateur	depreciateur
209	20 св.	знаніемъ	званіемъ
222	11 сн.	могущества	могущественнаго
—	13 —	отгонялъ	отклонялъ
230	17 св.	положеніемъ	положеніемъ Пруссіи
234	4 сн.	Гефена	Геерена
235	17 св.	свѣтскія	свѣжія
243	4 сн.	Два	Для
244	14 —	изъ	для
250	2 —	разводились	заводились
256	18 св.	Hochcensur	Nachcensur
—	24 —	станка	стойла
260	11 сн.	благоволеніе	благоговѣніе
271	11 —	персонально	персонально себя
279	6 —	19/30	19/30 іюня
291	15 —	высказываетъ	выказываетъ
302	1 —	Perty	Pertz
304	11 —	ганноверскаго	саксонскаго
315	16 св.	честний	частний
326	8 сн.	Kämmerer	Kämmerei
327	11 св.	V	XII
331	8 —	Фридрихъ-Карлъ	Карлъ-Фридрихъ
332	14 сн.	Фридрихъ-Карлъ	Карлъ-Фридрихъ
334	7 св.	изображенія	выраженія
—	5 сн.	графа	ландграфа
335	12 —	briller	vibrer
342	20 св.	когда	пока
—	21 —	пріобрѣсти	изобрѣсти
383	13 сн.	сію	сіи
384	18 —	учрежденнаго	учреждаемаго
—	1 —	4-го	14-го
408	4 св.	Д... в... д...	D... b... g...
414	11 —	неблагопріятнымъ	благопріятнымъ
—	27 —	Seggi	Leggi
—	39 —	Dottrima de Jesu	Dottrina di Gesu
—	— —	Erastatu	era stata
430	7 сн.	славенъ	слыветъ
432	6 св.	смути?	смуты
433	13 —	принадлежащихъ	принадлежавшихъ

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
436	6 св.	голосовъ	головъ
444	15 —	полковнику	полководцу
450	21 —	Струве	Струре
451	12 —	friesslichstes	priesslichstes
454	4 сн.	825	852
463	6 —	чины уніи	члены уніи
466	3 —	страны	старины
472	5 св.	развалившаяся	разваливавшаяся
476	8 —	крупными	крутыми
494	19 —	beydem	bey dem
—	33 —	unstässliche	unstössliche
496	24 —	Richtschmer	Richtschnur
497	4 —	aus brach	ausbrach
—	11 —	Aufrechterhaltung	Aufrechthaltung
498	11 —	noch	nicht
499	3 —	завязать	„завязать
506	19 сн.	не пріятель	непріятель
507	11 —	ея	своего

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

Спб., В. О., 2 л., 7.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 2 л. 7.

Бѣлинскій, В. Г., его жизнь и переписка. Соч. А. Н. Пыпина. 2 т. Ц. 4 р., въ перепл. 4 р. 50 к. съ пересылкою.

Драматическая Трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстаго. Ц. 2 р. в. 3 ф.

Его Превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперіи, Эм. Зола. Ц. 2 р.; в. 2 ф.

Около денегъ. Романъ изъ жизни фабричнаго села. Ал. Ан. Потѣхина. Ц. 1 р. 25 к.; в. 2 ф.

Всадникъ. Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкони. Ц. 1 р. 25 к.; в. 1 ф.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ, Сост. А. Н—въ. Ц. 1 р. 25 к.; в. 2 ф.

Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунѣева. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.; в. 1 ф.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху. 1799—1826. П. В. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к.; в. 2 ф.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Ц. 2 р. 50 к.; в. 2 ф.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ. Кн. А. Васильчикова. Два тома. Ц. 3 р. 50 к.; в. 6 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курскаго. Ц. 2 р.; в. 2 ф.

Русская Библіотека. Избранныя сочиненія: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго, Грибоѣдова, Тургенева. Шесть томовъ. Ц. 4 р. 50 к.; въ перепл. 6 руб.; в. 10 ф.

3 2044 009 824 798

